

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 236.4

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

В. Сид

1876
3

8741
110-2

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБЪ ОТКРЫТИИ ПОДПИСКИ

НА

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

въ 1876 году.

Журналь «ДЪЛО» будетъ выходить въ 1876 г. на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ и въ томъ-же объемѣ, какъ и въ прежнія девять лѣтъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛУ НА ГОДЪ:

безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
съ дост. въ Петербургъ	15 р. 50 к.
съ пересылкой	16 р.

Подписку просятъ адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала „ДЪЛО“, по Надеждинской ул., д. № 39; въ Москву, въ книжный магазинъ И. Г. Ссловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева. Только передъ тѣми подписчиками, которые подпишутся въ вышеозначенныхъ мѣстахъ, Редакція будетъ считать себя вполне ответственной за исправную и своевременную доставку журнала.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИЖКИ.

- Черноземныя поля. Романъ. Въ двухъ частяхъ. Часть первая. (Гл. VII—IX.) *Ев. Л. Маркова.*
- Заброшенный храмъ. Стихотвореніе. (Изъ Ф. Коппе.) *А. Михайлова.*
- Ренегатъ. Романъ. (Гл. VIII—XIII.) *Жюля Кларети.*
- Въ турецкомъ казематъ. Стихотвореніе. *В. И. Славянскаго.*
- Финансовый канканъ въ Австріи. (Ст. первая.) *С. С. Шашкова.*
- Безсонница. Стихотвореніе. (Изъ Т. Лидса.) *А. Константинова.*
- Хлѣба и зрѣлищъ. Романъ. (Гл. XVII—XXV.) *А. Михайлова.*
- Даніель Деронда. Романъ изъ современной англійской жизни. (Окончаніе 1-й части.) *Джорджа Эмонта.*
- Незамерзающая полынья. Стихотв. *М. П. Розетейма.*
- Религіозныя секты въ Америкѣ (Ст. вторая.) *М. Трио.*
- Ночныя пиры. Стихотвореніе. (Изъ Т. Лидса.) *А. Константинова.*
- Французское общество въ концѣ XVIII вѣка. (Ст. первая.) *П. Н. Гр—оли.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Наша журнальная прогрессивность. *Н. Языкова.*
- Сѣверо - Американскіе Соединенные Штаты послѣ столѣтняго существованія. (Окончаніе.) *В. Т.*
- Первобытная жизнь. *С. III.*
- Ученая близорукость. *Б. Л.*
- Новыя книги.
- Политическая и общественная хроника. *М. Трио.*
- Калейдоскопъ. Литературныя и общественныя замѣтки. *Н. Мизантропова.*
- Хроника книгопродавческихъ доблестей.

ПРОДА

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ, ОДОБРЕНО
ДЛЯ БИБЛИОТЕКЪ УЧЕБНЫХЪ
ЗАВЕДЕНІЙ.

ЖУРНАЛЬ ОХОТЫ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ПРИМѢЧАНІЕ: Лица, подписывающіяся въ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦІЙ (Москва, Петровка, домъ Самарной, и С.-Петербургъ, Малая Садовая, домъ Демидова, № 76) на оба издания, платятъ 16 р. безъ и 20 р. съ приложенными сборщиками. Абоненты 1876 года на одинъ изъ журналовъ могутъ высылать недостающія деньги и на томъ-же условіи приобретать издашія прежнихъ годовъ.

Въ 1876 г. часть хромолитографій и литографій ВЫПОЛНЯЕТСЯ ВЪ ЛИТОГРАФІИ ЛЕЖЕРСЬЕ ВЪ ПАРИЖѢ.

Въ конторахъ редакцій, а также у всѣхъ извѣстныхъ интипродавцевъ продаются слѣдующія новыя книги:
РЫБЫ РОССІИ. (640 стр.), съ 6 отд. картинами и 433 полнит. рыбъ и снарядовъ для ловли рыбъ. Описаніе образа жизни, ужения и ловли рыбъ. Большой томъ заведеній. Цѣна 3 рубля 50 копѣекъ.

ДОИСТОРИЧЕСКІЯ ВРЕМЕНА или первобытная эпоха человечества, представленная на основаніи изученія остатковъ архивнаго заведенія, съ 224 рисунками древн. оруд., намяткин., курган. и пр. Цѣна 3 р. 50 к.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПОДВОРЪ. Альфреда Русселя Уэллеса (автора сочиненія Малайскій Архипелагъ.) Цѣна 2 р.

НЕБЕСНЫЯ СВѢТІЛА. К. Фламаріона. Обширное изложеніе астрономіи. Съ 75 рисунками. Одобрено для библиотекъ учебныхъ заведеній. Цѣна 1 р. 50 к.

Выпущенныя книги изъ главной конторы редакцій въ Москвѣ за пересылку не прилагаютъ.

ПОЛУЛѢВНЫЙ естество-историческій сборникъ, издаваемый редакціей Л. П. Сабанѣева. Выходитъ еже-
годно. Роскошное изданіе на велен. бумагѣ. Выходитъ 4 книги въ годъ по 27 пет. лст. съ 100—150
рисунками въ каждой. **ПОДПИСНАЯ ЦѢНА** 8 р., съ перес. 9 р., отдѣльно каждая книга 2 р. Съ хромо-
литогр. и литогр. приложеніями (7—9 въ каждой книгѣ) 12 р., съ перес. 13 р. 50 к., отдѣльно 4 р.—
Книга, вышедшій въ 1873, 74 и 75 гг., можно выписывать изъ редакцій по 2 р. за книгу безъ приложеній
и по 3 р. съ пересылкой съ приложеніями; всѣ вышедшія книги съ подпиской на 1876 г. (14 томовъ) безъ
приложеній—25 р., съ приложеніями (около 100 хромолитографирован. и литографирован. животныхъ, ра-
стеній и т. п.) 38 р. съ пересылкой. **ВЫШЛА ПЕРВАЯ КНИГА НА 1876 г.** съ картой и 115 рисунками въ
текстѣ. При ней: 2 хромолитогр., 5 литографій и портретъ.

ОРГАНЪ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества охоты, издаваемый редакціей Л. П. Сабанѣева. Выходитъ еже-
мѣсячно съ хромолитогр. или литогр. въ каждой книгѣ (около 5 печатныхъ листовъ убористой печати,
не считая печатавшихся приложеній). Въ 1876 г. будетъ помѣщена статья **И. С. ТУРГЕНЕВА;** печатаются
особымъ приложеніемъ—„Записки цесаря охотника“ **П. М. Ягачаріанова,** „Охотничья птица Россіи“ **Л. П. Сабанѣева**—и будутъ выданы въ видѣ премій, по призыву 1876 года, нѣсколько хромолитографіями.
рисунковъ лучшихъ собакъ 2-й очередной выставки въ Москвѣ.—Подписная цѣна 8 р., съ пересылкой
9 р. (на полгода 4 р. 50 к., съ пересылкой 5 р.); съ 1875 г.—15 р., а съ 6 кв. 1874 года 19 р. съ
пересылкой. **ВЫШЛИ ЯНВАРСКАЯ И ФЕВРАЛЬСКАЯ КНИГИ.**

ПРИМѢЧАНІЕ: Лица, подписывающіяся въ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦІЙ (Москва, Петровка, домъ Самарной, и С.-Петербургъ, Малая Садовая, домъ Демидова, № 76) на оба издания, платятъ 16 р. безъ и 20 р. съ приложенными сборщиками. Абоненты 1876 года на одинъ изъ журналовъ могутъ высылать недостающія деньги и на томъ-же условіи приобретать издашія прежнихъ годовъ.

Въ 1876 г. часть хромолитографій и литографій ВЫПОЛНЯЕТСЯ ВЪ ЛИТОГРАФІИ ЛЕЖЕРСЬЕ ВЪ ПАРИЖѢ.

Въ конторахъ редакцій, а также у всѣхъ извѣстныхъ интипродавцевъ продаются слѣдующія новыя книги:
РЫБЫ РОССІИ. (640 стр.), съ 6 отд. картинами и 433 полнит. рыбъ и снарядовъ для ловли рыбъ. Описаніе образа жизни, ужения и ловли рыбъ. Большой томъ заведеній. Цѣна 3 рубля 50 копѣекъ.

ДОИСТОРИЧЕСКІЯ ВРЕМЕНА или первобытная эпоха человечества, представленная на основаніи изученія остатковъ архивнаго заведенія, съ 224 рисунками древн. оруд., намяткин., курган. и пр. Цѣна 3 р. 50 к.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПОДВОРЪ. Альфреда Русселя Уэллеса (автора сочиненія Малайскій Архипелагъ.) Цѣна 2 р.

НЕБЕСНЫЯ СВѢТІЛА. К. Фламаріона. Обширное изложеніе астрономіи. Съ 75 рисунками. Одобрено для библиотекъ учебныхъ заведеній. Цѣна 1 р. 50 к.

Выпущенныя книги изъ главной конторы редакцій въ Москвѣ за пересылку не прилагаютъ.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица соизволила разрѣшить изданіе Альбома, лично **Ея Величеству** принадлежащаго, въ пользу лазаретнаго дамскаго комитета Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ. Альбомъ **Ея Величества** составлялся въ продолженіи долгаго времени изъ акварельныхъ снимковъ съ лучшихъ произведеній знаменитыхъ живописцевъ, находящихся въ различныхъ картинныхъ галереяхъ Европы, а равно изъ рисунковъ съ натуры наиболѣе важныхъ памятниковъ древняго зодчества.—Рисунки были заказываемы извѣстнѣйшимъ современнымъ акварелистамъ и представляютъ по своему характеру, въ настоящую минуту, единственное въ Европѣ собраніе болѣе нежели въ 150 листовъ.

Изданіе такого цѣннаго собранія, порученное картографическому заведенію А. Ильина, кромѣ своей благотворительной цѣли, представляетъ собою капитальный вкладъ въ небогатый отдѣлъ художественныхъ произведеній, издаваемыхъ въ Россіи,—вкладъ, только потому оказавшійся возможнымъ, что чрезвычайно дорогіе акварельные рисунки, служащіе изданію оригиналами, составляютъ собственность **Ея Величества**.

Чтобы исполнить и другую цѣль, поставленную задачу при разрѣшеніи изданія — сдѣлать его доступнымъ большинству публики, оно будетъ появляться выпусками, отъ двухъ до трехъ въ годъ, по два рисунка въ каждомъ выпускѣ; цѣна 5 руб. сер. за выпускъ.

Подписка принимается: въ Музеѣ прикладныхъ знаній, въ Солянскомъ городѣ, у комисіонера музея г. Фену; въ дамскомъ лазаретномъ комитетѣ (на Пескахъ, въ рождественской больницѣ), въ географическомъ магазинѣ главнаго Штаба (на Дворцовой площади), въ картографическомъ заведеніи А. Ильина (Екатерингофскій проспектъ, домъ № 11—43) и въ магазинѣ эстамповъ Бегрова (на Невскомъ просп.)

При этомъ выдается 1-й выпускъ, состоящій изъ двухъ рисунковъ:

1. Портретъ молодого человѣка, съ картины Франческо Франча, находящейся въ картинной галереѣ Лувра въ Парижѣ.
2. Портретъ Рембрандта, снимокъ съ портрета имъ самимъ написаннаго, находящагося въ картинной галереѣ Бельведера въ Вѣнѣ.

О выходѣ 2-го выпуска будетъ объявлено въ газетахъ своевременно. За пересылку и упаковку слѣдуетъ прилагать за 8 фунтовъ, по разстоянію, за выпускъ.

Подписчики будутъ получать выпуски первыми, и если останутся лишніе экземпляры, то они будутъ продаваться въ мѣстахъ подписки.

Каждый выпускъ высылается по адресу по полученіи отъ подписчика назначенной платы за выпускъ. — Подписчикъ, невзавшій выпускъ въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ по объявленіи о выходѣ его, считается нежелающимъ продолжать полученіе.

ВЫШЛА И ПРОДАЕТСЯ СЛѢДУЮЩАЯ КНИГА:

ОСНОВЫ ДЛЯ УХОДА
ЗА ПРАВИЛЬНЫМЪ РАЗВИТІЕМЪ
МЫШЛЕНІЯ И ЧУВСТВА.

М. ЗЕЛЕНСКАГО.

Томъ I, цѣна 3 р. 50 к., съ пересылкой во все города Россіи 4 р. Покупавшимъ не менѣе 5 экзмп. 20 проц. уступки. Главный складъ у автора, въ С.-Петербургѣ, у Семеновскаго моста, по Фонтаннѣ, д. № 63. Кромѣ того, можно обращаться черезъ Главную Контору журнала „Дѣло“ (по Надеждинской д. № 39—5), а также въ книжные магазины Я. А. Исакова, Глазунова и „Русской Книжной Торговли“, Невскій, д. № 42.

Подписчикамъ на журналъ „Дѣло“ дѣляется уступка 20% съ номинальной цѣны.

СОДЕРЖАНИЕ:

Введение. Обязанности родителей относительно дѣтей.—Гдѣ родители должны искать счастья своимъ дѣтямъ?—Стремленіе къ собственному счастью каждаго человѣка.—Искусство жизни.—Главные источники правилъ этого искусства.—Вліяніе культуры на жизнь и благоденствіе человѣка.—Уходъ воспитателя.—Общество, какъ воспитатель.

СОДЕРЖАНИЕ I-я ЧАСТИ.

Гл. I. Отношеніе головного мозга къ мыслевому процессу.—Гл. II. Отношеніе внѣшняго міра къ интеллекту.—Гл. III. Преобразование внѣшнихъ силъ въ интеллектуальныя.—Гл. IV. Очеркъ интеллектуальнаго развитія со дня рожденія, составленный на основаніи внѣшнихъ проявленій.—Гл. V. Интеллектуальныя формаціи представляютъ свойства органическихъ тѣлъ.—Гл. VI. Механика интеллектуальныхъ движеній.—Гл. VII. Очеркъ объективнаго метода психологическихъ отправленій вообще.

СОДЕРЖАНИЕ II-я ЧАСТИ.

Гл. I. О воспріятіяхъ и ощущеніяхъ.—Правила для развитія способности наблюденія.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

БАРЧУКИ.

(КАРТИНЫ ПРОШЛАГО.)

Сочин. Евг. Маркова. Ц. 1 р. 75 к.

Подписчикамъ журнала „Дѣло“ утѣляется 20%.

Складъ изданія при типографіи Стасюлевича. Вас. Остр. 2 лин.
д. № 7.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

ДѢТСКІЙ САДЪ.

Въ 1876 г. педагогическій журналъ „Дѣтскій садъ“ будетъ выходить ежемѣсячно по прежней программѣ. Особенное вниманіе будетъ обращено на статьи по воспитанію вообще и отдѣль критики и библиографіи. Въ отдѣлѣ для дѣтскаго чтенія будутъ помѣщены рассказы, біографіи, этнографическіе очерки: за первое полугодіе для дѣтей старшаго возраста, за второе—для младшаго. Въ журналѣ будутъ принимать участіе: А. Михайловъ (Шеллеръ), О. Н. Поповъ, А. Плещеевъ, М. З. Суриковъ, С. Самойловичъ, Е. Бороздина, Е. И. Конради и М. Артемьева (псевдонимъ). Въ №№ 1-мъ и 2-мъ помѣщены статьи: „Что такое характеръ?“ „Нравственное чувство“. Въ отдѣлѣ для дѣтскаго чтенія: Маленькій батракъ, Жизнь Мери Сомервилль. Впродолженіи года редакція надѣется дать рядъ статей о воспитаніи характера и преимущественно о воспитаніи женщины-матери. Цѣна 5 руб. съ пересылкой и доставкой. Подписка принимается исключительно въ редакціи журнала: Галерная, № д. 46, кв. 10, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Контора редакціи: въ книжномъ магазинѣ Для Иногородныхъ, Невскій проспектъ, № д. 44.

Редакторъ Е. Н. Бороздина.

Издатель В. И. Уггла.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

№ 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ 'В. ТУШНОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.

1876.

△
P Slav 236.4 (1876, no. 3)

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 марта 1876 года.

ЧЕРНОЗЕМНЫЯ ПОЛЯ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

VII.

Надя — въ народѣ.

Обѣдня кончалась и старый дьячекъ Яковъ, съ заплетенною желтою косою, въ новомъ шитомъ поясѣ и новомъ кафтанѣ по пятки, по приказанію протопопа, вынесъ на блюдцѣ четыре просфоры: Силаю Кузьмичу, госпожѣ Каншиной, госпожѣ Обуховой и Коптеву. Когда онъ несъ Коптеву послѣднюю просфору и поравнялся съ Надею, старикъ вдругъ весь ослабился радостной улыбкою и съ глубокимъ поклономъ безотчетно протянулъ Надѣ блюдо съ просфорою. Надя взяла и сконфузилась, а растерянный старикъ глупо ухмылялся, шепча черезъ народъ какія-то извиненія Коптеву. Протопопъ выслалъ Коптеву пятую просфору, обозвавъ Якова силоамскою ослицею.

Кончился и молебень. Деревенскій народъ не спѣшилъ домой; частью выступилъ въ ограду и на паперть, частью остался въ церкви позѣвать на разѣвжающихся господъ. Силай Кузьмичъ съ важнымъ и озабоченнымъ видомъ толкался среди народа, приглашая господъ къ „пирожку“.

Надя съ своимъ дѣтски-счастливымъ личикомъ также была среди народа. Это все почти были ея знакомцы, почитатели и друзья. Забывъ совершенно про остальную публику, которая ее очень мало интересовала, Надя пробиралась къ спасскимъ и пересухинскимъ бабамъ, у которыхъ на рукахъ были грудные ребята, завернутые въ армяки. Она ихъ примѣтила еще во время при-

частія, когда они подняли писецъ на всю церковь. Маленькія дѣти, щенята, цыплята, все маленькое, безсильное, нуждающееся въ ласкѣ и заботѣ, были слабостью Нади. Она знала на память всѣхъ дѣтей окрестности, знала не только ихъ имена, но и кто когда родился, кто чѣмъ болѣнъ, кто на кого похожъ, кого мать любить, за кѣмъ дурно ходить... Она была общею попечительницею и защитницею дѣтей, бранилась за нихъ съ матерями, съ бабками, стыдила отцовъ, учила, лечила, грозила,—гдѣ что было нужно. Бабы любили и почитали коптевскую молодую барышню больше всѣхъ сосѣдей и довѣряли ей во всемъ. Мужики называли ее „умницей“ и „золото-барышней“, „нашей барышней“. Къ ней носили читать и писать письма; чуть не въ каждомъ дворѣ она была кумою.

— Здравствуйте, свѣтъ-барышня, здравствуйте, голубонька, раздавалось кругомъ, когда Нада шла черезъ толпу.

Она остановилась около одной низенькой, загорѣлой женщины въ бѣлой повязкѣ и синемъ армякѣ, подъ которымъ былъ спрятанъ младенецъ.

— Ты зачѣмъ-же, Арина, принесла сюда Платошу? спросила она неодобрительно.

— Охъ, голубушка-барышня, да вѣдь надо-жъ ему сподобиться святыхъ тайнъ, жалостливо отвѣчала баба.—Глянька-сь на него, еле душенька держится.

Она отвернула армякъ и раскрыла изъ грязнаго одѣяла голаго, немитаго ребенка съ раздутымъ животомъ и худенькими ножонками...

— Безстыдница ты старая! гнѣвалась на Арину Нада, шевеля своимъ розовымъ пальчикомъ губки ребенка;—онъ у тебя заплесневѣлъ совсѣмъ; у него плеснявка во рту. Приди сегодня ко мнѣ, возьми лекарство и мажь ему непремѣнно каждый день два раза.

Бабы съ ребятами на рукахъ столпились кругомъ и поглядывали въ глаза Нади съ сочувственнымъ любопытствомъ.

— Отчего у него животъ такой большой? допытывалась Нада у Арины.

— Господь его, матушка, вѣдаетъ... Стальъ вотъ расти-рости и ростеть-себѣ. Бабка ему-было повивальникомъ стягивать стала, такъ рваться стала... видно, туго.

— Ты его хлѣбомъ поменьше пичкай, а подкармливай молокомъ, коли своего мало, журила Надя. — Да мой почаще; онъ у тебя отъ грязи спрѣлъ.

— Слухаю, матушка, слушаю, со вздохомъ говорила Арина, подперши щеку рукою;—ужо ворочусь—вымою.

— Барышня, а Лизѣ моей прикажешь все-таки полныя пить? освѣдомилась другая баба.

— Развѣ не унимается!

— Нѣтъ, слава те Господи, ворогуша бросила, только слухи совсѣмъ нѣтъ; ноги, руки какъ плети стали.

— Попой еще полныю дня три, да приходи ко мнѣ связать.

— А что, Марфа, мужъ твой пересталъ пьянствовать да колотить тебя?

Всѣ бабы громко засмѣялись.

— Ишь, барышня наша все знает!

Марфа засовѣстилась.

— Что-жь дѣлать, барышня! съ притворной кротостью отвѣтила она. — Нашего брата не учить, такъ и добра не видать. Онъ мнѣ не чужой, а мужъ; ему законъ велитъ жену разуму учить; говорится: мужъ бьетъ—тѣло радуется.

— Ты-бы сама его лучше разуму учила да деньги прятала; такъ у васъ-бы во дворѣ порядокъ былъ, а не разоренье.

— Вотъ, барышня—умница, дѣло говорить, право, дѣло! подержала Надю высокая баба съ грубыми и рѣшительными голосомъ. — Я свою дурака такъ-то поучила раза два емкомъ по боку, такъ онъ бросилъ бабы крѣсна изъ кѣлти по кабакамъ таскать...

Бабы засмѣялись, загадѣли—всякая свое.

— Матушка-кумушка, здравствуйте! раздался около Нади новый голосъ, и молодая, румяная баба въ яркомъ французскомъ платьѣ, съ рогами на головѣ, протиснулась сквозь народъ, сопровождаемая молодымъ парнемъ съ розовой косынкой кругомъ шеи, и полѣзла цѣловаться съ Надею.

— Здравствуй, кума, здравствуй, кумъ! отвѣчала Надя, обшвиваясь громкими поцѣлуями съ молодухой и потомъ съ парнемъ. — Какъ поживаешь? Довольна своимъ муженькомъ?

— И-и, сударыня-кумушка, бойко отвѣчала молодуха, хитро поглядывая на мужа. — Мужья, извѣстно, навсегда ласковы на пер-

внечахъ; теперича-то жизнь сладка, каково послѣ будетъ, когда старая стану да беззубая.—Потомъ она прибавила другимъ, болѣе серьезнымъ голосомъ:—нѣтъ, барышня, клепать не зачѣмъ; тако-го-таки мужа, какъ мой Африканъ Савичъ, поискать... Ужь такъ-то меня, глупую, почитаетъ и покоитъ, что и говорить нечего.

— Такъ и слѣдуетъ, увѣренно поучала Надя молодого мужа.— А какъ онъ станетъ у тебя баловаться да тебя обижать — приходи къ кумѣ, я его проучу тогда.

— Съ чего-жъ я стану обижать, конфузливо и радостно бормоталъ молодой парень, переминая въ рукахъ новую шапку и съ торжествомъ поглядывая на красивую жену. — Она у меня баба ничего... справная.

— А живъ мой теленочекъ?

— Живъ, матушка, живъ. Такой шустрый сталъ, брыкается, въ избѣ хоть не держи, все перебьетъ, ужъ стала его съ зеленчуками на траву пускать.

— И бѣлохвостенькій живъ?

— Захворалъ что-то, родимая; подъ глоткою опухъ сдѣлался, боимся—пропадетъ.

— А ты-бы дала мѣлу съ желткомъ...

— Мѣлу-то? что-жъ, мѣлу можно дать, коли помогаетъ.

— Таперича скрозь на телятъ опухъ этотъ самый нападаетъ, заговорили бабы.—А то еще индюшки съ чего-то сталидохнуть. Ужь и сами не знаемъ, съ чего.

— А вы-бы загоняли на ночь въ избу, учила Надя,—онѣ у васъ небоись подъ дождемъ ночуютъ, а индюшка мокроты не любитъ. Онадохнетъ отъ мокроты.

— Это точно, что не любить! опять поддержала высокая баба.—А вотъ я тебѣ, мать, скажу: пушистый у насъ сталъ птицу донимать,—Богъ меня убей,—что ни ночь, то и зарѣжетъ, то и зарѣжетъ. Изволишь, барышня, помнить, у меня индюшка-то бѣлая была-а?.. Вашего-таки, признаться, барскаго завода, еще отъ твоей покойницы разжилась... Что-жъ я вамъ, бабы, скажу: высидѣла это она семнадцать индюшатъ, всѣ, какъ на подборъ, бѣлые... да ядренные такіе, большеногіе... Перерѣзалъ, проклятый, на прошедшей недѣлѣ тринадцать индюшатъ; теперь и заводу осталось — четыре индюшонка.

— Кто-жъ перерѣзалъ? спросила Надя.

— Да, сказываю, пушистый; лись это, стало, прозывается. Въ раззоръ разорилъ окаянный звѣрь.

Противъ лиса и Надя не могла ничего придумать. Между тѣмъ среди разнообразныхъ сѣтованій и новостей, которыми ее осыпали ея безхитростныя пріятельницы, Надя вдругъ замѣтила восьмилѣтняго мальчугана въ розовой новой рубашкѣ, топырившейся, какъ парусъ. Мальчикъ просунулъ бѣлокурую головенку изъ толпы и смотрѣлъ на барышню съ добродушнымъ любопытствомъ своими красивыми голубыми глазами.

— Неужели это Федотъ? обрадовалась Надя, приближаясь къ мальчику и отыскивая глазами его мать.

— Хведотка, матушка, Хведотка, отвѣчала съ поклономъ мать, польщенная вниманіемъ, и для приличія тотчасъ-же утерла пальцемъ носъ Федоткѣ.

— У-у! какой большой выросъ! молодецъ, Федотушка, женихъ у меня совсѣмъ! ласкала его Надя, присѣвъ наравнѣ съ его ростомъ. — Да какой красавецъ сталъ!... Это кто-жь тебѣ рубашку новую купилъ?

— Тятка, бормоталъ самодовольно Федотъ, оглядывая себя.

— Отецъ его, матушка, побаловалъ, въ видѣ извиненія говорила мать. — Телушку въ Вознесенье продавалъ, привезъ малому рубаху... Онъ-таки его, признаться, облюбовалъ и балуетъ. Малый тихій, ласковый... вотъ и балуетъ... Что-жь, въ этомъ нѣтъ грѣха.

— А поясокъ, вѣрно, бабка ткала? допрашивала Надя, искренно заинтересованная Федоткою и разсматривая его кругомъ въ прежней полусидячей позѣ.

— Ишь, барышня голубушка! утѣшалась мать Федотки;— все распытать хочеть!.. Бабушка, точно, ткала, кому-же больше, сама изволишь знать. Мнѣ всегда недосугъ.

Бабы толпились надъ головою присѣвшей Нади и принимали участіе въ осмотрѣ Федотки, приговаривая всякія шуточки. Надя совсѣмъ забыла, что въ церкви есть другая публика, и еще менѣе подозрѣвала, что кто-нибудь могъ слѣдить за нею. А между тѣмъ Суровцовъ давно стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Нади, увлеченный простотою и искренностью, съ которою эта милая дѣвушка встрѣчала своихъ сармяжныхъ пріятельницъ. Когда Надя встала съ колѣнъ и, окруженная толпою бабъ, пошла къ нищимъ

раздавать мѣдныя деньги, Суровцовъ тоже вспомнилъ, что у него была мелочь въ карманѣ, и захотѣлъ раздать ее.

— Нѣтъ, тебѣ не дамъ, не стоишь! убѣдительно говорила Нада старому отставному солдату съ сизымъ носомъ.—Я тебѣ дала въ прошлый разъ пятакъ, а потомъ вижу—ты въ кабакъ отправляешься. Не прогнѣвайся-же теперь.

— Матушка-барышня, пожалуй-ста убогонькой! голосила слѣпая старушка, скорчившаяся у притолки. Нада подала ей монету и въ эту минуту услышала сзади себя звукъ денегъ. Оглянувшись, она увидѣла какъ-разъ за собою Суровцова.

— А! и вы нищенкамъ раздаете? засмѣялась она въ отвѣтъ на его откровенную улыбку.—Только этой ужъ больше не давайте, я дала ей три коп.; а вонъ послѣднимъ двумъ недостало... Вы бы имъ дали.

— Хорошо, хорошо, твердилъ улыбающійся Суровцовъ, пробираясь по указанію Нади.—Какой-же давать? вотъ этой?

Ему сдѣлалось почему-то такъ весело на душѣ, словно онъ возвратился къ счастливой порѣ дѣтства.

На приступкѣ алтаря, въ проходѣ ограды, отдѣлявшей клиросы и алтарь отъ храма, собралась цѣлая толпа мужчинъ вокругъ Лидочки. Она стояла вся на виду публики, спиной къ царскимъ вратамъ, и молча выслушивала любезности и остроты своей компаніи. Даже сиволанне прилѣпскіе мужички, вообще мало склонные къ художественнымъ наслажденіямъ, поневолѣ зазѣвались на эту стройную и высокую красавицу, стоявшую надъ толпой въ сознаніи своего очарованья. Лида опустила по колѣнямъ свои длинныя, изящныя руки, сложенныя вмѣстѣ съ какою-то кокетливою трогательностью, и изъ волнъ бѣлокурыхъ волосъ, осыпавшихъ ей плечи и голову, смотрѣла вдаль, въ дверь отвореннаго храма, съ выраженіемъ утомленнаго серафима. Мужчины, молодые и старые, толпились вокругъ. Даже старикъ Коптевъ мѣлѣлъ въ глубинѣ своей толстокожей души передъ неотразимымъ образомъ этой дѣвушки и вмѣстѣ съ другими пробовалъ занимать ее своими грубыми размышленіями и остротами по поводу происходившаго. Для Лиды будто не существовали ея собесѣдники. Ей вдругъ ужасно понравилась ея поза Миньоны, жаждущей умчаться вдаль, и она

съ какимъ-то ребяческимъ кокетствомъ мучила своимъ наиграннымъ молчаніемъ и прелестью своей позы беззащитно предавшихся ей кавалеровъ. Всѣ ждали, пока разъѣдутся, а между тѣмъ никто не убѣждалъ. Дамы сошлись не далеко отъ Лидинаго роя, и госпожа Каншина изливалась генеральшѣ въ утонченныхъ любезностяхъ, а три дѣвицы Каншины съ скромнымъ достоинствомъ говорили съ старшими Коптевыми.

— Нѣтъ, это вамъ неизвинительно, моя дорогая генеральша! съ жаромъ убѣждала по-французски госпожа Каншина Татьяну Сергѣевну;—мы такіе близкіе съ вами сосѣди и почти никогда не видимся... Знаете, необходимо подавать другъ другу руку помощи въ этой дикой пустынѣ, гдѣ отвынешь глядѣть по-человѣчески... *Qui se ressemblent, s'assemblent...* Нѣтъ, вы мнѣ непременно даете слово, что первое воскресенье вы у меня съ вашею очаровательною дочкою.

— О, моя добрая madame Каншина, непременно, непременно, отвѣчала растроганная Татьяна Сергѣевна; несмотря на свою свѣтскость, она искренно вѣрила, что всѣ чувствуютъ къ ней особенную нѣжность.

— Вы не повѣрите, дорогая Татьяна Сергѣевна, восторгалась госпожа Каншина,—съ какимъ наслажденіемъ смотрю я на этого прелестнаго ребенка... на вашу Лидочку. Столько наивности, столько прелести!

— Добрая, добрая, madame Каншинъ, таяла генеральша, сжимая въ объихъ своихъ пухлыхъ ручкахъ руку сосѣдки.—Вы сами мать и поймете, какое счастье доставляете мнѣ этими словами... *J'ai beaucoup souffert, madame Каншинъ*; о, я много страдала, но въ ней я награждена за все.

— *Oh, le bon Dieu est si juste, si juste!* закатывала глаза къ небу madame Каншина.

— Милая madame Каншинъ, такъ пятнадцатаго вы къ намъ, не правда-ли? сказала Татьяна Сергѣевна.—Съ вашими прекрасными дѣвицами... Всею семьєю. По-деревенски: откушать чашку молока... О, мы должны быть съ вами друзьями. Еще наши матери были пріятельницы.

Увѣреніяжъ госпожи Каншиной не было конца.

Барышни Каншины бесѣдовали значительно сдержаннѣе, чѣмъ маменька, вѣроятно, потому, что маменька строго требовала отъ

нихъ разговоръ дѣльныхъ и обстоятельныхъ, въ родѣ отдѣльныхъ главъ поучительной книги для юношества. Такъ-какъ оригинальныя и маловоспитанныя Коптевы не особенно охотно поддерживали тему, выбранную на этотъ разъ ученою mademoiselle Зоєю Кавшиной, о томъ, что праздникъ Троицы есть праздникъ природы, торжествующей надъ враждебными стихіями, и что будто бы по этой причинѣ еще древніе евреи устраивали въ это время свой праздникъ кущей,—то, естественно, бесѣда не могла выйти особенно оживленною. Только-что старый Коптевъ, совѣмъ распыротившійся отъ Лидочкиной красоты, простился съ нею, чтобы вести своихъ дочерей,—Суровцовъ подошелъ къ группѣ Лиды.

— Вы помѣстились, какъ архіерей, благословляющій паству! сказалъ онъ Лидѣ, смотря на нее во всѣ глаза съ нескрываемымъ наслажденіемъ.

Лиды почувствовала его взглядъ; ей было очень пріятно, что онъ оставилъ, наконецъ, Надю и вступилъ въ ряды ея свиты. Собственно Суровцовъ ей былъ больше ненуженъ и неинтересенъ, но ея сердце уже начинало жаждалъ власти и уже привыкло чувствовать досаду на всякое мятежное отношеніе къ обаянью ея собственной красоты.

— Не знаю, похожа-ли я на сѣдого архіерея, съ острою улыбкою возразила Лиды.— А я сама все время любовалась, какъ покорно вы шествовали по пятамъ Нади Коптевой; она была чистая королева изъ среднихъ вѣковъ, посѣщающая убогихъ и прокаженныхъ, а вы—ея grand'aînonièr, великій раздаватель милостыни.

Протасевъ очень одобрилъ мѣткое сравненіе Лиды и поддерживалъ его рядомъ колкихъ остротъ, ко всеобщему веселью обуржуазившихъ.

Когда Лиды Обухова сошла, наконецъ, съ своего пьедестала и была, въ шумномъ триумфѣ, словно пронесена толпою мужчинъ до экипажа, едва нагоняемаго запыхавшеюся Татьяною Сергѣевною и чахоточною англичанкою,—всѣ стали развѣзаться. Протасевъ предложилъ Суровцову верховую лошадь отправить домой и сѣсть съ нимъ въ коляску. Къ церковной оградѣ подъехала щегольская варшавская коляска темно-синяго цвѣта, обитая синимъ, четверкою въ рядѣ. Массивный красавецъ-кучеръ, съ бородою, черною, какъ сажа, въ черномъ армякѣ, съ синимъ поясомъ, держалъ этотъ четверикъ на синихъ возжахъ, далеко вытянувъ

руки. Дорогіе воронныя рысаки, безъ отмигиванья, въ тонкихъ серебряныхъ хомутахъ, мастерски подобранные, мастерски выхолощенные, горячо топтались на мѣстѣ и цѣнили удила, подрагивая жилками, закладывая уши при всякомъ неожиданномъ звуцѣ.

— Прѣзжай ихъ немножко, а то застоились! приказалъ Протасьевъ, нѣсколько мгновений нерѣшавшійся садиться.

Не успѣлъ кучеръ тронуть возжами, какъ правая пристяжная, чѣмъ-то испуганная, понеслась въ карьеръ. Дышловыя подхватили, и, при общемъ крикѣ народа и кучера: сторонись, сторонись!—облако пыли, какъ буря, понеслось черезъ выгонъ. Ни коляски, ни лошадей уже нельзя было разглядѣть.

— Ничего, у меня хорошій кучеръ. Онъ справится, хладнокровно замѣтилъ Протасьевъ. — Пойдемте, пока побродимъ по этому татарскому становью.

Они пошли съ Суровцовымъ къ кучкѣ балагановъ, гдѣ продавался привезенный изъ Шишей на ярмарку гнилой красный товаръ подъ названіемъ бабьяго. Множество телѣгъ съ поднятыми вверхъ оглоблями, мужицкія кобылы и телушки, привязанныя къ градкамъ, станы колесъ, наваленныя въ костеръ,—загромождали обширный выгонъ села Троицы, что на Прилѣпахъ. Бабы и мужики, красные отъ водки и жару, толкались въ этой тѣснотѣ сплошною волною, и отъ галдѣнья этихъ деревенскихъ глотовъ далеко въ воздухѣ стоялъ ярмарочный гулъ. Бревна съ досками, деревенской посудой и горшками устроились отдѣльнымъ станомъ, прямо подъ открытымъ небомъ. Бабы обсыпали макowymъ цвѣтомъ своихъ нарядовъ кучи горшковъ и кубановъ.

— Пойдемте къ бабамъ, предложилъ Протасьевъ.

— Батюшки! вы тутъ какими судьбами? спросилъ озадаченный Суровцовъ, среди толпы бабъ вдругъ наткнувшись на Надю.

Средневѣковая королева была вся поглощена подробнымъ изслѣдованіемъ каменной свистульки, цѣною въ двѣ копейки серебромъ. Еще пять такихъ-же свистулечъ, повидимому, уже отобранныхъ, лежали около нея въ носовомъ платкѣ. Только-что она вздумала пробовать чистоту тона этого дешеваго музыкальнаго инструмента и взяла въ свой ротикъ зеленый, поливанный носикъ свистульки, какъ совершенно некстати подошли къ ней Протасьевъ и Суровцовъ. Суровцовъ еще-бы ничего, она его не очень стѣснялась, но Протасьева Надя не долюбивала и немножко боялась.

— Что вы тутъ дѣлаете, Надежда Трофимовна? повторилъ съ изумленіемъ Суровцовъ.

У Нади покрасѣли не только кончики ушей, но даже бѣлки глазъ.

— Право, я это не для себя! умоляющимъ голосомъ отвѣчала она Суровцову.—Это для ребятишекъ... Они всю недѣлю учились хорошо... Я имъ и общала.

Широкое и бѣлое, какъ мраморъ, лицо Протасьева раздвинулось еще шире отъ какой-то гадливо-любопытствующей улыбки.

— Mais qu'est-ce que c'est donc?.. Что это такое? спросилъ онъ сквозь свои бѣлыя, стиснутые зубы, озирая сквозь золотой лорнетъ безхитростный деревенскій товаръ.

— Свистульки; развѣ вы не видите? обидѣлась Надя, завязывая въ платокъ свою покушку.

— Comment, comment vous dites? бормоталъ Протасьевъ, не переставая улыбаться той-же обидною улыбкою.—Сосульки... сви-стульки... quelle bête de nom! Что-же съ ними дѣлаютъ, съ этими сосулками... или какъ вы ихъ тамъ зовете?

— Ужъ будто вы никогда не видали свистулেকъ! рѣзко отвѣчала Надя, которая начинала сильно сердиться на снисходительно-презрительный тонъ Протасьева и считала его за притворство и модничанье—двѣ вещи, ей особенно ненавистныя.—Или ихъ нѣтъ у васъ за границей? (Она нахѣренно сдѣлала удареніе на словѣ „у васъ“.)

— У насъ за границей, кажется, нѣтъ, сколько я замѣтилъ, хладнокровно сказалъ Протасьевъ съ такимъ-же удареніемъ на словѣ „у насъ“.

— Ахъ... вотъ что!..—Надя не находилась, что-бы такое сказать ей ѣдкаго и обиднаго Протасьеву. Его наглая, сытая физиономія, съ золотымъ рипсе-пез и сверкающими, оскаленными зубами, возмущала ее до глубины души.—Значить, вы и ребенкомъ никогда не были, вдругъ прибавила она поспѣшно, просіявъ дерзкой улыбкой.— Неужели вы такъ и родились, въ очкахъ и съ лысиной?

Надя была въ высшей степени довольна своею дерзостью. У Протасьева слегка дрогнула нижняя губа и онъ замѣтно поблѣднѣлъ; однако, онъ отвѣтилъ совершенно развязно и весело:

— Слышите, Суровцовъ, какъ достается нашему брату стари-

ку?.. Вотъ вамъ, юному профессору, навѣрнее не скажетъ этого ни одна наша деревенская барышня!

Послѣдній титулъ Протасьевъ прибавилъ съ слабой надеждой узвѣить свою обидчицу. Надя взглянула на Суровцова и прочла въ его добродушной улыбкѣ полное сочувствіе своей выходкѣ. Это ее окончательно ободрило.

— За что-же ему? сказала она спокойно. — Онъ добрый и простой.

— А я? допрашивалъ, словно шута, Протасьевъ, далеко нерасположенный шутить въ эту минуту.

— А вы?..—Надя помолчала, что-то обдумывая и глядя ему въ глаза съ выраженіемъ открытаго вызова. — Вы злой и притворщикъ!

Она взяла въ эту минуту свой узелокъ и раскланялась съ кавалерами, не подавая руки.

— Куда-же вы? гдѣ Трофимъ Ивановичъ? спросилъ ее въ догонку Суровцовъ.

— Отецъ заѣхалъ къ Лаптеву, на пироги... А мы ждемъ у матушки.

— У матушки?.. Qu'est-ce que ça veut dire „у матушки“? нарочно спросилъ Протасьевъ, боявшійся обнаружить свой внутренній гнѣвъ.

— У попады! спокойно отвѣчала Надя, не оборачиваясь и не убавляя шагу.

Къ Протасьеву подѣзжалъ въ это время усталымъ шагомъ взмыленный четверикъ.

— Сядемте теперь, пригласилъ онъ Суровцова.

Когда спокойная коляска спокойно покатила по зеленому выгону, мягко покачивая ихъ на своихъ покойныхъ ресорахъ, Протасьевъ снялъ свое рипсе-пез, внимательно обтеръ его батистовымъ платкомъ и сказалъ Суровцову, сморщивъ свой мраморный лобъ:

— А презлой, однако, котенокъ эта Надя Кошчева.

— И прехорошенькій, во всякомъ случаѣ! добавилъ со смѣхомъ Суровцовъ.

VIII.

Мировой судья.

— Отецъ! можно войти? постучала Надя въ дверь кабинета съ не совсѣмъ спокойнымъ чувствомъ.

— Кому это опять тамъ нужно? когда это вы меня въ покоѣ оставите? сердито закричалъ изъ кабинета Трофимъ Ивановичъ.

— Это я, Надя... вы теперь одни, папа? Можно войти? настаивала Надя.

— Одни... одни... хотѣлъ-бы быть одинъ, да съ вами долго одинъ насидишься... съ шлындрами... То-и-дѣло шлындрають, то одна, то другая... Чего это еще понадобилось?

— Папа, можно васъ попросить объ одной вещи? сказала Надя, покраснѣвъ и не глядя на отца.

— Некогда мнѣ тутъ съ твоими просьбами возиться! горячился Трофимъ Ивановичъ.— Нашла время! Тутъ и безъ твоихъ просьбъ навалили столько, что самъ чортъ ноги поломаешь... Вонъ ихъ тамъ въ камерѣ понабилось небойсь, что пройти нельзя... просильщиковъ этихъ. Шутка сказать: двѣнадцать дѣлъ въ день разбери... ихъ, подлецовъ, много, судильщиковъ этихъ поганыхъ, а судья-то одинъ.

— Видите, папа, продолжала Надя, хорошо знавшая манеру отца и незаstraшенная его грозною руганью.—Сегодня будетъ судиться Василій Мелентьевъ...

— А тебѣ что до Василя Мелентьева? окрысился на Надю Трофимъ Ивановичъ.—Ишь проявилась Марьяна-старлица — за всѣхъ передъ Богомъ печальница! Привели судиться, значить за дѣло. А за дѣло въ Сибирь упрячу. Я этихъ вашихъ сантиментальностей слушать не большой охотникъ. У васъ все „честные да добродѣтельные“, пока эту невинную кровь по Владиміреѣ не угонять. Заступницы какія повадились!

— Старшина, папа, кругомъ виновать, продолжала Надя, словно и не слыхала гнѣвныхъ словъ отца.—Вы-же сами знаете, что у нихъ все дѣло за подзагонникъ, что онъ не далъ старшинѣ подзагонника рвомъ перекопать. А теперь старшина хочетъ его въ Сибирь сослать. Наговорилъ на него Богъ знаетъ что: будто-бы онъ медаль съ него сорвалъ!

— Да! видишь! передразнивалъ ее Трофимъ Ивановичъ. — Какая-же тутъ важность—съ старшины медаль сорвать! Мужики насъ скоро самихъ по зубамъ будутъ колотить, а мы за нихъ кланяться будемъ: пожалѣйте, молю, ихъ, бѣдненькихъ!.. Это по-вашему, по-современному. За старшину и въ Сибирь пойдетъ, и въ Сибирь!.. горячился онъ все пуще. — Вотъ рассмотрю дѣло, а то и Сибири мало.

— Такъ я васъ прошу, милнй, пожалуйста хорошенько разберите это дѣло; вы знаете, какой плутъ этотъ Иванъ Сысоевичъ. А Василій такой славный, тихій.

— Тихій, тихій, ангелъ во плоти! насмѣшливо поддразнивалъ Трофимъ Ивановичъ. — Стоило мнѣ мѣшать изъ-за всякаго бездѣльника... Ступай, пожалуйста!

— Такъ я васъ очень прошу, папа!.. умоляла Надя, отворяя дверь въ коридоръ.

— Ступай, ступай, тебѣ говорить... Запирай скорѣе дверь... Вошелъ секретарь, Макарь Дмитриевичъ.

— Тамъ, Трофимъ Ивановичъ, ужь собрались, сказалъ онъ скромно.

— Да!.. Собрались!.. Эко диво собраться... Имъ-то легко собираться, да мнѣ каково! ворчалъ Трофимъ Ивановичъ, съ трудомъ поднимая свое грузное тѣло съ кожанаго кресла. — Захвати-ка эти бумаги съ собою!..

Онъ отворилъ маленькую дверь изъ кабинета въ камеру и вошелъ туда, позѣывая, въ своемъ измятомъ парусинномъ пальто, болтавшемся на немъ какъ мѣшокъ. Писецъ всталъ, поклонился и сѣлъ; публика тоже шумно встала.

Трофимъ Ивановичъ не спѣша подошелъ къ столу за рѣшеткой, на которомъ лежала золотая судейская цѣпь и нѣсколько дѣлъ, зѣвнулъ еще разъ во всю глотку и, словно нехотя, навѣсилъ на себя цѣпь.

— Засѣданье открыто! сердито пробасилъ онъ, опускаясь на стулъ и озирая публику враждебнымъ взглядомъ.

Посѣтители сидѣли на вытяжку и вперили въ судью благоговѣйный взглядъ.

— Первое дѣло, началъ Трофимъ Ивановичъ, рассматривая съ нахмуренными бровями какой-то листъ бумаги. — Чортъ его пой-

меть, какое тутъ первое дѣло. Гдѣ, Макарь Дмитріевичъ? оглянулся онъ назадъ на секретаря.

Подбѣжалъ Макарь Дмитріевичъ, еще на бѣгу прищуриваясь и вытягивая шею къ листу бумаги.

— Гдѣ у тебя тутъ первое дѣло? ничего не поймешь.

Макарь Дмитріевичъ указалъ строчку на листѣ и подаль самое дѣло, лежавшее подъ жирнымъ локтемъ судьи. Медленно вздѣлъ Трофимъ Ивановичъ на носъ серебряные очки, откинулъ голову слегка назадъ и, поднявъ въ рукѣ листъ бумаги, сталъ читать, запинаясь:

— „Дѣло по жалобѣ волостного старшины спасской волости Рыбкина о нанесеніи ему обиды словами и дѣйствіемъ, при исполненіи обязанности старшины, временно-обязаннымъ крестьяниномъ той-же волости, второго спасскаго общества, Василиемъ Мелентьевымъ“. Старшина Рыбкинъ!

— Здѣсь, ваше высокородіе! отозвался старшина.

— Выходи сюда. Мелентьевъ здѣсь?

Василій неловко и робко протирался черезъ толпу отъ порога камеры. Старшина подошелъ къ рѣшеткѣ съ развязностью писаря, привычнаго къ обращенію съ начальствомъ.!

— Ты это чего на него жалуешься? обратился Трофимъ Ивановичъ къ Рыбкину.

— А какимъ, теперича, манеромъ прописано вашему высокородію въ поданномъ мною вашему высокородію отъ двадцатаго мая прошеніи, такъ, значить, оно въ подлинности и происходило, отрапортовалъ развязный старшина. — Что собственно самоличною своею дерзостью нанесъ моему начальственному лицу подлое оскорбленіе, котораго даже и послѣдній человѣкъ...

— Ты, братъ, мнѣ зубы не заговаривай; у меня зубы не болятъ, обрубилъ его Трофимъ Ивановичъ. — Ты мнѣ говори наотрѣвъ—чего ты къ Василью присталъ? Ты думаешь, я не знаю, что у васъ все дѣло изъ-за подзагонника стало?

Старшина Рыбкинъ разомъ смутился и вертѣлъ свою бляху.

— Это точно, что изъ подзагонника, глубоко вздохнулъ Василій. — Намъ съ тобою, Иванъ Сысочъ, одинъ разъ помирать.

Но Рыбкинъ уже встряхнулъ головой и успѣлъ оправиться.

— Ваше высокородіе! пустыхъ рѣчей не извольте слушать, бойко лебезилъ онъ; —а потому какъ я по долгу присяги, какъ,

значить, начальство мнѣ приказываетъ... должнѣй всегда по чести и совѣсти. А этотъ человѣкъ мнѣ ни свать, ни братъ... Мнѣ въ его подзагонникѣ антересу ровно никакого нѣтъ. У меня, ваше высокородіе, у самого, благодарю Всевышняго Создателя и родителей моихъ, собственной, значить, четвертной земли 40 десятинъ состоитъ... А какъ я осмѣлюсь, ваше высокородіе, господнѣ мировой судья, убѣдительно просить — прошенъице мое къ вашему высокородію отъ двадцатаго сего мая прочесть, и я противъ того прошенъя свидѣтелей буйства этого самаго человѣка Василія Мелентьева во всей точности представить обяванъ.

— Читаль, братъ, твое прошеніе. Вотъ что ты отъ меня получишь: шишь! Ты думаешь, старшиной назвался, такъ тебѣ такъ вотъ розиня ротъ и повѣрять! „Оскорбленъе начальства!“ коверкаль его Трофимъ Иваннчъ. — Начальство какое впискалось! коли ты начальство, такъ по закону и поступаай, не обижай крестьянъ, не лѣзь на чужую землю.

Въ эту минуту Макарь Дмитричъ нагнулся къ уху судьи.

— Трофимъ Иваннчъ, да вѣдь это дѣло намъ неподсудно. Вѣдь это преступленъе по должности.

— Какъ неподсудно? вскрикнулъ Трофимъ Иваннчъ, неумѣв- шій шептаться. — Покажи законъ!

Макарь Дмитричъ отыскалъ законъ.

— Вотъ тоже выдумали, выдумщики эти петербургскіе!.. бормоталь вслухъ Трофимъ Иваннчъ, съ недовольнымъ видомъ перелистывая положеніе о мировыхъ судьяхъ. — Посадили судить всѣхъ: дворянина и генерала всякаго, а мужикъ неподсуденъ... Преступленъе по должности... Скажите на милость!.. Должность какую важную отыскали — волостного старшину. Становой ихъ за хохоль таскаетъ, а мировой судья судить не смѣй!..

Онъ бросилъ на столъ положеніе, покомчалъ немного и объявилъ сердитымъ басомъ:

— Дѣло прекращается по неподсудности мировому судья.

Макарь Дмитричъ опять нагнулся къ его уху.

— Нужно, Трофимъ Ивановичъ, объявить тяжущимся, чтобы обратились въ окружный судъ.

— Ну ихъ къ шуту совсѣмъ! гнѣвно вскинулся Трофимъ Ивановичъ. — Очень мнѣ нужно совѣтъ давать всякой сволочи. Пусть обращается къ кому хочеть, хоть къ султану турецкому!..

Старшина и Васи́лій продолжали стоять.

— Прикажете, ваше высокородіе, хоть свидѣтелей вызвать, — убѣдительно просилъ Рыбкинъ.

— Убирайтесь вы оба вонъ! слышалъ? гаркнулъ на него Трофимъ Иванычъ. — Говорятъ тебѣ, дѣло неподсудно мировому судѣ! Чего-жь ты лѣзешь? Ты у меня понапрасну цѣлый часъ времени отнял, разбойникъ... Судиться, судиться, а гдѣ судиться — того не знаешь, къ судѣ лѣзешь! Судья, молъ, все приметъ, у судьи для васъ въ одноѣмъ дню двое сутокъ... Какой ты старшина, коли не знаешь, гдѣ тебѣ суда искать?

Старшина и Васи́лій торопливо исчезли въ толпѣ.

— О-охъ! батюшки, батюшки! вздыхалъ, позѣвывая, Трофимъ Иванычъ, положивъ на столъ локти и безсознательно уставивъ глаза на публику. — Пропадешь съ ними! Ну его совсѣмъ и судейство. Въ одинъ день въ гробъ вгонять.

Онъ перекрестилъ себѣ зѣвающій ротъ и опять поднялъ передъ очки опись дѣлъ.

— Дѣло по жалобѣ мѣщанина Огаркова на государственнаго крестьянина села Мужланова, Фому Сидорова.

— Трофимъ Иванычъ! вдругъ перебилъ его чей-то мягкій и просительный голосъ. — Извините, пожалуйста, будьте такъ добры, нельзя-ли мое дѣльце впередъ?

Трофимъ Иванычъ поднялъ глаза. Сосѣдъ-помѣщикъ стоялъ въ заднихъ рядахъ публики, низко раскланиваясь съ нимъ и улыбаясь ему заискивающею улыбкою.

— Ахъ, батюшка! Что-же это вы куда затесались? вдругъ засуетился Трофимъ Ивановичъ. — Пожалуйста сюда поближе, къ рѣшеточкѣ. Не стыдно-таки вамъ ни слова мнѣ не сказать! Вы-бы такъ прямо ко мнѣ въ кабинетъ... Сюда, сюда... Эй, мужичокъ, подай-ка барину вонъ тотъ стулъ, поставь его сюда, спереди, вотъ такъ... Да отодвинься самъ... Аль не видишь? Экой народецъ!.. Самъ не догадается барину мѣсто дать.

Сосѣдъ совсѣмъ переконфузился отъ такого неожиданнаго вниманія судьи и уже не зналъ, что изобразить своею улыбкою.

— Нельзя-ли мое дѣльце впередъ, почтеннѣйшій Трофимъ Ивановичъ, просилъ онъ. — Я-бы не смѣлъ васъ беспокоить, если-бы не одно обстоятельство.

— А что такое?

— Да знаете... вещь-то небольшая, а неловко...— Сосѣдъ понизилъ голосъ:— къ именинному столу приглашала Любовь Петровна, не хотѣлось-бы, знаете, опоздать.

— И то вѣдь правда! сегодня у Любовь Петровны именины! спохватился Трофимъ Иванычъ.— Ну, что-жъ! мы ваше дѣло впередъ пустимъ.

— Да какъ-же наше-то, ваше благородіе! вдругъ вступился, низко кланяясь, мѣщанинъ Огарковъ.— Вѣдь обидно! Насъ наперво вызвали, а намъсто того напоследокъ повертываετε.

— Ты мужлановскій? спросилъ его судья.

— Мужлановскій.

— Когда пріѣхалъ?

— Да съ часъ мѣста пріѣхалъ.

— Кормить мерена небойсъ будешь?

— Какъ-же не кормивши, ваше благородіе! Изволите знать, скотина, что человекъ, не живетъ безъ хлѣба.

— Ну, а будешь кормить—чего-жъ глотку дерешь? Все равно тебѣ ждять... Не сутки тянуть буду, не безпокойся. Миѣ и въ часъ-то вы надоѣдите хуже горькой рѣдьки. Видишь, барину къ сѣбу нужно, долженъ уваженъе сдѣлать.

— Мы противъ этого никогда... мы завсегда уважимъ, бормоталъ мѣщанинъ Огарковъ, отступая въ толпу.

— Народъ! размышлялъ вслухъ Трофимъ Иванычъ, обращаясь ко всей публикѣ вообще, но особенно къ сосѣду-помѣщику.— Вотъ вѣдь набаловались какъ! Не смѣй ужъ и дѣла назначить по-своему, а какъ онъ тебѣ прикажетъ!.. Самъ и набаловалъ. Привыкли со всякой дрянью къ Трофиму Ивановичу таскаться, пороги его обивать... день и ночь покою ему не давать... Помогли, молъ, батюшка, Трофимъ Иванычъ, выручи, родимецъ, Трофимъ Иванычъ,—а Трофимъ Иванычъ и развѣшиваетъ уши, какъ дуракъ. А вѣдь этотъ народъ нешто понимаетъ добро? Ты ему палецъ дашь, онъ тебѣ всю руку отхватить... Онъ вотъ какой... Онъ Бога слопаєтъ, не то что человекъ!.. Согрѣшилъ съ ними, грѣшный. Да нѣтъ! тутъ вамъ не Трофимъ Иванычъ! тутъ мировой судья! вдругъ переимѣнилъ онъ голосъ.— Видишь, знаєтъ царскій!—Трофимъ Иванычъ грозно указалъ на свою цѣпь неизвѣстно кому.— Такъ лясн точить нечего!

По дѣлу помѣщика было вызвано шесть человекъ: со стороны

истца его собственный приказчикъ и два однодворца-сосѣда; со стороны крестьянъ, противъ которыхъ былъ представленъ искъ, староста съ двумя стариками.

Помѣщикъ жаловался, что крестьяне самовольно вспахали и засѣяли его чрезполосную землю въ одиннадцати загонахъ, всего количествомъ около тридцати двухъ десятинъ, и потравили барскій лугъ, называемый „Подъ ольхами“, и кромя того, насильно выгоняютъ свой скоть и лошадей на барскую парену и яровой клинъ; всего крестьяне причинили убытку помѣщику на 480 руб., вслѣдствіе чего онъ и просить, воспретивъ означеннымъ крестьянамъ, подь страхомъ законной отвѣтственности, самовольное пользованіе имуществомъ помѣщика, взыскать съ нихъ въ пользу послѣдняго вышеисчисленные убытки. На вопросы судьи староста и старики сознались, что точно они вспахали и засѣяли помѣщичью землю по ту сторону рѣки Волчьей Платы, въ одиннадцать чрезполосныхъ загонахъ, всего до тридцати двухъ десятинъ. Лугъ подь названіемъ „Подъ ольхами“ травятъ и скоть свой и лошадей выпускаютъ на барскую парену. Но въ нанесеніи помѣщику убытковъ, въ размѣрѣ 480 руб., виновными себя не признаютъ, на томъ основаніи, что промѣжъ ними и помѣщикомъ было условіе на три года: ту землю и выпуски имѣть имъ, крестьянамъ, а ему, помѣщику, они, крестьяне, обязывались за то разной работой, а именно обработать вполнѣ двадцать десятинъ въ озимомъ клину да двадцать десятинъ въ яровомъ, скосить два раза садъ, четыре дня возить хлѣбъ во время уборки съ полей на гумно цѣлою барщиной и выставить въ разное время, куда потребуется, сорокъ пять бабъ. Условіе-де это соблюдалось ими свято два года и помѣщикъ имъ землю свою за Платою пахать не препятствовалъ и съ выпусковъ ихъ не гонялъ; а нынѣшнюю весною, по третьему году, сталъ ихъ принуждать двойть и укатывать овесъ, чего въ уговорѣ не было и въ прежніе года не дѣлалось, и они, крестьяне, отъ того двоенья и ватка отказались. Отъ работы-жь, какою они по условію „обязаны“, крестьяне не отказываются и готовы выйти на нее по первому требованію помѣщика. Однодворцы-сосѣды показали только, что земля за Волчьей Платой принадлежитъ и издавна принадлежала помѣщику, а что теперь засѣваютъ ее крестьяне и что скоть они выпускаютъ на лугъ и парену, также принадлежаціе помѣщику. Выло-

ли межъ ними съ помѣщикомъ какое условіе—того, но безграмотству своему, не знаютъ.

Трофимъ Ивановичъ долго хмурился молча, потирая то лобъ, то очки.

— Сергѣй Сергѣичъ! сказалъ онъ вдругъ.—Да скажите мнѣ прямо, было у васъ условіе или нѣтъ?

Сергѣй Сергѣевичъ слегка смутился.

— Видите-ли, Трофимъ Иванычъ, я не отрицаю, что нѣчто въ родѣ условія между нами дѣйствительно было. То-есть, это вовсе даже и не условіе, а такъ-себѣ... можно сказать—моя добрая воля. Я имъ дѣйствительно предоставилъ на нѣкоторое время пользоваться землею и выпусками за работы. Но срока я, во-первыхъ, не опредѣлялъ.

— Это на что-же такъ говорить, Сергѣй Сергѣичъ? заговорили всѣ три мужика.—Нужно по-божески говорить, какъ, значитъ, оно было... На три года былъ уговоръ, на томъ и магарычъ шли.

— Вы, пожалуй, наскжете на пять лѣтъ! неувѣренно замѣтилъ помѣщикъ.

Судья сросилъ приказчика.

— Да вѣдь на бумагѣ, осмѣлюсь вамъ доложить, ничего не было, ваше высокородіе, отвѣчалъ расторопный приказчикъ.—А мало-ли чего промежъ себя на словахъ говорится! Нонче такъ скажешь, завтра инако. Извѣстно, дѣло домашнее. А какъ, по моему разсужденію, ихъ милость, Сергѣй Сергѣичъ, своему добру завсегда хозяева, такъ они, мужичье, въ его добрѣ ему не указъ...

— Помилуйте, ваше благородіе! завопили крестьяне,—мы народъ нешто грамотный?! мы народъ темный. Нужно-ли въ бумагу писать али нѣтъ — мы этого не понимаемъ. Люди мы маленькіе, насъ обидѣть можно; а разумѣтся, какъ знавши мы ихъ милость, Сергѣй Сергѣича... значить и папеньку ихъ покойника... сумдѣнья въ этомъ не имѣли... А что на три года у насъ условіе было, въ томъ мы всѣмъ обществомъ присягу примемъ...

Трофимъ Иванычъ давно уже смотрѣлъ на сосѣда и съ недовольнымъ видомъ потиралъ свой лобъ.

— Есть у меня тутъ время изъ-за всякаго вздора къ присягѣ васъ тянуть, бормоталъ онъ.—Перестаньте орать; не однихъ васъ, неучей, слушать! Что-жь, Сергѣй Сергѣичъ?

— Я-бы покорнѣйше просилъ васъ, почтеннѣйшій Трофимъ Иванычъ, руководствоваться одною юридическою стороною дѣла и не принимать во вниманіе голословныхъ заявленій, заискивающимъ, но смущеннымъ голосомъ процѣдилъ Сергѣй Сергѣичъ. — Пусть докажутъ, пусть докажутъ, это самое лучшее.

— Да, доказывать-то что, баринъ? доказывать нечего! упорно твердили мужики. — Всѣ обapolные хорошо объ этомъ извѣстны. Вонъ хоть лазовскихъ спросите, хоть вонъ пересухинскихъ...

Староста кивнулъ головою на публику, дожидавшуюся очереди. Трофимъ Иванычъ поднялъ глаза.

— Вы, что-ли, лазовскіе?

— Мы, батюшка, ваше благородіе! кланялись мужики.

— Извѣстно вамъ что объ ихъ дѣлѣ?

— Ничего намъ, батюшка, объ дѣлѣ ихъ неизвѣстно, потому мы люди сторонніе... А что точно загоны и выпуски барскіе обчествомъ на три года сняты—этого тайтъ намъ нечего.

— Такъ на три года?

— На три года, ваше благородіе, какъ Богъ святъ!

— Вы, пересухинскіе, знаете ихъ дѣло?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, дѣловъ ихъ мы никакихъ не знаемъ, отвѣчали пересухинскіе, — мы къ нимъ въ деревню, почитай, не заглядываемъ, къ слободскимъ-то... намъ съ ними дѣлать нечего, ваше благородіе!

— Загоны ихъ знаете, за Волчьей Платою?

— Загоны какъ не знать! Рядомъ пашемъ. Загоны, разумѣется, не ихніе, а помѣщичьи, Сергѣй Сергѣича, барина, надо по-божески сказать.

— Отданы крестьянамъ въ пользованье или нѣтъ?

— Отдать—отданы... На три года отданы. И выпуски отданы, парена это, значить, и жневье, и лужокъ, что „кобылій“ прозывается, до оleshника поповскаго.

— Какой тебѣ „кобылій“! „Подъ ольхами“ прозывается, сердито перебилъ староста.

— Ну, можетъ, „Подъ ольхами“, кто его знаетъ, скромно поправился мужичекъ. — А мы, признаться, промежъ себя больше „кобылымъ“ его прозываемъ. „Кобылій“ да „кобылій“, такъ и пошло.

— Такъ на три года... въ раздумьи повторилъ Трофимъ Иванычъ, жуя свои толстыя губы.

— На три года, ваше благородіе! коли-бъ не на три года, намъ съ чего-бы говорить.

— Вы не имѣете чего сказать, Сергѣй Сергѣичъ? обратился судья въ послѣдній разъ къ сосѣду.

— Я полагаю-бы, что посторонняя публика не можетъ быть приглашаема въ свидѣтели, нѣсколько оскорбленнымъ тономъ замѣтилъ сосѣдъ.—Притомъ, свидѣтели должны быть спрошены по одиночкѣ. А такъ они, конечно, будутъ повторять одно и то-же... Что одинъ сказалъ, то и всѣ...

Судья предложилъ тяжущимся помириться. Но такъ-какъ Сергѣй Сергѣичъ на мировую не согласился, то состоялся приговоръ, по которому временно-обязаннымъ крестьянамъ сельца Слободки судья предоставилъ пользование лугомъ и одиннадцатю загонами. съ обязанностью отработки помѣщику по заключенному между ними словесному условію. Помѣщикъ изъявилъ на приговоръ судьи неудовольствіе.

Засѣданіе было прекращено на пять минутъ. Трофимъ Иванычъ, снявъ съ себя цѣпь, громко потребовалъ трубку.

— Ну, Трофимъ Иванычъ, извините меня, ѣдко замѣтилъ Сергѣй Сергѣичъ.—Не ожидалъ я отъ васъ такого невниманія ко мнѣ.. Не по-сосѣдски, батюшка... Я, кажется, съ своей стороны ничѣмъ не заслужилъ вашего нерасположенія, а напротивъ того, всегда старался... и семейства наши...

— Послушай, Сергѣй Сергѣичъ, вдругъ оборвалъ его Трофимъ Иванычъ, вставая во весь свой неуклюжій ростъ. — Я, братъ, въ военной службѣ былъ, подъ пули лобъ подставлялъ, не кривилъ душою. Не покривлю душой и за судебнымъ столомъ. У меня, братъ, Богъ въ сердцѣ, а не бѣсъ лукавый... Полюби каковъ есть, а не нравлюсь—не напрашиваться-стать!

Онъ сердито двинулся въ свой кабинетъ, затыгиваясь изъ длиннаго чубука. Трофимъ Иванычъ вернулся скоро, еще болѣе недовольный.

— Ну кто тамъ еще у васъ? грозно спросилъ онъ, метая на публику гнѣвные взоры. — Когда вы только пересудитесь, бездѣльники?.. Взять-бы васъ да всѣхъ жалобщиковъ и отвѣтчиковъ мѣсяца на три въ острогъ, чтобы жаловаться да мошенничать отучились, у добрыхъ людей времени-бы не отнимали. Пойдите, я васъ живо приберу... судильщиковъ!

Очередь была мѣщанина Огаркова. Огарковъ снималъ помѣщичій садъ въ Мужлановѣ и нанялъ себѣ въ работники тамошняго крестьянина Фому Сидорова. Условія письменнаго между ними не было, а нанялся-де онъ, Фома, караулить до Воздвиженья, пока яблоки снимутъ, по семи рублей въ мѣсяцъ; задатку взялъ девять рублей, а придти не пришелъ, нанялся въ плотники въ г. Шиши, къ рядчику, что строить новый соборъ, и задатка ему, Огаркову, не возвратилъ. Фома Сидоровъ, на вопросъ судьи, виновнымъ себя не призналъ. Задатку-де онъ, Фома Сидоровъ, никакого не бралъ и въ караульщики къ нему въ садъ не нанялся. Не успѣлъ Фома выговорить послѣднихъ своихъ словъ, какъ неожиданный, дружный взрывъ хохота раздался въ залѣ. Публика, состоявшая почти сплошь изъ окрестныхъ мужиковъ, смѣялась отъ души, забывъ о судейской камерѣ.

— Ишь его, Фомка—чужая котомка!.. вполголоса замѣтилъ какой-то веселый рыжебородый мужичекъ, стоявшій впереди. — И братъ не бралъ, и видѣть не видалъ.

— Стыдно это тебѣ, Фомка, такъ говорить! вдругъ вмѣшался безъ приглашенія судьи тотъ самый староста, что судился съ сосѣднимъ помѣщикомъ, высокій и суровый старикъ;—весь-таки народъ знаетъ, что деньги ты у садовника забралъ, самъ-же ты въ кабаки у Никанорыча тѣми деньгами похвалялся, а теперича безпутное говоришь... Креста на тебѣ нѣту!..

Фомка Сидоровъ, малый съ густыми нечесанными кудрями, бѣлолицый, съ дерзкими голубыми глазами, оборванный до-нельзя, стоялъ посреди камеры, злобно оглядываясь на всѣхъ, словно волкъ на травлѣ, окруженный борзыми.

— Ишь ты нашелся заступникъ! огрызнулся онъ на старосту.— Считалъ ты, что-ли, какъ я деньги бралъ? Съ тобой ихъ, что-ли, пропилъ?

— Я, братъ, съ такими-то отряхами и на одной лавкѣ не сживалъ, не то чтобы съ одного шевалива пить, отвѣтилъ староста.

— Кто изъ васъ свидѣтель, какъ Фома Сидоровъ у мѣщанина Огаркова деньги бралъ? спросилъ судья.

— Брато безъ свидѣтелей, ваше благородіе! увѣренно вступился еще одинъ пожилой мужикъ.—Потому Фомка на эти дѣла куда какъ догадливъ. Онъ те при свидѣтеляхъ не возьметъ, ни-ни!..

Онъ норовить, по своему-то мошенничеству, глазъ на глазъ чело-
вѣка ободратъ; вотъ онъ каковъ, Фомка-то!.. Съ того и про-
звище ему пошло: Фомка—чужая котомка. Стало, что чужая.

— Ты свои-то прозвища сказывай, дерзко отбивался Фома.—
Какъ ты въ гамазеѣ смотрителемъ былъ.

— Ну, ребята, есть еще кто свидѣтели? спрашивалъ Тро-
фимъ Иванычъ, обращаясь ко всѣмъ.

— Да что, ваше благородіе, и спрашивать нечего! заорали
со всѣхъ сторонъ.—Извѣстно, сибирный! по немъ давно Сибирь
плачетъ, по чертову сыну. Онъ и въ запрошлый годъ овчины у
шибаевъ укралъ... сорокъ овчинъ... Его-бъ, ваше благородіе, въ
острогъ покрѣпче упрятать... вотъ-бы онъ поучился... А то ни
въ комъ душеньки нѣтъ покойной... того и глади—подпустить
краснаго пѣтуха, разбойникъ.

— Цыцъ вы, оглушители! сердито гаркнулъ Трофимъ Ива-
нычъ.—Васъ спросишь—и жизни будешь не радъ. Чего глотки де-
рете, дурачье! Заладили свое, прошлогодніе снѣга поминаютъ.
Ихъ спрашиваетъ судья: извѣстно-ли кому объ задаткѣ, что Фом-
ка у садовника взялъ, а они, черти, вопъ о чемъ толкуютъ.—
Бралъ-ли онъ задатокъ, говорю?

— Какъ не брать, ваше благородіе! взялъ задатокъ, весь на-
родъ объ этомъ знаетъ, кричали разные голоса;—девять рублей
взялъ, бумажками трехрублевыми. У зарѣченскихъ въ кабакѣ цѣ-
лую недѣлю пилъ, задатокъ пропивалъ... Нешто онъ тайлся отъ
кого!

— Да кто видѣлъ, какъ онъ бралъ? настаивалъ Трофимъ
Иванычъ.

— Видать не видали, ваше благородіе, а только весь народъ
знаетъ, что задатокъ онъ взялъ.

— Да вотъ, Трофимъ Иванычъ, вдругъ виѣшался одинъ изъ
писарей канцеляріи,—нашъ-же кучеръ видалъ, какъ онъ въ каба-
кѣ деньги пропивалъ, еще и ему поднесъ босушку... онъ самъ мнѣ
сказывалъ. Говорить—Фомка былъ да Савичевыхъ два брата.

— Одного съ нимъ помета! сурово замѣтилъ староста.—Зли-
дари...

— Какой кучеръ... Петръ?.. спросилъ Трофимъ Иванычъ.

— Да Пѣтра-жь, Трофимъ Иванычъ!.. Пѣтра мнѣ тогда-же
сказывалъ.

Трофимъ Иванычъ грозно обратился къ обвиняемому:

— Безстыжая твоя хара, Фомка! что ты, татаринъ али православный? Есть на тебѣ крестъ послѣ этого? Весь-таки народъ знаетъ, что ты деньги у мѣщанина забралъ, а ты отпираешься; ну, не басурманъ-ли ты послѣ этого? Тебѣ-бы на икону глядѣть было стыдно.

— Ужъ точно, что басурманъ, подтвердила толпа. — Помирать всѣмъ одинъ разъ... Своего не давай, а что должное, отдавать надоть.

— Чего надоть? смущенно, но все еще нагло огрызнулся Фомка, ставъ какъ-то бокомъ къ судѣ и избѣгая глядѣть на народъ. — Басурманствомъ меня страшить нечего... Я не басурманъ... Къ одному приходу ходимъ, у одного попа сообщаемся... Эка важность—девять рублей! Я у рядчика въ мѣсяцъ два шестерика получаю... Небойсь отдамъ.

— То-то отдамъ! говорили кругомъ старики. — Слышали отъ тебя это часто, да что-то мало выдали... А ты дѣломъ отдавай, коли отдавать!

— Да что вы издѣваетесь! Татаринъ я вамъ, что-ли, въ самомъ дѣлѣ, дался?.. Что вы меня крестомъ-то попрекаете?.. на мнѣ такой-же крестъ, твердилъ глубоко возмущенный Фомка. — Меня тоже попъ крестилъ, а не домовою!

— Слышь, отдавай, Фомка, не грѣши, не обижай человѣка, настаивали кругомъ.

— Небойсь отдамъ... не тысяча рублей... возьму на той недѣлѣ задатокъ, въ артель наймусь,—вотъ и отдамъ; важное дѣло!..

— Фома Сидоровъ! можешь ты теперь отдать деньги Огарову и прекратить дѣло мировою? спросилъ судья.

— Теперь не могу, теперь денегъ нѣтъ, увертывался Фома, по-прежнему не глядя на народъ. — А будутъ деньги—отдамъ.

— Вотъ ужъ иродъ! опять вступился староста. — Денегъ нѣтъ—другимъ отдай. У тебя домъ. Отдай ему пчелъ колодку, что у тебя на огуменникѣ. Онъ пчелой возьметъ.

— Ну такъ что-жъ! пушай беретъ! смущенно уступалъ Фома. — Мнѣ колодки не жаль. У меня не одна колодка.

Порѣшили на колодкѣ пчелъ. Судья написалъ приговоръ о мировой.

— Ну, смотри-жь ты у меня, Фома! напутствовалъ онъ вороватаго парня, совершенно теперь растерявагося.— Не попадайся другой разъ. Угодишь прямо въ острогъ. Слышишь! Чтобъ нонче-жь колоду выдалъ, безъ всякихъ штукъ. Не выдашь нонче— пришло сотскаго, три улья велю отобрать. У меня, братъ, не отвертисься, я такихъ-то, какъ ты, сырыхъ ѣмъ, костей не выплевываю... Я тебя на днѣ моря сыщу!.. Засѣданье кончено... Вонъ теперь всѣ!.. живо!..

Дѣло Василя совершенно овладѣло помыслами Нади. Макарь Дмитричъ сказалъ ей, что мировой посредникъ придалъ дѣлу опасный оборотъ, что Василя навѣрное посадятъ въ тюрьму и, пожалуй, будетъ еще хуже. Необходимо было во что-бы то ни стало спасти Василя; онъ былъ родной братъ Надиной кормилицы Агафьи и, кромѣ того, совершенно безпомощенъ; Надя твердо вѣрила въ его невинность; старшина былъ богатъ и вліятеленъ, старшина былъ обидчикомъ и притѣснителемъ. Какъ-то давно, въ своей осиновоѣ рошѣ, на берегу пруда, Надя, съ трепетомъ радости и негодованія, вырвала молодого воробья изъ когтей кобчика; она никогда не забывала этого впечатлѣннѣя, и всякая обида слабаго человѣка сильнымъ постоянно теперь вызывала въ ней то-же негодующее и неудержимое стремленіе на защиту обиженнаго. Спаси честнаго человѣка отъ тюрьмы, позора и разоренья—это былъ подвигъ, котораго давно жаждало серьезное и глубокое сердце Нади. Когда она узнала, что поѣздка отца къ мировому посреднику Овчинникову не удалась, она цѣлый день придумывала, что теперь дѣлать. Сначала Надя хотѣла ѣхать сама къ Овчинникову и убѣдить его въ винѣ старшины; но это горячее рѣшеніе сейчасъ-же оказалось невозможнымъ, и Надя взялась-было за перо—объясниться съ Овчинниковымъ письмомъ. Однако письма не написала, потому что вспомнила попленькую и холодную фигуру Овчинникова и сообразила, что такихъ людей не проймешь одною искренностью убѣжденія. Съ досадою изорвала Надя начатое письмо. На комъ остановиться? Кто поможетъ? Она недолго перебирала въ умѣ своихъ знакомыхъ. Кто?.. Суровцовъ. Это было такъ очевидно, что Надя даже засмѣялась отъ радости. Какъ это она не подумала о немъ сразу и прежде

всѣхъ? „О! онъ добрый и благородный, я въ этомъ увѣрена, онъ мнѣ не откажетъ!“ твердо рѣшила Надя. Молодой кучеръ Петрушка охотно взялся „сбѣгать“ послѣ обѣда верхомъ въ Суровцово, такъ чтобы Трофимъ Ивановичъ этого не зналъ. Петрушка везъ записку такого содержанія:

„Анатолій Николаевичъ! мнѣ необходима ваша помощь для защиты одного бѣднаго и ни въ чемъ неповиннаго крестьянина. Мнѣ показалось, что вы смотрите на бѣдныхъ людей сострадательно и любите помогать имъ. Если это такъ, пріѣзжайте вечеромъ къ намъ и я вамъ расскажу все.

Надежда Коптева“.

Суровцовъ былъ очень удивленъ и даже смущенъ запискою Нади. Первый разъ въ жизни видѣлъ онъ ея почеркъ и ея подпись; сердце его колыхнулось сильно и замерло въ какомъ-то тревожномъ предчувствіи. Случайность-ли это? думалъ онъ,—или это предзнаменованіе? Съ самаго Троицына дня его не покидалъ образъ Нади. Ничего особеннаго онъ не чувствовалъ и не думалъ, но ему постоянно словно сама собою припоминалась Надя Коптева, въ бѣломъ платьѣ, съ рдѣющимъ дѣтскимъ личикомъ и какими-то вдохновенными глазами. И онъ не гналъ изъ головы этого образа, а разсматривалъ его тепло и внимательно. Теперь онъ созналъ это яснѣе, чѣмъ прежде. Вечеромъ онъ сѣлъ на коня и отправился къ Коптевымъ, разсѣянный и задумчивый. „Почему ей показалось, что я люблю помогать бѣднымъ?“ говорилъ онъ самъ себѣ, вѣзая во дворъ коптевской усадьбы.

Надя объяснила ему дѣло съ увлеченіемъ и беззавѣтною вѣрою ребенка. Дѣло было уже передано прокурору окружнаго суда и могло скоро назначиться къ разбирательству. Приходилось искать адвоката для публичной защиты. Суровцовъ предложилъ переговорить съ Прохоровымъ, однимъ изъ адвокатовъ Крутогорска, своимъ товарищемъ по гимназій.

— Впрочемъ, прибавилъ Суровцовъ,— врядъ-ли онъ возьмется. У него такая громадная практика. Онъ такой важный баринъ... Теперь эти господа недоступны, какъ олимпійскіе боги. На грошовое дѣло не удостоятъ взгляда бросить... Имъ теперь все тысячи подавай.

— Какъ, и вашъ товарищъ? съ изумленіемъ спросила Надя,

почему-то искренно думавшая, что никто и ничто, близкое Суровцову, не можетъ быть дурнымъ.

— Къ сожалѣнью, и онъ... Каста имѣетъ свои роковыя привычки... Право, не знаю, кого и попросить! На такія дѣла не найдется охотника. Мелкіе адвокатшкіи — болваны, неучи, а получше — не возьмутся...

Надя что-то быстро и усиленно соображала.

— А вы? вдругъ сказала она и устремила прямо въ глаза Суровцова свои серьезные глазки, въ которыхъ сверкали какіе-то смѣлые черные огоньки. Отъ этихъ огоньковъ словно молнія пробѣжала по сердцу Суровцова.

— Я? спросилъ онъ, стараясь улыбнуться. — Хорошаго адвоката нашли! Я хуже вашего законъ знаю. Меня всякій прокуроршкю загоняетъ.

— Нѣтъ, я не вѣрю этому, Анатолій Николаевичъ! убѣдительно сказала Надя. — Вы должны быть адвокатомъ Василя, непременно вы! Я васъ объ этомъ прошу. Никто другой не съумѣетъ его защитить такъ, какъ вы!..

Надя говорила это съ такимъ увлеченіемъ, что сама спохватилась и вдругъ замолчала. Суровцовъ стоялъ нѣсколько смущенный.

— Помилуйте, Надежда Трофимовна, сказалъ онъ, маскируясь своей обычной улыбкой. — Вы меня совершенно не по заслугамъ въ Цицероны производите... Честное слово! я такой ненаходчивый въ большомъ обществѣ и такъ мало знакомъ съ юридическими изворотами.

— Изворотовъ никакихъ не нужно, Анатолій Николаевичъ! увѣренно настаивала Надя. — Вы расскажете всю правду и этого будетъ довольно... Развѣ недостаточно для суда одной правды?

— Д-да! если-бы мы съ вами судили — пожалуй. Или какъ судить Трофимъ Иванычъ, батюшка вашъ. А на судѣ нужно *уметь* сказать правду. Есть такіе искусники, которымъ ничего не стоитъ бѣлое сдѣлать чернымъ, а черное — бѣлымъ. Подите, тягайтесь съ ними!

— Нѣтъ, нѣтъ! съ нетерпѣніемъ и твердостью сказала Надя. — Вы не должны отказываться отъ защиты, Анатолій Николаичъ; вы никогда не увѣрите меня, чтобы умный и благородный человекъ, да еще профессоръ, прибавила она съ неожиданною весе-

люю улыбною, — не съумѣлъ уличить лжеца во лжи и показать всѣмъ правду, которую онъ самъ видитъ.

Суровцову сдѣлалось просто весело отъ этой упрямой вѣры Нади въ его силы. Словно какая-то давно забытая ребяческая рѣзвость зашевелила его душу, и ему самому вдругъ захотѣлось попытать свои силы на новомъ полѣ. Дѣтская смѣлость и дѣтская вѣра Нади очаровали его воображеніе. Мысль идти рука объ руку съ нею, съ этимъ серьезнымъ, пламеннымъ ребенкомъ, почему-то привела Суровцова въ дѣтскій восторгъ. Задушевный планъ Нади будетъ теперь его планомъ. Онъ напряжетъ всѣ свои усилія, чтобы побѣдить и бросить трофей къ ногамъ этого прелестнаго ребенка. Дѣло само по себѣ доброе, прекрасное; въ жизни такъ рѣдко случается сдѣлать добро!

Надя, внимательно смотрѣвшая въ глаза Суровцова въ ожиданіи его рѣшительнаго отвѣта, быстро замѣтила внутреннюю радость, внезапно охватившую сердце Суровцова.

— О, вы согласны! я это вижу! также радостно вскричала она, протягивая ему свою маленькую руку.

— Я на все, на все согласенъ, съ счастливымъ смѣхомъ отвѣчалъ Суровцовъ, горячо пожимая протянутую ручку и нѣсколько времени не выпуская ее. — Я долженъ быть вашимъ рыцаремъ... посылайте въ огонь и въ воду.

Надя, довольная, молча улыбаясь, ласково смотрѣла на него.

— Нѣтъ, не въ огонь, шутливо сказала она черезъ минуту, обдумавъ что-то. — А мы поѣдемъ съ вами на пасѣку.

— На пасѣку?

— На пасѣку, къ Ивану Мелентьеву! Видите-ли, я не хочу звать сюда Василю, чтобы не возбуждать никакихъ сплетенъ. Вѣдь его надо-же разспросить обо всемъ подробно и научить, что дѣлать... Папѣ они и безъ того надоѣли; онъ меня постоянно бранитъ за то, что ко мнѣ ходятъ мужики и бабы.

— А! такъ нужно снять съ него допросъ нѣкоторымъ образомъ по секрету? догадался Суровцовъ. — Вы однако, кажется, сказали, — онъ вашъ бывший крестьянинъ, изъ Пересухи?

— Изъ Пересухи, но его теперь нѣтъ въ Пересухѣ. Онъ съ отцомъ въ степи, на пасѣкѣ Татьяны Сергѣевны, вотъ тутъ, за нашимъ полемъ... Намъ въ деревню не нужно ѣхать, а прямо на пасѣку.

— Вы говорите *намъ*? спросил Суровцовъ съ нѣкоторымъ недоумѣннмъ.

— Я должна поѣхать съ вами, Анатолий Николаичъ; Василій не знаетъ васъ. Нужно, чтобы онъ разсказалъ правду, безъ утайки... Мнѣ онъ во всемъ признается.

— Ахъ да, я очень радъ! встрепенулся Суровцовъ. — Только... вы развѣ ѣздите верхомъ?.. И потомъ Трофимъ Ивановичъ... вѣдь онъ, вѣроятно, будетъ недоволенъ, что вы...

— Я поѣду съ сестрой Варей, въ отцовскомъ шарабанчикѣ, перебила его Надя. — Мы часто ѣдимъ въ немъ и сами правимъ... Отецъ знаетъ это... Только пораньше, Анатолий Николаичъ! Заѣжайте за мною какъ можно раньше.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, въ 5 часовъ; я встаю очень рано.

— О, я тоже встаю рано. Но не потревожу-ли я васъ, если приѣду въ 5 часовъ? Вѣдь это очень рано, Надежда Трофимовна!

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, въ 5 часовъ, я буду готова, настаивала Надя.

Суровцовъ улыбался самъ съ собою всю дорогу, возвращаясь домой на своемъ Кречетѣ. Это былъ прѣвеселый сѣрый конекъ, выведенный съ Дона, небольшого роста, толстоногий, горбоносый, съ вывороченными, дерзкими ноздрами, съ огненнымъ глазомъ подъ косматой холкой; онъ могъ идти ходомъ по 10 верстъ въ часъ, мягко и плавно покачивая всадника, какъ ребенка въ колыбели. Кречетъ былъ птицей не по одному прозвищу. Его каменные ноги въ мохнатыхъ щеткахъ не умѣли спотыкаться, гдѣ бы ни приходилось ѣхать: въ болотѣ, по пахоти, по мерзлой колоти поздней осени. Онъ не могъ видѣть впереди себя другую лошадь. Увидѣть ее — для него значило опередить. Въ скачкѣ онъ былъ горячъ до бѣшенства и, какъ истый калмыкъ, не разбиралъ препятствій. Суровцовъ уже три года ѣздилъ на немъ и любилъ своего Кречета словно родного брата. Самое грустное настроеніе духа разсѣвалось дымомъ, какъ только нога его вступала въ знакомое стремя и знакомый надежный хребетъ уносилъ его въ поле съ веселымъ степнымъ ржаньемъ. Но въ веселомъ настроеніи Суровцовъ былъ вдвойнѣ счастливъ верхомъ на Кречетѣ. На немъ ему мыслилось ясно и дышалось

легко. Есть что-то особенно мужественное, возвышающее духъ въ верховой ѣздѣ. Гордый и сильный звѣрь, тобой покоренный, несетъ тебя, повинаясь малѣйшему движению твоего пальца, и ты паришь на немъ спокойный, увѣренный, поднятый высоко надъ толпою, проносясь легкимъ полетомъ птицы тамъ, гдѣ пѣшій медленно ползеть, обливаясь своимъ потомъ. Раздвигаются и пробѣгаютъ мимо тебя окрестности и дали, а ты мчишься впередъ и впередъ, могучими прыжками, вдыхая воздухъ полною грудью, свободно все обозрѣвая, свободно дѣйствуя и рукою, и мозгомъ. Въ этомъ вихрѣ скачки кажется тебѣ, будто конь и всадникъ — одно существо: съ смѣлостью замысла, съ способностью наслаждения разумнаго человѣка, съ дикимъ увлеченіемъ, съ дикою силою неукротеннаго звѣря. Суровцовъ скакалъ черезъ поля, торопясь добраться домой, пока народъ еще не положился спать; онъ не оставилъ старостѣ приказа на завтра и боялся упустить утреннія работы. Но какъ ни погружена была его голова въ хозяйственныя соображенія, онъ не могъ отдѣлаться отъ какого-то безпричиннаго чувства радости, волною ходившаго въ его крови все время, пока онъ ѣхалъ въ темнотѣ лѣтняго вечера къ своему дому. Вся эта милая исторія съ Надею, ея наивная увѣренность въ непремѣнномъ сочувствіи Суровцова ея планамъ, — приводила Суровцова въ самое счастливое расположеніе духа. Словно въ дружномъ сообществѣ съ этимъ чистымъ и пламеннымъ ребенкомъ онъ самъ возвращался въ безмятежную пору дѣтства.

— Лиза, будемъ играть съ тобою вмѣстѣ въ добро! ласково говаривалъ онъ когда-то своей маленькой сестрѣ, переполняясь приливами безотчетнаго восторга и безотчетной дружбы.

Суровцовъ не забывалъ до сихъ поръ этихъ мгновений дѣтскаго счастья. Когда ему, уже познавшему науку и жизнь, дѣлалось отчего-нибудь хорошо на душѣ, это „хорошо“ оттого и было сладко сердцу, что будило въ немъ неизгладимыя впечатлѣнія первыхъ дѣтскихъ восторговъ еще нетронутаго и неохлажденнаго жизнью дѣтскаго сердца.

— Надя, мы съ тобою будемъ играть вмѣстѣ въ добро! твердилъ онъ въ невольной передѣлкѣ свое любимое воспоминаніе и неудержимо улыбался самъ съ собою, одинъ въ пустомъ полѣ...

IX.

Пастука.

Безъ четверти въ пять часовъ утра Кречеть внесъ Суровцова во дворъ коптевской усадьбы. Господскій дождь, повидимому, еще спалъ. Ставни въ нѣсколькихъ комнатахъ были заперты; неодѣтая горничная, въ одной юбкѣ, бѣжала изъ кухни къ дѣвичьему крыльцу съ мѣднымъ кофейникомъ въ рукѣ. Дѣвчонка въ бѣлой рубахѣ сидѣла на корточкахъ позади крыльца и усердно чистила пескомъ мѣдный тазъ. Садовникъ въ фартукѣ неспѣшно обметалъ метлою кругомъ дома. А на конюшнѣ, у амбара, на скотномъ уже все кипѣло утреннею дѣятельностью. Штукъ 40 большихъ и длинныхъ коровъ разной шерсти вываливали на улицу изъ воротъ скотнаго двора съ протяжнымъ мычаніемъ и криками мальчишки-подпаска, пастуха и скотника; конюхи выводили къ колодцу изъ просторной конюшни длиннохвостыхъ, крутошеихъ заводскихъ лошадей подъ парусинными поповами, весело ржавшихъ и взвивавшихся на дыбы при видѣ солнечнаго утра. Длинные росистыя тѣни еще лежали на травѣ обширнаго и тихаго двора, почти со всѣхъ сторонъ охваченнаго „службами“. Старый садъ нависъ надъ старыми рѣшетками своею густою темнозеленою сѣнью и изъ него несло утреннею сыростью.

Суровцовъ никого не нашелъ ни въ передней, ни въ залѣ, ни въ гостиной, и съ балкона ея спустился походить по дорожкамъ сада, ожидая выхода Нади. Только-что онъ вступилъ въ густую крытую алею изъ желтыхъ акацій, сквозь которыя не проникало не только солнце, но даже и дождь, какъ на большой дорожкѣ, ведущей къ пруду, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, раздался знакомый ему смѣхъ и шумъ шаговъ. Нада бѣжала съ купанья, въ башмачкахъ на босу ногу, въ бѣломъ капотѣ, завернувшись, какъ татарка, совсѣмъ съ головою въ бѣлую простыню, обрамлявшую очень эффектно ея щеки, разрумяненныя здоровьемъ, молодостью и свѣжестью утренняго купанья; выбивавшіяся изъ-подъ бѣлой простыни нерасчесанныя темныя пряди волосъ и большіе черныя глаза, искрившіяся дѣтскимъ удовольствіемъ, придавали въ эту минуту выраженію полнаго и цвѣтущаго личика Нади

особенное очарованіе. Рядомъ съ Надей бѣжала босовогая дѣвчонка Мариска съ мѣднымъ тазомъ, бѣльемъ и разными походными принадлежностями туалета, мокрая съ ногъ до головы; она съ самою задушевною веселостью, махая свободной рученкой, на бѣгу рассказывала Надѣ исторію своего внезапнаго паденія въ воду, и обѣ на весь садъ заливались откровеннымъ хохотомъ. Суровцовъ былъ художникъ, а не трапистъ; онъ и не подумалъ оторвать свой нескромный взглядъ отъ этой буколической сцены, а съ наслажденіемъ притаилъ духъ, любуясь пробѣгавшею дѣвужкой. Надя, однако, недолго заставила себя ждать; только-что горничная ея Настя съ чашкой кофе и жирными топлеными сливками отыскала Суровцова въ саду, какъ явилась и сама Надя. На ней была соломенная шляпка простого фасона, уже вышедшаго изъ моды, и сѣренькій капотикъ съ фартукомъ; ея счастливая полудѣтская рожица глядѣла изъ этого немножко старушечьяго наряда такою наивною и хорошенькою деревенскою хозюшкою, что Суровцову вдругъ неудержимо захотѣлось расцѣловать ее въ ея розовыя щечки. Варя уже сидѣла въ шарабанѣ и прислала Надю за Суровцовымъ; караковый рысакъ Танкредъ, любимецъ коптевскихъ барышень, отстоявшійся на овсѣ, понесъ какъ скорлупу легкой кабриолетъ по легкой и гладкой дорогѣ; Надя правила сама, сердечно утѣшаясь ролью кучера и со смѣхомъ стараясь обгонять горячившагося мелкорослаго Кречета.

Сейчасъ-же за ракетами усадьбы началось поле. Недавно распаханная степь лежала широко и безлюдно въ эту раннюю утреннюю часть; обычнаго горизонта съ бѣлыми храмами, съ синевою лѣсовъ уже не было; степь скатертью разстилалась и сбѣгала во всѣ стороны. Море наливавшейся ржи охватывало узкую травянистую межу, по которой неслышно катился кабриолетъ. Болосья стояли высокою сплошною стѣною, изъ-за которой едва была замѣтна даже голова Танкреда, а Кречеть прятался въ ней совсѣмъ съ ушами. Стѣна ржи прерывалась только для того, чтобы дать кое-гдѣ мѣсто такой-же сплошной стѣнѣ яровыхъ хлѣбовъ. Надъ клинами цвѣтущей гречихи, бѣлой и густой, какъ сметана, стоялъ сладкій медовый паръ, въ которомъ тучами жужжали и гудѣли оторившіяся пчелы. Съ высоты сѣдла видны были потонувшіе въ этомъ молочномъ морѣ крошечные лѣски степныхъ западинъ, въ которыхъ ютились одинокія пасѣки. Лѣски эти

торчали островками по всему пространству недавней степи, въ котловинахъ высохшихъ озеровъ, въ глубинѣ балочекъ и луговъ. Только версть черезъ пять прекратились поля и кругомъ раскинулась настоящая зеленая степь, съ степными травами, съ высокими курганами въдали, съ коршунами, плавающими высоко въ неподвижномъ воздухѣ. Кречеть весело заржалъ, почуя просторъ, и Суровцовъ для потѣхи свернулъ на зеленую ровную скатерть, гдѣ можно было припустить дикаго скакуна, не боясь ничего.

— Вотъ теперь не хотите-ли на перегонку? съ улыбкой спросилъ онъ Надю, пригибаясь къ шеѣ коня и приподымая нагайку надъ его ушами.

Не успѣла Надя произнести слова, какъ уже Кречеть и Суровцовъ исчезли изъ ея глазъ; на Суровцова напала минута юношескаго увлеченья; онъ гикалъ, какъ татаринъ, и все больше и больше отдавалъ коню поводья; Кречеть разстился птицей; Надя только видѣла частые взмахи его заднихъ подковъ, сверкавшихъ на солнцѣ. Казалось, онъ уносился въ безпредѣльную даль съ какимъ-то безумнымъ отчаяніемъ. Напрасно Танкредъ поперъ своей могучей грудью за нимъ въ догонку; степной скакунъ словно опьянѣлъ отъ вольнаго воздуха степи вмѣстѣ съ своимъ всадникомъ. У Нади тоже захватывало сердце отъ этой сумасшедшей гонки.

Лѣтнее утро, вездѣ прекрасное, здѣсь, въ этомъ отрывкѣ настоящей безлюдной степи, затерянномъ среди полей, казалось еще прекраснѣе. Торжественная тишина пустыни царствовала кругомъ; высокій древній курганъ, прозываемый въ народѣ „Царской могилой“, одинокимъ пустынникомъ высился среди равнины, полный преданій и таинственности. Стожки зеленого сѣна были раскинуты на далеко по зеленой травѣ, и стада крупныхъ дрофъ, прилетавшихъ еще по старой памяти на знакомую степь, спокойно, будто атары овецъ, паслись между этими стогами.

Какія-то безотчетныя и сладкія замиранія подступили къ Надюму сердцу, когда она неслась въ своемъ кабриолетѣ по степи вслѣдъ за уносившимся скакуномъ Суровцова. Надя не любила общества, города и выдуманыхъ условій общественной жизни. Ей были по душѣ только простые люди, дѣти и неиспорченная природа. Давно ея грудь не дышала такою свободою и просто-

ромъ, какъ здѣсь, среди зеленой безмолвной степи. Давно не сіяло надъ нею и такое безмятежное утро. Ея кровь загорѣлась отъ быстрой ѣзды и теперь расходилась широкою и радостною волною по здоровому организму, уже запросившему жизни. Надѣ казалось, что она ужь сидитъ не въ шарабанѣ съ сестрой Варей, а тамъ подальше, на дикомъ скакунѣ, вся охваченная степью. Кто-то ей принадлежащій, ей нужный, ею постоянно видимый, несетъ тамъ не то рядомъ, не то вѣстѣ съ нею. Она смотритъ на степь его взоромъ и дышетъ его грудью. Что думаетъ онъ, то и у нея въ головѣ. Она слилась съ нимъ въ одно существо.

Надя еще ни разу не думала о замужествѣ, о выборѣ человѣка по сердцу. Она жила одной жизнью настоящаго, какъ живутъ дѣти. Думать она просто боялась и не умѣла, какъ казалось ей самой. Ничего не думая, не рассчитывая, сердце ея остановилось на Суровцовѣ, и прежде, чѣмъ Надя замѣтила это, онъ сдѣлался ей близкимъ и нужнымъ. Надя не загадывала, что выйдетъ изъ этого, и избѣгала давать себѣ ясный отчетъ въ своихъ чувствахъ. Она считала Суровцова своимъ — и только; у Нади было немного убѣжденій и знаній; но въ это небольшое она вѣрила непоколебимо. Если ей почему-нибудь казалось, что человѣкъ хорошъ, она считала это вѣ въ всякаго спора и сомнѣній и не слушала затѣмъ никого. Чутье неспорченной натуры, еще неподкупленной никакими житейскими соблазнами, било въ ней могучимъ ключемъ, и это инстинктивное ощущение своей внутренней правды невольно сказывалось въ необъидной самоувѣренности Нади, которую посторонніе считали за упрямство и ограниченность невоспитанной дѣвушки. Надя всматрѣлась, вслушалась въ Суровцова прежде, чѣмъ онъ обратилъ на нее вниманіе; она сразу увѣровала въ этотъ честно-открытый, умный лобъ съ мягкими, набѣгавшими на глаза волосами, въ осмысленное выраженіе этихъ добрыхъ карихъ глазъ; въ Суровцовѣ все было по вкусу Нади. Она вообще не любила бородъ на мужчинахъ; ей казались онѣ или нечистоплотными, или смѣшными, придававшими человѣческому лицу изысканный, неестественный видъ. Борода одного знакомаго Надѣ шишовскаго франта, остренькая внизу, съ мышиными хвостиками на усахъ, обращала его въ глазахъ Нади въ чистую обезьяну; борода Каншина, съ усами, закрывавшими ротъ, дѣлала

его шепелявымъ и шамкающимъ, словно въ ея густомъ войлокѣ запутывались вылетавшія слова; никакая борода не угождала до сихъ поръ Надѣ. Тотъ выглядывалъ, по ея мнѣнію, котомъ, этотъ — козломъ. Она изумлялась, какъ женщина можетъ поцѣловать мужчину съ бородой. Но темная, небольшая и мягкая бородка Суровцова вдругъ показалась Надѣ какъ нельзя болѣе по вкусу. Она сообщала ему, въ ея глазахъ, какой-то мужественный видъ. Темный усъ такъ необходимъ для того, чтобы отгнѣнить эти полныя, свѣжія губы, на которыхъ столько разнообразнаго выраженія, глубокаго и теплаго. Словомъ, все лицо, вся фигура Суровцова, немного широкая и костистая, но вмѣстѣ статная, благородно-вырѣзанная, казалась Надѣ вполне прекрасною; ей представлялось теперь, что въ душѣ ея давно-давно уже жилъ этотъ родной образъ, словно она сама создала его, и что въ немъ несомнѣнный идеалъ человѣка. Нада незамѣтно переселила въ Суровцова всѣ свои помыслы, вкусы и убѣжденія. Она почти ни о чемъ до сихъ поръ не говорила съ нимъ, но была молча увѣрена, что онъ знаетъ всякую ея мысль и горячо ей сочувствуетъ, потому что мысль эта его собственная. Она это ясно видитъ по его губамъ и глазамъ. Нада считала Суровцова большимъ ученымъ, а себя большою невѣждой. Но тѣмъ не менѣе она была твердо убѣждена, что ихъ помыслы и вкусы одни, что Суровцовъ ея, Надинъ, а она — его, Суровцова. Въ этой беззавѣтной вѣрѣ Нади въ свое душевное сходство съ Суровцовымъ было столько безграничной навности, которой, конечно, не могъ подозрѣвать ни самъ Суровцовъ, ни кто-нибудь изъ сестеръ Нади, даже особенно съ нею дружныхъ. Молча, какъ безцѣнную святыню, Нада носила въ своей дѣтской душѣ эту дѣтскую вѣру и это дѣтское чувство. Она была всегда полна имъ, но это несколько не стѣсняло ея обращенія съ Суровцовымъ. Она была слишкомъ чиста, чтобы смущаться своимъ чувствомъ. Ей казалось, что всѣ люди должны быть исполнены такой-же теплоты въ глубинѣ своего сердца; ей еще не сдѣлалось яснымъ различіе любви къ брату, къ ребенку, къ красивому мужчине. Только въ самое послѣднее время, когда приходилось чаще и ближе сталкиваться съ Суровцовымъ, какая-то новая, незнакомая волна мгновеніями пробѣгала по жиламъ Нади и слегка туманила ея головку необъяснимо-сладкими замѣраніями, которыхъ она стала даже побаиваться. Но эти мгновенія

были пока рѣдки, и Надя безъ всякаго усилія относилась къ Суровцову съ простотою и естественностью сестры, которая любитъ безъ показности и почти незамѣтно для самой себя.

— Надя, а мы, должно быть, пропустили поворотъ, вдругъ перебила Варя мечтанія Нади.

Надя вздрогнула и очнулась. Она только тутъ вспомнила о шарабанѣ, Варѣ и пасѣвѣ, на которую они ѣхали.

— Какая ты разсѣянная, Надя! сердилась Варя и, посмотрѣвъ на нее, спросила съ удивленіемъ:— что это ты вдругъ покраснѣла?

У Нади дѣйствительно загорѣлось невольнымъ смущеніемъ все личико, когда она опомнилась и сознала, до какого забвенія увлекли ее странныя мечты. Никогда еще не случалось съ нею, чтобы она на яву теряла сознаніе окружающаго, какъ въ этотъ разъ.

— Надежда Трофимовна, а вѣдь мы съ вами, кажется, пропустили поворотъ? раздался веселый голосъ Суровцова, словно онъ подслушалъ подозрѣніе Вари.

Суровцовъ подѣхалъ съ другой стороны, незамѣтно для Нади, взглядъ которой былъ до той поры неподвижно устремленъ въ степную даль. Суровцовъ давно уже осадилъ ретиваго скакуна и ѣхалъ шажкомъ, поджидая шарабанъ.

— Поворотъ? встрепенулась Надя, безпокойно оглядываясь. — Кажется, нѣтъ! Поворотъ около лозочекъ, а я не видала, чтобы мы проѣхали лозочки...

— Охъ, должно быть, проѣхали!.. говорили въ одинъ голосъ Варя и Суровцовъ.

Однако Надя была права: пришли лозочки, веселая, сырая лужайка, поросшая краснымъ лозникомъ и запоздавшими цвѣтами, а за лозочками и поворотъ.

— Что, пропустила? торжествовала Надя, круто заворачивая Танкреду и смотря на Суровцова съ вызывающимъ видомъ.

Глухая степная равнина, по которой до сихъ поръ ѣхали молодые люди, вдругъ неожиданно разорвалась на двѣ части и на днѣ глубокой балки, совершенно скрытой отъ глазъ, до краевъ налитой густымъ дубовымъ лѣсомъ, показался старнй курень пастбики. Голубой дымокъ сквознымъ и дрожащимъ столбомъ едва замѣтно тянулся изъ трубы и таялъ въ такомъ-же голубомъ воз-

духѣ. Нужно было слѣзть съ лошадей, чтобы спуститься въ балку по тѣсной лѣсной тропинкѣ. Суровцовъ задвинулъ шарбанъ въ тѣнь опушки и привязалъ лошадей. Надя пошла впередъ, указывать дорогу.

Отраднo было войти послѣ открытаго жара степи подѣ тлухую сѣнь лѣса, притаившагося въ трещинѣ земли. Тѣсно охватывали сѣрне стволы дубовъ кудрявые темнозеленные гроздья дубовыхъ листьевъ, жесткихъ и крѣпкихъ, какъ жестъ. Отовсюду, сквозь вѣтви и стволы, внизу и вверху, лѣзли на дорожку эти щетинистые зеленые букеты, и наши молодые люди продирались сквозь нихъ, пригибаясь невольно и хлестая ими другъ друга. Яркіе лѣсные цвѣты заплонили сочную траву. Розовая чина оплетала стволы и падала съ нихъ цѣлыми гроздами вѣжныхъ розовыхъ мотыльковъ; таволга разрослась высокими и широкими зонтиками, разливая кругомъ миндальный запахъ. Желто-лиловая иванъ-да-марья овладѣла цѣлыми лужайками; подѣ кустами качались голубые колокольчики и мягкіе султаны вероники. Надя на ходу рвала въ фартугѣ любимые цвѣты.

— Тутъ, должно быть, костяники много! сказала она Варѣ. — Нужно-бы прислать дѣвушекъ поискать грибовъ да костяники...

— А вотъ и грибы! крикнулъ Суровцовъ, бросаясь подѣ кустъ.

Черезъ минуту онъ подаль Надѣ въ фуражкѣ грибовъ.

— Что, хорошіе? Вѣдь это, кажется, бѣлянки?

Надя расхохоталась самымъ искреннимъ смѣхомъ.

— Это поганки! Развѣ вы не видите? убѣждала она сквозь смѣхъ, высыпая на дорожку добычу Суровцова. — Васъ пошли, вы накормите насъ отличными грибами.

Тропинка сбѣгала очень круто; только привычная нога могла спускаться по ней. Надя взялась за руку съ Варей и пустилась бѣжать внизъ, будучи не въ силахъ удерживаться на скатѣ. Суровцовъ побѣждалъ вслѣдъ за ними.

— Тихе, тихе! кричала со смѣхомъ Надя, забавляясь, какъ ребенокъ. — Не налетите на насъ, не раздавите!..

Они неудержимо неслись все глубже, все ниже, едва успѣвая соблюдать капризные повороты тропинки... Суровцовъ такъ легко чувствовалъ себя ребенкомъ въ обществѣ Нади. Въ эту минуту, несмотря на свою бороду, онъ бѣжалъ за Надей чуть-ли не съ

такимъ-же наслажденьемъ, какъ случалось ему бѣгать когда-то въ безмятежные годы дѣтства. Все было здѣсь такъ ново и такъ хорошо его сердцу: лѣсной зеленый сумракъ, таинственная глушь балки и молодая прекрасная дѣвушка, бѣгущая рядомъ съ нимъ, какъ разыгравшаяся лань. Горячо всколыхнулась кровь въ сердцѣ Суровцова во время этого паловливого бѣга. Онъ давно нагналъ Надю и бѣжалъ около ея плеча, перескакивая кусты съ проворствомъ и удалью, какихъ не зналъ за собою. Ему хотѣлось теперь, чтобы этотъ бѣгъ не имѣлъ конца, чтобы все круче и неудержимѣе скатывались они въ таинственную глубину лѣсного ущелья: онъ забылъ, что это простой маленькій лѣсокъ обуховской пасѣки, кругомъ охваченный степью, въ 10-ти верстахъ отъ коптевской Пересухи. Его взволнованной головѣ чуть не мерещился заколдованный сказочный лѣсъ, безысходный и безпредѣльный, съ лѣсными богинями, съ таинственными пріютами любви, съ волшебными тайнами и волшебнымъ наслажденьемъ. Онъ не помнилъ хорошо, что такое говорилъ Надѣ, стараясь не отстать отъ нея и не отрывая на бѣгу своихъ глазъ отъ ея разгорѣвшагося лица. Надя тоже съ изумленіемъ слушала во время бѣга его отрывочныя, странныя слова, въ которыхъ было такъ много жара и такъ мало доступнаго ей смысла. Въ первый разъ замѣтила она у Суровцова такой пристальный, на-сквозь прожигающій взглядъ и такую растерянную улыбку. Что-то такое жаркое, навстрѣчу просящееся, заходило и у ней на душѣ отъ этихъ глазъ и отъ этой улыбки. Даже сосредоточенная и молчаливая Варя обернулась на Суровцова, изумляясь его одушевленнымъ прыжкамъ и еще болѣе одушевленному виду.

Когда они послѣ своего сумасшедшаго бѣга очутились на днѣ балки, передъ плетнемъ пасѣки, Суровцовъ съ досадой замѣтилъ, что онъ дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ, и не можетъ произнести слова отъ нервнаго волненія. Надя молчала и старалась не глядѣть на Суровцова; въ душѣ ея оставалось глубокое впечатлѣніе чего-то совершенно новаго и совершенно неожиданнаго, словно въ эти мгновенія у ней раскрылись глаза на цѣлый міръ, ей до сихъ поръ недоступный. Счастье или ужасъ были въ этомъ новомъ чувствѣ, Надя не могла дать себѣ яснаго отчета. Передъ нею въ пустомъ воздухѣ стояли, не стираясь, эти вонзившіеся въ

нее темные глаза, полные какого-то опьяняющего огня, и пробѣгала эта палящая, чего-то ищущая улыбка.

Высокій и плотный малороссійскій плетень съ узкимъ гребнемъ, еще совсѣмъ свѣжій, окружалъ обуховскую пасѣку. На запертой калиткѣ былъ намазанъ кубовой краской раскольничій осьми-конечный крестъ подъ голубцомъ. Путники наши вошли черезъ калитку во дворъ пасѣки. Какимъ-то тихимъ, безмятежнымъ счастьемъ повѣвало на нихъ отъ нея. На ровной зеленой лужайкѣ, словно на опральной тарелочкѣ, стояли одиноко разбросанные дубы и лѣсные груши. Около сотни дуцлистыхъ ульевъ, съ чернѣвшими отъ пчелъ летками, стояли вразсыпную у корней деревьевъ и въ ихъ промежуткахъ, покачнувшись въ разныя стороны; въ своихъ соломенныхъ колпакахъ и черепичкахъ, опрокинутыхъ имъ на голову, они казались издали семейою какихъ-то старыхъ большихъ грибовъ или толпою уродливыхъ старикашекъ, грѣвшихся на лѣтнемъ солнцѣ. Въ самой серединѣ пасѣки, подъ корнемъ стараго дуба, раскинувшись шатромъ, чернѣла холодная дыра колодца, а въ углу плетня, тѣсно обставленный грушевыми деревьями, ютился курень пасѣчника, на-половину спрятавшись въ землѣ. Запахъ меду и воску стоялъ въ воздухѣ какъ что-то осязаемое. Трава, воздухъ и деревья—все было наполнено однимъ сплошнымъ, несмолкающимъ жужжаніемъ. Это поднялась утренняя работа пчель. Жучка, привязанная у куреня, отчаянно заметалась на своей веревочкѣ, услыша стукъ калитки и увидя нашествіе незнакомыхъ господскихъ фигуръ. Но на ожесточенный лай ея нигдѣ не отзывался голосъ хозяина.

— Однако, не покусали-бы насъ пчелы! замѣтилъ Суровцовъ, отгоняя платкомъ одну пчелу, настойчиво увивавшуюся кругомъ его уха.

— Ахъ, спрячьте платокъ, не махайте! Это хуже всего, встревожилась Надя.— Станете махать, онѣ всѣ бросятся на васъ. Самое лучшее—не дразнить ихъ.

— Вонъ куда старикъ забрался, на дерево! сказала Варя, отыскавъ его, наконецъ, глазами.

Иванъ Мелентьевъ стоялъ, босикомъ, на толстомъ сукѣ дуба, въ бѣлыхъ портахъ и бѣлой длинной рубахѣ безъ пояса, задомъ къ калиткѣ. Лубочная сѣтка закрывала его длиннымъ покрываломъ, придавая его костлявой фигурѣ какой-то фантастическій

видъ. Его можно было принять за лѣшаго или за колдуна. Повѣсивъ слѣва себя роевню съ раскинутою на дупло пастью и держа въ правой рукѣ сильно дымившую курушку изъ гнилого полѣна, старикъ неспѣшной и опытной рукою огребалъ изъ дупла въ роевню деревяннымъ уполовникомъ молодой рой. Пчелы осмѣли его голову съ безсильнымъ, но озлобленнымъ жужжаніемъ, а онъ вынималъ ковшъ за ковшомъ изъ глубокаго дупла и наполнялъ лубочную роевню черными гроздами пчелъ, насѣвшихъ другъ на друга. Молча любовались имъ Суровцовъ и его спутницы, зная, что старикъ не сойдетъ съ сука, пока не покончитъ этого важнаго дѣла. Обобравъ рой и закрывъ роевню, старикъ, не трогаясь съ мѣста, оглянулся назадъ.

— Алы наши барышни? произнесъ онъ удивленно и ласково, взглянувъ въ пришедшихъ.

— Мы, Иванъ Ивановичъ. Съ роемъ тебя!

— Благодарствую, матушка, говорилъ старикъ, осторожно спускаясь съ сука.

Онъ подошелъ къ Надѣ и протянулъ ей курушку.

— Возьми въ ручку курево, барышня милая... Съ куревои онъ тея не тронуть. Обѣ, значить, вдѣсь... А это-жь кто съ вами, баринокъ молодой?

— Не узналъ развѣ Анатоля Николаевича? Суровцовъ! сказала, улыбаясь, Надя и оглянула по этому случаю всего Суровцова, словно желала узнать, произведетъ-ли онъ благопріятное впечатлѣніе на Ивана Мелентьева.

— Суровцовскій барчукъ! съ Суровцова! спохватился Иванъ. — Какъ не знать! Я и папеньку-то его махонькимъ знавалъ, во какимъ! Суровцовскіе господа хорошіе, я ихъ хвалю, не обидчики.

— Спасибо, что хвалишь, старикъ, сказалъ Суровцовъ. — Что пчелки твои? хорошо-ли роются?

— И-и-и! отвѣчалъ Иванъ, махавъ и рукою, и головою. — То-есть такое нонче роевье, отродясь не помню! Тридцать девятый рой вотъ сгрѣбъ, и всѣ дома, ни шагу никуда. Два роя было по 20 фунтовъ вѣсу, а то по 15, по 12... въ роевню не всунешь... Нонче, благодарить милостиваго Создателя, не оставилъ насъ грѣшныхъ; Богъ дастъ, люди съ медвомъ будутъ, Господь со свѣчкой, — и воску, и меду вдоволь.

— А еще ждешь роевъ, старикъ? спросила Варя.

— Вот! ты посмотрика-сь, какая сила по ульямъ. Жара такая, что ночью изъ улья повывлазываютъ, заткутъ стѣнки, что твой бархатъ. Велико-ль дѣло, Казанская только на дворѣ, а онѣ ужь, поди, на пята осоты поставили! Потому сила! работа дружная. Эта ужь зимою не подохнетъ, не позябнетъ, шалишь; есть откуда духу набратъся, не то что у иныхъ, прочихъ—абы улей для счету, а тамъ всѣхъ пчелъ двѣ горсти... Гдѣ-жь имъ духу надышать?

— Мы къ твоему Василю, перебила Надя, вспомнивъ о цѣли своего пріѣзда. — Гдѣ онѣ? пошли-ка его къ намъ.

— Ваську-то? Охъ, головушка моя грѣшная, съ сожалѣніемъ отвѣтилъ старикъ, — да вѣдь Васьки-то туточки нѣтъ... А вамъ, надо быть, нужно?

— Гдѣ-жь онѣ? Намъ онѣ очень нуженъ.

— Вишь ты, дѣло-то какое! сокрушался старикъ. — Васька поѣхалъ къ старшинѣ... Старшина съ нимъ засудился, вотъ бѣда!

— Мы вотъ за этимъ-то и пріѣхали, объяснила Надя. — Скажи ему, чтобъ непремѣнно, непремѣнно пріѣхалъ ко мнѣ... Нѣтъ, не ко мнѣ, а вотъ къ Анатолю Николаевичу въ Суровцово! Слышишь, старикъ? Чтобъ непремѣнно пріѣхалъ.

— Ну вотъ! Нешто онѣ можетъ супротивство вамъ сдѣлать? Приказали пріѣхать—и долженъ пріѣхать.

— Такъ, слышишь, старикъ, не перепутай; прямо въ Суровцово, къ Анатолю Николаевичу! настаивала Надя. — Чтобы какъ можно скорѣе пріѣхалъ.

— Такъ, стало, и пріѣдетъ, какъ извернется. Теперь не рабочая пора, слободно!

— Вѣдь можно прямо къ вамъ, въ Суровцово, не правда-ли? обратилась Надя къ Анатолю Николаевичу, спохватившись, что распоряжается имъ, не спрашивая его, и вдругъ сконфузившись.

— О, конечно! Куда хотите и какъ хотите, засмѣялся въ отвѣтъ Суровцовъ, понявшій смущенье Нади. — Вѣдь я просилъ васъ распоряжаться мною безъ всякаго стѣсненія.

Старикъ Мелентьевъ между тѣмъ уже несъ на огромномъ свѣжѣмъ лопухѣ только-что вырѣзанный тяжелый осотъ, залитый душистымъ желтымъ медомъ.

— А вы-бы тропки присѣли, барышни, говорилъ онъ,— медку-бъ повушали! Тамъ-то вонъ въ холодку славно-бъ присѣсть подь грушею.

— И то посидите, предложила сестра Надѣ.—У меня ноги будто перебиты послѣ этой бѣготы по оврагу.

Въ тѣни раскидистой груши, сверху до низу обсыпанной незрѣлыми плодами, усѣлись на траву Суровцовъ и обѣ дѣвушки. Старикъ Мелентьевъ стоялъ надъ ними, сгорбившись своею терною спиною и молча любясь своими подслѣповатыми глазами на ихъ оживленную группу, ярею отдѣлявшуюся отъ земли. Странно и виѣсть пріятно было стареку видѣть въ своей пустынной пасѣвѣ этотъ живой букетъ молодыхъ красивыхъ лицъ, въ свѣжихъ и красивыхъ нарядахъ, такъ мало ему знакомыхъ.

— Ишь, осотъ какой, совсѣмъ забрушенный! похваливалъ онъ свой медъ,—чистота-то какая! слеза Божья!

— Да, старикъ, давно такого меду не ѣдалъ! поддержалъ его Суровцовъ.

— Да вамъ, господа, можетъ, огурчиковъ нарвать? не будете ли съ огурчиками кушать? спохватился старикъ.—У меня тутъ за тинномъ своя бакша заведена, и ковунчикъ есть, и огурецъ, всякая потреба.

— Принеси, принеси огурчиковъ, Иванъ Иванычъ! командовала Надя, очень любившая и медъ, и огурцы. — А хлѣбца у тебя нѣтъ?

— Вотъ! али я татаринъ некрещенный, что безъ хлѣбушка буду жить?.. обидѣлся Иванъ, уходя въ калитку; — безъ хлѣбушка никакая тварь не живетъ, не токма человекъ... Выдумала еще, что хлѣбушка нѣтъ!

Черезъ нѣсколько минутъ старикъ воротился съ полной шапкой огурцовъ и початой ковригой хлѣба... Надя сильно проголодалась и съ самымъ искреннимъ аппетитомъ принялась за огурцы съ медомъ. Суровцовъ, порядочно потрясшись на Кречетѣ, не отставалъ отъ нея. Старикъ тоже разрѣзалъ огурчикъ, посолилъ его, и, перекрестившись три раза на темную икону, стоявшую на корнѣ старой груши, сталъ медленно жевать...

— Что это у тебя за икона, Иванъ Иванычъ? освѣдомилась Вара, замѣтивъ вдругъ икону рядомъ съ собою.

— Пчелиныхъ пастырей икона, преподобныхъ угодниковъ Зо-

симъ и Савватія, съ внушительною важностью отвѣчалъ старикъ. — Безъ этой иконы пасѣку хоть не заводи. Фроль и Лаверь — то лошадямъ пастыри, Власій преподобный скоту пастырь, а Зосимъ и Савватій пчелѣ пастыри. Потому они изъ заморской стороны въ нашу христіанскую сторону пчелу вывели. У насъ наперво пчелы не было, и какой такой медъ есть на свѣтъ — народушко нашъ православный допрежь того не зналъ. Такъ Господь повелѣлъ угодникамъ своимъ преподобнымъ, Зосимъ и Савватію, изъ басурманской земли въ нашу россейскую землю ее вывести; и шли они, Зосимъ и Савватій, по звѣздамъ денно и ночью, и тѣхъ странъ люди дивились, что идутъ старцы, а за старцами пчела гуломъ гудеть, ровно за маткой... А Божьи угодники, Зосимъ и Савватій, сотворили себѣ посохъ, и въ томъ посохѣ было долбленое гнѣздо, и въ гнѣздѣ была сокрыта матка, царица пчелиная... Такъ-то! А ты какъ думала?.. Покойный дѣдъ былъ у меня, тотъ эти порядки всѣ зналъ, не по-нонѣшнему. Бывало, дьячка призоветъ, на всѣхъ ульяхъ Зосима и Савватія мѣломъ написать прикажетъ... До того и роя не впускаетъ. Вотъ съ того самаго и роилось въ старину...

Х.

Алеша въ городъ.

Шумно, людно и самоувѣренно текла жизнь въ спасскихъ хоромахъ, въ спасской экономіи. Гувернантки ежедневно учили на фортепяно, ежедневно играли этюды и гаммы, люди готовили и подавали, гости пріѣзжали и уѣзжали, мужики и бабы работали, приказчики приказывали, господа занимали и расплачивались. Татьяна Сергѣевна, попавъ къ рукояткѣ могучаго колеса, воровчавшаго людьми, хлѣбами, деньгами, чувствовала себя несокрушимую; ей казалось теперь, что въ пору ея петербургской жизни ея Спасы не доставляли ей десятой доли тѣхъ средствъ и удобствъ, какими она располагала теперь, ставъ сама у кормила правленія. За декорацией сѣрыхъ четвериковъ съ бородами кучерами, обильныхъ обѣдовъ, веселыхъ пивниковъ, просторныхъ палатъ и толпы людей, работавшихъ подъ разными именами и по разнымъ поводамъ на одно и то же маленькое семейство го-

сподъ Обуховыхъ, — Татьяна Сергѣевна не умѣла и не желала примѣчать роковыхъ признаковъ гибели своего состоянья. Еще въ Петербургѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Татьяна Сергѣевна, по ея собственному интимному признанію Трофиму Ивановичу, была „глупенькой дѣвочкой во всѣхъ вопросахъ хозяйства“, несмотря на свой 40-лѣтній возрастъ, она, незамѣтно для себя, выпрдала добрымъ знакомымъ, пріѣзжавшимъ въ Петербургъ, въ различныя критическія минуты жизни, разные поселки, хутора и пустоши, приписанные къ спасской экономіи и дававшіе ей хозяйственный смыслъ и силу. Въ настоящее время обширная и прекрасная усадьба с. Спасовъ, рассчитанная на большую запашку, бесполезно поглощала половину доходовъ небольшого имѣнья, оставшагося у генеральши по распродажѣ многихъ сотъ десятинъ. Словно это была огромная голова съ всепоглощающимъ зѣвомъ на безсильномъ и тощемъ тѣлѣ. Долги росли съ ужасающею быстротою, погоняя другъ друга; но безстрашная Татьяна Сергѣевна, внутренне стонавшая отъ каждаго новаго займа, старалась себя бодрить и утѣшать мыслию, что самыя цвѣтуція государства принуждены имѣть миллиарды долгу, и что вслѣдствіе этого долги скорѣе служатъ признакомъ хозяйственной энергіи и предпріимчивости, чѣмъ предзнаменованьемъ разоренія. За энергію она наивно принимала ту горячность, съ которой она обыкновенно ухватывалась за каждую мысль, случайно зароненную въ ея голову кѣмъ-нибудь другимъ. Насчетъ вѣрности своихъ предположеній Татьяна Сергѣевна имѣла счастье никогда не сомнѣваться; въ ней буквально примѣнялись пока слова поэта: „блаженъ кто вѣруеть, тепло тому на свѣтѣ“. Хозяйство ея шло безукоризненно, Иванъ Семеновъ былъ безукоризненно честенъ и искусенъ, воспитанье дѣтей подъ руководствомъ миссъ Гукъ и м-ше Трюше точно также шло безукоризненно. Словомъ, выпивая свою чашку кофе, Татьяна Сергѣевна каждое утро чувствовала приливъ сердечной благодарности къ Провидѣнію за то, что оно дало ей силы такую твердую и безошибочную руку отправлять свои многосложныя обязанности относительно семьи и „своихъ меньшихъ братій“, прибавляла она со вздохомъ, мысленно подразумѣвая крестьянъ.

— Господь видимо поддерживаетъ руку слабой, неопытной женщины, возлагая на нее жизненный крестъ тяжелѣе, чѣмъ возложенъ

на другихъ! сообщала она въ такихъ случаяхъ миссъ Гукъ, которая, въ качествѣ пресвитеріанки, была любительницей библейской философіи.

Хотя Татьяна Сергѣевна при подобныхъ бесѣдахъ не доходила до настоящихъ слезъ, однако слегка проводила по глазамъ батистовымъ платкомъ и принимала совершенно растроганный видъ. Но сладкая самоувѣренность Татьяны Сергѣевны не могла измѣнить рокового хода событій, въ которомъ каждая причина неизмѣнно вызываетъ свое послѣдствіе, нравится-ли оно намъ или нѣтъ, предвидѣли-ли мы его или рассчитывали на нѣчто совершенно противоположное. Татьяна Сергѣевна выше головы увлекалась своими реформаторскими распоряженіями по хозяйству и открытіемъ давно открытыхъ Америкъ въ спасскихъ водахъ и поляхъ. А тутъ, какъ нарочно, кипучая молодость Лиды непобѣдимо направляла на себя одну всѣ цѣли жизни спасскаго дома. Возрастъ Лиды, казалось, такъ естественно давалъ ей несомнѣнное преимущество надъ братьями. Они еще мальчишки, она невѣста. Приготовить для нея блестящую партію, увѣнчать свадебнымъ вѣнцомъ томительные труды ея долгой школьной жизни—это была такая серьезная задача, передъ которою должны были пока отступить всѣ остальные. Для всѣхъ другихъ время вперед; для этой одной ждать безумно и нужно ковать желѣзо, пока горячо. Татьяна Сергѣевна никому-бы не призналась, даже не призналась-бы самой себѣ, что въ молодости Лиды она нашла свою вторую молодость. Лидины наряды, праздники, веселое многолюдство, невольно вызванное въ спасскомъ домѣ пріѣздомъ Лиды,—все это жило въ сердцѣ Татьяны Сергѣевны. Сердце это сознавало себя еще далеко не состарѣвшимся, и если Татьяна Сергѣевна не рѣшалась никому исповѣдывать этого внутренняго сознанія своего, чтобы не поколебать авторитета своей материнской почтенности, то тѣмъ не менѣе во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся выѣздовъ и пріѣздовъ, она не могла избѣгнуть увлеченія, весьма, впрочемъ, прилично прикрытаго ея заботами о Лидѣ. Къ тому-же передъ Татьяной Сергѣевной, несмотря на всю глубину ея непрактичности, иногда изъ неприятныхъ разговоровъ съ людьми, требовавшими денегъ, или съ людьми, у которыхъ просились деньги, открывалась, хотя и не совсѣмъ ясно, страшная пропасть, въ которую рушилось ея состояніе. Сдѣлаться бѣднѣе, чѣмъ она теперь была, было для

Татьяны Сергѣевны положительно невозможно, по ея непоколебимому убѣжденію. Вспоминая золотой вѣкъ своего дѣтства, когда она жила дѣвушкой у матери и отца, потомъ свой роскошный образъ жизни въ Петербургѣ, когда она вышла замужъ за значительнаго чиновнаго человѣка, Татьяна Сергѣевна и безъ того разсматривала свой настоящій бытъ, какъ неизбѣжный компромисъ съ злою судьбою, какъ эпоху своего паденья, нѣчто въ родѣ того паденья, которое постигло нѣкогда любимица Петра, Александра Даниловича Меншикова, и о которомъ она читала такое трогательное описаніе въ книгѣ для дѣтей г. Фурмана. Но потерять и это, лишиться послѣдняго домишка, пріютившаго ее въ ея деревенской сснлкѣ, — это казалось Татьянѣ Сергѣевнѣ до того несправедливымъ и возмутительнымъ, что останавливаться на подобной мысли — значило оскорблять правосудіе неба. Твердо вѣря въ чувствительныя восклицанія разныхъ героинь и въ сентенціи цоучительныхъ книжекъ, Татьяна Сергѣевна не хотѣла вѣрить пословицѣ русскаго мужика: жизнь прожить — не поле перейти! Проживши до 40 лѣтъ въ фантастическомъ мірѣ мечтаній и условныхъ правилъ, она не уразумѣла, сколько горькой и непритворной серьезности лежитъ въ вопросахъ существованія человѣка. Жизнь не успѣла убѣдить ее, что человѣкъ безъ платья замерзаетъ на морозѣ, что человѣкъ безъ хлѣба умираетъ отъ голода, что человѣкъ, непонимающій, какъ добывать и сберегать свои средства, долженъ непременно кончить разореніемъ — все равно — называется онъ баринкомъ или мужикомъ. Татьяна Сергѣевна продолжала шутить съ жизнью, воображая, въ своей институтской наивности, что трогательные порывы сердца обезпечать ея судьбу, что за ея ласковныя слова кто-то пощадитъ ее и похлопочетъ за нее, что, однимъ словомъ, не можетъ быть, чтобы она, Татьяна Сергѣевна Обухова, которой такъ нужны большія средства, которая такъ привыкла къ большимъ средствамъ и такъ любить большія средства, чтобы она вдругъ осталась безъ нихъ, подобно жалкимъ побирושкамъ въ черныхъ затасканныхъ платкахъ, проливающимъ слезы въ пріемныхъ разныхъ начальниковъ. Но если, однако? Подписанные закладныя и векселя смутною чередою пробѣгали по впечатлительному сердцу Татьяны Сергѣевны. Но она была бевстрашна и неистощима! Замужество Лиды поправить все. Это вопросъ рѣшенный. Если-бы и была опасность,

то судьба отклонить ея ударъ. Лида создана была для блеска, роскоши и праздности. Бываютъ натуры, аристократическія по своему существу; Лида изъ нихъ. Она, очевидно, избранница и ей не можетъ предстоять пошлый жребій дюжинныхъ барышень. О, она не Надя Коптева; ее нельзя обратить ни въ самку, ни въ кухарку. Няньчить больныхъ дѣтей и разливать чай мужу—еще не Богъ знаетъ, что за счастье. Лида должна принадлежать свѣту, настоящему большому свѣту, гдѣ нѣтъ разговора объ урожаѣ овса и гдѣ не философствуютъ со старостами. Осудить ее на бѣдность—значить убить ее. Умереть она можетъ, но войти въ сальный и непристойный міръ бѣдности не можетъ. Къ счастью, ея собственные вкусы таковы, что трудно бояться для нея подобной судьбы. Татьяна Сергѣевна давно и съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что Лида какъ-то невольно, помимо собственнаго желанія, обѣгаетъ людей ничтожнаго круга, словно не видитъ ихъ, и прямо идетъ туда, гдѣ она должна быть и господствовать. Подумаешь, у ней нѣтъ органа чувствъ для людей чуждаго ей міра. Въ этомъ, конечно, сказывается благородство породы и инстинктивное призваніе къ высшимъ формамъ жизни.

— Вы знаете, *m-lle* Трюше, русскую пословицу: рыба въ рыбака видитъ издалека! О, наши русскія пословицы необыкновенно иѣткы и умны. Я вамъ когда-нибудь переведу ихъ на французскій языкъ, *m-lle* Трюше, но, разумѣется, онѣ потеряютъ въ переводѣ свою соль, свой, такъ-сказать, *haut gout*.

M-lle Трюше горячо поддерживала мечтанія Татьяны Сергѣевны и увѣряла, что она не можетъ себя представить Лиду иначе, какъ женой какого-нибудь изящнаго французскаго маркиза или виконта.

— Истинно изящныхъ людей вы можете встрѣтить только во Франціи, прибавляла *m-lle* Трюше, увлекаясь своими воспоминаніями.

На совѣтѣ съ *m-lle* Трюше генеральша рѣшила какъ можно болѣе знакомить Лиду съ французскою свѣтскою жизнію, давать ей читать романы лучшихъ французскихъ писателей, конечно, не Жоржъ-Занда и не Бальзака, а писателей новой школы. Съ одной стороны, это необыкновенно полезно для французскаго разговора, съ другой стороны—дать Лидинимъ мыслямъ

менѣ дикое направленіе, приличное ея возрасту и ожидающимъ ее обязанностямъ.

— Скажите, пожалуйста, спросила по этому поводу m-ше Трюше,—я думаю, въ вашей русской литературѣ нѣтъ ничего, подобнаго нашимъ безподобнымъ французскимъ писателямъ? Вѣдь у васъ, однако, есть-же какая-нибудь литература, какіе-нибудь романы или повѣсти? Я знаю, что нѣмцы не имѣютъ литературы, т. е. того, что мы называемъ belles lettres; у нихъ только одніѣ ученныя книги, но вотъ у англичанъ тоже бываютъ романы, только, конечно, скучные и тяжелые, совершенно не то, что у насъ... Какіе-то трактаты, а не романы; никакой игривости и легкости. Я читала англійскій романъ во французскомъ переводѣ—очень скучно...

Въ работахъ своихъ о Лидѣ, въ совѣщаніяхъ съ гувернантками о Лидѣ, въ приемѣ гостей для Лиды, въ выѣздахъ въ гости для Лиды—Татьяна Сергѣевна совершенно позабыла о своихъ мальчикахъ. Боря еще былъ малъ. Но Алешѣ уже исполнилось пятнадцать лѣтъ. Татьяна Сергѣевна была убѣждена сама и говорила всѣмъ, что готовить Алешу въ университетъ.

— Теперь мальчику невозможно обойтись безъ университета, милая m-ше Каншинъ, нерѣдко сообщала генеральша своей ссѣдкѣ.—Я говорила съ очень многими знаменитыми педагогами въ Петербургѣ,—вѣдь вы знаете, какъ серьезно смотрю я на воспитаніе дѣтей,—они всѣ совѣтовали мнѣ готовить Alexis'a въ университетъ. Помните Платона Семеновича Глушцова? Вѣдь онъ теперь сдѣланъ попечителемъ учебнаго округа: отличное мѣсто получилъ, шесть тысячъ жалованья и столько наградъ. Вѣдь онъ управлялъ имѣніемъ князя Темнаго; князь и выхлопоталъ ему мѣсто попечителя...

— Какже я отлично знаю старичка. Entre nous soit dit, онъ пороку не выдумаетъ, но премилый, предобрый старикашка, а ужъ *gourmand* записной, постоянно держитъ самыхъ дорогихъ поваровъ...

— Да, такъ Платонъ Семенычъ... ужъ онъ, кажется, долженъ знать эти дѣла; всѣ профессора и педагоги у него-же служатъ... Онъ прямо мнѣ сказалъ: *chère m-ше Обуховъ*, готовьте малаго въ университетъ, не мудрствуя лукаво!.. Это его подлинное выраженіе: „не мудрствуя лукаво“. Вы знаете, те-

перь у нихъ мода выражаться по-славянски, у этихъ знатныхъ людей.

— О, да, это совершенно справедливо! поддерживала въ подобныхъ случаяхъ госпожа Каншина.—Знаете, Voldemar, сынъ моей сестры Зины, вѣдь онъ уже теперь служить, такъ не можете представить, сколько ему было затрудненій поступить на службу въ Петербургѣ. Всѣ эти важные министерскіе господа прямо такъ и спрашиваютъ: были въ университетѣ? Ну, говорятъ, очень жалѣемъ; если-бы вы были университетскій—другое дѣло! Университетъ теперь совершенно необходимъ для карьеры молодого человѣка; какъ-то вездѣ принято, чтобы непременно быть въ университетѣ.

—Только я рѣшилась готовить своего Alexis'a дома, съ покорнымъ вздохомъ исповѣдывалась генеральша.—Конечно, я сознаю всю трудность предпринятой задачи, но согласитесь, моя добрая м-ше Каншинъ, что мы обязаны всѣмъ жертвовать для счастья своихъ дѣтей. Отдать Alexis'a въ гимназію, гдѣ учатся дѣти портныхъ и сапожниковъ, согласитесь, не особенно пріятно для матери. Я видѣла на улицѣ этихъ гимназистовъ. Представить себѣ нельзя, что за общество! Настоящіе gamins de boulevard... А что за манеры, что за языкъ!.. Я предпочла лучше бросить нѣсколько сотенъ рублей, но только убережъ своего ребенка отъ этого ужаснаго общества. Особенно Alexis... онъ такой робкій и застѣнчивый...

— Это мое давнее и глубокое убѣжденіе, м-ше Обухова, соглашалась госпожа Каншина.—Вѣдь я, вы знаете, тоже воспитала своихъ дочерей дома и, могу сказать полага руку на сердце, воспитала *сама*, собственными усиліями... Моя Зоя...

— Видите-ли, моя добрѣйшая сосѣдка, слышала перебить Татьяна Сергѣевна, зная, какъ трудно для госпожи Каншиной воздержаться отъ длинныхъ трактатовъ насчетъ способностей и свѣденій ея ученыхъ дочекъ.—Моя неоцѣненная мысль Гукъ—это цѣлая академія. Она хоть въ профессору можетъ готовить по нѣкоторымъ предметамъ. Поэтому я ей поручила географію и всеобщую исторію. О, какъ она ихъ знаетъ, м-ше Каншинъ! Я желала-бы, чтобы вы когда-нибудь послушали, какъ она начнетъ исчислять дѣтямъ всѣхъ этихъ старыхъ королей! Не понимаю, отбуда берется у нея такая память. Представьте себѣ, даже все,

что было до Рождества Христова, она может вамъ разсказать по годамъ и никогда не ошибется... Теперь французской литературой занимается съ дѣтми m-lle Трюше, она восхитительно речетуруетъ трагедіи Расина и Корнеля... въ ней есть что-то рашелевское, неправда-ли? Учителя ѣздятъ къ Alexis'у только по русскому языку и разнымъ тамъ математическимъ наукамъ. Но я чувствую, что шишовскіе учителя уже не могутъ удовлетворить университетскимъ требованіямъ. Теперь вѣдь программы чрезвычайно строгія, не то, что прежде. Я думаю выписать для Alexis'а хорошаго, основательнаго студента, который-бы постоянно съ нимъ занимался высшими науками. Вѣдь ему осталось всего только два годъ до экзамена.

— О, я увѣрена, дорогая Татьяна Сергѣевна, что вашему Alexis'у боаться нечего! При такой заботливой и просвѣщенной матери, онъ во всемъ успѣетъ. Вѣдь вы сами, кажется, получили шифръ изъ института?

— Какже, какже, моя милѣйшая m-me Каншина, даже первый шифръ, чтобы уже совсѣмъ похвастаться говорила Татьяна Сергѣевна, переполняясь удовольствіемъ отъ этого пріятнаго напомнанія.—О, вы меня не знаете, какой я еще педагогъ! Я-бы сама могла приготовить дѣтей, куда хотите, если-бы не дѣла... Эти несносныя дѣла совсѣмъ отбили меня отъ воспитанія дѣтей... Знаете русскую пословицу: уватали лошадеу крутыя горка! Вы развѣ не отобѣдаете у насъ, дорогая сосѣдка?

Хвастливая болтовня Татьяны Сергѣевны шла сама по себѣ, а ученье Алеши—само по себѣ. Шишовскіе учителя заставляли его два раза въ недѣлю долбить русскую грамматику и писать подъ диктовку, заставляли зубрить латинскія склоненія и спряженія, задавали задачи изъ арифметики; миссъ Гукъ, съ своей стороны, заставляла Алешу учить на память составленную ею самой тетрадку географическихъ и историческихъ именъ съ разными цифрами, написанную на англійскомъ языкѣ; m-lle Трюше требовала диктовки и декламировала Расина, но Алеша ничего не понималъ ни въ литературѣ, ни въ грамматикѣ, ни въ математикѣ, ни въ исторіи. Онъ и не хотѣлъ ничего понимать въ нихъ. Онъ

ненавидѣлъ даже заглавія этихъ наукъ. Книжки въ переплетахъ, излагавшія эти науки, представлялись ему самыми злыми его личными врагами. Ему казалось, что всё обучающіе его нападаютъ на него, посягаютъ на его волю, и его вкусы. Французонка вливается въ него своими безконечными досадливыми рацеями за то, что онъ сидитъ или стоитъ такъ, какъ ему удобно, а не такъ, какъ она для него выдумала. Выйдетъ онъ погулять; зашевелятся у него въ головѣ и сердцѣ живые порывы,—сухая англичанка съ нимъ рядомъ; она требуетъ, чтобы онъ въ эту минуту бесѣдовалъ съ нею на чуждомъ и противномъ ему языкѣ, картավилъ буквы, которыя онъ можетъ произносить отлично, говорилъ-бы не о томъ, о чемъ онъ хочетъ, и не такъ, какъ онъ хочетъ, а опять-таки о томъ, что кажется болѣе полезнымъ его сухопарой воспитательницѣ, и такъ именно, какъ предписываетъ она. Потому прѣйдутъ учителя. Всѣ они не говорятъ съ нимъ ничего понятнаго, ничего интереснаго и нужнаго ему, а только ловятъ его и пытаются его. Одинъ старается докопаться, не списалъ-ли онъ рѣшенія задачи изъ „отвѣтовъ“, помѣщенныхъ въ концѣ книги; другой производитъ слѣдствіе, не упустилъ-ли онъ въ латинскомъ переводѣ какой-нибудь грамматической формы. Этотъ мрачно подчеркиваетъ ошибки въ диктовкѣ, тотъ журитъ его за то, что изъ его головы повиспались нѣкоторыя тарабарскія слова изъ числа множества другихъ, которыми онъ былъ обязанъ набить свою голову. Не исполнить ихъ требованій дѣлается иногда сладко для Алеши. Идеалъ его—когда-нибудь забыть на-вѣки все то, что навязывали ему насильно, вбивали въ него гувернантки и учителя. Въ душѣ у Алеши живетъ совсѣмъ другая жизнь; ему нужно совсѣмъ другое. Но никто изъ нихъ не разъясняетъ ему этого другого, ему нужнаго; никто не говоритъ ему о немъ, никто изъ нихъ, кажется, и не подозрѣваетъ, что есть на свѣтѣ это другое, полное правды и жизни. Алешѣ было пятнадцать лѣтъ, но онъ во многихъ отношеніяхъ былъ младенецъ. Глубоко несчастіе дѣтей, которыхъ дѣтство прошло не въ деревнѣ, а въ четырехъ-этажномъ домѣ петербургской улицы. Дѣтямъ необходимо просторъ и свѣжесть деревенскаго поля, деревенскаго сада, деревенской рѣчки, какъ необходимы они жеребятѣмъ, молодымъ бычкамъ, молодой птицѣ. Квартира вѣчно мѣняемая, люди, мѣняющіеся какъ волна, многочисленныя какъ волна, не устанавли-

ваютъ такихъ прочныхъ и теплыхъ отношеній къ мѣсту и людямъ, какія вырастаютъ обыкновенно въ душѣ ребенка въ домотой обстановкѣ какого-нибудь сельскаго хутора, гдѣ онъ сживается, словно съ дорогими членами семьи, и съ старою ветлою надъ прудомъ, и съ старымъ кресломъ въ комнатѣ дѣда, гдѣ его сердце, ищущее привязанности, дружится и съ гнѣдою кобылою на конюшнѣ, и съ мохнатымъ дворовымъ псомъ. Только въ свѣжемъ и суровомъ дыханьи деревни дышетъ здоровьемъ дѣтская грудь; деревенскія дѣти бѣгаютъ по лугамъ вмѣстѣ съ жеребятами, такія-же рѣзвыя и удалныя; деревенскія дѣти плаваютъ въ рѣкѣ съ утками, проворно и смѣло, какъ онѣ; деревенскія дѣти на деревьяхъ вмѣстѣ съ птицами, веселыя и легкія, какъ птицы. Есть отчего разогрѣться молодой крови, есть отчего зарумяниться щекамъ. Природа полна дѣтствомъ. Все, что растетъ лѣтомъ въ лѣсу и саду, все, что поетъ и летаетъ весной, что бѣгаетъ по травѣ съ звонкимъ ржаніемъ, что мычитъ, кричитъ или щебечетъ кругомъ, — все это исполнено простоты, радости и молодости, все это — дѣтство своего рода, полезное, сладкое и необходимое для человѣка-ребенка. Деревня не только лучший врачъ, она и лучший воспитатель. Только въ откровенной и безхитростной обстановкѣ деревни не замаскировывается ничѣмъ отъ жаднаго вниманія молодого мозга великая сила природы. Чреда годовныхъ временъ проходитъ предъ нимъ во всей своей торжественной медленности и мощи. Деревенскій ребенокъ часъ за часомъ, день за днемъ видитъ шаги новой надвигающейся силы. Каждая проталинка въ лѣсу, каждый бугоръ, съ котораго сбѣжалъ снѣгъ отъ горячаго весенняго луча, у него на глазахъ и въ сердцѣ; онъ отыскиваетъ и рветъ собственною рукою первый подснѣжникъ. Онъ во сто разъ лучше всякихъ рассказовъ и учебниковъ своимъ собственнымъ существомъ убѣждается въ томъ, что солнце подходитъ ближе, что дни становятся длиннѣе, что яркая зеленая жизнь борется съ бѣлымъ, могильнымъ саваномъ, и что жизнь эта своимъ свѣтомъ, тепломъ, движеніемъ побѣждаетъ, наконецъ, неподвижную могилу. Какъ растутъ цвѣты и деревья, какъ зрѣютъ хлѣба, какъ текутъ воды и что въ этихъ водахъ, какія гнѣзда вьютъ себѣ птицы и какія яйца кладутъ въ нихъ, и когда выходятъ птицы изъ яицъ, сколько ихъ, какія они, какъ ухаживаетъ за ними самочка, — все это деревенскій ребенокъ

знаетъ твердо, какъ профессоръ, наглядно, реально и несомнѣнно. Въ деревенской природѣ ему ежедневно открытъ обширнѣйшій въ мѣрѣ музей естественной исторіи, физики, географіи, метеорологіи, чего хотите, такая поучительная школа нагляднаго обученія, передъ которою фребелевскіе сады, устроиваемыя на квартирахъ Васильевскаго острова, то-же самое, что цвѣтокъ, засушенный въ книгѣ, передъ живымъ лугомъ травъ и цвѣтовъ. Деревенскій ребенокъ—свидѣтель всего, отъ него и не скрываютъ, и нельзя скрыть ничего; онъ вездѣсущъ, какъ природа,—на сѣнокосѣ, на скотномъ дворѣ, на мельницѣ. Ему уже не скажете, что телушечекъ Господь посылаетъ въ корзиночкахъ съ неба и что коровница подбираетъ ихъ ночью. Онъ искреннѣе самой коровницы ожидаетъ, когда отелится его любимая бурая корова; онъ давно видитъ ея раздутое брюхо и знаетъ, что тамъ теленокъ отъ чернаго быка; его не занимаютъ безсильныя и развратныя мечтанья на эту тему испорченнаго городского мальчика. Для деревенскаго ребенка это обыкновенный, естественный фактъ, какъ тысячи другихъ, ему извѣстныхъ; онъ не останавливается на бесплодныхъ рефлексіяхъ, а полонъ трепетнаго ожиданья: телочка или бычекъ; ахъ, если-бы телочка! Надъ чѣмъ городской ребенокъ долженъ возиться, думать, заучивать, то давно знаютъ деревенскія дѣти. Они проводили ржаное зерно, начиная съ полевого колоса; на ихъ глазахъ скосили его, на ихъ глазахъ клали въ конныя и скирды, сушили въ овинѣ, молотили, вѣяли, чистили, ссыпали въ амбаръ, провѣтривали на солнцѣ, мололи на мельницѣ; на ихъ глазахъ баба просѣвала муку, мѣсила тѣсто, ставила хлѣбы въ печь. Они сами не разъ отвѣдывали этого хлѣба и не разъ убѣждались, какъ не вкусенъ хлѣбъ изъ затхлой муки, какъ сладокъ изъ новины. Послѣ этого имъ не понадобится разсматривать какія-нибудь „коллекціи для нагляднаго обученія“ или учить на память „Овсяный кисель“ Жуковскаго, въ которомъ они сразу замѣтятъ потѣшныя ошибки поэта, воспѣвавшаго деревенскаго сторожа, но незнавшаго деревни. И въ то время, какъ учитель столичнаго заведенія добросовѣстно ухитряется познакомить своихъ учениковъ съ терминами физической географіи, строя имъ для этого мысы и полуострова изъ песку, наливая воду, покупая дорогія рельефныя карты, ученикъ, котораго учить деревенская мать-природа, давно собственнымъ

опытомъ знаетъ рукава, заливы, проливы, острова и полуострова рѣки, которую онъ переходилъ сто разъ вбродъ, засучивъ свои штанишки, разыскивая въ ея тростникахъ разныхъ головоастиковъ, лягушекъ, раковинъ, пъявокъ, водяныхъ жуковъ и молодыхъ утятъ, или переплывалъ нѣсколько разъ, то въ мельничной лодкѣ, то на собственныхъ рученкахъ.

Алеша родился и выросъ хилымъ петербургскимъ ребенкомъ, смутно полагавшимъ, что всѣ припасы готовятся въ мелочныхъ лавочкахъ на углу петербургской улицы или, по большей мѣрѣ, въ Милютинныхъ и Елисейскихъ лавкахъ на Невскомъ проспектѣ. Лошадей онъ видѣлъ только въ лакированныхъ экипажахъ на плоскихъ ресорахъ, въ серебряныхъ наборахъ, ученыхъ, послушныхъ, красивыхъ. Мужикъ ему представлялся или въ видѣ сытаго дворника въ чистомъ фартукѣ, получающаго пятнадцать рублей серебромъ въ мѣсяцъ, или въ видѣ пузатаго бородача-кучера въ красивомъ армякѣ, шляпѣ и перчаткахъ, а баба въ видѣ откормленныхъ, румяныхъ кормилицъ въ парчевыхъ кокошникахъ, бусахъ и яркихъ сарафанахъ. Алеша тѣмъ крѣпче вѣрилъ въ свои представленія, что на всѣхъ картинкахъ, которыя покупали ему и которыя онъ иногда видѣлъ въ окнахъ магазиновъ, лошади, мужики и бабы были нарисованы исключительно въ этомъ одномъ видѣ рысаковъ, кучеровъ и сарафаницъ. Татьяна Сергѣевна возила его раза три въ театръ, гдѣ въ драмѣ Букольника „Рука Всевышняго отечество спасла“ и въ „Русской свадьбѣ XVII столѣтїа“ Алеша тоже видѣлъ много русскихъ мужиковъ и бабъ; но и они нисколько не разубѣдили его въ составленномъ имъ честномъ мнѣнїи о благообразїи и благосостоянїи мужика. Настоящаго „мужицкаго“ мужика Алеша въ первый разъ хорошенько рассмотрѣлъ въ с. Спасяхъ. Тамъ жили мужики ужъ не въ красныхъ рубахахъ и лакированныхъ сапогахъ. Тамъ разстилалась на необозримыя пространства, на сѣверъ, югъ, восходъ и закатъ, подлинная сермяга, пасконъ и лапотъ. Тамъ копошились въ грязныхъ и дымныхъ лачугахъ корявыя и нечесанныя фигуры, нисколько непоходившія ни на петербургскаго кучера, ни на московскую кормилицу, тамъ были запряжены оборванными веревками въ изломанныя, трясучія телѣженки выродившіяся, надорванныя клачи, гораздо болѣе похожія на телятъ или ословъ, чѣмъ на благороднаго крутошеяго рысака, размахисто несущаго по Невскому проспекту

лаковые санки съ медвѣжьей полостью. На Алешу напалъ какой-то бессознательный ужасъ въ первые дни деревенской жизни. Онъ раскрылъ ротъ и глаза на все, неожиданно представшее ему, и напѣтывался новыми впечатлѣніями съ болѣзненнымъ замираніемъ сердца. Онъ видѣлъ кругомъ грязь, лишенья, мучительный трудъ, вопіющую несправедливость, вопіющую неравномѣрность, скотскую грубость и жестокость. Онъ видѣлъ, что ужасавшее его — цѣлый океанъ, цѣлая стихія, что въ немъ, какъ скорлупа въ морѣ, теряется та кучка избранниковъ счастья, по которымъ онъ до сихъ поръ составлялъ свои понятія о цѣломъ мірѣ. Въ этомъ былъ главный источникъ его ужаса. Алеша былъ мальчикъ болѣзненнаго развитія, нервный и впечатлительный до послѣднихъ предѣловъ. Петербургъ доканалъ его организмъ, обезкровилъ его и еще болѣе раздражилъ нервы. Татьяна Сергѣевна, ея гувернантки и совѣтчики не понимали ни организма, ни психіи Алеша, и дѣлали все, чтобы въ одно и то-же время раздражать его впечатлительность и загонять эту впечатлительность внутрь, въ безмолвные тайники сердца, въ темнотѣ которыхъ такъ часто зрѣютъ у дѣтей, незамѣчаемыя поверхностными воспитателями, глубокія симпатіи и антипатіи, рѣшенія, вкусы и убѣжденія, опредѣляющія всю ихъ послѣдующую жизнь. Алеша пріѣхалъ въ Спасъ съ привычкою упорнаго сосредоточенья въ себѣ и потребностью неутолимаго внутренняго анализа всего, что совершалось кругомъ. Способности его были въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ блестящи до гениальности, но именно только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; что его не интересовало, въ томъ онъ не могъ успѣвать. У него не было этого дешеваго умѣнья усвоивать на заказъ все и вся, по мановенію чужой воли, — умѣнья, которое, къ несчастью, такъ распространено въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ и которое, еще къ большому нашему несчастью, почти вездѣ служитъ мѣриломъ достоинства и успѣха. Алеша не умѣлъ принуждать себя; засѣлъ съ 3-хъ до 4 часовъ за латинскую грамматику, съ 4-хъ до 5 — за географію, съ 5 до 6 — за математическую задачу и всѣми этими предметами заниматься съ одинаковою безучастною добросовѣстностью, акуратно и терпѣливо каждый божій день, какова-бы ни была погода на дворѣ, каковы-бы ни были мечты въ головѣ, какъ-бы ни билось въ груди живое сердце — всего этого, на что такъ бывають искусны такъ-называемые „отличные уче-

ники“ учебныхъ заведеній, Алеша осилить не могъ. Математики онъ совсѣмъ не любилъ и плохо понималъ ее. Если-бы нашелся умный человѣкъ, который-бы раскрылъ передъ разумомъ Алешки истинный смыслъ и истинную красоту этой науки наукъ, Алеша. по характеру своихъ вкусовъ, былъ-бы увлеченъ математикой совсѣмъ съ головою; онъ томился инстинктивною жаждою абсолютнаго, всеразрѣшающаго, всеподчиняющаго принципа. Въ этомъ стремленіи была вся особенность и сила его духа. Но бездарные люди учили его скучному счетному мастерству, и онъ получилъ глубокое отвращеніе отъ науки, наиболѣе соответствовавшей его способностямъ. Миссъ Гукъ точно также была убѣждена, что у Алешки нѣтъ памяти и вкуса къ исторіи и географіи; въ своемъ аккуратномъ журнальчикѣ, гдѣ она въ безчисленныхъ графахъ записывала, съ соблюденіемъ тончайшихъ оттѣнковъ, успѣхи и поведеніе дѣтей въ классахъ и даже внѣ классовъ, Алешѣ постоянно писалось за Chronology—Bad и Very bad; почти такъ-же атестовался бѣдный Алеша и въ графѣ географіи, а въ графѣ, изслѣдовавшей степень вниманія дѣтей во время уроковъ, миссъ Гукъ своимъ красивымъ и ровнымъ почеркомъ ежедневно ставила одно и то-же выраженіе, казавшееся ей весьма укоризненнымъ: „sleepy and absent“. Алеша попалъ у своихъ домашнихъ въ лѣтнія и бездарности, въ то время, какъ его огненный мозгъ и трепетные нервы надрывались непобѣдиною жаждою самаго глубокаго и всесторонняго знанія. Татьяна Сергѣевна была добра и ласкова по натурѣ, но по легкомыслію своему она совершенно отодвинулась отъ воспитанія сына; ее занимало петербургское общество, невинное хвастовство своими дѣловыми и семейными добродѣтелями за чашкой кофе, у себя или у знакомыхъ, домашнія сплетни съ гувернантками. Въ воспитательный геній миссъ Гукъ она вѣрвала всецѣло и съ удовольствіемъ лишала себя права вмѣшиваться въ ея дѣйствія.

— Я не смѣю, я не должна оскорблять этой необъязанной дѣвушки, любила говорить на этотъ счетъ Татьяна Сергѣевна.— Это олицетворенное самоотверженіе и олицетворенная педагогія; если-бы мы жили въ эпоху древнихъ грековъ, ее-бы сдѣлали богиней педагогій! патетически увѣрала Татьяна Сергѣевна.— Признаюсь вамъ, mesdames, я сама училась хорошо и таки могу сказать смѣло, смыслю кое-что въ этомъ дѣлѣ; но у меня-бы не-

достало сотою доли того ангельскаго терпѣнія, той желѣзной настойчивости и той громадной начитанности, которыми обладаетъ эта несравненная миссъ Гукъ. Увѣряю васъ, я начала спать спокойно только съ ея прїѣзда; это мой ангель-хранитель; когда она при дѣтяхъ, я знаю, что это лучше, чѣмъ-бы я сама была при нихъ.

Татьяна Сергѣевна ошибалась даже въ этомъ послѣднемъ случаѣ. Какъ-бы ни была проста и невѣжественна мать, рѣдко любовь ея можетъ такъ грубо ошибиться въ истинныхъ свойствахъ и вѣусахъ своего ребенка, какъ зачастую ошибаются, къ непоправимому вреду своихъ питомцевъ, самонадѣянныя воспитатели, чуждые имъ и духомъ, и кровью. Татьяна Сергѣевна съ горемъ пополамъ считала своимъ долгомъ журить Алешу за лѣнь и невниманіе, но, по материнской слабости, все-таки пыталась легонько отстаивать свое дѣтище передъ строгою англичанкою.

— Ахъ, миссъ Гукъ, если-бы вы знали, сколько онъ перенесъ разныхъ болѣзней, говорила она въ извиненіе Алешы. — Онъ такой слабый мальчикъ. Къ тому-же онъ такъ застѣнчивъ. Я очень боюсь, что онъ никогда не выдержитъ никакого экзамена.

Татьяна Сергѣевна знала въ Алешѣ только его внѣшнюю сторону — слабость физическихъ силъ и застѣнчивость съ людьми; она никогда не говорила съ нимъ интимно, никогда не пыталась заглянуть въ то глубокое психическое море, на днѣ котораго растутъ у человѣка его жемчуги и живутъ его чудовища. Никто-бы такъ не удивился, какъ она, если-бы какинъ-нибудь волшебствомъ вдругъ сдѣлались ясны свѣту божьему тѣ серьезныя мысли и тѣ глубокія чувства, какія втихомолку зрѣли на желѣзной кроваткѣ въ углу ея дѣтской. Эта добрая, но пустая мать, воображавшая, что она крайне снисходительна къ лѣни и слабостямъ своего Алешы, никому-бы не повѣрила, что въ этомъ лѣнтяѣ рдѣлъ мозгъ, достойный Паскаля. Алеша не хотѣлъ учиться тому, чему его учили, потому что въ сухой и безсодержательной обработкѣ учебниковъ не узнавалъ духа, которому онъ служилъ, котораго вездѣ искалъ. Онъ искалъ разъясненія жизни и природы, — ему давали слова и формулы, не вдыхая въ нихъ смысла. Онъ искалъ истины, — его принуждали глотать разбитые кусочки ея скорлупы. Убѣдясь, что учителя — враги, что учебники — враги, что мать не хочетъ и не можетъ его знать, Алеша самъ сталъ смотрѣть

на людей и ихъ требованья съ враждебнымъ недоувѣрjemъ. Онъ рано сдѣлался скрытнымъ, упрямымъ, застычивымъ. Ему не хотѣлось ни съ кѣмъ говорить ни слова. Зачѣмъ говорить? Онъ заранѣе знаетъ, что они скажутъ, чего потребуютъ; ему этого не нужно; что ему нужно, того они не знаютъ, надъ тѣмъ они будутъ смѣяться. Кромѣ посѣтительницъ и посѣтителей гостиной Татьяны Сергѣевны, Алеша никого не видалъ. Онъ часто подслушивалъ, завернувшись въ тяжелую гардину двери, гостиной что такое говорятъ съ его мамой эти гости. Ему всегда дѣлалось стыдно и скучно, послѣ этихъ пустыхъ разговоровъ, гдѣ ежедневно нѣсколько разъ повторялись тѣ-же неинтересныя новости, гдѣ всѣ по очереди сплетничали другъ на друга, не исключая и Алешиной мамы; мама такъ много выдумывала гостямъ про своихъ дѣтей, про свою жизнь, что Алеша краснѣлъ за нее въ своей засадѣ.

— Зачѣмъ это она выдумываетъ и всѣмъ повторяетъ одну и ту-же неправду? Развѣ это имъ весело и интересно? щемило у него на сердцѣ.

Онъ подходилъ машинально къ окну и глядѣлъ изъ него на кареты и лошадей, лакеевъ, толпившихся у дома, ожидавшихъ господъ.

— И всякій день они возятъ этихъ гостей и ждутъ ихъ, вся ихъ жизнь въ этомъ проходитъ! думалось Алешѣ. — А гости не знаютъ, что говорить съ мамой, чѣмъ заниматься, переливаютъ изъ пустого въ порожнее; неужели человѣкъ живетъ для того, чтобы ѣздить и болтать, когда ему уже нечего болтать, или для того, чтобы развозить болтуновъ по другимъ болтунамъ и ожидать ихъ на морозѣ? И такъ всю свою жизнь! вздрагивалъ Алеша.

Спрятавшись отъ людей въ свою раковину, Алеша неудержимо отдался чтенiю. Книга стала для него всѣмъ. Въ ней онъ учился, въ ней любилъ, въ ней бесѣдовалъ. Ни Татьяна Сергѣевна, ни миссъ Гугъ долго не подозрѣвали, что Алеша читаетъ книги. Библиотеки у Татьяны Сергѣевны не было, а былъ случайный сбродъ всякихъ сочиненiй, всякихъ авторовъ: ничего по естествознанiю, по точнымъ наукамъ, много такъ-называемыхъ классическихъ авторовъ, особенно французскихъ, много сценическихъ произведенiй самаго разнообразнаго времени, характера и достоинства, нѣсколько новыхъ романовъ и путешествiй, безъ вся-

каго выбора. Алеша набросился на книги, какъ пьяница на водку, и сталъ проглатывать ихъ одну за другой. Уже онъ прочелъ, не понимая большей половины, нѣсколько шекспировскихъ драмъ, всѣ драмы Шиллера, нѣкоторые романы В.-Скотта и Диккенса, когда миссъ Гукъ вдругъ открыла, что „Алеша читаетъ безъ позволенія романы“. Онъ былъ заарестованъ зоркою англичанкою на Николаѣ Никльби въ ту самую минуту, когда, усѣвшись съ ногами въ открытомъ окнѣ своей дѣтской, въ третьемъ этажѣ, онъ судорожно рыдалъ о несчастіяхъ бѣднаго Смайки. Увлеченье романомъ и градъ слезъ были такъ сильны, что когда миссъ Гукъ положила на книгу Алешу свою полжменскую длань, а другою дланью больно взяла его за плечо,—Алеша въ первое мгновенье не могъ опомниться и принялъ ненавистную миссъ за одинъ изъ самыхъ гнусныхъ персонажей Диккенсова романа. Открытіе миссъ Гукъ глубоко печалило Татьяну Сергѣевну, такъ-какъ суровая гувернантка прочла генеральшѣ цѣлый трактатъ о растлѣвающимъ вліяніи романовъ на фантазію ребенка и цитировала до десяти лично ей извѣстныхъ примѣровъ окончательнаго паденія молодыхъ людей, единственно по причинѣ ранняго и безпорядочнаго знакомства съ міромъ, который долженъ оставаться для нихъ недоступнымъ, пока не введетъ въ него юныхъ Телемаковъ благодѣтельная рука просвѣщеннаго Ментора. Алешу потребовали къ матери, и Татьяна Сергѣевна съ внутреннимъ прискорбіемъ была вынуждена впродолженіи двухъ часовъ томить себя и своего сына разными жалкими словами и страшными предсказаніями насчетъ того-же предмета. Алеша рыдалъ съ тупою болью въ сердцѣ, но не отвѣчалъ и не общалъ ничего. Это нервное рыданіе продолжалось съ слабыми перерывами до поздней ночи. Алеша не вѣрилъ ни одному слову матери и почти не слышалъ ихъ; ему было нестерпимо горько, что его всѣ и вездѣ преслѣдуютъ, что теперь посягнули на его единственныхъ друзей и отнимаютъ у него единственную отраду. Если-бы ему возвратили книгу, онъ не плакалъ-бы такъ долго, но онъ ежеминутно вспоминалъ, что уже не придется окончить очаровавшій его романъ: передъ его умственными очами стояли, какъ живые, образы добрыхъ и дурныхъ людей, притѣсненныхъ и притѣснителей, Алешинныхъ милыхъ друзей и Алешинныхъ заклятыхъ враговъ, созданныя волшебною кистью художника, со всею ихъ обстановкою, съ грязными норами,

въ которыхъ они жили, съ лохмотьями, которыя носили они на своихъ плечахъ. Отнять у Алеши книгу въ ту минуту, когда его сердце было наполнено всѣми этими образами, когда оно трепетало ихъ трепетомъ, всплескивало ихъ радостью, горѣло ихъ ненавистью, значило перерѣзать на-двое Алешино сердце.

— Видите, дорогая моя, какой онъ впечатлительный, нѣсколько заступническимъ тономъ сообщила вечеромъ Татьяна Сергѣевна своей англичанкѣ. — Я говорила вамъ, что онъ вовсе не такой упорный, какъ кажется со стороны; посмотрите, какъ онъ былъ тронутъ моими доводами; онъ плачетъ до сихъ поръ въ своей постелькѣ, и я боюсь, не разстроилъ-бы онъ этимъ своего здоровья. О, онъ очень мягкій ребенокъ, если умѣть за него взяться; могу васъ увѣрить, что послѣ сегодняшней моей нотации онъ уже не возьмется безъ позволенія за книгу.

Алеша читать не бросилъ и позволенія не просилъ. Послѣ этой сцены онъ еще враждебнѣе сталъ относиться къ своимъ домашнимъ и еще теплѣе прильнулъ къ книгѣ, только сталъ прятаться хитрѣе и удачнѣе.

Евгеній Марковъ.

(Продолженіе будетъ.)

ЗАБРОШЕННЫЙ ХРАМЪ.

(Изъ Ф. Коппе.)

Я знаю мрачный храмъ, позорно оскверненный, —
Храмъ, гдѣ повѣсился служитель алтаря.
Онъ запертъ съ той поры и ранняя заря
Не свѣтитъ въ немъ толпѣ колѣнопреклоненной,

Не вьется предъ крестомъ здѣсь ладонь благовоный,
Здѣсь не блеснетъ свѣча, предъ образомъ горя,
И листьевъ высохшихъ пугливая семья
Одна шумить порой при вѣтрѣ полусонно.

Моя душа—тотъ храмъ, запятанный позоромъ:
Есть мѣсто въ ней однимъ мучительнымъ укорамъ,
И безнадежности страшна ей пустота.
Я вижу замысловъ возвышенныхъ паденье—
И даже не могу найти успокоенья
Въ благословеніи распятаго Христа.

А. Михайловъ.

РЕНЕГАТЪ.

РОМАНЪ

ЖЮЛЯ КЛАРЕТИ.

ГЛАВА VIII.

Первые дни, слѣдовавшіе послѣ торжества Мишеля Бертье, онъ былъ львомъ Парижа. Жюстену стоило большого труда отдѣлываться отъ массы посѣтителей, буквально осаждавшихъ квартиру новаго оппозиціоннаго депутата. Одинъ за другимъ являлись фотографы, умоляя депутата удѣлить имъ нѣсколько минутъ драгоценнаго для него времени.

— Ну что для васъ значитъ какая-нибудь секунда? твердили они.—Клише мигомъ будетъ готово. Въ Америку требуется масса вашихъ портретовъ.

Одинъ репортеръ явился за тѣмъ, чтобы сосчитать, сколько томовъ въ библіотекѣ Мишеля; онъ подалъ ему ключекъ бумаги, прося написать фамилію, такъ-какъ намѣревался помѣстить въ своей газетѣ автографъ челоуѣка, о которомъ толковалъ теперь весь Парижъ. Людей, пожелавшихъ ознакомиться съ біографіей новаго депутата, было такъ много, что ихъ трудно было счесть...

Весь этотъ шумъ, происходившій вокругъ него, оупьянялъ Мишеля. Похвалы и восторги, напѣваемые ему со всѣхъ сторонъ, пріятно щекотали его самолюбіе. Приглашенія и предложенія разнаго рода сыпались на него дождемъ. Едва показывался онъ въ театрѣ, въ Булонскомъ лѣсу, тотчасъ-же къ нему подходили хроникеры большихъ и малыхъ газетъ. Стоило ему побывать въ ка

комъ-нибудь публичною мѣстѣ, всѣ газеты сообщали объ этомъ важномъ фактѣ; нерѣдко онъ самъ съ удивленіемъ прочитывалъ, что онъ посѣтилъ такое-то мѣсто, когда онъ вовсе и не думалъ быть тамъ.

„Вамъ теперь слѣдуетъ жить въ стелянномъ домѣ“, припомнилось ему замѣчаніе Менара.

Мишель уже почти соглашался, что Менаръ былъ правъ, когда съ суровымъ стоицизмомъ доказывалъ ему, что онъ долженъ или разстаться съ Ліей, или сдѣлать ее своей женой, иначе она будетъ мѣшать ему въ его новомъ положеніи государственнаго человѣка.

„Надо разрѣшить эту задачу, думалъ Мишель; — или Лія недостойна меня и я долженъ безъ малѣйшаго колебанія разстаться съ нею, или она заслуживаетъ вполнѣ моего уваженія и я обязанъ жениться на ней“.

Рѣшить задачу въ смыслѣ женитьбы было не трудно, но Мишель еще ни разу не подумалъ серьезно объ этомъ. Любовь его къ Ліѣ не была глубокой страстью; когда онъ увлекался за собой молодую дѣвушку, онъ не размышлялъ о послѣдствіяхъ этого важнаго шага въ его жизни. Теперь онъ припоминалъ тотъ моментъ, когда Лія, это дитя, совершенно незнакомое съ жизнью, доверчиво послѣдовала за нимъ. Ему жаль было покинуть ее, она такъ много доставляла ему наслажденій; съ нею онъ отдыхалъ отъ волненій своей тревожной жизни... Но жениться?.. Нѣтъ, лучше оставить все въ прежнемъ положеніи, пренебречь совѣтомъ Менара. Припомнилъ онъ также, какъ разъ вечеромъ, когда его одолѣвала печаль и онъ спросилъ Лію, куда приведетъ cadaго изъ нихъ ихъ любовь, она отвѣтила:

— Къ чему объ этомъ говорить? До сихъ поръ наша любовь приводила только къ радости, — по крайней мѣрѣ, такова она для меня; я живу только любовью къ тебѣ. Не будемъ-же заботиться о томъ, что будетъ послѣ. Мы еще молоды. Я знаю, пока я не покроюсь морщинами, ты будешь любить меня. И твоя любовь переживетъ меня, потому что я навѣрное умру раньше, чѣмъ у меня покажутся сѣдые волосы.

Нѣтъ! пусть лучше все останется по-старому. Ему необходимо душевное спокойствіе, чтобы успѣть приготовиться къ политической кампаніи во время сессіи, которая должна скоро открыться. Палаты соберутся въ первыхъ числахъ ноября, слѣдовательно въ рас-

спорженіи Мишеля оставалось еще около четырехъ мѣсяцевъ. Ему слѣдовало хорошенько сговориться съ предводителями оппозиціи, изучить факты, чтобы явиться въ палату во всеоружіи и сдѣлать изъ своего дебюта парламентское событіе.

Онъ придавалъ большое значеніе своей вступительной рѣчи. Онъ намѣревался представить палатѣ, опираясь на неоспоримые факты, картину внутренняго расслабленія Франціи и ея внѣшняго уничтоженія во время господства личнаго режима. Да, тема очень хороша для „дѣвственной“, какъ называютъ англичане, рѣчи новаго депутата.

Цѣлыми днями занимался Мишель, перечитывая книги и брошюры и извлекая изъ нихъ все, что могло поддержать выводы его вступительной рѣчи. За этими занятіями онъ вспомнилъ, что ему надо идти на дружескій обѣдъ, устраиваемый въ честь его.

За нѣсколько лѣтъ до дня своего избранія Мишель съ одинадцатью молодыми людьми его возраста устроили ассоціацію, подобную тѣмъ, какія часто устраиваются въ Парижѣ литераторами, художниками и артистами, — лучше сказать, періодическія собранія, неизвѣстно почему называемыя „братскими“; разъ въ мѣсяць или чаще члены ассоціаціи собираются вмѣстѣ пообѣдать и, между супомъ и кофе, размышляютъ мыслями, обсуждаютъ новые проекты и теоріи общественнаго устройства и пр.

По обычаю, если который-нибудь изъ членовъ ассоціаціи приобрѣтетъ успѣхъ, отличится чѣмъ-нибудь выдающимся, то первый періодическій обѣдъ устраивается уже исключительно въ его честь. Сегодня долженъ былъ состояться такой обѣдъ въ честь Мишеля Бертъе. Вкусивъ плодовъ отъ популярности, Мишель съ удовольствіемъ размышлялъ о томъ, какъ его будутъ чествовать друзья юности на этомъ обѣдѣ *двенадцати*, который состоится въ одномъ изъ бульварныхъ ресторановъ.

Всѣ *двенадцать* товарищей принадлежали къ числу людей извѣстныхъ, имена которыхъ произносились нерѣдко въ салонахъ „всего“ Парижа. Большая часть изъ нихъ были люди талантливые, энергичные. Послѣ Бертъе, самой большей извѣстностью между ними пользовался Эмиль Мейеръ, классическій живописецъ, недавно получившій первую золотую медаль, еврей по происхожденію; онъ болѣе всего любилъ стѣнную живопись въ католическихъ храмахъ.

За нимъ слѣдовалъ живописецъ-жанристъ Поль Виньеронъ, имѣв-

ний массу заказовъ, такъ что не успѣвалъ ихъ исполнять. Фигуры на его картинахъ были по большей части облачены или въ испанскій, или въ итальянскій костюмы; но иногда случалось, онъ одѣвалъ ихъ по послѣдней парижской модѣ, а то и въ турецкій костюмъ, когда Турція была въ модѣ.

Эльзасецъ Лимансонъ, гордившійся тѣмъ, что его фамилія рифмовала съ фамиліей Мендельсона, былъ представителемъ музыки, но музыки новой, враждебной всякой мелодіи, нападающей на итальянщину. Въ портфель Лимансона находилось нѣсколько оперъ, но ни одна изъ нихъ не попала на сцену. Въ ожиданіи своего торжества на сценѣ, онъ велъ музыкальную хронику въ одной газетѣ. Онъ, между прочимъ, прославился слѣдующимъ знаменитымъ разговоромъ: „Россини, который сдѣлалъ-бы гораздо лучше, если-бъ употребилъ свое время на производство макаронъ, былъ не болѣе, какъ забавный лапарони. Что касается Моцарта, имѣвшаго склонность къ наукѣ, онъ оставилъ одно нѣсколько сносное произведение: *Дон-Жуана*“.

Гонтранъ де-Верженъ, милый рассказчикъ, нѣкогда богатый, но растратившій большую часть своего состоянія на отдаленныя путешествія, былъ душою общества. Онъ былъ рѣдкимъ гостемъ въ Парижѣ; ѣздилъ онъ и къ истокамъ Нила, и къ сѣверному полюсу, и за обѣдами „двѣнадцати“ мастерски передавалъ рассказы о своихъ походахъ. Его рассказы отличались точностью истины и фантастичностью мечты. Мишель Бертье очень его любилъ. Онъ сознавалъ, что этотъ старый товарищъ по коллегіи можетъ кое-чему научить его. Мишель былъ изъ тѣхъ людей, которые всегда рассчитываютъ, что можно извлечь изъ дружбы и вообще изъ сношеній съ людьми.

Далеко не съ такою симпатіей относился Мишель къ Луи Далераку. Этотъ постоянно отпускалъ банальныя фразы, которыя, подобно монетѣ, отъ частаго употребленія совершенно стерлись. Къ тому-же фразы Далерака, адвоката по профессіи, слѣдовало приравнивать не къ золотой или серебряной, а къ бронзовой монетѣ.

Онъ страстно желалъ выдвинуться во что-бы то ни стало. Онъ говорилъ легко и довольно красиво, говорилъ много, при всякомъ удобномъ случаѣ, говорилъ вездѣ. Человѣкъ находчивый, онъ прижился ко всякому обществу. Съ своей стереотипной улыбкой онъ

входилъ въ одинъ и тотъ-же день и къ министру, и къ его врагу—главѣ оппозиціи. Въ обоихъ лагеряхъ онъ велъ себя одинаково непринужденно, какъ человѣкъ, нужный и тамъ, и здѣсь.

Однимъ словомъ, Далеракъ принадлежалъ къ числу тѣхъ *неизбѣжныхъ*, которыхъ вы непрежѣнно встрѣтите на первыхъ представленіяхъ въ театрахъ, на похоронахъ какой-бы то ни было знаменитости, на вѣнчаніи извѣстнаго финансиста. Далеракъ велъ истинно-каторжную жизнь для удовлетворенія собственнаго тщеславія; онъ жаждалъ, чтобы о немъ постоянно говорили, и достигъ этого. Плохой ораторъ и посредственный писака, онъ, благодаря своей юркости, попалъ чуть не въ знаменитости. Встрѣчая его вездѣ, каждый считалъ его извѣстностью, за которой слѣдуетъ ухаживать.

„Вотъ посредственность, которая, однакожь, можетъ оказать мнѣ когда-нибудь важную услугу, думалъ о немъ Мишель.—Вулгарные честолюбцы бываютъ часто очень полезны такимъ людямъ, какъ я“.

Главными ораторами на обѣдахъ двѣнадцати были де-Верженъ, котораго всѣ любили слушать, и, конечно, Далеракъ, не слушать котораго не было возможности, хотя онъ и наводилъ скуку.

Остальные собесѣдники, люди столь-же остроумные, сколько и любезные, были: Оливье Рено, журналистъ; медикъ Жерве; банкиръ Вернель, славившійся своей картинной галереей не менѣе, какъ и своимъ кредитомъ; Жоржъ Соріоль, талантливый поэтъ; Шарль Дюма, архитекторъ, и Шарль Варокье, толстякъ, добрый малый, агрономъ, недавно женившійся и поселившійся въ деревнѣ подлѣ Орлеана, откуда онъ акуратно приѣзжалъ каждый мѣсяцъ на дружескіе обѣды, чтобы „набираться парижскаго духа“, какъ онъ говорилъ.

Сегодня Мишель Бертъ особенно желалъ видѣть всѣхъ своихъ товарищей и насладиться похвалами, которыми, по его предположенію, они должны были встрѣтить его. Онъ нарочно вышелъ изъ дома позже обыкновеннаго, чтобы придти на обѣдъ послѣднимъ. Онъ вошелъ въ залу въ ту минуту, какъ его товарищи уже сѣдѣли за столъ, такъ-какъ опредѣленный часъ обѣда уже давно наступилъ. Они встрѣтили его радостными восклицаніями и дружескими рукопожатіями.

— Наконецъ, онъ пришелъ!

— Вотъ и нашъ депутатъ!

— Ура!

— Дорогу Бертъе, представителю народа!

— Да здравствуетъ его неприкосновенность, Мишель Бертъе.

— Мой другъ, сказалъ де-Вержень, — вотъ твое мѣсто посрединѣ; сегодня ты единогласно избранъ предсѣдателемъ и я передаю тебѣ колокольчикъ. Въ палатѣ ты будешь слушаться звонка г. Шнейдера, здѣсь-же ты — президентъ и мы безпрекословно будемъ исполнять твои президентскія повелѣнія.

— Нѣтъ, я уже довольно президентствовалъ, сказалъ весело Мишель; — будетъ съ меня. Колокольчикъ — нѣчто въ родѣ скиптра.

— Оставь ложную скромность, сказалъ де-Вержень, смѣясь; — ею ты маскируешь безмѣрное честолюбіе. Садись-же. Мы умираемъ съ голода.

— Мы должны были ожидать, какъ Людовикъ XIV, сказалъ Рено, — и какъ у него, у насъ развился королевскій аппетитъ.

— Что касается меня, я охотно прождалъ-бы еще долѣе, сказалъ Далеракъ, склоняя свою круглую спину передъ Бертъе и откидывая назадъ свои бѣлокурые волосы, упавшіе прямо на его тарелку.

Мишель принялъ президентство. Обѣдъ прошелъ очень весело. Политику припасли къ десерту. Столъ былъ красиво сервированъ; посрединѣ его стояла статуя „Славы“; на ея знамени была написана фамилія Бертъе. Когда былъ провозглашенъ тостъ за побѣду Бертъе, онъ отвѣтилъ на него блистательной импровизаціей, составлявшей образецъ ораторскаго искусства; она привела въ восторгъ слушателей.

Въ несчастію, Далеракъ вздумалъ произнести вторую рѣчь. Она была длинна и скучна. Онъ сталъ толковать о правильной организаціи всеобщей подачи голосовъ.

— Что-же это такое? Развѣ у насъ ученая конференція? прервалъ его Виньеронъ. Но Далеракъ невозмутимо продолжалъ:

— ...Да, господа, я не боюсь сказать и, надѣюсь, мой слабый голосъ будетъ слышанъ, что новѣйшему міру необходимо свободное выраженіе своихъ идей, которыя не имѣютъ ничего общаго, какъ вы хорошо знаете, съ устарѣвшими идеями предшествовавшихъ временъ... Намъ необходимо...

— Въ словахъ Далерака много истины, прервалъ оратора де-Вержень, надѣясь тѣмъ остановить его ораторское рвеніе.

Но расходившагося Далерака ничѣмъ нельзя было сдержать. Ему дали докончить рѣчь, но не слушали его. Между тѣмъ завязались отдѣльные разговоры, а Лимансонъ взялъ нѣсколько акордовъ на фортепьяно.

— Держу пари, ты будешь играть что-нибудь изъ Обера, сказалъ Виньеронъ съ ироніей.

— Оберъ! Прошу тебя, не упоминай при мнѣ никогда объ этомъ водевилѣ. Ты знаешь, что мои боги: Вагнеръ и Берлиозъ.

— О-о, Вагнеръ! Этотъ музыкантиска! Не повѣрю, чтобы ты говорилъ серьезно.

Но Лимансонъ ничего не отвѣчалъ, онъ только презрительно пожалъ плечами и кинулъ на Виньерона свирѣпый взглядъ.

Де-Верженъ взялъ подъ руку Бертъе и подвелъ его къ открытому окну. Закуривъ сигару, онъ сталъ говорить о томъ положеніи, какое создалъ себѣ Мишель, выйдя побѣдителемъ изъ борьбы. Бертъе изумило, что замѣчанія и совѣты Гонтрана совершенно сходились съ замѣчаніями и совѣтами Пьера Менара. И тотъ, и другой почти одними словами опредѣляли понятіе о долгѣ.

Мишель сказалъ объ этомъ Гонтрану.

— Что-же удивительнаго въ этомъ фактѣ? сказалъ Верженъ, улыбаясь. — Хорошія понятія и не могутъ иначе выразаться, какъ одними и тѣми-же словами.

Мишель задумчиво посмотрѣлъ на улицу, гдѣ сновала толпа гуляющихъ; кіоски были освѣщены своими китайскими фонарями; звѣзды уже довольно ярко блестяли на синемъ, прозрачномъ небѣ.

— Ты пришелъ къ необходимости совершить то, на что я уже рѣшился, сказалъ Гонтранъ. — Пора и тебѣ обзавестись семейнымъ очагомъ.

— Развѣ ты женишься?

— Черезъ два мѣсяца, и ты первый, кому я сообщаю о своемъ намѣреніи. Я женюсь въ провинціи, въ Пуату, на молодой, доброй и развитой дѣвушкѣ. Она не хороша и не дурна; набожна безъ ханжества; не насмѣхается надъ моими ревматизмами, которыми я запасаю во время моихъ путешествій. Она имѣетъ вѣрный взглядъ на воспитаніе, и если у насъ будутъ дѣти, она, навѣрное, съумѣетъ воспитать ихъ хорошо.

— Ну, а твои путешествія?

— Я уже усталъ. Я такъ много видѣлъ, что, право, нахожу, что у насъ природа не хуже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Путешествія имѣютъ ту хорошую сторону, что научаютъ любить еще болѣе свою родину, какъ любовницы научаютъ насъ лучше цѣнить своихъ женъ. Я, кажется, сказалъ парадоксъ и сталъ такъ же баналенъ, какъ этотъ чортовъ Далеракъ, все еще продолжающій свою рѣчь, или какъ Прюдомъ, его учитель. Кстати, что ты намѣренъ дѣлать вечеромъ?

— Вечеромъ! Но вечеръ уже почти прошелъ. Я возвращусь домой и засяду за работу.

— Оставь на сегодня твои занятія. Кстати, ты во фракъ и въ бѣломъ галстукѣ, какъ и я. Позволь тебя похитить.

— Куда ты меня поведешь?

— Къ одной прелестной женщинѣ, баронесѣ Ривъ, которая очень желаетъ съ тобой познакомиться. Она звала меня сегодня на чай. Я долженъ тебя предупредить, что баронеса изъ тѣхъ женщинъ, которыя страстно любятъ наполнять свои альбомы кабинетными карточками и автографами всевозможныхъ знаменитостей.

— Я могу послать ей и свой автографъ, и свою карточку.

— Подобный подарокъ получаетъ несравненно большую цѣну, если передается лично самимъ героемъ.

— Героемъ или любопытнымъ животнымъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, героемъ. Баронеса—женщина со вкусомъ и умѣетъ дѣлать выборъ. Въ ея Пантеонъ попадаетъ не всякій.

— Мнѣ очень льститъ, что она подумала обо мнѣ.

— Значить, ты идешь со мною?

— Нѣтъ.

— Почему-же?

— Видишь-ли, баронеса, какъ я слышалъ объ ней, принадлежитъ къ той расѣ женщинъ, которыхъ я отъ души ненавижу. Она — женщина-политикъ, знатная дама, составляющая репутацію на трибунѣ, какъ другія, ей подобныя, въ своихъ салонахъ фабрикують академикомъ. Нѣтъ, такихъ женщинъ я не могу видѣть.

— Кто тебѣ передалъ этотъ вздоръ?

— Люди, которыхъ она хотѣла обольстить.

— И которые съумѣли избѣжать ея соблазна. Такъ, что-ли? Неразумные! Неужели хорошій вкусъ совсѣмъ исчезъ во Франціи?

— Нѣтъ, но только честность его нѣсколько измѣнила.

— Чортъ знаетъ, что ты выдумалъ, сказалъ Гонтранъ, смѣясь,—кто говоритъ тебѣ, что здѣсь дѣло касается вопроса о честности? Мой милый другъ, пуританизмъ, доведенный до крайности, теряетъ свою цѣну. Ты такимъ тономъ говоришь объ обольщеніи, что даже не довольно опытный человекъ замѣтитъ тебѣ, что ты, вѣроятно, еще ни разу въ жизни не подвергался всей силѣ обольщенія. Какую цѣну имѣютъ убѣжденія, если они способны улетучиться отъ обольстительной улыбки красивой женщины? Скажи пожалуйста, чѣмъ считать тѣхъ людей, которые изъ боязни, что граціозный приемъ такой женщины, какъ, напримѣръ, баронеса, мало согласуется съ драконовскими законами, будутъ избѣгать ея общества, какъ язвы? Такое цѣломудріе граничить съ ханжествомъ и даже съ пошлой трусостью. Ты знаешь, я люблю свободу и питаю ненависть ко всякому произволу. Я увѣренъ, что до самой смерти не измѣню этой привязанности и не перестану ненавидѣть; вѣстѣ съ тѣмъ я твердо вѣрю, что никакая женщина, будь она во сто разъ прекраснѣе баронесы, не заставитъ меня отказаться отъ моихъ убѣжденій. Ты знаешь также, что я не заявляю торжественно о твердости моихъ убѣжденій и не выставляю свою добродѣтель, какъ кокарду, но смѣло могу сказать тебѣ, что моя добродѣтель такъ-же чиста, какъ истинночестная женщина.

— Ты правъ, сказалъ Мишель, побѣжденный искренностію своего друга.— Да, Афины стоятъ Спарты.

— Выводъ: ты идешь со мною?

— Мнѣ говорили, что баронеса Ривъ находится въ интимныхъ отношеніяхъ съ дворомъ и бываетъ въ Компьенѣ.

— Если-бъ она и дѣлала это, чтобы отвлечь подозрѣнія, развѣ ее можно строго обвинять за такой образъ дѣйствій? Но тебѣ сказали неправду. Она тамъ не была ни разу и не можетъ показаться туда безъ своего мужа.

— Они, кажется, разошлись?

— Да, фактически, но легально — нѣтъ. Баронеса умна и имѣетъ хорошее сердце; она слишкомъ искренна, чтобы, не любя своего мужа, стала увѣрять его въ своей привязанности.

— Между тѣмъ ее обвиняютъ въ лицемеріи.

— Ничего не знаю. Я недавно пріѣхалъ изъ Конго, а въ Новомъ Свѣтѣ сплетничаютъ гораздо меньше, чѣмъ въ Старомъ.

— Такъ ты полагаешь, что на нее клеветуютъ?

— Рѣшительно. Но ты знаешь мое правило: я вѣрю, что ничему не слѣдуетъ вѣрить.

— А гдѣ-же теперь баронъ Ривъ?

— Онъ оставилъ Парижъ и поселился въ Бери. Онъ со страстью принялся за реформы въ сельскомъ хозяйствѣ. Нашъ другъ Варокье долженъ его знать. Ривъ вполнѣ честный человѣкъ. Онъ предоставилъ парижское солнце женѣ, а самъ скрылся въ провинціальной тѣни. Можетъ быть, втайнѣ онъ носитъ трауръ по своей любви.

— Какъ Монтеспанъ? Что-жь, это не дурная роль, замѣтилъ Мишель.

— Но если это не роль? отвѣчалъ серьезно Гонтранъ и, взявъ подъ руку своего друга, продолжалъ:— Ну, идемъ-же, побѣдитель, и ты снова будешь увѣнчанъ лаврами.

— Такъ ты не измѣнилъ своего намѣренія?

— Я хочу познакомить тебя съ одной изъ красивѣйшихъ женщинъ въ Парижѣ и представить ей человѣка, о которомъ трубятъ весь городъ.

— А чрезъ два мѣсяца, когда ты женишься, представишь ты ей свою жену?

— Вѣдь я тебѣ сказалъ, что я намѣренъ поселиться въ Пуату, въ живописной деревнѣ. Мы станемъ дѣлать визиты къ мэру, къ мировому судѣ, къ нотаріусу, переводящему Горация александрийскими стихами. Мы будемъ приглашать къ себѣ этихъ добрыхъ людей на игру въ домино. Не правда-ли, это будетъ предестно?

Эта манера не отвѣчать на вопросъ сильно затронула Мишеля. Теперь ему уже страстно захотѣлось познакомиться съ г-жей Ривъ. Въ немъ также заговорило тщеславіе. Онъ понималъ, что при его славѣ замѣчательнаго демократическаго оратора, онъ будетъ предметомъ наблюденія для гостей баронесы, которые, вѣроятно, считаютъ его очень страшнымъ.

Въ своемъ адвокатскомъ кабинетѣ ему не разъ случалось принимать свѣтскихъ и титулованныхъ дамъ, но это были женщины, подавленные обстоятельствами, или такіа, которыя тащили свое древнее имя на скамью подсудимыхъ. Г-жа Ривъ была первая изъ избранныхъ, которую ему приходилось видѣть во всемъ бле-

скѣ; подѣ вліяніемъ новѣйшихъ романовъ, онъ давно жаждалъ знакомства съ такою женщиною. Теперь-же она представляла для него таинственную прелесть опасности.

— Идемъ къ г-жѣ Ривъ, сказалъ онъ. — Отложу на завтра мои серьезныя дѣла.

— Мой кучеръ стоитъ здѣсь, отвѣчалъ Гонтранъ, — и черезъ десять минутъ мы будемъ на бульварѣ Малешербъ.

— Бульваръ Малешербъ! воскликнулъ Далеракъ. — Пари держу, что вы ѣдете къ баронесѣ Ривъ.

— А, вы, наконецъ, кончили. Да, мы ѣдемъ къ баронесѣ.

— Послушайте, милый виконтъ, представьте меня баронесѣ; я давно горю желаніемъ познакомиться съ этой несравненной женщиной.

— Но...

— Не бойтесь, прервалъ его Далеракъ. — У меня всегда въ карманѣ бѣлый галстукъ, и я захватилъ съ собою чистыя перчатки.

И онъ вынулъ изъ кармана и то, и другое. Гонтранъ и Мишель переглянулись съ улыбкой.

— Возьмемъ его съ собою, прошепталъ Мишель; — онъ намъ не помѣшаетъ.

— Вамъ придется сидѣть на передней скамеечкѣ въ каретѣ. Если согласны, ѣдемъ вмѣстѣ.

Простившись съ товарищами, Мишель, Гонтранъ и Далеракъ отправились къ баронесѣ. Прочіе остались бесѣдовать. Рено разсуждалъ о будущемъ займѣ съ банкиромъ Вернелемъ. Поэтъ Сорюль читалъ свою новую поэму доктору Жерве; Вингеронъ доказывалъ Мейеру, что классическая живопись нынче совсѣмъ выдохлась и что бездѣлушки Мейсонье стоятъ несравненно большей цѣны, чѣмъ огромныя картины римской школы. Лимансонъ углубился въ обдумываніе красотъ „Нибелунговъ“ Вагнера, а добрякъ Варокье вздремнулъ, прислонившись къ фортепяно.

ГЛАВА IX.

Баронеса Ривъ жила на бульварѣ Гаусмана, близъ часовни Искупленія, въ тѣхъ новыхъ кварталахъ, которые, вмѣстѣ съ окрестностями парка Монсо, въ послѣднее время привлекаютъ къ себѣ

высшее парижское общество. Она занимала въ нижнемъ этажѣ большую квартиру, блестяще меблированную съ современной роскошью, однакожь, уступающей въ великолѣпнн изнѣженному вкусу XVIII столѣтія, строгому стилю Людовика XIII и чарующей граціи эпохи Возрожденія. Все въ квартирѣ баронесы носило пошлый отпечатокъ современной безхарактерной, мишурной моды.

Сначала баронеса, подобно всѣмъ богатымъ людямъ, питала страсть къ такъ-называемымъ *антикамъ*, но въ одинъ прекрасный день она почувствовала почти отвращеніе къ мебели рококо времени Людовика XVI, къ золоченымъ мавританскимъ шифоньеркамъ, къ перламутровымъ бауламъ Генриха II, и поручила фирмѣ Буртибуръ омеблировать всю ея квартиру по послѣдней модѣ, а всѣ старыя вещи продала съ аукціона.

— Я не люблю современную меблировку, говорилъ по дорогѣ Мишелю Гонтранъ;— давь волю обойщикамъ, мы дошли до того, что почти въ каждой квартирѣ встрѣчаешь ту-же красную гостиную, ту-же хрустальную люстру, тѣ-же японскія вазы и т. д. Но если гостинныя баронесы походятъ на всѣ гостинныя, то она сама ни на кого не походитъ. Это прелестная, веселая, хотя и пресыщенная удовольствіями женщина; она истая парижанка и къ тому-же чрезвычайно практичная. Знаешь-ли, напримѣръ, какъ она уплатила за свою знаменитую новую мебель?

— Нѣтъ.

— Она дала Буртибуръ, представителю торговой фирмы Ганри Буртибуръ и К°, орденъ почетнаго легіона и сдѣлала его депутатомъ. Да, она рекомендовала его министру внутреннихъ дѣлъ, который указалъ на него мелюнскому префекту; префектъ расхвалилъ его мѣрамъ, мэры приказали совѣтникамъ и лѣсничимъ настоять на его выборѣ; совѣтники и лѣсничіе навязали его народу— и, такимъ образомъ, Ганри Буртибуръ, бывшій обойщикъ, теперь представитель народа, конечно, правой стороны, какъ ты представитель лѣвой стороны,—стороны сердца. Вотъ, мой другъ, какъ умная женщина можетъ испечь законодателя для уплаты счета обойщику.

— Но твоя баронеса... началъ Мишель.

— Моя баронеса— современная женщина, вотъ и все. Парижанка по граціи, американка по расчетливости, она женщина до конца ногтей; она пишетъ записки не хуже г-жи Севиньи и считаетъ

какъ Баремъ. Вообще это прелестный продуктъ современной жизни, придавшей всему новую утонченность, даже французской граціи, и пустившей все на акціи, даже любовь. Я цѣлюю недѣлю былъ безъ ума отъ баронесы, но вскорѣ, по счастью, убѣдился, что она принадлежитъ къ тѣмъ женщинамъ, которыя откровенны въ дружбѣ, но измѣнчивы въ любви. Не желая заплатить долгими годами мелкихъ непріятностей за минутное удовлетвореніе самолюбія или чувственное удовольствіе нѣсколькихъ часовъ, я предпочелъ имѣть ее другомъ, чѣмъ врагомъ.

— И ты думаешь, что набросанный тобою портретъ очень лестный? произнесъ Мишель;—ты зло ошибаешься. Ты говоришь о свѣтской женщинѣ, какъ объ актрисѣ театра Буффъ. Значить не трудно приобрѣсть любовь баронесы Ривъ?

— Напротивъ, очень трудно; я убѣжденъ, что она никого, никогда не любила.

— Такъ это чудовище?

— Опять нѣтъ, это почти ангель.

— Ну, признаюсь, я тебя не понимаю.

— И я ее не понимаю. Впрочемъ, ты самъ тотчасъ увидишь. Это женщина, повторяю, нервная, разочарованная, которой наскучило все. На этомъ фонѣ разбросай сколько тебѣ войдетъ въ голову эксцентричности—и вотъ тебѣ характеристика баронесы. Она дружна со всѣми знаменитостями Парижа. Сегодня у нея только собираются близкіе знакомые, но въ дни большихъ приемовъ у нея можно встрѣтить всѣхъ лучшихъ представителей академіи, театра, искусствъ, министерствъ и посольствъ. У нея свой дворъ и ея гостиная отличается свѣтскимъ приличіемъ безъ скучной напыщенности и свободой полусвѣта безъ его распушенности. На одномъ вечерѣ я встрѣтилъ тамъ: президента южно-американской республики, кардинала, предводителя ирландскихъ феіевъ, одного министра, трехъ будущихъ министровъ и съ пол-дюжины бывшихъ, кромѣ того толпу академиковъ, ученыхъ, живописцевъ и газетныхъ хроникеровъ. Вотъ гостиная современной Рекамье, которой я тебя сегодня представляю.

Когда карета остановилась передъ домою баронесы Ривъ, Мишель Бертье выразилъ снова колебаніе.

— Полно, другъ мой, воскликнулъ Далеракъ, который во всю

дорогу молчалъ, но съ любопытствомъ слушалъ Гонтрана:—интересно посмотрѣть на такую женщину.

— Ну, спартанецъ, позволь тебя соблазнить, прибавилъ Гонтранъ.

Друзья медленно стали подниматься по лѣстницѣ, устланной богатыми ковромъ, перехваченнымъ на каждой ступени мѣднымъ прутомъ.

— Это также изъ магазиновъ депутата Буртибура? спросилъ Бертье иронически и какъ-бы отыскивая предлогъ вернуться съ пол-дороги.

— А тебѣ какое дѣло? спросилъ Гонтранъ.

— Главное, чтобъ коверъ былъ хорошъ, прибавилъ Далеракъ, съ удовольствіемъ погружая свои каблуки въ мягкую, густую шерсть.

Когда Мишель Бертье вошелъ въ гостиную, обитую голубымъ атласомъ, въ которой сидѣла баронеса, онъ почувствовалъ то-же, что и Далеракъ. Ковры казались ему чрезвычайно мягкими, а вся окружающая атмосфера, пропитанная геліотропомъ и женской граціей, подѣйствовала на него, какъ опьяняющій напитокъ.

Баронеса Ривъ полулежала на большомъ низенькомъ креслѣ, а передъ нею на атласномъ табуретѣ сидѣлъ пожилой, дородный мужчина съ широкимъ, цвѣтущимъ лицомъ, съ красной ленточкой въ петлицѣ и съ подозрительно-черными бакенбардами.

Когда лакей доложилъ о г. Верженѣ и его друзьяхъ, баронеса встала. Представляя своихъ пріятелей, Гонтранъ сдѣлалъ совершенно разное удареніе на ихъ именахъ. Ясно было, что Мишеля ожидали, а Далеракъ являлся въ эту гостиную только, какъ наперсникъ въ трагедіяхъ, какъ посредственный актеръ, котораго на театральномъ языкѣ называютъ полезностью, быть можетъ, только потому, что онъ часто бываетъ совершенно бесполезенъ.

Мишель бросилъ быстрый взглядъ на баронесу, которая шла къ нему на-встрѣчу съ улыбкой, прелестной, хотя и нѣсколько странной, но придававшей еще болѣе соблазнительнаго очарованія этой во всемъ блескѣ тридцати-лѣтней красоты восхитительной блондинкѣ, съ тонкой таліей, прекраснымъ цвѣтомъ лица, блестящими зубами и маленькой рукой. На ней было свѣтло-голубое шелковое платье съ бантами того-же цвѣта и бѣлыми кружевами; оно соблазнительно обрисовывало ея граціозную фигуру, рельефно выдавав-

шуря на атласномъ фонѣ маленькой гостиниой. На полу-открытомъ корсажѣ, едва скрывавшемъ почти дѣвственную грудь, красовалась свѣжая, улыбающаяся роза, которой прелестно вторила другая такая-же роза, пріютившаяся въ роскошныхъ золотистыхъ волосахъ. Ея круглыя, изящныя руки были обнажены до матово-розовыхъ локтей, которые виднѣлись по временамъ изъ-подъ волнъ кружевъ, окаймлявшихъ широкіе рукава. На ея очаровательной шеѣ не было ни одного украшенія; въ ухахъ-же были длинныя брилліантовныя серьги.

Мишеля поразилъ общій складъ ея лица, напоминавшій гордыхъ и ироническихъ вожетовъ прошлаго столѣтія. Баронеса отличалась той-же саркастической пикантностью, но въ ней было еще нѣчто новое, болѣе свободное, соблазнительное, безпокойное. Когда ея сѣро-голубые глаза не улыбались, въ нихъ отсвѣчивалось что-то рѣшительное, неумолимое, жестокое. Въ настоящую минуту ея взглядъ былъ мягкій, ласкающій, и Мишель совершенно плѣнился этой женщиной, полныя, соблазнительныя губы которой напоминали двойную вишню, а атласное бѣлое тѣло воскрешало въ головѣ старинныя, пошлыя мадригалы. Съ перваго взгляда ея грація, немного изысканная, не совсѣмъ поправилась молодому челоувѣку, но его очаровала ея любезный, ласковый пріемъ.

Пригласивъ его сѣсть, она сама опустилась въ кресло противъ него; ея роскошное платье извивалось художественными складками вокругъ ея маленькихъ ногъ въ шелковыхъ чулкахъ и голубыхъ атласныхъ туфляхъ на высокихъ каблукахъ временъ Людовика XV.

Изъ другой комнаты черезъ полуоткрытую портьеру доносились веселые звуки фортепьяно. Баронеса отгнулась на спинку своего кресла и, граціозно приподнявъ голову, воскликнула съ звонкимъ смѣхомъ:

— Скоро вы кончите разбирать Шильперика, Надина?

— Это все штуки Танкреда, произнесъ дородный мужчина, съ самодовольствіемъ играя бахромой атласнаго табурета, на которомъ онъ сидѣлъ.

— Ваши дѣти—совершенство, замѣтила баронеса съ легкой ироніей.

— Да, каждый изъ нихъ—живой миліонъ, отвѣчалъ отецъ простодушно.

Далеракъ взглянулъ на него съ видимымъ уваженіемъ, а баронеса и Гонтранъ, переглянувшись, едва удерживались отъ смѣха.

— Я очень благодарна моему другу Вержену, что онъ согласился привезти васъ ко мнѣ, сказала баронеса, обращаясь къ Мишелю съ любезной улыбкой;—я уже давно желала познакомиться съ такой знаменитостью, какъ вы.

— Этого рода знаменитость, отвѣчалъ онъ, поклонившись, — причиняетъ столько безпокойства, что судьба обязана вознаграждать насъ хоть чѣмъ-нибудь, и такимъ вознагражденіемъ служить нѣжное сочувствіе благородныхъ сердець, по несчастію, остающихся почти всегда неизвѣстными предмету ихъ сочувствія.

Эта красивая, быть можетъ, слишкомъ цвѣтистая фраза подъ маской скромности выражала гордое самолюбіе; такая женщина, какъ баронеса, не могла этого не замѣтить. На лицѣ ея показалась улыбка, полу-сочувственная, полу-ироническая.

— Г. Буртибуръ, депутатъ Сены и Марны, сказала она, представляя Бертье дороднаго мужчину въ бѣломъ галстухѣ и съ орденомъ почетнаго легіона. — Въ законодательномъ корпусѣ вы будете, конечно, воевать другъ съ другомъ и, я надѣюсь, вспомните во время борьбы ваше первое знакомство у меня. Можетъ быть, поединокъ тогда не будетъ слишкомъ кровопролитенъ.

Буртибуръ отдалъ поклонъ Мишелю торжественно, какъ человѣкъ, всѣ дѣйствія и жесты котораго должны всегда имѣть политическое значеніе.

— Я васъ знаю по репутаціи, сказалъ Бертье; — къ тому же вы балотировались въ Мелюнѣ противъ одного изъ моихъ друзей.

— Да, Савиньотъ, бѣднякъ, вздумалъ бороться со мною, произнесъ Буртибуръ съ громкимъ смѣхомъ и грубымъ тономъ страствующаго прикащика, переманившаго кліента у своего соперника;—я важно его подрѣзаль.

— Полноте, любезный Буртибуръ, сказала баронеса:—побѣдителя надо быть великодушнымъ.

— Конечно, но между Савиньотомъ, публицистомъ, какъ онъ самъ себя называетъ, и мною избиратели не могли колебаться.

— Однакожь, они колебались, замѣтилъ Мишель, — и ваша побѣда тѣмъ полнѣе, что ее мужественно оспаривали.

— За насъ была администрація, сказала съ улыбкой баронеса.

— Администрація! повторилъ Буртибургъ; — а сколько глупостей надѣлала ваша администрація?

— Буртибургъ, еще одно слово—и вы сдѣляетесь виновнымъ въ черной неблагодарности. Мелюнскій префектъ Бовель—мой хорошій пріятель; безъ него, безъ министра, безъ меня...

— Хорошо, перебилъ баронесу Буртибургъ съ сердцемъ;—скажите прямо г-ну Бертье, что мои выборы слѣдуетъ кассировать, и онъ, какъ членъ оппозиціи, нападетъ на меня во время повѣрки уполномочій.

— Помилуйте, любезный товарищъ, сказалъ Бертье, съ удовольствіемъ произнося это слово, хотя и съ нѣкоторой ироніей,— все, что говорится въ гостиной баронесы, не имѣетъ характера пустой болтовни, но свято хранить, какъ исповѣдь.

— Буртибургъ въ этомъ увѣренъ, отвѣчала баронеса; — а я очень рада, что въ васъ не ошиблась.

— Не ошиблись?

— Да, я утверждала, что вы не бѣшеный, не поджигатель, но...

— А кто вамъ меня такъ рекомендовалъ? Клянусь, баронеса, я не носилъ на пикѣ голову герцогини Ламбаль.

— Если не ты носилъ, такъ, вѣрно, твой братъ, со смѣхомъ замѣтилъ Вержень.

Разговоръ, такимъ образомъ, продолжалъ вертѣться на общихъ мѣстахъ; Мишель хотя и находилъ баронесу прелестной, но не чувствовалъ большого удовольствія въ ея обществѣ. Вдругъ поднялась портьера въ дверяхъ гостиной и слуга доложилъ:

— Графъ Моранжи съ дочерью.

— Чортъ возьми! сказалъ Гонтранъ на ухо Мишелю, — ты счастливъ. Это прелестнѣйшая молодая дѣвушка во всемъ Парижѣ.

ГЛАВА X.

Баронеса встала и протянула руку мужчинѣ лѣтъ пятидесяти. высокаго роста, съ большой сѣдой бородой, благороднымъ, гордымъ лицомъ, добрыми голубыми глазами, лысой головой и съ красной ленточкой въ петлицѣ. Онъ вошелъ въ комнату подѣ руку съ дочерью; подойдя къ баронесѣ, вмѣсто того, чтобъ поклониться, онъ по-старинному поцѣловалъ у нея руку.

Графъ Франсуа Моранжи, оппозиціонный членъ палаты пэровъ при Людовикѣ-Филиппѣ и недовольный легитимистъ, во время второй имперіи утѣшалъ себя отъ политическихъ разочарованій литературными трудами, доставившими ему видное мѣсто во французской академіи по отдѣленію нравственныхъ и политическихъ наукъ. Онъ прославился своимъ сочиненіемъ „Монастырская жизнь въ средніе вѣка“, въ которомъ онъ, съ замѣчательнымъ знаніемъ исторіи и пламеннымъ краснорѣчіемъ, доказывалъ, что цивилизація многимъ обязана монахамъ, спасшимъ литературу и искусство въ варварскія, кровопролитныя времена. Конечно, онъ не указалъ на тѣ рукописи и предметы искусства, которые уничтожены или испорчены монахами, и потому его книга была не совсѣмъ вѣрной и не вполне безпристрастной картиной, но все-же представляла любопытное чтеніе, поэтичное и увлекательное, какъ художественный романъ.

Онъ былъ связанъ съ баронесою Ривъ старинной дружбой. Она приходилась ему отдаленной родственницею и онъ въ юности не только былъ въ нее влюбленъ, но даже долженъ былъ на ней жениться. Отдаленный слѣдъ этой идиллической любви сохранился до сихъ поръ и онъ извинялъ баронесѣ многое, напримѣръ, ея свободную, легкомысленную жизнь, въ память ея юношеской цѣломудренной прелести. Впрочемъ, Моранжи принадлежалъ къ тому разряду людей, которые, не отличаясь инстинктомъ зла, не видятъ его и не признаютъ его существованія. Поэтому онъ въ цуританскомъ обществѣ Сенжерменскаго предмѣстья всегда защищалъ баронесу, которая, побратавшись со второй имперіей, низко пала въ глазахъ старой аристократіи, и чистосердечно утверждалъ, что она вполне честная женщина.

— Авторъ „Монастырской жизни“ долженъ-бы требовать больше, сказала ему однажды старая герцогиня Круа-Моръ: — ему слѣдовало-бы требовать, чтобъ она была также добродѣтельной женщиной. Между извѣстной честностью и добродѣтельною цѣлымъ міръ.

— Да, герцогиня, отвѣчалъ Моранжи, — но что-жь мнѣ дѣлать? Мои ученныя занятія научили меня первой изъ добродѣтелей...

— А именно?

— Человѣкълюбію.

Послѣ этого разговора герцогиня безъ малѣйшей злобы говорила о Моранжи:

— Франсуа Моранжи—свѣтскій человѣкъ, изучающій религію; онъ рисуетъ намъ салонныхъ монаховъ. Это Дюбуфъ монастырскій.

— Я предпочитаю соблазнительнаго прелести Мурильо мрачной суровости Цурбарана, отвѣчалъ Моранжи, услыжавъ фразу герцогини, которую повторяли даже въ академіи.

Графъ Моранжи былъ прежде всего свѣтскій человѣкъ, добродушный и наивный, несмотря на свои года. Онъ былъ женатъ только одинъ годъ; потерявъ жену, онъ сосредоточилъ всю свою любовь на дочери.

Объ этой-то молодой дѣвушкѣ Гонтранъ отозвался, что она прелестнѣйшая дѣвушка въ Парижѣ.

Дѣйствительно, посмотри на нее, Мишель пришелъ въ безмолвный восторгъ. Въ блѣдомъ платьѣ греческаго покроя, съ длинной гирляндой розъ, опускавшея отъ плечъ до талии, и съ такниже розаномъ въ каштановыхъ волосахъ; она поражала своимъ серьезнымъ, какъ-бы поникшимъ отъ преждевременнаго горя лбомъ, блѣдно-матовымъ цвѣтомъ лица и темно-синими глазами, полными мысли. Все было удивительно гармонично въ ея юной, статной фигурѣ, художественныя формы которой прелестно обрисовывались ея скромнымъ платьемъ. Эта восемнадцатилѣтняя молодая дѣвушка неволью плѣнила всѣхъ своей благородной осанкой и нѣжной, поэтической красотой.

Глаза ея случайно встрѣтились съ глазами Мишеля. Молодой человѣкъ опустилъ свои глаза, не потому, что взглядъ этого прелестнаго ребенка былъ смѣлъ, вызывающъ, а потому, что въ немъ было что-то мыслящее, грустное, вопросительное, зоркое, что-то напоминавшее строгій, пронизывающій взглядъ судьи.

— Какъ вы прелестны сегодня, Полина, сказала баронеса, поцѣловавъ молодую дѣвушку и внимательно осматривая ея;—ваша гирлянда восхитительна. Куда вы ѣдете?

— Къ г-жѣ Позенваль, отвѣчала Полина нѣжнымъ, мягкимъ, серьезнымъ и нѣсколько томнымъ голосомъ.

Комплиментъ баронесы вызвалъ на ея правильномъ, меланхолическомъ лицѣ только легкую улыбку, въ которой скорѣе сказывалась усталость, чѣмъ кокетство.

— Г-жа Позенваль еще принимаетъ?

— Да, до отъезда въ Трувилъ.

— А вы пойдете въ Трувилъ?

— Конечно, отвѣчалъ Моранжи; — я рѣшился все испытать, чтобъ вылечить Полину отъ меланхоліи...

Онъ остановился по знаку дочери, которая, указывая на присутствующихъ, безмолвно просила прекратить разговоръ о ней.

Что касается Бертье, то если-бъ Моранжи и продолжалъ, онъ едва-ли бы что-нибудь слышалъ. Онъ всецѣло былъ погруженъ въ сравненіе двухъ женщинъ, такъ отличныхъ одна отъ другой и одинаково прелестныхъ: молодой дѣвушки, серьезной, точно жизнь разочаровала ее съ перваго шага, и женщины, которая сохранила, естественно или искусственно, почти юношескую, счастливую улыбку. Мишель говорилъ себѣ, что эта дѣвушка представляла олицетвореніе истинной красоты, была какимъ-то небеснымъ видѣніемъ, а баронеса—соблазнительной, безумной мечтой. Одна выражала спокойствіе, серьезность и нѣжность; другая—умъ, жизнь, грацію и легкомысленную веселость. Его воображенію представлялся невѣроятный поединокъ между ними, почти невозможная борьба изъ-за любви, и онъ спрашивалъ себя, кто изъ нихъ одержитъ побѣду. Смотри на Полину, на ея сіяніе, серьезные глаза, на ея строгую красоту непогрѣшимой Діаны, онъ думалъ: „она побѣдитъ“. Но обращая свой взглядъ на баронесу съ ея таинственной улыбкой и непреодолимой прелестью, скрывавшей цѣлую науку, онъ прибавлялъ: „нѣтъ, вотъ кто побѣдитъ“.

Эти размышленія Мишеля были прерваны неожиданнымъ появленіемъ сына и дочери Буртибура. Надина окончила финалъ Шильперика и, услыжавъ голосъ Полины, своей монастырской подруги, бросилась въ гостиную. За нею слѣдовалъ ея братъ Танкредъ, маленькій франтъ, розовый блондинъ, надушенный, жеманный, съ открытымъ жилетомъ, цвѣткомъ въ петлицѣ и одноглазкой. Надина, въ кисейномъ платьѣ, заспанная цвѣтами и гирляндами, походила на карикатуру своего брата. Ему было двадцать четыре года, а ей девятнадцать.

— Полина! воскликнула молодая дѣвушка, бросаясь къ ней на шею,—какъ я рада тебя видѣть. Но что это? Дай мнѣ на тебя поглядѣть. Ты просто прелесть! Какой роскошный туалетъ! Вотъ какъ, ты сдѣлалась кокеткой?

„Дѣло“, № 3, 1876 г.

— Нѣтъ.

— Кто-же тебя уговорилъ одѣться по модѣ? Ты никогда не любила тряпокъ.

— Кто? Конечно, отецъ.

— Да, замѣтилъ Моранжи, — Полина одѣвается хорошо для меня. Надо-же нравиться и своему отцу.

— Конечно, сказалъ Буртибуръ, — это долгъ доброй дочери.

— И Надина, кажется, исполняетъ этотъ долгъ, папа, замѣтилъ Танкредъ, играя своей одноглазкой; — посмотри, какой на ней туалетъ. Онъ описанъ даже въ газетахъ, въ „La vie parisienne“.

Полина Моранжи не успѣла сѣсть, какъ уже встала и просила позволенія уѣхать.

— Какъ! воскликнула баронеса, — вы только-что явились, Полина, и тотчасъ исчезаете! Помогите мнѣ хоть разлить чай.

Полина очень любезно извинилась, но рѣшительно объявила, что общала быть сегодня у г-жи Позенваль и не желаетъ ее обмануть. Графъ подтвердилъ, что имъ необходимо быть у г-жи Позенваль, такимъ тономъ, что Мишель Бертье понялъ, что дѣло шло о сватовствѣ, и почувствовалъ какое-то бессознательное недомольство.

— Такъ значитъ вы, дитя мое, пріѣзжали только, чтобъ огорчить насъ? сказала баронеса; — это не хорошо. Но я вамъ прощаю; хотя, прибавила она, обращаясь къ Моранжи, — Полина — небесный ангелъ, у котораго надо другимъ просить прощенья.

При этихъ словахъ лицо Моранжи омрачилось. Онъ хотѣлъ улыбнуться, но не могъ придать своему лицу другого выраженія, кромѣ глубоко-грустнаго.

Полина поклонилась баронесѣ, поцѣловала Надину и обвела взглядомъ всѣхъ присутствующихъ. Глаза ея снова встрѣтились со взорами Мишеля Бертье и ему стало какъ-то отрадно на сердцѣ. Потомъ это прелестное видѣнiе исчезло.

— Очаровательна! воскликнули въ одинъ голосъ Гонтранъ и Далеракъ.

— Да, она прехорошенькая, сказала баронеса; — къ тому-же она очень богата. Это одна изъ самыхъ блестящихъ партій въ Парижѣ.

— У графа Моранжи, должно быть, порядочное состояніе, ска-
заль Буртибуръ дѣловымъ тономъ.

— Пять миліоновъ, если не болѣе.

— А Полина единственная дочь?

— Единственная.

Глаза Буртибура инстинктивно обратились на сына, какъ-бы
указывая ему на достойный предметъ ухаживанія.

„Пять миліоновъ!“ подумаль Мишель.

— И при такомъ богатствѣ Моранжи несчастливъ. Его пре-
дестная дочь ненавидить свѣтъ и жаждетъ поступить въ мона-
стырь.

— Въ монастырь! произнесъ Буртибуръ съ изумленіемъ.

— Въ монастырь! повторилъ Мишель.

— Жажда монастырской мирной жизни, отвращеніе къ есте-
ственной человѣческой жизни, какое-нибудь тайное горе—и вотъ
будетъ новая монахиня.

— Какъ жаль! воскликнулъ Танкредъ Буртибуръ.

— Да это цѣлый романъ, произнесъ Мишель Бертъе.

— О! сказала Надина Буртибуръ,—она еще въ монастырскомъ
пансіонѣ была такой-же мечтательной и грустной, какъ теперь.
Мы ее прозвали Ла-Вальеръ.

Мишель не слушалъ ее, а смотрѣлъ на баронесу. Ея улыбка
казалась ему непреодолимой, но въ то-же время онъ не могъ за-
быть Полины Моранжи. Рядомъ съ этими двумя соблазнительными
женщинами совершенно ступшевывалась маленькая Ліа...

— Ну, сказала баронеса, смѣясь, — меланхолія Полины про-
длится не долго. Въ тотъ день, когда она кого-нибудь полюбитъ,
туманъ разсѣется и блеснетъ лучезарное солнце. Вотъ, господа,
славная задача: попробуйте вырвать эту молодую дѣвушку изъ
монастыря и заставьте биться невинное сердце. Древніе рыцари,
не колеблясь, принялись-бы за такое дѣло.

— Тѣмъ болѣе, что за ней дають пять миліоновъ, замѣтилъ
Вержень.

— Да, этого не найдешь въ лошадиной подковѣ, сказалъ Бур-
тибуръ;—моя дочь и сынъ представляютъ два миліона, но и это
недурно.

Между тѣмъ подали чай. Баронеса весело разливала и пода-

вала чашки, а Надина разносила печенье на севрскихъ тарелкахъ.

· Подавая чашку Мишелю, баронеса взглянула на него съ своей таинственной улыбкой и на мгновение остановилась передъ нимъ, какъ-бы желая однимъ взглядомъ плѣнить его и прочитать все, что было въ глубинѣ его сердца. Бертѣ впервые почувствовалъ могущественную, безпкойную силу ея голубыхъ глазъ. Онъ сначала хотѣлъ остаться хладнокровнымъ и неподвижнымъ, но вскорѣ поддался вліянію этого взгляда и улыбки. Онъ вздрогнулъ и почувствовалъ себя побѣжденнымъ. Въ глазахъ баронесы блеснулъ лучъ торжества. Она сохранила свое господство надъ мужчинами, и въ первое свиданіе съ Мишелемъ Бертѣ поразила его своимъ пламеннымъ взоромъ, какъ-бы кинжаломъ, въ самое сердце.

ГЛАВА ХІ.

Мишель еще находился подъ впечатлѣніемъ этого взгляда, когда баронеса вышла изъ комнаты и черезъ нѣсколько минутъ возвратилась съ альбомомъ въ голубомъ переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ, такой-же голубой, кокетливой чернильницей и золотымъ перомъ.

— Bravo, баронеса! воскликнулъ Гонтранъ, — представитель Парижа выразить намъ свое profession de foi.

— Какимъ образомъ? спросилъ Мишель.

— Послѣ альбома, сказала баронеса съ иронической улыбкой, — я не знаю большей пытки, какъ книга исповѣди, но вмѣстѣ съ тѣмъ ничего интереснѣе ея.

Мишель смотрѣлъ на книгу, перо и чернильницу, догадываясь, что дѣло шло объ автографѣ. Онъ уже привыкъ къ подобнымъ просьбамъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло, произнесла баронеса, — вамъ надо отвѣчать на вопросы, написанные въ этой книгѣ, и отвѣчать откровенно, прямо. Въ мою „голубую книгу“ многіе замѣчательные люди вписали свою исповѣдь; послѣдуйте ихъ примѣру. Я вамъ даю пять минутъ на размышленіе и даже позволяю не отвѣчать на вопросы, которые вамъ покажутся слишкомъ дерзкими.

— Я отвѣчу на всѣ, сказалъ Бертѣ, взявъ перо.

— Берегись, Мишель, замѣтилъ Гонтранъ, — твои избиратели смотрятъ на тебя.

Бертъе стала машинально перелистывать голубую книгу, знакомясь съ исповѣдями своихъ предшественниковъ и придумывая ловкіе отвѣты. Эта игра была-бы дѣйствительно интересна, если-бы велась чистосердечно, но каждый писалъ свою исповѣдь, принимая искусственную позу и преднамѣренную улыбку. Юный трибунъ повиновался общему правилу. Онъ драпировался своей пуританской суровостью, но все-же истина проглянула кое-гдѣ между складками его тоги.

— Ну, посмотримъ! воскликнула баронеса, когда Мишель кончилъ писать.

Она взяла книжку и, подойдя къ лампѣ, стала читать вслухъ его исповѣдь, прибавляя свои замѣчанія и то улыбаясь, то насупливая брови, тогда-какъ Мишель, немного поблѣднѣвъ, пристально смотрѣлъ на коверъ.

— „Ваша любимая добродѣтель?—Вѣрность“.

— „Ваше любимое качество въ мужчинѣ?—Рыцарство“.

— „Въ жеищинѣ?—Нѣжность“.

(Баронеса прелестно надула губки).

— „Ваше любимое занятіе?—Работать, учиться“.

— И говорить, пробормоталъ Гонтранъ.

— „Главная черта вашего характера?—Жажда любви“.

— Это плоско, но бываютъ желанія и болѣе неосуществимыя. замѣтила баронеса.

— „Въ чемъ, по-вашему, заключается счастье?—Въ мечтѣ“.

— „А несчастіе?—Въ отсутствіи желаемого“.

— „Вашъ любимый цвѣтъ?—Голубой“.

— „А цвѣтокъ?—Роза“.

Баронеса очень хорошо поняла, что Мишель прежде, чѣмъ написалъ послѣдніе два отвѣта, взглянулъ на ея туалетъ.

— „Если-бы вы не были вы, кѣмъ-бы вы желали быть? — Мирабо“.

— Я такъ и думала, замѣтила баронеса.

— „Гдѣ-бы вы желали жить?—Здѣсь“.

— Я и этого ожидала, прибавила баронеса, но, повидимому, она не смѣялась надъ плоскостью отвѣтовъ.

— „Ваши любимые герои въ романахъ?—Джюльенъ Сорель, Растиньякъ“.

— Неужели? произнесла баронеса: — они такіе сухіе эгоисты. „Но они достигали успѣха“, подумалъ Мишель Бертъе.

— „Ваши любимыя героини въ исторіи и романѣ?—Шарлота Корде, герцогиня Ланже“.

— Недурно, замѣтила баронеса.

— Онъ забылъ цвѣточницу Изабеллу, сказалъ Танкредъ Буртибуръ въ полголоса Гонтрану.

— И Марію-Антуанету, прибавила его сестра, которая, желая подражать легитимистской аристократіи, обожала эту королеву.

Баронеса прочла поспѣшно еще нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ, но остановилась только на послѣднихъ трехъ, какъ самыхъ существенныхъ и откровенныхъ.

— „Кого вы всего болѣе ненавидите въ исторіи?—Отступника, ренегата“.

— „Что вы чувствуете теперь? — Жажду исполнить свой долгъ“.

— „Вашъ девизъ?—*Sempre diritto*, всегда прямо.“

— Bravo! воскликнула баронеса Ривъ, окончивъ чтеніе.—Вы могли-бы смѣло обнародовать эту исповѣдь, г. Бертъе. Васъ непременно выбрали-бы въ депутаты послѣ прочтенія этихъ немногихъ строкъ.

— Бертъе—пуританинъ, промолвилъ Далеракъ на ухо Гонтрану,—а кончить тѣмъ, что заслужить славу вѣчно рисующагося фата.

— Вы, я вижу, его истинный другъ, отвѣчалъ Гонтранъ.

— Правда выше всего.

— Только берегитесь, продолжала баронеса, — эта проклятая голубая книжка пережила много переворотовъ, много человѣческихъ превращеній. То, что написано въ ней, неизгладимо. Быть можетъ, наступитъ день, когда вы раскаетесь, что оставили въ ней слѣдъ своихъ мыслей.

— Никогда, отвѣчалъ Мишель Бертъе рѣшительно.

Самыя важныя событія въ жизни человѣка часто имѣютъ своимъ источникомъ простую случайность. Отъ нечего дѣлать и отъ пустого любопытства, Мишель отправился съ Гонтраномъ къ баронесѣ Ривъ, но, выходя отъ нея, онъ инстинктивно чувствовалъ, что два часа, проведенные въ ея домѣ, быть можетъ, повліяютъ

на всю его жизнь. Онъ сознавался въ этомъ помимо своего желанія.

Прощаясь съ нимъ, баронеса поблагодарила его за любезное пожертвованіе цѣлаго вечера болтовнѣ съ свѣтской женщиной, когда онъ, какъ политическій дѣятель, былъ занятъ важными дѣлами, и любезно пригласила его посѣщать ея интимные вечера.

— Вы увѣряете, сказала она съ прелестной улыбкой, — что ваши отвѣты въ голубой книгѣ искренны. Помните, что вы выразили желаніе жить здѣсь, а потому заходите сюда почаще. Да, вы общаете?

Далеракъ, видя, что его не приглашаютъ, вздумалъ отвѣтить за Мишеля Бертъе и увѣрилъ баронесу, что ея гостиная не будетъ имѣть болѣе постоянныхъ посѣтителей, какъ онъ и его другъ. За эту выходку Мишель сдѣлалъ ему выговоръ, какъ только они очутились на улицѣ. Повидимому, онъ вовсе не желалъ возвратиться къ баронесѣ.

— Почему ты не хочешь поддерживать съ ней знакомство? спросилъ Гонтранъ, когда они разстались съ Далеракомъ; — ты одержалъ такую побѣду въ ея гостиной, какую я желаю тебѣ одержать въ палатѣ. Или тебѣ насвучило семейство Буртибуръ? Ты думаешь, что Буртибуръ — сторонникъ правительства? Помилуй, этотъ почтенный обойщикъ отдастъ за тебя свою дочь, когда угодно. Я убѣжденъ, что онъ желалъ-бы находиться въ одинаково хорошихъ отношеніяхъ съ правительствомъ и оппозиціей. Ты замѣтилъ, какъ величественно онъ тебѣ поклонился, а твои отвѣты въ голубой книгѣ привели его совершенно въ тупикъ. Не забывай, Мишель, что маленькая Надина хорошенькая, что у нея миліонъ, какъ говорить отецъ, и она не глупѣе и не пошлѣе всѣхъ женщинъ нашего времени.

— Не въ этомъ дѣло, отвѣчалъ Мишель; — но моя нога не будетъ болѣе въ домѣ баронесы, потому что она мнѣ не по сердцу.

— Она тебѣ не нравится?

— Нѣтъ, но ея улыбка меня коробитъ. Она смотритъ на тебя съ такой ироніей, что...

— Скажи прямо, что ея улыбка тебя волнуетъ. Знаешь, Бертъе, прелестная Франсина Ривъ произвела на тебя такое сильное впечатлѣніе, что ты его вполне еще не сознаешь.

— Ее зовутъ Франсиной?

— Чась отъ часу не легче! Ты уже думаешь объ ея имени. Не правда-ли, ты находишь его прелестнымъ, очаровательнымъ? Прекрасно, ты, милый другъ, влюбнулъ.

— Молчи, отвѣчалъ Бертъе, — я и не думаю о баронессѣ.

— Такъ ты думаешь объ юной графинѣ Моранжи?

— Отчего-же объ ней?

— Оттого, что она восхитительна. Признаюсь, соблазнительно спасти такое прекрасное существо отъ монастыря.

— Кто-же тебѣ мѣшаетъ ее спасти!

— Я слишкомъ веселый человѣкъ.

— А я слишкомъ серьезный. Къ тому-же, прибавилъ Мишель, нетерпѣливо махая рукою, — ты знаешь, что я не могу жениться.

— Отчего?

— Ля, промолвилъ Мишель, высказывая въ одномъ словѣ всю тайну своей жизни.

— Я думалъ, что эта исторія ужь кончена.

— Нѣтъ.

— Эта любовь слишкомъ долго длится для мимолетной страсти.

— Быть можетъ. Но что-же дѣлать, когда эта любовь пустила въ сердцѣ такіе глубокіе корни?

— Надо поглубже подъ нихъ подкопаться и все-же ихъ вырвать. Я тебѣ когда-нибудь расскажу, какъ я поступилъ въ подобномъ случаѣ.

— А ты когда-нибудь любилъ?

— Нечего сказать, ты любезень! Это все равно, что спросить меня, привита-ли у меня оспа или выдержалъ-ли я университетскій экзаменъ. Ну, до свиданія, Мишель; я знаю баронессу, и вскорѣ мнѣ придется просить у тебя протекціи къ ней. Seriously, Мишель, ты ей очень понравился.

— Ты думаешь? спросилъ Бертъе.

Но Гонтранъ уже былъ далеко. Онъ пошелъ къ бульварамъ по улицѣ Футень, а Мишель повернулъ домой по пустынной улицѣ Дуэ.

Голова у него трещала, какъ послѣ безсонной ночи. Противоположные, но одинаково прелестные образы баронесы Ривъ и Полины Моранжи носились передъ его глазами, какъ чудесныя видѣнія. Онъ повторялъ про себя, какъ-бы взвѣшивая ихъ, эти

два имени: Франсина, Полина. Всего болѣе его поразила въ Франсинѣ соблазнительная красота, привлекавшая, какъ могущественныя чары, и пугавшая, какъ грозная опасность, а въ Полинѣ—спокойная, цѣломудренная прелесть молодой дѣвушки, которой пять миліоновъ придавали, кромѣ того, положительную, безусловную цѣнность.

Мишель чувствовалъ себя какъ въ лихорадкѣ, пульсъ его усиленно бился. Онъ жаждалъ спокойствія, забвенія, и въ эту минуту, какъ послѣ утомительныхъ часовъ избранія, Лія показала ему спасительнымъ убѣжищемъ, живымъ утѣшеніемъ.

Дойдя до дверей своего дома, онъ повернулъ назадъ и пошелъ къ бульвару Клиши.

„Если-бъ я имѣлъ достаточно мужества, чтобъ ввести ее въ общество, то истинное счастье мнѣ доставила-бы только Лія, думалъ онъ по дорогѣ;—но какимъ образомъ Гонтранъ, представитель легкаго взгляда на жизнь, и строгій пуританинъ Пьеръ Менаръ согласны въ томъ, что я долженъ съ ней покончить? Дѣйствительно, она представляетъ для меня опасность и преграду. Дѣлать нечего, ради моей будущности надо пожертвовать бѣдной дѣвушкой, отдавшей мнѣ свою жизнь. Но, по крайней мѣрѣ, сегодня я съ радостью заглушу свои сомнѣнія и лихорадочный жаръ въ твоихъ пламенныхъ объятіяхъ, моя бѣдная Лія!“

ГЛАВА XII.

Гонтранъ не ошибся: Франсина Ривъ произвела на Мишеля Вертье, непривычнаго къ соблазнительнымъ чарамъ известнаго рода женщинъ, глубокое впечатлѣніе. Сначала онъ хотѣлъ противиться ей магнетической силѣ, но потомъ поддался ей съ пламеннымъ сладострастіемъ. Онъ вспоминалъ съ самодовольствіемъ, что Верженъ, человекъ опытный въ подобныхъ дѣлахъ, замѣтилъ, что и онъ, въ свою очередь, произвелъ впечатлѣніе на баронесу.

Побуждаемый необходимостью говорить о той, которая занимала всѣ его мысли, какъ всегда бываетъ въ началѣ страсти, Мишель охотно бесѣдовалъ со всѣми о баронесѣ Ривъ. Онъ упомянулъ о ней даже Пьеру Менару.

— Баронеса всѣмъ извѣстна, отвѣтилъ рѣзко Менаръ. — Она переманила на сторону бонапартистовъ Берже Делану.

— Развѣ она такъ предана бонапартовской династїи? Я съ ней бесѣдовалъ и не замѣтилъ, чтобъ она была отъявленной сторонницей второй имперїи.

— Это очень опасная женщина, сказалъ Менаръ, — вотъ все, что я о ней знаю.

Вскорѣ Мишель собралъ о Франсинѣ самыя подробныя свѣдѣнія, такъ-какъ въ Парижѣ не трудно узнать все, что нужно, о всякой личности, стоящей на виду или, по выраженїю Вержена, бывшей въ ходу. Баронеса ничего не проиграла въ его глазахъ послѣ этого формальнаго слѣдствїя. Дочь маркиза Рувра, одного изъ блестящихъ представителей моднаго общества при Люи-Филиппѣ, разорившагося отъ неудачныхъ спекуляцій, она вышла замужъ, повидимому, не по любви, а только изъ послушанїя отцу, за барона Жака Рива, и старый маркизъ, зная благородный характеръ барона, умеръ, вполне убѣжденный въ счастье своей дочери.

Дѣйствительно, Жакъ Ривъ могъ-бы сдѣлать Франсину счастливой, если-бъ для ея счастья было достаточно любви мужа. Онъ не былъ старъ и хотя не походилъ на героя романа, но былъ уменъ, образованъ, изященъ и чрезвычайно симпатиченъ; къ тому-же онъ обожалъ свою жену и въ этомъ обожанїи не только сказывалась страсть, но преданность и самопожертвованїе. Сначала Франсина, гордясь подобной любовью человѣка, превосходство котораго она вполне признавала, платила привязанностью за привязанность, любовью за любовь. Но баронъ любилъ ее эгоистично и, какъ скупой, скрывалъ свое сокровище отъ всего свѣта. А Франсина, выходя замужъ, мечтала объ удовольствїяхъ и празднествахъ. Блестящїе туалеты, балы, итальянская опера и представленїя ко двору соблазнили ее болѣе, чѣмъ любовь мужа. „Отчего баронъ Ривъ не вывозитъ меня въ свѣтъ?“ спрашивала она часто себя и прибавляла, что ея одинокая жизнь походила на монастырское или тюремное заключенїе.

Наконецъ, онъ убѣдился, что его любви было недостаточно для Франсины, и онъ постарался исправить свою ошибку. Несмотря на свою ненависть къ декабрьскому перевороту, онъ занялъ мѣсто при новомъ дворѣ второй имперїи и Франсина съ блескомъ

появилась въ высшемъ официальномъ мірѣ. Сначала свѣтскіе успѣхи тѣшили ея самолюбіе, но они ей дорого обходились, благодаря мизантропіи мужа, своей печальной фигурой отравлявшаго самня веселыя празднества. Она не была счастлива. Дѣйствительность не оправдывала ея мечтаній. Она была рождена для пламеннаго, лихорадочнаго существованія и пошлый водоворотъ свѣтской жизни вскорѣ показался ей недостаточнымъ. Все ей быстро надоѣдало. При каждой новинкѣ ея ненасытный взглядъ, казалось, говорилъ: „а потомъ что?“ Всякій запрещенный плодъ, всякій скользкій путь неотразимо манили ее къ себѣ. Пресыщенная свѣтскими удовольствіями, она желала утолить свою жажду опьяняющимъ нектаромъ страсти. Она жаждала въ сущности изступленнаго блаженства не потеряннаго, погибшаго рая, а рая, ведущаго къ гибели.

Всѣ проступки и преступленія имѣютъ свой творческій періодъ и въ седьмой день человѣкъ отдыхаетъ среди новаго міра, созданнаго его болѣзненной волей и полного угрызенія совѣсти; но Франсина очутилась въ этомъ мірѣ, не зная угрызенія совѣсти. Вступивъ однажды на позорный путь, она пошла по немъ смѣло, не заботясь о любви мужа, который, видя безчестіе своего имени, предпочелъ молчаніе скандалу, страданіе—мести, и удалился въ свой замокъ, оставивъ Франсинѣ состояніе, достаточное для того, чтобъ ей не перейти отъ нравственнаго паденія къ продажному разврату.

Съ тѣхъ поръ Франсина вела веселую, блестящую жизнь, окруженная поклонниками. Она занимала видное мѣсто въ великосвѣтскомъ обществѣ имперіи и пользовалась большимъ вліяніемъ въ высшихъ сферахъ. Часто ее осуждали, еще чаще защищали; одни считали всѣ рассказы о ней клеветой, другіе увѣряли, что она еще опаснѣе, чѣмъ казалась. Вообще, это была одна изъ тѣхъ странныхъ и трудно объяснимыхъ, хотя не сокровенныхъ силъ, которымъ люди подчиняются, не уважая ихъ, но часто съ удовольствіемъ,—такъ онѣ соблазнительны и могучи. Разложеніе современнаго общества размножило и постоянно еще размножаетъ эти чудовищные типы, которые жаждутъ жить на-показъ, чтобъ не смѣшаться съ толпою и, находясь всегда на виду, вызывать рукоплесканія праздныхъ зѣвакъ.

Узнавъ все это, Бертье нисколько не охладѣлъ къ баронессѣ;

напротивъ, подобныя слухи, которые, конечно, могли оказаться ложными или преувеличенными, облегчали его отношенія къ ней. Гермиона его смутила-бы, гордая аристократка безъ упрека и пятна возбудила-бы въ немъ холодное чувство уваженія; а Франсина, служащая предметомъ подобныхъ толковъ, казалась ему болѣе женщиной, болѣе досягаемой его взглядамъ и, быть можетъ, желаніямъ.

Давъ себѣ слово не возвращаться въ ея гостиную, онъ мало-помалу сдѣлался ея постояннымъ посѣтителемъ. Онъ съ упоеніемъ слушалъ и изучалъ это странное, очаровательное существо. принимавшее его то съ явнымъ предпочтеніемъ и соблазнительной улыбкой, то съ пошлой свѣтской любезностью, выпадавшей всегда на долю какого-нибудь Далерака или Танкреда Буртибура.

Эта неровность характера и быстрые переходы отъ холодности къ нѣжной ласкѣ возбуждали въ Мишель то раздраженіе, которое порождаетъ неудовлетворенная страсть. Онъ былъ недоволенъ собою и часто хмурилъ брови; онъ тогда сравнивалъ баронессу съ прелестной Полиной Моранжи и, конечно, отдавалъ предпочтеніе цѣломудренной красотѣ молодой дѣвушки, хотя въ сущности она привлекала его къ себѣ только состояніемъ. Онъ часто выходилъ отъ баронессы, говоря себѣ, что, вѣроятно, всѣ неблаговидныя толки объ этой женщинѣ, разыгрывавшей роль Селимены, были вполне справедливы; а на другой день она принимала въ его глазахъ образъ ангела и онъ бѣсился при мысли о преслѣдовавшихъ ее клеветахъ.

Мишель Бертъ считалъ себя сильнымъ, могучимъ существомъ. но въ дѣйствительности это было нервное, слабое созданіе, которому только обстоятельства придавали величіе. Обладая большими способностями и не очень закаленной душой, этотъ человекъ воплощалъ въ себѣ стремленія, силу и слабость эпохи, въ которой между физическими недугами всего чаще встрѣчается малокровіе. а между нравственными—безхарактерность.

Онъ въ это время еще находился въ медовомъ мѣсяцѣ своей славы, но уже его мучили сомнѣнія, заботы и скука. Долгъ являлся передъ нимъ ежедневно въ различныхъ формахъ, отнимаемая у него время и ограничивая свободу. То къ нему являлся бѣдный избиратель, то онъ получалъ письмо, рѣзко указывавшее

ему его будущій путь, то, наконецъ, товарищъ изгнанія его отца напоминалъ сыну послѣднія слова Винченца Вертье. Кромѣ того, къ нему обращались съ постоянными просьбами предсѣдательствовать въ различныхъ благотворительныхъ обществахъ, рабочихъ корпораціяхъ и т. д.; ему приходилось на все это отвѣчать, говорить, писать.

Въ одинъ прекрасный день рабочіе устроили въ честь своего побѣдоноснаго представителя торжественный обѣдъ, подъ надзоромъ полиціи, въ залѣ одного изъ танцъ-классовъ предмѣстій. На обѣдѣ предсѣдательствовали вліятельный и популярный ораторъ, бухгалтеръ торговой фирмы Буртибуръ, соединявшій въ себѣ умственное развитіе буржуазіи и стремленія рабочихъ.

Лія просила Мишеля дозволить ей проводить его до пиршественной залы.

— Я тебя такъ рѣдко вижу, сказала она; — не откажи мнѣ въ счастья пройти съ тобою нѣсколько шаговъ. Теперь уже темно и кто тебя здѣсь увидитъ?

Онъ согласился и они дошли вмѣстѣ до того дома, гдѣ помещался танцъ-классъ. По дорогѣ Лія видимо хотѣла сказать ему что-то, но, замѣчая, что онъ, занятый своей предстоящей рѣчью на обѣдѣ, не обращалъ вниманія на ея слова, умоляла.

Вообще, въ послѣднее время она перестала занимать въ его мысляхъ первенствующее мѣсто. Женскій образъ, витавшій передъ нимъ въ минуту мечтаній, имѣлъ не классическій профиль юной еврейки, а соблазнительную улыбку баронесы Ривъ. Но Лія объясняла политическими заботами необычайную холодность, проявлявшуюся въ немъ въ послѣднее время.

Мишель теперь приходилъ очень рѣдко въ маленькій домикъ на бульварѣ Клиши. Сколько дней и ночей бѣдная дѣвушка проводила въ тревожномъ ожиданіи! Она боялась, не случилось-ли съ нимъ какого-нибудь несчастія, не арестовали-ли его или не дрался-ли онъ на дуэли? Она такъ часто слыхала о дуэляхъ, что мысль о нихъ не выходила изъ ея головы. Но когда, наконецъ, онъ появлялся въ ея скромной квартирѣ, Лія не говорила ему ни слова о своихъ опасеніяхъ. Она боялась, чтобы онъ не разсердился или — что еще хуже — не размѣялся. Она довольствовалась тѣмъ, что говорила ему о своей любви, а въ его отсутствіе утѣшала себя мыслью, что эта любовь вѣчная, безконечная. Ей никогда не вхо-

дило въ голову, чтобъ Мишель могъ полюбить другую женщину. Она не ревновала его, вполне увѣренная въ его любви, и къ тому-же, — какая радость! — въ ея рукахъ было теперь средство навѣки привязать его къ себѣ...

Въ настоящую минуту она шла подъ руку съ Мишелемъ, прижимаясь къ нему съ упительной нѣгой, и, всматриваясь въ его глаза, ждала удобнаго мгновенія, чтобъ открыть ему счастливую тайну, наполнявшую радостью ея сердце. Но мысли Бертъе были далеко; она это ясно видѣла по его взволнованному лицу.

— Подождемъ, сказала она себѣ.

У дверей залы Лія съ нимъ простилась.

— До свиданія, сказала она; — не забывай меня; когда ты вернешься сегодня вечеромъ, я тебѣ кое-что сообщу.

— Что?

Онъ пристально взглянулъ на нее, но, занятый своими мыслями, не понялъ страннаго, радостнаго и стыдливаго выраженія ея хорошенькихъ глазъ.

— Что случилось? спросилъ онъ разсѣянно.

— Ничего, тайна. Ты узнаешь ее послѣ и будешь счастливъ.

— Счастливъ?

— Да. Ну, ступай и приходи скорѣй.

Лія крѣпко сжала руку Мишеля и со страхомъ смотрѣла, какъ онъ исчезъ за дверьми, передъ которыми медленно прохаживались полицейскіе сержанты. Ей представилось, что ему, можетъ быть, грозитъ какая-нибудь опасность. Онъ-же, не думая о Ліѣ, поспѣшно взбѣжалъ по деревянной лѣстницѣ и вошелъ въ залу, встрѣченный громкими криками и рукоплесканіями трехсотъ избирателей, собравшихся отпраздновать его побѣду.

Съ первой минуты Мишель почувствовалъ себя въ оживляющей, вдохновляющей сферѣ. Онъ зналъ, что всѣ присутствующіе любили его, и любили глубоко, вовсе его не зная.

Столъ былъ накрытъ подковой и въ центрѣ находились два почетныхъ мѣста: для предсѣдателя Фавержоля и Мишеля Бертъе. Невольно, побуждаемый своимъ аналитическимъ умомъ, молодой человекъ сравнивалъ эту залу парижскаго предмѣстья, съ обнаженными, желтыми стѣнами и сосновымъ столомъ, покрытымъ сырою скатертью, съ роскошной столовой моднаго ресторана, гдѣ происходилъ „обѣдъ двѣнадцати“, или съ голубымъ атласнымъ будау-

ромъ баронесы Ривъ. Однакожь, ему дышалось легче въ этой простой обстановкѣ, среди энергичныхъ людей, чествовавшихъ его на свою трудовую копейку съ наивнымъ, дѣтскимъ восторгомъ. Онъ чувствовалъ, что ему стоило только махнуть рукой — и каждый изъ нихъ отдалъ-бы за него съ радостью свою жизнь. Съ гордымъ самодовольствіемъ, какъ полководецъ обзирываетъ взоромъ свое войско передъ битвой, Мишель Бертье смотрѣлъ на своихъ избирателей. Онъ былъ счастливъ. Вспоминая теперь о баронесѣ Ривъ, онъ впервые замѣчалъ въ ней пошлое, опасное кокетство. Напротивъ, ему отрадно было пожимать грубыя, но мужественныя руки простыхъ, но искренно любившихъ и уважавшихъ его людей.

Обѣдъ былъ чрезвычайно оживленъ; всѣ находились въ пламенномъ настроеніи. Передъ Мишелемъ стоялъ громадный трехцвѣтный букетъ изъ незабудокъ. Съ самаго начала онъ смотрѣлъ на эти цвѣты и, не прерывая бесѣды съ сосѣдами, обдумывалъ, какую фигуру краснорѣчія онъ могъ-бы изъ нихъ извлечь, какъ живописецъ всегда ищетъ эффекта свѣтотѣни, а актеръ игры физиономіи.

„Этотъ букетъ, думалъ онъ, — послужить мнѣ великолѣпнымъ заключеніемъ рѣчи“.

Дѣйствительно, благодаря этимъ цвѣтамъ, его ораторскій талантъ одержалъ новую, блестящую побѣду.

Между тѣмъ, нетерпѣливо ожидая рѣчи Бертье, отложенной до десерта, присутствующіе перекидывались отрывочными фразами:

— Ты его слышалъ?

— Нѣтъ, я не могъ участвовать въ избирательныхъ собраніяхъ. У нашего хозяина была очень слѣпшая работа. А что, онъ хорошо говоритъ?

— Еще-бы!

— Лучше Банселя?

— Неизмѣримо.

— Чортъ возьми!

Наконецъ, Мишель Бертье всталъ и, поблагодаривъ присутствующихъ за оказанную ему честь, онъ схватилъ букетъ и, указывая на незабудки, составлявшія буквы R. F., воскликнулъ цвѣтистымъ, но выразительнымъ слогомъ Ламена въ *Paroles d'un Croquant*:

— Кто ты, бѣдный букетъ? Я букетъ полевыхъ цвѣтовъ, на-

поминающихъ тебѣ, что никогда не должно забывать о французской республикѣ! Забыть тебя, французская республика! да развѣ это возможно, о, любимые цвѣты дорогой родины!?

Вся зала огласилась громкими рукоплесканиями; когда они утихли, Мишель продолжалъ лирическимъ тономъ, придавая своей рѣчи совершенно литературный, поэтический отбѣнокъ. Онъ зналъ, что французскій народъ, въ особенности парижане, одарены художественнымъ инстинктомъ, и прямо билъ на эту слабую струну. Въ цвѣтистыхъ, пламенныхъ, хотя и нѣсколько туманныхъ выраженіяхъ онъ высказалъ, чего желалъ, чего громко потребуетъ въ законодательномъ корпусѣ: нравственнаго и матеріальнаго улучшенія судьбы народа, развитія образованія, промышленности, кредита. Затѣмъ, возвращаясь снова къ букету, лежащему на столѣ передъ нимъ, онъ воскликнулъ:

— Эти цвѣты завянутъ, но никогда не завянетъ, не поблекнетъ моя преданность лицамъ, меня избравшимъ, моя вѣрность той свободѣ, которую мы хотимъ дать Франціи!

Громъ рукоплесканій долго стоялъ въ залѣ, но прежде, чѣмъ онъ смолѣлъ, на концѣ стола медленно поднялся блѣдный, сухощавый человѣкъ съ энергичнымъ, лихорадочнымъ взглядомъ и въ поношенномъ, старомъ пальто. Обращаясь къ Бертье, онъ поблагодарилъ его за произнесенную имъ рѣчь.

— Мы отъ васъ ждемъ обезпеченія для всѣхъ свободы и счастья! воскликнулъ онъ и сталъ продолжать свою рѣчь, служащую отвѣтомъ на рѣчь Бертье.

Неизвѣстный говорилъ твердо, энергично, но сначала многіе удивились его смѣлости отвѣчать Мишелю Бертье и даже предсѣдатель Фавержоль замѣтилъ, что на рѣчь Бертье слѣдовало отвѣчать кому-нибудь, имѣющему авторитетъ, напримѣръ, Пьеру Менару. Однакожъ, мало-по-малу, послѣ перваго изумленія, общее сочувствіе высказалось въ пользу неизвѣстнаго оратора, такъ смѣло дополнявшаго програму представителя Парижа. Ораторъ, поощряемый любопытствомъ и вниманіемъ всѣхъ присутствующихъ, декламировалъ громкимъ, отрывочнымъ голосомъ.

Предсѣдатель старался остановить импровизированнаго оратора, смылаясь на позднее время и на близость полиціи, но много голосовъ съ жаромъ воскликнули:

— Васъ слушали, когда вы говорили, послушайте и вы теперь, гражданинъ Фавержоль.

И неизвѣстный ораторъ продолжалъ свою рѣчь невозмутимымъ, твердымъ голосомъ.

Мишель сидѣлъ неподвижный, безмолвный. Онъ тревожно размышлялъ, что эгоистическая сила, которую онъ ненавидѣлъ во второй имперіи, теперь грозно проявлялась въ его избирателяхъ. Онъ обращался къ сердцу своихъ слушателей—и ему рукоплескали; этотъ человѣкъ обращался къ брюху — ему также рукоплескали. Мишеля невольно пугалъ страшный призракъ невѣдомаго будущаго.

Между тѣмъ, увлеченные рѣчью незнакомца, присутствующіе громко требовали, чтобъ онъ назвалъ себя.

— Къ чему вамъ мое имя? отвѣчалъ онъ тѣмъ-же рѣзкимъ голосомъ;—ну, если хотите, меня зовутъ Жанъ Левабръ.

По окончаніи рѣчи Левабра поднялся Пьеръ Менаръ. Съ авторитетомъ изгнанника, рисковавшаго за преданность своей партіи свободой и жизнью, съ мужественной гордостью патріота, пожертвовавшаго всѣмъ для своей родины, онъ смѣло напомнилъ людямъ, рукоплескавшимъ Жану Левабру, что ихъ предки 92-го года ставили выше всего преданность и самопожертвованіе. Онъ противопоставилъ теоріи Левабра возвышенную религію долга. Онъ указалъ, какъ изъ вѣка въ вѣкъ цѣлыя поколѣнія приносили себя въ жертву для обезпеченія блага своимъ потомкамъ. Онъ высоко, твердо поднялъ знамя стоицизма. Онъ окончилъ свою рѣчь торжественнымъ заявленіемъ, что всякій человѣкъ имѣлъ въ отношеніи отечества или государства одинаковыя права и обязанности, что самоотверженіе и самопожертвованіе составляютъ гордость частныхъ лицъ и обезпечиваютъ долгоденствіе націи, а жажда матеріальныхъ благъ и пресыщеніе ими служатъ вѣрнымъ признакомъ скорого упадка.

Слова Менара звучали такимъ пламеннымъ убѣжденіемъ, что всѣ присутствующіе какъ-бы опомнились отъ рѣчи Левабра. Все прошедшее изгнанника поддерживало его протестъ, а за нимъ, казалось, вставали образы древнихъ трибуновъ.

Одушевленіе овладѣло всѣми и Менаръ въ эту минуту могъ-бы потребовать отъ нихъ всякой жертвы. Но онъ удовольствовался даннымъ урокомъ и только прибавилъ, что твердость, законное сопротивленіе и терпѣніе—также орудія, и, быть можетъ, самыя вѣрныя, для достиженія цѣли.

— Прежде всего, сказалъ онъ, — необходимо успокоить, а не пугать общество. Меньшинство можетъ сдѣлаться большинствомъ только переманивая на свою сторону людей другихъ партій. Недостаточно для пріобрѣтенія большинства быть правымъ: необходимо еще доказать людямъ равнодушнымъ, что мы не ошибаемся.

Этотъ совѣтъ былъ данъ добродушнымъ, хотя отчасти ироническимъ голосомъ, на подобіе Франклина, что какъ-бы противорѣчило энергичной, сильной фигурѣ Менара. Всякій чувствовалъ, что онъ совѣтовалъ умѣренность не изъ трусости, а по глубокому сознанію ея практической пользы, ибо никто не сомнѣвался, что въ минуту опасности Пьеръ Менаръ явился-бы по-прежнему въ первыхъ рядахъ.

Горячія рукоплесканія, покрывшія его слова, доказали ясно, что старый товарищъ Винченца Бертье вѣрно угадалъ чувствительную струну своихъ слушателей и ловко ее затронулъ. Обѣдъ окончился торжествомъ умѣренныхъ теорій. Мишель произнесъ еще нѣсколько словъ въ видѣ заключенія, пригласилъ Левабра зайти къ нему, чтобы поговорить подробно о проповѣдуемой имъ системѣ, обнялъ Фавержоля, такъ-какъ не могъ обнять всѣхъ присутствующихъ, и вышелъ изъ залы подъ руку съ Менаромъ, сопровождаемый громкими рукоплесканіями. Нѣкоторые изъ присутствующихъ видѣли своего представителя только издали и потому влѣзли на стулья, чтобы лучше его разглядѣть.

ГЛАВА XIII.

Мишель съ радостью вышелъ на чистый воздухъ. Онъ чувствовалъ нервное волненіе со времени рѣчи Жана Левабра и находился далеко не въ пріятномъ настроеніи духа.

— Конечно, мы правы, нападая на вторую имперію, сказалъ онъ Менару, — но солдаты, которыхъ мы ведемъ на приступъ, иногда внушаютъ страхъ не однимъ врагамъ.

— Поэтому намъ должно вести ихъ по прямому пути, а не слѣдовать за ними.

— А помните, что сказалъ Ледрю-Ролень: я долженъ за ними слѣдовать, такъ-какъ я ихъ предводитель!

— Это красное словцо, больше ничего, дитя мое. Странно.

что его произнесъ человѣкъ съ сердцемъ. Никогда не надо слѣдовать за движеніемъ, которому не сочувствуешь, а то непремѣнно въ концѣ-концовъ будешь безжалостно и совершенно справедливо попрячь ногами.

На этомъ они разстались. Мишель держалъ въ рукахъ нѣсколько цвѣтковъ изъ букета, который онъ просилъ отнести къ себѣ домой; машинально вдыхая въ себя ихъ нѣжное благоуханіе, онъ инстинктивно направилъ шаги къ дому баронесы.

Было еще не поздно; сегодня былъ, приемный день у баронесы. Мишель чувствовалъ потребность увидѣть соблазнительную, чарующую улыбку баронесы.

„Жизнь полна противорѣчій, думалъ онъ, поднимаясь по лѣстницѣ къ Франсинѣ;—я-ли это здѣсь, я-ли былъ тамъ?“

И передъ нимъ возстала большая зала съ обнаженными стѣнами, переполненная мужественными лицами.

Въ ту минуту, какъ онъ намѣревался позвонить, изъ квартиры баронесы вышелъ графъ Моранжи и остановился, чтобъ пропустить свою дочь. Мишель никогда не думалъ объ этой молодой дѣвушкѣ иначе, какъ съ смутнымъ чувствомъ восторга и зависти. Полина казалась ему идеальной молодой дѣвушкой. Конечно, она не отличалась соблазнительными чарами баронесы, но была живой статуей спокойной, честной, серьезной красоты; къ тому-же у нея было пять миліоновъ. Мужъ такой женщины могъ почти рассчитывать на безусловное счастье.

Полина была теперь полу-скрыта большимъ вуалемъ, что придавало ей поэтическій видъ Мадонны. Мишель снялъ шляпу и устремилъ на нее свои блѣдно-голубые глаза, сіявшіе пламеннымъ уваженіемъ. Она немного покраснѣла и такъ-же прямо взглянула на него. Мишель былъ ослѣпленъ; такое точно чувство ощущаетъ зритель въ театрѣ, когда поднявшійся занавѣсъ неожиданно обнаруживаетъ блестящую декорацію.

Какая могучая сила кроется во взглядѣ! Встрѣтившись взорами съ баронессой, Мишель Бертъ созналъ ея вліяніе надъ собою. Теперь смутился не онъ, а Полина Моранжи, явно обнаружившая свое тревожное волненіе. Легкая краска покрыла ея матовыя щеки и она застѣнчиво поклонилась Бертъ, опустивъ глаза, полускрытые длинными рѣсницами.

Графъ Моранжи, въ свою очередь, учтиво поклонился Бертье и подавъ руку Полинѣ.

Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ Мишель смотрѣлъ черезъ балюстраду на удалявшуюся молодую дѣвушку и прислушивался къ нѣжному шелесту ея платья.

„Жениться на Полинѣ, конечно, было-бы лучше, чѣмъ любить Франсину“, подумалъ онъ, но въ ту-же минуту вспомнилъ о Ліѣ, и бѣдная еврейка показала еще разъ неодолимую преграду. Онъ почувствовалъ все тяжелое бремя этой любви, поглощавшей его жизнь.

Черезъ мгновеніе онъ успѣшно позвонилъ, желая поскорѣе забыть всѣ заботы ежедневной жизни въ блестящемъ уголкѣ обѣтованной земли.

Баронеса Ривъ была въ самомъ добромъ, веселомъ настроеніи. Она встрѣтила Мишеля очень любезно. Онъ съ удивленіемъ увидалъ подлѣ нея Далерака, который, казалось, пользовался интимной дружбой баронесы, благодаря своимъ безконечнымъ мадриталамъ. Сердце Мишеля дрогнуло и онъ спрашивалъ себя, не думаетъ-ли этотъ пошлый фатъ сдѣлать баронесу подножкой для достиженія своихъ самолюбивыхъ цѣлей. Все было возможно. А женщины такъ капризны, такъ своенравны!

Воспользовавшись первой минутой, когда онъ остался одинъ съ Франсиной, Мишель нѣсколько наивно спросилъ ее, что напечтывалъ ей Далеракъ.

Баронеса сначала ничего не отвѣтила. Ея сѣрые глаза пронически блестѣли, а насмѣшливая улыбка играла на губахъ.

— Однако, вы, г. Бертье, должно быть, страшны въ любви! сказала она наконецъ.

— Отчего? спросилъ Мишель, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ и чувствуя, что по его жиламъ пробѣгаетъ огонь.

— Если ваша дружба такъ ревнива, то, вѣроятно, въ любви Отелло передъ вами умѣреннѣйшій изъ людей.

— Развѣ вы не считаете ревность лучшимъ доказательствомъ пламенной любви? произнесъ Мишель, пододвигая свой стулъ къ креслу баронесы.

Кромѣ нихъ въ комнатѣ никого не было. Все общество окружало въ сосѣдней гостиной Надину Буртибуръ, а Далеракъ слушалъ длинную рѣчь Буртибура о томъ, какъ достигаются непре-

дѣленные цвѣта мебельныхъ матерій. Мишелю казалось, что онъ теперь или никогда долженъ былъ высказать баронесѣ пламенные и лихорадочныя чувства, волновавшія его сердце. Въ тому же она какъ-будто вызывала его на откровенность своей улыбкой и взглядомъ.

— Берегитесь, вы, кажется, хотите произнести панегирикъ ревности, сказала баронеса.—Я понимаю, что можно восхвалять безуміе, оно иногда такъ забавно, но ревность всегда отличается грубостью, дикостью.

— Такъ вы предпочитаете въ любви...

— Довѣріе.

— Вы, можетъ быть, правы, но вѣдь тогда необходимо быть вполне убѣжденнымъ, что любимая женщина...

Онъ остановился и баронеса разсмѣялась.

— А, г. Вертъе, воскликнула она, — еще одно слово — и вы сказали-бы дерзость. Неужели вы серьезно думаете, что можно любить женщину, недостойную любви?

— Да.

— А съ вами это случалось? спросила она съ очаровательнымъ сарказмомъ.

— Нѣтъ.

— Такъ почему же вы это думаете?

Она снова разсмѣялась, точно находила большое удовольствіе въ смущеніи и душевной тревогѣ Мишеля. Правда, она никогда не была такъ изящна, блестяща и пламенна, какъ въ этотъ вечеръ.

— Я надѣюсь, прибавила она небрежно, какъ-бы не придавая большого значенія своимъ словамъ, — что вы не ревнуете вашей возлюбленной. Говорятъ, она очень хорошенькая.

Мишель взглянулъ на баронесу и страшно поблѣднѣлъ. Она еще никогда не упоминала о Ліѣ и онъ полагалъ, что она не знала объ его связи съ юной еврейкой. Какимъ образомъ она узнала эту тайну и съ какою цѣлью теперь вызывала передъ нимъ образъ Ліи? Онъ молчалъ, судорожно сжавъ губы и стараясь не потерять своего самообладанія.

— Ну, продолжала баронеса нѣжнымъ, ласкающимъ тономъ и медленно сыпая слово за словомъ, точно опасный, ядовитый порошокъ, — не играйте комедіи передо мною, какъ передъ другими. Вы

видите, что я интересуюсь вами и знаю все, рѣшительно все, что вы дѣлаете.

Ея сверкающіе глаза продолжали вызывательно улыбаться.

Подъ чарующимъ вліаніемъ этого взгляда, онъ видѣлъ въ словахъ Франсины только ясное признаніе въ любви и, забывая обо всемъ, о бѣдной Ліѣ, о томъ, гдѣ онъ, и что въ сосѣдней комнатѣ находились посторонніе люди, онъ предавался безпредѣльному блаженству. вмѣстѣ съ тѣмъ, увлекаемый хитрой кокеткой, онъ невольно, почти безсознательно, не называя Ліи по имени, рассказалъ всю исторію своей первой любви. Но чѣмъ далѣе онъ говорилъ, тѣмъ болѣе эта идиллія казалась ему пошлой, мелочной, а образъ бѣднаго, любящаго ребенка совершенно ступевывался передъ блестящей, соблазнительной женщиной, горячее дыханіе которой его безумно опьяняло. Онъ теперь стыдился любви юной еврейки, и какая была ея любовь въ сравненіи съ пламенной страстью этого очаровательнаго существа! Наконецъ, онъ остановился въ этой исповѣди, хитро вырванной изъ его взволнованной души; но Франсина съ чисто-женской пронизательностью видѣла, что онъ готовъ былъ даже отречься отъ воспоминанія той любви, которая наполняла до тѣхъ поръ всю его жизнь, и очень осторожно, но съ скрытымъ подъ маской нѣжнаго сочувствія коварствомъ, подняла на смѣхъ его скромный романъ.

— Для такого человѣка, какъ вы, сказала она, — необходима не такая любовь, и я не думаю, чтобы гризетка когда-нибудь вліяла на жизнь Питта или Роберта Пиля. Что Мирабо любилъ Софи Монье, это понятно; ихъ любовь, полная страданій, дышетъ грозой, но, подумайте, какую картину представилъ-бы Мирабо, любящій Бернерету, или лордъ Чатамъ, всходящій на трибуну, опираясь на швейку? Для великой души необходима и возвышенная любовь. Я не думаю, чтобы эта молодая женщина, какъ-бы она вамъ ни была предана, могла васъ понимать и...

— И? повторилъ Мишель, впиваясь глазами въ Франсину.

— И помогать вамъ.

Она произнесла эти слова поспѣшно, какъ бы не придавая имъ большого значенія; но Бертье вздрогнулъ. Онъ видѣлъ въ нихъ безпредѣльный міръ надеждъ и обѣщаній.

Между тѣмъ Франсина неожиданно обратила вниманіе на нѣ-

сколько цвѣтковъ въ рукѣ Мишеля, который, входя къ баронесѣ, забылъ ихъ бросить.

— Что это такое? спросила она, дотрогиваясь вѣромъ до этихъ цвѣтовъ.

— Остатки букета, поднесеннаго мнѣ избирателями.

— Ага! сказала она съ странной улыбкой, — вамъ подносятъ не только лавровыя вѣнки, но и цвѣты! Вы, вѣроятно, ихъ сохранили для дорогого вамъ существа?

— Для кого? промолвилъ Мишель, чувствуя, что кровь приливала къ его головѣ.

— Конечно, для той молодой дѣвушки, о которой мы только-что говорили. Вы ее любите и...

— Я люблю?

— Иначе было бы не для чего сохранять цвѣты и марать перчатки.

Пламенный отвѣтъ дрожалъ на его губахъ, слова любви душили его. Но его удерживалъ страхъ, быть можетъ, угрызение совѣсти. Онъ молчалъ и только глаза его метали искры.

— Хотите доказать, что эти цвѣты не для нея? спросила Франсина. — Дайте мнѣ ихъ.

— Вамъ?

И онъ съ безумной любовью протянулъ ей цвѣты.

— Цвѣтамъ, поднесеннымъ Мишелю Бертъе его избирателями, странно находится въ рукахъ баронесы Ривъ, произнесла она; — да, я, кажется, вамъ еще не говорила, что мы съ вами политическіе враги?

Въ это мгновеніе ея улыбка приняла болѣе рѣзкій, почти жестокий оттѣнокъ.

— Впрочемъ, прибавила она, — я не хочу лишать васъ всѣхъ этихъ цвѣтовъ. Подѣлимся.

Она поднесла цвѣты къ своимъ губамъ, поцѣловала ихъ, даже впилась зубами въ ихъ лепестки, и потомъ, выпрямившись во весь ростъ, быстро спрятала половину за корсажъ, а остальную бросила Мишелю, стоявшему передъ нею почти на колѣняхъ.

Обезумѣвъ отъ радости, онъ забылъ все и, протянувъ руки, хотѣлъ страстно обнять Франсину, но въ это мгновеніе въ комнату вошелъ Верженъ, а за нимъ Буртибургъ, Танкредъ и Надина, вокругъ которой увивался Далеракъ. Мишель съ неимо-

вѣрнимъ усиленъ придавъ своему лицу спокойное выраженіе и незаметно спряталъ въ перчатку цвѣты, теплые еще отъ пламеннаго дыханія Франсины.

— А, наконецъ-то вы присоединяетесь къ намъ, сказала баронеса;—о чемъ это вы тамъ такъ горячо разговаривали? Здравствуйте, Вержень, я, кажется, сегодня васъ еще не видала.

— Я слушалъ Буртибура, баронеса, отвѣчалъ Гонтранъ, пожимая протянутую руку Франсины:—онъ намъ объяснялъ очень интересно тайны обойнаго искусства.

— Все это древняя исторія, замѣтилъ Буртибуръ самодовольнымъ тономъ человѣка, бросающаго гордый взглядъ на свое прошлое послѣ достиженія имъ значительнаго богатства;—г. Вержень интересовался узнать, какъ мы добились въ мебельныхъ матеріяхъ модныхъ неопредѣленныхъ цвѣтовъ: желтоватыхъ, зеленоватыхъ, сѣроватыхъ. Дѣло очень просто. Я взялъ пучекъ цикорія и сказалъ своимъ работникамъ: „Смотрите за измѣненіемъ цвѣта этихъ листьевъ по мѣрѣ того, какъ они будутъ вянуть, гнить, и переведите на матерію эти самые оттѣнки“. Вотъ какимъ образомъ мы получали знаменитые цвѣта, приводившіе въ восторгъ публику и въ ярость нашихъ соперниковъ.

— Вы, Буртибуръ, въ своемъ родѣ настоящій художникъ, замѣтила баронеса съ улыбкой.

— Былъ, поправилъ прежній обойщикъ, который серьезно смотрѣлъ на свою роль законодателя.

— Я увѣренъ, баронеса, что вашъ разговоръ былъ интереснѣе нашего, сказалъ Гонтранъ.

— Вы правы, отвѣчала она.

— Я, конечно, не требую вашей откровенности относительно послѣдняго *слова* Мишеля Бертъе. Я не... какъ это теперь говорятъ?.. репортеръ.

— О, вы, мой другъ, всегда имѣете право рассчитывать на мою откровенность. Мы говорили объ очень обыкновенномъ, но интересномъ предметѣ,—о новой пьесѣ на французскомъ театрѣ.

— Les Faux Mépages?

— Да, мы говорили объ этой пьесѣ и вообще о людяхъ, которые связываютъ себя на всю жизнь безвыходными узамъ.

— И вы, баронеса, съ вашей обычной добротой, жалѣли этихъ людей?

— Конечно, но я вмѣстѣ съ тѣмъ говорила, что можно отдать любимой женщинѣ все свое сердце, но не всю жизнь.

— Совершенно справедливо.

Мишелю было какъ-то неловко. Ему казалось, что Франсина могла-бы умолчать объ ихъ разговорѣ, окончившемся почти поцѣлуемъ. Но, быть можетъ, въ интересахъ баронесы было заставить Бертю еще болѣе краснѣть за свою связь съ бѣдной Ліей.

— Я долженъ сознаться, баронеса, продолжалъ Гонтранъ, — что слыша, какъ честная женщина осуждаетъ тѣхъ, которыхъ считаютъ нечестными, я всегда подозреваю въ ихъ гнѣвѣ ревность и мнѣ хочется грубо воскликнуть: *Vous êtes orgueilleuse, madame Josse.*

Гонтранъ не зналъ, что его слова мѣтко били въ цѣль. Баронеса улыбнулась, но поняла его намекъ.

— А если-бы тутъ и примѣшивалось немного зависти, такъ что-жъ изъ этого? сказала она.

По тону Франсины и плохо скрываемому смущенію Мишеля ясно было, что дѣло шло о Ліѣ, и Гонтранъ поспѣшилъ перевести разговоръ на почву общихъ вопросовъ.

— Я знаю, баронеса, что вы сейчасъ скажете отъ имени всего вашего пола, произнесъ онъ тихо, предварительно убѣдившись, что Надина Буртибуръ внимательно слушаетъ любезности Далерака: — вы завидуете нашимъ любовницамъ! Вы полагаете, что онѣ похитили у васъ нашу молодость, нашъ первый пылъ, нашу первую любовь, свѣжесть, пламя, безуміе страсти! Какъ вы зло ошибаетесь! Вамъ-бы слѣдовало питать не ненависть, а глубокое сожалѣніе къ тѣмъ неизвѣстнымъ существамъ, которыхъ мы забыли, къ молодымъ дѣвушкамъ, давшимъ намъ свою юность, свое счастье, свою любовь, и потомъ исчезнувшимъ Богъ знаетъ куда. Не ревнуйте ихъ, а будьте имъ благодарны. Да, баронеса, онѣ перенесли первую нашу любовь, странную, дикую, нервную, то улыбающуюся, то угрожающую, любовь неуравновѣшенную, жестокую, наносящую часто тяжелыя раны и даже смерть. Онѣ перенесли эту эгоистичную любовь, любящую только себя, ревность отрока, неблагодарность ребенка, безумные порывы юности. Онѣ насъ приручили и, быть можетъ, вы имъ одолжены нашей покорной, нѣжной любовью. Бѣдныя существа! на ихъ долю выпадаютъ зеленые плоды, которые набиваютъ оскомину. Онѣ любятъ насъ всѣмъ сво-

имъ существомъ, а мы, пройдя ихъ школу и желая любви, какъ говорятъ, болѣе серьезной, но часто менѣе искренней, бросаемъ ихъ посреди дороги, ведущей къ позору, больницѣ, нищетѣ, и приносимъ вамъ наше сердце, очищенное, смягченное, прирученное тѣми, которыхъ мы вмѣсто благодарности погубили, обезчестили.

— Bravo, Верженъ, сказала баронеса съ улыбкой:—вы говорите, какъ человѣкъ, намѣревающийся жениться, или какъ трапистъ. Въ вашей элегіи слышится: „братія, нѣтъ спасенія внѣ смерти“.

— Я написалъ свою духовную, отвѣчалъ Гонтранъ со смѣхомъ,—и, признаюсь, послѣ этого сталъ очень веселъ.

Во время этого разговора Мишель едва переводилъ дыханіе. Въ душѣ его происходила страшная борьба между любовью, еще пламенной, къ Ліѣ и лихорадочною страстью къ Франсинѣ. Онъ очень рано собрался уйти; баронеса старалась его удержать. Ему хотѣлось отвѣтить: „дайте мнѣ уйти; у васъ слишкомъ много народу; намъ будетъ лучше наединѣ“, но говорить было совершенно излишне. Франсина его поняла, и быстрое, знаменательное пожатіе руки было краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Мишель вышелъ на улицу въ ошаненіи отъ всего, что онъ слышалъ и видѣлъ, отъ всего, на что онъ надѣялся, о чемъ мечталъ. Но не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ услышалъ за собою голосъ Далерака. Онъ остановился.

— Вы, кажется, торопитесь, другъ мой, сказалъ Далеракъ,—а я хотѣлъ съ вами поговорить.

— Со мною?

— Да. Вы мнѣ позволите быть съ вами откровеннымъ?

— Конечно, отвѣчалъ Мишель, но тотчасъ всталъ въ оборонительное положеніе, такъ-какъ нѣтъ ничего опаснѣе подобнаго приступа къ разговору.

— Вотъ видите... Вы теперь, можно сказать... полубогъ въ гостинной баронесы...

— Полубогъ?

— Ну, богъ, если хотите, прибавилъ Далеракъ, не понявъ смысла восклицанія Мишеля;—сдѣлайте мнѣ большое одолженіе... я, право, не знаю, какъ это сказать... мы оба адвокаты... замолвите за меня словечко баронесѣ.

— За васъ?

— Не бойтесь, я вамъ не соперникъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Я нахожу, что Надина Буртибургъ очень хорошенькая дѣвушка. Баронеса имѣетъ большое вліяніе на Буртибура и могла-бы уговорить его...

— Отдать за васъ свою дочь?

— Вы знаете, другъ мой, бракъ — спасительная гавань.

— Постарайтесь сами войти въ эту гавань. Баронеса не подходитъ на сваху, а я не занимаюсь такими дѣлами.

— Вы слишкомъ рѣзки, отвѣчалъ Далеракъ, видимо оскорбленный; — вспомните, что я занимался такими дѣлами, поддерживая вашу кандидатуру.

„Вотъ еще одинъ благодѣтель, подумалъ Мишель: — накануне выборовъ не знаешь, подастъ-ли кто-нибудь за тебя голосъ, а на другой день всѣ увѣряютъ, что они-то именно и способствовали твоему избранію“.

Однакожь, онъ видимо смягчился и прибавилъ:

— Увидимъ, подождите, потерпите.

— Я полагаюсь во всемъ на васъ. Не правда-ли, Надина Буртибургъ прехорошенькая?

— И богатая.

— Богатство не даетъ счастья.

— Но оно его и не уничтожаетъ.

Далеракъ былъ внѣ себя отъ удовольствія; онъ сдѣлалъ первый шагъ. Этого было пока довольно, и онъ простился съ Мишелемъ, который жаждалъ остаться одинъ и на свободѣ анализировать всѣ ощущенія этого знаменательнаго вечера.

Въ его дѣятельной, лихорадочной жизни онъ очень рѣдко могъ улучшить минуту, чтобы дать себѣ ясный отчетъ, куда онъ шель. Въ настоящую минуту его сердце было исполнено радостью. Неужели Франсина его любитъ? Но какъ иначе объяснить ея пламенный взглядъ, ея поцѣлуй? Онъ теперь, въ свою очередь, покрывалъ поцѣлуями цвѣты, къ которымъ она прикасалась своими страстными губами, и по всѣмъ его жиламъ пробѣгалъ огонь. Онъ вспоминалъ слова Франсины: „Мирабо необходима Софи“. А Лія? Скромный образъ бѣдной дѣвушки представлялся ему теперь въ какомъ-то туманѣ; къ тому-же всѣ окружавшіе его, какъ-бы сговорясь, возставали противъ нея; Пьеръ Менаръ во имя строгаго долга, Верженъ во имя свѣтскихъ предрасудковъ, Франсина Ривъ

во имя любви или, лучше, аристократизма въ любви. Всѣ теоріи, абсолютныя и относительныя, одинаково обвиняли Лію, которая въ это самое время съ безпокойствомъ ждала Бертье, мечтавшаго уже о другой женщинѣ.

На другой день Мишель, по привычкѣ, пошелъ на бульваръ Клиши и засталъ Лію, блѣдную, грустную.

— Что съ тобой? спросилъ онъ, скорѣе изъ приличія, чѣмъ съ искреннимъ участіемъ.

— Что со мной? отвѣчала Лія;—злой Мишель! Я тебѣ вчера сказала, что мнѣ нужно сообщить тебѣ важную тайну, а ты даже не спросилъ, въ чемъ она заключается. Ты вчера не пришелъ. Я всю ночь дрожала отъ страха. Я, наконецъ, встала и отправилась къ тому дому, гдѣ происходилъ обѣдъ. Я боялась, не случилось-ли съ тобою чего-нибудь. Отъ вашей политики всего можно ожидать. Тамъ было темно и полицейскіе сержанты мнѣ сказали, что не случилось ничего необыкновеннаго. Я вернулась домой и все спрашивала себя: отчего онъ не идетъ? Ты не повѣришь. Мишель, какая лихорадка меня била.

Мишель старался ее успокоить, повторяя по-прежнему, что общественная жизнь налагаетъ на него различныя обязанности и что свобода была ему необходима. Но, говоря это, онъ чувствовалъ какую-то непріятную горечь. По какому праву эта женщина становилась помѣхой въ его жизни?

А бѣдная Лія желала, напротивъ, быть только утѣшеніемъ и счастьемъ его жизни. Пережѣна, происходившая въ душѣ Бертье, не могла отъ нея скрыться; она ясно видѣла, что его тревожили мрачныя заботы. Она часто съ лихорадочной дрожью спрашивала себя, не разлюбилъ-ли онъ ее? Но мысль, что его безпокойная задумчивость происходила, вѣроятно, отъ поглощавшей его политики, успокоивала ее. Развѣ ея счастье могло подвергнуться опасности? Развѣ въ ея ушахъ не раздавались его постоянныя слова: „до самой смерти и потомъ вѣчно“? Теперь къ этимъ утѣшительнымъ мыслямъ присоединилась еще новая, наполнявшая радостью все ея существо: вскорѣ она должна была сдѣлаться матерью. Вотъ та великая тайна, которую она скрывала отъ Мишеля, все еще сомнѣваясь въ этомъ небесномъ благословеніи, связывавшемъ ее съ Мишелемъ уже нерасторжимыми узами. Теперь онъ былъ ея на-вѣки. Любовница можетъ надѣсть, ее можно бросить, хотя Лія этого и не боялась.

но мать своего ребенка дѣлается святыней. Какъ Мишель будетъ теперь любить ее... ихъ! Наконецъ, она собралась съ силами и хотѣла открыть свою тайну Бертье наканунѣ, провожая его на обѣдъ, но какъ объявить такую радостную вѣсть на улицѣ, въ толпѣ, въ минуту разставанья? Нѣтъ, у нея хватило мужества подождать еще, чтобъ потомъ болѣе насладиться своимъ блаженствомъ и торжествомъ. Она заранѣе представляла себѣ радость Мишеля, его безумный восторгъ, слезы счастья и пламенные поцѣлуи.

— Мишель, сказала она, выслушавъ его отвѣтъ на ея нѣжные упреки и привлекая его къ себѣ, блѣдная, улыбающаяся, — ты не желаешь узнать мою тайну?

— Нѣтъ, желаю, отвѣчалъ онъ, устремивъ на нее тревожный взглядъ.

Онъ предчувствовалъ что-то неожиданное. Нѣжное лицо Лія, соединявшее въ себѣ выраженія веселаго, избалованнаго ребенка и женщины, рано познавшей страданія, теперь казалось необычайно серьезнымъ, хотя и радостнымъ.

— Ну, продолжала Лія, предвкушая его счастье, — я часто видѣла, какъ ты съ завистью смотрѣлъ на чужихъ дѣтей, на радость родителей...

Она вдругъ остановилась. Мишель поблѣднѣлъ, какъ полотно, закусилъ губу и, широко отервъ глаза отъ изумленія, воскликнулъ:

— Ты беременна?

Ліѣ стало страшно. Голосъ Мишеля былъ рѣзокъ, даже жестокъ. Гдѣ-же была та радость, которую она ожидала? Или онъ былъ такъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, что не могъ опомниться?

Бертье схватилъ молодую дѣвушку за обѣ руки и тѣмъ-же страннымъ голосомъ повторилъ свой вопросъ.

— Да, беременна, отвѣчала Лія со слезами на глазахъ.

Это неожиданное извѣстіе поразило Бертье. Онъ никогда не думалъ, чтобъ узны, начинавшія его тяготить, могли вдругъ и такъ безусловно сковать его. Лія, сдѣлавшись матерью, переставала быть любовницей, съ которой его связывали случайность, капризъ или мимолетная любовь; она приобрѣтала на него новыя, священные права. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ сказалъ-бы: „тѣмъ лучше, сама судьба за меня рѣшила: прежде, чѣмъ родится ребенокъ, Лія будетъ моею женой“. Но теперь, вмѣсто радости, онъ чув-

ствовавъ страхъ. Онъ понималъ только одно: что предъ нимъ возставалъ новый долгъ, возникала новая преграда.

Видя его смущеніе, Ліа медленно отошла отъ него и, опустившись на стулъ, какъ-бы окаменѣла; руки ея судорожно сжались, глаза бессознательно смотрѣли въ полъ.

Наконецъ, Мишель нетерпѣливо провелъ рукой по лбу и, взглянувъ на нее, сказалъ:

— Что съ тобой?

— Со мною? Ничего, отвѣчала Ліа дрожащимъ голосомъ.

— Ты, можетъ быть, находишь, что я не такъ обрадовался этой вѣсти, какъ ты ожидала?

— Конечно, я была увѣрена, что ты какъ безумный бросишься мнѣ на шею, крича во все горло, что меня любишь, а ты посмотрѣлъ на меня злобно, какъ-будто я совершила преступленіе.

— Полно, Ліа, сказалъ онъ, подходя къ ней, — разсуди хорошенько. Я былъ изумленъ неожиданностью и притомъ дозвоительно въ подобномъ случаѣ спросить себя...

— Чего спрашивать? Развѣ я себя о чемъ-нибудь спрашиваю? Я тебя люблю, вотъ и все. Я дала тебѣ свою жизнь, а теперь дамъ ребенка. Я не думаю и не рассуждаю, а люблю. Я тебя буду вѣчно любить, но боюсь, что ты... О, Господи! прибавила она, заливаясь слезами; — ты не знаешь, Мишель, какъ ты меня огорчил!

Въ глазахъ ея сквозозъ слезы видѣлось отчаянное выраженіе людей, неожиданно очутившихся на краю бездны. Мишель, сдерживая свое первоначальное смущеніе, старался успокоить ее. Онъ взялъ ее за обѣ руки, покрылъ ихъ поцѣлуями и машинально сталъ увѣрять ее, что очень радъ давно желанному ребенку. Онъ лгалъ и даже не давалъ себѣ отчета, зачѣмъ лгалъ. Въ сущности, онъ, вѣроятно, еще любилъ Лію и передъ ея слезами становился слабымъ, любящимъ. Слезы бѣдной дѣвушки опьяняли его. Онъ снова видѣлъ въ ней прежнюю Лію, свою первую любовь. Онъ забывалъ на мгновеніе соблазнительную улыбку Франсинны, сладострастные и самолюбивыя мечты. Онъ нѣжно шепталъ, среди горячихъ поцѣлуевъ, что былъ счастливъ, что благословлялъ судьбу, соединявшую ихъ еще болѣе незабвенными узами.

Онъ съ увлеченіемъ художника и оратора рисовалъ картину

родительскаго счастья; а Лія слушала его съ упоеніемъ. Ея минутное горе исчезло. Глаза ея сверкали счастьемъ.

— Я тебя понимаю, Мишель, почти шептала она, обнимая его: — тебя пугаетъ мысль, что теперь ты весь мой, весь *его*. О! глупый честолюбецъ, неужели онъ, ангель, можетъ быть тебѣ помѣхой! Вѣрь мнѣ, милый, ни одна женщина на свѣтѣ не будетъ тебя такъ любить, какъ я; вѣрь, что истинное счастье для тебя здѣсь. Подожди, твой ребенокъ, обнявъ тебя рученками и улыбаясь тебѣ небесной улыбкой, научить тебя, что всѣ политическія побѣды не стоятъ любви, наполняющей сердце твоей бѣдной Ліи, отъ которой ты, неблагодарный, давно-бы отвернулся, если-бъ не былъ такъ добръ и не любилъ-бы ее такъ пламенно.

Лицо ея теперь сіяло невозмутимымъ довѣріемъ и счастьемъ, какъ лазурь неба кажется всегда блестяще послѣ грозы. Поникнувъ головою на плечо Мишеля, она безъ конца заставляла его повторять утѣшительную, чарующую и обманчивую клятву чело-вѣческой любви:

— Я твой вѣчно, вѣчно, вѣчно!

(Продолженіе будетъ.)

ВЪ ТУРЕЦКОМЪ КАЗЕМАТЪ.

У окна сидѣлъ онъ... Передъ нимъ далеко
Зеленѣло поле... А за полемъ чистымъ
Серебрились волны шумнаго потока
И лѣса дышали запахомъ смолистымъ.
Съ колосистой нивы подымались птицы,
Улыбалось утро ласково и кротко,—
И заплакалъ узникъ за окномъ темницы,
Только подъ руками дрогнула рѣшетка.

Издалека пѣсня вьется птичкой вольной...
Вотъ она потухла... Снова встрепенулась,
Вывалася разомъ на просторъ раздольный;
Съ нею вся окрестность будто-бы очнулась,—
И гремѣть, и блещеть... Въ небеса орлицей
Залетѣла пѣсня и въ сѣяньи рѣветъ;
А несчастный узникъ за окномъ темницы
И рыданьямъ жгучимъ волю дать не смѣеть...

И затихла пѣсня. Надъ потокомъ лозы
Стрекотомъ и гамомъ отзывались звонко,
Подъ окномъ въ бурьянѣ вспыхнули стрекозы,
Гдѣ-то такъ и прыщеть яркій смѣхъ ребенка.
По дорогѣ слышенъ громкій стукъ копыта,
Всадникъ показался, вонъ впередъ несется...
А колодникъ, словно заживо зарытый,
Чуетъ жизнь надъ гробомъ, задыхаясь, бьется...

Ласково голубка подъ окномъ воркуеть,
Любится и грѣветъ все на этомъ полѣ,
Солнце землю точно не палить—цѣлуеть...
Ароматъ клубится... Хорошо на волѣ!
Хорошо на волѣ полюбить весною,
Ласки ищетъ сердце и работы руки,
Лишь печальный узникъ никнетъ головою,—
Не любовь въ немъ зрѣветъ, а тоска и муки...

Подъ тѣнистымъ дубомъ, словно подъ навѣсомъ,
Собрались юнаки шумною гурьбою.
На холмѣ зеленомъ, за далекимъ лѣсомъ,
Куполь сельской церкви свѣтится звѣздой...
Ни одной на небѣ нѣтъ суровой тучи...
Надъ широкой гладью благовѣсть разноситъ,
Благовѣсть и въ кельѣ прозвучить могуче—
Встрепенется узникъ и молитвы просить.

У тюремной башни липа молодая
Такъ и зеленѣетъ на привольѣ чудномъ;
Лучъ въ нее пробѣется и горить, играя,
На росистой вѣтлѣ блескомъ изумруднымъ.
А подъ этой липой мать съ ребенкомъ сѣла,
Блѣдная, больная, грустію объята,
Всѣ-то въ казематѣ окна оглядѣла
И кого-то ищетъ... Мужа или брата?..

В. И. Славянскій.

ФИНАНСОВЫЙ КАНКАНЪ ВЪ АВСТРИИ *).

Воры, такъ ужь воры,—крупные, съ кокардами,
Кражи, такъ ужь кражи,—чуть не миллиардами;
Жуликовъ-мазуриковъ въ эту пору грозную
Какъ на небѣ звѣздочекъ въ ноченьку морозную...
Фокусы бумажные, изъ нулей могущества,
И на каждой улицѣ описи имущества...
И на каждой улицѣ, съ музыкой и пляскою,
Убиваютъ весело, обираютъ съ ласкою...
И съ трибунъ словесниковъ рѣчь всегда медовая,
И нужда молчащая, но на все готовая.

В. Курочкинъ.

Извѣстный авторъ „Исторіи культуры новаго времени“, Генне-Ам-Ринъ, довольно подробно трактуетъ о всевозможныхъ „соціаль-ныхъ болѣзняхъ“, только вскользь упоминаетъ о биржевыхъ спекуляціяхъ. Между тѣмъ, эти спекуляціи принимаютъ такіе грандіозные размѣры, затягиваютъ въ свой омутъ столько силъ и жизней, что невольно останавливаешь на нихъ свое вниманіе, какъ на одной изъ самыхъ ужасныхъ болѣзней современнаго общества. Биржевая спекуляція въ наше время играетъ ту-же роль, какую исполняло въ средніе вѣка кулачное право феодаловъ. Средневѣковой баронъ жилъ такимъ-же грабежомъ, какимъ занимался и обыкновенный разбойникъ. Но съ развитіемъ цивилизаціи формы преступленій постепенно измѣнялись и разнообразились, насиліе замѣнялось хитростью и обманомъ, грабежъ—мошенничествомъ, и въ наше время такому благовоспитанному джентльмену, какъ д-ръ

*) Der Bank-, Börsen- und Action-Schwindel. Von d-r. F. Perrot, 1874.—Geschichte des Gründungschwindel in Oesterreich. Von S. Hahn. «Unsere Zeit», 1875, № 16, 19, 28.—Die Couption in Oesterreich, 1872.

Струсбергъ, не зачѣмъ выѣзжать на большую дорогу, когда онъ можетъ озолотить себя совершенно легально посредствомъ биржевой игры или удачно-придуманнаго финансоваго „краха“.

У насъ, въ Россіи, спекуляція не достигла еще той степени, на которой она грозитъ ежеминутно ужаснымъ бѣдствіемъ всему обществу, но исторія Струсберга, процессы матушки Митрофаніи, Овсянникова и т. д., показываютъ, какіе типы „дѣльцовъ“ вырабатываются и у насъ, какая превосходная почва подготовлена уже для самыхъ широкихъ успѣховъ спекуляторскихъ дѣляшекъ. И теперь уже, вѣроятно, недалеко то время, когда спекуляторская похотливость ударится во всевозможные риски, и вслѣдъ за тѣмъ, конечно, начнутся безумныя биржевыя оргіи. Въ виду этого мы считаемъ далеко не лишнимъ познакомить читателя съ тѣмъ бурнымъ ураганомъ спекуляціи, подобнаго которому не бывало еще въ лѣтописяхъ міра.

I.

Послѣ прускаго погрома 1866 г. во главѣ австрійскаго управленія стала партія либераловъ, не многочисленная, но сильная своими денежными средствами. Составленное изъ членовъ этой „конституціонной“ партіи буржуазное министерство провело нѣсколько либеральныхъ законовъ о вѣроисповѣданіяхъ, о судѣ присяжныхъ, по дѣламъ печати и т. д.; но вслѣдъ за тѣмъ сдѣлалось совершенно яснымъ, что либерализмъ конституціонной партіи служитъ только орудіемъ ея узкихъ эгоистическихъ стремленій, а ея приверженность къ конституціи основана на томъ, что въ этой конституціи партія нашла превосходное средство господствовать надъ государствомъ и эксплуатировать его. „Вожаки конституціонной партіи, говоритъ анонимный авторъ „Corruption in Oesterreich“, — составляютъ клику, которая, имѣя свою главную квартиру въ Вѣнѣ и располагая здѣсь богатыми средствами, задаетъ тонъ. Эта клика не имѣетъ никакой другой цѣли, кромѣ той, чтобы при всякихъ обстоятельствахъ обезпечивать за собой перевѣсъ въ государственной жизни. Ради этой цѣли члены ея забываютъ о личной враждѣ, соперничествѣ и т. д.; ради этой цѣли они готовы на всевозможныя жертвы и пожертвовали-бы

даже конституціей, если-бы только она не была именно тѣмъ, что доставляетъ имъ власть. Конституціонная форма правленія составляетъ для нея условіе жизни, безъ котораго она не имѣла-бы никакого вліянія на законодательство. И она заинтересована въ поддержаніи именно настоящей псевдолиберальной конституціи, такъ-какъ только при ней, а ни при какой другой, возможно такимъ образомъ господствовать... Во время министерства Гогенварта-Шефле казалось, что федерализмъ можетъ одержать побѣду надъ централизмомъ. Оно такъ-бы и вышло, если-бы только этотъ федералистскій кабинетъ не надѣлалъ множества ошибокъ и счумѣлъ-бы соединить около себя своихъ естественныхъ союзниковъ, многочисленныхъ федералистовъ коронныхъ земель. Но съ побѣдою этого министерства конституціонная партія пала-бы навсегда. Чтобы избѣжать этой опасности, она пожертвовала своей прежней ненавистью къ Пруссіи и начала пресмыкаться передъ нею, между тѣмъ какъ прежде взводила на нее разныя подозрѣнія, клеветала и употребляла всѣ средства для униженія ея. Послѣ паденія министерства Гогенварта положеніе конституціонной партіи все еще не было обезпечено. Хотя кормило правленія и попало въ руки Ауерсперга, Унгера и т. д., но распущеніе богемскаго ландтага дѣлало необходимыми новые выборы въ странѣ чеховъ, въ странѣ сильнѣйшей федералистской оппозиціи, и если-бы эти выборы оказались федералистскими, то министерству было-бы почти невозможно усидѣть на своемъ мѣстѣ. Поэтому для конституціонной партіи было необходимо во что-бы то ни стало сдѣлать богемскіе выборы благоприятными для себя*. Поддерживаемая правительствомъ, она дѣлала все, чтобы завербовать себѣ какъ можно больше избирателей изъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ какиихъ средствахъ прибѣгала она, можно видѣть, напр., изъ слѣдующаго письма секретаря намѣстника Богеміи къ члену губернаторскаго совѣта въ Инципѣ:

Прага, 19 февр. 1872 г.

„Многоуважаемый г. совѣтникъ! Къ землевладѣльцу Папстману нельзя приступить съ *опредѣленными предложеніями*, и онъ едва-ли разсчитываетъ на подобный шагъ со стороны правительства. Но ничто не мѣшаетъ вамъ объявить ему, что до свѣденія его превосходительства дошло, что причина его оппозиціи

правительству заключается въ незаслуженной имъ обидѣ, и его превосходительство предлагаетъ употребить всѣ свои усилія, что бы загладить причиненную ему несправедливость. Правительство высоко поставитъ важную услугу, которую Папстманъ можетъ оказать ему, приставъ къ правительственной партіи на выборахъ или, по крайней мѣрѣ, воздержавшись отъ нихъ, и если Папстманъ имѣетъ какое-нибудь желаніе, осуществленіе котораго лежитъ въ области возможнаго, то ему стоитъ только высказать его, и на него обратятъ почтительное вниманіе. Его превосходительство думаетъ, что если вы, многоуважаемый г. совѣтникъ, будете поступать въ этомъ дѣлѣ ловко и осторожно, то едва-ли можно ожидать неблагоприятнаго результата. Преданный вамъ *Ротки*“.

Подобныхъ избирательныхъ интригъ, за которыя по австрійскому уголовному кодексу полагается тюремное заключеніе отъ 1 до 6 мѣсяцевъ, было недостаточно, чтобы обезпечить побѣду за конституціонной партіей, которая и пустила въ ходъ средство, которое доступно только ей одной, какъ властительницѣ биржи. Она истратила 2,401,000 гульденовъ на покупку въ Чехіи земель, т. е. на созданіе новой массы солидарныхъ съ нею избирателей. Кромѣ дѣйствительно купленныхъ, многія земли покупались отъ крупныхъ землевладѣльцевъ только на бумагѣ и, по окончаніи выборовъ, снова закрѣплялись за ихъ дѣйствительными хозяевами. И всѣ расходы по этимъ покупкамъ конституціонная партія окупала, основавъ акціонерное общество „Поземельнаго кредита для богемскаго королевства“, которое должно было вступить во владѣніе и управленіе накупленными помѣстьями.

Политическая атмосфера Австріи, такимъ образомъ, была вполне благопріятна для самаго широкаго развитія бумажныхъ спекуляцій, къ которымъ вынуждено было обратиться прежде всего министерство финансовъ. Событія 1854 г., вызвавшія вооруженный нейтралитетъ, поглотили громадныя суммы и опустошили государственное казначейство. Послѣдовали „національный заемъ“, лотерейный заемъ и продажа государственныхъ желѣзныхъ дорогъ французскому „Обществу движимаго кредита“. Французы жестоко обманули австрійскихъ бюрократовъ, неимѣвшихъ надлежащаго понятія ни о рациональномъ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ, ни о дѣйствительной стоимости дорогъ, и даже съ удовольствіемъ поти-

равшихъ себѣ руки, воображая, что, продавъ дороги за 80,000,000 гульденовъ, они обдѣлали славное дѣльце. Когда договоръ о продажѣ уже былъ готовъ и приходилось составлять акціонерное общество, французы объявили правительству, что, въ качествѣ основателей общества, они подверглись-бы страшному риску, если-бы согласились довольствоваться обыкновенными барышами, такъ-какъ дороги находятся въ самомъ плачевномъ состояніи. По просьбѣ ихъ, министерство утвердило за основателями 10 проц. дохода, сверхъ текущихъ процентовъ, на все время существованія общества. Кроме того, основатели получили право составлять совѣтъ правленія, членамъ котораго были назначены тоже 10 проц., и даже предоставлено заключить большой заемъ безъ согласія акціонеровъ! Это было дѣло, неслыханное до тѣхъ поръ. „Учредители“ основываютъ акціонерное общество, назначаютъ на долгое время членами правленія самихъ себя или близкихъ имъ лицъ, даютъ имъ жалованье со дня назначенія, гарантируютъ имъ огромные барыши отъ предпріятія, а общества и капитала еще нѣтъ! Начинается ловля акціонеровъ посредствомъ рекламъ, подкупленныхъ газетъ и т. д. Жажда наживы разгорается въ публикѣ, она тащитъ свои деньги учредителямъ, а учредители распоряжаются ими, какъ хотятъ, не обращая никакого вниманія на акціонеровъ. Допустивъ такой превратный и вредный ходъ образованія акціонерныхъ обществъ, министерство пошло еще далѣе, дозволивъ обнародованіе фальшивыхъ балансовъ. Общество, купившее дороги, убѣдило австрійцевъ въ ихъ ужасномъ состояніи, поправить которое можно только посредствомъ новыхъ опытныхъ чиновниковъ, цѣлыя толпы которыхъ были выписаны изъ Франціи. Хотя это и не нравилось австрійцамъ, но, съ другой стороны, французы умѣли вести себя такъ, что убѣдили публику въ улучшеніи и постоянно возрастающей доходности управляемыхъ ими дорогъ. Желая увеличить какъ можно болѣе расходъ акцій, учредители начали продавать ихъ съ разсрочкою платежа; когда-же, вслѣдствіе этого, запросъ покупателей страшно усилился, они тотчасъ пустили акція на рынокъ по повышеннымъ цѣнамъ, и, такимъ образомъ, еще до окончанія подписки они порядочно набрали своихъ карманы. Упомянутый уже заемъ безъ согласія акціонеровъ далъ имъ средства морочить публику еще болѣе и выплачивать высокіе дивиденды, которые получались вовсе не отъ предпріятія.

Этимъ способомъ акціи сильно поднялись въ цѣнѣ и долго держались на искусственной высотѣ. Не ограничиваясь желѣзными дорогами, учредители скоро расширили свое предпріятіе и, по образцу Credit Mobilier, основали въ 1854 г. „Австрійское кредитное учрежденіе для торговли и промышленности“. Какъ въ администраціи парижскаго кредита фигурировали такіа темныя личности, какъ герцогъ Гальера, Морни и т. д., такъ и въ австрійское общество, для приданія ему высокой репутаціи, залучили Шварценберговъ, Фюрстенберговъ, Хотековъ. Большую часть акцій оставили за собой учредители, но не съ тѣмъ, чтобы пустить въ дѣло свои капиталы, а чтобы сбыть акціи при первой возможности на биржѣ по высокой цѣнѣ. На долю публики пришлось очень мало акцій, хотя она добивалась ихъ, можно сказать, не щадя жизни. Дню подписки предшествовала холодная ночь, но, несмотря на морозъ, многіе жители Вѣны, съ грѣлками въ рукахъ, провели эту ночь на улицѣ, чтобы утромъ первыми броситься въ открытыя двери и подписаться.

Австрійцы скоро переняли отъ французовъ упомянутые фокус-покусы, въ которыхъ принималъ дѣятельное участіе самъ министръ финансовъ, фон-Брукъ. Брукъ давно уже предвидѣлъ, что австрійскому владычеству въ верхней Италіи грозитъ неизбѣжный конецъ, и хлопоталъ, чтобы дать Австріи возможность покинуть эту страну если не съ честью, то, во крайней мѣрѣ, съ туго набитыми карманами. Онъ продалъ южную желѣзную дорогу упомянутому кредитному обществу, которое вскорѣ было допущено къ участію въ постройкѣ новыхъ желѣзныхъ дорогъ. Расходы оказались не по средствамъ общества, рынокъ былъ переполненъ бумагами, на которыхъ не было покупателей, предстоялъ опасный кризисъ, для отвращенія котораго Брукъ распорядился купить на казенный счетъ акцій тейсской и западной дорогъ на 2,000,000 гульден. Такимъ образомъ, онъ превратилъ государство въ биржевого спекулятора. Желая поправить дѣла національнаго банка и считая для этого необходимымъ имѣть подъ рукою какое-нибудь солидное кредитное учрежденіе, онъ оказывалъ всевозможное покровительство кредитному обществу, и когда дѣла его разстроились, Брукъ дошелъ до того, что позволялъ обнародованіе *завѣдомо фальшивыхъ балансовъ*, въ которыхъ акціи тейсской и западной дорогъ, стоявшія ниже алпари, значились ходящими по номин-

нальной цѣнѣ!.. И нашелся только одинъ акціонеръ, который въ общемъ собраніи протестовалъ противъ такого обмана, но противъ него вооружился даже самъ правительственный комисаръ, Брентано, одобрившій въ принципѣ публикацію фальшивыхъ балансовъ, которые съ тѣхъ поръ и вошли въ моду... Правительство не обращаетъ на это вниманія, а вѣнская пресса усердно служить всякому мороченію публики. Вотъ что, напр., писалъ въ 1867 г. одинъ вѣнскій журналистъ о другомъ: „Уже нѣсколько лѣтъ онъ занимается систематической фальсификаціей курсовыхъ извѣстій. Когда номеръ его листка напечатанъ, онъ приказываетъ напечатать еще нѣсколько экземпляровъ, въ которыхъ онъ поддѣлываетъ курсы, означая ихъ то выше, то ниже, чѣмъ въ первыхъ экземплярахъ, предназначенныхъ подписчикамъ. Все это дѣлается въ пользу и на счетъ одного здѣшняго банкира, который, пользуясь этими подложными курсовыми извѣстіями, платитъ за нихъ большія деньги“.

Такимъ образомъ, и высшія сферы, и печать были вполне благоприятны для самыхъ разнузданныхъ спекуляцій. Безъ содѣйствія жидовствующей и продажной прессы биржевой обманъ никогда не могъ-бы дойти до тѣхъ грандіозныхъ размѣровъ, до которыхъ доходилъ онъ въ Австріи, и потому прежде, чѣмъ говорить о самыхъ биржевыхъ оргіяхъ, мы познакомимся съ продажною вѣнскою печатью.

II.

Въ Вѣнѣ печать имѣетъ такое-же громадное вліяніе на общественное мнѣніе, какъ и во Франціи. Множество газетъ, изъ которыхъ многія выходятъ по два раза въ день и раскупаются десятками тысячъ экземпляровъ, служатъ для массы публики руководящею нитью при обсужденіи вопросовъ общественной жизни. Но, за немногими исключеніями, всѣ эти газеты продажны и за деньги готовы служить кому угодно. „Нѣтъ ничего легче, какъ измѣнить направленіе редакціи, говорить „Deutsche Zeitung“ 1872 г.— Журналисты не въ силахъ противиться такой перемѣнѣ, такъ-какъ сотрудникъ, вѣрнаго своимъ убѣжденіямъ, всегда легко замѣнить продажнымъ писателемъ. Что-же касается

твердости характера собственниковъ газетъ, то нужно замѣтить, что наше время далеко не благоприятно для развитія крѣпкихъ характеровъ, заваленныхъ отъ всякихъ искушеній, а богатство собственника скорѣе увеличиваетъ, чѣмъ уменьшаетъ опасность, такъ-какъ изъ всѣхъ профессій миліонерская наименѣе подходитъ къ роли Юніуса или Курье. Въ Австріи, благодаря въ особенности штемпельному налогу, собственники журналовъ, а частью и журналисты, особенно „политико-экономисты“, вынуждены торговать своими убѣжденіями, такъ-какъ они получаютъ свои главные доходы изъ источниковъ, о которыхъ не говорится гласно. Къ этому присоединилась еще глубоко-знаменательная метаморфоза, происшедшая со многими газетами. Большіе и малые органы перешли въ собственность банковъ, и ими заправляютъ не номинальные собственники, не сотрудники, а банковые совѣты правленій. Нынѣ банки вѣрны конституціи; но, положа руку на сердце, кто можетъ поручиться, что ихъ вѣрность устоитъ противъ искушенія, если какое-нибудь феодальное министерство поманитъ директоровъ лакомой концесіей? Можетъ быть, они не заставятъ свои газеты служить извѣстнымъ клерикальнымъ цѣлямъ, но національная програма большей части ихъ продажна“.

„Deutsche Zeitung“ выражается такъ мягко, что даетъ весьма смутное понятіе о размѣрахъ той нравственной распущенности, которой промышленлетъ вѣнская печать, типическимъ представителемъ которой служитъ умершій въ 1872 г. редакторъ „Neue Freie Presse“, д-ръ Максъ Фридендеръ. Всѣ вѣнскія газеты въ своихъ некрологахъ превознесли до небесъ этого хамелеона, этого литературнаго гаера, служившаго по найму всѣмъ и каждому, и только двѣ или три изъ нихъ отозвались о немъ безпристрастно. Когда „Sonn-und-Montags Zeitung“, сообщивъ извѣстіе о смерти Фридендера, общала въ слѣдующихъ нумерахъ сказать „неподраженное, справедливое слово объ его общественной жизни“, то къ издателю ея явился сотрудникъ „Neue Freie Presse“, командированный редакціей подкупить его, чтобы тотъ не печаталъ своей характеристики!..

Фридендеръ, говорить упомянутая газета,—не былъ замѣчательнымъ публицистомъ, но умѣлъ отлично вести журналъ и внушать всѣмъ убѣжденіе въ его великихъ дарованіяхъ. При этомъ онъ былъ человѣкомъ глубоко-безнравственнымъ. „Если-бы грѣхи

его были чисто спекулятивно-дѣлового характера, то мы прикрыли-бы ихъ мантией христіанской любви... хотя и всѣмъ извѣстно, что онъ искалъ фортуны на биржѣ и что его игра часто возбуждала самыя серьезныя подозрѣнія биржевиковъ. Но на памяти его лежитъ другой тяжкій грѣхъ передъ независимой журналистикой, это—постыдное изобрѣтеніе продажи журналовъ акціонернымъ обществамъ. Извѣстно, что „N. F. Presse“ давно уже продана двумъ здѣшнимъ банкамъ, а такъ-какъ дурныя примѣры заразительны, то недавно двѣ другія, весьма распространенныя, газеты поступили въ распоряженіе новаго банка. Итакъ, на долю Вѣны выпало пріятное сознаніе, что три распространеннѣйшіе органы ея составляютъ собственность банковъ, которые, естественно, не имѣютъ никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ денежной наживы, кромѣ своей мамонны... Продажа вліятельныхъ, распространенныхъ газетъ большимъ банковымъ учрежденіямъ есть ничто иное, какъ убійство независимаго образа мысли, измѣна свободной печати. Намъ могутъ возразить, что банкъ не имѣетъ никакого вліянія на политическій отдѣлъ газеты. Пустая увертка! Конечно, банкъ не имѣетъ вліянія на политическое направленіе продажнаго журнала, но на долго-ли? Лишь до тѣхъ поръ, пока это угодно министру“. Примѣръ того-же Фридендера, который торговалъ собою столько-же въ политическомъ, сколько и въ финансовомъ отношеніи, вполне подтверждаетъ это мнѣніе газеты. Но и безъ политической продажности, наемное служеніе газетъ банкамъ въ высшей степени вредно для общества. На содержанія банковъ и акціонерныхъ обществъ состоятъ самыя распространенныя газеты, и дорогія, и дешевыя — „Neue Freie Presse“, „Die Presse“, „Neue Wiener Tagblatt“, „Konstitutionelle Forstadt-Zeitung“ и т. д. Кромѣ этихъ прихлебателей, почти вся остальная журналистика усердно служитъ банкамъ и биржевымъ игрокамъ за единовременныя взятки, даваемыя по случаю, напримѣръ, выпуска акцій. Въ 1871 году, при выпускѣ акцій „Raten und Rentenbank“, имъ роздано 55-ти газетамъ отъ 50 до 2,500 флориновъ каждой, смотря по ихъ значенію, да кромѣ того 29 журналистовъ получили отъ банка отъ 100 до 750 фл. каждый. И журналистика не только не скрываетъ этой торговли, но даже защищаетъ ее. „Это не подкупъ, не взятки“, восклицаетъ одна вѣнская газета, и срав-

ниваетъ акціи, раздаваемые журналистамъ, съ даровыми билетами, выдаваемыми театральнымъ рецензентамъ!.. Подкупъ до того вошелъ въ нравы, что журналисты открыто и нагло требуютъ подачекъ, обращаясь къ финансовымъ тузамъ съ унижительными просьбами, угрозами обнаружить какую-нибудь тайну и т. д. Понятно, что въ разгаръ биржевыхъ спекуляцій 1868—1873 гг. владѣльцы быстро богатѣли отъ этихъ взятокъ и ихъ примѣромъ увлекалось множество другихъ проходивцевъ, которые, будучи ничѣмъ не лучше нашихъ *аблокаторовъ*, пускались въ журналистику и основывали газеты. „Люди, говоритъ авторъ „*Conspiration*“, — неумѣющіе написать правильно ни одной строки или составить самое обыкновенное дѣловое письмо, неимѣющіе понятія объ орфографіи, издають въ Вѣнѣ газеты и называютъ себя журналистами и редакторами. Вырѣзывая статьи изъ другихъ журналовъ, они перебиваются кое-какъ этимъ литературнымъ хламомъ или-же нанимаютъ себѣ въ редакторы какого-нибудь ничтожнаго писака и пару бѣдныхъ студентовъ въ сотрудники. Собственнику такого журнала все равно, хорошо или дурно его содержаніе; онъ требуетъ только „пикантнаго“, т. е. скандальныхъ исторій, дѣйствительныхъ или вымышленныхъ, которыя-бы могли обращать на него вниманіе публики. Одинъ „журналъ“ имѣетъ не болѣе 5 *подписчиковъ* и печатается только въ 20 *экземплярахъ*, а все-таки кормитъ своего издателя, который умѣетъ то подачку выпросить, то объявленіе вырвать, то расхвалить кого-нибудь за деньги, то оклеветать по найму и т. д. На каждого дѣлового человѣка, напечатавшаго въ какой-нибудь газетѣ объявленіе, тотчасъ набрасывается эта журнальная сволочь, и своимъ нахальствомъ, угрозами, открытой клеветой и т. д. вынуждаетъ его дать и ей это объявленіе для напечатанія въ ея *кюакѣ* за порядочную плату. Часто подобные журналисты перепечатываютъ объявленія изъ большихъ газетъ и хотя акціонеры общества, которыя наиболѣе эксплуатируются ими, сопровождаютъ обыкновенно свои объявленія замѣткою, что *перепечатка не оплачивается*, но это нисколько не мѣшаетъ этимъ грязнымъ журналистамъ требовать вознагражденія. На подобныя дѣйствія большія и распространенныя газеты смотрятъ съ презрѣніемъ, но въ сущности и онѣ не лучше. Имъ, конечно, не приходится ходить и вымаливать подачекъ, которыя приносятъ къ

нимъ на домъ; у нихъ заключены точные договоры съ важнѣйшими акціонерными обществами, которыя обязуются ежегодно награждать ихъ опредѣленными суммами и, кромѣ того, оплачивать всѣ свои объявленія. Никакое акціонерное предпріятіе, никакой крупный промышленникъ, никакой такъ-называемый „рекламный горланъ“ (Annoncen-Schreier) не осмѣлится не помѣстить своихъ объявленій, напр., въ „Neue Freie Presse“, „Presse“ и т. д. Если редакція одной изъ этихъ газетъ посылаетъ куда-нибудь своего агента просить о перепечаткѣ объявленій, то ему немедленно вручается плата: какъ ни вѣжливъ агентъ, но за спиной его все-таки скрывается угроза газеты немедленною местию за отказъ. А изъ опыта извѣстно, какъ ужасно мстятъ въ такихъ случаяхъ большія газеты“.

При такой литературной проституціи спекуляція должна была развиваться до лихорадочныхъ припадковъ, до ошьяненія, и развитію этому всего болѣе помогла продажная журналистика.

III.

Еще задолго до разгара спекуляціи было очевидно, что въ Австріи мало денегъ, такъ мало, что она не можетъ покупать даже собственныхъ бумагъ. Внигршннй заемъ 1860 года вмѣсто 200,000,000 далъ только 76,000,000. Половина государственной ренты находится въ рукахъ у иностранныхъ капиталистовъ; половина процентовъ за государственный долгъ уходитъ въ Голландію, Германію, Францію и Швейцарію; большая часть бумагъ, продающихся на всѣхъ европейскихъ биржахъ, привозится изъ Австріи. Акціи Кредитнаго Учрежденія, Поземельнаго Кредита и большей части желѣзныхъ дорогъ—тоже за границей. При этомъ финансовыя операціи постоянно терпятъ неудачи. Въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ акціи Кредитнаго Учрежденія, напр., едва могли приносить 5%, а весь дивидендъ составлялъ 4½%. Но спекуляторы, несмотря на все это, продолжали кричать, что Австрія богата, основывая въ то-же время англо-австрійскій банкъ и другія подобныя учрежденія. До англо-австрійскаго банка вообще держались правила, что банкъ долженъ имѣть большой акціонерный капиталъ; съ учрежденіемъ-же его это правило было за-

быто и министръ финансовъ началъ допускать основаніе банковъ съ небольшими капиталами, вслѣдствіе чего они вскорѣ начали расти, какъ грибы послѣ дождя. Въ то-же время, чтобы затянуть какъ можно большее число эксплуатируемыхъ акціонеровъ, или, выражаясь языкомъ биржевиковъ, „для доставленія возможности участвовать въ выгодахъ предпріятія даже людямъ небогатымъ“, начали выпускать акціи гораздо дешевле прежняго, флориновъ по 60, и удерживать весь дивидендъ или часть его „для увеличенія акціонернаго капитала“. Этотъ примѣръ нашель себѣ впоследствии множество подражателей и миллионныи дивидендами акціонеры могли любоваться только на бумагѣ. Спекуляція разгоралась больше и больше, и ее охладилла только война 1866 г. За то немедленно послѣ заключенія мира лихорадочно-денежная похотливость, раздраженная до крайности, пробудилась съ новыми силами. Конституціонно-буржуазная партія, празднуя миръ, ликовала и разрисовывала самыи свѣтлыми красками ближайшее будущее Австріи, наступившую „золотую эпоху“ либеральныхъ реформъ, мирнаго развитія и разработки „неисчерпаемыхъ богатствъ“ имперіи, „неистощимыхъ силъ государства“, доказательство которыхъ указывали въ быстромъ повышеніи курсовъ послѣ войны. Началась погоня за желѣзнодорожными концессіями, и уже къ концу 1866 г. онѣ были даны на постройку пяти дорогъ, требовавшую 308,000,000 гульденовъ. Бумаги запрудили рынокъ и должны были окончателно уронить ихъ стоимость, но, благодаря биржевымъ фокусъ-покусамъ, курсы держались на искусственной высотѣ, понижаясь только по временамъ, вслѣдствіе такихъ казусовъ, какъ ухудшеніе болѣзни предстательной желѣзы Наполеона или объявленіе войны 1870 г. Быстро совершенствуясь въ своемъ гешефтѣ, финансовыи спекуляторы употребляли всевозможныи уловки для подогрѣванія стязательной страсти въ публикѣ и поддержанія вѣры въ фантастическое богатство Австріи. Для этой послѣдней цѣли имъ пригодился въ особенности весьма богатый урожай 1867 г. въ Венгріи, хотя, въ сущности, этотъ урожай, послѣ нѣсколькихъ неурожайныхъ годовъ, при тяжелыхъ налогахъ и низкомъ уровнѣ венгерской промышленности, не могъ имѣть особеннаго значенія. По поводу этого урожая спекуляція подарила мадьяровъ венгерскимъ кредитнымъ банкомъ (1867 г.), дѣтищемъ вѣнскаго Кредитнаго Учрежденія. Соблаз-

ившись этимъ примѣромъ, англо-австрійскій банкъ произвелъ на свѣтъ новое обоюдуполое дѣтище — англо-венгерскій банкъ, учрежденный только ради тѣхъ-же азартныхъ спекуляцій при выпускѣ его акцій. Венгры начали увлекаться, подобно австрійцамъ, и одинъ за другимъ у нихъ возникали банки, банкирскія лавочки со всевозможными подраздѣленіями и измѣненіями. Въ Австріи, понятно, не отставали. „Учредители“ разживались быстро, нерѣдко въ одни сутки изъ бѣдняковъ превращались въ капиталистовъ, строили дворцы себѣ, обзаводились роскошными содержанками, блистали и пировали, возбуждая зависть и страсть къ ажіотажу въ легкомысленной и всегда падкой на легкую наживу массѣ. Въ 1869 г. началась настоящая биржевая оргія. Буржуа бросали торговлю и шли на биржу; генералы, чиновники, ремесленники, дамы толпами осаждали банкирскія конторы. Надо было видѣть эти толпы, притекавшія къ монументальнымъ дверямъ этого храма Ваала, чтобы составить себѣ понятіе о чело-вѣческой алчности, возбужденной до опьяненія, до азарта игрока. Финансовые тузы чувствовали себя царями дня, руководителями самыхъ жгучихъ интересовъ такого подвижного и раздражительнаго населенія, какъ Вѣны; на ихъ самодовольныхъ и вызывающихъ фізіономіяхъ отражалось какое-то олимпийское блаженство; они чувствовали сами и давали чувствовать всѣмъ другимъ, что по одному мановенію ихъ волшебной палочки, направляющей паденіе или возвышеніе курса, тысячи состояній могутъ взлетать на воздухъ, какъ раветы, и тысячи бѣдняковъ, явившихся сюда съ послѣднимъ гульденомъ, отнятымъ у полуголодныхъ дѣтей, могутъ уйти съ биржи Крезами. Отчаянная бѣдность, крайняя нищета, все, что надѣялось на случайное обогащеніе, все, что рассчитывало на слѣпой жребій, брошенный въ игорную урну, спѣшили нести послѣдній трудовой грошъ, и когда розовныя надежды лопались, какъ мыльные пузыри, эти горемыки бросались съ отчаяніемъ въ свои подвальные берлоги. Зеленныя лица, страшныя взгляды, глухіе стоны перемѣшивались съ ликующими и гордыми фізіономіями. Однимъ словомъ, это былъ своего рода шабашъ, достойный кисти великаго художника. При такомъ возбужденіи Вѣны, запросъ на акціи былъ чрезвычайный, но ихъ покупали не за тѣмъ, чтобы держать у себя какъ доходный капиталъ, а чтобы съ барышомъ продать при первомъ удобномъ

случаѣ. Какъ ни запруженъ былъ рынокъ бумагами, но при такомъ запросѣ ихъ оказывалось мало, и учредители легко могли пускаться въ ходъ новыхъ учрежденій. Въ нѣсколько мѣсяцевъ было основано 25 банковъ съ 780,000 акцій. Тутъ были и „центральный банкъ“, и „генеральный банкъ“, и „египетскій банкъ“, и т. д. Одни уже названія этихъ новыхъ учрежденій показываютъ, что они открывались не для удовлетворенія какихъ-нибудь потребностей страны, а единственно для личныхъ расчетовъ и наживы ихъ учредителей и директоровъ. Вмѣстѣ съ банками начали возникать промышленныя акціонерныя общества—дѣсное, кирпичное, строительныя, пивоваренныя. Канканъ былъ въ полномъ разгарѣ и готовъ былъ уже кончиться самой безумной оргіей...

Вдругъ начали приходить одни за другимъ извѣстія о томъ, что болѣзнь предстательной желѣзы и мочевого пузыря Наполеона усилилась, что ему предстоитъ операція, которую онъ едва-ли вынесетъ; смерть его могла быть сигналомъ къ перевороту во Франціи,—и биржей овладѣла паника. Курсы падали не по днямъ, а по часамъ; вмѣсто того, чтобы покупать, бросились продавать; кризиса не могли остановить даже извѣстія о выздоровленіи Наполеона. Акція вѣнскаго банка въ одну недѣлю упали съ 280 на 60, и предсѣдатель его, графъ Вратиславъ, перерѣзалъ себѣ горло. Телеграмма, посланная въ Парижъ о крушеніи вѣнскаго банка, произвела переполохъ, такъ-какъ въ Парижѣ смѣшали вѣнскій съ австрійскимъ національнымъ банкомъ, и этотъ переполохъ сильно отразился въ Вѣнѣ. Банки лопались одинъ за другимъ, и результатомъ кризиса была потеря на курсѣ въ 500,000,000 флориновъ.

Едва только послѣ этого краха начала оживать спекуляція, какъ вспыхнула прусско-французская война; но постоянныя побѣды нѣмцевъ вскорѣ успокоили вѣнскую биржу и на ней начались настоящія оргіи. Въ декабрѣ 1870 г. вѣнскій дисконтный банкъ хотѣлъ выпустить 4,000 акцій, чтобы поразвѣдать, на-сколько стоитъ высоко общественная атмосфера спекуляціи; публика подписалась на 419,607 акцій, и съ этого дня официальная „Вѣнская Газета“ возвѣщала ежедневно, по крайней мѣрѣ, объ одной новой концесіи. Съ 1 января 1871 г. по 3 мая 1873 г. были основаны: 161 банкъ съ капиталомъ въ 689,000,000 фл., 249 промышленныхъ обществъ съ 728,000,000 капитала, 75 желѣз-

подорожныхъ обществъ съ 585,000,000; всего-же дано концесій на 1,005 *акціонерныхъ обществъ*, изъ которыхъ многія лопались въ моментъ самаго возникновенія. Чтобы быть въ возможности оплатить всѣ выпущенныя бумаги, Австрія должна была въ 2½ года сдѣлать сбереженіе болѣе, чѣмъ въ 2,100,000,000 фл., между тѣмъ ея торговля и промышленность въ это время находились въ состояніи гораздо худшемъ, чѣмъ прежде, и ввозъ 1871—2 гг. превышалъ вывозъ на 273,000,000 фл. Между тѣмъ, спекуляторы трубили во всѣ наемные тромбоны газетъ, что національное богатство ежедневно увеличивается на 10—20 миліоновъ фл., такъ-какъ на эту сумму возрастала каждыя 24 часа курсовая цѣна бумагъ. Въ началѣ 1873 г. это бумажное богатство достигло уже 9,000,000,000 фл.,—суммы, равной стоимости всѣхъ государственныхъ имуществъ имперіи!

Вожаки фязансоваго міра, основывавшіе общества, очень рѣдко ограничивались „учредительскимъ барышомъ“, законные размѣры котораго они опредѣляли въ 25—50% выпущеннаго въ акціяхъ капитала. За собою и за своими родственниками они удерживали всѣ тепленькія мѣстечки въ новомъ предпріятіи, дѣлались директорами и членами совѣта, эксплуатировали въ свою пользу и въ ущербъ акціонерамъ всѣ дѣловыя тайны „своего“ банка и быстро опустошали карманы публики, одурѣвшей среди этой оргіи, въ которую она была вовлечена. Часто, впрочемъ, совѣты правленія ошибались въ своихъ расчетахъ и, надѣясь на повышеніе курса, накупали множество такихъ бумагъ, которыя вдругъ и непредвидѣнно падали. Чтобы поднять свои акціи до желаемой высоты, они пускали въ ходъ, между прочимъ, такой фокусъ. Положимъ, акціи съ 80 поднялись до 200 и на этой цифрѣ остановились, а учредители, накупившіе ихъ, хотѣли догнать ихъ до 300 и выше, чтобы съ выгодой продать; для этого банкъ объявлялъ, что расширение круга его дѣятельности требуетъ увеличенія акціонернаго капитала, и выпускалъ новую серію акцій, такъ-называемыхъ „молодыхъ“, „которыя хотя и приносили такой-же дивидендъ, какъ старыя“, но обогащали владѣльцевъ послѣднихъ мгновенно. Такимъ образомъ, владѣлецъ старой акціи, стоившей по текущему курсу 200, покупалъ „молодую“ за 80 и, продавая ее за 200, получалъ барыша 120. Изъ-за этой привилегіи старыя акціи снова раскупались на расхватъ и цѣна

ихъ быстро поднималась до 250, 300, 350, 380... Дѣломъ 1872 г. министерство запретило такіе выпуски молодыхъ акцій, но союзный банкъ немедленно изобрѣлъ другую штуку: онъ покупалъ у другихъ учредителей данную еще прежнимъ министромъ концесію на какой-нибудь банкъ или контору, открывалъ это учрежденіе и заключалъ съ нимъ „картельный договоръ“ въ томъ, что эта контора во всѣхъ дѣлахъ союзаго банка и этотъ банкъ во всѣхъ дѣлахъ конторы имѣютъ равное участіе и акціи обоихъ представляютъ одну и ту-же цѣну. Затѣмъ владѣльцамъ акцій банка предоставлялось право покупать акціи конторы по 135 фл., а такъ-какъ на биржѣ онѣ имѣли одну цѣну съ акціями банка, продававшимися по 200 и выше, то результатъ былъ тотъ-же, что и въ первомъ случаѣ, и учредители продолжали этимъ путемъ прикарманивать миліоны чужихъ денегъ. Выдумеу союзаго банка переняли другіе и начался настоящій грабежъ одуроченной публики. Въ 1873 г. вѣнскій вексельный банкъ основалъ „Vorgschusskassenverein“, объявилъ о своемъ картельномъ договорѣ съ этой кассой, существовавшей только на бумагѣ, и подтянулъ ея акціи до 300. Директоры положили въ свои карманы по 100 фл. съ акціи, въ общей сложности нѣсколько миліоновъ, затѣмъ банкъ и контора вылетѣли въ трубу, акціи-же ихъ быстро упали съ 300 на 3...

„Въ послѣдніе мѣсяцы передъ кризисомъ, говоритъ Ганъ,— Австрія походила на домъ умалишенныхъ. Не проходило дня, чтобы не „учреждали“ чего-нибудь миліоновъ на 10!.. Одно учредительное собраніе акціонеровъ слѣдовало за другимъ. Гдѣ взять денегъ,—объ этомъ не спрашивалъ ни одинъ учредитель: бумаги повисли на-столько-то, слѣдовательно, Австрія сдѣлалась „богаче“, и деньги для новыхъ учреждений и учредителей всегда найдутся! По этой теоріи, каждый вѣнскій домъ могъ превратиться въ банкъ, и, дѣйствительно, передъ кризисомъ въ биржевомъ кварталѣ не было дома, въ которомъ-бы не было банка или конторы. На Шоттенрингѣ были даже домовладѣльцы, у которыхъ нанимали квартиры пять, шесть и болѣе обществъ!.. Манія игры дошла до какого-то осwirѣпнія. Она собственно прирождена или, по крайней мѣрѣ, привита уже съ юности каждому австрійцу. Ни въ одномъ государствѣ въ свѣтѣ нѣтъ такого множества лотерей. Въ дунайской имперіи не только много государственныхъ

займовъ съ выигрышами, но есть даже лотерейные займы частныхъ лицъ, какъ, на примѣръ, Виндиггреца, Вальденштейна, Пальфи, Клари и т. д. Общины, нуждавшіяся въ деньгахъ, тоже прибѣгали къ помощи этихъ займовъ. Къ лотереямъ триестскимъ, офенскимъ, инсбрукскимъ и т. д. въ послѣднее время присоединились вѣнскія. Люди недостаточные покупали „промессы“, т. е. возможный выигрышъ въ одинъ изъ тиражей, или составляли компанію, или покупали бумаги съ разсрочкою. Кроме того, въ Австріи есть такъ-называемыя „малыя лото“, въ которыхъ шансы выигрыша почти невѣроятны. Несмотря на то, въ эти лотереи играютъ низшіе, бѣднѣйшіе классы, государство извлекаетъ изъ этой нищеты ежегодно налогъ въ нѣсколько миліоновъ гульденовъ. Демонъ игры, такимъ образомъ, сидитъ въ крови австріяца, и, постоянно раздражаемый искусственными средствами, онъ въ 1872 и 73 гг. дошелъ до небывалой ярости. Биржевыя конторы и учредители совершенствовались въ своемъ искусствѣ. Они составляли „товарищества для игры“ (Spielconsortien) съ билетами въ 1—500 фл. Одна изъ этихъ конторъ имѣла такое сильное вліяніе на биржевое движеніе и такъ тѣсно связана со всею исторіей вѣнскаго финансоваго помѣшательства, что ея нельзя пройти молчаніемъ. Это контора Плахта, присужденнаго теперь къ восьмилѣтнему тюремному заключенію. Этотъ биржевой шулеръ, бывшій раньше мелкимъ чиновникомъ въ банкѣ, началъ очень скромно свою дѣятельность въ 1872 г. Онъ выступилъ въ роли комисіонера, исполнявшаго биржевыя порученія публики, и гигантскими рекламами въ газетахъ скоро обратилъ на себя общее вниманіе. Онъ изображалъ все въ самомъ заманчивомъ видѣ, — „стоитъ только обратиться къ нему, и дѣло въ шляпѣ; неудача на биржѣ невозможна тѣмъ, которые прибѣгаютъ къ его помощи“. Онъ подробнѣйшимъ образомъ доказывалъ, что его операціи даютъ только барышъ, всегда барышъ. Въ своихъ рекламахъ онъ высчитывалъ, сколько выигрышей онъ уплачиваетъ своимъ довѣрителямъ каждую субботу. Дѣйствительно, впродолженіи года онъ выплачивалъ довольно значительныя суммы, и слава объ его чудотворной дѣятельности росла больше и больше. Публика, никогда раньше не знавшая его, ничего не слыхавшая о немъ, довѣрила ему больше 3,000,000. Сначала его операціи были удачны и ему легко было уплачивать выигрыши. Но и потомъ, когда счастье

измѣнило ему, онъ все-таки постоянно утверждалъ, что у него всегда одни выигрыши, и по-прежнему уплачивалъ ихъ. Какъ-же объяснить эту загадку? Очень просто. Если къ нему по временамъ являлись скептики, которые, не довольствуясь, какъ прочіе, получениемъ однихъ процентовъ, желали имѣть самый капиталъ, то онъ уплачивалъ мнимый выигрышъ одного изъ капитала другого. Многія конторы возбуждали въ публикѣ довѣріе къ себѣ тѣмъ, что придавали себѣ имена такихъ фирмъ, какъ Ротшильдъ, Эпштейнъ и т. д., съ которыми онъ не имѣли ничего общаго. Мошенничество принимало тысячи разнообразныхъ формъ и усиливалось съ каждымъ днемъ, а власти смотрѣли совершенно равнодушно на эту оргію всевозможныхъ мазуриковъ; когда-же вздумали обревизовать притоны ихъ, то слѣдственные комиссары нашли, что „все обстоитъ благополучно“... Оргія была такъ сильна и демонски обаятельна, что даже солиднѣйшіе магнаты основали свой „жокей-клубъ“ для биржевой игры, которою они увлекались, какъ новымъ видомъ спорта. Играть—значило тогда „стоять на уровнѣ вѣка“, и даже католическіе монастыри пускали на биржу свои капиталы. На игру занимали деньги за 50% и „неиграющіе капиталисты“ съ величайшею охотою брали свои деньги изъ другихъ оборотовъ и отдавали ихъ биржевикамъ. Ежедневный оборотъ вѣнской биржи часто превосходилъ 500,000,000 фл.; нерѣдко въ сутки скупалось отъ двухъ до трехъ миліоновъ акцій!..

Одною изъ самыхъ наглыхъ спекуляцій, которыми закончилась эта вакханалія, были акціонерныя общества для постройки домовъ въ столицѣ. Народонаселеніе въ Вѣнѣ съ 1860 по 1870 г. увеличилось на 200,000, а число домовъ съ 9,172 возрасло только до 10,510. Между тѣмъ съ 1870 г. народонаселеніе начало прибывать еще сильнѣе, чѣмъ прежде, цѣны поднимались и постройка новыхъ домовъ была настоятельно необходима. Подъ этииъ-то предлогомъ и было основано, кромѣ четырехъ уже существовавшихъ обществъ, еще 59 новыхъ „строительныхъ банковъ“, которые начали не строить, а спекулировать своими бумагами. Какъ далеко зарвались они, видно изъ того, что для осуществленія пущенной ими въ ходъ строительной спекуляціи понадобилось-бы 2,000,000,000 гульденовъ, 50 лѣтъ времени и увеличеніе числа жителей болѣе, чѣмъ втрое, противъ ны-

нѣшняго!.. Они должны-бы были построить 100,000 новыхъ домовъ, между тѣмъ какъ въ нынѣшней Вѣнѣ, со всѣми ея предмѣстьями, только 16,676 домовъ, а новыхъ ежегодно строится не болѣе 250. Эти общества выстроили всего только 200 домовъ, а капитала у нихъ, вмѣсто 2,000,000,000 гульд., было менѣе 500,000,000. Покупка и продажа земли сдѣлалась самой модной спекуляціей и обыкновенно совершались слѣдующимъ образомъ. Владѣлецъ какой-нибудь лачуги въ городѣ или картофельнаго огорода въ окрестностяхъ имѣлъ знакомаго или родственника въ извѣстномъ банкѣ, и съ помощью его продавалъ свою землю совѣту правленія, а этотъ перепродавалъ ее „своему“ банку, получая процентовъ 50 и болѣе барыша. Банкъ еще съ большою выгодой уступалъ землю строительному обществу, которое, въ свою очередь, снова перепродавало ее или же основывало новый банкъ и „прицѣпляло“ къ нему это имущество. Земля, такимъ образомъ, проходила часто ружъ черезъ двѣнадцать и, поступивъ къ послѣднему владѣльцу, оставалась тѣмъ-же, чѣмъ была у перваго: незастроеннымъ участкомъ, который иногда ради приличія былъ распланированъ колышками, обозначавшими расположеніе будущихъ домовъ и улицъ. Виржевая-же цѣна земли увеличивалась въ 5 и болѣе разъ. Строительныя общества размножились, наконецъ, до такой степени, что учредители затруднялись придумывать новыя названія ихъ и варьировали старыя. Были: общество недвижимыхъ имуществъ, банкъ недвижимыхъ имуществъ, банкъ для оборота недвижимыхъ имуществъ; вѣнское строительное общество, новое вѣнское строительное общество; строительное товарищество, вѣнское строительное товарищество, нижнеавстрійское строительное товарищество и т. д. Путаница выходила такая, что даже истые биржевики и биржевыя газеты сплошь и рядомъ перемѣшивали эти названія!.. Между тѣмъ какъ спекуляторы играли строительными акціями, квартирныя цѣны страшно поднимались и въ Вѣнѣ настала небывалая до тѣхъ поръ дороговизна, которой много содѣйствовала и новая метода постройки домовъ. Дешевые дома, занимавшіеся жильцами средняго и низшаго классовъ, отдавались на сломъ и на мѣстѣ ихъ строились роскошныя дворцы спекуляторовъ и богачей. Строительныя общества, слѣдовательно, не только травили акціонеровъ, но и были прямыми виновниками страшной дороговизны жизни.

Чтобы оживить въ памяти читателя цифры, которыя легко забываются, напомнимъ, что въ 1867—1873 гг. въ Австріи разрѣшено учрежденіе—

	Въ 1867	1868	1869	1870	1871	1872	1873	Всего.
Банковъ	6	9	28	10	23	84	15	175
Желѣзныхъ дорогъ. . .	4	2	7	3	6	7	5	34
Промышлен. обществъ .	15	17	88	82	125	227	91	645
Строительныхъ банковъ	—	2	9	2	12	41	38	104
Страховыхъ обществъ .	1	2	5	2	8	17	4	39
Пароходныхъ обществъ	—	—	4	2	1	—	1	8
Всего. . .	26	32	141	101	175	376	154	1,005

Номинальный капиталъ этихъ обществъ въ акціяхъ составлялъ 4,500,000,000 фл. Но кризисъ помѣшалъ многимъ обществамъ открыться, и изъ нихъ были дѣйствительно основаны только 682, съ капиталомъ въ 2,577,000,000 фл. Пожранный спекуляціей капиталъ не только превосходилъ контрибуцію, заплаченную французами вѣнцамъ (5,000,000,000 франковъ), но превышалъ даже всѣ расходы и убытки Франціи, потраченныя на эту войну, въ томъ числѣ и контрибуцію. Торговля и промышленность падали и Австрія постепенно превращалась въ данницу другихъ государствъ, которымъ она уплачивала громадныя суммы и за свои бумаги, и за привозимые изъ нихъ предметы потребленія. Вывозъ фабричныхъ произведеній, простиравшійся въ 1869 г. до 272,000,000, въ 1873 г. упалъ до 266 мил., а ввозъ, составлявшій въ 1869 г. 254 мил., въ 1873 г. возвысился до 353 мил., т. е. на 38%. Въ четырехлѣтіе 1870 — 1873 г. ввозъ превышалъ вывозъ почти на 500,000,000 фл. Но эти цифры еще могли бы маскировать истощеніе матеріальныхъ средствъ страны; балансы вывоза и ввоза можно было толковать и въ ту, и другую сторону экономическаго благосостоянія Австріи; но страшный упадокъ промышленныхъ предпріятій, упадокъ земледѣлія, тяжелые налоги, обременявшіе производительные и бѣднѣйшіе классы, наконецъ 80-тысячная армія бездомнаго и полуголоднаго вѣнскаго пролетаріата уже не могли никого обмануть, не могли замаскировать той глубокой соціальной пропасти, въ которую денежная спекуляція затащила Австрію. Поэтому Кладерадачъ былъ совершенно правъ, изобразивъ ее истощенной, блѣдной, съ впалой

грудью, съ раздутымъ животомъ, и сидящей въ слезахъ на громадной кучѣ всевозможныхъ процентныхъ бумагъ.

IV.

Искусство спекуляторскаго опустошенія чужихъ кармановъ развито до мельчайшихъ подробностей, возведено въ стройную систему и имѣетъ такой-же особой жаргонъ, какимъ говорятъ между собой мазурики, конокрады, бродяги и т. д. Прислушиваясь къ разговору биржевиковъ, вы постоянно слышите непонятныя для васъ техническія выраженія: „заяць“, „уломать“, „остричь“, „ущемить“ и т. д. Нравственный уровень австрійской биржи такъ низокъ, что даже „честнѣйшіе“ биржевики считаютъ обманъ необходимою принадлежностью своей професіи; пострадавъ отъ него, они никогда не будутъ жаловаться суду, а постараются воспользоваться „урокомъ“ и въ свою очередь „поучить“ другихъ. Масса публики тоже относится къ выгодному биржевому обману сочувственно и приходитъ въ ярость только по поводу „несчастія“, неудачи. Австрійскій уголовный кодексъ, карающій съ драконовской строгостью всевозможные обманы, полагаетъ за нихъ тяжкое тюремное заключеніе до 10 лѣтъ. Но если-бы эти законы исполнялись, то пришлось-бы посадить въ тюрьмы чуть не половину вѣнскаго населенія за его участіе въ возмутительныхъ спекуляціяхъ. И не было примѣра, чтобы какое-нибудь дурное учрежденіе было осуждено австрійской юстиціей, такъ-какъ не было обвинителей, т. е. истцовъ!.. Обманутые акціонеры состоятъ изъ „посвященныхъ“, понимающихъ суть обмана, и „непосвященныхъ“, непонимающихъ сущности обмана. Послѣдніе не жалуются, потому что не знаютъ, на что жаловаться, а первые предпочитаютъ суду обманъ-же, и, превращаясь въ „революціонныхъ акціонеровъ“, мстятъ обманщикамъ ихъ-же оружіемъ. Обманъ и ничего кромѣ обмана, — вотъ девизъ, котораго по-возможности держались учредители. Одинъ изъ цитированныхъ выше писателей такъ формулируетъ „десять заповѣдей учредительства“:

„1) Точное знакомство съ настроеніемъ публики въ данную минуту; если она расположена, наприм., къ строительнымъ банкамъ, отрывать ихъ; если она предпочитаетъ желѣзныя дороги, — строить

дороги. 2) Употребить всѣ усилія, чтобы дать предпріятію видъ величайшей солидности и такимъ образомъ привлечь къ себѣ даже завѣтные гроши людей самыхъ осторожныхъ и недовѣрчивыхъ. Въ этомъ смыслѣ должны быть составляемы программы, даже самое названіе общества должно возбуждать довѣріе, и чѣмъ гнильѣе было новое учрежденіе, тѣмъ болѣе громкія имена фигурировали въ составѣ его управленія. 3) Превращая уже существующее промышленное предпріятіе въ акціонерное учрежденіе, должно держать въ строжайшемъ секретѣ покупную цѣну заведенія, отъ которой зависитъ вопросъ о степени доходности; договоры о покупкѣ слѣдуетъ тоже скрывать, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока акціи не будутъ совершенно готовы. 4) Главная задача, для достиженія успѣха, состоитъ въ томъ, чтобы заручиться содѣйствіемъ всѣхъ подходящихъ факторовъ. Такими факторами были въ Австріи парламентскіе кружки (потому-то огромное число членовъ административныхъ совѣтовъ бралось изъ состава обѣихъ палатъ), потомъ пресса и закулисные дѣятели биржи; послѣдніе, если ихъ не подмазывали какъ слѣдуетъ, легко роняли курсъ новой бумаги, а газеты, имѣя дѣло съ огромной публикой, могли подорвать весь планъ предпріятія. 5) Послѣ всѣхъ этихъ приготовленій нужно позаботиться, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ первомъ общемъ собраніи акціонеровъ, такъ-называемомъ учредительномъ, вовсе не было акціонеровъ независимыхъ. Значительнаго количества акцій выпускать изъ рукъ не слѣдуетъ, пока не исполнена эта формальность. 6) Въ статутахъ общества слѣдуетъ оставлять всевозможныя лазейки, чтобы учредители, сдѣлавшіеся членами правленія, имѣли возможность съ постояннымъ успѣхомъ играть на биржѣ на счетъ акціонеровъ. 7) При дальнѣйшихъ общихъ собраніяхъ совѣтъ правленія долженъ обезпечить себѣ на всякій случай большинство, чтобы не выпустить власть изъ своихъ рукъ. 8) Въ ревизоры назначать отнюдь не самостоятельныхъ акціонеровъ, но „добрыхъ пріятелей“, которые-бы ревизовали отчеты и кассу спустя рукава. Лучше-же всего выбирать для этого людей вполне зависящихъ отъ совѣта. 9) Необходимо имѣть опору и въ чиновникахъ. Для этой цѣли хорошо дѣлать участниками въ своихъ преступныхъ дѣйствіяхъ чиновниковъ, посвященныхъ въ тайны темныхъ манипуляцій, предоставляя имъ долю барыша отъ этихъ „гешефтовъ“. 10) При составленіи ба-

лансовъ нужно держаться того правила, чтобы счета выходили такими, какіе нужны для учредителей“.

Это только первыя десять заповѣдей изъ катехизиса биржи. Не ограничиваясь ими, мы хотимъ познакомить читателя въ общихъ чертахъ со всей системой австрійскаго биржевого шахеръ-махера; въ Вѣнѣ это благородное искусство было возведено въ перлъ созданія, но въ сущности оно господствуетъ на всѣхъ биржахъ міра.

Заполучить концесію въ Австріи было очень легко, тѣмъ болѣе, что правительство, смотря на концесіи, какъ на „предметы обложения“, получало съ нихъ значительный доходъ. Между тѣмъ эти концесіи и утвержденіе правительствомъ уставовъ обществъ придавали послѣднимъ въ глазахъ публики видъ солидныхъ учрежденій, одобренныхъ самой властью. Гораздо болѣе заботъ, чѣмъ полученіе концесіи, доставляли учредителямъ изобрѣтеніе заманчиваго названія и наемъ искуснаго адвоката, для редижированія устава, каждый параграфъ котораго долженъ быть отдѣланъ такъ, чтобы въ случаѣ нужды его можно было повернуть въ пользу учредителей на счетъ акціонеровъ. Какъ ловко редижированы были эти уставы, видно изъ того, что правительство, не замѣчая въ нихъ никакихъ подводныхъ, постоянно утверждало ихъ; потомъ министръ финансовъ могъ предпринимать какія угодно мѣры противъ плутней учредителей, — послѣдніе все предвидѣли и уже заранѣе приготовили лазейки, которыя правительство замѣчало слишкомъ поздно. Обдѣлавши дѣльце съ уставомъ, пускали въ ходъ журналистику, подкупали грязныхъ писаекъ, тратили громадныя суммы на рекламы. Дѣло велось систематически: сначала появлялось коротенькое извѣстіе, что такой-то банкъ или банкиръ возымѣлъ „геніальную“ идею и т. д.; затѣмъ *scensendo* начинали кричать, какое сочувствіе встрѣтила эта идея во всемъ финансовомъ мірѣ, какіе баснословные дивиденды должно дать предпріятіе акціонерамъ. Публика очень хорошо знала, что журналистика усердствуетъ за деньги, но все-таки увлекалась и не только раскунада акціи, но даже уплачивала учредителямъ огромныя суммы, потраченныя на рекламы и подкупъ протестуальной печати. Учредители собирали эти суммы съ акціонеровъ подъ именемъ денегъ на „учредительныя обѣды“!..

Законъ требуетъ, чтобы до открытія дѣятельности акціонерна-

го общества были оплачены 40% его акціонернаго капитала. Но учредители никогда этого не дѣлали, хотя и обманывали всѣхъ, говоря, что 40% оплачены. По семейному, какъ добрые приятели, они составляли изъ себя учредительное „общее“ собраніе, въ какіе-нибудь полчаса рѣшали дальнѣйшій ходъ дѣятельности предпріятія, назначали изъ своей среды совѣтъ правленія, назначали членамъ его процентиковъ 50 чистаго барыша, — и дѣло было въ шляпѣ, общество основано! Это было не общее собраніе акціонеровъ, которыхъ вовсе еще не было, такъ-какъ акціи еще не выпущены, а сходбище заговорщиковъ, затѣвавшихъ обчищать карманы будущихъ акціонеровъ. Основывая предпріятіе въ нѣсколько миліоновъ, они часто не имѣли въ карманѣ и сотни флориневъ. Чтобы достать денегъ, пускали въ ходъ программы предпріятія и, разъяснивъ публикѣ съ математическою точностью громадныя выгоды своей затѣи, отрывали подписку и выпускали акціи. Публика, обольщенная програмой, разбирала акціи на расхватъ. Напр., 9 марта 1872 г. выпущены были 22,500 акцій калюжскаго общества для обработки кали, на сумму 4,500,000 фл. Хотя выпускной курсъ былъ выше номинальной цѣны на 20 фл., что доставляло учредителямъ 450,000, но публика подписалась даже на большее число акцій, чѣмъ ей предлагали. А между тѣмъ это было самое сомнительное предпріятіе, и успѣхъ своимъ оно было обязано только ловкимъ рекламамъ и программамъ. Вотъ, напр., выдержка изъ его программы: „Почти безпримѣрные въ исторіи химической промышленности успѣхи и выгодность обработки кали въ Штассфуртѣ естественно заставили искать кали и въ другихъ мѣстонахожденіяхъ каменной соли. Въ Калюжѣ, въ Галиціи, удалось найти залежи кали, которыя не только равняются штассфуртскимъ, но по чистотѣ и богатому содержанию далеко превосходятъ ихъ. Въ то время, какъ штассфуртское кали при обработкѣ даетъ только 10—11% готоваго товара, съ Калюжѣ есть богатныя залежи совершенно чистаго, годнаго къ продажѣ кали. Калюжѣ, такимъ образомъ, уже теперь предпочитается штассфуртскому продукту и на заграничныхъ, и на нашихъ рынкахъ. Но въ Калюжѣ есть еще болѣе важныя и цѣнныя залежи калинита, доставляющаго матеріалъ для выработки поташа, глауберовой соли, соды, сѣрной и соляной кислоты. Сдѣланныя развѣдки гарантируютъ неисчерпаемое богатство матеріа-

ла... На основаніи подробныхъ вычисленій специалистовъ и данныхъ о степени доходности штассефуртскаго и др. химическихъ заводовъ, должно ожидать *необыкновенно высокой ренты* на затраченный капиталъ“. И все это была ложь отъ перваго слова до послѣдняго! Но подобныя программы выпускались только въ періоды „хорошаго настроенія“ биржи и поддерживались подкупленной журнальной сволочью. Потомъ, когда публику уже часто начали „учить“ такимъ образомъ и она стала относиться къ программамъ съ большими недоувѣріемъ, учредители еще до подписки поднимали черезъ подставленныхъ ими покупателей сильный запросъ на акціи. Потомъ, за нѣсколько часовъ до закрытія подписки, учредители объявляли, что подписано акцій „вчетверо болѣе“ противъ надлежащаго, а потомъ продавали свои акціи. Но если учредители предвидѣли, что ихъ акціи сдѣлаются любимой бумагою биржи, то они, прежде, чѣмъ обратиться къ публикѣ, выпускали ихъ только въ тѣсномъ кругу спекуляторовъ. Они посылали на биржу искуснаго дѣльца, который нанималъ закулисныхъ биржевыхъ агентовъ, и они начинали взапуски кричать о новорожденной бумагѣ. На нее обращали вниманіе, и находились покупатели-игроки. Тѣмъ-же дѣльцѣ служило и вновь изобрѣтенное учрежденіе „синдикатовъ“. На биржевомъ языкѣ синдикатомъ называется вовсе не то, что обыкновенно подразумевается подъ этимъ словомъ. Синдикатъ—товарищество, основанное для наиблагоуднѣйшаго помѣщенія возможно большаго количества акцій на общій счетъ и рискъ. Если для учредителей операція была слишкомъ велика и рискованна, то они снисходительно предлагали кому-нибудь изъ обыкновенныхъ смертныхъ вступить въ ихъ синдикатъ на упомянутыхъ условіяхъ. Каждый участникъ получалъ право на „синдикатскій барышъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ обязывался, если акціи не всѣ разойдутся, взять часть ихъ, по разверсткѣ, за наличныя деньги. „Учредительныя обѣды“, рекламы и всѣ подобныя расходы относились на общій счетъ синдиката. Учредители при этомъ, имѣя въ своихъ рукахъ всѣ нити операціи, обыкновенно получали на свою долю львиную часть барыша, а въ случаѣ неудачи потери падали главнымъ образомъ на головы постороннихъ участниковъ синдиката.

Въ промежутки между выпусками акцій учредительскія шайбы играли на повышеніе какой-нибудь старой бумаги. Для этого они

составляли „товарищества повышенія“, *Hausseconsortien*, которыя скупали огромныя количества акцій, чтобы потомъ съ выгодною сбыть ихъ. Эти спекуляторы не *надѣялись* на повышеніе, но были твердо *уверены* въ немъ, такъ-какъ знали, что извѣстное учрежденіе дѣлаетъ или будетъ дѣлать хорошій гешефтъ съ своими акціями. Или-же, накупивъ акцій, распускали хорошіе слухи о выпустившемъ ихъ учрежденіи, и, повысивъ такимъ образомъ цѣны, сбывали свои бумаги. Каждое такое товарищество переживало двѣ эпохи: сначала оно держалось тайно, потомъ звонило во всѣ колокола. Первый періодъ кончался лишь тогда, когда участники накупили много. До этого момента они распространяли о скупаемыхъ ими акціяхъ неблагопріятныя извѣстія, выказывая недовѣріе къ нимъ, чтобы купить дешевле. По мѣрѣ того, какъ закупка подходила къ концу, тактика измѣнялась: болѣе и болѣе распространялись слухи, что такой-то банкъ приступаетъ къ отличной операціи и акціи его неизбежно пойдутъ въ гору. Когда-же, наконецъ, начинали кричать, что гешефтъ, о которомъ ходили въ послѣдніе дни слухи, уже состоялся, то это было признакомъ, что товарищество уже не покупаетъ, а продаетъ. Публика бросалась на акціи, и спекуляторы сбывали ихъ до послѣдняго листа.

С. Шашковъ.

(Окончаніе будетъ.)

БЕЗСОННИЦА.

(Изъ Т. Лидса.)

О, счастливъ тотъ, кому въ часъ ночи сладко спится,
Кто, наработавшись и настрадавшись днемъ,
Едва успѣвъ въ постель дремотно привалиться,
Не слышитъ ничего, объятый бодрымъ сномъ!

Намъ чуждъ подобный сонъ. Болѣзненные дѣти
Болѣзненной среды, стремимся мы забыть
Въ игрѣ, за оргіей, въ театрѣ, на паркетѣ
Опутавшую насъ невзгодъ житейскихъ нить.

Когда кончаемъ мы служебныя заботы
И вялымъ мускуламъ часъ отдыха даемъ,—
Въ насъ начинается проклятая работа
Больными нервами, разстроенными днемъ.

Какъ въ трупѣ рой червей, довольныхъ тьмой угрюмой
И тишиной могилъ, спуютъ въ мозгу у насъ
И страсти пошлыя, и мелочныя думы,
Таившіяся днемъ отъ любопытныхъ глазъ.

Мозгъ тщетно просить сна, и если засыпаешь,
То только медленно. Такъ пламя ночника
То вспыхнетъ, то замретъ, и словно ожидаетъ,
Что сжалится надъ нимъ хоть чья-нибудь рука.

И воспаленный мозгъ среди подобной муки
Спасенія тоже ждетъ,—но отдохнетъ-ли онъ,
Когда свинцовыя, безтрепетныя руки
На черепъ, какъ тиски, наложить мрачный сонъ?

Не поразятъ-ли умъ чудовищныя грезы,
Которыхъ отогнать уснувшему нельзя,
Пока холодный потъ не выступитъ и слезы,
Подъ горло подступивъ, не хлынуть въ два ручья?

Какъ страшно-тягостно такое пробужденіе—
Во мракѣ, въ тишинѣ, съ тяжелой головой,
Когда намъ чудится со страху на мгновеніе,
Что пробудились мы подъ крышей гробовой.

А. Константиновъ.

ХЛѢБА И ЗРѢЛИЩЪ.

РОМАНЪ.

XVII.

Когда Викторъ Валерьяновичъ въ памятную для него ночь проводилъ отъ себя Аделаиду Александровну и снова переступилъ порогъ своей комнаты, его поразило видѣ этой комнаты. Дымъ отъ папиросъ и сигаръ еще не успѣлъ совершенно разсѣяться и висѣлъ въ воздухѣ. Подъ этой тяжелой пеленой догоравшія свѣчи мерцали тускло. На полу въ разныхъ мѣстахъ валялись окурки папиросъ, корки апельсиновъ, остатки яблочковъ и грушъ. На столахъ еще видѣлись слѣды закуски, честера и швейцарскаго сыра; пара пустыхъ бутылокъ, хрустальный кувшинъ съ остатками шампанскаго и апельсиновъ, кожица отъ винограда, выброшенная на тарелки, — все это неприятно бросалось въ глаза. Стулья стояли въ безпорядкѣ, его холостая постель, на которой часа два тому назадъ валялся кто-то изъ его пріятелей, была въ полнѣйшемъ безпорядкѣ. Запахъ въ комнатѣ былъ тяжелый, наркотическій, какъ обыкновенно бываетъ послѣ пирушки.

— Кабакъ!... оргія! прошепталъ Викторъ Валерьяновичъ съ отвращеніемъ.

Передъ нимъ вдругъ ярко представилась та минута, когда на порогѣ появилась Муратова, огорченная, взволнованная, плачущая, пришедшая, поведимому, высказать ему свое горе.

— Какой-же я мерзавецъ! Какой негодай! воскликнулъ онъ, хватая себя за голову.

Онъ бросился, не раздѣваясь, на постель, лицомъ въ подушку. Казалось, онъ хотѣлъ не видѣть этой комнаты, которая оскорбляла его эстетическое чувство, казалось, онъ боялся, что, при видѣ ея, ему представится во всей своей отвратительной наготѣ картина его недавняго проступка, проступка противъ честной женщины, довѣрчиво пришедшей къ нему, какъ къ близкому родственнику, какъ къ доброму человѣку.

— Какъ я покажусь ей на глаза? мелькало въ его головѣ. — Что я скажу ей въ свое оправданіе?.. Что я увлекся въ пьяномъ видѣ?.. Въ пьяномъ видѣ!

Ему опять стало омерзительно-гадко при воспоминаніи, что онъ дѣйствительно подъ вліяніемъ винныхъ паровъ прикоснулся губами къ губамъ этой женщины, которую до сихъ поръ онъ уважалъ, какъ вполне нравственную женщину, которую онъ любилъ чисто-родственной любовью, къ которой онъ относился, какъ къ старшей, какъ юноша къ взрослой.

Ощущенія, пробужденныя въ немъ его проступкомъ, были вообще крайне сложны. Быть можетъ, онъ не смущался-бы, если-бы онъ совершилъ то-же при болѣе изящной и красивой обстановкѣ, которая не внушала-бы омерзѣнія его эстетическому чувству. Быть можетъ, онъ не волновался-бы такъ сильно, если-бы онъ не сознавалъ, что онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, такъ-какъ тогда онъ могъ-бы сказать, что онъ дѣйствовалъ по увлеченію, по любви, по страсти, а теперь онъ говорилъ, что все это дѣлалось „съ пьяныхъ глазъ“, что это „оргія“, что это „пьяный развратъ“. Быть можетъ, онъ былъ-бы спокоенъ, если-бы то-же самое случилось въ комнатѣ Муратовой, гдѣ онъ просидѣлъ-бы часъ или два, успѣвъ объясниться и поговорить, а не въ его комнатѣ, не черезъ минуту послѣ того, какъ эта женщина довѣрчиво перешла порогъ его кабинета, такъ-какъ здѣсь онъ видѣлъ злоупотребленіе довѣріемъ, неблагородную попытку воспользоваться минутною слабостью женщины. Все это было вполне понятно, потому что съ дѣтскихъ лѣтъ въ Викторѣ Валерьяновичѣ развивали эстетическое чувство, рыцарское отношеніе къ такъ-называемымъ честнымъ женщинамъ, чувство порядочности и свѣтскихъ приличій. Товарищи давно уже называли его „красной дѣвушкой“, „рыцаремъ безъ страха и упрека“, „идеалистомъ“, „поэтической натурой“, чаще-же всего „дѣвчонкой“ и „юнцомъ“.

и знали, что нужно тщательно скрывать свои некрасивыя продѣлки для того, чтобы имѣть право называться его друзьями.

Графъ Викторъ Валерьяновичъ Баскаковъ былъ потомкомъ барскаго рода. Онъ рано остался на рукахъ матери, женщины вѣтренной, слабой, добродушной и нѣсколько сентиментальной, растратившей со своимъ мужемъ почти все свое состояніе и уничтожившей послѣ смерти мужа послѣднія крохи на домашніе концерты и спектакли, на поощреніе разныхъ художниковъ и артистовъ. Она обожала своего сынишку, гордилась его красотой, восхищалась его нѣжностью. До десяти лѣтъ онъ ходилъ болѣе на дѣвочку, чѣмъ на мальчика. Длинные вьющіеся волосы, шотландскій костюмъ съ юбкой и голыми ножонками, излишняя выхоленность организма,—все это дѣлало его похожимъ на дѣвочку. На видъ ему можно было дать не болѣе семи лѣтъ. Быть между женщинами, цѣловать у всѣхъ руки, принимать отъ всѣхъ поцѣлуи, забираться къ матери и родственницамъ на колѣни,—все это было любимымъ дѣломъ мальчугана. Изъ всей этой десятилѣтней жизни онъ вынесъ только то, что узналъ всѣ мелочныя сплетни и интриги великосвѣтскихъ женщинъ, изнѣжился, избаловался и въ то-же время пристрастился къ разнымъ эстетическимъ наслажденіямъ. На десятомъ году онъ уже участвовалъ въ домашнихъ концертахъ и позировалъ въ живыхъ картинахъ въ роли Амура, шаловливо заигрывавшаго съ какой-нибудь полуобнаженной Венерой-аристократкой.

Противъ этой системы воспитанія постоянно протестовали его дѣдъ и бабка съ отцовской стороны, и мальчикъ научился рано хитрить, хитрить чисто по-женски, держа себя довольно прилично при старикахъ. Эти старики настояли, наконецъ, на томъ, чтобы его образованіе шло не дома, а гдѣ-нибудь въ общественномъ учебномъ заведеніи. Мать рѣшилась отдать его въ пажескій корпусъ. Когда онъ поступилъ въ это учебное заведеніе, всѣхъ поразили его красивенькое личико и слабое тѣлосложеніе: онъ сдѣлался баловнемъ всѣхъ и cadaго, на него нельзя было сердиться, отъ него нельзя было многого требовать. Товарищей онъ обезоруживалъ ласкою, мягкостью, начальство—слезами. Переходъ отъ веселья къ слезамъ былъ у него такъ-же быстръ, какъ у его легкомысленной матери, отдѣлывавшейся слезами отъ всѣхъ упрековъ совѣсти за разныя совершенныя ею глупости. Мать продол-

жала баловать его и здѣсь, и Богъ знаетъ, до чего довело-бы его это баловство, если-бы она не умерла. Со смертью ея онъ попалъ подъ вліяніе своего дѣда и своей бабки.

Старый графъ Иванъ Викторовичъ Баскаковъ былъ съ головы до ногъ представителемъ стараго русскаго барства, непошрбно гордаго, но снисходительно-благосклоннаго съ низшими, богатаго и щедраго съ бѣдняками, ненуждавшася въ темныхъ финансовыхъ сдѣлкахъ и имѣвшаго возможность жить широко, не отягощая особенно сильно своихъ крестьянъ. Старикъ занималъ видное положеніе въ свѣтѣ и гордился тѣмъ, что никто изъ его предковъ не былъ измѣнникомъ родной странѣ, что никто изъ нихъ не былъ встревоженъ какимъ-нибудь бунтомъ своихъ крестьянъ, что, наконецъ, крестьяне графа Баскакова въ день своего освобожденія отъ крѣпостной зависимости скорѣе жалѣли о своемъ прежнемъ положеніи, чѣмъ радовались новому. Стихотвореніе Пушкина: „Моя родословная“ онъ называлъ „символомъ своей вѣры“. Графъ Баскаковъ съ гордостью говорилъ, что его портретъ, сдѣланный по заказу его бывшихъ крѣпостныхъ, повѣшенъ въ сельской школѣ одной изъ его деревень, что у него есть благодарственный адресъ отъ его бывшихъ крестьянъ, что многіе изъ его крестьянъ за долго до всеобщаго освобожденія были богатѣйшими купцами. Не безъ гордости фигурировалъ онъ въ качествѣ посаженаго отца на свадьбѣ одного изъ своихъ бывшихъ крѣпостныхъ, — на свадьбѣ, стоявшей шесть тысячъ и надѣлавшей шуму во всемъ Петербургѣ. Не безъ гордости принималъ онъ при своихъ высокопоставленныхъ пріятеляхъ посѣтившаго его съ почтительными поклонами одного изъ тузовъ финансоваго міра, бывшаго тоже его крѣпостнымъ. Никто не радовался такъ введенію земскаго самоуправленія, какъ онъ, хотя онъ толковалъ о какомъ-то нѣсколько иномъ строѣ этого учрежденія, чѣмъ тотъ строй, который существуетъ въ дѣйствительности. Главной его идеей было вообще стремленіе сдѣлать дворянское сословіе руководящимъ сословіемъ.

— Мы должны руководить народомъ, а не нами долженъ руководить народъ. Мы должны его поднять до себя, но не спускаться до него, говорилъ онъ.

Всегда снисходительный, любезный и утонченно-вѣжливый со всѣми, онъ держался надменно только съ выскочками или, какъ онъ выражался, съ „новоиспеченными господами, отъ которыхъ

еще пахнетъ ваксой, оставшейся у нихъ на рукахъ съ того времени, когда они чистили наши сапоги“.

— Я консерваторъ, говоритъ онъ, — потому что я думаю, что въ Россіи нужно болѣе сохранять, чѣмъ разрушать. Она еще слишкомъ бѣдна для перестроекъ и ее нужно только достраивать.

Онъ былъ горячимъ патріотомъ, но любилъ провинцію и Москву, а не Петербургъ, который называлъ не иначе, какъ „всероссійской канцеляріей“. Вслѣдствіе этого и среди литературныхъ направленій онъ особенно уважалъ славянофильство, но, съ величайшимъ уваженіемъ отзываясь объ Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ и Хомяковъ, онъ въ то-же время нисколько не сочувствовалъ той части славянофиловъ, которая ближе примыкала къ Шевыреву и Погодину, чѣмъ къ Аксаковымъ. Онъ очень любилъ французовъ, называя ихъ „живымъ народомъ“; покланялся англійскимъ учрежденіямъ, какъ прочно выработавшимъ государственный строй; презиралъ нѣмцевъ, говоря, что „нѣмецъ вовсе не выдумывалъ обезьяны, а только старался самъ сдѣлаться обезьяной и, къ несчастью, неудачно“. Вообще въ его головѣ все было ясно и опредѣленно, какъ у человѣка, неиспытывающаго ни нужды, ни лишеній, достигавшаго своихъ цѣлей безъ борьбы, безъ гоненій, безъ неудачъ, научившагося всему въ свое время, при помощи учителей, не искавшаго впрямь истины, а получавшаго ее готовою изъ книгъ, изъ учительскихъ совѣтовъ. Вслѣдствіе этого онъ никогда не спорилъ, а просто выражалъ свои мнѣнія такимъ тономъ, который не допускалъ возраженій.

Таковъ былъ старшій графъ Баскаковъ.

Его жена, графиня Ольга Васильевна Баскакова, вполне раздѣляла идеи мужа и никогда не играла въ свѣтѣ двусмысленной роли. Эта маленькая, довольно полная, всегда бодрая и оживленная старушка, одѣтая по-старомодному, просто и степенно, въ платья изъ толстаго гро-грана и въ чепцы съ густыми оборками и длинными завязками изъ толстыхъ атласныхъ лентъ, смотрѣла строго на свои супружескія и общественныя обязанности. Про нее никогда не ходило похирующихъ ее толковъ, ее никто не могъ упрекнуть, что она ведетъ себя несообразно съ своимъ положеніемъ въ обществѣ. Въ ея салонъ было не легко проникнуть людямъ, носившимъ со вчерашняго дня важныя титулы или зашибившимъ только наканунѣ миліонное состояніе, но въ ея при-

емную часто проникали бѣдняки, получавшіе отъ нея ежемѣсячныя пенсіи, на которыя ею тратился ежегодно десятокъ тысячъ рублей. Ею было не трудно завербовать въ члены какого-нибудь благотворительнаго общества, но участіе ея въ этомъ обществѣ ограничивалось только ежегоднымъ взносомъ и она не считала возможнымъ и достойнымъ для себя посѣщать эти „базары грошоваго тщеславія“, какъ она называла всевозможныя филантропическіе комитеты, гдѣ, по ея словамъ, все дѣло состояло въ томъ, чтобы „какъ можно меньше дать и заставить людей какъ можно больше говорить о дающемъ“. Она только снисходительно улыбалась, когда слышала, какъ „новыя“ благотворительницы хлопочутъ о лотереяхъ и балахъ въ пользу бѣдныхъ, и престоудшно замѣчала:

— Стара я становлюсь и, право, не знаю, зачѣмъ мы станемъ принуждать другихъ давать на бѣдныхъ то, чего мы сами не хотимъ пожертвовать на нихъ.

Дѣйствительно, она никогда не вымогала у другихъ пожертвованій на тѣхъ бѣдняковъ, въ глазахъ которыхъ ей хотѣлось быть благотворительницей. Не могла она понять и того, какъ возможно даже ради бѣдныхъ людямъ ея круга забѣгать къ какимъ-нибудь танцовщицамъ, долженствующимъ стоять у колеса аллегри, къ какимъ-нибудь каскаднымъ пѣвицамъ, долженствующимъ обезпечить сборъ въ концертъ, къ какимъ-нибудь разжившимся евреямъ, долженствующимъ ссудить деньги подъ будущую лотерею. Она внутренно смущалась, видя, какъ молодыя женщины высшаго круга пожимаютъ руки всѣмъ этимъ двусмысленнымъ, ничтожнымъ, развратнымъ или просто преступнымъ, но еще не осужденнымъ закономъ личностямъ.

— Ахъ, Боже мой, это дѣлается ради бѣдняковъ! замѣчали ей оправдывающіяся молодыя благотворительницы.

— А я все думала, что ради загребанья чужими руками жара, престоудшно замѣчала она.

Графъ и графиня Баскаковы, какъ люди, получавшіе нѣсколько десятковъ тысячъ ежегоднаго дохода, жили вполне спокойною, сытою и довольною жизнью, нѣсколько заменуто, немного скучно, сторонясь отъ новоиспеченныхъ знаменитостей, отъ биржевыхъ тузовъ, отъ іерусалимскихъ дворянъ новаго времени. Какой-то свѣтскій острякъ даже замѣтилъ, что у нихъ въ домѣ „пахнетъ въ

парадныхъ комнатахъ кладовою древностей, а въ кабинетахъ и спальняхъ деревяннымъ масломъ“. Но и у нихъ было свое горе: ихъ старшій сынъ женился противъ ихъ воли и умеръ, оставивъ послѣ себя жену и сына. Они хотѣли взять мальчика къ себѣ на воспитаніе, зная, какъ легкомысленна и вѣтрена его мать, но эта женщина воспротивилась ихъ желанію и удержала ребенка при себѣ. Она умерла, когда ребенокъ былъ уже сильно испорченъ ею и когда ея имѣніе было до конца промотано на тряпки, балы, театры и такія глупыя затѣи, на которыя можно было рѣшиться только человѣку, помѣшавшемуся отъ внутренней пустоты и скуки свѣтской жизни, недающей женщинѣ никакого дѣла. Старики горячо любили внука, и когда онъ попалъ окончательно въ ихъ домъ, они попробовали дать новое направленіе его характеру и принуждены были взять его изъ пажескаго корпуса, куда онъ былъ отданъ по ихъ-же настоянію, чтобы быть избавленнымъ отъ исключительнаго вліянія матери. Ихъ заботы о немъ выразились въ томъ, что ему старались дать тщательное домашнее образованіе, что его стали охранять отъ всякихъ вліяній разгульныхъ товарищей, что изъ него хотѣли создать достойнаго носителя фамиліи Баскаковыхъ. Главный его гувернеръ, швейцарецъ Лефрансе, развивалъ изъ ребенка, согласно желанію старика Баскакова, истаго спартамца и рыцаря, стараясь истребить слѣды его женственной, восточной нѣги. Мальчикъ долженъ былъ привыкать къ простотѣ. Онъ просто одѣвался, спалъ на жесткой постели; въ его комнатѣ не было лишнихъ украшеній; его желѣзная кровать, его кожаная мебель, его незатѣйливый письменный столъ, — все это было крайне просто; при немъ находился дядька изъ заслуженныхъ гвардейскихъ солдатъ, учившій его маршировкѣ и ружейнымъ приѣмамъ; его никто изъ прислуги не называлъ „его сіятельствомъ“. Старикъ графъ, любившій по-своему народъ и считавшій дворянъ естественными руководителями народа, стремился, чтобы его внукъ познакомился съ народомъ, и лѣтомъ, живя въ деревнѣ, пробуждалъ въ юношѣ интересъ къ жизни мужиковъ, зимою-же отправлялъ его вмѣстѣ съ Лефрансе къ тѣмъ бѣднякамъ, которые обращались съ просьбами къ самому старому графу или къ старухѣ-графинѣ. Такимъ образомъ, Викторъ очень рано могъ увидать, какъ живутъ бѣдняки, и задуматься о томъ, почему они такъ живутъ, гдѣ средства помочь

имъ. Отвѣты на эти вопросы находились у старика графа и у старухи графини.

— Мы должны стараться быть развитыми людьми, запастись знаніями, чтобы просвѣщать темную массу, говорилъ графъ въ своемъ кругу. — Народъ бѣденъ потому, что онъ невѣжественъ и не имѣетъ образованныхъ руководителей.

— Мы обязаны употреблять наши матеріальныя средства на разумную помощь бѣднякамъ, говорила графиня, окруженная своей многочисленной семьей. — Всѣ нынѣшнія благотворительныя общества не ведутъ ни къ чему, потому что въ нихъ люди больше шумятъ о своей добродѣтели, чѣмъ жертвуютъ. Они на какихъ-нибудь лотереяхъ обманутъ сотни бѣдныхъ невѣждъ, чтобы дать другимъ десяти бѣднымъ невѣждамъ какой-нибудь грошъ, не улучшающій ихъ положенія.

Рядомъ съ этижъ и дѣдъ, и бабка развивали въ немъ семейную гордость и кастовое самолюбіе. Онъ постоянно слышалъ, что графы Баскаковы не смѣшивали своей крови съ кѣмъ попало, что графы Баскаковы умѣли дорожить своимъ общественнымъ положеніемъ, что графы Баскаковы только потому и имѣютъ значеніе и богатство, что они не дѣлали никакихъ faux pas, никакихъ mésalliances, никакихъ extravagances.

— Кто хочетъ приносить пользу своей родинѣ, кто хочетъ поднять благосостояніе народа, тотъ долженъ стоять высоко и не спускаться до той грязи, въ которой вязнутъ низшіе классы, нерѣдко говорилъ старый графъ во время семейныхъ обѣдовъ, гдѣ онъ игралъ роль предсѣдателя и отчасти проповѣдника. — Народъ не слушаетъ и не уважаетъ тѣхъ баръ, которые ни съ того, ни съ сего якшаются съ нимъ. Наконецъ, всѣ эти сближенія у насъ тѣмъ опаснѣе, что мы еще далеко не проникнуты насковозь, не преобразены цивилизаціей; мы какъ только спустимся до народа, такъ тотчасъ-же заражаемся всѣми его недостатками, не прививая въ то-же время къ нему никакихъ достоинствъ.

Графъ мѣтко отыскивалъ примѣры: онъ указывалъ на тѣ княжескіе и графскіе захудалые роды, представители которыхъ теперь пашутъ землю, находятся въ невѣжествѣ, живутъ въ грязи; онъ приводилъ рассказы о нѣкоторыхъ славянофилахъ-народникахъ, которые, якшаясь съ народомъ, не сдѣлали ничего для народа, а сами превратились въ пьяницъ, въ кабаčnýchъ засѣдате-

лей и въ крайне узкихъ по кругозору людей. Какъ человѣкъ, хорошо знавшій Россію, какъ личность, слѣдившая за русской и европейскими литературами, графъ могъ всегда указывать на яркіе примѣры для подтвержденія своихъ идей. Сами эти идеи были не просто вычитанными, предвзятыми; онѣ сложились также подъ вліяніемъ жизни, наблюденій; если его выводы и были ложны, то не вслѣдствіе недобросовѣстности и стремленія подтасовать факты, а потому-же, почему два вполне добросовѣстные наблюдателя могутъ въ одно и то-же время подмѣтить совершенно различныя стороны въ одномъ и томъ-же явленіи.

Но старики такъ сильно и много хлопотали о маленькомъ Викторѣ, что всѣ остальные члены семьи, даже и внучата стариковъ, стали ревновать послѣднихъ къ мальчугану и, въ сущности, ненавидѣли его. Въ семьѣ за нимъ осталось прозвище „лисички“. Мальчикъ понялъ очень рано вражду своихъ дядюшекъ и тетюшекъ, кузеновъ и кузинъ, и, научившись еще раньше, въ домѣ матери, лгать и хитрить, игралъ свою роль отлично. Онъ исполнялъ волю дѣда и бабуки и зналъ, что этимъ онъ приобретаетъ такихъ союзниковъ, противъ которыхъ ничтожна сила всѣхъ соединившихся противъ него родныхъ. Старики по самому складу своихъ характеровъ и возрѣній были деспоты, благосклонные и правосудные, но все-же деспоты, недопускавшіе вмѣшательства въ управленіе семейными дѣлами.

Подъ вліяніемъ такихъ условій Викторъ выросъ скромнымъ, серьезнымъ и очень прилежнымъ юношею, обладавшимъ довольно большимъ запасомъ знаній. Онъ поступилъ въ университетъ такъ рано, какъ можетъ поступить туда только человѣкъ съ сильными связями; онъ блистательно и быстро окончилъ тамъ курсъ, какъ можетъ это сдѣлать только человѣкъ, имѣющій возможность пользоваться за большія деньги частными уроками всѣхъ своихъ профессоровъ; онъ тотчасъ-же по выходѣ изъ университета былъ опредѣленъ въ полкъ. Старикъ дѣдъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы его внукъ былъ военнымъ, какъ всѣ графы Баскаковы, и притомъ ученымъ военнымъ, академикомъ. Если что-нибудь и огорчало стариковъ, такъ это то, что Викторъ остался очень невысокъ роста, имѣлъ женоподобное лицо и отличался слабымъ тѣлосложеніемъ, хотя и былъ здоровъ. Но если-бы старики могли заглянуть поглубже въ душу этого слабого человѣчка, они огорчились-

бы гораздо болѣе. Въ сущности фразы, наставленія и уроки стариковъ не могли никогда убить въ мальчикѣ воспоминаній о прелестяхъ распущенной, полной нѣги, избытующей сладостными ласками жизни въ домѣ его матери. „Онъ, какъ говоритъ одинъ французскій поэтъ, — слишкомъ рано научился ощущать сквозь платье прелесть женскаго тѣла“. Онъ слишкомъ рано посмотрѣлся на красоту, полюбилъ эстетическія наслажденія, понялъ грацію балетныхъ танцовщицъ, изучилъ прелесть формъ великихъ произведеній скульптуры и не могъ сдѣлаться тѣмъ спартанцемъ, котораго думали приготовить изъ него дѣдъ и бабка. Правда, онъ не былъ ни кутилой, ни развратникомъ, но, можетъ быть, это случилось потому, что дѣдъ и бабка давали ему очень мало денегъ, да еще потому, что въ немъ слишкомъ сильно развилось эстетическое чувство. Ему была гадка всякая грязь, всякая рѣзкость формъ, движеній и фразъ, всякая разнузданность кутежей. Иногда, задумываясь о своемъ будущемъ, онъ мечталъ о женѣ-красавицѣ съ плавными и граціозными движеніями, съ долей восточной лѣни, съ медленными и продолжительными ласками.

Въ то время, когда мы застаемъ графа Виктора Валерьяновича Баскакова у Муратовыхъ, онъ только-что надѣлъ офицерскіе эполеты послѣ недолгаго пребыванія въ юнкерахъ. Его полкъ стоялъ въ окрестностяхъ Петербурга и онъ не жилъ въ столицѣ, а только пріѣзжалъ сюда на три, на четыре дня въ недѣлю. Старики Баскаковы проводили послѣднія двѣ зимы за-границей почти со всею своею семьею, такъ-какъ старуха-графиня была больна, и Виктору Валерьяновичу приходилось проводить дни одному въ своемъ огромномъ домѣ. Правда, въ этомъ домѣ оставался со своею многочисленною семьею одинъ изъ сыновей старика Баскакова, но эта семья относилась крайне холодно къ Виктору, и ему, жаждавшему ласкъ и привѣта нѣженкѣ, было не по-себѣ въ этой семьѣ. Его тяготило такое положеніе и онъ охотно согласился на предложеніе Аркадія Павловича бросить старый домъ и пріѣзжать на временные ночлеги въ квартиру Муратовыхъ. Аркадій Павловичъ пригласилъ къ себѣ своего родственника не безъ задней мысли: онъ очень хорошо понималъ, что было не безвыгодно какъ можно тѣснѣе сблизиться съ этимъ юношею, внукомъ и главнымъ наслѣдникомъ стараго миліонера. Бабка Виктора Валерьяновича, узнавъ за-границей, что ея внукъ, пріѣзжая въ Пе-

тербургъ, останавливается у Муратовыхъ, была тоже рада: она видѣла, какъ былъ скромнѣе Аркадій Павловичъ въ ея домѣ во дни своего юношества, она полюбила Аделаиду Александровну, видя въ ней симпатичную, строгую и добрую женщину. Викторъ Валерьяновичъ, выглядѣвшій почти мальчикомъ, здоровенькій, румяный, стройный, жилъ у своихъ родственниковъ такъ-же просто, какъ въ своемъ громадномъ домѣ, т. е. занималъ одну комнату съ простенькой обстановкой, безъ претензій. Для болѣе роскошной обстановки ему не давали средствъ. Тотчасъ послѣ его поступленія въ полкъ около него начали вертѣться десятки пріятелей, понимавшихъ, что не безвыгодно прибрать къ рукамъ будущаго богача, но ему какъ-то удалось стать въ сторонѣ отъ нихъ. Онъ презиралъ ихъ въ душѣ: во-первыхъ, они были слишкомъ открыто разнузданны и развратны, а къ такимъ людямъ онъ научился питать отвращеніе въ домѣ матери, гдѣ и самый порокъ долженъ былъ принимать изящную форму, во-вторыхъ-же, онъ глядѣлъ на нихъ свысока, наслушавшись въ домѣ дѣда о значеніи рода графовъ Баскаковыхъ и о томъ, какъ должны держать себя истинные баре, чтобы поддержать свое достоинство. Его возмущали толки о томъ, что такого-то изъ его пріятелей держать въ рукахъ и даже бить по щекамъ такая-то танцовщица, незаконная дочь отставного унтеръ-офицера и прачки, или что такой-то его товарищъ дежуритъ у театра Берга, чтобы заслужить благосклонное вниманіе отъ какой-то каскадной пѣвицы, оказывающей безъ разбора свое вниманіе каждому изъ собратьевъ-пѣвцовъ и танцовщиковъ. Ему казалась омерзительною эта грязь, но не потому, что онъ ненавидѣлъ порокъ, а потому, что онъ ненавидѣлъ грязь. Только иногда, чтобы не прослыть скупцомъ, онъ предлагалъ къ услугамъ пріятелей свой кошелекъ или снисходилъ на ихъ просьбы угостить ихъ.

— Сегодня товарищи пригласили себя ко мнѣ, смѣялся онъ иногда Муратовымъ, говоря, что у него будутъ вечеромъ гости.

Одинъ изъ такихъ вечеровъ съ гостями былъ именно въ то время, когда намъ впервые пришлось познакомиться съ Викторомъ Валерьяновичемъ.

Ему было стыдно за себя, ему было гадко вспомнить всѣ событія этого вечера: онъ чувствовалъ, что онъ сдѣлалъ непоправимую подлость. Онъ не могъ оправдать себя въ своихъ глазахъ

тѣмъ, что онъ страстно любилъ Аделаиду Александровну. Этой страсти она не пробуждала въ немъ и прежде, не пробуждала и теперь. Обдумывая свое положеніе, онъ рѣшился на другой день уѣхать рано утромъ въ полкъ, потомъ переселиться въ свой пустынный и скучный домъ, несмотря на то, что тамъ было не уютно, что тамъ жила семья нелюбимаго дяди. Онъ вернулся изъ полка только на слѣдующій день и не безъ страха вступилъ въ квартиру Муратовыхъ, боясь встрѣчи и объясненія съ Аделаидою Александровной. Рѣзкія объясненія съ глазу на глазъ съ кѣмъ-бы то ни было были не въ его характерѣ. Ему было легче втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ жать ежедневно руку подлецу, чѣмъ разъ навсегда сказать въ глаза этому человѣку, что онъ считаетъ его негодяемъ и прерываетъ съ нимъ сношенія. Какъ на зло, первое лицо, которое онъ встрѣтилъ въ домѣ Муратовыхъ, когда лакей отперъ ему двери, была Аделаида Александровна. Викторъ Валерьяновичъ покраснѣлъ, какъ школьникъ, и ждалъ увидѣть суровое лицо. Но Аделаида Александровна быстро протянула ему обѣ руки и почти вскрикнула:

— Викторъ, какъ можно такъ неожиданно пропадать! Я думала, что съ тобой Богъ знаетъ что случилось!

Викторъ Валерьяновичъ остолбенѣлъ.

— Пойдемъ ко мнѣ! проговорила она.

Онъ покорно пошелъ за нею въ ея будуаръ. Онъ имѣлъ видъ провинившагося и трусливаго ребенка.

— Милый, не грѣхъ-ли тебѣ оставлять меня одну? прошептала она, припавъ къ нему на грудь.

Онъ былъ ошеломленъ. Онъ не зналъ, что дѣлать. Она любила его, теперь онъ понималъ это. Какъ-же сказать ей, что она ошибается въ его чувствахъ относительно ея? Какъ оттолкнуть, оскорбить ее въ эту минуту, сказавъ, что ихъ первое любовное объясненіе было слѣдствіемъ его увлеченія подъ вліяніемъ лишняго стакана шампанскаго, подъ вліяніемъ минутнаго возбужденія? Какъ сказать ей, что онъ отнесся къ ней въ тотъ вечеръ, какъ къ падшей женщинѣ, какъ негодяй? Викторъ Валерьяновичъ терялъ голову, а она обнимала его, цѣловала его руки. Она и плакала, и смѣялась. Ему было и жаль ее, и въ то-же время такъ сладко чувствовать ея ласки. Его впервые такъ ласкала женщина. Ему оставалось только отдаться этимъ ласкамъ. Онъ

думалъ, что надо будетъ выяснитъ ихъ отношенія мало-по-малу, когда-нибудь, послѣ. Теперь-же онъ не безъ наслажденія цѣловалъ эти мягкія, граціозныя руки и склонялъ курчавую голову на эту горячую грудь.

Аделаида Александровна была вполнѣ счастлива. Подъ вліяніемъ этого радужнаго настроенія она отправила лакея съ письмомъ къ Лыткинымъ. Еще такъ недавно послѣ непріятной сцены съ мужемъ, она досадовала, что на свѣтѣ есть счастливые люди; теперь ей хотѣлось осчастливить всѣхъ и каждого. Ея душа была похожа на море, которое воетъ и стонетъ подъ вліяніемъ непогоды и блещетъ и нѣжится въ ясный солнечный день. Стать выше окружающихъ обстоятельствъ, управлять этими обстоятельствами— на это у нея никогда не хватало ни силъ, ни умѣнья.

XVIII.

— Лыткина, Дарья Андреевна, здѣсь живетъ?

Этотъ вопросъ былъ сдѣланъ лакеемъ, появившимся въ дверяхъ жилища Лыткиныхъ съ большимъ узломъ и письмомъ въ рукахъ.

— Это я, отвѣтила Даша.

— Вотъ вамъ прислали отъ госпожи Муратовой, сказалъ лакей, подавая письмо и узелъ.

— Хорошо... благодарите! конфузливо произнесла молодая дѣвушка, видя, что лакей оглядываетъ безцеремоннымъ и презрительнымъ взглядомъ ихъ жилище.—Я отвѣчу послѣ...

Лакей, не поклонившись, вышелъ вонъ. Даша поспѣшно распечатала письмо. Аделаида Александровна приглашала молодую дѣвушку скорѣй занять мѣсто и посылала необходимыя ей вещи. Даша еще стояла съ опущенными руками, дочитавъ коротенькую записочку и не замѣчая, что мать уже разсматриваетъ, что находится въ узлѣ, когда въ комнату шумно влетѣла Марья Егоровна.

— Ты чего-же это вчера-то не пришла? А? крикнула она племянницѣ, ни съ кѣмъ не здороваясь и вся раскраснѣвшаяся отъ гнѣва. — Купецъ у меня былъ, видѣлъ онъ разъ тебя на улицѣ, хотѣлъ познакомиться... А ты что?.. Ты на благородныхъ

людей плюешь?.. Да что это у васъ? Откуда раздобыли? вдругъ обратилась она къ старухѣ Лыткиной, увидавъ узелъ съ платьями и бѣльемъ.— Ужь не подцѣпили-ли кого безъ меня? Отъ васъ всего жди!

— Я на мѣсто поступаю, сухо отвѣтила Даша.

— Вотъ тебѣ и на! Къ кому это? изумилась Марья Егоровна, разводя руками.

— Къ Аделаидѣ Александровнѣ Муратовой, сказала Даша.

— Къ Муратихѣ?.. Ну, мѣсто! всплеснула руками Марья Егоровна и залилась громкимъ, пошлымъ смѣхомъ.

— Вы развѣ ее знаете? съ удивленіемъ спросила Даша.

— Я-то? Да кого-же это я въ Петербургѣ не знаю? Слава-богу, ноги-то еще кормятъ, вездѣ пороги-то обиваю, мотнула головой Коптяева, надвигая съ затылка свалившуюся шляпку. — Муратиха и по сейчасъ десять рублей за кружева мнѣ должна. Голь, какъ есть, голь перекатная!

— Что это вы, сестрица, говорите о такой-то особѣ! Благодарѣтельница наша она, вотъ что, благодарѣтельница! воскликнула жалобнымъ тономъ старуха Лыткина, качая головой.

— Благодарѣтельница! съ ироніей повторила Марья Егоровна. — Знаемъ мы ихъ! Людишкамъ-то своимъ лучше-бы жалованье за шесть мѣсяцевъ отдала!.. Благодарѣтельница! Да она сама скоро въ трубу вылетитъ!.. Имѣніе-то заложено да и перезаложено, мужъ что получаетъ, то за одну квартиру приходится платить; чтобы поѣсть, такъ весь Петербургъ обѣгаютъ, добывая денегъ въ долгъ; должники-то отъ дверей не отходятъ.

Марья Егоровна, несмотря на то, что давала деньги въ долгъ и стремилась отѣрнуть гласную кассу ссудъ, никакъ не могла привыкнуть къ тому, что дающій въ долгъ деньги называется не должникомъ, а кредиторомъ.

— Ну, мать моя, поправисья изъ кулька въ рогожку, поступивъ къ ней! Нечего сказать, нашла мѣсто! продолжала она сердито. — Муратиха-то сама норовитъ съ кого-бы содрать. Вотъ они пожертванія въ пользу бѣдныхъ собирали; купцы кто вещами, кто матеріями жертвовали; такъ она въ это время руки нагрѣвала. Базаръ это былъ у нихъ устроенъ, распродавали, значить, вещи, такъ она цѣны-то курамъ на смѣхъ поставила да сама все лучшее за безцѣновъ и купила, а потомъ черезъ меня-же съ бары-

шемъ и продавала. Да что говорить, ничѣмъ не брезгаетъ!.. А ты лучше-бы меня слушалась. Пришла-бы вчера ко мнѣ, такъ и познакомилась-бы съ этимъ самымъ купцомъ, который ради тебя и ко мнѣ приходилъ... Богачъ, богачъ, какъ есть, не лькомъ шитый, какъ эти Муратовы-то твои... Ничего-бы для тебя не пожалѣлъ... „Ты, говоритъ мнѣ, познакомь меня, а я тебѣ на обозведеніе этой кассы гласной сужу“... Вѣдь ты пойми, что если это онъ мнѣ за тебя обѣщаетъ, то что-же для тебя-то сдѣлалъ-бы, какъ его обвинчали-бы... Ему деньги что? Наплевать да растереть!.. Ему денегъ-то не жаль,—не свои; сегодня бросить ихъ, завтра покупателей обдуетъ вдвое того. Это у него колесомъ все идетъ, колесомъ... А ты къ Муратихѣ на мѣсто! Придумала!..

Даша молчала, опустивъ руки и голову.

— А ты вотъ что сдѣлай: возьми ты эти самыя вещи себѣ, а ей напиши, что раздумала... Вещи ничего, хорошия.

Марья Егоровна торопливо начала рыться въ узлѣ и разсматривать платья.

— Вотъ это тебѣ къ лицу будетъ, говорила она, вытащивъ одно платье.—Пріодѣнься въ него и приходи ко мнѣ. Купцу еще больше понравилась. Извѣстно, въ нарядѣ чловѣкъ красивѣе... Примѣрь-ка...

Даша едва замѣтно махнула рукой.

— Оставьте, глухо проговорила она.—Сказала я, что иду на мѣсто, и пойду... Богъ съ ними, съ вашими купцами... Не продажная я...

— Ахъ, ты Господи, фря какая! развела руками Марья Егоровна. — Не продажная! Да были мы и получше тебя, а шли, куда нужда гнала! Диво какое! Не все равно, такъ-ли кому на шею броситься, изъ-за денегъ-ли замужъ выйти! Дѣти-то одинаковыя будутъ, не объ двухъ головахъ!

Даша съ отвращеніемъ отвернулась отъ тетки.

— Намъ надо продать кое-что изъ присланнаго, обратилась она къ матери. — а то вѣдь ни у меня ни копейки на первое время не будетъ, ни у васъ... Вотъ это платье получше, возьмите его и снесите...

Даша выбрала изъ трехъ присланныхъ ей платьевъ лучшее и подала матери.

— Ты стой! сердито остановила ее тетка. — Сердиться-бы

миѣ на тебя нужно, да плюнуть на всю вашу семью. Да я не такая! Покажи платье-то, можетъ, я куплю. Все дороже дамъ, чѣмъ на рынѣѣ.

Коптяева быстро выхватила платье изъ рукъ старухи Лыткиной и начала его поворачивать во всѣ стороны.

— Не муратихино, не муратихино! воскликнула она. — Муратиха и ниже, и толще... Такъ я и знала, что изъ чужого благодѣтельствуешь... Всѣ онѣ такія!.. И гдѣ я это платье видѣла, Господи ты Боже мой!.. Вотъ ужъ не припомню, хоть убей. не припомню!.. А видѣла, видѣла своими глазами... Платье ничего... Сколько возьмете?..

— Да развѣ мы, сестрица, знаемъ? робко начала старуха Лыткина. — Мы этакихъ-то вещей, почитай-что, пять лѣтъ и за сто шаговъ не видали... Ей-богу!.. Ужъ гдѣ намъ, въ помраченіи живемъ!.. Гдѣ намъ, Владычица Пресвятая Богородица, упованіе наше и покровъ!

Старуха заморгала глазами и обратила лицо куда-то въ уголь, гдѣ чернѣло что-то, должно быть, образъ.

— Что-жь, товаръ вашъ, не миѣ назначать цѣну, проговорила Марья Егоровна, рассматривая подолъ платья, чтобы убѣдиться, что онъ не обился.

— Шнуркомъ, а не тесьмой обшить, непремѣнно французинка дѣлала, пробормотала она, — русскія все больше тесьмой нынче обшиваютъ...

— Да полноте ломаться-то, съ горечью замѣтила Даша, — вѣдь вы очень хорошо знаете, что мы всякой цѣнѣ будемъ рады...

— Ахъ, мать моя, да не стапу-же я такъ зря деньги бросать, воскликнула Коптяева. — Ты вонъ голодна, боса, такъ и не знаешь, чего деньги-то стоятъ. А я-то ихъ наживала, такъ знаю имъ цѣну. Ты вонъ говоришь: „Я не продажная“. Нѣтъ, а ты прежде продай себя, тогда и узнаешь, чего деньги стоятъ. Тебѣ деньги что? Такъ, бумажки какія-то! А миѣ каждая эта бумажка, можетъ быть, сотня грѣховъ... Да что грѣхи! Бывало и хуже, что бумажка-то и синяковъ стоила... Трепали, мать моя, трепали на вѣку-то... Ишь ты, подъ мышечками-то подушечки елеенчатныя, а пропотѣло, съ сожалѣніемъ покачала она головой, увидавъ на лифѣ платья около рукавовъ слѣды отъ пота.

— Не задерживайте вы мать: скажите, сколько дадите; или она понесетъ платье на рынокъ, сказала Даша, теряя терпѣніе.

— Ну, загорѣлось! сердито проговорила Марья Егоровна. — Восемь рублей вы хотите?

— Чего вы спрашиваете!.. Давайте, намъ деньги нужны, отвѣтила Даша.

— Да ты не торопи меня! отстранила ее Марья Егоровна, смущенная неожиданнымъ согласіемъ Даши взять предложенную цѣну. — Не сбивай!.. Дай-ка я еще посмотрю.

Она стала снова осматривать платье и покачала головой.

— Нѣтъ, восьми я не дамъ! Семь берите! проговорила она.

— Что-же это вы, сестрица голубушка, въ самоѣ дѣлѣ, надъ нами издѣваетесь! жалобно заговорила старуха Лыткина. — Я ужъ лучше жидовку позову, право!.. Вѣдь не знаю я цѣны этимъ вещамъ, не знаю, и грѣха этого на душу не беру, а все-же понимаю, что и жидовка больше дастъ, не въ примѣръ больше...

— Жидовка, жидовка! передразнила ее Марья Егоровна. — Да гдѣ вы жидовку-то возьмете? Теперь у нихъ праздникъ. Ну, несите на рынокъ, — кто тамъ-то купить? Жидовскій-то рядъ запертъ, а кромѣ жидовокъ кто купить?

— Грѣхъ вамъ пользоваться... плаксиво начала старуха Лыткина, но Даша перебила ее.

— Оставьте!.. Я совсѣмъ не стану его продавать, а заложу сейчасъ, проговорила она.

— Ну, ну, чего пѣтушишься! поспѣшно остановила ее тетка. — Хорошо, ужъ такъ и быть, по-родственному восемь дамъ...

Она быстро завладѣла платьемъ и начала его свертывать. Завязавъ его въ платокъ, она отвернулась въ уголъ, отыскала подъ платьемъ и юбкою прикрѣпленный къ тальѣ почти на голомъ тѣлѣ подвальной карманъ, вытащила оттуда небольшой засаленный замшевый кошелекъ съ позеленѣвшимъ мѣднымъ замкомъ, отодвинула обкусаннымъ ногтемъ задвижку замка и начала отсчитывать деньги.

— Вотъ, отрывисто проговорила она, подавая засаленныя бумажки и грязныя серебряныя монеты, пахнувшія и лукомъ, и седедками, побывавшія Богъ знаетъ въ какихъ рукахъ.

— Что-же это, сестрица, тутъ только семь рублей семьдесятъ копеекъ, проговорила въ недоумѣніи старуха Лыткина.

— Довольно, довольно! торопливо отвѣтила Коптяева, махая рукой.— Все равно, когда-нибудь у меня-же занимать будете.

Она торопливо опять отвернулась въ уголъ, опять подняла платье и юбку и спрятала кошелекъ.

— Ну съ Богомъ, съ Богомъ, ступай на мѣсто! обратилась она къ племянницѣ, намѣреваясь уйти. — Живи съ моею легкой руки!.. Какъ-нибудь навѣдаюсь... Все равно за долгомъ нужно будетъ идти туда...

Она распрощалась съ родственницами и пошла.

— А коли о купцѣ надумаешься, такъ скажи, обернулась она съ порога.— Онъ такой человекъ, что всегда способенъ оболтаться, его только подпой.

Даша, не слушая ее, торопливо готовилась оставить родной уголъ. Она стала поспѣшно одѣваться. Присланное ей платье оказалось ей впору, хотя и было нѣсколько узко въ тальѣ и слишкомъ длинно. Молодая дѣвушка была уже одѣта, когда она вспомнила, что ей, въ сущности, нельзя идти, такъ-какъ у нея не было верхней теплой одежды. Аделаида Александровна прислала только платья, воротнички да нарукавнички, но не доставила ничего болѣе существеннаго. Дашѣ пришлось опять занимать бурнусъ.

— Я его пришлю завтра, сказала она матери.— Вы за нимъ не ходите...

Ей было совѣстно, что мать придетъ въ своихъ лохмотьяхъ въ домъ Муратовой на посмѣшище прислуги.

— Ужь гдѣ мнѣ въ такой домъ идти, гдѣ мнѣ! проговорила старуха Лыткина и побѣжала мелкими шажками доставать бурнусъ.

— Вотъ, голубчикъ, и уйду я отъ васъ, промолвила Даша, цѣлуя брата.— Будь умнымъ, не шали... Милый ты мой, ужъ какъ мнѣ тебя жаль!

— Я къ тебѣ прибѣгу! проговорилъ братишка.

— Что ты, что ты! Тебя и не впускать туда! воскликнула сестра.— Сама вырвусь къ вамъ какъ-нибудь надняхъ.

Она едва сдерживала слезы.

Какъ-то лихорадочно-тревожно вырывалась она изъ своего подвала, безъ всякихъ свѣтлыхъ надеждъ, безъ всякихъ грезъ о лучшемъ будущемъ. Она, кажется, хотѣла попробовать пожить въ чужомъ домѣ на мѣстѣ только для успокоения своей совѣсти, почти не надѣясь, что изъ этого выйдетъ какой-нибудь толкъ. Она боя-

лась, что если она не попробуетъ послужить на предложенномъ ей мѣстѣ, то ее будетъ послѣ мучить раскаяніе. что она отказалась отъ этого средства спасти свою семью.

— Отца удержите, чтобы не ходилъ ко мнѣ... А то опять изъ-за него выгонять, говорила она, цѣлуя мать и брата.

XIV.

„Что-то ждетъ меня тамъ, на новомъ мѣстѣ? думала Даша, робко подходя къ дверямъ квартиры Муратовыхъ. — Ну, да хуже не будетъ, чѣмъ было... Только-бы брата пристроить въ гимназію, а о себѣ нечего думать!“

Она тихо позвонила. Лакей отворилъ дверь. Она попросила сказать о своемъ приходѣ. Даша не смѣла переступить порогъ. Ей было и стыдно, и страшно. Ей казалось, что лакей смотритъ на нее съ презрѣніемъ и насмѣшкою, что онъ сразу узналъ, что на ней надѣта чужая, только-что недавно принесенная имъ одежда.

— Лыткина пришла, доложилъ лакей, входя въ будуаръ Аделаиды Александровны.

— Проси ее сюда! отвѣтила Муратова.

Она полулежала на кушеткѣ. Около нея на креслѣ сидѣлъ Викторъ. Они болтали о разныхъ пустякахъ. Аделаида Александровна вся находилась подъ впечатлѣніемъ сладкаго для нея объясненія съ Викторомъ и была счастлива. Она забыла и мужа, и барона, и долги, и была способна быть любезною и доброю съ каждымъ встрѣчнымъ, какъ человекъ съ здоровымъ желудкомъ, только-что кончившій вкусный обѣдъ съ тонкими винами. Въ такія минуты, какъ извѣстно, люди чувствуютъ, что они братья всѣмъ и каждому, и великому генію, и послѣднему пройдохѣ, и такъ широко открываютъ объятія, точно хотятъ заключить въ нихъ весь міръ. Въ такія минуты люди, и особенно русскіе люди, обыкновенно цѣлуются — цѣлуются даже съ врагами, не опасаясь за цѣлость своихъ носовъ. Даша не смѣло вошла въ комнату.

— А вотъ и вы, мой другъ! привѣтствовала ее хозяйка. — Очень рада, что вы такъ акуратны. Дай Богъ намъ долго жить вмѣстѣ.

Викторъ Валерьяновичъ смотрѣлъ не безъ удивленія на Дашу,

не зная, кто эта посѣтительница. Его, какъ художника въ душѣ, поразила наружность молодой дѣвушки. Довольно высокая, стройная Даша сразу обращала на себя вниманіе своими глазами и волосами. Ея волосы вились отъ природы отъ самаго корня и были совершенно свѣтлы, безъ малѣйшей желтизны. Если-бы такіе свѣтло-пепельные волосы кто-нибудь встрѣтилъ въ великосвѣтскомъ салонѣ, то непременно заключилъ-бы, что они выкрашены и завиты искусственно. Эта мысль могла-бы возникнуть тѣмъ болѣе, что у молодой дѣвушки были темныя брови и темносѣрые глаза, казавшіеся необычайно глубокими и блестящими, потому что они отдѣнялись длинными, темными рѣсницами и нѣсколько темной кожей вѣкъ. Казалось, что и эти вѣки, и эти рѣсницы были тоже подкрашены. Все это бросалось въ глаза тѣмъ ярче, чѣмъ бѣлѣе была нѣжная кожа ея лица. Это была красота, но не деревенская, здоровая и полнокровная красота, а красота столичная, напоминавшая о недостаткѣ воздуха и малокровіи. Не ускользнуло отъ вниманія Виктора и то, что у дѣвушки былъ чисто-античный профиль, не особенно большой гладкій лобъ, довольно длинный и совершенно правильный прямой носъ, довольно полныя, хотя нѣсколько блѣдныя губы и большой крайне красивый, рѣзко очерченный подбородокъ. Эта красота теперь являлась въ полномъ блескѣ, такъ-какъ Даша не была уже съ подвязанной щекой, не была уже въ лохмотьяхъ. Гладкій и нѣсколько тѣсный лифъ хорошо сшитаго темнокоричневаго платья плотно охватывалъ ея дѣвственно-прекрасныя формы плечъ, рукъ и груди.

— Elle est charmante! невольно произнесла Муратова, окинувъ ее глазами.

Ее даже нѣсколько удивила красота Даши: въ полутѣмѣ подвала, съ подвязанной щекой Даша вовсе не показалась Муратовой красавицею.

— Кто это? тихо спросилъ Викторъ Валерьяновичъ по-французски.

— Это моя новая protégée, отвѣтила по-французски-же Муратова. — Она дочь чиновника. Отецъ какой-то пьяница, мать—совсѣмъ тупое созданіе. Бѣдность ужасающая. Я просто была потрясена, когда была у нихъ. Описывать это нѣтъ никакой возможности. Это надо видѣть, чтобы понять... Они подавали прошеніе въ наше общество.

— Ну и что-же? горячо спросилъ Викторъ Валерьяновичъ.

— Что? Ты знаешь наши глушыя филантропическія общества. Барыни въ брилліантахъ, въ браслетахъ, въ бархатѣ толкують и спорять по цѣлымъ часамъ, откуда достать три рубля для бѣдняковъ! Эти госпожи вѣдь не то, что твоя бабка, это гнусныя лицемерки, тупыя до того, что не могутъ понять, что однѣ ихъ брилліантовныя серьги стоятъ болѣе, чѣмъ весь ежегодный доходъ ихъ общества. Онѣ мнѣ противны.

— Но вы что-нибудь сдѣлаете для нея?

— Беру ее къ себѣ. Она швея. Заработаетъ что-нибудь... Да, кстати: вы умѣете шить и бѣлье? обратилась по-русски Муратова къ Дашѣ.

Даша была смущена. Она понимала все, что говорилось про нее.

— Да, я шью бѣлье, отвѣтила она.

— Вотъ ты, если понадобится, дай ей работу, это все-же увеличить ея заработки, обратилась Аделаида Александровна къ Виктору Валерьяновичу по-французски.

Даша опять смутилась. Викторъ Валерьяновичъ чутьемъ угадалъ, что она понимаетъ ихъ разговоръ.

— Ну... она такъ молода, смущенно отвѣтилъ онъ.

— Такъ что-же? изумилась Муратова.

— Мнѣ было-бы неловко, пояснилъ онъ, краснѣя, и перемѣнилъ разговоръ.—Надо какъ-нибудь иначе... полюбѣ помочь этой сестрѣ, проговорилъ онъ.

Даша покраснѣла.

— Я готова все, все дѣлать, тихо сказала она, — только-бы спасти брата.

— Ахъ, да, у нея есть братишка. Спаси его, дать ему образованіе, это ея *idée fixe*, какъ кажется...

Викторъ Валерьяновичъ задумался. Онъ уже не впервые стоялъ лицомъ къ лицу съ потрясающею бѣдностью, но впервые онъ видѣлъ среди нищеты подобную красоту.

— Вы будете жить у меня въ маленькой комнаткѣ, обратилась Муратова къ Дашѣ.— Помѣщенія болѣе удобнаго я покуда не могу дать... Но вы будете работать въ гардеробной, тамъ просторно, свѣтло и хорошо.

— Мнѣ все равно, гдѣ жить; вы видѣли, гдѣ я жила, отвѣтила Даша.

— Да, да, ужасный уголь! Ступайте-же, другъ мой, отдохните... Завтра дамъ вамъ работу...

Муратова позвонила и велѣла человѣку проводить „Дарью Андреевну“ въ назначенную ей комнату.

Эта комната была полутемная и походила скорѣе на кладовую, на чуланчикъ, чѣмъ на жидкое помѣщеніе. Но другой свободной комнаты въ квартирѣ Муратовыхъ не было. Остальная прислуга Муратовыхъ помѣщалась немного лучше. Даша сразу должна была занять самое двусмысленное положеніе среди этого народа. Она была „изъ благородныхъ“ и потому она не могла сойтись съ ними, какъ равная: они косились на нее, она сторонилась отъ нихъ. Она прожила въ нищетѣ не на-столько долго, чтобы вполне забыть, что она дочь чиновника, что она училась когда-то въ пансіонѣ, что она когда-то жила, какъ родная, въ домѣ бывшего начальника старика Лыткина. Но, стоя, повидимому, выше остальныхъ муратовскихъ слугъ, она помѣщалась хуже ихъ, она не несла никакой прямой обязанности, не являлась чѣмъ-нибудь необходимымъ, и они сразу посмотрѣли на нее, какъ на прихлебательницу, на приживалку, на дармоѣдку. Въ богатыхъ домахъ прислуга, несмотря на всю свою праздность, не любятъ дармоѣдовъ и приживалокъ вообще, то-есть людей, немѣющихъ опредѣленнаго положенія въ домѣ, опредѣленныхъ титуловъ лакеевъ, горничныхъ, поваровъ, кухарокъ; но еще враждебнѣе относится прислуга къ этимъ людямъ тамъ, гдѣ господа много должны прислугѣ, гдѣ прислуга видитъ въ приживалѣѣ лицо, поѣдающее послѣднія крохи и безъ того разоренныхъ господъ. Еще болѣе свысова должна была смотрѣть прислуга на Дашу, такъ-какъ лакей Муратовой видѣлъ, гдѣ и какъ жила семья Даши, и зналъ, что Даша явилась къ нимъ въ домъ въ „обносокѣхъ“ ихъ госпожи. Даша все это почувствовала, угадала сразу. Впрочемъ, что-же можетъ быть легче, какъ угадать расположеніе или нерасположеніе холопа? Ей было неловко, когда лакей угловато и сердито принесъ въ ея комнату вечерній чай. Муратова понимала, что неловко заставить Дашу пить и ѣсть съ прислугой, и въ то-же время стѣснялась посадить ее сразу за столъ съ собою, и такимъ образомъ дѣлала еще болѣе невыносимымъ положеніе молодой дѣвушки, которая должна была пользоваться

услугами лакеевъ, вида, какъ неохотно и грубо исполняютъ они эти услуги.

Какую-то гробовую, непривѣтную тишиною вѣяло около нея, когда она проснулась и встала по утру. Въ родномъ, проходномъ „углу“ Даша давно привыкла къ движенію и къ шуму, къ появленію различныхъ личностей, — здѣсь-же она была одна, ни откуда не долетало до нея ни звука. Ее тяготили черныя мысли о томъ, что будетъ.

— Васъ просятъ въ столовую! вдругъ раздался около нея отрывистый голосъ лакея.

Она вздрогнула и поднялась съ мѣста.

— Я здѣсь не знаю комнатъ, проговорила она, краснѣя. — Проведите меня туда.

Лакей пошелъ впередъ. Она послѣдовала за нимъ. Въ столовой ходила изъ угла въ уголокъ Муратова, у окна стоялъ ея мужъ, барабани пальцами по подоконнику.

— Пожалуйста, разлейте чай, обратилась Муратова къ Дашѣ, ласково вивнувъ ей головой, и шутливо добавила: — я васъ хочу пріучить и къ хозяйству.

Аделаида Александровна не могла сразу понять, какъ ей держать себя съ Дашей, и принимала тотъ шутливый, не то дружескій, не то полу-презрительный тонъ, который очень часто пускается въ ходъ въ подобныхъ случаяхъ.

Даша остановилась у стола, готовясь разлить чай.

— Какъ, вы стоя хотите разливать чай? засмѣялась Муратова. — Садитесь!.. Налейте намъ и себѣ... Вы говорите по-французски? мелькомъ спросила она у молодой дѣвушки.

— Не говорю, но понимаю почти все, отвѣтила Даша.

— То-есть стыдитесь говорить? пояснила Муратова и прибавила по-французски: — ради-Бога, не думайте, что вы будете играть у меня роль слуги. Вы будете здѣсь въ домѣ своимъ, домашнимъ человѣкомъ, но не слугою.

Даша въ смущеніи пробормотала по-французски какую-то благодарность: она не смѣла поднять глазъ и краснѣла, но уже не потому, что ее смущала непривычная роль или обращеніе Муратовой, а потому, что на нее были безцеремонно устремлены двациничные, сальные глаза. Аркадій Павловичъ уже давно пере-

сталъ барабанить по подоконнику и впился замазлившимися глазами въ молодую экономку.

XX.

Даша не могла ни въ чемъ упрекнуть Аделаиду Александровну. Муратова обращалась съ нею все болѣе и болѣе просто, искренно и добродушно. Такое обращеніе съ прислугой было вообще въ характеръ этой личности, теперь-же она сдѣлалась еще мягче съ людьми, потому что она начинала отдыхать отъ недавнихъ бурь и волненій.

Муратова наслаждалась любовью Виктора Валерьяновича, котораго она упросила по-прежнему, не стѣсняясь, останавливаться въ ея квартирѣ, и въ то-же время она надѣялась, что ея денежные дѣла должны будутъ быстро поправиться при помощи барона Гельфрейха. Она не ошибалась.

Баронъ, какъ человѣкъ практическій, не столько тратился на подарки, сколько рѣшился оказать Муратовой болѣе существенную услугу. Онъ въ одинъ изъ слѣдующихъ неожиданныхъ визитовъ прямо и безъ особенныхъ оговорокъ освѣдомился о ея денежныхъ дѣлахъ, и она, смущенная его грубой прямою, рассказала все.

— Все это очень легко поправить, замѣтилъ съ небрежной улыбкой баронъ Гельфрейхъ. — Я не могу предложить вашему мужу никакого мѣста. Я не могу сдѣлать его пайщикомъ какого-нибудь концессионера. Но мнѣ или, лучше сказать, моимъ друзьямъ-единовѣрцамъ въ настоящее время нуженъ такой человѣкъ, какъ вашъ мужъ, — человѣкъ солидный...

— Солидный! съ невольной горечью въ голосъ воскликнула Аделаида Александровна.

— Я говорю не о его частной жизни, а о его чинѣ и общественномъ положеніи, усмѣхнулся баронъ.

— А-а! вздохнула Муратова, соглашаясь вполне съ барономъ, что чинъ ея мужа довольно „солиденъ“.

Баронъ приостановился и началъ дѣловымъ тономъ:

— Вы знаете, конечно, что права моихъ единовѣрцевъ ограничены во многихъ отношеніяхъ. Они не имѣютъ права покупать

земли въ юго-западномъ краѣ, а между тѣмъ именно теперь очень выгодно покупать имѣнія разорившихся и промотавшихся господъ. Мы нашли исходъ. Мы покупаемъ имѣнія на чужія имена. Правда, въ этихъ случаяхъ намъ приходится прибѣгать Богъ знаетъ къ кому. Главный нашъ скупщикъ имѣній, Кушманъ, живущій магнатомъ въ Варшавѣ, долженъ былъ, на примѣръ, недавно прибѣгнуть къ помощи балаганной пѣвицы, которая теперь по его милости слыветъ крупной землевладѣлицей, хотя въ сущности ея собственныя имѣнія очень ничтожны. Но такія сдѣлки не всегда удобны. Эта госпожа, на примѣръ, недавно вообразила, что всѣ имѣнія дѣйствительно принадлежать ей, и даже вздумала продавать одно изъ нихъ. Конечно, у достопочтеннаго Кушмана есть связи; онъ прискакалъ въ Петербургъ, объяснилъ все и въ обществѣ поземельнаго кредита, и передъ правительственными лицами и уладилъ дѣло. Но это неприятно. Намъ было-бы удобнѣе сойтись съ болѣе порядочными людьми. Не согласится-ли вашъ мужъ быть нашимъ помощникомъ въ этомъ дѣлѣ?

— Мой мужъ дѣлаетъ то, чего желаю я, отвѣтила съ пренебрежительной гримасой Аделаида Александровна.

— О, счастливъ тотъ, для кого законъ является въ такой прелестной формѣ, поцѣловалъ ея руку баронъ Гельфрейхъ. — Эти сдѣлки почти не доставятъ вашему мужу никакихъ лишнихъ хлопотъ и работы, но онъ доставятъ ему извѣстный процентъ съ купли и продажи имѣній. Обороты моими собратіями ведутся на миліоны и процентъ будетъ достаточенъ, чтобы поправить ваше положеніе.

— Мой другъ, я не знаю, какъ благодарить васъ! воскрикнула Аделаида Александровна, услышавъ слово „миліоны“ и увлекаясь мыслію о поправкѣ своего положенія.

— Любите меня! тихо прошепталъ баронъ съ заблиставшими и съузвившимися глазами. — Но мы немножко неразсчетливы, мы не умѣемъ устроить своихъ дѣлишекъ, шутливо говорилъ онъ, заглядывая ей въ лицо. — Намъ нужны опекуны и руководители... Позвольте мнѣ распорядиться вашими дѣлами. Я заплачу ваши долги, я выкуплю ваше имѣніе, я доставлю случай вашему мужу очень выгодно купить имѣніе въ юго-западномъ краѣ...

— О, вы слишкомъ добры!

— Это все можно сдѣлать, выдавая вамъ половину процентовъ,

слѣдующихъ вашему мужу, и употребляя другую на погашеніе долговъ... Прежде всего нужно знать эти долги, имена кредиторовъ. Я скуплю ваши векселя. Ихъ, вѣроятно, продадутъ дешево. Если черезъ годъ удастся погасить долги, то можно будетъ приступить и къ покупкѣ имѣнія гдѣ-нибудь на западѣ или на югѣ.

— Но развѣ это такъ выгодно? полюбопытствовала Аделаида Александровна.

Баронъ Гельфрейхъ усмѣхнулся и покачалъ головой.

— Имѣнія продаются теперь вообще, по большей части, за ничто, отвѣтилъ онъ.—Заплаченные за нихъ деньги выручаются вдвое и втрое вырубкою лѣса, посѣвомъ безъ удобренія, залогомъ въ обществѣ поземельнаго кредита, продажей мелкихъ участковъ... Всего не перечтешь... Да это теперь и не нужно... Скажу только, что эти сдѣлки выгодны. Конечно, все нужно вести умѣло, съ толкомъ. Тотъ, кто потомъ купить земли у насъ, купить голую, истощенную землю, но мы покупаемъ ее не въ такомъ видѣ...

Муратова задумалась.. Ее поразило, что баронъ Гельфрейхъ такъ легко, такъ увѣренно говорить о возможности наживы.

— Я, мой другъ, совсѣмъ глупая, проговорила она.—Я никакъ не могу понять, какимъ образомъ можно купить имѣніе за безцѣнокъ и почти тотчасъ-же продать его за двойную цѣну. Отчего-же покупающіе имѣнія за дорогую цѣну не покупаютъ ихъ за дешевую?

— А вамъ это нужно знать? засмѣялся баронъ.

— А! я хочу быть дѣловымъ человѣкомъ, улыбнулась Муратова.

— За мужа?

— Ну-да.

Лицо барона сдѣлалось снова серьезнымъ.

— Все дѣло въ единодушіи моихъ единовѣрцевъ, сказалъ онъ.—Вы, конечно, знаете, что въ разныхъ обществахъ поземельнаго кредита продаются имѣнія за невзносъ процентовъ. Тутъ можно купить имѣнія довольно дешево, потому что конкурентовъ почти не является. Да и могутъ-ли они явиться? Общества сами отвадили ихъ. Общества назначаютъ къ продажѣ десятки имѣній, но желающіе купить имѣніе никогда не могутъ рассчитывать на это: заемщикъ можетъ внести проценты въ день торговъ, за пол-

часа до торговъ, и имѣніе остается за нимъ; такимъ образомъ, человекъ, желавшій купить имѣніе и, можетъ быть, пріѣхавшій на торги издалека, долженъ возвратиться ни съ чѣмъ. Я зналъ двухъ купцовъ, которые пріѣхали съ Кавказа покупать назначенное въ продажу имѣніе, которые сдѣлали большія затраты на проѣздъ и которымъ пришлось уѣхать обратно, не купивъ ничего, потому что одно изъ обществъ не пустило въ продажу имѣніе, выдавъ заемщику дополнительную ссуду и покрывъ ею долгъ обществу въ день торговъ. Это, конечно, должно было отвадить охотниковъ ѣздить на торги въ разныя поземельныя общества. Правда, для служащихъ въ обществахъ это выгодно, такъ-какъ они могутъ сами покупать за безцѣнокъ лучшія имѣнія. Но частные покупщики почти не могутъ разсчитывать купить имѣнія въ обществахъ. Мои-же единовѣрцы имѣютъ своихъ агентовъ вездѣ и эти агенты безъ всякихъ затратъ, находясь на мѣстѣ торговъ, являются покупщиками имѣній, которыя и продаются ими тотчасъ-же съ барышомъ...

— Какъ все это просто дѣлается! вздохнула Муратова, точно скорбя, что она не принадлежитъ къ израильскому племени.

— Но это не все, продолжалъ баронъ. — Въ юго-западномъ краѣ, чтобы совершить купчую крѣпость на приобретаемыя имѣнія, русскимъ нужно имѣть особыя свидѣтельства. Прошеніе о подобномъ свидѣтельствѣ должно пройти множество инстанцій и доставить не мало хлопотъ. Эти хлопоты иногда бываютъ такъ велики и такъ продолжительны, что покупщикъ отказывается отъ предполагавшейся покупки только ради нихъ. Чтобы эти хлопоты были невелики и непродолжительны, нужно жить въ краѣ, знать всѣ входы и выходы, бѣгать ежедневно по присутственнымъ мѣстамъ. Но развѣ крупныя покупщики рѣшатся тратить на это время? Развѣ мелкіе покупщики въ состояніи все это ловко уладить? Конечно, нѣтъ. Такимъ образомъ, конкурентовъ, желающихъ купить имѣнія изъ первыхъ рукъ, не является. Поле остается чистымъ для моихъ единовѣрцевъ, издавна живущихъ въ краѣ, знающихъ, какъ къ чему приступить, способныхъ съ изумительною настойчивостью добиваться своей цѣли. Богъ послалъ имъ долготѣнія испытанія, чтобы выработать ихъ характеры. Они-то и являются покупщиками имѣній, выхлопывая свидѣтельства на имена русскихъ, которые служатъ подставными

лицами при покупке имѣній изъ первыхъ рукъ; они-же выхлопываютъ эти свидѣтельства и для тѣхъ русскихъ, которые покупаютъ имѣнія для себя изъ вторыхъ рукъ, то-есть изъ рукъ моихъ собратьевъ. Купить имѣніе у моего собрата—значитъ купить имѣніе за довольно хорошую цѣну, но безъ хлопотъ; купить имѣніе изъ первыхъ рукъ—значитъ купить имѣніе дешево, но съ большими хлопотами. Впрочемъ, чаще всего нельзя купить имѣніе изъ первыхъ рукъ...

Баронъ помолчалъ.

— Вотъ намъ и нужны такіе люди, какъ вашъ мужъ, продолжалъ онъ черезъ минуту.—Онъ, конечно, имѣетъ полное право покупать имѣнія и черезъ нѣсколько времени вы будете обладательницей огромныхъ имѣній въ юго-западномъ краѣ.

— Которыхъ я даже не увижу, усмѣхнулась Муратова.

— Да что-же въ нихъ интереснаго? Процентъ они будутъ доставлять—вотъ и все, что нужно, сказалъ баронъ, пожимая плечами.—Такъ вы согласны?

— Вы еще спрашиваете! тихо вздохнула Муратова: у нея кружилась голова отъ мысли, какъ легко, какъ вѣрно идутъ къ богатству эти „жиды“.

Баронъ Гельфрейхъ сластолюбиво цѣловалъ ея руку.

— Но бросьте ради Бога свои филантропическія затѣи, говорилъ онъ.—Не глупо-ли губить свою молодость среди этихъ засѣданій, среди разъѣздовъ по нищенскимъ конурамъ.

— Вы знаете, я дѣлала это, чтобы забыться...

— Забыться! Веселитесь, выѣзжайте въ свѣтъ, будьте на балахъ, въ театрахъ, и вы забудете все!.. И кого обманываютъ эти барыни-филантропки? Вѣдь всѣ знаютъ, что онѣ изъ своего кармана жертвуютъ только десять рублей въ годъ, а у общества выманиваютъ дрянными концертами и обманными частными алегри тысячи рублей. Еще хорошо, что въ правительствѣ уже надѣются прекратить эти алегри, а то онѣ приняли-бы гигантскіе размѣры.

— Вы циникъ! засмѣялась Аделаида Александровна и покраснѣла до ушей, сознавая, что и она вступала въ эти общества съ нечистыми цѣлями.—Вы не вѣрите въ честныя побужденія.

— Въ честныя, пожалуй, еще вѣрю, а ужъ въ филантропическія побужденія отнюдь не могу повѣрить.

— И сами состоите членомъ десятка благотворительныхъ обществъ!

— У меня дѣла на европейскихъ биржахъ и, главнымъ образомъ, на берлинской, равнодушно произнесъ баронъ.

Муратова посмотрѣла на него съ неудовѣніемъ.

— Что-же общаго между биржами и филантропическими обществами? спросила она, не понимая его мысли.

— Мы должны все знать, что дѣлается въ политикѣ, въ государственномъ управленіи, и толкаться въ разныхъ сферахъ, со вздохомъ отвѣтилъ баронъ Гельфрейхъ. — Но чего не узнаешь отъ мужей за большія деньги въ канцеляріяхъ, то легко узнаешь отъ женъ даромъ въ салонахъ. Чего не вырвешь у мужей съ величайшимъ трудомъ, то легко обдѣлаешь черезъ ихъ женъ. Библейскій змѣй-искуситель отлично понималъ дѣло, когда дѣйствовалъ черезъ вашу прародительницу Еву, засмѣялся баронъ Гельфрейхъ своимъ ироническимъ, беззвучнымъ смѣхомъ циника.

Баронъ совсѣмъ повеселѣлъ и, откинувшись къ спинкѣ кресла съ видомъ самодовольнаго буржуа, продолжалъ насмѣшливымъ тономъ:

— Когда вы хлопотали въ этихъ обществахъ, вы воображали, что приносите громадную пользу нуждающимся и голоднымъ туземцамъ? Но повѣрьте, что вся эта мнимая польза подвальному сброду только одна сторона медали, другая-же сторона—это барыши и выгоды тѣхъ, кто богатъ или кто умѣетъ пользоваться удобными случаями. Да иначе и быть не можетъ. Неужели мы, дѣловые люди, стали-бы тратить свое время на посѣщеніе этихъ скучныхъ собраній, если-бы мы не видѣли изъ этого пользы для себя, если-бы это не поддерживало наши интересы, связи?.. Повѣрьте, что среди кокотокъ и дамъ полусвѣта мы нашли-бы больше веселья и наслажденья. Но мы должны держаться этихъ барынь... Когда я только-что поселился въ Петербургѣ, я не былъ крупнымъ капиталистомъ и не былъ принятъ ни въ одномъ изъ тѣхъ домовъ, которые мнѣ были нужны. Мнѣ долго-бы пришлось добиваться чести попасть въ эти дома, если-бы не было филантропическихъ обществъ. При помощи-же этихъ обществъ я за десять рублей ежегоднаго налога открылъ себѣ двери во всѣ салоны. Въ одномъ обществѣ я ссудилъ двѣ тысячи рублей, когда общество погибало отъ недостатка средствъ, въ другомъ—у меня

заяли десять тысячъ подѣ вѣрное обезпеченіе и за поручительствомъ трехъ крупныхъ тузовъ, въ третьемъ... Э, да всего не перечислишь... Уже черезъ два, три года послѣ моего переселенія сюда на общихъ собраніяхъ филантропическихъ обществъ только и слышалось, что о благодѣяніяхъ барона Гельфрейха...

Баронъ усмѣхнулся усмѣшкою, полною презрѣнія къ тѣмъ людямъ, которыми онъ игралъ, какъ пѣшеами. Въ его откровенности было что-то циничное, преднамѣренное. Онъ, какъ большинство его единоплеменниковъ, былъ сильно склоненъ къ самовосхваленію, къ хвастовству,

— Ну, и что-же? спросила съ лихорадочнымъ любопытствомъ заинтересованная рассказомъ Муратова.

Ее уже увлекали и затрогивали за живое эти рассказы о наживѣ. Баронъ сощурилъ свои свинцовые, холодные глаза и въ упоръ посмотрѣлъ на нее.

— Вы знаете старую графиню? спросилъ онъ.

Аделаида Александровна утвердительно кивнула головой.

— Вы знаете, до этой барыни рукой не достанешь. Это ходячая спѣсь... Ну, такъ вотъ черезъ три года послѣ моего приѣзда въ Петербургъ, я, сидя въ салонѣ княгини Кюрицыной, однажды такъ придвинулъ свое кресло, что его ножка попала на платье старухи, и заговорился съ барынями о денежныхъ дѣлахъ, — такъ она часъ просидѣла въ одномъ и томъ-же положеніи, не рѣшаясь побеспокоить меня и прервать моего разговора, точно вмѣсто меня Патти пѣла... Я тогда ее сына спасалъ отъ долгового отдѣленія...

Баронъ Гельфрейхъ въ эту минуту былъ неподражаемо хорошъ съ своимъ холоднымъ цинизмомъ. Слушая его, можно было понять, какимъ путемъ дошелъ этотъ человѣкъ до убѣжденія, что за деньги можно купить всѣхъ и все.

— Но вѣдь графъ очень богатъ? въ недоумѣніи замѣтила Муратова, зная эту семью и завидовавшая ей.

— Теперь, когда ему удалось устроить администрацію по дѣламъ его родственника, стараго сумасброда Токмакова, догулявавшегося до того, что онъ забылъ счетъ своихъ расходовъ и приходовъ.

— Какъ, и Токмаковъ оказывается банкротомъ? изумилась Муратова.

— Ничуть не бывало. Надъ его дѣлами его родственники назначили администрацію, чтобы поправить свои дѣла, — и поправили... Впрочемъ, Токмаковъ долженъ быть имъ благодаренъ: теперь онъ, по крайней мѣрѣ, знаетъ, что у него есть еще до пяти миліоновъ состоянія, и можетъ опять нѣсколько лѣтъ сумасбродничать, не считая денегъ. Жаль только, что его чудныя оранжереи раззорили совсѣмъ. Я хотѣлъ ихъ купить, но опоздалъ.

— Какъ глубоко, должно быть, вы презираете всѣхъ людей! невольно воскликнула Аделаида Александровна и ей показалось, что онъ презираетъ и ее.

— Нѣтъ, за что-же? удивился баронъ Гельфрейхъ.

— Но вы считаете всѣхъ людей продажными.

— Что-жь, не даромъ-же имъ отдавать себя! Мнѣ смѣшно только, что эти люди ничему цѣны не знаютъ. За иное дѣло они могли-бы взять десятки, сотни тысячъ, а они довольствуются какою-нибудь сотнею рублей. Это все отъ непривычки. Дикари вонъ мѣняютъ самыя драгоценныя произведенія своей страны на стеклянныя бусы.

Муратова задумалась. Баронъ смѣется надъ тѣми, кто не знаетъ себя цѣны! Не станеть-ли онъ также смѣяться и надъ нею, что она дешево продаетъ себя? Конечно, да. Но во что-же оцѣнить себя? Это трудно опредѣлить. Во всякомъ случаѣ, надо замедлить окончательное сближеніе, чтобы добиться новыхъ и новыхъ выгодъ. Ей были гадки эти думы, и все-таки онѣ роились въ головѣ; ей хотѣлось увѣрить себя, что она не думаетъ о продажѣ себя, что она просто сходится съ барономъ, и въ то-же время она боялась окончательно сойтись съ нимъ прежде, чѣмъ онъ заплатитъ за это сближеніе.

— Что вы задумались? спросилъ баронъ, видя, что она опустила на грудь голову.

— А? очнулась Аделаида Александровна, вздрогнувъ. — Вы, баронъ, нагнали на меня тоску своими взглядами на человѣчество... Я не хочу думать, не хочу вѣрить, что оно такъ гадко...

Она порывисто встала и подошла къ роялю.

— Вы любите музыку? спросила она его.

— Я ее люблю, если вы будете играть, отвѣтилъ онъ, жадно слѣдя за каждымъ ея граціознымъ движеніемъ.

Она начала перебирать ноты и стала едва слышно напѣвать мотивъ романса: „Ты скоро меня позабудешь“.

„Кокотка!“ вдругъ промелькнуло въ ея головѣ и она быстро отбросила ноты и смолкла, вспыхнувъ до ушей.

— Что-же вы? спросилъ баронъ Гельфрейхъ, видя, что она хочетъ отойти отъ рояля.

— Нѣтъ... раздумала... отрывисто отвѣтила она.—Я слишкомъ люблю музыку, чтобы играть передъ тѣмъ, кто убѣжденъ, что каждый шагъ дѣлается людьми ради денегъ...

— О, вы слишкомъ жестоко платите за мою откровенность! шуточно проговорилъ баронъ.—Вѣдь если вы станете такъ смотрѣть на меня, то вы сначала перестанете говорить со мной, потому не велите меня принимать, боясь, что я и наши разговоры и наши встрѣчи сочту средствомъ для добыванія денегъ...

„Боже мой, Боже мой, я даже не умѣю быть ловкой продажной женщиной!“ промелькнуло въ головѣ Муратовой.

— Мнѣ сегодня, баронъ, не по-себѣ, проговорила она.— Вы правы! Я придавала слишкомъ серьезное значеніе вашимъ словамъ... Вы не можете такъ смотрѣть на всѣхъ... Вы считаете людей лучше... Да?.. По крайней мѣрѣ, дѣлаете исключенія?

Баронъ Гельфрейхъ хотѣлъ что-то сказать, но она проговорила, нервно смѣясь:

— Молчите! Не то опять впадете въ свой безсердечный тонъ. Давайте руку и будемъ друзьями.

Она протянула ему руку. Онъ опять прильнулъ къ ней губами.

— Довольно... довольно! лихорадочно засмѣялась она.—Я хочу играть...

— Вы скупая! шопотомъ проговорилъ онъ, и опять его лицо приняло отвратительное выраженіе старческаго сластолюбія.

Она сдѣлала видъ, что не слышитъ, сѣла въ роялю и заиграла бѣшеный вальсъ.

— Спѣть? спросила она, полуобернувшись къ барону и продолжая играть.

Онъ замиралъ отъ восторга и едва могъ пробормотать:

— Да!.. Да!..

— Что-же?

Она запѣла опять: „Ты скоро меня позабудешь“.

— Ахъ, глупо, глупо! оборвала она на полусловѣ романсъ.—
Позабудеть! Значить, не стоило и помнить, если можно позабыть...
Она запѣла изъ „Прекрасной Елены“:

О, Адонись и, ты, Венера...

Она пѣла какъ-то лихорадочно, точно рыдала.

— Ради Бога еще, прошепталъ совсѣмъ ошеломленный баронъ,
когда она кончила. Онъ не ожидалъ, что Муратова обладаетъ та-
кимъ звучнымъ, такимъ густымъ и сочнымъ голосомъ.

— Изъ той-же вѣтреной „Елены“? бойко спросила она и, не
дожидаясь отвѣта, уже пѣла:

Мы всѣ невинны отъ рожденья...

Она еще не кончила куплета, когда дверь въ гостиную отво-
рилась и на порогѣ появился Аркадій Павловичъ. Она вздрог-
нула. Она не отдала приказанія лакею—не впускать никого, когда
у нея баронъ. Она невольно подумала о глупости своего супруга,
входящаго неожиданно въ залъ, несмотря на присутствіе въ домѣ
барона Гельфрейха, и при этой мысли нервно засмѣялась и, обо-
рвавъ неконченную арію, полнымъ горькой ироніи голосомъ за-
пѣла:

Когда супругъ захочетъ вдругъ...

„Кокотка, камелія, продажная женщина“, снова мелькнуло въ
ея головѣ, и ея голосъ зазвучалъ какъ-то язвительно и въ то-же
время болѣзненно.

Она кончила и съ громкимъ, искусственно - бойкимъ смѣхомъ
спросила:

— Хорошо?

Это была бравада женщины, старавшейся заглушить въ себѣ
сознаніе своего паденья, своей безтактности, своей неумѣлости.

— Превосходно! послышался отвѣтъ.

Но этотъ отвѣтъ былъ сдѣланъ не барономъ и не Аркадіемъ
Павловичемъ.

Аделаида Александровна быстро повернулась вмѣстѣ съ подушкою
табурета и увидѣла стоящаго на порогѣ, прислонясь къ двери,
Виктора Валерьяновича. Она, не владея собой, какъ-то беспо-
мощно опустила на колѣни свои похолодѣвшія руки.

XXI.

Аделаида Александровна не спала всю ночь. Ее волновала и мучила мысль, что подумалъ о ней Викторъ. Ей нужно было изгладить въ немъ то неприятное впечатлѣніе, которое могла оставить въ немъ эта сцена. Муратова очень хорошо сознавала, что она дѣлаетъ промахъ за промахомъ на новомъ пути, что она совершаетъ безтактность за безтактностью. Зная, зачѣмъ она принимаетъ барона, она забыла, или, лучше сказать, посоветилась сказать прислугѣ, что при баронѣ Гельфрейхѣ никто не долженъ входить къ ней. Рѣшившись сблизиться съ этимъ человѣкомъ, она не начертала себѣ никакого плана дѣйствій и при встрѣчахъ съ нимъ дѣйствовала какъ-то лихорадочно, болѣзненно, то являясь въ роли какой-то рыдающей просительницы, то переходя въ тонъ камелии низшаго сорта, то поддаваясь его заигрываніямъ на-столько, что онъ почти могъ достигнуть даромъ, той цѣли, которой онъ долженъ быть достигнуть за деньги и при томъ за большія деньги. Ея неумѣлость, ея безтактность довели ее до того, что даже Викторъ сдѣлался свидѣтелемъ „далеко неприглядной сцены. Молодая женщина придумывала себѣ тысячи оправданій, но тотчасъ-же отказывалась отъ нихъ, очень хорошо сознавая, что ей трудно будетъ чѣмъ-нибудь оправдать въ глазахъ Баскакова свое поведеніе съ барономъ.

„Я выглядѣла камелией“, — эта мысль не покидала ее.

„Я скажу, что я хотѣла посмѣяться надъ барономъ, что это была шутка“, думала она.

„Но развѣ Викторъ не пойметъ, что такъ не шутятъ порядочныя женщины, и притомъ съ такими людьми, какъ баронъ“, говорилъ разсудокъ.

„Надо будетъ на будущее время сказать мужу, чтобы онъ не смѣлъ входить, когда у меня баронъ. Прислугѣ то-же велю никого не впускать, когда онъ здѣсь... Но что-же подумаютъ? Начнутъ толковать... Господи, какъ низко я падаю“, думала она въ полуснѣ.

Эти мысли являлись въ ея головѣ какъ-то отрывочно, безсвязно, точно она сама боялась серьезно, сознательно задуматься, а кто-то посторонній нашептывалъ ей подъ ухо эти отрывочныя

фразы, волновавшія ее все болѣе и болѣе. У нея было чисто-лихорадочное состояніе.

Она поднималась на какую-то гору, по скользкой, крутой тропинкѣ. Ея ноги скользили на каждомъ шагѣ и она все дальше и дальше падала внизъ, а внизу зіяла страшная, темная пропасть. На вершинѣ-же горы стояла толпа веселыхъ, нарядныхъ людей, тамъ слышался безпечный смѣхъ и пѣнье. Ей казалось, что эти люди смѣются надъ нею, надъ ея тщетными усиліями подняться къ нимъ. Но вѣдь дошли-же они туда? Отчего-же только она одна не можетъ подняться на эту гору? Можетъ быть, они шли по другой дорогѣ? Но гдѣ-же эта дорога? Она не можетъ ее найти, не можетъ искать ее, потому что у нея нѣтъ силъ сойти съ этой проклятой скользкой тропинки. Но надо-же попробовать, сдѣлать усиліе добраться до нихъ. Не падать-же безпомощно въ эту страшную пропасть. И вотъ она карабкается опять, хватается за сучья деревь, но эти сучья или ломаются, или выскальзываютъ изъ рукъ, или до крови ранятъ ее. Она обрывается и падаетъ снова, а смѣхъ, холодный, безжалостный смѣхъ на вершинѣ дѣлается все громче и громче. Она начинаетъ въ безсиліи плакать и плачетъ до того, что рыданія захватываютъ ея дыханіе, душатъ ее.

Она очнулась. Это былъ сонъ, но и на яву рыданія продолжали душить ее.

„Проклятый сонъ, пробормотала она, всхлипывая.—Это потому мнѣ приснилось, что я думала о паденьи... Говорять, во снѣ плачуть передъ радостью, чисто по-дѣтски подумала она.—Что-жъ, можетъ быть, и передъ радостью... Викторъ, можетъ быть, не сдѣлалъ никакихъ заключеній... Онъ сказалъ: прекрасно! Но вѣдь я, точно, хорошо пѣла... Это только я придала другое значеніе его словамъ... Милый, какъ я тебя люблю!..“

Она снова задремала болѣе покойнымъ сномъ, улыбаясь нѣжной, полудѣтской улыбкой.

Она была жалка. Она вступала на тотъ путь, къ которому не пріучила ее вся ея предшествовавшая жизнь. Прямо изъ деревни, отъ одиночества она перешла къ шумной столичной жизни среди пустой веселящейся молодежи. Здѣсь за нею ухаживали, увивались юноши, и она отдавалась веселью беззавѣтно, безпечно, не думая о будущемъ, не работая надъ собой. Когда ей пришлось опомниться, она бросилась изыскивать средства для своего спасенія,

но она, въ сущности, не сознавала, каковы будутъ эти средства. Ей казалось, что спастись не такъ трудно, что спасеніе придетъ само собой. Спасеніе оказалось возможнымъ при помощи продажи самой себя барону. Но какъ продать себя, какъ завлечь барона, какъ относиться къ нему—этого она не знала: врожденное или привитое провинціальными ухаживаніями кокетство, столкновенія съ нѣскольکو вольною кутящею молодежью столицы, все это не могло выработать въ ней того такта, той ловкости, той способности вести интригу, которыми отличаются опытныя свѣтскія женщины. Она сразу явилась передъ барономъ въ роли неумѣлой падшей женщины, неловкой провинціалки, жаждущей спасенія отъ любовной связи и переходящей отъ сдержанности честной женщины къ замашкамъ простой кокетки. Она не умѣла заставить барона ползати у своихъ ногъ ради поцѣлуя руки, она не умѣла сначала добыть у него все, а послѣ скупо вознаграждать его благосклоннымъ вниманіемъ, она не умѣла постепенно перейти отъ сдержанной свѣтской холодности къ искусно разыгранной роли влюбленной женщины. Она слишкомъ боялась, что баронъ можетъ отвернуться отъ нея, что она можетъ пропустить удобный случай, и дѣйствовала безъ разсчета, безъ такта, безъ строго обдуманнаго плана. Каждый ея шагъ заставлялъ ее краснѣть въ душѣ за себя, терзаль ея стыдомъ. Это была пытка, которой она не видѣла теперь конца. Но ей хотѣлось жить весело, широко, бурно, жить какъ жили другія женщины вокругъ нее. Даша отдала-бы все за вѣрный кусокъ хлѣба для брата, Муратова была готова отдать все за право наслаждаться „зрѣлищами“, той безпутной свѣтской жизнью, которая уже успѣла опьянить ее.

Рано по утру она, не придумавъ ничего, рѣшилась пройти въ комнату Виктора. Она знала, что Даша будетъ разливать въ столовой чай и при ней нельзя будетъ переговорить съ Викторомъ. Она подошла, какъ-то крадучись, къ его комнатѣ и несмѣло постучалась въ дверь:

— Войдите! послышался отвѣтъ.

Она отворила дверь.

— Это вы! воскликнулъ изумленный Викторъ, собиравшійся вѣхати.—Зачѣмъ вы не велѣли позвать меня?

— Я хотѣла сама придти къ тебѣ, отвѣтила она.—Ты недобрый нынче, все исчезаешь.

— Вы знаете, служба требуетъ, отвѣтилъ онъ.

— Ахъ, мнѣ надоѣла твоя противная служба! воскликнула она:— я умираю съ тоски, когда тебя нѣтъ.

Она обвила его руками и поцѣловала.

— Ради Бога, тише! прошепталъ онъ.— Насъ могутъ слышать.

— О, что мнѣ за дѣло! Пусть слышатъ, пусть знаетъ весь свѣтъ, что я люблю тебя! воскликнула она.

— Но рядомъ, вѣроятно, находится эта дѣвушка, тихо сказала она.

— Ея тамъ нѣтъ, да если-бы и была, такъ что-же? Развѣ я ее боюсь? Развѣ я, вообще, кого-нибудь боюсь? Я не хочу прятать своей любви къ тебѣ. Я счастлива ею и пусть всѣ знаютъ, что я счастлива!

— Хорошъ примѣръ для нея! Она почти ребенокъ! проговорилъ Викторъ, краснѣя за себя и за Муратову.

— Ребенокъ, выросшій въ проходной комнатѣ подвала! Если еще стѣсняться этихъ людей, то нужно бѣжать... Да она и не можетъ слышать насъ... Ея тамъ нѣтъ, я это знаю... Нѣтъ, я не понимаю васъ, мужчинъ. Вы болѣе трусы, чѣмъ мы! Ты знаешь, что женщина, когда она любитъ, способна на всѣ глупости. Я теперь готова громко говорить о своей любви, готова дурачиться, пѣть... Я счастлива!

Викторъ Валерьяновичъ нахмурился еще болѣе. Ему вспомнилась вчерашняя сцена, оставившая въ немъ непріятное впечатлѣніе.

— Кстати о пѣніи, съ горькой усмѣшкой произнесъ онъ.— Что за сцену я засталъ вчера... Я васъ не узналъ... Вы пѣли передъ барономъ Гельфрейхомъ что-то, если не ошибаюсь, изъ Belle Hélène...

— Ну? спросила нѣсколько поблѣднѣвшая Муратова.

— Мнѣ показалось это страннымъ, скажу даже болѣе— неприличнымъ. Что могъ подумать о васъ этотъ развратный жидъ? Вы, *chère tante*, очень мало знаете нашъ свѣтъ...

— Ха, ха, ха! засмѣялась насильственнымъ смѣхомъ Муратова.— Я такъ и думала: ты началъ ревновать... значить, ты любишь, любишь... опытъ оказался удачнымъ!

Она начала цѣловать Виктора Валерьяновича, чтобы скрыть свое смущеніе, и радуясь, что случайно натолкнулась на объясне-

нѣ мучившей ее сцены. Она даже не подозрѣвала, что ея слова наводили Виктора на мысль, отъ которой онъ былъ очень далекъ. Онъ смотрѣлъ по-прежнему серьезно. Онъ въ эту минуту просто не любилъ Аделаиду Александровну, впервые видя ее въ такомъ шокирующемъ его изящный вкусъ настроеніи.

— Не слишкомъ-ли опасны подобныя опыты? проговорилъ онъ, — и для чего они? Между честными людьми они ненужны, да и рискованны. Баронъ изъ тѣхъ людей, которые понимаютъ смыслъ происходящихъ вокругъ нихъ сценъ и которые не молчать, когда могутъ скомпрометировать женщину.

— Скомпрометировать? Чѣмъ? воскликнула Аделаида Александровна.— Разказомъ, что я пѣла въ его присутствіи, соскучившись слушать его жидовскія соображенія о векселяхъ и процентахъ... Я держу себя такъ, что стою выше всѣхъ подозрѣній! Да, наконецъ, что мнѣ за дѣло до толковъ? Я сама свой судъ... Но я не знала, что ты-то такой ревнивецъ. О, погоди, я тебя еще буду дразнить...

Викторъ Валерьяновичъ ощущалъ что-то непріятное. Ему казалось—онъ и самъ не могъ дать себѣ отчета, почему ему это казалось,— что передъ нимъ стоитъ жалкая, неумѣлая камелія, а не та женщина, которую онъ еще такъ недавно уважалъ за ея сдержанность, за ея скромность, за ея грацію, за ея тактъ. Теперь онъ даже не видѣлъ въ ней ума. И немудрено: она взялась за новую, неразученную ею роль, и растерялась, играла наугадъ.

— Не играйте чувствами, тихо и серьезно проговорилъ онъ.— Я не изъ тѣхъ, которые могутъ любить женщину за то, что ее готовы купить нарасхватъ на базарѣ житейской суеты. Я, можетъ быть, болѣе всего полюбилъ-бы ту, за которою менѣе всего бѣжали-бы барышники и покупщики женской красоты, потому что они бѣгаютъ не за истинно-прекраснымъ, а только за тѣмъ, что, по ихъ мнѣнію, навѣрное продается.

Аделаида Александровна поблѣднѣла, но сдѣлала усиліе, чтобы отпарировать ударъ ироніей.

— Да ты сегодня готовишься, кажется, проповѣдывать гдѣ-то? засмѣялась она, но ея смѣхъ не удался и оборвался.

— Не смѣйтесь надъ тѣмъ, что требуетъ особенной серьезности, сухо отвѣтилъ Викторъ Валерьяновичъ.— Наши отношенія были, быть можетъ, болѣе слѣдствіемъ минутнаго оупьяненія, чѣмъ

глубокаго чувства, и потому, если мы не хотимъ погубить ихъ, ихъ нужно поддерживать такъ-же осторожно, какъ недоношеннаго ребенка...

Аделаида Александровна впервые услышала этотъ тонъ. Она до сихъ поръ смотрѣла на Виктора, какъ на прелестнаго и умнаго ребенка; теперь она видѣла, что этотъ ребенокъ владѣеть собой лучше ея. Она испугалась.

— Викторъ, Викторъ, ты недобрый, ты злой!.. Ты не признаешь возможности шутки, растерянно начала она, чуть не плача.

— Есть вещи, которыми не шутятъ, отвѣтилъ онъ, — и я думаю, что честию женщины возможно шутить менѣе всего, даже ей самой.

— Ну, прости меня, прости! Я знаю, что я поступила опрометчиво. Я виновата! расплакалась Аделаида Александровна.

Она была дѣйствительно жалка въ эту минуту, даже болѣе жалка, чѣмъ въ то время, когда она стремилась выгодно продать себя барону Гельфрейху. Она схватила руку Виктора и прижала ее къ своимъ губамъ.

— Ты не знаешь, Викторъ, какъ я несчастна, тихо шептала она. — Если-бы ты зналъ хоть долю всего того, что я выношу, ты простишь-бы меня, ты не упрекалъ-бы меня...

Викторъ Валерьяновичъ не вынесъ этого тона и постарался ее утѣшить. Онъ не только жалѣлъ ее, но и боялся, что ихъ услышитъ третье лицо, и самъ не зналъ, чего онъ боится: того-ли, что это третье лицо узнаетъ ихъ тайну, или того, что это лицо, можетъ быть, та молодая красавица, на которую онъ засматривался теперь каждый день.

— Останься сегодня дома, не уѣзжай никуда, докажи, что ты не сердись! просила его Муратова.

— Хорошо, хорошо, только ради Бога успокойтесь! шепталъ онъ, отдаваясь ея ласкамъ.

Она немного успокоилась.

XXII.

Часа черезъ два Аделаида Александровна, уже совершенно оправившаяся отъ волненья, сидѣла въ своемъ будуарѣ и бесѣдовала съ очень непригляднымъ и неуклюжимъ господиномъ. Глядя

на него, можно было подумать, что онъ весь сдѣланъ изъ дерева, такъ неуклюжи и угловаты были всѣ его движенія. Верхнія вѣки его глазъ опускались и поднимались такъ внезапно, такъ быстро, точно по командѣ, точно кто-то сзади дергалъ за невидимый шнурокъ, проведенный къ нимъ. Онъ былъ одѣтъ въ новенькій виц-мундиръ, гладко причесанъ и аккуратно выбритъ. Онъ смотрѣлъ подобострастно, выслушивалъ внимательно. Про него можно было сказать, что это почтительный и вѣжливый, но не ловкій семинаристъ, недавно поступившій на государственную службу. Повидимому, въ немъ не было ничего особенно неприятнаго, но вся его особа производила какое-то гаденькое впечатлѣнiе. Это былъ холопъ по наружности и мерзавецъ въ душѣ. Такіе типы вырабатываются только въ труппахъ нищеты, подъ розгами бурсы, за задними, скрытыми въ полутьмѣ столами служебныхъ мѣстъ. Это былъ Андрей Андреевичъ Христофоровъ.

— Я очень рада, что вы зашли сегодня, встрѣтила его Муратова.—Мнѣ нужно переговорить съ вами.

Христофоровъ почтительно поклонился.

— Да вы садитесь, пригласила его хозяйка.

Христофоровъ присѣлъ на кончикъ стула.

— Я васъ попрошу составить записку всѣхъ нашихъ долговъ, начала Аделаида Александровна.—Баронъ Гельфрейхъ беретъ на себя устройство дѣлъ моего мужа, и хочетъ знать, сколько у насъ долгу. Онъ думаетъ, что кредиторы согласятся уступить.

— Уступать-съ, утвердительно кивнулъ головою Христофоровъ.

— Конечно, не всѣ, вздохнула Муратова.

— Нѣтъ, отчего-же-съ? Всѣ уступать! рѣшилъ тѣмъ-же утвердительнымъ тономъ Христофоровъ.

— Ну, нѣтъ. Какая-нибудь Сипко ужъ никакъ не уступить.

— Уступить-съ, отчего-же ей не уступить-съ. Все равно пропацими должна была считать свои деньги.

Муратова нахмурилась. Христофоровъ потушилъ глаза и кашлянулъ.

— Дѣло не въ томъ, заговорила Муратова.—Мнѣ нужна выписка нашихъ долговъ завтра.

— Это можно-съ, скромно рѣшилъ Христофоровъ.

Онъ повертѣлъ въ рукавъ шляпу и отвѣшлялся.

— И господинъ Гельфрейхъ всё-съ долги будутъ уплачивать? освѣдомился онъ, скромно опустивъ въ землю глаза.

— Да, всё, отвѣтила Муратова.

— Такъ-съ.

Христофоровъ опять повертѣлъ шляпу, опять отшатнулся. Базалось, онъ хотѣлъ сказать что-то такое, что стоило ему большого труда.

— Вы-съ, Аделаида Александровна, больше занимать не будете? тихо спросилъ онъ и на мгновеніе устремилъ на нее глаза, быстро поднявъ опущенныя вѣки.

— Смѣшной вопросъ! Понадобится—буду, не понадобится—не буду, засмѣялась она.—Будущее—потемки.

Христофоровъ заерзалъ нѣсколько на кончикѣ стула.

— Я-съ не насчетъ будущаго, пояснилъ онъ. — А теперь-съ, можетъ быть, вамъ угодно занять, такъ я-бы эти деньги за одно въ счетъ поставилъ.

— Теперь мнѣ не нужны деньги, отвѣтила Муратова.

— То-есть какъ-же это-съ не нужны? изумился Христофоровъ и опять бросилъ мимолетный взглядъ на Муратову.

По его лицу промелькнуло выраженіе недоумѣнія.

— Такъ просто не нужны, улыбулась Муратова.

— Странно-съ.

Христофоровъ опять тревожно заерзалъ на стулѣ и отшатнулся.

— А то я думалъ, что если-бы вы теперь за одно еще заняли денегъ, такъ ужъ господинъ Гельфрейхъ за-разъ и расплатились-бы, произнесъ онъ и опустилъ не только глаза, но и голову.

Муратова посмотрѣла на него съ изумленіемъ.

— Я васъ не понимаю: зачѣмъ я буду входить еще въ долги, когда мнѣ не нужно? Эти долги и безъ того замучили меня. Они все спутали...

— Напрасно-съ! Кто-же не долженъ-съ? Всѣ должны, даже само государство вонъ бумажки выпускаетъ, пояснилъ Христофоровъ.

— Ну, а я не хочу дѣлать болѣе долговъ! проговорила Муратова.

— Жаль-съ, а то-бы господинъ Гельфрейхъ ужъ за все-бы за-разъ отдалъ, настойчиво повторилъ Христофоровъ.

Муратова пристально посмотрѣла на него; онъ быстро потушилъ глаза и даже покраснѣлъ, начавъ тощими, длинными, растопыренными пальцами вертѣть шляпу, слегка барабая по ея лоснящемуся дну.

— Я васъ, кажется, немного не понимаю, сказала Муратова. — Вы мнѣ предлагаете еще взять денегъ въ долгъ, но для чего-же?

— Чтобы лишнія-съ деньги имѣть! коротко и вразумительно пояснилъ Христофоровъ.

— Да, но кто-же мнѣ повѣритъ? Вонъ нѣсколько дней тому назадъ Аркадій Павловичъ не могъ нигдѣ достать, онъ, вѣроятно, говорилъ и вамъ.

— Да-съ, говорили!.. Но теперь это дѣло другое. Тогда вѣдь ужъ каждый-съ такъ и зналъ, что это все равно пропачія деньги будутъ-съ, а теперь-съ, когда господинъ Гельфрейхъ платять...

Муратова нахмурилась и сухо отвѣтила:

— Баронъ былъ такъ любезенъ, что взялся завѣдывать нашими дѣлами, но не можетъ-же онъ Богъ знаетъ сколько долговъ платить.

— Отчего-же-съ? Заплатять-съ! Имъ это ровно ничего не значить!

Муратова опять посмотрѣла на Христофорова и опять его маленькіе глаза ускользнули отъ ея глазъ.

— И сколько-бы вы могли достать мнѣ сегодня денегъ? спросила она.

— Тисячъ десять, отвѣтилъ онъ.

— И за какіе проценты?

— Для чего-же-съ за проценты, когда господинъ Гельфрейхъ, можетъ быть, послѣ завтра-же начнутъ платить?

— Какъ? Вы беретесь достать даже безъ процентовъ? изумилась Муратова.

— Векселекъ-съ просто напишете на тридцать тысячъ, пояснилъ Христофоровъ. Заднимъ числомъ помѣтишь...

Муратова захохотала.

— Да, это точно, что безъ процентовъ! Вы начинаете меня смѣшать, Андрей Андреевичъ! За десять тысячъ выдать вексель на тридцать! Это мило!

— Да вѣдь господинъ Гельфрейхъ болѣе сорока копеекъ за рубль не дадутъ-сь, спокойно замѣтилъ Христофоровъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ за подобное предложеніе, сухо сказала Муратова.

Христофоровъ потушился.

— Извините, я только думалъ, что вамъ десять тысячъ пригодятся, проговорилъ онъ.

— Помилуйте, взять десять тысячъ, давъ векселей на тридцать! Да развѣ это мыслимо!

— Что-же-сь, по векселямъ платить — это уже будетъ дѣло господина Гельфрейха.

— Да вы ошибаетесь! вспыхнула Муратова. — Баронъ Гельфрейхъ не изъ своего кармана будетъ платить, онъ только скупитъ векселя, и Аркадій Павловичъ будетъ его должникомъ вмѣсто того, чтобы быть должникомъ десяти человѣкъ. Я не понимаю, какъ вы не могли этого сообразить. Это такъ просто.

Аделаида Александровна сильно взволновалась. Христофоровъ потушился.

— Я только-сь думалъ, что господинъ Гельфрейхъ не потребуетъ долгу, потому это будетъ напрасно, скромно пояснилъ онъ; — я думалъ, что это они въ знакъ своего расположенія скупаютъ векселя.

— Расположенья? воскликнула почти съ гнѣвомъ Муратова. — Къ кому это?

— Къ Аркадію Павловичу! вдругъ въ упоръ поднялъ на нее свои глаза Христофоровъ и выраженіе этихъ глазъ было такъ чисто и наивно, какъ выраженіе дѣтскаго взгляда.

Муратова закусила губу. Она сознавала, что Христофоровъ поднялъ все и въ то-же время его невинный тонъ не давалъ возможности рѣзко опровергнуть его предположенія. Она въ волненіи встала съ мѣста. Христофоровъ тоже почтительно поднялся со стула. Въ эту минуту лакей вошелъ доложить о пріѣздѣ какой-то гостя.

— Хорошо, иду, отвѣтила Муратова, и обратилась къ Христофорову: — Когда вы могли-бы доставить эти деньги?

— Сегодня-сь, въ обѣду, отвѣтилъ онъ.

Она подумала и протанула ему руку.

— Такъ заѣзжайте передъ обѣдомъ и привозите деньги.

Онъ подобострастно поцѣловалъ ея руку.

XXIII.

Аделаида Александровна вышла въ гостиную, гдѣ ее уже ожидала одна изъ посѣтительницъ. Черезъ полчаса пріѣхали еще двѣ посѣтительницы и явился Аркадій Павловичъ. Началась обычная свѣтская болтовня. Викторъ Валерьяновичъ, присутствовавшій въ гостиной, разсѣянно пересматривалъ альбомы и почти не принималъ участія въ разговорахъ, когда къ нему подошелъ Аркадій Павловичъ.

— А у тебя явилась чудесная сосѣдка, проговорилъ онъ вполголоса Виктору Валерьяновичу.

Викторъ посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Что? скажешь, что не замѣтилъ? засмѣялся салыннмъ смѣхомъ Муратовъ.— Знаемъ мы васъ, безусыхъ мудрецовъ! Дѣвушка, дѣйствительно, прелесть! Глаза-то одни чего стоятъ! А бюстъ? Вѣдь все натуральное, ничего поддѣльнаго... Бутоны!...

Виктора Валерьяновича покорило. „Этого только недоставало, чтобы за ней стали ухаживать этотъ уродъ!“ подумалъ онъ.

— Я, право, мало интересуюсь всѣмъ этимъ, отвѣтилъ онъ сухо.

— Ну да, толкуй! засмѣялся Муратовъ, похлопавъ его по колѣнкѣ жирною рукой.— Да, впрочемъ, я у тебя ее отобью... Ей-богу, отобью!.. Я сегодня ее встрѣтилъ одну въ коридорѣ и чуть-чуть не обнялъ... Я ей-богу предложу тебѣ помѣняться комнатами. Отъ тебя вѣдь есть ходъ въ гардеробную...

— Я, право, удивляюсь тебѣ, какъ это въ твои лѣта тебѣ идутъ на умъ однѣ сальности, съ отвращеніемъ отвѣтилъ Баскаковъ и отошелъ отъ своего родственника.

Этотъ разговоръ между тѣмъ успѣлъ его встревожить.

„Бѣдная дѣвушка, что ее ждетъ здѣсь? Съ одной стороны такія сцены, какъ сегодняшняя, съ другой — ухаживаніе этого циника“, думалось ему и въ его воображеніи поразительно ясно обрисовался образъ этой скромной, прелестной дѣвушки, съ откровеннымъ взглядомъ, съ непорочно-чистымъ выраженіемъ лица... „Какъ жаль, что здѣсь нѣтъ бабки, она помогла-бы этой несчастной“, думалъ онъ.

Въ его головѣ заронились думы, какая судьба ждетъ эту дѣвушку. Онъ понималъ, что ей нужно-бы помочь. Но какъ? Онъ глубоко задумался. Онъ не впервые сталкивался въ жизни съ нищетою, не впервые если не спасалъ бѣдняковъ по волѣ бабки, то помогалъ имъ отъ ея имени, изъ ея денегъ, но никогда еще не поражала, не трогала его нищета такъ сильно, какъ теперь. Не потому-ли, что здѣсь нищета воплощалась въ такомъ прелестномъ образѣ,—онъ не задавалъ себѣ этого вопроса, этотъ вопросъ даже не приходилъ ему въ голову, а между тѣмъ, по всей вѣроятности, Викторъ Валерьяновичъ менѣе заинтересовался-бы несчастною дѣвушкой, если-бы она была не красавицей, а отталкивающимъ уродомъ. Это было ясно и потому, что его умъ не столько былъ занятъ изысканіемъ средствъ для помощи этой дѣвушкѣ, сколько анализомъ ея красоты и мыслями о томъ, какъ грустно будетъ, если она достанется въ руки такого уroda, какъ Муратовъ.

— Викторъ Валерьяновичъ сегодня что-то не въ духѣ, замѣтила одна изъ посѣтительницъ хозяйкѣ, вида, что Баскаковъ не отходитъ отъ окна и не обращаетъ ни на кого вниманія.—Ужъ не влюбленъ-ли онъ? У него такой разсѣянный и въ то-же время озабоченный видъ.

— Викторъ, тебя подозрѣваютъ, что ты влюбленъ, замѣтила хозяйка, обращаясь къ Баскакову, задумчиво стоявшему у окна поодаль отъ разговаривающихъ.

— Меня? Это почему? удивился онъ.

— Находятъ, что ты грустенъ и скученъ, пояснила хозяйка.

— Вотъ странная мысль, что грустить и скучать можно только отъ любви, пожалъ онъ плечами.

— Да, я думаю, вамъ-то не о чемъ больше грустить и скучать, замѣтила посѣтельница, начавшая этотъ разговоръ.

Это была престарѣлая дѣва Вурмбергъ, нѣсколько кривошее, жолчное и грубое по натурѣ и сдѣлавшееся еще болѣе раздражительнымъ вслѣдствіе своей уродливости и дѣвственности существа. Она, ненавидѣвшая за свою дѣвственность всѣхъ мужчинъ, всѣхъ вышедшихъ замужъ женщинъ и всѣхъ могущихъ выйдти замужъ дѣвушекъ, сдѣлалась филантропкой, чтобы имѣть право кричать о своей дѣятельности и применила къ числу тѣхъ храбрыхъ по глупости эмансипированныхъ свѣтскихъ ба-

рынъ, которыя появляются на всѣхъ лекціяхъ, во всѣхъ филантропическихъ засѣданіяхъ, во всѣхъ благотворительныхъ концертахъ и маскарадахъ, потому что это въ модѣ и потому что и здѣсь можно показывать свои модные наряды. У нихъ все такъ перепуталось въ головѣ, что онѣ потеряли и послѣднюю возможность отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что вокругъ нихъ происходитъ, и сознають только одне, что имъ нужно впутываться въ каждое предпріятіе, въ каждое дѣло, и рыскать по городу съ утра до ночи, жалуясь всѣмъ и каждому, что у нихъ все „дѣла, дѣла“. Эти Бобчинскія и Добчинскія общественныхъ вопросовъ были вдвойнѣ не по-нутру Баскакову, привывшему, съ одной стороны, съ дѣтства къ изящному кружку красивыхъ и граціозныхъ женщинъ въ салонѣ своей матери и слышавшему, съ другой стороны, отъ дѣда и бабки, что „чѣмъ серьезнѣе дѣло, тѣмъ менѣе шуму“ и что болтуны не только вульгарны и пошлы, но и глупы и вредны, такъ-какъ они выдаютъ слова за дѣло и часто обманываютъ этимъ невѣжественную массу.

— Я и не подозрѣвалъ, что вы такъ хорошо изучили меня, что даже знаете, о чемъ я могу или не могу скучать и грустить, отвѣтилъ онъ насмѣшливымъ тономъ.

— Очень мнѣ нужно изучать васъ! вздернула кривую лопатку посѣтительница. — И къ чему нужны вообще изученія отдѣльныхъ личностей, когда и безъ того знаешь всю нашу свѣтскую молодежь, бѣгающую за хвостами хорошенькихъ дурь.

— Вы, значитъ, думаете, что у насъ вся молодежь выгнана въ одну форму? спросилъ Баскаковъ.

— Почти!

— Но для женщинъ вы, вѣроятно, дѣлаете исключеніе, иначе вамъ пришлось-бы говорить, что мы скучаемъ и грустимъ не отъ любви, а оттого, что въ каждой женщинѣ мы видимъ повтореніе того, что намъ уже до сихъ поръ надоѣло, провелъ Баскаковъ рукою по лбу.

— Ахъ, ужъ женщинъ-то нельзя упрекнуть за то, что онѣ остаются въ одномъ и томъ-же положеніи! воскликнула барыня. — Если гдѣ-нибудь у насъ и замѣчается застой, такъ это среди нашихъ мужчинъ, а наши женщины идутъ впередъ быстрыми шагами...

— Но все-же не быстрѣе, чѣмъ бѣлки въ колесѣ, замѣтилъ Викторъ Валерьяновичъ и, взглянувъ на часы, обратился къ Муратовой.—Мнѣ нужно ѣхать...

— Ты будешь къ обѣду? спросила она.

— Да, отвѣтилъ Баскаковъ и, сухо поклонившись присутствующимъ, удалился изъ гостиной.

Ему было не по-себѣ. Съ нѣкоторыхъ поръ его начинали тяготить всѣ и все. Полковые товарищи и свѣтскіе пріятели вертѣлись около него, чтобы выпросить у него денегъ или попить и поѣсть на его счетъ; сойтись съ ними по-душѣ онъ не могъ; всѣ они были пусты; всѣ они кутили, всѣ они прожигали жизнь и беззащитчиво щеголяли своимъ цинизмомъ и сальностями; кутежи и вѣчныя связи съ разными камеліями наложили особую печать на складъ ихъ умовъ; они могли болтать о театрѣ Берга, о танцовщицахъ, о пикникахъ, о свѣтскихъ скандальчикахъ, но дальѣе этого не шли; они были чужды и искусству, и литературѣ, какъ русской, такъ и иностранной, и если читали, то только крайне пошлые романы французскаго рыночнаго издѣлія; впрочемъ, и это дѣлалось рѣдко. Друзей изъ другого круга у Баскакова не было и не могло быть: въ университетѣ онъ пробовалъ сойтись съ людьми другого круга, но онъ сразу разошелся съ лучшими изъ нихъ во взглядахъ, съ худшими-же онъ не считалъ нужнымъ сближаться, да и здѣсь люди шокировали его если не своею разнузданностью, то вульгарностью. Среди женщинъ своего круга онъ встрѣчалъ все больше и больше эмансипированныхъ барынь, находящихся на пристаяжѣ при разрѣшеніи разныхъ вопросовъ и толкующихъ вкривь и вкось о томъ, чего онѣ вовсе не понимаютъ, чего онѣ даже не потрудились понять; эти ходячіе сборники громкихъ словъ и звучныхъ фразъ могли нагнать только тоску на того, кто наизусть зналъ тѣ книги, изъ середины которыхъ эти барыни выдирали наудачу по одной высокопарной фразѣ. Кромѣ того Баскаковъ очень хорошо понималъ, что подделка у этихъ эмансипированныхъ барынь оставалась та-же, какая была у ихъ предшественницъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, смѣшивавшихъ свободу женщины съ свободою чувства и выкидывавшихъ скандалезныя штуки въ разныхъ маскарадахъ и на разныхъ интимныхъ пикникахъ, гдѣ дѣло доходило до самыхъ вульгарныхъ дракъ шампанскими бутылками. Баскаковъ зналъ съ дѣт-

скихъ лѣтъ всю скабрзную хроникку свѣта. Рядомъ съ этими эмансипированными барынями новаго пошиба стояли тѣ дѣвственныя, неповинныя въ какомъ-нибудь знаніи и вмѣшательствѣ въ общественные вопросы наивныя барышни свѣтскихъ гостинныхъ. способныя только болтать на четырехъ языкахъ о тряпкахъ и балахъ, барышни чопорныя, жеманныя, точно старающіяся показать всѣмъ и каждому, что у нихъ есть дипломъ непорочности, и, можетъ быть, достойныя монтионовской премии за добродѣтель, но во всякомъ случаѣ вызывающія зѣвоту въ самоѣ нетребовательномъ собесѣдникѣ. Были еще женщины, съ которыми могъ сойтись свѣтскій молодой человѣкъ: это женщины откровенныя, мотыльки, вакханки, кокотки, цѣль которыхъ въ жизни сводилась на мимо-летныя любовныя интриги, на семейныя водевили и комедіи. Всѣ эти личности имѣли мало привлекательнаго для Виктора Валерьяновича и онъ чувствовалъ себя одинокимъ въ самыхъ людныхъ салонахъ. Покуда въ столицѣ жили его дѣдъ и бабушка, покуда онъ былъ погруженъ въ учебныя занятія, онъ легко выносилъ свое одиночество или, лучше сказать, не замѣчалъ этого одиночества. Но когда онъ остался безъ семьи, когда онъ поступилъ въ полкъ, сознаніе одиночества пробудилось въ немъ. Онъ сначала отдался полковымъ интересамъ, но эти интересы или были слишкомъ мелки, или наполняли очень небольшую часть времени. Все свободное время, котораго было не мало, тянулось скучно. Молодой человѣкъ продолжалъ заниматься наукою, продолжалъ читать, продолжалъ заниматься живописью и музыкою, но жить одними книжными интересами на двадцать второмъ году жизни нельзя. Потребность сердечной связи съ людьми сказывается въ эти годы очень сильно, особенно когда человѣкъ по натурѣ мягокъ и нѣженъ и избалованъ женскимъ воспитаніемъ. Правда, у Виктора Валерьяновича были молодые родственники, дѣти его дяди и его тетки, но эта молодежь ничѣмъ не отличалась отъ остальной пустой свѣтской молодежи, если не считать того, что молоденькія дочери его дяди графа Матвѣя Баскакова, кромѣ свѣтской пустоты, отличались еще склонностью къ ханжеству, а сыновья его тетки княгини Маріи Скавронской, были не только простыми кутилами, но и нестерпимыми, надутыми фатами. Кромѣ того, и двоюродныя сестры и двоюродные братья не долюбливали его, какъ любимца и баловня дѣда и бабушки и опаснаго конкурента на наслѣдство. Сре-

ди этихъ родственниковъ были еще два человѣка, ухаживавшіе за молодымъ человѣкомъ,—это были два брата Муратовыхъ, Аркадій и Петръ Павловичи. Они готовы были носить и носили на рукахъ Виктора Валерьяновича, но онъ смутно угадывалъ источникъ этой любви и не особенно уважалъ этихъ людей, одинъ изъ которыхъ былъ глупъ, другой-же—крайне пустъ. Но у одного изъ этихъ людей была жена—тоже родственница Виктора Валерьяновича—Аделаида Александровна. Она-то и произвела самое пріятное впечатлѣніе на молодого человѣка. Явившись въ столицу молодой провинціалкой, обладая живымъ и мягкимъ характеромъ, способная беззаботно веселиться и горько плакать, вспоминая о своей участи, она какъ-то сошлась съ молодымъ родственникомъ, который называлъ ее *chère petite tante* и которому она подставляла для поцѣлуевъ свои ручки. Для нея все было ново въ столицѣ и Викторъ долженъ былъ нерѣдко служить ея проводникомъ въ то время, когда ея мужъ сидѣлъ въ должности или кутилъ на пикникахъ. Викторъ и Аделаида Александровна посѣщали академію художествъ и эрмитажъ, гдѣ молодой Баскаковъ разсказывалъ ей объ иностранныхъ картинныхъ галереяхъ, о Дрезденѣ, Мюнхенѣ и Луврѣ. Онъ бывалъ съ нею въ театрахъ и живо передавалъ ей, какъ онъ еще мальчикомъ увлекался пѣніемъ Бозіо и Тамберлика. Онъ сопровождалъ ее на балы и посвящалъ ее въ тайны свѣтской жизни. Иногда они оставались одни и читали вмѣстѣ его любимыя произведенія: Бальзака, Гоголя, Жоржъ-Занда, Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Гёте, Шиллера, Байрона, Диккенса, Теккерея. Онъ любилъ ее за то, что въ ней не было дѣланной чопорности свѣтскихъ весталокъ и напускной распушенности свѣтскихъ эмансипированныхъ барынь; онъ видѣлъ, что она относится ко всему просто, по-человѣчески. Но болѣе всего привлекали его къ ней ея грація, ея нѣсколько кошачья мягкость, ея умѣнье приласкать человѣка. Она, въ свою очередь, полюбила его за то, что изъ всей ея родни только онъ да его дѣдъ и бабка отнеслись къ ней чисто по-родственному, тепло и радушно. Она любила его, какъ любила тѣ солнечные лучи, которые въ годы ея дѣвчества проскальзывали иногда въ ея спальню и пригрѣвали ее во время утренней дремоты. Но среди этой свѣтлой дружбы пробѣгали иногда и легкія тучки: порою его начинало смущать, что Аделаида Александровна слишкомъ усердно отдается развлечениямъ, что она слишкомъ сильно

привязывается къ грубому веселью столичной жизни, что она бѣжить изъ дома, изъ своего гнѣзда; онъ упрекалъ ее за это, высказывая ей свои мысли насчетъ идеала скромной и простой домашней и семейной жизни; тогда Муратова начинала жаловаться на свою судьбу и говорила, что ей нужно забыться. Онъ начиналъ смутно понимать, что она несчастлива въ своей семейной жизни. Но она прямо не высказывала этого. Только разъ онъ слышалъ ея восклицаніе, вырвавшееся послѣ чтенія одного изъ романовъ Диккенса.

— Какъ счастливы героини всѣхъ этихъ романовъ, замѣтила она.— Онѣ могутъ любить и уважать своихъ мужей.

Другой разъ она говорила его бабкѣ:

— Если я завидую кому-нибудь, такъ это молодымъ матерямъ. Дѣти могутъ замѣнить имъ всѣ наслажденія и заставить забыть всѣ невзгоды.

Далѣе этихъ случайныхъ признаній она не шла и онъ уважалъ ее за это еще болѣе, понимая, что она изъ гордости не хочетъ дѣлать кого-бы то ни было повѣреннымъ своихъ семейныхъ невзгодъ. Это заставило его еще нѣжнѣе и мягче относиться къ ней, и когда онъ, девятнадцати-лѣтній юноша, выглядѣвшій почти ребенкомъ, цѣловалъ ея руки, сидя у ея ногъ съ книгою на колѣняхъ и ласково заглядывая ей въ глаза,—ей было такъ хорошо, такъ отраднo. Его ласки походили на ея бывшія дѣтскія ласки. Когда она бросилась на путь новой болтливой и суетной благотворительности, онъ объяснилъ это желаніемъ среди какой-нибудь дѣятельности забыть домашнюю жизнь. Онъ былъ крайне далекъ отъ того, чтобы понять всю истину; если онъ и зналъ одну сторону этой истины, то только хорошую. Когда въ памятную для него ночь, Аделаида Александровна бросилась ему на шею, онъ сначала горько упрекалъ себя, онъ хотѣлъ вымолить себѣ прощеніе за свой „проступокъ“ и переѣхать въ изгнаніе, въ домъ своего дѣда. Но новое свиданіе съ Муратовой показало ему, что онъ въ сущности не злоупотреблялъ ея довѣрчивостью, что она хотѣла сама этой связи. Ему стало жаль молодую женщину. Онъ сталъ даже думать, что этотъ конецъ несчастной семейной жизни былъ неизбеженъ, что даже нужно считать благомъ для Муратовой то, что она сошлась съ нимъ, а не съ кѣмъ-нибудь другимъ. Онъ съумѣетъ честно отнестись къ ней, оградить ее отъ клеветы,

доставить ей свѣтлыя минуты любви. Онъ даже проектировалъ, какъ они заживутъ еще болѣе дружно, какъ онъ отвлечетъ ее отъ разныхъ эмансипированныхъ барынь, отъ пикниковъ съ молодежью. Онъ думалъ, что она, подобно ему, менѣе всего создана для шумной жизни, что она по натурѣ должна вести скромную и мирную жизнь, отдаваться тихимъ наслажденіямъ, жить у комфортабельно и уютно устроеннаго домашняго очага, гдѣ все удовлетворяло-бы развитый вкусъ, гдѣ лучшія произведенія скульптуры и живописи, музыка и изящная словесность удовлетворяли-бы вполне человѣка, окружившаго себя пятью-шестью избранниками-друзьями. Были минуты, когда онъ думалъ:

„О, если-бы она сдѣлалась матерью!“

Ему казалось, что это спасетъ ее и сдѣлаетъ еще привлекательнѣе созданный его воображеніемъ уголокъ. Онъ не зналъ, что ее могутъ спасти только деньги, деньги и деньги. Муратова стыдилась говорить о своемъ денежномъ положеніи даже роднымъ. Она слишкомъ ясно поняла, что свѣтъ смотритъ снисходительно на своихъ членовъ до тѣхъ поръ, пока они не дошли до нищеты. Кромѣ того, она знала, что Викторъ Валерьяновичъ лично покуда не располагаетъ такими средствами, чтобы помочь ей, да если-бы онъ и располагалъ этими средствами, то по своимъ взглядамъ онъ не могъ-бы дать ей возможность вести прежнюю широкую жизнь. Онъ, пожалуй, заплатилъ-бы ея долги, но при этомъ сказалъ-бы: „теперь ваши дѣла поправлены, вамъ нужно постараться жить скромно, по своему состоянію“. Онъ самъ велъ на-столько скромную жизнь, что не могъ себѣ представить, какъ можетъ не удовлетворять такая жизнь другихъ. Вслѣдствіе всего этого матеріальное положеніе Аделаиды Александровны оставалось тайною для Виктора Валерьяновича, и когда она говорила о своей несчастной жизни, онъ приписывалъ всѣ ея несчастія ея неудачному замужеству. Онъ надѣялся, что она будетъ счастливѣе послѣ сближенія съ нимъ, и его неприятно поразила теперь неприличная сцена съ барономъ. Еще болѣе смутилъ его порывистый и лихорадочный тонъ Аделаиды Александровны во время объясненія по поводу сцены съ барономъ, когда онъ, Баскаковъ, смѣшивавшій понятіе о любви съ понятіемъ о восточной нѣгѣ и о томномъ, медленно развивающемся сладострастіи, чуть не на другой день послѣ начала первой любви увидалъ любимую женщину въ состояніи,

близкомъ къ лихорадѣ и безумію, требующую ревности и ревнующую, истерически рыдающую и раздражающуюся насильственнымъ, рѣзкимъ смѣхомъ, говорящую бравурнымъ тономъ вакханки и доходящую до приниженія кающейся Магдалины. Все это такъ-же непріятно подѣйствовало на него, какъ дѣйствовала на него порою музыка Мейербера, когда въ ней обрывалась какъ-бы неоконченною только-что начатая ласкающая мелодія, — какъ дѣйствовала на него поэзія Виктора Гюго, обременявшая и поражавшая воображеніе нагроможденными одинъ на другой яркими образами и блестящими фразами, — какъ дѣйствовала на него драма Шекспира, когда элегія гамлетовской скорби грубо нарушалась вульгарнымъ балагурствомъ могильщиковъ. Такъ-же непріятно было ему, что около Аделаиды Александровны все еще вертятся болтливыя и пустыя филантропки поваго пошиба, въ родѣ старой дѣвы Вурмбергъ, скорѣй напоминавшей фурію въ ея отношеніяхъ къ бѣднякамъ, чѣмъ ангела-хранителя вдовъ и сиротъ. Эти филантропки съ ихъ размахистымъ, заимствованнымъ Богъ знаетъ гдѣ языкомъ, съ ихъ угловатыми манерами, съ ихъ напускною развязностью, съ ихъ грубостью и безсердечностью были противны Баскакову.

— Надо какъ-нибудь иначе устроить ея жизнь, разсуждалъ онъ, и въ то-же время въ его головѣ возникалъ вопросъ: — но какъ?

Впервые онъ сознавалъ, какъ печально положеніе свѣтской женщины, лишенной супружескаго счастья и дѣтей. Чѣмъ пополнить этой женщинѣ внутреннюю пустоту своей жизни? У бѣдняка есть насущная необходимость трудиться; у богатой свѣтской женщины этой необходимости нѣтъ; если такая женщина и играетъ иногда въ трудъ, то она приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, отбивая работу у бѣдняковъ. Чтобы наполнить хоть чѣмъ-нибудь свое время, такая женщина, не имѣя дѣтей, должна по-неволѣ или играть въ филантропію, или порхать по гостямъ, по баламъ, по театрамъ, и наполнять свободное время мелкими интригами и любовными похождениями. Разсматривая эти вопросы, онъ становился грустнымъ и серьезно думалъ о томъ, что если-бы онъ когда-нибудь женился, то онъ прежде всего постарался-бы создать для своей жены такой домашній мірокъ, изъ котораго ее не гнали-бы тоска и скука.

Онъ рисовалъ въ своемъ воображеніи всѣ детали, всѣ мелочи

этого мирнаго, артистическаго уголка съ цвѣтами, съ художественными произведеніями, съ музыкальными вечерами, и посреди этого эдема онъ видѣлъ граціозную женщину — свою жену. Страннымъ образомъ эта женщина теперь представлялась ему все чаще и чаще въ видѣ знакомой ему дѣвушки. Только воображаемая имъ женщина была роскошнѣе одѣта, чѣмъ та дѣвушка, образъ которой носился въ его воображеніи. Этотъ образъ былъ образъ Даши. Викторъ Валерьяновичъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждался, что онъ еще не встрѣчалъ болѣе граціозной, болѣе прекрасной женщины.

XXIV.

Даша, между тѣмъ, хотя и не могла особенно жаловаться на свое положеніе въ домѣ Муратовыхъ, но не имѣла въ то-же время и особенныхъ причинъ радоваться своей новой жизни.

Любезное обращеніе съ нею Аделаиды Александровны, многозначительные и сально-заигрывающіе взгляды Аркадія Павловича, искреннее, хотя и невысказываемое восхищеніе ея красотой со стороны Виктора Валерьяновича, — все это нисколько не способствовало улучшенію положенія семьи молодой дѣвушки. Съ каждымъ днемъ Даша все болѣе и болѣе задумывалась о томъ, что дѣлаетъ ея семья, какъ она перебивается со дня на день, что будетъ дальше, и начинала все сильнѣе опасаться за будущее. Оно не представляло ничего отраднаго. „Общество первой помощи“ въ лицѣ своей предсѣдательницы, считая вполне достаточнымъ то, что молодая дѣвушка „вырвана изъ омута нищеты и невѣжества“ и „пристроена къ мѣсту“, успокоилось насчетъ судьбы Лыткиныхъ, какъ успокоилось-бы въ подобномъ случаѣ каждое другое благотворительное общество, привыкшее дѣлать много шума изъ ничего. Члены „Общества первой помощи“ едва-ли даже помнили, что передъ ихъ глазами, среди сотни другихъ бѣдняковъ, нѣсколько недѣль тому назадъ, въ промежутокъ между двумя балами, прошли, какъ китайскія тѣни, и эти бѣдняки, — прошли, не оставивъ ни въ комъ ровно никакого слѣда, не пробудивъ никакого честнаго и искренняго чувства. Да если-бы члены „Общества первой помощи“ и помнили объ этихъ бѣднякахъ, то поль-

„Дѣло“, № 3, 1876 г. 13

зы было-бы мало. Пристроить старуху Лыткину въ богадѣльню при живомъ мужѣ было невозможно; поставить на ноги этого пьяницу-мужа было еще труднѣе; отдать-же на полный пансіонъ въ гимназію Васю—на это нужны были слишкомъ большія средства, которыхъ въ кассѣ общества не было, да притомъ-же Вася былъ не единственный ребенокъ, котораго „надо-бы“ пристроить, а у „Общества первой помощи“, какъ и у всѣхъ другихъ подобныхъ обществъ, въ кассѣ была постоянная пустота. Бъ тому-же Марья Петровна увлеклась въ это время всецѣло мыслью объ устройствѣ пріюта для падшихъ женщинъ и выбывалась изъ силъ, придумывая разные средства, чтобы добыть на этотъ предметъ необходимый капиталъ; остальные-же дамы-патронесы болѣе заботились о выпискѣ платьевъ изъ Парижа для зимнихъ баловъ, о ложахъ въ итальянской оперѣ, о парадныхъ обѣдахъ, чѣмъ о пополненіи изъ своихъ средствъ обнищавшей кассы общества. Общество, въ дѣлѣ семьи Лыткиныхъ, было довольно, что оно спасло хоть одну личность изъ погибшей семьи, хотя ни одинъ изъ членовъ даже и не думалъ о томъ, какъ пристроена эта личность и какіе результаты принесетъ ей ея новое положеніе. Сама Аделаида Александровна думала объ этомъ менѣе всего, не вслѣдствіе одного своего легкомыслія, а потому, что она была занята совершенно другими, болѣе близкими ей вопросами.

Уплата векселей, сближеніе Аркадія Павловича съ кружкомъ барона Гельфрейха, тѣсная связь съ барономъ самой Муратовой,— все это поглощало всѣ мысли, все время молодой женщины. Среди такого положенія дѣлъ Аделаидѣ Александровнѣ, конечно, некогда было думать о Дашѣ, и Даша очень ясно сознавала, что ее почти забыли.

Молодая дѣвушка начинала бояться за участь своихъ родныхъ: живя съ ними, она вырабатывала хоть что-нибудь, теперь она не могла даже опредѣлять, много-ли ей дадутъ въ мѣсяцъ жалованья. Когда нанимають прислугу, съ ней заключаютъ условіе насчетъ платы за трудъ; когда въ домъ берутъ изъ филантропіи какую-нибудь нищую, условія насчетъ платы за работу считаются лишними, такъ-какъ размѣръ этой платы зависитъ отъ большей или меньшей щедрости филантропа. Даша вспоминала слова тетки и начинала бояться, что эта женщина была права. Ей хотѣлось теперь побывать дома, взглянуть на близкихъ, но,

къ несчастію, она не могла вырваться изъ дома Муратовыхъ. Ее удерживала не работа, — нѣтъ, ея судьбой опять-таки распоряжалась ея одежда: у молодой дѣвушки не было верхняго теплаго платья, а на дворѣ, какъ на зло, стояли холода. Даша должна была невольно обречь себя на сидѣнье по цѣлымъ днямъ за работой и не выходить никуда изъ четырехъ стѣнъ своей временной тюрьмы.

Молодая дѣвушка, нѣсколько ободрившаяся и оживившаяся въ ту минуту, когда передъ нею блеснулъ слабый лучъ надежды, теперь снова упала духомъ и тоскливо смотрѣла на будущее. „Хоть-бы брата спасти, хоть-бы его одного“, опять мелькало въ ея головѣ, и она безцѣльно устремляла впередъ свои глаза, точно сляясь прочитатъ гдѣ-то свое будущее. Когда проходили эти тяжелыя минуты раздумья и она, вспомнивъ, что у нея есть дѣло, снова принималась за работу, — она начинала иногда бояться за себя. „Такъ и съума сойти можно“, думала она и вздрагивала при этой мысли.

Вѣсти изъ родного угла пришли къ ней совершенно неожиданно. Однажды, черезъ нѣсколько времени послѣ того памятнаго для Муратовой дня, когда она объяснилась съ Викторомъ Валерьяновичемъ по поводу своего поведенія съ барономъ Гельфрейхомъ, Даша чувствовала особенно сильно гнетущую тоску. Шитье было кончено; у Муратовыхъ были гости и потому молодая дѣвушка въ полдень сидѣла одиноко въ столовой, разливая и отправляя съ лакеемъ чай и кофе въ гостиную; потомъ, за неимѣніемъ работы, она удалилась въ свою комнату и грустно просидѣла здѣсь до вечера, почти не принимаясь ни за что. Въ этотъ день она была-бы рада даже посѣщенію тетки, несмотря на всю ея нелюбовь къ этой женщинѣ. Придумывая способы вырваться хоть на минуту домой, молодая дѣвушка была почти готова попросить верхней теплой одежды даже у кого-нибудь изъ прислуги, хотя эта прислуга враждебно относилась къ ней, какъ вдругъ къ ней вошелъ лакей.

— Васъ кто-то спрашиваетъ, сказали онъ.

— Меня? удивилась Даша. — Кто-же?

— Не знаю, старикъ какой-то... Изъ чиновниковъ, должно быть, отвѣтилъ лакей съ насмѣшкой и пренебреженіемъ въ голосѣ.

Даша тревожно поднялась съ мѣста.

— Гдѣ онъ? спросила она.

— На черной лѣстницѣ ждетъ.

У Даши забилось сердце. Она поспѣшно вышла изъ своей комнаты, прошла черезъ коридоръ въ кухню, чтобы выйти на черный ходъ, и не могла не замѣтить, что прислуга какъ-то странно перешептывалась между собой. Молодая дѣвушка отворила дверь на черную лѣстницу и увидала сидящаго на подоконникѣ Андрея Егоровича. Онъ былъ, по обыкновенію, по-нищенски одѣтъ, въ свою обычную одежду, только сверхъ куртука на его плечи была накинута оборванная шинель, вѣроятно, чужая, такъ-какъ она была крайне коротка.

— Батюшка! вырвалось изъ груди дѣвушки восклицаніе, и въ немъ послышались и радость, и упрекъ.

— Да, батюшка! коротко отвѣтилъ Андрей Егоровичъ. — А ты, поди, ужъ и забыла, что у тебя есть отецъ!.. Наги, босы, сидишь голодомъ, а дочь въ хоромахъ живетъ, на пуховикахъ спитъ...

— Что братъ? Здорова-ли мать? перебила его торопливо Даша.

— Ишь вдругъ вспомнила, а то почти мѣсяцъ и не думала! отвѣтилъ отецъ.

Онъ говорилъ необычайно сурово. Даша замѣтила, что онъ не былъ пьянъ. Но его глаза смотрѣли какъ-то дико и странно, лицо словно осунулось.

— Не думала! съ горечью отвѣтила Даша. — Вы-бы спросили, какъ я провожу ночи отъ этихъ думъ-то!.. Развѣ я виновата, что я на улицу не могу выйти, что у меня теплой одежды даже нѣтъ...

— Толкуй, денегъ-то, чай, могла-бы впередъ взять! отвѣтилъ старикъ.

— Легко сказать: могла-бы взять, а каково просить, когда не заслужила еще... Да вы рассказывайте, какъ и что у насъ, здоровы-ли всѣ?

— Здоровы! махнулъ рукою Лыткинъ. — Я за деньгами пришелъ... денегъ у насъ нѣтъ...

— Я вамъ не могу ничего теперь дать, грустно отвѣтила Даша. — Подождите, я пришлю дня черезъ два...

— Дня черезъ два! сурово передразнилъ ее отецъ. — А теперь голодать прикажешь?..

Онъ говорилъ все въ томъ-же тонѣ, мрачно и сурово; было замѣтно, что онъ раздраженъ до послѣдней степени.

— Да что-жъ мнѣ дѣлать, если у меня нѣтъ? проговорила Даша. — Повѣрьте, что и мнѣ не легко... Я за это время сама измучилась, думая о васъ...

— Измучилась! По своей волѣ-то пошла... Когда тетка говорила, что купецъ хочетъ познакомиться, такъ отказалась, а теперь изъ-за тебя голодаемъ...

Даша широко открыла глаза. Она не думала, что отецъ знаетъ о предложеніи тетки.

— Благодарю Бога, что я тогда не зналъ, а то не ушла-бы ты сюда, продолжалъ старикъ суровымъ тономъ. — На веревкѣ-бы стащилъ къ теткѣ. Семья страдаетъ, семья мучается, а она отъ счастья отказывается! Тварь безчувственная!

Даша вздрогнула. До этой минуты она говорила съ отцомъ ласково, привѣтливо, теперь онъ пробудилъ въ ней негодованіе.

— Такъ вы хотите, чтобы я продала себя для васъ? воскликнула она.

— Продала! Продала! грубо передразнилъ ее снова Лыткинъ. — Не о продажѣ шла рѣчь, а о спасеніи себя и семьи. Старъ я, чтобы такую жизнь вести, пора духъ перевести... Завтра же требуй расчета и иди домой... Купецъ опять засылалъ тетку... Вчера была, говорить: „вотъ мучаетесь, а деньги сами въ карманъ просятся. И вамъ-бы было хорошо, и мнѣ“...

— Я не пойду! рѣзко отвѣтила Даша, возмущенная до глубины души словами отца.

— Не пойдешь? переспросилъ Лыткинъ, вставая съ подоконника.

— Не пойду! твердо повторила Даша.

— А что ты скажешь, если я тебя черезъ полицію заставлю придти? съ разстановкою, твердымъ голосомъ произнесъ отецъ. — Или еще не гуляла съ окологородными по городу? Я-то по-твоему кто? Не отецъ тебѣ? Власть у меня нѣтъ надъ тобою? А?

Дашу бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Ее душило негодованіе. Ея глаза загорѣлись лихорадочнымъ огнемъ.

— Я останусь здѣсь на мѣстѣ и не пойду домой, твердо проговорила она, — и если вы попытаете потребовать меня черезъ полицію, то вы никогда больше не увидите меня. Слышите?

— Ну, посмотримъ! съ угрозой побачаль головою старикъ.

— Да, и посмотрите! съ жаромъ отвѣтила она. — Вы думаете, у меня не хватитъ силы покончить съ собою?.. Да я-бы давно, слышите вы, давно бросилась-бы въ воду, если-бы не братъ, не мать... Не для васъ-ли мнѣ жить?

Она ближе подошла къ нему.

— Васъ я ненавижу, проклиная, слышите вы, проклиная каждый день, каждую минуту! прошептала она глухимъ голосомъ.

— Что? рѣзко произнесъ онъ и хотѣлъ взять ее за руку.

— Не троньте, а не то я позову прислугу и велю столкнуть васъ съ лѣстницы! почти крикнула она. — Я знаю васъ, я васъ давно знаю!.. Вамъ тетка наговорила, что за меня много дадутъ, у васъ, вѣрно, дня два денегъ не было, чтобы опохмѣлиться, такъ вотъ вы и готовы и меня продать, и кого угодно загубить, только-бы денегъ добыть, а когда я позову людей, такъ вы въ ногахъ валяться будете, прося прощенья... Все знаю, все!.. Ступайте! Да помните, что я скорѣе вотъ отсюда на мостовую брошусь, чѣмъ продамъ себя вашему кушцу, чѣмъ позволю ему обезчестить себя...

Лицо Даша горѣло, въ глазахъ ея была энергія, въ голосѣ слышалась твердость. Лыткинъ вдругъ измѣнился въ лицѣ и перемѣнилъ тонъ.

— Да ты что-же, Даша, началъ онъ болѣе ласково. — Ты не поняла меня!.. Звѣрь я какой, что-ли, что губить тебя стану?.. Я о твоёмъ-же счастіи забочусь... Такъ-бы я и далъ какому-нибудь аршиннику, бородачу загубить тебя... Я законы знаю, мы его благословили-бы законнымъ бракомъ... Ты вѣдь еще что — почти дѣвочка, такъ ему даромъ-то не спустили-бы, если-бы что случилось... Теперь судъ гласный...

— Идите вонъ! указала Даша отцу на лѣстницу. — Идите и не смѣйте никогда являться ко мнѣ. Изъ-за васъ меня выгнали изъ магазина, такъ вы хотите, чтобы выгнали и отсюда... Ступайте. Но знайте, что первая ваша попытка привести меня домой силою кончится не добромъ... Мертвую, мертвую только увидите вы меня тогда... Тогда уже не съ кого будетъ срывать послѣдній грошъ... Слышите вы?..

Даша говорила нервнымъ, взволнованнымъ тономъ. Казалось,

она была-бы готова хоть сейчас на самоубійство, если-бы отецъ вздумалъ употребить насиліе.

Лыткинъ понялъ все и струсиль окончательно: онъ чувствовалъ, что и въ этотъ вечеръ ему не удастся опохмѣлиться, а между тѣмъ онъ испытывалъ то страшное и мучительное ощущеніе, которое знакомо только пьяницамъ, когда они два-три дня не могутъ добыть ни капли водки, встрѣчая на каждомъ шагѣ винныя погреба и кабаки, ощущая вездѣ запахъ вина и водки, видя людей, выходящихъ, пошатываясь, изъ трактировъ, погребовъ и питейныхъ заведеній. Это ощущеніе невыносимо: сначала пьяницу „сосеть въ груди“, какъ выражаются эти люди, потомъ ихъ начинаетъ томить тоска, переходящая мало-по-малу въ раздражительное состояніе; наконецъ, ихъ раздраженіе доходитъ до степени яростной злобы и мрачнаго отчаянія; въ такія минуты за рюмку водки пьяница готовъ сдѣлаться не только воромъ, подлецомъ, но и убійцей. Даша знала, что ея отецъ въ такіе дни былъ по-истинѣ страшенъ и въ то-же время низокъ: сначала онъ готовъ былъ бить ее и жену, но, встрѣтивъ отпоръ, онъ переходилъ въ унижительный тонъ, кланялся и молилъ ихъ какъ нищій, о грошѣ. Въ эту минуту онъ перешелъ къ этому омерзительному униженію.

— Ну, полно, Данечка, забормоталъ онъ и его глаза забѣгали въ разныя стороны, — Вѣдь я все для тебя, все для тебя стараюсь... Ты думаешь, отецъ — мерзавецъ, отецъ — негодяй, онъ готовъ родную дочь продать... Нѣ-ѣтъ, нѣ-ѣтъ!.. Андрей Лыткинъ не продастъ дочери!.. Онъ ей добра желаетъ...

— Мнѣ некогда, отрывисто проговорила Даша и хотѣла идти.

Онъ удержалъ ее за платье, вцѣпившись въ него, какъ кошка, ерющковатыми пальцами.

— Постой, Дашурочка, родная, постой! пугливо пробормоталъ онъ. — Какъ-же такъ?.. Мнѣ деньги нужны... Три дня безъ дѣла и безъ денегъ сижу... три дня... Ты это пойми!.. Вѣдь люди въ такомъ-то положеніи въ воду бросаются... Вѣдь вотъ иду я мимо кабака... народъ тамъ... шумять, галдятъ, пьютъ... а я безъ гроша... войти не могу, какъ проказенный... Зашелъ разъ, безъ денегъ зашелъ... гнать стали, окаянные... потомъ, шутники, черти проклятые, поднесли, ко рту поднесли шкаликъ и... выплеснули... на полъ выплеснули...

Лыткинъ трясся всѣмъ тѣломъ и почти плакалъ.

— Я, Дашечка, руку свою, вотъ эту руку лизалъ, потому что попало на нее, нѣсколько капель попало... Вѣдь меня, Даша, червь сосетъ, вѣдь у меня видѣнія разныя теперь, страхъ меня одолеваетъ, вотъ по этой лѣстницѣ я шелъ, а онъ-то рядомъ идетъ и шепчетъ: „бросься, бросься“... Я отъ перилъ къ стѣнкѣ, къ стѣнкѣ прижался, а стѣнка отталкиваетъ, отталкиваетъ...

Въ глазахъ Лыткина выражался ужасъ. Онъ и теперь прижался къ стѣнкѣ, подальше отъ перилъ.

Даша стояла съ поникшею головой: теперь отецъ казался ей и страшнѣе, и жалокѣе. Его поблѣднѣвшее лицо, его вдругъ заискрившіеся глаза, его трясущіяся руки, его всклокоченные волосы и оборванный костюмъ дѣлали его похожимъ на сумасшедшаго.

— Мнѣ двугривенничекъ, двугривенничекъ, только опохмѣлиться сегодня да выпить завтра по утру, бормоталъ онъ, — а тамъ и вострепнусь... вострепнусь... Потому опять будутъ и дѣла... будутъ... какъ не быть...

— Вотъ вамъ, тихо отвѣтила дочь, вынимая изъ кармана послѣднія деньги.

Онъ жадно схватилъ ихъ и какъ-то дико засмѣялся едва слышнымъ, жидкимъ смѣхомъ.

— Дала, дала!.. Вотъ дочка... спасибо, дочка! забормоталъ онъ и закивалъ ей головой съ выраженіемъ идиота. — Ну, прощай... прощай!.. Холодно, холодно... согрѣться надо!

Онъ съ застывшею на ослабившемся лицѣ улыбкою, торопливо, спотыкаясь, началъ спускаться съ лѣстницы, держа прижатый къ груди кулакъ съ деньгами и устремивъ впередъ неподвижно остановившіеся глаза.

Даша какъ-то машинально, безсознательно пошла въ свою комнату. Ей приходилось снова идти черезъ кухню и здѣсь она опять встрѣтила всю прислугу Муратовыхъ, столпившуюся въ одну группу. Даша шла мимо этихъ людей, ничего не замѣчая, ни на кого не глядя, но ее остановила горничная вопросомъ:

— Это, должно быть, вашъ батюшка были, Дарья Андреевна?

— Да, тихо отвѣтила Даша.

— Что-же это вы ихъ на лѣстницѣ продержали и въ свою комнату не пригласили? спросила горничная.

— Онъ на минуту приходилъ, отвѣтила Даша.

— Все-же не хорошо. Я не только своихъ родителейъ, но даже и жениха своего не заставлю дежурить на черной лѣстницѣ... Это ужъ вовсе неблагогородно...

Даша ничего не отвѣтила и прошла въ свою комнату. Она слышала, какъ вслѣдъ за нею раздалось среди прислуги хихиканье. Ей было тяжело; она не могла удержаться отъ слезъ. Впервые она начала сознавать, что, несмотря на воѣ лишенія, она была счастливѣе въ своемъ подвальномъ углу, чѣмъ здѣсь. Въ ея воображеніи рисовалась теперь вся бѣдственная картина положенія ея родныхъ. Но чѣмъ она могла помочь имъ? У нея не было даже денегъ, чтобы послать ихъ матери, не было возможности спросить этихъ денегъ у Муратовой. Во-первыхъ, Дашу взяли въ этотъ домъ, не сказавъ ни слова о томъ, что ей будутъ платить; во-вторыхъ, Даша знавала, что ея услуги въ этомъ домѣ въ сущности ничтожны и могутъ быть названы лишними, ненужными. Какъ-же было ей просить за нихъ платы? Подъ вліяніемъ этихъ скорбныхъ думъ, она поникла головой и расплакалась.

— Васъ просятъ разлить чай, послышался голосъ лакея.

Даша торопливо встала и осушила слезы.

— Вы, Дарья Андреевна, сказали-бы своему папенькѣ, чтобы они не ходили къ намъ, проговорилъ лакей, не трогаясь съ мѣста.

— Онъ не къ вамъ, а ко мнѣ приходилъ, сухо отвѣтила Даша.

— Знаемъ, что не къ намъ, отвѣтилъ лакей.—Къ намъ такіе-то не ходятъ... Только къ вамъ другого хода нѣтъ, какъ черезъ кухню и коридоръ, такъ если что, оборони Богъ, пропадетъ, то мы отвѣчать будемъ...

Даша вспыхнула.

— Мой отецъ не воръ! проговорила она.

— Этого мы не знаемъ-съ. А только такъ-какъ они не въ своемъ видѣ, то мало-ли что человѣкъ можетъ сдѣлать...

— Я вамъ говорю, что мой отецъ не воръ, повторила Даша съ негодованіемъ.—И покуда я здѣсь, мои родные будутъ ходить ко мнѣ...

— Это какъ вамъ угодно, только вы ужъ не пеняйте, если мы такъ барынѣ и скажемъ, что мы ни за что отвѣчать не можемъ...

— Ну и идите, жалуйтесь, сколько вамъ угодно!

— Что-жь и пойдѣмъ! Мы тоже за всякаго отвѣчать не намѣрены... А вы если ужь хотите на положеніи барышни здѣсь быть, такъ должны-бы, по-крайности, соблюдать себя и не принимать Богъ знаетъ кого съ улицы. Тоже хоть онъ и на черномъ ходу стоялъ, а все-же жильцы могли видѣть. Подумають, что къ намъ Богъ знаетъ кто шляется...

— Ступайте вонъ!

— Пойдемъ-съ, пойдѣмъ! Мы тоже это очень хорошо понимаемъ, что намъ въ вашей комнатѣ не мѣсто, мы вѣдь не графчики, чтобы съ вами компанію могли держать...

XXV.

Даша быстрыми шагами направилась въ столовую. Она была блѣдна и взволнована. Она заварила чай и сѣла къ столу, какъ-то тупо устремивъ въ пространство свои глаза. Трудно сказать, что больше тревожило ее теперь: думы-ли о положеніи семьи, воспоминаніе-ли о встрѣчѣ съ спившимся съ круга отцомъ или оскорбленія и темныя подозрѣнія прислуги. Черезъ нѣсколько минутъ въ столовую вошли Аркадій Павловичъ, Петръ Павловичъ, Викторъ Валерьяновичъ и Аделаида Александровна. Даша начала разливать чай.

— Что съ вами? Вы нездоровы? спросилъ ее Викторъ Валерьяновичъ, привыкшій за послѣднее время всматриваться въ это лицо и любоваться имъ.

— Да... голова что-то болитъ, отвѣтила Даша.

— И отъ головной боли вы плакали? спросилъ Басяковъ.

Даша молчала. Она сознавала, что здѣсь не мѣсто ей рассказывать о своихъ тревогахъ и печалахъ.

— У васъ непріятность какая-нибудь случилась? небрежно спросила Аделаида Александровна, услышавъ вопросы Виктора.

Даша подняла на нее глаза.

— У меня сейчасъ былъ отецъ... начала она въ смущеніи.

— Ахъ, Боже мой, зачѣмъ онъ ходитъ! съ гримасой воскликнула Муратова. — Не можетъ оставить васъ въ покоѣ...

— Меня не его приходъ взволновалъ, тихо пояснила Даша, — а то, что моя семья голодаетъ...

Баскаковъ съ удивленіемъ обернулся къ Муратовой.

— Да развѣ „Общество первой помощи“ ничего не сдѣлало для семьи Дарьи Андреевны? спросилъ онъ.

Муратова пожала плечами.

— Что-же оно станеть дѣлать! нетерпѣливо проговорила она. — Тутъ трехрублевая помощь не поправитъ дѣла, а далѣе этого мы не идемъ... Общество попросило меня спасти Дарью Андреевну и успокоилось...

Она обратилась къ Дашѣ.

— Но вы, другъ мой, должны болѣе спокойно относиться къ дѣлу, наставительно замѣтила она. — Вашу семью трудно спасти разомъ. Вы знаете слабости своего отца. Ему никакая помощь не пойдетъ въ пользу... Если-бы его не было, то, конечно, можно-бы пристроить вашего брата въ гимназію, а мать въ Порошинъ домъ. Теперь-же нужно подождать... Согласитесь, что никто не можетъ взять на себя такую обузу, какъ содержаніе трехъ человѣкъ...

— Я и не просила объ этомъ, Аделаида Александровна, тихо пояснила Даша и по ея лицу разлился легкій румянецъ. — Но побѣдить свои чувства, успокоиться, когда я знаю, что они голодаютъ, — этого я не могу сдѣлать...

Она опустила свои глаза и даже не замѣтила, что по ея щекамъ прокатились двѣ крупныя слезы.

— Я удивляюсь, *ma tante*, какъ и вы можете такъ хладнокровно говорить объ этомъ, горячо замѣтилъ Баскаковъ. — Какъ-бы ни было трудно помочь семьѣ Дарьи Андреевны, но это нужно сдѣлать.

— Да кто-же спорить объ этомъ, Викторъ? замѣтила Муратова, пожимая плечами и въ упоръ взглянувъ на него. — Я только говорю, что нельзя сдѣлать всего вдругъ, что будетъ гораздо хуже, если Дарья Андреевна станеть относиться слишкомъ нетерпѣливо къ этому дѣлу и ожидать большаго, чѣмъ то, что можно сдѣлать.

— Ахъ, я ничего не жду! тихо отвѣтила Даша. — Я виновата въ томъ, что я еще не умѣю скрывать ничего, что у меня на душѣ... Я сама знаю, что я не имѣю права разстраивать другихъ своими слезами, но вѣдь это сдѣлалось невольно...

Она сдѣлала усиліе надъ собою, чтобы подавить слезы. Аделаида Александровна перемѣнила разговоръ и начала болтать по-французски съ Петромъ Павловичемъ о разныхъ новостяхъ дня. Викторъ Валерьяновичъ слушалъ разсѣянно эту болтовню и отвѣчалъ невпопадъ, когда къ нему обращались съ вопросомъ. Это нѣсколько раздражило Муратову. Она надула свои розовыя губки и, молча допивъ чай, пригласила своихъ собесѣдниковъ перейти въ гостиную.

— Это невыносимо, когда нищета нагоняетъ на насъ тоску даже въ нашемъ интимномъ кружкѣ, проговорила она, подходя къ роялю и начавъ перебирать ноты.

— Меня возмущаетъ не столько нищета, сколько наши отношенія къ ней, сухо замѣтилъ Викторъ Валерьяновичъ.

— Такъ ужь не оплакивать-ли намъ ее, когда мы не можемъ ей помочь? проговорила Муратова, полуобернувъ къ нему голову и продолжая перебирать ноты.

— Не можемъ помочь! Скажите лучше: не хотимъ помочь! съ удареніемъ произнесъ Баскаковъ.

— Ну, нѣтъ, братъ, иной и радъ-бы помочь, да вотъ тутъ ничего нѣтъ, со вздохомъ показалъ на карманъ Аркадій Павловичъ.

Финансы для него были всегда на-столько-же большимъ мѣстомъ, на-сколько они бываютъ большимъ мѣстомъ въ каждомъ государствѣ.

— О, братъ, вѣрно, первый помогъ-бы ей за ея глазки, если-бы онъ былъ при деньгахъ, пренебрежительно засмѣялся Петръ Павловичъ, разваливаясь на софѣ.

Муратова обернулась и, насмѣшливо посмотрѣвъ на Виктора Валерьяновича, съ ироніей проговорила:

— Ужь и ты не потому-ли сочувствуешь нищетѣ, что она явилась передъ тобой въ образѣ хорошенькой рожицы?

Викторъ Валерьяновичъ покраснѣлъ, какъ пойманный врасплохъ школьникъ, но тотчасъ-же оправился.

— Вопросъ шелъ не о томъ, рѣзко и запальчиво проговорил онъ, — сочувствуемъ-ли мы нищетѣ потому, что она красива, или ласкаемъ безобразіе потому, что оно богато. Внутреннія побужденія могутъ быть грязны, но желательно, чтобы была чиста хоть внѣшность. Вѣдь вонъ и за такимъ уродомъ, какъ жидъ Гельфрейхъ, ухаживаютъ десятки женщинъ. А кто-же спрашиваетъ.

ради чего онѣ это дѣлаютъ: ради симпатіи къ нему или ради любви къ его деньгамъ?

Аделаида Александровна вздрогнула и бросила ноты на рояль.

— Я только могу сказать одно, что эта дѣвушка испортила нашъ вечеръ, пробормотала она сквозъ зубы.

Разговоръ снова перешелъ къ другимъ предметамъ, но уже не клеился. Прошло не болѣе получаса, какъ Петръ Павловичъ, зѣвая, посмотрѣлъ на часы и поднялся съ мѣста. Всѣ распрощались. Викторъ сухо простился съ Муратовой и не обратилъ вниманія на ея крѣпкое, многознаменательное рукопожатіе. Онъ пошелъ въ свою комнату и, не спѣша раздѣваясь, сталъ ходить изъ угла въ уголь. Изъ его ума не выходило скорбное выраженіе лица Даши; впервые онъ ясно почувствовалъ, что это лицо преслѣдуетъ его и днемъ, и ночью, что онъ готовъ-бы былъ безъ конца любоваться имъ, каждымъ его движеніемъ, каждымъ его отгѣнкомъ. Веселое или грустное, улыбающееся или плачущее, оно было одинаково прекрасно.

„Ее надо спасти!“

Эта мысль не оставляла теперь его ни на минуту и въ то-же время ему хотѣлось не только спасти эту дѣвушку, но видѣть ея радость, слышать ея благодарность, пожать ея руку, обнять ее, какъ сестру, какъ друга, какъ любовницу, какъ жену—все равно какъ, но только почувствовать близко, близко около себя эту стройную, дѣвственную, граціозную фигуру. Но въ эти-то минуты предъ нимъ вдругъ воскресла мысль: „а Адель?“ Онъ вздрогнулъ и что-то близкое къ злѣбѣ промелькнуло въ его душѣ. Адель такъ черство смотритъ на печаль этой дѣвушки, она эгоистично думаетъ только о себѣ, она вообще ведетъ себя пустою свѣтскою барынею, поглощенной мыслями о тряпкахъ, о балахъ, о весельи, она среди этихъ баловъ загубила въ себѣ лучшіе порывы и утимила и свою душу, и свое тѣло. Да, она утомила и свое тѣло, она старѣетъ. До дня своего сближенія съ ней онъ не обращалъ на это вниманія, а теперь онъ ясно это видитъ, ощущаетъ. Мало того, — онъ постоянно сравниваетъ ее съ другой женщиной, старается найти въ ней недостатки, помимо своей воли, и находить эти недостатки. Съ которыхъ поръ начался этотъ отгѣнокъ въ отношеніяхъ Виктора къ Муратовой? Съ самага-ли начала ихъ сближенія или только послѣ встрѣчи съ Дашею? Потому-ли онъ

увидаль достоинства Даши, что близко узналь недостатки Муратовой, или потому бросились ему въ глаза эти недостатки, что передь нимъ стояло болѣе совершенное существо? Онъ самъ не могъ отвѣтить на эти вопросы. Онъ только сознавалъ, что его отношенія къ Муратовой становятся теперь похожими на отношенія придирчиваго критика къ художественному произведенію. Если-бы онъ поглубже проанализироваль эти отношенія, то онъ понялъ-бы, что они были неизбѣжны: когда юношу приковываетъ къ себѣ женщина, непробуждающая въ немъ страсти, — онъ чувствуетъ себя неудовлетвореннымъ и болѣе чѣмъ когда-нибудь инстинктивно привязывается сердцемъ къ другому существу, которое при другихъ обстоятельствахъ, можетъ быть, прошло-бы передь нимъ незамѣченнымъ. Но горе той женщинѣ, у которой въ этихъ случаяхъ является соперница: юноша, только позволяющій себя любить, но не любящій, начинаетъ преувеличивать всѣ недостатки любящаго существа, видя въ этомъ существѣ помѣху для сближенія съ другою личностью, достоинства которой преувеличиваются имъ, въ свою очередь, тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе чувствуетъ онъ себя неудовлетвореннымъ. То-же случилось теперь и съ Баскаковымъ. Онъ походилъ на жаждущаго узника, которому подають застоявшуюся воду, тогда какъ онъ видитъ за рѣшеткою тюрьмы весело бьющій горный ключъ.

Но онъ не можетъ разойтись съ ней, думалось ему, — въ немъ все ея спасеніе; въ случаѣ разрыва съ нимъ, она бросится богъ знаетъ на какой путь; онъ долженъ, какъ честный человѣкъ, поддержать ее.

Онъ передумываль все это и даже не угадываль, что происходило за двѣ комнаты отъ его помѣщенія. Тамъ, въ будуарѣ, съ поникшей головой, сидѣла Муратова. Въ ея душѣ шла тяжелая борьба. Она, послѣ утреннихъ визитовъ и скучной болтовни съ гостями, надѣялась отраднo отдохнуть съ нимъ въ этотъ вечеръ, и вдругъ случайная сцена въ столовой разрушила ея надежды. Слезы этой „дѣвчонки“, какъ ее мысленно называла теперь Муратова, разстроили ея мечты. И почему, Викторъ принимаетъ такое участіе въ этой дѣвчонкѣ? Потому, что она несчастна, бѣдна? Но вѣдь онъ знаетъ, что есть тысячи бѣдняковъ, болѣе несчастныхъ, чѣмъ эта дѣвчонка, однако, онъ не волнуется за нихъ, не упрекаетъ ее, Муратову, за безсердечное отношеніе къ нимъ?

Не потому-ли волнуется его несчастье этой дѣвочки, что онъ слишкомъ близко видитъ здѣсь ея несчастье? Но вѣдь онъ уже не впервые стоитъ лицомъ къ лицу съ нищими, однако, онъ никогда не думалъ, не толковалъ о нихъ. Нѣтъ, его подкупила въ этомъ случаѣ красота. Красота? Да, эта дѣвочка прекрасна. Такъ, значитъ, онъ влюбился въ нее? Влюбился? А какъ-же она, Муратова, что она будетъ дѣлать? Ужь не уступитъ-ли его этой нищей, этой швей, этой приживалкѣ? Нѣтъ, нѣтъ, ни за что! „Проклятая, какъ она смѣла думать!..“ И какъ она отвѣчала ей, Муратовой! Сухо, съ достоинствомъ, съ спокойнымъ видомъ. И откуда явилось у нея это умѣнье держать себя? Неужели это простое слѣдствіе ея непорочности и чистоты? Муратовой вспомнилась вдругъ другая личность, которая держала себя такъ-же просто, такъ-же непринужденно. Эта личность была ея покойная сестра, Дуня. Та такъ-же ясно смотрѣла на людей, когда они обвиняли ее. Это—чистота и ясность невинно обвиняемой жертвы... Надо будетъ ее удалить. Но куда? А что, если онъ тогда сдѣлается еще холоднѣе къ ней, къ Муратовой? Вѣдь если онъ любить эту дѣвочку, то это очень возможно. Или помочь ей, такъ чтобы она не являлась съ заплаканными глазами, чтобы она менѣе интересовала его своимъ несчастьемъ, и слѣдить за нимъ, за каждымъ его шагомъ, за каждымъ его взглядомъ? Да, это такъ! Но прежде всего нужно изгладить въ немъ слѣды непріятнаго впечатлѣнія, идти къ нему. Идти къ нему,—легко сказать!

„Господи, какъ низко я падаю! воскликнула молодая женщина, сжимая себѣ руки.—Я прошу любви Христа ради, какъ нищая. Не онъ ко мнѣ идетъ, а я къ нему, вымаливая со слезами ласкъ, выслушивая всѣ наставленія, всѣ оскорбленія... Нѣтъ, довольно, не пойду!.. Онъ придетъ самъ...“

Она опустила на грудь свою голову, а въ этой головѣ пронеслся вопросъ:

„Придетъ-ли?“

Конечно, не придетъ! Развѣ онъ хоть разъ послѣ ихъ сближенія приходилъ къ ней? Да и зачѣмъ? Онъ покуда только позволяетъ любить себя, но не любить. Нужно сначала сдѣлать такъ, чтобы онъ полюбилъ, а потомъ уже ждать, что онъ станетъ приходиться самъ. Ей вспомнились его слова, что ихъ любовь требуетъ тщательнаго ухода, какъ недоношенный ребенокъ...

Она встала и съ поникшей головой прошла черезъ комнату съ ванной и гардеробную и тихо постучала въ дверь.

— Викторъ, Викторъ, прости меня, научи меня, что я должна дѣлать, чтобы идти рука объ руку съ тобой! шептала молодая женщина, обвивая руками шею юноши.

А онъ въ эту минуту яснаго всего чувствовалъ, чувствовалъ впервые только то, что это лицо, прижимающееся къ его лицу, уже нѣсколько мягко, нѣсколько дрябло...

А. Михайловъ.

(Продолженіе будетъ.)

ДАНИЕЛЬ ДЕРОНДА.

РОМАНЪ

ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІЙСКОЙ ЖИЗНИ.

ГЛАВА VII.

Первый признакъ подготовлявшейся грозы походилъ на бѣлое, прозрачное облако, только рельефнѣе выставлявшее блестящую синеву неба. Анна знала тайну Рекса, хотя онъ въ первый разъ въ жизни не высказывалъ ей своихъ мыслей, довольствуясь тѣмъ, что она ихъ отгадывала. Въ первый разъ также Анна не говорила ему прямо своего мнѣнія; быть можетъ, ей было больно, что онъ полюбилъ другого болѣе, чѣмъ любилъ ее, но это эгонистичное чувство совершенно ступшевывалось передъ безпокойствомъ о немъ. Анна восхищалась своей двоюродной сестрой, всегда искренно говорила: „Гвендолина очень добра ко мнѣ“, и считала въ порядкѣ вещей подчиняться всѣмъ ея желаніямъ, но она смотрѣла на нее со страхомъ и недовѣріемъ, какъ на прекраснаго, удивительнаго, но таинственнаго звѣря, который могъ пожрать всѣхъ маленькихъ, любимыхъ ею, Анною, существъ. Она съ грустью сознавала, что Гвендолина никогда не полюбитъ Рекса. Все, къ чему Анна питала любовь и уваженіе, возбуждало только холодное равнодушіе въ Гвендолинѣ; такъ что гораздо легче было предположить, что гордая красавица станетъ издѣваться надъ Рексомъ, чѣмъ полюбить его. Къ тому-же она всегда мечтала сдѣлаться чѣмъ-то необыкновеннымъ. „Вѣднй Рексъ, думала Анна:— папа разсердится, если узнаетъ объ его любви, и онъ будетъ

правъ: Рексу еще рано влюбляться“. Анна всегда думала, что Рексъ долго не женится и до тѣхъ поръ она будетъ его эконожкой. Но какое должно быть жесткое сердце у Гвендолины, если оно не отвѣчало на любовь Рекса? Предчувствуя страданія брата, Анна начинала ненавидѣть свою очаровательную кузину.

Аннѣ, точно такъ-же, какъ и Рексу, казалось, что въ послѣднее время они жили лихорадочной жизнью, чего не могли не замѣтить всѣ окружающіе; если-бъ у Рекса спросили, что онъ думалъ о своемъ положеніи, онъ прямо отвѣчалъ-бы, что нахѣренъ жениться, и какъ только сдѣлаетъ предложеніе, то немедленно скажетъ обо всемъ отцу; но все-же онъ скрывалъ не только свои чувства, но даже нѣкоторые дѣйствія. Анна, съ своей стороны, дрожала отъ страха каждый разъ, какъ ея отецъ и мать говорили о чемъ-нибудь наединѣ; ей казалось, что они совѣщались о Рексѣ и Гвендолинѣ. Но они не обращали никакого вниманія на патетическую драму, понятную для тѣхъ, кто игралъ ее пантомимой, но совершенно недоступную взорамъ, устремленнымъ на „Клерикальную Газету“ и считавшимъ дѣятельность зеленой молодежи нисколько не важнѣе дѣятельности муравьевъ.

— Куда ты собираешься, Рексъ? спросила его Анна однажды утромъ вскорѣ послѣ отъѣзда отца на судебную сессию вмѣстѣ съ матерью.

Ее удивилъ нарядъ брата, который надѣлъ все, что у него было сколько-нибудь подходящаго къ охотничьему костюму.

— Я ѣду на сборъ охотниковъ у Трехъ Житницъ.

— Съ Гвендолиной?

— Она тебѣ сказала?

— Нѣтъ, но я думала... Папа знаетъ?

— Врядъ-ли. Да вѣдь ему это не интересно.

— Ты ѣдешь на его лошади?

— Я всегда ѣзжу на ней.

— Рексъ, прошу тебя, не позволяй Гвендолинѣ участвовать въ охотѣ.

— Отчего-же ей не принять участія въ охотѣ? спросилъ Рексъ вызывающимъ тономъ.

— Папа, мама и тетя Давило этого не желаютъ, считая неприличнымъ.

— Отчего ты думаешь, что она сдѣлаетъ что-нибудь неприличное?

— Гвендолина иногда ни на что не обращаетъ вниманія, сказала Анна, становясь смѣлѣе отъ возраженій Рекса.

— Такъ она не послушается и меня, отвѣчалъ Рексъ, смѣясь надъ безпокойствомъ сестры.

— О, Рексъ, я не могу этого переносить! воскликнула Анна, заливаясь слезами;—ты накличешь на себя несчастье.

— Что съ тобою? произнесъ Рексъ съ нетерпѣніемъ.

— Она никогда тебя не полюбитъ, я это знаю навѣрное, произнесла бѣдная Анна, будучи не въ силахъ болѣе сдерживать своего отчаянія.

Рексъ покраснѣлъ и поспѣшно выбѣжалъ изъ комнаты. По дорогѣ въ Офендинъ ея слова неприятно звучали въ его ушахъ, какъ всякое несчастное предсказаніе. Впрочемъ, онъ вскорѣ приписалъ ихъ нѣжной привязанности Анны и сталъ сожалѣть, что уѣхалъ, не успокоивъ ея. Но, въ существѣ, онъ совершенно расходился съ ея мнѣніемъ и былъ по-прежнему убѣжденъ въ любви Гвендолины. Однакожь, это убѣжденіе было на-столько близко къ тревожному сомнѣнію, что побудило его поспѣшить объясненіемъ въ любви, которое онъ иначе, быть можетъ, отложилъ-бы на неопредѣленное время.

Когда Рексъ подѣхалъ къ воротамъ, Гвендолина уже была совсѣмъ готова. Они тотчасъ-же весело поскакали. Гвендолина была въ прекрасномъ расположеніи духа и показала Рексу очаровательной; ея изящная фигура, длинная, бѣлоснѣжная шея и нѣжныя очертанія лица выступали рельефно на темномъ фонѣ амазонки. Онъ не могъ теперь представить себѣ ничего очаровательнѣе этой молодой дѣвушки; а для первой любви предметъ обожанія всегда отождествляется не только съ красотой, но и со всѣми добродѣтелями.

Было прекрасное январское утро; сѣрое небо, неугрожавшее дождемъ, служило отличнымъ фономъ для красотъ зимней природы: темно-зеленой муравы, обнаженныхъ красныхъ вязовъ и пурпурныхъ плодовъ шиповника, пестрившихъ живыя изгороди. Мелодичное звяканье подковъ вторило веселымъ голосамъ молодыхъ людей. Гвендолина смѣялась надъ охотничьимъ костюмомъ Рекса, который не отличался особеннымъ изяществомъ, и онъ радовался

этому смѣху. Свѣжесть утра смѣшивалась съ свѣжестью ихъ юности; всякій звукъ, исходявшій изъ ихъ молодой груди, всякій взглядъ ихъ молодыхъ глазъ былъ отблескомъ царившаго для нихъ внутри и извнѣ невозмутимаго, лучезарнаго утра. Смотря на этихъ двухъ молодыхъ красавцевъ, каждый могъ подумать, что они пара другъ другу.

— Анна меня увѣряла, что вы сегодня поскачете за собаками, сказалъ Рексъ, издали приближаясь къ роковому вопросу.

— Неужели? отвѣчала Гвендолина со смѣхомъ; — она, значить, ясновидящая!

— А развѣ вы дѣйствительно примете участіе въ охотѣ? спросилъ Рексъ.

— Не знаю. Я ничего не могу сказать заранѣе. Но ясновидящіе часто ошибаются. Они предвидятъ только то, что вѣроятно. А я терпѣть не могу вѣроятныя, обыкновенныя вещи. Я всегда дѣлаю то, что необыкновенно и невѣроятно.

— Вотъ вы и выдали свою тайну. Теперь я буду знать впередъ, что вы сдѣлаете. Стоитъ только представить себѣ противоположное тому, что всякій сдѣлалъ-бы на вашемъ мѣстѣ. Такимъ образомъ, вы никогда меня не удивите.

— Нѣтъ, удивлю, отвѣчала со смѣхомъ Гвендолина: — я вдругъ сдѣлаю то, что всѣ дѣлаютъ.

— Вы видите, что вы не можете избѣгнуть вѣроятнаго. Противорѣчіе — самое обыкновенное изъ вѣроятій. Вамъ надо измѣнить свой образъ дѣйствій.

— Нѣтъ, никогда; мой образъ дѣйствій — дѣлать только то, что мнѣ пріятно.

Если какая-нибудь молодая дѣвушка склонна подражать Гвендолинѣ, то пусть она обратитъ вниманіе на очертанія ея головы и шеи: будь уголъ ея лица другой, подбородокъ болѣе выдавшійся, а шейные позвонки округленнѣе, слова Гвендолины, по всей вѣроятности, неприятно поразили-бы добраго, мягкаго Рекса; но теперь, что-бы она ни говорила, все ему казалось веселой шуткой.

— Неужели вы можете всегда чувствовать только то, что вамъ нравится? спросилъ онъ.

— Конечно, нѣтъ, но это происходитъ отъ недостатковъ окру-

жающей среды. Если-бъ міръ былъ лучше, не было-бы повода къ непріятнымъ чувствамъ. Жизнь молодыхъ дѣвушекъ такая глупая; онѣ никогда не могутъ поступать по своему желанію.

— Я полагаю, что это справедливѣе относительно мужчинъ. Они должны дѣлать много тяжелого и непріятнаго. Къ тому-же, если мы любимъ женщину, то стараемся предупредить всѣ ея желанія, а слѣдовательно вы въ концѣ-концовъ настаиваете на своемъ.

— Нѣтъ, это неправда; я никогда не видала замужней женщины, которая жила-бы такъ, какъ ей хотѣлось.

— А чего-бы вы желали? спросилъ Рексъ тревожно.

— Не знаю... отправиться къ сѣверному полюсу, принять участіе въ скачкѣ съ препятствіями, или сдѣлаться восточной царицей, какъ леди Эстеръ Станнопъ, отвѣчала Гвендолина разсѣянно.

Эти слова произнесли скорѣе ея губы, чѣмъ умъ, и она не могла-бы объяснить ихъ основательными причинами.

— Вы не хотите этимъ сказать, что никогда не выйдете замужъ?

— Нѣтъ; но выйдя замужъ, я не буду походить на другихъ женщинъ.

— Вы могли-бы дѣлать все, что хотите, если-бъ вышли за человѣка, любящаго васъ болѣе всего на свѣтѣ, сказалъ Рексъ;— я знаю такого.

— Ради Бога, не говорите о м-рѣ Миддлтонѣ! воскликнула поспѣшно Гвендолина, покраснѣвъ:—это любимый конекъ Анны. Слышите, лай! Прибавимъ шагу.

Она поскакала и Рексъ долженъ былъ слѣдовать за нею. Гвендолина очень хорошо понимала, что молодой человѣкъ былъ влюбленъ въ нее, но она не придавала этому никакого значенія, такъ-какъ никогда сама не чувствовала страданій любви. Она желала, чтобъ романтическая любовь Рекса продолжалась во все время его пребыванія въ Пеникотъ, и потому рѣшилась избѣгать всякихъ объясненій, которыя могли положить конецъ этому пріятному провожденію времени. Къ тому-же она чувствовала какое-то физическое отвращеніе къ прямому признанію въ любви; при всей ея страсти быть предметомъ обожанія, она отличалась суровой дѣвственностью.

Однакожь, всё эти мысли вскорѣ ступевались передъ новыми впечатлѣніями шумной, оживленной сцены у Трехъ Житницъ. Нѣкоторые изъ охотниковъ были ей знакомы и она общалась съ ними привѣтствіями, такъ-что Рексъ очутился на заднемъ планѣ. Дихорадочное волненіе мало-по-малу овладѣло Гвендолиной при видѣ окружающихъ ее приготовленій къ охотѣ, тѣмъ болѣе, что она никогда еще не принимала въ ней участія. Гвендолина уже не разъ выражала желаніе присутствовать при травлѣ звѣря, но ей это было положительно воспрещено матерью, боявшеяся какого-нибудь несчастнаго случая, и дядей, считавшимъ охоту неприличнымъ занятіемъ для женщины, тѣмъ болѣе, что ни одна порядочная дама въ ихъ околоткѣ никогда не участвовала въ вѣсекской охотѣ, кромѣ м-съ Гадсби, жены капитана, бывшей горничной, сохранившей до сихъ поръ привычку выражаться, какъ служанка. Послѣдній аргументъ всего болѣе подѣйствовалъ на Гвендолину и уравнивалъ ея желаніе доказать свою свободу дѣйствій боязнью, чтобъ ее не сравнили съ м-съ Гадсби. Самныя приличныя и уважаемыя дамы въ околоткѣ иногда присутствовали при сборѣ охотниковъ, но въ этотъ день не было никого, кто-бы могъ служить примѣромъ Гвендолинѣ, и даже отсутствіе м-съ Гадсби какъ-бы побуждало молодую дѣвушку забыть о неприличіи охоты.

Такимъ образомъ, ничто не удерживало Гвендолину отъ инстинктивнаго, чисто-животнаго увлеченія окружающимъ шумомъ и гамомъ, лаемъ собакъ, топотомъ лошадей, веселымъ разговоромъ охотниковъ и вообще всѣмъ оживленіемъ готовившейся охоты, которая обыкновенно возбуждаетъ въ человѣкѣ смѣшанное чувство сознанія физической силы, самолюбія и соревнованія съ собаками и лошадьми.

Рексъ также поддавался-бы подобному чувству, если-бъ онъ могъ раздѣлить его съ Гвендолиной, но она была совершенно поглощена разговорами съ знакомыми и новыми, любопытнымъ для нея зрѣлищемъ.

— Очень радъ васъ видѣть на охотѣ, миссъ Гарлетъ, сказалъ лордъ Бракеншо, мужчина среднихъ лѣтъ и очень аристократической наружности; — травля будетъ прекрасная. Жаль, что вы не примете въ ней участія. Пробовали вы когда-нибудь прыгать черезъ канавы? Полагаю, вы не боитесь?

— Я ничего не боюсь, отвѣчала Гвендолина совершенно искренно, такъ-какъ дѣйствительно она ничего не боялась въ обществѣ;—я часто прыгала на этой лошади черезъ изгороди и канавы близъ...

— Вотъ какъ! сказалъ лордъ Бракеншо и повернулъ лошадь.

Рексъ только-что хотѣлъ подѣхать къ Гвендолинѣ, какъ сабаки спустились, земля дрогнула подъ лошадинымъ топотомъ и Гвендолина понеслась вмѣстѣ со всѣми охотниками. Рексъ не могъ покинуть ее, особенно въ эту минуту, когда онъ уже приступилъ къ объясненію въ любви, и послѣдовалъ за другими. Въ иное время и не на отцовской старой клячѣ онъ не менѣе другихъ нашель-бы удовольствіе въ бѣшеной погонѣ за звѣремъ, но теперь эта скачка съ препятствіями далеко не забавляла его. Что-же касается Гвендолины, она на своей маленькой каравой лошади скакала на ряду съ лучшими охотниками, нисколько не думая объ опасностяхъ, а тѣмъ болѣе для Рекса, который малопомалу совсѣмъ отсталъ. Впрочемъ, если-бъ она его и видѣла, то только стала-бы смѣяться надъ его уморительной фигурой, на старой клячѣ, отказывавшейся перепрыгивать черезъ препятствія. Къ тому-же Гвендолина обыкновенно болѣе думала о тѣхъ, которые могли видѣть ее, чѣмъ о тѣхъ, которыхъ она не могла видѣть. Наконецъ, Рексъ совершенно остался позади и, отыскивая отверстіе въ одной изгороди, нечаянно попалъ въ яму, гдѣ его лошадь споткнулась и, падая, разбила себѣ переднія колѣнки, причѣмъ бѣдный яноша былъ переброшенъ черезъ голову.

По счастью, сынъ кузнеца, слѣдовавшій за охотой также при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, именно пѣшкокъ (этого рода охота считалась даже нѣкоторыми легкомысленными умами безнравственной), былъ естественно позади всѣхъ и подоспѣлъ на помощь къ Рексу. Очнувшись отъ паденія, молодой человекъ почувствовалъ страшную боль въ плечѣ, и Джоель Дагъ выказалъ чрезвычайно полезныя знанія въ данную минуту. Онъ не только объявилъ, въ сколькихъ миляхъ они находились отъ пеннотсагго пасторскаго дома и ближайшаго кабака, но объяснилъ, что случилось съ лошадыю, и предложилъ вправить плечо Рексу, которое, по его словамъ, было вывихнуто.

— Я отлично это устрою, сэръ, сказалъ онъ: — я не разъ

видалъ, какъ работаетъ костоправъ, и самъ вправлялъ руку нашей маленькой Салли. Кости-то у всѣхъ однѣ. Если вы ихъ довѣряете и не дрогнете, я въ одну минуту обдѣлаю все.

— Ну, дѣйствуйте, молодецъ, отвѣчалъ Рексъ.

Джоель быстро сдѣлалъ необходимую операцію, причемъ, однакожь, Рексъ сильно поблѣднѣлъ отъ боли.

— Вѣрно, сэръ, вы къ этому не привыкли, замѣтилъ импровизированный костоправъ, — а я постоянно вижу такіе случаи. Никакая забава не можетъ обойтись безъ нихъ. Вотъ разъ я видѣлъ, какъ у одного господина оба глаза вышибло, такъ это была исторія; но и ихъ вставили. Я самъ проглотилъ на своемъ вѣку три зуба. Ну, сердечная, прибавилъ онъ, обращаясь къ лошади, — вставай, не прикидывайся.

Джоель, очевидно, былъ грубая натура, и потому, по счастью для моихъ развитыхъ читателей, я болѣе о немъ говорить не буду, только упомяну, что онъ помогъ Рексу возвратиться домой. Бѣдному юношѣ не было другого выбора, хотя его страданіе и сожалѣніе объ испорченной лошади отца ступевались передъ безпокойствомъ о Гвендолинѣ. Впрочемъ, онъ утѣшалъ себя мыслью, что всѣ охотники съ радостью поберегутъ ее и проводятъ домой.

М-ръ Гаскойнъ былъ уже дома и писалъ письма, когда въ его кабинетъ вошелъ Рексъ, блѣдный и разстроенный. Онъ былъ живымъ портретомъ отца и втайнѣ его любимцемъ, но пасторъ никогда не выказывалъ ему предпочтенія, напротивъ, обращался съ нимъ строже, чѣмъ съ другими дѣтьми.

— Что съ тобою? спросилъ м-ръ Гаскойнъ, который зналъ отъ Анны, что Рексъ поѣхалъ съ Гвендолиной на сборъ охотниковъ у Трехъ Житницъ.

— Извините, сэръ, лошадь ваша упала и разбила себѣ переднія колѣнки.

— Гдѣ ты былъ? спросилъ строго Гаскойнъ, который никогда не выходилъ изъ себя.

— На сборѣ охотниковъ у Трехъ Житницъ.

— И ты сдуру поскакалъ съ собаками?

— Да, сэръ. Я не прыгалъ черезъ изгороди, но лошадь спотынулась и упала въ яму.

— И ты, я надѣюсь, хорошо ушибся?

— Я вывихнул себѣ плечо, но по дорогѣ какой-то молодой кузнецъ миѣ его вправилъ. Теперь ничего, только я немного слабѣ.

— Ну, сядь.

— Миѣ очень жаль лошади, сэръ; я знаю, что вамъ это непріятно.

— А гдѣ Гвендолина? спросилъ рѣзко Гаскойнъ.

— Я очень безпокоюсь о ней, сказалъ Рексъ, вспыхнувъ, такъ-какъ онъ не подозрѣвалъ, что отецъ наводилъ о немъ справки; — миѣ хотѣлось-бы самому отправиться въ Офендинъ или послать кого-нибудь... Впрочемъ, она отлично ѣздитъ и тамъ много ея знакомыхъ.

— Вѣроятно, она потащила тебя на охоту? спросилъ Гаскойнъ, положивъ перо и смотря пристально на Рекса.

— Очень естественно, что она желала просмотрѣть на охоту; но она не задумала объ этомъ заранѣе, она только увлеклась общимъ пыломъ. А я, конечно, послѣдовалъ за нею.

— Замятьте, молодой человекъ, сказалъ Гаскойнъ съ ироніей, послѣ минутнаго молчанія, — что у васъ нѣтъ средствъ для разыгрыванія роли конюшаго при вашей кузинѣ. Довольно на эти канюкулы и одной испорченной лошади. Не угодно-ли вамъ сегодня уложить ваши вещи, а завтра отправиться въ Соутгэмптонъ; вы тамъ останетесь у Стольфакса до возвращенія съ нимъ въ Оксфордъ. Это будетъ полезно для вашего плеча и для вашихъ занятій.

Бѣдный Рексъ почувствовалъ, что сердце его тревожно забилося, какъ у молодой дѣвушки.

— Я надѣюсь, сэръ, сказалъ онъ, — что вы не станете настаивать на моемъ немедленномъ отъѣздѣ?

— Развѣ ты чувствуешь себя такъ дурно?

— Нѣтъ... но... произнесъ Рексъ, и не могъ продолжать отдушившихъ его слезъ; однакожъ, черезъ минуту онъ поборолъ свое смущеніе и довольно твердо прибавилъ: — я хочу пойти въ Офендинъ, но, конечно, успѣю сегодня вечеромъ...

— Я самъ туда отправлюсь и принесу извѣстіе о Гвендолинѣ, если это тебѣ нужно.

Рексъ зналъ твердость и проницательность отца, а по тону его онъ видѣлъ, что его счастьемъ грозитъ страшный ударъ.

— Батюшка, сказала онъ, — я не могу ухъять, не высказавъ ей своей любви и не получивъ ея согласія.

Гаскойну было жаль сына, но онъ понималъ, что дѣло очень серьезно и слѣдовало принять крутыя мѣры. Онъ мгновенно рѣшился, какъ дѣйствовать, и спокойно отвѣчалъ:

— Милый другъ, ты слишкомъ молодъ, чтобъ сдѣлать такой важный, рѣшительный шагъ въ жизни. Это просто минутный капризъ отъ нечего дѣлать. Тебѣ надо серьезно заняться — и все пройдетъ. Твое желаніе неисполнимо. Во-первыхъ, жениться въ твои годы слишкомъ легкомысленно и неблагоразумно, а, во-вторыхъ, вообще браки между такими близкими родственниками, какъ ты и Гвендолина, нежелательны. Конечно, это будетъ неприятное разочарованіе. Но что дѣлать, наша жизнь полна невгодъ. Мы всѣ должны къ нимъ привыкать; а это еще очень легкій ударъ.

— Легкій! воскликнулъ Рексъ съ жаромъ. — Я его не перенесу. Моя жизнь будетъ разбита. Вотъ если мы порѣшимъ съ нею, такъ я готовъ все перенести. Но отказаться отъ нея я не могу, а если-бъ далъ вамъ слово, то не сдержалъ-бы его.

— Подожди, успокойся, а потомъ мы поговоримъ, сказала Гаскойнъ; — общай мнѣ не видѣться съ нею до завтра.

Рексъ не могъ въ этомъ отказать отцу и далъ слово.

Пасторъ не сказалъ даже женѣ, что онъ отправляется въ Офендинъ по какой-нибудь другой причинѣ, кромѣ желанія узнать, благополучно-ли вернулась Гвендолина. Онъ нашелъ ее не только здоровой и невредимой, но торжествующей. М-ръ Квалонъ, убишій звѣря, поднесъ ей трофей охоты — лапу убитаго животнаго, и она привезла ее домой, привязавъ къ сѣдлу; этого мало: самъ лордъ Бракеншо проводилъ ее въ Офендинъ, распыаясь въ комплиментахъ, ея смѣлой ѣздѣ. Все это она поспѣшно рассказала дядѣ въ доказательство, что хорошо сдѣлала, не послушавъ его. Ея слова поставили пастора въ затруднительное положеніе: въ интересахъ племянницы онъ старался, чтобы лордъ Бракеншо съ семействомъ былъ хорошаго о ней мнѣнія, и возставалъ противъ ея участія въ охотѣ именно потому, что боялся ихъ осужденія. М-съ Давило, впрочемъ, вывела его изъ затрудненія.

— Все-же я надѣюсь, сказала она Гвендолинѣ, — что ты никогда болѣе этого не повторишь, а то я не буду знать ни ни-

нута покоя. Вы помните, что ея отецъ умеръ отъ несчастнаго случая, прибавила она, обращаясь къ Гаскойну.

— Но, милая мама, воскликнула Гвендолина, весело цѣлуя ее, — вѣдь дѣти не наследуютъ отъ родителей способности ломать шею..

Никто не вспомнилъ о Рексѣ. О немъ, какъ видно, не беспокоились въ Офендинѣ. Возвратясь съ охоты, Гвендолина сказала матери, что онъ, вѣрно, отсталъ и съ отчаянія возвратился домой, что было очень кстати, такъ-какъ иначе лордъ Бракеншо не имѣлъ-бы причины проводить ее домой.

— Ну, твоя выходка обошлась тебѣ дешевле, чѣмъ Рексу, сказалъ Гаскойнъ и пристально посмотрѣлъ на Гвендолину.

— Да, ему пришлось, вѣроятно, дать большой крюкъ, такъ-какъ вы, дядя, не приучили своей лошади прыгать черезъ изгороди, отвѣчала спокойно Гвендолина, не выражая ни малѣйшаго безпокойства.

— Рексъ упалъ, сказалъ Гаскойнъ и, облокотясь на кресло, не сводилъ глазъ съ Гвендолины.

— Вѣднѣй, я надѣюсь, онъ не очень ушибся, произнесла Гвендолина съ спокойнымъ сожалѣніемъ.

— Боже мой! воскликнула м-съ Давило.

— Онъ вывихнулъ плечо и получилъ нѣсколько ушибовъ, прибавилъ Гаскойнъ и снова остановился.

— Такъ нѣтъ ничего серьезнаго? сказала Гвендолина, нисколько не перемѣнившись въ лицѣ, а только надѣвъ маску внѣшняго участія.

Гаскойнъ зналъ теперь все, что хотѣлъ, но чтобъ еще болѣе убѣдиться въ справедливости своего мнѣнія, продолжалъ:

— Ему вправилъ плечо какой-то кузнецъ, вѣроятно, гуляка, но ловкѣй человѣкъ. Такъ-что, въ концѣ-концовъ, мнѣ и моей бѣдной лошади пришлось всего хуже. Она разбила себѣ переднія колѣнки. Она, повидимому, спотынулась, упала въ яму и перекинула черезъ голову Рекса.

Лицо Гвендолины снова просіяло, какъ только Гаскойнъ сказалъ, что плечо его сына вправили, а при послѣднихъ его словахъ она громко разсмѣялась.

— Какая вы добрая дѣвушка, смѣетесь надъ чужими несчастьями, сказалъ пасторъ тономъ упрека, но въ сущности онъ

былъ очень доволенъ, что Гвендолина не выказала никакого волненія.

— Простите меня, дядя. Но Рексъ не въ опасности, а падая съ лошади, онъ, вѣрно, былъ очень уморителенъ. Вотъ-бы вышла славная карикатура!

Гвендолина высоко цѣнила свою способность смѣяться, когда другіе оставались серьезными. Смѣхъ такъ шелъ къ ней, что многіе раздѣляли ея мнѣніе, и даже въ эту минуту пасторъ подумалъ, что неудивительно, если его сынъ влюбился въ эту обворожительную, хотя часто зловредную молодую дѣвушку.

— Какъ ты можешь смѣяться надъ вывихнутой рукой! сказала м-съ Давило;—я очень сожалѣю, что мы купили тебѣ лошадь. Вы видите, прибавила она, обращаясь къ Гаскойну, — мы напрасно согласились на ея просьбу.

— Да, Гвендолина, произнесъ Гаскойнъ торжественнымъ тономъ, какъ-бы говоря съ неблагоприятнымъ существомъ, нуждавшимся въ рациональномъ совѣтѣ,—я прошу, какъ личнаго одолженія, не повторять сегодняшней продѣлки. Лордъ Бракеншо былъ очень добръ къ тебѣ, но я увѣренъ, что онъ со мной согласится. Вѣроятно, тебѣ самой не понравится, если о тебѣ будутъ говорить, какъ о женщицѣ, рыскающей по охотамъ. Повѣрь мнѣ, онъ никогда не согласится, чтобъ его дочери охотились въ нашемъ графствѣ. Выйдя замужъ, ты, конечно, будешь вольна дѣлать все, что тебѣ позволить мужъ, но если ты намѣрена охотиться, то должна выйти замужъ за человѣка со средствами.

— Я не вижу причины, зачѣмъ-бы мнѣ унизиться до брака съ человѣкомъ безъ средствъ, отвѣчала съ сердцемъ Гвендолина.

Слова дяди вывели ее изъ терпѣнія, но чувствуя, что сказала слишкомъ много, она вышла изъ комнаты.

— Вотъ такъ она всегда говоритъ о замужествѣ, сказала м-съ Давило;—но, разумѣется, какъ только явится суженный, ея взгляды измѣнятся.

— Она еще никого не любила? спросилъ Гаскойнъ.

— Еще вчера вечеромъ, отвѣчала м-съ Давило, качая головой,—она мнѣ сказала: „мама, я удивляюсь, какъ это молодыя дѣвушки влюбляются; мужчины всѣ такіе уморительные! Я понимаю любовь только въ романахъ“.

М-ръ Гаскойнъ засмѣялся и перемѣнилъ разговоръ.

— Ну, какъ твое здоровье, Рексъ? спросилъ онъ у сына на другое утро за завтракомъ.

— Такъ-себѣ, сэръ; не хорошо.

— Такъ ты не въ состояніи ѣхать сегодня въ Соутгэмптонъ?

— Не хотѣлось-бы, отвѣчалъ Рексъ дрожащимъ голосомъ.

— Ты можешь остаться до завтра, а сегодня отправляйся въ Офендинъ.

М-съ Гаскойнъ знала уже все; она отвернулась, чтобъ не заплакать; Анна тоже едва могла удержаться отъ слезъ. Что-же касается отца, онъ сознавалъ, къ какому страшному средству онъ прибѣгнулъ для излеченія сына, но полагалъ, что молодому человѣку было полезно узнать отъ самой Гвендолины всю безнадежность его любви.

— Я готова благодарить Гвендолину, что она его не любитъ, сказала м-съ Гаскойнъ, оставшись наединѣ съ мужемъ;—многое мнѣ въ ней не нравится. Моя Анна вдвое лучше, несмотря на всю красоту и таланты Гвендолины. Право, не хорошо, что она не помогаетъ Аннѣ учить дѣтей въ школѣ и даже ни разу не была въ воскресной школѣ. Наши совѣты для нея ничего не значать, а бѣдная Фанни пляшетъ подъ ея дудеу. Впрочемъ, я знаю, что ты лучшаго о ней мнѣнія, прибавила м-съ Гаскойнъ нервнито.

— Въ ней нѣтъ ничего дурного. Она только очень смѣлая и энергичная молодая дѣвушка, такъ-что ее нельзя держать слишкомъ строго. Главное—ей надо устроить блестящую партію. Въ ней излишекъ огня для ея настоящей скромной обстановки. Надо поскорѣе отдать ее замужъ, но за человѣка, который могъ-бы доставить ей блестящее положеніе въ свѣтѣ.

Между тѣмъ Рексъ, съ подвязанной рукой, отправился въ Офендинъ. Его удивило дозволеніе видѣться съ Гвендолиной, но ему и въ голову не приходила причина, побудившая къ этому отца, а если-бы онъ догадался, то прежде всего нашелъ-бы поведеніе отца слишкомъ жестокимъ, а потомъ не повѣрилъ-бы его отзыву о Гвендолинѣ.

Въ Офендинѣ его встрѣтило все семейство, кромѣ той, которую онъ жаждалъ видѣть. Всѣ четыре дѣвочки, услыхавъ его голосъ, бросились къ нему, осыпая вопросами объ его приключе-

ннн. М-съ Давило стала подробно разспрашивать, какъ онъ упалъ, и пожелала узнать адресъ кузнеца, чтобъ послать ему подарокъ. Рексу онъ никогда не казались докучливыми, но въ эту минуту онъ не могъ перенести ихъ навязчиваго сочувствія и рѣзко спросилъ:

— Гдѣ Гвендолина?

— Я послала ей кофе въ спальню, отвѣчала м-съ Давило; — ей надо хорошенько отдохнуть послѣ вчерашней ѣзды.

— Тетя, я хочу поговорить съ Гвендолиной наединѣ, произнесъ съ нетерпѣніемъ Рексъ.

— Хорошо, милый; пойдн въ гостиную, я къ тебѣ пришлое ее, сказала м-съ Давило, которая не находила ничего опаснаго въ томъ, что молодые люди находились постоянно вмѣстѣ; она не придавала этому никакого значенія.

Рексъ, съ своей стороны, чувствовалъ, что отъ этого свиданія съ Гвендолиной зависитъ его участь. Ему пришлось около десяти минутъ ходить взадъ и впередъ по комнатамъ въ ожиданіи молодой дѣвушки; все это время онъ думалъ—странно сказать!—о томъ, какъ, получивъ согласіе Гвендолины на ихъ бракъ, онъ примется съ двойной энергіей за свои занятія, чтобы доказать отцу, что его любовь была вполне благоразумна. По желанію отца, онъ приготовлялся въ адвокаты и, конечно, имѣлъ полное право надѣяться, что, подобно Эльдону, возвысится до мѣста лорда-канцлера.

Но когда дверь отворилась и въ комнату вошла Гвендолина, онъ вдругъ почувствовалъ какой-то страхъ и неожиданное сомнѣніе. Въ простомъ, черномъ шелковомъ платьѣ и съ распущенными, роскошными волосами, только перехваченными черной лентой, она показалась ему строгой и величественной. Быть можетъ, это происходило отъ отсутствія веселой, шаловливой игривости, съ которой она всегда встрѣчала Рекса. Но чѣмъ объяснить ея неожиданно-серьезный видъ? Предчувствіемъ-ли объясненія въ любви или желаніемъ выразить сожалѣніе къ его несчастному приключенію? Быть можетъ, тѣмъ и другимъ. Но народная мудрость говоритъ, что расположеніе духа зависитъ отъ того, съ какой ноги встанешь съ постели, и это обстоятельство особенно часто вліяетъ на красавиць. Быть можетъ, и Гвендолина въ это утро встала съ лѣвой ноги. Во всякомъ случаѣ, ее раздосадовали: необходимость поспѣшить туалетомъ, журналъ, который она только-что чи-

тала, скучный день, открывавшійся передъ нею, и т. д. Это не значило, однакожь, чтобъ она была не въ духѣ, но міръ не соотвѣтствовалъ всѣмъ утонченнымъ требованіямъ ея натуры.

Какъ-бы то ни было, она торжественно вошла въ комнату и протянула руку Рексу безъ своей обычной улыбки. Несчастный случай, приключившійся съ нимъ, потерялъ уже въ ея глазахъ свою забавную сторону и только казался глупымъ. Но все-же она сказала, какъ требовало приличіе:

— Я надѣюсь, Рексъ, что вы не сильно ушиблись; вы можете быть, меня упрекаете за неприятное приключеніе съ вами?

— Нисколько, отвѣчалъ Рексъ дрожащимъ голосомъ;—я совершенно поправился и очень доволенъ, что эта охота вамъ доставила удовольствіе. Я съ радостью и дороже-бы заплатилъ за вашу забаву; я сожалею только о томъ, что испортилъ лошадь отца.

Гвендолина подошла къ камину и устремила глаза на огонь, такъ-что Рексъ видѣлъ ее только сбоку: чрезвычайно неудобное положеніе для разговора.

— Отецъ хочетъ, чтобъ я провелъ въ Суутгамптонѣ остальную часть праздниковъ, сказалъ Рексъ съ лихорадочною дрожью.

— Въ Суутгамптонѣ? Очень скучный городъ, не правда-ли? сказала холодно Гвендолина.

— Для меня онъ будетъ очень скучнымъ, такъ-какъ васъ тамъ нѣтъ.

Молодая дѣвушка ничего не отвѣчала.

— А вы будете сожалѣть обо мнѣ, Гвендолина?

— Конечно; въ этомъ скучномъ околотѣ отъѣздъ всякаго знакомаго очень чувствителенъ, сказала Гвендолина рѣзко.

Предчувствіе, что бѣдный Рексъ будетъ говорить нѣжности, выводило ее изъ себя.

— Вы на меня сердитесь, Гвендолина? Зачѣмъ вы такъ обращаетесь со мной? воскликнулъ Рексъ, покраснѣвъ.

— Пустяки, я не сержусь, я сегодня не въ духѣ, отвѣчала Гвендолина, смотря на него съ улыбкой;—зачѣмъ вы такъ рано пришли?

— Будьте не въ духѣ сколько хотите, только не выказывайте мнѣ равнодушія, произнесъ Рексъ тономъ мольбы; — все счастье моей жизни зависитъ отъ васъ; я буду счастливѣйшій

человѣкъ, если вы меня любите... хоть немного болѣе... другихъ.

Онъ хотѣлъ взять ее за руку, но она отскочила и перешла на другую сторону камня.

— Пожалуйста не объясняйтесь въ любви, я это ненавижу! воскликнула она съ сердцемъ, бросая на него суровый взглядъ.

Рексъ поблѣднѣлъ и не могъ произнести ни слова, но не сводилъ глазъ съ ея убійственнаго взора. Гвендолина сама не могла бы сказать заранѣе, что она ощутитъ такую неожиданную ненависть. Это чувство было для нея ново. Наканунѣ она ясно видѣла, что Рексъ въ нее влюбленъ, и если-бъ кто-нибудь спросилъ ее, отчего она избѣгаетъ объясненій въ любви, она отвѣчала-бы со смѣхомъ: „они ужь мнѣ надоели въ романахъ“. Но теперь страсть впервые пробудилась въ ея сердцѣ, хотя въ отрицательномъ смыслѣ. Она чувствовала страстную ненависть къ этой непрошенной любви. Рексу казалось, что жизнь вдругъ для него поблекла на вѣки. Но все-же онъ сказалъ, продолжая по-прежнему смотрѣть на нее:

— Это ваше послѣднее слово, Гвендолина, и вы никогда его не измѣните?

Она видѣла, какъ онъ былъ несчастливъ, и ей стало жаль прежняго Рекса, ничѣмъ ее необидѣвшаго. Поэтому она отвѣчала рѣшительно, но съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ доброты:

— Относительно вашей любви? Да. Это послѣднее слово. Но я ничего не имѣю противъ васъ.

— Прощайте, сказалъ онъ тихо послѣ минутнаго молчанія и вышелъ изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько мгновеній наружная дверь съ шумомъ захлопнулась за бѣднымъ юношей. Видя, какъ онъ поспѣшно удался, м-съ Давило поняла, что случилось что-нибудь необыкновенное, и пошла немедленно въ гостиную. Гвендолина сидѣла на диванѣ, закрывъ руками лицо, и горько плакала.

— Дитя мое! Дитя мое! Что съ тобою? воскликнула мать, которая никогда не видывала своей любимицы въ такомъ безпомощномъ положеніи.

Она ощущала теперь то тревожное чувство, которое овладѣваетъ женщинами при видѣ всеокрушающаго горя сильнаго человѣка; дѣйствительно, этотъ ребенокъ былъ до сихъ поръ ее по-

велителемъ. Она обняла Гвендолину и старалась поднять ея голову.

— О, мама! воскликнула Гвендолина, всхлипывая и прижимаясь головою къ груди матери, — что будетъ со мною? Не для чего жить на свѣтѣ!

— Что съ тобой, дитя мое? повторила м-съ Давило, которая сама постоянно выслушивала упреки дочери за отчаяніе.

— Я никогда не буду никого любить. Я не могу любить мужчинъ, я ихъ всѣхъ ненавижу.

— Подожди, голубушка, придетъ время.

Гвендолина все громче и громче рыдала; наконецъ, обвивъ руками шею матери, она промолвила:

— Я не могу ни къ кому такъ прижаться!

Мать смѣшала свои слезы со слезами избалованнаго ребенка, который еще никогда не выказывалъ такой привязанности къ ней.

ГЛАВА VIII.

Горе въ пасторскомъ домѣ было гораздо продолжительнѣе. Возвратившись изъ Офендина, Рексъ бросился въ постель въ какомъ-то безчувственномъ столбнякѣ, который продолжался до слѣдующаго дня, послѣ чего онъ подвергся болѣзненнымъ припадкамъ. Конечно, объ отъѣздѣ въ Соутгемптонъ не могло быть и рѣчи.

М-съ Гаскойнъ и Анна заботливо ухаживали за больнымъ, который не хотѣлъ выздоравливать и вдругъ превратился изъ веселаго, добраго юноши въ тупое, безмолвное, апатичное созданіе, упрямо повторявшее только два слова: „оставьте меня“. Пасторъ смотрѣлъ въ будущее и считалъ этотъ кризисъ хотя и тяжелымъ, но лучшимъ выходомъ изъ затруднительнаго положенія; однакожь, онъ очень сожалѣлъ сына и нѣсколько разъ въ день заходилъ къ нему, сидѣлъ молча у его кровати по нѣскольку минутъ и, уходя, говорилъ: „помоги тебѣ Господь!“ Варгамъ и младшія дѣти часто заглядывали въ полузакрытую дверь, любопытствуя увидѣть невѣроятное зрѣлище легкоподвижнаго Рекса въ безчувственно-неподвижномъ состояніи, но ихъ тотчасъ прогоняли. Одна Анна сидѣла постоянно подлѣ больного и держала его за руку, хотя онъ никогда не отвѣчалъ ей теплымъ пожатіемъ. Сердце

молодой дѣвушки разрывалось отъ опасеній за Рекса и негодованія на Гвендолину.

— Я, кажется, уже не буду ее любить, хотя это и очень дурно, безпрестанно повторяла она про себя.

Даже м-съ Гаскойнъ питала непріятное чувство къ племянницѣ и не могла удержаться, чтобъ не высказать его мужу.

— Конечно, говорила она, — я знаю, что это къ лучшему и что мы должны благодарить ее за отказъ нашему сыну, но, право, она безсердечная кокетка. Она, вѣроятно, подавала ему какія-нибудь надежды, потому что иначе онъ не предавался-бы такому отчаянію. Я полагаю, что и Фанни виновата; она слѣпо виновуется своей дочери.

— Чѣмъ меньше объ этомъ говорить, тѣмъ лучше, Нанси, отвѣчалъ рѣшительно пасторъ; — мнѣ самому слѣдовало строже наблюдать за сыномъ, но, во всякомъ случаѣ, будь благодарна, что съ нимъ не случилось ничего худшаго. Забудемъ эту непріятность какъ можно скорѣе и останемся съ Гвендолиной въ прежнихъ отношеніяхъ.

Вообще пасторъ полагалъ, что они избѣгли худшаго исхода: если-бъ Гвендолина была влюблена въ Рекса, то разрѣшеніе вопроса не зависѣло-бы вполне отъ него. Но, во всякомъ случаѣ, ему предстояло еще побороть не одно затрудненіе.

Однажды утромъ Рексъ всталъ съ постели, взялъ ванну и одѣлся. Узнавъ объ этомъ, Анна съ безпокойствомъ вѣбѣжала къ нему на-встрѣчу на лѣстницу. Онъ ей улыбнулся; при видѣ этой грустной улыбки на его блѣдномъ лицѣ, она едва не заплакала.

— Нанни, сказалъ онъ нѣжно, взявъ ее за руку, и пошелъ медленно въ гостиную, гдѣ сидѣла м-съ Гаскойнъ; поцѣловавъ ее, онъ промолвилъ:

— Какъ я вамъ всѣмъ надоѣлъ!

Потомъ онъ сѣлъ къ окну и устремилъ свой взглядъ на деревья и кустарники, усыпанные инеемъ, сквозь который по временамъ проглядывалъ слабій лучъ солнца, похожій на грустную улыбку самого Рекса. Онъ чувствовалъ, что воскресъ и все вокругъ него ново, но онъ не зналъ, что дѣлать, такъ-какъ всѣ прежніе интересы въ жизни исчезли. Анна сидѣла подлѣ него, показывая видъ, что занята работой, но въ сущности пристально

слѣдила за братомъ. За изгородью сада шла дорога, по которой тянулся возъ, нагруженный большимъ деревомъ, срубленнымъ въ лѣсу: лошади тянули изо всей силы, и возница, щелкая длиннымъ бичомъ, подмогалъ передовой лошади. Рексъ, казалось, внимательно смотрѣлъ на эту картину, а когда возъ съ деревомъ исчезъ изъ вида, сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Между тѣмъ м-съ Гаскойнъ вышла по хозяйству, и когда онъ снова утѣлся, Анна взяла скамейку и, помѣстившись у его ногъ, устремила на него вопросительный взглядъ, какъ-бы говорившій: „скажи мнѣ что-нибудь“. Даръ слова, повидимому, возвратился къ Рексу и онъ вскорѣ заговорилъ:

— Знаешь, о чемъ я думаю, Нанни? Я поѣду въ Канаду или въ какую-нибудь другую колонію.

— О, Рексъ, ты уѣдешь не навсегда!

— Навсегда. Я желалъ-бы поселиться въ пустынномъ, вѣковомъ лѣсу и выстроить себѣ уединенную хижину.

— И ты не возьмешь меня съ собою? спросила Анна со слезами на глазахъ.

— Развѣ это возможно?

— Я желала-бы подобной жизни болѣе всего на свѣтѣ. Многіе переселенцы отправляются съ семействами. Я могла-бы разводить огонь, стряпать кушанье и чинить платье. Право, это было-бы очень весело.

— Отецъ и мать тебя не отпустятъ.

— А я думаю, что отпустить, когда я имъ все объясню. Мой отъѣздъ принесетъ имъ пользу въ матеріальномъ отношеніи: у нихъ останется болѣе денегъ на воспитаніе братьевъ.

Они продолжали разговаривать въ этомъ практическомъ тонѣ, и кончилось тѣмъ, что Рексъ согласился не говорить съ отцомъ безъ Анны о своемъ планѣ. Это важное совѣщаніе произошло въ кабинетѣ пастора, когда онъ остался одинъ, такъ-какъ они не хотѣли понапрасну беспокоить матери.

— Ну, что скажете, дѣтки? весело произнесъ Гаскойнъ, видя входящаго Рекса подъ руку съ Анной.

— Можно намъ посидѣть съ вами, пана? отвѣчала молодая дѣвушка. — Рексу нужно поговорить съ вами.

— Очень радъ.

Эти три существа представляли замѣчательную группу одного

и того-же физическаго типа: у всѣхъ былъ прямой лобъ, носъ съ зачаткомъ горба, но неожиданно выровнявшійся, короткая нижняя губа, толстый подбородокъ, тотъ-же цвѣтъ лица и тѣ-же глаза. Сѣдой старикъ былъ массивенъ, съ пронизательнымъ взглядомъ и повелительнымъ тономъ. Рексъ могъ-бы служить олицетвореніемъ юности отца, если-бъ можно было представить себѣ Гаскойна скромнымъ юношей, страдающимъ отъ любви; Анна-же была миниатюрной копіей Рекса и на ея лицѣ отражалось выраженіе лица Рекса, словно у нихъ была одна душа.

— Вы знаете, батюшка, что со мною случилось, сказалъ Рексъ, а Гаскойнъ утвердительно кивнулъ головой;—моя жизнь совершенно разбита. Я увѣренъ, что, возвратясь въ Оксфордъ, я не буду въ состояніи заниматься. Я непременно провалюсь на экзаменѣ и ваши деньги пропадутъ даромъ. Позвольте мнѣ начать другую жизнь, сэръ.

Гаскойнъ кивнулъ головой уже не такъ утвердительно и насупилъ брови, а Анна вздрогнула.

— Если-бъ вы дали мнѣ небольшую сумму денегъ, я отправился-бы въ колоніи и сталъ-бы добывать себѣ кусокъ хлѣба земледѣіемъ.

— Да, папа, и я поѣхала-бы съ нимъ, сказала она; — онъ будетъ нуждаться въ женщинѣ, которая завѣдывала-бы у него хозяйствомъ. Онъ никогда не женится, а я никогда не выйду замужъ. Мы зажили-бы счастливо. Конечно, тяжело разстаться съ вами и съ мамой, но у васъ останется довольно дѣтей и мы вамъ не будемъ ничего стоить.

Анна встала и подошла ближе къ отцу. Онъ не улыбнулся, но посадилъ ее къ себѣ на колѣни, какъ-бы устраняя изъ разсчитываемаго дѣла, и обратился къ Рексу:

— Ты признаешь, я надѣюсь, что, благодаря моему опыту, я могу въ практическихъ дѣлахъ дать тебѣ полезный совѣтъ?

— Да, сэръ, отвѣчалъ Рексъ.

— Можетъ быть, ты также признаешь, хотя я нисколько не насилую твоихъ убѣжденій, что твой долгъ—согласовать свои поступки съ моими совѣтами и желаніями?

— Я никогда васъ не ослушивался, сэръ.

Однакожь, онъ очень хорошо понималъ, что весь вопросъ заключался въ его обязанности ѣхать въ Оксфордъ, а не въ колоніи.

— Да, но ты ослушаешься меня, если будешь упорствовать въ своемъ глупомъ планѣ и сопротивляться моему, основанному на опытѣ, совѣту. Ты, вѣрно, полагаешь, что подвергся такому удару, который измѣнилъ всѣ твои стремленія, притупилъ мозги, уничтожилъ всякую возможность работать иначе, какъ руками, и сдѣлалъ тебѣ общество противнымъ?

— Я чувствую нѣчто подобное. У меня пропала всякая охота къ такому труду, который для меня обязателенъ въ Старомъ Свѣтѣ. Я никогда не буду прежнимъ человѣкомъ. Притомъ, съ вашего позволенія, батюшка, я полагаю, что молодой человѣкъ можетъ самъ выбрать себѣ образъ жизни, если онъ этимъ не приноситъ никому вреда. Много молодежи остается дома, и я не понимаю, зачѣмъ задерживать тѣхъ, которые хотятъ переселиться.

— Но я убѣжденъ, и на основаніи положительныхъ данныхъ, что твое настоящее умственное состояніе временное и, если-бъ ты уѣхалъ въ колоніи, ты со временемъ раскаялся-бы, что не докончилъ своего образованія. Неужели у тебя недостаточно силы воли, чтобъ послушаться моего совѣта хоть на время и на опытѣ испытать его разумность? По моему мнѣнію, ты не имѣешь никакого права сдѣлаться колонистомъ и копать землю или рубить деревья прежде, чѣмъ ты не употребишь всѣхъ усилій, чтобъ примѣнить съ пользой полученное воспитаніе. Я уже не говорю о томъ горѣ, которое ты причинилъ-бы намъ своимъ отъѣздомъ.

— Я очень сожалѣю, но что мнѣ дѣлать? Я не могу заниматься.

— Можетъ быть, въ настоящее время. Тебѣ придется пропустить одинъ семестръ, и я уже принялъ мѣры, чѣмъ тебя занять въ эти два мѣсяца. Но, признаюсь, я разочаровался въ тебѣ. Рексъ. Я полагалъ, что у тебя болѣе здраваго смысла и что отъ пустой, часто встрѣчающейся въ жизни, непріятности ты не сочтешь себя свободнымъ отъ всѣхъ обязанностей, точно у тебя произошло размягченіе мозга и ты пересталъ отвѣчать за свои дѣйствія.

Что могъ сказать Рексъ? Онъ внутренно возставалъ противъ аргументовъ отца, но ему нечѣмъ было ихъ опровергнуть; по-прежнему сохраняя желаніе отправиться въ колоніи, онъ не могъ

не согласиться, что ему слѣдовало болѣе придерживаться связывавшихъ его старыхъ узъ. Наконецъ, онъ всталъ, какъ-бы считая разговоръ оконченнымъ.

— Такъ ты согласенъ исполнить мое желаніе? спросилъ Гаскойнъ тономъ, недопуская возраженія.

— Я сдѣлаю все, что могу, сэръ, но ничего не обѣщаю, отвѣчалъ Рексъ послѣ минутнаго молчанія.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты, вполне убѣжденный, что подобная попытка ни къ чему не приведетъ. Анна хотѣла за нимъ послѣдовать, но отецъ ее удержалъ.

— О, папа, какъ ему тяжело! воскликнула она, когда дверь затворилась за Рексомъ; — не правда-ли, онъ страшно измѣнился?

— Да, но это вскорѣ все пройдетъ. А ты, Анна, молчи объ этой исторіи. Никому о ней не рассказывай послѣ его отъѣзда.

— Хорошо, папа; но я ни за что не желала-бы походить на Гвендолину и видѣть, что бѣдные люди такъ влюбляются въ меня. Это очень страшно.

Анна не смѣла высказать своего разочарованія отъ неуспѣха столь улыбавагоса ей плана переселенія въ колоніи съ Рексомъ; но втайнѣ она часто объ этомъ думала, прибавляя: „И мнѣ не нужно-бы было выѣзжать, надѣвать перчатки и кринолины, бесѣдовать съ мужчинами за обѣдомъ и т. д.“

Я вообще люблю точно означать время, когда происходитъ мой рассказъ, и указывать соотношеніе жизни частныхъ лицъ съ историческими событіями. Рассказываемыя происшествія относятся именно къ той эпохѣ, когда ширина кринолиновъ возбудила общее движеніе въ пользу увеличенія церквей, бальныхъ залъ и книжечей. Но для миниатюрной фигуры Анны Гаскойнъ годились только кринолины, приготовляемыя для четырнадцати-лѣтнихъ дѣвочекъ.

ГЛАВА IX.

Спустя восемь мѣсяцевъ послѣ прибытія м-съ Давило въ Оффендинъ, то-есть въ концѣ іюня, разнесся по всему околотку слухъ, возбудившій во многихъ глубокой интересъ. Событіе, о которомъ

провеслась вѣсть въ окрестностяхъ Бансестера, касалось не американскихъ дѣлъ, въ то время всѣхъ интересовавшихъ, но имѣло близкое отношеніе ко всѣмъ классамъ мѣстнаго населенія: хлѣбные торговцы, пивовары, барышники и сѣдельники считали это событіе радостнымъ, какъ доказательство значенія аристократіи въ свободной Англій; кузнецъ въ селеніи Дипло предсказывалъ, что наступали хорошія времена; жены рабочихъ надѣялись, что ихъ десяти-лѣтніе сыновья будутъ взяты для помощи ливрейнымъ лакеямъ, а фермеры съ удовольствіемъ замѣчали, что теперь будетъ хорошій сбытъ сѣна и соломы. Если на нижнихъ ступеняхъ общества выражались такія надежды, то въ высшихъ слояхъ удовольствіе отъ знаменательнаго извѣстія было гораздо значительнѣе, хотя рассчитываемая ими выгода касалась скорѣе общественныхъ развлеченій, чѣмъ матеріальныхъ интересовъ. Бракъ можно, однако, отнести и къ тому, и къ другому, а означенная вѣсть возбудила во многихъ воображеніяхъ брачныя мысли, подобно тому, какъ посѣщеніе королевы вызываетъ въ умахъ мѣстнаго муниципалитета мечты о титулахъ и наградахъ.

Дѣло было въ томъ, что въ Дипло-голъ, принадлежавшемъ сэру Гюго Малинджеру и остававшемся впродолженіи многихъ лѣтъ въ заустѣннѣ, шли дѣятельныя приготовленія для приѣма гостей, такъ-какъ онъ долженствовалъ служить пріютомъ втеченіи охотничьяго сезона племяннику сэра Гюго, м-ру Малинджеру Грандкорту, наслѣднику баронскаго титула и помѣстій, такъ-какъ его дядя имѣлъ только дочерей. По несправедливому и неравномѣрному закону природы, одни самцы одарены хохлами, но мы еще не послѣдовали совѣту тѣхъ легкомысленныхъ философовъ, которые предлагаютъ вполнѣ слѣдовать природѣ въ этомъ отношеніи, и если-бъ м-ръ Малинджеръ Грандкортъ сдѣлался барономъ или перомъ, то его жена носила-бы тотъ-же титулъ, что вмѣстѣ съ большимъ состояніемъ дѣлало его очень завидной партіей.

Нѣкоторые изъ читателей, быть можетъ, сочтутъ невѣроятнымъ, чтобъ люди основывали брачныя планы на слухѣ о приѣздѣ богатаго, знатнаго холостяка, и припишутъ подобный фактъ вымыслу жолчнаго автора; они станутъ доказывать, что ни они сами, ни ихъ родственники неспособны на это, и что никто, зная всю шаткость подобныхъ плановъ, не захотѣлъ-бы терять время

на ихъ измышленіе. Но я смѣю замѣтить, что въ этомъ разсказѣ повѣствуется не объ общей человѣческой натурѣ, а объ нѣсколькихъ жителяхъ смиреннаго Весека, которые пользовались незапятнанной репутаціей и поддерживали знакомство съ важными титулованными особами. Напримѣръ, возьмемъ Аропонитовъ, обитавшихъ въ прекрасномъ Кветчамѣ: конечно, никто не могъ приписать имъ корыстные виды въ отношеніи брака ихъ дочери, которой они оставляли послѣ своей смерти пол-миліона; но заботясь о счастіи Китти (рѣшительно отказавшей лорду Слогану, ирландскому пэру и владѣльцу большихъ помѣстій, нуждавшихся только въ дренажѣ и рабочихъ рукахъ), заботливо спрашивали былъ-ли м-ръ Грандкортъ красивъ собою, здороваго сложенія, добродѣтеленъ, и если либеральный консерваторъ, то не слишкомъ-ли либеральный, и, не желая ничьей смерти, они все-же признавали полученіе титула м-ромъ Грандкортomъ крайне-желательнымъ.

Если Аропониты интересовались прибытіемъ м-ра Грандкорта, то неудивительно, что оно сосредоточивало на себѣ все вниманіе м-ра Гаскойна, духовное званіе котораго не мѣшало ему питать нѣжную родительскую любовь къ дѣтямъ и чувствовать съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, что заботъ о нихъ у него было слишкомъ много.

Конечно, никто не сообщалъ другъ другу своихъ мыслей и предположеній о прибытіи молодого Грандкорта; вообще люди никогда не бываютъ откровенны относительно занимающаго ихъ предмета, хотя-бы это было происхожденіе кислотъ или объясненіе неподвижныхъ звѣздъ, такъ-какъ слушающій васъ могъ-бы примѣнить ранѣе вашу идею или, раздѣляя другое мнѣніе о кислотахъ или звѣздахъ, сталъ-бы питать къ вамъ непріятное чувство. Гаскойнъ не спрашивалъ Аропонита, имѣлъ-ли онъ основательныя свѣденія о томъ, что Грандкортъ могъ быть хорошимъ мужемъ для прелестной молодой дѣвушки, а м-съ Аропонитъ не замѣчала м-съ Давило, что если Грандкортъ вздумаетъ искать себѣ жены въ окрестностяхъ Дипло, то его выборъ естественно долженъ былъ остановиться на Китти, которая, однакожь, изъявить свое согласіе только въ томъ случаѣ, если онъ можетъ доставить ей счастіе. Пасторъ даже не говорилъ женѣ своей о возможномъ результатѣ знакомства м-ра Грандкорта съ Гвендо-

диной въ одномъ изъ собраній стрѣлковаго общества, хотя, вѣроятно, м-съ Гаскойнъ еще болѣе объ этомъ думала.

— Большое было-бы благополучіе, Фанни, если-бъ эту дѣвочку выдать хорошо замужъ, говорила она не разъ своей сестрѣ.

Замѣтивъ въ этихъ словахъ косвенное осужденіе Гвендолины, м-съ Давило ничего не отвѣчала, хотя внутренно подумала: „не выдать-же мнѣ ее замужъ за перваго встрѣчнаго для твоего удовольствія“. Извѣстно, что добрая, покорная м-съ Давило выходила изъ себя, когда дѣло касалось ея дочери.

— Говорятъ, что м-ръ Грандкортъ имѣеть два собственныхъ помѣстья, сказала м-съ Гаскойнъ мужу; — онъ посѣтитъ Динло только для охоты. Надо надѣяться, что онъ послужитъ хорошимъ примѣромъ для всего мѣстнаго общества. Слышалъ ты, Генри, что это за человѣкъ?

Гаскойнъ не слышалъ ничего о м-рѣ Грандкортѣ или, по крайней мѣрѣ, не хотѣлъ повторять сплетенъ, если онѣ до него и дошли. Онъ считалъ бесполезнымъ и неприличнымъ интересоваться прошедшимъ молодого человѣка, для котораго, благодаря его рожденію и богатству, многія дѣйствія, непростительныя всякому другому, кажутся совершенно невинными. Что-бы ни дѣлалъ Грандкортъ, онъ не разорился, а извѣстно, что, напримѣръ, относительно страсти къ игрѣ, человѣкъ, имѣвшій достаточно силы воли, чтобъ остановиться, разоривъ только другихъ, а не себя, считается нравственной или, по крайней мѣрѣ, исправившейся личностью. Что-же касается именно м-ра Грандкорта, то не было никакихъ свѣденій, что онъ нуждался въ исправленіи болѣе всѣхъ другихъ молодыхъ людей, достигшихъ тридцати пяти лѣтъ, и, во всякомъ случаѣ, богатый и знатный землевладелецъ не нуждался въ такомъ изслѣдованіи его прошедшаго, какъ нанимающійся слуга или прикащикъ.

М-съ Давило естественно не могла оставаться равнодушной къ событію, съ которымъ могла быть связана будущность ея дочери; она представляла себѣ м-ра Грандкорта красивымъ, образованнымъ молодымъ человѣкомъ, котораго она съ радостью назвала-бы зятемъ; но понравится-ли онъ Гвендолинѣ? Невозможно было сказать, что могло придтись по вкусу молодой дѣвушкѣ или пробудить въ ея сердцѣ нѣжное чувство. Отказываясь придумать

такую комбинацію качествъ, которая заслужила-бы любовь Гвендолины, м-съ Давило говорила себѣ: „не бѣда, если-бъ она вышла замужъ безъ любви, былъ-бы только человекъ хорошій“. Несмотря на свою неудовлетворительную брачную жизнь, она все-же желала, чтобъ Гвендолина вышла замужъ. Если она при дочери не расхваливала брака, то дѣлала это изъ опасенія, что та скажетъ то-же, что отвѣтила г-жа Роланъ въ юности своей матери на ея увѣреніе, что она будетъ счастлива въ брачной жизни: „Да, мама, какъ вы“.

Относительно м-ра Грандкорта м-съ Давило ни однимъ словомъ не обнаруживала своихъ воздушныхъ замковъ; прежде всего она ихъ какъ-бы стыдилась, а, во-вторыхъ, боялась, чтобъ Гвендолина, узнавъ ея планъ, заранѣе не воспылила-бы ненавистью къ желанному мужу. Со времени печальной сцены послѣ объясненія въ любви Рекса, она удерживалась затрогивать ненависть Гвендолины къ любовнымъ объясненіямъ и никогда не упоминала о томъ, что считала единственнымъ для нея счастьемъ въ жизни—о замужествѣ.

Однакожь, костюмъ Гвендолины для предстоящаго праздника стрѣлковъ былъ дозволеннымъ предметомъ разговора, а потому мать и дочь безъ конца совѣщались обо всѣхъ подробностяхъ туалета. Наконецъ, было рѣшено, что Гвендолина авится въ бѣломъ кашемировомъ платьѣ и единственнымъ цвѣтнымъ украшеніемъ будетъ свѣтло-зеленое перо на шляпѣ.

— Какъ мнѣ жаль всѣхъ дѣвушекъ, собирающихся на праздникъ стрѣлковъ, сказала Гвендолина съ торжествующей улыбкой, примѣривая свой костюмъ передъ зеркаломъ:—онѣ, бѣдня, только и думаютъ о м-рѣ Грандкортѣ. А надежды ихъ не могутъ сбиться.

М-съ Давило съ испугомъ взглянула на дочь, и прежде, чѣмъ собралась отвѣтить, Гвендолина продолжала саркастически:

— Вы въ этомъ убѣждены, мама. Вы, дядя и тетя рѣшили, что онъ влюбится въ меня.

— Это еще не рѣшено, дитя мое, отвѣчала м-съ Давило, прибѣгая къ хитрости:—миссъ Аропоинтъ имѣетъ такія достоинства, которыхъ у тебя нѣтъ.

— Знаю; но необходимо время, чтобъ открыть эти достоинства, а я поражу его сердце стрѣлою, не давъ ему опомниться.

Онъ въ то-же мгновеніе упадетъ къ моимъ ногамъ и я пошлю его искать по бѣлу свѣту обручальнаго кольца счастливой жены; онъ поскачетъ и послѣ многихъ странствій вернется назадъ безъ кольца; но съ титуломъ лорда, такъ-какъ всѣ его родственники въ это время перемерутъ. Снова упадетъ онъ передо мною на колѣни, но я разсмѣюсь ему въ лицо; онъ гнѣвно вскочитъ, а я буду все болѣе и болѣе смѣяться. Тогда онъ осѣдлаетъ коня и полетитъ въ Кветчамъ, гдѣ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ миссъ Аропонтъ вышла уже замужъ за странствующаго музыканта. Картина: м-съ Аропонтъ рветъ чепчикъ, м-ръ Аропонтъ молча смотритъ на жену, лордъ Грандкортъ вскакиваетъ на лошадь и возвращается въ Дипло, гдѣ, подобно г. Жабо, il change de linge.

Видалъ-ли кто на свѣтѣ такую фею? Вы хотѣли скрыть отъ нея свое сокровище и, сидя на немъ, принимали самую невинную фязіономію, и что-же? Она по вашимъ глазамъ знала, что у васъ именно пять фунтовъ стерлинговъ и десять шиллинговъ! Отъ нея ничего нельзя было скрыть, какъ нельзя укрыться отъ сырости, заперевъ дверь на замокъ. М-съ Давило теперь пришла въ голову мысль, что, вѣроятно, Гвендолина, благодаря своему дару предвидѣнія, знала о м-рѣ Грандкортѣ болѣе всѣхъ другихъ.

— А какъ ты его представляешь себѣ, Гвендолина? спросила она; — что онъ за человѣкъ?

— Подождите, сказала фея и, насупивъ свои густыя брови, приложила палецъ къ губамъ, но черезъ минуту продолжала, рѣшительно махнувъ рукой: — онъ маленькаго роста, мнѣ по плечо, и, чтобъ казаться болѣе высокимъ, носитъ длинную бороду и закручиваетъ сверху усы; въ правомъ глазу у него стеклышко для приличія; онъ имѣетъ положительное мнѣніе о достоинствахъ своего жилета, но колеблется насчетъ того, какова погода, и будетъ всячески стараться узнать мое мнѣніе объ этомъ важномъ предметѣ. Онъ вытаращитъ на меня глаза и, благодаря своему стеклышку, будетъ дѣлать на каждомъ шагѣ страшныя гримасы, особенно при всякомъ желаніи улыбнуться. Боюсь расхохотаться, я опущу свои взоры, а онъ приметъ это за очевидное сочувствіе. Всю ночь мнѣ будетъ сниться насѣваемое въ ужасно-увеличенномъ видѣ и на другой день онъ предложитъ мнѣ свою руку и сердце. Конецъ исторіи тотъ-же.

— Это портретъ знакомаго тебѣ человѣка, Гвенъ, а м-ръ Грандкортъ, можетъ быть, прекрасный юноша.

— Конечно, отвѣчала Гвендолина равнодушно,—но я желала бы знать, какъ ведетъ себя прекрасный юноша? Мнѣ извѣстно только, что у него должны быть: домъ въ Лондонѣ, два замка, лошади охотничьи и скаковныя, и что за убійство извѣстнаго числа лицъ онъ можетъ получить титулъ.

— Ради Бога, не говори такъ, дитя мое! воскликнула м-съ Давило, всегда говорившая прямо и нелюбившая иносказательной иронии. — Ты начиталась столько книгъ, что знаешь все. Мы съ тетей въ твои годы не знали ничего дурного. Право, это было лучше.

— Такъ отчего-же вы меня не воспитали въ томъ-же духѣ? произнесла Гвендолина, но, замѣтивъ по глазамъ матери, что нанесла ей тяжелый ударъ, бросилась передъ нею на колѣни и съ жаромъ воскликнула:—Мама, мама! я только шутила.

— Какъ могла я тебя иначе воспитать! промолвила м-съ Давило, всхлипывая;—ты всегда была мнѣ не по силамъ и потому обстоятельства...

— Милая мама, я ни въ чемъ васъ не виню, сказала Гвендолина съ раскаяніемъ и нѣжно отирая носовымъ платкомъ глаза матери;—я васъ очень люблю, и вы нисколько не виноваты, если я не удалась. Впрочемъ, я прелестна и совершенно довольна собой. Я очень рада, что не похожу на васъ и тетю. Вы, должно быть, были очень скучныя.

Ласки дочери мало-по-малу успокоили мать, какъ всегда бывало въ подобныхъ столкновеніяхъ. Но эта маленькая сцена была неприятна обѣимъ. Гвендолинѣ—по непривычному ей чувству недовольства собою, а м-съ Давило—по горькому сознанию, что, дѣйствительно, дочь могла упрекать ее за свое воспитаніе; поэтому онѣ безмолвно рѣшились никогда болѣе не упоминать о м-рѣ Грандкортѣ.

Когда Гаскойнъ заговаривалъ раза два о Грандкортѣ, м-съ Давило боялась, чтобъ Гвендолина не выказала своего опаснаго дара предвидѣнія, обнаруживъ тайныя мысли дяди, но этотъ страхъ былъ совершенно напрасенъ. Гвендолина понимала различіе въ характерахъ окружающихъ ее людей, какъ птицы инстинктивно знаютъ погоду; рѣшившись избавить себя отъ контроля

дяди, она въ то-же время старательно удалялась отъ всякаго столкновенія съ нимъ. Хорошія отношенія между ними поддерживались еще болѣе удовольствіемъ, которое доставляла обонимъ стрѣльба въ цѣль: Гаскойнъ, какъ одинъ изъ лучшихъ стрѣлковъ въ Эсексъ, съ удовольствіемъ замѣчалъ успѣхи Гвендолины въ этомъ искусствѣ, а Гвендолина всячески старалась сохранить его расположеніе, тѣмъ болѣе, что послѣ роковой сцены съ Рексомъ и-съ Гаскойнъ и Анна видимо, хотя неблагоразумно, чуждались ея. Она старалась выказать въ своихъ отношеніяхъ къ Аннѣ сочувственное сожалѣніе, но ни одна изъ нихъ не смѣла упомянуть имени Рекса, а бѣдная Анна, для которой братъ составлялъ необходимый элементъ вдыхаемаго ею воздуха, чувствовала какую-то неловкость въ обществѣ веселой дѣвушки, погубившей его счастье. Она старалась изъ послушанія отцу скрывать переиъну, происшедшую въ ея чувствахъ къ двоюродной сестрѣ, но развѣ горе можетъ одинаково смотрѣть и жать руку, какъ счастье?

Эта несправедливая злоба близкихъ ей людей только усилила отвращеніе Гвендолины къ сватовству. При слѣдующемъ отказѣ влюбленному претенденту на ея руку дядя могъ, въ свою очередь, обидѣться и т. д. Поэтому она однажды сказала съ сердцемъ матери:

— Мама, я теперь понимаю, почему молодня дѣвушки рады выйти замужъ—это единственный способъ избавиться отъ необходимости дѣлать пріятное всѣмъ, исключая себя.

По счастью, и-ръ Мидльтонъ уѣхалъ, не объяснившись въ любви, и, несмотря на общее восхищеніе, внушаемое миссъ Гарлетъ на разстояніи тридцати квадратныхъ миль вокругъ Оффендина, населенныхъ многочисленными юными холостяками, ни одинъ изъ нихъ не простиралъ своего ухаживанія далѣе веселой болтовни съ молодой дѣвушкой, легко вступавшей въ разговоръ со всякимъ. По закону природы, деревья не сметаютъ съ неба звѣздъ, и не всякій человекъ, восхищающійся хорошенькой молодой дѣвушкой, влюбляется въ нее, даже не всякій влюбленный объясняется въ любви. Въ этомъ отношеніи природа чрезвычайно благодѣтельна, не заставляя насъ всѣхъ сходить съ ума отъ любви къ одному прелестнѣйшему на свѣтѣ существу; а мы знаемъ, что не всѣ признавали Гвендолину прелестнѣйшимъ на

свѣтъ существомъ. Впрочемъ, прошло только восемь мѣсяцевъ съ появленія ея въ Оффендигъ, а любовь развивается въ нѣкоторыхъ людяхъ очень медленно, подобно растенію подъ солнечными лучами.

Въ виду того факта, что ни одинъ изъ кандидатовъ въ мужья во всемъ околоткѣ не сдѣлалъ предложенія Гвендолинѣ, почему же казалось вѣроятнымъ, что м-ръ Грандкортъ поступитъ именно такъ, какъ они не поступили? Можетъ быть, потому, что онъ казался еще болѣе выгоднымъ женихомъ, а намъ кажется всегда вѣроятнымъ то, чего хочется. М-ръ и м-съ Аропонитъ, несколько не заботясь о блестящей партіи для миссъ Гарлетъ, считали вѣроятнымъ совершенно иной бракъ м-ра Грандкорта.

ГЛАВА X.

Бракеншоскій паркъ, гдѣ происходилъ праздникъ стрѣлковъ, былъ расположенъ на волнистыхъ холмахъ, которые господствовали надъ сосѣдней долиной, отдаленными низменностями на востокъ и широкой полосой обработанной земли на западѣ. Замокъ, стоявшій на вершинѣ самаго высокаго изъ скучившихся холмовъ, былъ выстроенъ изъ грубо обтесаннаго известняка и представлялъ своимъ внѣшнимъ видомъ смѣсь свѣта и тѣни, благодаря темной пыли лишайниковъ и значительнымъ подтекамъ отъ дождя. Стрѣльбище было устроено на небольшой площадкѣ въ концѣ парка, осѣняемой на юго-западной сторонѣ высокими вязами и густыми кустами остролистника, бросавшими прохладную тѣнь на песчаную дорожку и маленькій, только-что скошенный лужокъ, гдѣ были поставлены мишени.

Трудно себѣ представить лучшій фонъ для цвѣтника молодыхъ и красивыхъ женщинъ, граціозно извивавшихъ свои шеи, подобно лиліямъ, если-бъ послѣднія были одарены способностью передвиженія. Въ воздухѣ носились мелодичные звуки, даже въ тѣ минуты, когда не играла военная музыка изъ Вансестера: всюду слышался гармоничный смѣхъ во всѣхъ тонахъ и веселый дружескій разговоръ, то возвышавшійся до громкаго одушевленія, то понижавшійся до пріятнаго уху шопота.

На этомъ праздникѣ „стрѣлковъ“ не было ни внѣшняго шума,

ни толпы, служащихъ постоянной помѣхой современнымъ увеселеніямъ на открытомъ воздухѣ; публика собралась избранная, такъ-какъ число приглашенныхъ было ограниченное, въ виду обѣда и бала въ замкѣ послѣ торжества. За загородку никого не выпускали, кромѣ арендаторовъ лорда Бракеншо съ семействами, и то большую частью пользовались этою привилегіею ихъ жены съ дѣтьми или юными братьями и сестрами. Среди этихъ немногочисленныхъ зрителей мужчины разнообразили монотонное зрѣлище держаніемъ пари въ пользу того или другого стрѣлка, а женщины — толками о туалетахъ дамъ изъ общества лорда Бракеншо, причемъ всѣ онѣ отдавали преимущество не Гвендолинѣ, а другимъ молодымъ дѣвушкамъ; но среди мужчинъ, окружавшихъ Гвендолину, она единогласно признавалась царицей праздника.

Неудивительно, что Гвендолина наслаждалась жизнью въ этотъ прекрасный июльскій день. Превосходство, даже при неудовлетворительной обстановкѣ, сладко для людей самолюбивыхъ; быть можетъ, не мифъ рассказъ о невольникѣ, гордившемся тѣмъ, что его купили первого на рынкѣ. Но для полного удовольствія внѣшнія условія должны соответствовать внутреннимъ; именно въ подобномъ положеніи находилась теперь Гвендолина.

Конечно, никто не станетъ отрицать, что лукъ и стрѣлы — одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ орудій женскаго кокетства. Дѣйствуя ими, можно принимать самыя граціозныя и виѣсты дышація силой позы. Къ тому-же стрѣлы не пахнутъ порохомъ, не причиняютъ такихъ несчастій, какъ ружья, и главной опасностью подобной стрѣльбы служитъ возможность неудачи, которая только подстрекаетъ къ энергичнымъ усиліямъ. Призы состояли не въ цѣнныхъ вещахъ, унижающихъ славу до мелкой выгоды, а въ золотыхъ и серебряныхъ стрѣлахъ и звѣздахъ, которыя возлагались на время на побѣдителей въ родѣ лавровыхъ вѣнковъ. Вообще бракеншоскій стрѣлковый клубъ былъ основанъ на благоразумныхъ и приличныхъ принципахъ, устранявшихъ всякую мысль о скандалѣ.

Въ этотъ день все способствовало общему удовольствію. Погода была не жаркая и вѣтеръ не нарушалъ художественныхъ складокъ на дамскихъ туалетахъ, роскошныхъ причесокъ и правильнаго полета стрѣлъ; поэтому триумфальное шествіе красавицъ-стрѣлковъ къ мишенямъ для выдерживанія стрѣлъ вполне удалось. Гвендолина казалась Калипсою среди своихъ нимфъ; всякій

долженъ былъ признать въ ней парицу праздника, — такъ величественна была ея фигура и такъ художественны всѣ ея движенія.

— Эта дѣвушка — точно кровная скаковая лошадь, сказалъ лордъ Бракеншо юному Клинтону.

— Первый сортъ, отвѣчалъ молодой классикъ, усердно ухаживавшій за Гвендолиной; — какая она хорошенькая! никогда я не видалъ ее такой прелестной, какъ сегодня.

Быть можетъ, это была правда. Гвендолина сіяла удовольствіемъ, безъ малѣйшей примѣси жолчи; она была довольна своимъ торжествомъ и не чувствовала неприязни ни къ кому изъ окружающихъ. Сознаніе, что она не имѣла ни громкаго титула, ни богатаго наслѣдства, какъ миссъ Аропонтъ, увеличивало въ ея глазахъ сладость побѣды. Къ тому-же она была совершенно довольна и своей семейной группой: м-съ Давило по своей внѣшности походила на вдовствующую герцогиню, тетя Гаскойнтъ съ Анной были также чрезвычайно приличны. Вообще Гвендолина была слишкомъ увѣрена въ своемъ успѣхѣ, чтобы чувствовать зависть къ кому-бы то ни было, хотя миссъ Аропонтъ и считалась однимъ изъ лучшихъ стрѣлковъ.

Даже появленіе Клесмера, удивившее всѣхъ присутствующихъ, повидимому только увеличило удовольствіе Гвендолины. Глаза ея засвѣтились сатирическимъ блескомъ при видѣ поразительнаго контраста между нѣмецкимъ артистомъ и англійской провинціальной аристократіей. Мы, англичане, чрезвычайно разнообразный народъ; въ пятидесяти отдѣльныхъ представителяхъ нашей націи найдется много различій въ физическомъ строѣ и очертаніяхъ лица, но вообще мы, какъ типъ, не похожи на живую, страстную расу, стремящуюся къ идеалу и для которой реальная сторона жизни только привѣсокъ. Главнѣйшая черта англійскаго джентльмена заключается въ приличной внѣшности; онъ старательно избѣгаетъ всего выдающагося въ одеждѣ и никогда не кажется вдохновеннымъ. Представьте себѣ среди многочисленнаго собранія подобныхъ строго-приличныхъ англичанъ появленіе Клесмера съ громадной курчавой гривой, опускавшейся до плечъ, въ высокой, старомодной черной шляпѣ, которая какъ-бы для шутки красовалась надъ правильными чертами его лица съ выдающимся, чисто выбритымъ подбородкомъ, и въ современной одеждѣ, хотя не

строга англійской, но рѣшительно неподходящей къ его фигурѣ, которая въ широкомъ плащѣ и въ флорентійской шапочкѣ могла-бы достойно занять мѣсто рядомъ съ Леонардо Винчи. Наконецъ, пламенный блескъ его глазъ и угловатая движенія казались уморительными при несчастномъ цилиндрѣ, требующемъ непременно коротко-обстриженной головы и обыкновенной приличной фигуры, какъ, напримѣръ, м-ра Аропонта, который своимъ ничтожнымъ выраженіемъ лица и безукоризненной одеждой не возбуждалъ ни малѣйшей улыбки.

Многіе знали Клесмера лично или по наслышнѣ, но до сихъ поръ его не видали иначе, какъ въ блестяще-освѣщенной залѣ, гдѣ онъ являлся музыкантомъ, и онъ не пользовался той все-свѣтной славой, которая заставляетъ всѣхъ преклоняться предъ великимъ артистомъ. Здѣсь-же, въ свѣтлый іюльскій день, онъ показался всему мѣстному обществу въ совершенно новомъ видѣ; одни смѣялись, другіе съ неудовольствіемъ замѣчали, что Аропонтъ злоупотребилъ присланными имъ билетами.

— Какъ смѣшны артисты, сказалъ юный Клинокъ Гвендолинъ:— посмотрите, какъ онъ кланяется леди Бракеншо, приложивъ руку къ сердцу.

— Вы профанъ, отвѣчала Гвендолина,— вы не умѣете цѣнить величія гедія. Клесмеръ наводитъ на меня страхъ; я передъ нимъ невольно преклоняюсь.

— Да, вы понимаете его музыку.

— Нѣтъ, но онъ понимаетъ мое пѣніе и находитъ его нигде негоднымъ, отвѣчала со смѣхомъ Гвендолина, которая легко относилась къ строгому сужденію Клесмера объ ея музыкальномъ талантѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ пораженъ ея драматической игрой.

— Конечно, ваше пѣніе— не музыка будущаго, и я очень радъ, такъ-какъ оно доставляетъ мнѣ удовольствіе.

— Вы очень любезны. Но посмотрите, какъ сегодня хороша миссъ Аропонтъ. Она просится на полотно въ своемъ золотистомъ платьѣ.

— Оно слишкомъ блестяще, не правда-ли?

— Можетъ быть, оно слишкомъ символично; она походитъ на олицетвореніе богатства.

Слова Гвендолины, несмотря на ихъ сатирическій тонъ, были

произнесены только для шутки, безъ всякой зависти, которая была немислима въ эту минуту торжества, такъ-какъ она, по общему мнѣнію всѣхъ присутствующихъ, должна была получить первый призъ.

— Посмотримъ, кто одержитъ побѣду, сказала леди Бракеншо, которая съ двумя маленькими дочерьми и толстымъ сыномъ председательствовала на праздникѣ; — кажется, миссъ Гарлетъ возьметъ золотую стрѣлу.

— По всей вѣроятности, отвѣчалъ лордъ Бракеншо:—она чаще всѣхъ попадаетъ въ цѣль. Такое искусство, право, удивительно для новичка. А ваша дочь сегодня слабѣе обыкновеннаго, прибавилъ онъ, обращаясь къ м-съ Аропонитъ;—впрочемъ, она въ прошедшій разъ взяла первый призъ и по-справедливости ей надо уступить его теперь другимъ.

— Китти будетъ очень рада чужому успѣху, отвѣтила м-съ Аропонитъ;—она такъ великодушна. Вотъ, наприимѣръ, мы привезли съ собою не пастора Стоплея, а Клесмера, только по ея желанію доставить ему удовольствіе. Конечно, она сама предпочла-бы общество пастора, но она всегда думаетъ не о себѣ, а о другихъ. Я сказала, что Клесмеръ не принадлежитъ къ нашему обществу и что привезти его сюда не совсѣмъ en regle, но она отвѣчала: „геній внѣ всякихъ условныхъ правилъ; онъ является въ міръ для созданія новыхъ правилъ“. Съ этимъ нельзя не согласиться.

— Конечно, отвѣчалъ лордъ Бракеншо небрежно и послѣшившій прибавить:—а вотъ я такъ не страдаю великодушіемъ. Я желалъ-бы еще одерживать побѣды, но слишкомъ старъ и лѣнивъ для этого. Молодежь меня побиваетъ на каждомъ шагу. Впрочемъ, по словамъ старика Нестора, боги не даютъ намъ всего за-разъ: я былъ въ свое время молодъ, а теперь старъ и благоразуменъ.

— О, милордъ, близкіе сосѣди, живущіе рядомъ двадцать лѣтъ, не должны говорить о своихъ годахъ, замѣтила м-съ Аропонитъ.—Но гдѣ нашъ новый сосѣдъ? Я думала встрѣтить здѣсь м-ра Грандеорта.

— Онъ обѣщалъ быть, отвѣчалъ лордъ Бракеншо;—онъ пріѣхалъ въ Дипло только надняхъ и у него много хлопотъ. Можетъ быть, онъ и не пріѣдетъ; уже поздненько. Эй, Гаскойнъ! воскликнулъ онъ, замѣтивъ, что пасторъ проходилъ не вдалекѣ

подъ руку съ Гвендолиной;—какъ вамъ не стыдно? Вы не только сами стрѣляете лучше насъ, но и племянницу научили одерживать надъ всѣми побѣду.

— Я согласенъ, что съ ея стороны не любезно одерживать верхъ надъ старыми стрѣлками, отвѣчалъ Гаскойнъ съ пріятной улыбкой,—но я въ этомъ, милордъ, не виноватъ. Я хотѣлъ только, чтобъ она стрѣляла хорошо, но не лучше всѣхъ.

— И я не виновата, прибавила Гвендолина;—когда я цѣлю, я не могу не попасть.

— Это можетъ повести къ роковымъ послѣдствіямъ для многихъ, отвѣчалъ лордъ Бракеншо, и, посмотрѣвъ на часы, снова обратился къ м-съ Аропоинтъ:—Вы правы, уже поздненько. Впрочемъ, Грандкортъ всегда опаздываетъ, къ тому-же онъ ничего не понимаетъ въ стрѣльбѣ изъ лука. Однакожь, я настаивалъ, чтобы онъ пріѣхалъ, говоря, что здѣсь будетъ весь цвѣтъ нашего общества. Онъ спрашивалъ о васъ, м-съ Аропоинтъ, но, кажется, въ Лондонѣ вы его не видали. Онъ почти постоянно путешествовалъ.

— Да, мы незнакомы, хотя я очень дружна съ его дядей, сэромъ Гюго Малинджеромъ.

— Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: дядя рѣже является въ общество подъ руку съ племянникомъ, чѣмъ съ племянницей, замѣтилъ лордъ Бракеншо, обращаясь съ улыбкой къ пастору.— Гаскойнъ, пройдемтесь немного по парку, мнѣ надо съ вами поговорить о будущей охотѣ.

Гвендолина очень внимательно прислушивалась къ словамъ лорда Бракеншо о м-рѣ Грандкортѣ, отсутствіе котораго начинало портить ея удовольствіе. Хотя она и отзывалась о немъ сатирически, какъ о будущемъ женихѣ, но ее очень занимало, какое впечатлѣніе она произведетъ на него. Она не боялась подпасть подъ его вліяніе (Гвендолинѣ никогда не приходило въ голову, что желаніе побѣдить всѣхъ есть своего рода подчиненіе) и она представляла его себѣ однимъ изъ тѣхъ любезныхъ влюбленныхъ поклонниковъ, десятки которыхъ она встрѣчала до сихъ поръ. Зная, что въ ея семействѣ всѣ желали, чтобы онъ ей понравился, она какъ-то невольно воображала его смѣшнымъ, но это нисколько не располагало ее радоваться его отсутствію, и даже предчувствіе непріятныхъ послѣдствій ея отказа, если онъ сдѣлаетъ ей пред-

ложеніе, не побуждало ее желать, чтобы онъ не обратилъ на нее вниманія и женился на миссъ Аропоинтъ.

Поэтому, когда м-ръ Грандкортъ дѣйствительно пріѣхалъ на праздникъ стрѣлковъ, никто болѣе Гвендолины не сознавалъ его присутствія, хотя она старательно избѣгала смотрѣть въ ту сторону, гдѣ онъ находился, и ничѣмъ не выражала интереса, возбуждаемаго въ ней его особой. Она совершенно предалась стрѣльбѣ; ея выстрѣлы стали теперь особенно мѣткі, такъ что, наконецъ, она попала три раза къ ряду въ золотой центръ мишени. Этотъ подвигъ заслуживалъ перваго приза, золотой звѣзды. Всѣ присутствующіе, выстроившись въ два ряда для ея торжественнаго шествія къ леди Бракеншо, изъ ружъ которой она должна была получить звѣзду, — разразились громкими рукоплесканіями. Гвендолина была совершенно счастлива: всѣ взгляды сосредоточивались на ней, и этого для нея было довольно. Сама она не смотрѣла ни на кого, хотя пріятно сознавала, что при ея торжествѣ присутствовалъ Клесмеръ, а главное, что м-ръ Грандкортъ видѣлъ ее впервые при самыхъ выгодныхъ условіяхъ, такъ что онъ долженъ былъ восхищаться ею безъ всякой пригвѣси неприятной критики.

Гвендолина съ сіяющимъ лицомъ встрѣтила привѣтственную улыбку леди Бракеншо и не покраснѣла (краска вызывалась на ея лицѣ только неожиданностью), когда на нее возложили блестящій знакъ ея побѣды. Послѣ этой церемоніи она, съ золотой звѣздой на плечѣ, стала весело принимать поздравленія окружающихъ и со всѣмъ обществомъ направилась къ мишени для обзоренія мѣткости выстрѣловъ. Тутъ къ ней подошелъ лордъ Бракеншо и неожиданно сказалъ:

— Миссъ Гарлетъ, вотъ джентльменъ, пылающій желаніемъ съ вами познакомиться. Позвольте мнѣ представить вамъ м-ра Малинджера Грандкорта.

(Продолженіе будетъ.)

НЕЗАМЕРЗАЮЩАЯ ПОЛЫНЯ.

(Новгородское народное повѣрье.)

Въ Новегородѣ великомъ
Есть на Волховѣ широкомъ
Мѣсто, что не замерзаетъ
Ни въ какой морозъ жестокой.

Не всегда такое диво
Въ Новегородѣ водилось;
Говорять, что диво это
Съ той поры лишь объявилось,

Какъ на Новгородѣ великій,
За вину его немалу,
Царь Иванъ Васильичъ Грозный
Положилъ свою опалу.

Какъ съ опричной страшной ратью,
Потрудясь съ Москвы походомъ,
Свою отчину Новгородъ
Онъ пожаловалъ приходомъ:

Новгородскимъ чудотворцамъ
Помолиться, поклониться;
Съ новгородскою измѣной
Разсчитаться, расплатиться.

Лютъ во гнѣвѣ царь былъ грозный,
Но кромѣшная дружина
Не въ примѣръ была лютѣ
И свирѣпѣй властелина.

Ой, и было-же въ ту пору
Въ Новегородѣ смятенье:—
Осудилъ его царь грозный
На погромъ и разоренье.

Ой, тяжелая година
Для Новгорода настала.
Никогда на свѣтѣ солнце
Столько крови не видало.

Отъ посадника до смерда,
Отъ владыки до изгон,
Все опрчина губила
Безъ пощады, безъ отбоя.

Все, что слыло въ Новеградѣ
Именитымъ, избивали,
А когда ужъ въ одиночку
Бить и рѣзать приустали,

На мосту между Софійской
И торговой сторонами
Собирали новгородцевъ
И топили ихъ толпами.

Старыхъ, буйныхъ новгородцевъ
Уходили, усмирили,
Но съ тѣхъ поръ, въ томъ самомъ мѣстѣ,
Гдѣ толпами ихъ топили.

Никогда ужъ старый Волховъ,
Никогда не замерзаетъ,
Потому что кровь убитыхъ
Со дна къ Господу взываетъ...

И. Ресснеръ.

РЕЛИГИОЗНЫЯ СЕКТЫ ВЪ АМЕРИКѢ.

IV.

Проповѣдники „пробужденія“.

Изъ методистскихъ проповѣдниковъ, съ особеннымъ успѣхомъ ведущихъ пропаганду „пробужденія“, слѣдуетъ поставить на первомъ планѣ Кнаппа. Недавно умершій Эльдеръ Кнаппъ, дьяконъ Кнаппъ, прозванный „человѣкомъ крови и грома“, былъ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ проповѣдниковъ и гораздо легче достигалъ значительныхъ результатовъ, чѣмъ даже самъ Модъ. Это вина не Модъ, а времени и самой организаціи новаго дѣла, которое съ каждымъ годомъ становится болѣе обширнымъ, тяжелымъ и сложнымъ. „Кнаппъ, говоритъ его біографъ въ 1867 г., — одинъ изъ замѣтныхъ предводителей арміи Сіона; онъ былъ однимъ изъ пионеровъ и тружениковъ евангелическаго вѣроисповѣданія, типъ современнаго проповѣдника, и имѣлъ громадное вліяніе на жизнь и на участь своихъ соотечественниковъ“. „Я могу положительно сказать, писалъ Кнаппъ въ концѣ своей труженической карьеры, — что 40 новыхъ проповѣдниковъ обратились къ нашей церкви послѣ того, какъ присутствовали пять разъ на моихъ собраніяхъ. Я же имѣлъ 150 подобныхъ собраній. Я окрестилъ собственными руками 5,000 человѣкъ. Но это еще только самая малая часть изъ обращенныхъ мною. Вообще я считалъ болѣе удобнымъ, чтобы обращенные мною крестились или у мѣстнаго пастора, или у того, который сопутствовалъ мнѣ“. Кнаппъ заранѣе назначалъ себѣ известное число обращеній для каждой экспедиціи. Онъ при-

знавался въ неуспѣшности своего предпріятія, если втеченіи пяти мѣсяцевъ не могъ представить отъ 300 до 500 спасенныхъ и искупленныхъ чрезъ его посредство душъ. Этотъ прекрасный Кнаппъ, христіанскій Геркулесъ, вызвавшій тысячи душъ изъ ада, конечно, заслуживаетъ, чтобъ его имя было помѣщено въ храмъ памяти между именами Дамьена и Доминика, трудившихся надъ освобожденіемъ изъ чистилища его несчастныхъ обитателей. День за днемъ, недѣля за недѣлей, мѣсяць за мѣсяцемъ, годъ за годомъ эти герои бичевали себя съ вечера до утра веревкой съ узлами, желая этимъ подвигомъ пріобрѣсти заслугу, увеличить число кающихся, — словомъ, достигнуть тѣхъ сокровищъ, съ помощью которыхъ римская церковь считала возможнымъ искупать страждущія души, заключенныя въ чистилищѣ.

Кнаппъ былъ чрезвычайно энергиченъ въ своихъ рѣчахъ. „О, Господи, Боже, вскричалъ онъ однажды, — порази твоей небесной артилеріей всѣхъ находящихся здѣсь грѣшниковъ! Пусть твои пушки, изрыгающія картечь, пусть твои мортиры, начиненныя до самой пасти, пусть онѣ выбросятъ на эти каменные сердца 56-ти-фунтовыя ядра и цѣлый ураганъ картечи!“ Въ своихъ рѣчахъ Кнаппъ безпрестанно упоминалъ объ адѣ, о проклятіи, о тысячѣ, десяткѣ тысячъ, шестистахъ тысячахъ дьяволовъ, о миллионѣ демоновъ и употреблялъ много другихъ грубыхъ словъ, которыя онъ произносилъ съ особеннымъ одушевленіемъ. Многія изъ его набожныхъ восклицаній можно было принять за грубую божбу. Когда онъ перечислялъ ужасы ада, страданія казненныхъ смертью, онъ захлебывался своей рѣчью. Адъ былъ его ратнымъ конемъ; вѣчнымъ осужденіемъ — этой его длинной боевой саблей — ударялъ онъ дьявола, кололъ, рубилъ его, разрубалъ, разсѣкалъ, билъ его, какъ молотомъ, и слушатели рукоплескали ему, какъ дѣти, восторгающіяся, видя, какъ полишинель сѣчетъ своего товарища пьеро, какъ онъ сѣчетъ свою жену, сѣчетъ полицейскаго, сѣчетъ, наконецъ, Вельзевула.

Краснорѣчіе Кнаппа, полувозвышенное, полупутовское, иногда поднималось до высоты, но за то иногда спускалось очень низко. Его пылая откровенность вызвала вполне заслуженное имъ уваженіе. Не случись ему сдѣлаться проповѣдникомъ „пробужденія“, онъ былъ-бы гаеромъ; это тѣсное соединеніе двухъ противоположностей дѣлало его оригинальнымъ и возбуждало сим-

патію толпы. Къ несчастію, ученики его и послѣдователи находили болѣе легкимъ подражать его грубой простотѣ, чѣмъ высотѣ его, и для того, чтобъ нравиться слушающимъ ихъ паницамъ, заслужить вниманіе и благосклонность бродягъ и шутовъ, воровъ и негодяевъ, они произносили духовныя рѣчи фиглярничая, и заходили далѣе, чѣмъ до простоты. Они напоминали и напоминаютъ своими грубыми жестами, своими гримасами и шутовской мимикой Касандра и Арлекина, пародирующихъ виѣстѣ съ Коломбиной на подмосткахъ балагана.

Съ особеннымъ удовольствіемъ старшій Кнаппъ нападалъ, — какъ нападаетъ теперь Моди, — на фарисеевъ Бостона, садукеевъ Нью-Йорка и на великій Санхедринъ, собранный въ вашингтонскомъ конклавѣ. Оба проповѣдника особенно ратуютъ противъ людей счастливыхъ и довольныхъ, гордыхъ своею праведностью и окруженныхъ почтеніемъ; они рисуютъ этихъ господъ иногда въ такомъ смѣшномъ видѣ, что Мольеръ и Шекспиръ не отказались-бы воспользоваться такими портретами; они показываютъ вамъ пользующагося комфортомъ буржуа сидящимъ на мягкомъ креслѣ, съ полужакрытымъ, полуоткрытымъ глазомъ... они показываютъ его размышляющимъ одной половиной мозга надъ притчею о добромъ самарянинѣ, а другой половиной — надъ средствами разорить вдову-сосѣдку. Они относятся съ беспощадной строгостью къ пастырямъ жирнымъ, чистымъ и лоснящимся, похожимъ, по ихъ словамъ, на откормленныхъ свиней; къ священникамъ съ широкими, мясистыми и бѣлыми, какъ сыръ, лицами; къ преподобнымъ ханжамъ, облеченнымъ въ черную одежду изъ блестящаго казимира съ мултоновой подкладкой; къ профессорамъ фешенебельной религіи. „Посмотрите, вотъ они на художественной выставкѣ или въ концертѣ, или на балу, гдѣ они позволяютъ молодымъ людямъ потанцовать, разрѣшаютъ небольшую забаву для дѣтей; вотъ они сами приплясываютъ тамъ, припрыгиваютъ здѣсь... они ведутъ свою паству, свою воскресную школу въ адъ. Они не хотятъ идти противъ сумасбродства, противъ тщеславія, противъ роскоши, противъ пышности и хвастовства, потому что въ ихъ приходѣ есть нѣсколько толстыхъ негодяевъ, предпочитающихъ лучше попасть въ адъ, чѣмъ отказаться отъ своего тщеславія. Священнику не хочется лишиться денегъ купца — и они оба подъ руку идутъ въ геенну огненную, сопутствуемые ихъ семьями и вѣрною паствою“.

Но съ еще большей энергіей ригористъ Кнаппъ преслѣдуетъ свою жестокую пропіей и кровавыми сарказмами секты универсалистовъ, ресторационистовъ и другихъ вольнодумцевъ, предполагающихъ, что осужденіе не будетъ вѣчнымъ и что окончательно Богъ проститъ всѣмъ.

„Если вѣрять универсалистамъ, восклицаетъ онъ,—вотъ что будетъ, когда кабатчикъ, торговецъ напитками, явится въ послѣдній день суда: „Что ты сдѣлалъ ради меня? спроситъ его Верховный Судья.—Какимъ немущимъ помочь ты? Какихъ оборванныхъ и покрытыхъ лохмотьями одѣлъ ты? Какихъ голодныхъ накормилъ ты? Какихъ жаждущихъ наполнилъ ты?“— „Я утолилъ жажду многимъ пьяницамъ, отвѣтитъ погребщикъ.—Я продавалъ всю свою жизнь ядъ моимъ соотечественникамъ. Я разорилъ множество домовъ и множество семей. Я опозилъ, не знаю сколько, своихъ братьевъ, которые умерли раньше времени“.— „Это хорошо, добрый и вѣрный рабъ, скажетъ Иисусъ Христосъ.—Взойди сюда и сядь между святымъ Іудой и докторомъ Сатаной“.

Кнаппъ нападалъ съ неменьшей свѣлостью и на своихъ слушателей и не падалъ для нихъ ни упрековъ, ни даже оскорбленій. И этимъ простакамъ нравилось, что онъ грубо журилъ ихъ, обращаясь къ ихъ совѣсти. Къ тому-же много разъ уже замѣчено, что пропаганда „пробужденія“ имѣетъ самый посредственный успѣхъ у почтенныхъ буржуа и уважаемыхъ комерсантовъ. Такъ и Кнаппъ прежде былъ священникомъ въ общинѣ людей приличныхъ и живущихъ въ довольствѣ; онъ тамъ долго работалъ, изнурился, но не могъ добиться значительныхъ результатовъ. Затѣмъ онъ перешелъ въ кварталъ, наполненный домами съ дурной славой и питейными лавками, и вскорѣ достигъ блистательнаго успѣха между пьяницами и развратными женщинами. Не у всѣхъ этихъ отверженцевъ общества огрубѣлая совѣсть; многихъ изъ нихъ гложетъ раскаянье и они съ тоскливой горячностью обращаются къ миссіонеру, общающему спасеніе во имя Бога и возрожденіе. „Я пришелъ, говорить Иисусъ,—для того, чтобъ исцѣлять больныхъ, а не здоровыхъ“, — этотъ текстъ очень часто повторялъ Кнаппъ своимъ умиленнымъ слушателямъ.

Проповѣдники „пробужденія“ имѣютъ успѣхъ въ мѣстностяхъ малонаселенныхъ и пустынныхъ, находящихся между деревнею и большимъ городомъ, гдѣ, какъ грибы среди нечистотъ, стоятъ

среди сора и грязи темненькія, однооконныя кофейни, шумныя, грязныя питейныя дома, гдѣ идетъ кабацкая гульба, гдѣ продаютъ подкрашенное пиво и голубое вино, вмѣсто масла—сало, вмѣсто молока—бараній мозгъ, вмѣсто бифтекса—кусокъ падали, приготовленной у живодера. Эти нечистые притоны поставляютъ публичныхъ женщинъ, фальшивыхъ однорукихъ, фальшивыхъ хромяхъ и дѣйствительно кривоногихъ и калѣкъ. Это квартиры мошенниковъ, воровъ и сврягъ, полу-бродягъ и полу-разбойниковъ, игроковъ, пьяницъ, развратныхъ и гнѣющихся. Этотъ сбродъ пьяницъ и гулякъ бродитъ, истомленный и голодный, подверженный постоянной лихорадкѣ и подкрѣпляющій себя ужасною смѣсью воды, спирта и купороса. Понятно, что представители общественной нравственности, священники и лица власть имѣющія, пользуются ничтожнымъ вліяніемъ на этихъ полу-дикарей. Привилегированное общество соприскасается съ этимъ классомъ только чрезъ посредство жандарма; за то и эти общественные паріи отвѣчаютъ презрѣніемъ за равнодушіе и ненавистью за эгоизмъ. Тѣмъ болѣе трогаетъ и удивляетъ этихъ отверженцевъ, когда человекъ съ сердцемъ отваживается проникнуть въ ихъ конуры, чтобъ проповѣдывать евангеліе и принести благою вѣсть о спасеніи. Этотъ человекъ не только смотритъ на нихъ съ сожалѣніемъ и состраданіемъ, онъ дѣлаетъ болѣе: онъ уважаетъ ихъ; онъ снисходитъ до того, что говоритъ вору: ты мой братъ! говоритъ публичной женщинѣ: ты моя сестра! „У насъ одинъ Отецъ, который на небесахъ!“ И вотъ въ этой-то мутной водѣ, на этихъ-то тинистыхъ отмеляхъ закидываютъ рыболовы свои сѣти и имѣютъ обильный, иногда чудесный уловъ грѣшныхъ душъ. Въ этихъ-то мѣстахъ мужественные бойцы совершаютъ свои по-истинѣ геройскіе подвиги, одерживаютъ побѣды, болѣе значительныя, чѣмъ завоеванія Кортеса и Пизарро; отсюда-то почерпнула исторія распространенія Евангелія и внутреннихъ миссій свои истинно-романическія страницы.

Не слѣдуетъ, однакожъ, предполагать, что дѣятельность „ревивалай“ замыкается въ узкомъ кругу бѣглецовъ, выбывшихъ изъ рядовъ и лишенныхъ наслѣдства. Они дѣлаютъ набѣги одновременно на всѣхъ членовъ общества, но съ неравнымъ успѣхомъ. Кампанія нынѣшняго сезона въ полномъ разгарѣ. Прослѣдимъ ходъ ея. Сначала всѣ предводители секты, священники, избранные изъ

самыхъ вліятельныхъ и опытныхъ, соединяются въ духовный соборъ и держатъ какъ-бы военный совѣтъ, съ цѣлью стовориться насчетъ главныхъ стратегическихъ движеній и насчетъ мѣстностей, гдѣ придется дать большія сраженія. Они избираютъ изъ своей среды предводителей, вызываютъ ораторовъ, отличившихся на полевыхъ митингахъ, успѣвшихъ уже отдохнуть и собраться съ силами. Они хорошо знакомы съ способностями каждаго проповѣдника; знаютъ, что Вардея слѣдуетъ отправить сюда, а Бимана туда; они посылаютъ Гэпворта въ Нью-Йоркъ, Тальмажа и Скеддера въ Бруклинъ, Лоримэра и Муррея въ Бостонъ, братьевъ Грагамъ въ Сен-Луи, братьевъ Тайнгъ—въ Чикаго. Каждый изъ нихъ имѣетъ свой талантъ и свою спеціальность: кто отличается чувствительностью, кто драматичностью, кто величественностью, кто умѣетъ приводить слушателей въ веселое настроеніе; всѣ имѣютъ свои достоинства, свою должность и свое дѣло въ виноградникѣ Божіемъ. Моды и Занки, увѣнчанные лаврами за ихъ экспедицію въ Англію, ведутъ центръ арміи; они облечены властью главнокомандующихъ. Моды и Занки открыли блистательному образомъ военныя дѣйствія въ послѣдній день прошлаго года, 31 декабря.

Толпа народа была собрана въ какомъ-то обширномъ сараѣ; съ восьми часовъ вечера рѣчи слѣдовали за рѣчами, молитвы за молитвами, гимны за гимнами; Моды прочиталъ могильнымъ голосомъ текстъ: „Вотъ я стою у двери и стучу“. Затѣмъ сталъ развивать его страстнымъ голосомъ, съ патетическими воззваніями. Кончивъ рѣчь, онъ закричалъ:

— Докторъ Плюмеръ! Докторъ Плюмеръ, подойдите! Отвѣчайте на мои вопросы! Предъ лицомъ Бога и предъ людьми свидѣтельствуйте истину.

Плюмеръ встаетъ съ своего мѣста, проходитъ черезъ длинные ряды скамеекъ, поднимается на возвышеніе и становится передъ Моды.

Плюмеръ—74-хъ-лѣтній старикъ, съ почтенной и величественной наружностью. Онъ отвѣчаетъ медленно, внятнымъ и торжественнымъ голосомъ:

— Я здѣсь и готовъ свидѣтельствовать истину!

Дальше слѣдуютъ вопросы:

— Докторъ Плюмеръ, не были-ли вы грѣшникомъ и невѣру-

ощимъ? жили-ли вы безъ Бога, безъ вѣры, безъ надежды и безъ любви къ ближнему?

И докторъ Плюмеръ начинаетъ рассказывать, какъ онъ нѣкогда жилъ свѣтскою, суетною жизнью и погрязалъ въ грѣхахъ.

— Докторъ Плюмеръ, скажите, что такое обращеніе къ Богу? что такое покаяніе?

И докторъ Плюмеръ объясняетъ, что такое покаяніе и обращеніе къ Богу, дѣлая выводы изъ своего собственнаго опыта.

— Докторъ Плюмеръ, что нужно дѣлать, чтобъ спастись?

— Вѣрить тому, что Иисусъ есть нашъ Спаситель. Иисусъ есть мой Спаситель.

— Докторъ Плюмеръ, достаточно-ли кому-бы то ни было, — да, именно кому-бы то ни было, — сказать: Иисусъ есть мой Спаситель, и повторять это всею душою, чтобъ спасти себя? Кто-бы то ни былъ, можетъ-ли спастись на-всегда? Скажите. Можетъ-ли онъ быть спасенъ прежде, чѣмъ пробьетъ полночь, можетъ-ли онъ спастись въ то время, когда будетъ бить полночь, и даже послѣ?

— Каждый можетъ быть спасенъ, кто-бы онъ ни былъ, всѣ могутъ спастись; для этого довольно вѣрить, довольно сказать себѣ, что Иисусъ есть Спаситель. Я былъ спасенъ такимъ-же образомъ и буду возносить за это благодарность Господу Богу втеченіи цѣлой блаженной вѣчности!

— Докторъ Плюмеръ, довольно, больше намъ ничего не надо.

Плюмеръ возвращается на свою скамейку, а Моді такимъ образомъ заключаетъ свое поученіе: „Вотъ я стою у двери и стучусь! Если вы услышите мой голосъ, да не ожесточатся сердца ваши, какъ у того поколѣнія, которое искушало и пытало меня. И я въ гнѣвѣ поклялся: никогда не войдутъ они въ мой покой!“

Затѣмъ наступило мертвое молчаніе; раздался бой часовъ — громкій металлическій звукъ отсчиталъ 12 ударовъ; годъ закатился, упалъ и поглощенъ глубокою бездною вѣчности. Новый годъ родился, начался новый міръ. Раздались звуки органа, полилось цѣлое море звуковъ, шума, послышалось громкое эхо, точно зазвучали тромбоны и трубы послѣдняго суда; Занки, преобразившійся въ Архангела, ведетъ избранныхъ и искупленныхъ въ небесныя жилища; онъ поетъ гимнъ; слѣдующіе за нимъ вѣрующіе одѣты въ бѣлыя одежды. Они идутъ длинною процесіей къ трону Всевышняго и поютъ: Аминь! Аллилуія! Аллилуія!

Нѣкоторые найдутъ, что эта проповѣдь слишкомъ смахиваетъ на театральное представленіе; мы отвѣтимъ на это замѣчаніе, что оно отзывается скептицизмомъ, а методисты находятся внѣ скептицизма. Нельзя упрекать Моды и Занки, что они придаютъ трагичность спасенію душъ. Въ средніе вѣка, бывшіе періодомъ пылкой религіозности, *мистеріи* были ничто иное, какъ драматическія представленія; ихъ темами были: сотвореніе міра, грѣхопаденіе, искушеніе человѣка, страсти Спасителя, послѣдній судъ. Подобныя мистеріи разыгрываются и теперь еще въ Баваріи, въ Перу, въ Чили и почти во всей южной Америкѣ. Моды и Занки хотятъ спасти по-возможности большее число душъ, и для достиженія своей цѣли прибѣгаютъ къ различнымъ способамъ. Въ интересахъ справедливости мы должны относиться къ нимъ именно съ этой точки зрѣнія, а не такъ, какъ относится епископъ кентерберійскій. Важнѣе всего то, что Моды, Занки и ихъ сотрудники дѣйствуютъ съ полнымъ убѣжденіемъ. Если они сами искренни въ своемъ душевномъ волненіи, очень естественно, что они стремятся вызвать его и въ другихъ; въ такомъ случаѣ ихъ нельзя обвинять въ томъ, что они возбуждаютъ страсти, безъ которыхъ, сказалъ Фурье, а вслѣдъ за нимъ Гегель, не было принято ни одного важнаго рѣшенія, не было выполнено ни одного великаго дѣла.

Въ меньшихъ городахъ открытіе „охоты за душами“ дѣлается съ меньшей торжественностью, но каждый дѣлаетъ какъ только можетъ лучше, каждый старается превзойти своего собрата. Различныя секты соединяются вмѣстѣ для общаго дѣла. Баптисты, конгрегационисты, пресвитеріане, методисты нанимаютъ на общій счетъ театръ, или магазинъ, или обширный танцевальный залъ, назначаютъ роли ораторамъ, распределяютъ специалистовъ-проповѣдниковъ, которымъ платятъ, и часто даже очень дорого.* „Идите, говорится въ письмѣ, которое лежитъ у насъ передъ глазами, — мы вамъ даемъ полномочіе. Вы можете проповѣдывать, какъ хотите. Но, впрочемъ, не забывайте, что наши слушатели любятъ, чтобъ имъ подносили евангелическія истины, какъ пуншъ, горячими и съ сильной дозой спиртуозности; вы можете говорить очень длинныя рѣчи, — это не

помѣшаетъ успѣху. Наши собранія по воскреснымъ вечерамъ болѣе посѣщаются, чѣмъ другія. Вы бросите въ середину этой массы нѣсколько евангелическихъ истинъ, которыя, какъ гранаты, должны съ трескомъ разорваться тамъ. Я устраиваю наши собранія по образцу методистовъ, но, какъ я уже вамъ сказала, вы можете поступать по-своему. Если вы умѣете быть краткимъ въ своихъ рѣчахъ, то я надѣюсь, что вы не откажетесь научить тому-же и насъ; это—искусство, въ которомъ у насъ здѣсь чувствуется большой недостатокъ. Что касается меня, я могу смѣло сказать, что меня слушаютъ со вниманіемъ, но я бью, бью молотомъ, а все не вижу, чтобъ мое жадѣво разогрѣвалось. Однимъ словомъ, вы попробуете, не правда-ли?“

Этотъ сезонъ особенно оживленъ; каждый день бываютъ, по крайней мѣрѣ, четыре богослуженія—утромъ, послѣ полудня, вечеромъ и ночью. Затѣмъ чтеніе Библии, собранія для молитвъ и проповѣдей, собранія, на которыхъ сообщаются результаты частныхъ опытовъ, собранія для взаимныхъ поученій, собранія спеціально для женщинъ, для молодыхъ женщинъ, для мужчинъ, для молодыхъ людей, собранія для поддержанія ровности во вновь обращенныхъ, собранія для исправившихся пьяницъ, совѣщанія и конференціи о спорныхъ и трудныхъ вопросахъ въ догматахъ и въ священномъ писаніи. Кромѣ того, молитвенныя ночи или бдѣнія, проводимыя въ слушаніи проповѣдей, молебствій и поученій, точно непріятель у воротъ и городъ находится въ опасности быть взятымъ приступомъ; Protected Meetings или продолжительныя собранія, которыя длятся три или четыре дня безъ перерыва. Имена тѣхъ, которые были особенно тронуты, взволнованы или поражены, передаются изъ церкви въ церковь, изъ часовни въ часовню; печатаются такія воззванія: такой-то или такая-то поручаютъ себя молитвамъ духовныхъ общинъ, и въ полдюжинѣ мѣстъ возносятся за этихъ лицъ молитвы ко Всевышнему.—Другъ къ другу обращаются съ такими прозвищами: Эй! храбрый человекъ! Эй! храбрая женщина! Впередъ, Іаель и Девора! Назадъ, Егудъ, Варакъ, Іеругабаль, Самсонъ, Гедеонъ, Неемія! На каждомъ шагу слышатся библейскія рѣчи. Такъ говорятъ: „Богъ могущественно потрясъ городъ“; „земля колеблется, какъ при землетрясеніи“; „немедленно рушатся стѣны Іерихона“. Раздаются воинственные крики и строфы изъ военныхъ гимновъ:

„Возстаньте! въ оружію! непріятель приближается.

„Арміи ада окружаютъ насъ!

Послѣднее сраженіе „ревивали“ дадутъ въ Нью-Йоркѣ. Они наняли за громадную цѣну гипподромъ, приготовленія сдѣланы на широкую ногу. Пригласили отъ 400 до 500 музыкантовъ, которыхъ отдали въ распоряженіе Занки; почти такое-же число лицъ предложили свои услуги для исправленія полицейскихъ обязанностей въ собраніи. Священники разныхъ конгрегацій навербовали нѣсколько сотъ свидѣтелей, которые-бы, на подобіе доктора Плюмера, отвѣчали на всѣ предложенные имъ вопросы публично. Отведены особыя комнаты для совѣщаній, гдѣ священники и люцителіи богословія будутъ обсуждать важнѣйшіе вопросы, касающіеся морали, совѣсти, догматовъ и казуистики. Наконецъ, Моді произнесетъ громаднѣйшую рѣчь.

Каковы-же могутъ быть результаты такихъ громадныхъ усилій?

Весьма трудно вычислить ихъ съ точностью; но весьма вѣроятно, что они пропорціональны затратамъ, употребленнымъ на дѣло. Если-бы могли получиться сомнительные результаты, американцы, хорошіе счетчики, пріостановились-бы издержками даже и тогда, когда вопросъ идетъ о достиженіи цѣлей чисто-религиозныхъ. О вѣроятныхъ результатахъ можно судить по свѣденіямъ, безпрестанно сообщаемымъ газетами объ успѣшности пропаганды.

„Въ Вилліамтоунѣ пробужденіе дѣлаетъ быстрые успѣхи; много холодныхъ сердець зажглось пламенной вѣрой... Въ Вардборо крещено 14 новообращенныхъ; 35 неофитовъ находятся на испытаніи; многіе заявляютъ о своемъ желаніи обратиться... Въ Роялтоунѣ крещены четверо; 20 человекъ желаютъ креститься... Въ Бартонѣ въ послѣднее воскресенье присоединились 23 человека... Въ Филадельфіи пресвитеріане сообщаютъ объ изумительныхъ результатахъ: огромное число пьяницъ, тронутыхъ проповѣдью, превратились въ людей трезвыхъ, въ вѣрныхъ супруговъ, въ нѣжныхъ отцовъ... Въ Вудбургѣ явилось 320 человекъ, въ томъ числѣ 176 мужчинъ, съ заявленіемъ о своемъ желаніи обратиться... Вездѣ, на всемъ пространствѣ Союза, „ревивали“ имѣ-

ють необыкновенный успѣхъ. Лучшая молодежь, наполняющая коммерческіе дома, банки, магазины, ремесленные заведенія и фабрики, повинуется призыву къ пробужденію и своимъ достойнымъ поведеніемъ доказываетъ, что евангельскія истины глубоко укоренились въ ея сердцахъ...“

Можно съ вѣроятностію полагать, что по окончаніи кампаніи „ревивалей“ получится значительная цифра обращенныхъ. Пылкіе энтузіасты мечтаютъ уже, что скоро большая часть Соединенныхъ Штатовъ преобразится въ „ревивалей“. Въ этомъ мечтаніи нѣтъ преувеличенія, потому что „ревивалей“ не составляютъ новой секты, а представляютъ развитіе существующихъ сектъ, расходящихся между собой въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, но имѣющихъ въ своемъ основаніи принципы методизма. „Пробужденія“ совершаются ежегодно; они гораздо болѣе, чѣмъ полевые митинги, поддерживаютъ методизмъ, который непремѣнно распался-бы безъ ихъ содѣйствія. Когда прекратятся „пробужденія“, религія приметъ въ Соединенныхъ Штатахъ иной характеръ, иной темпераментъ, иную фвізіономію. Впрочемъ, и самый характеръ „пробужденій“ уже измѣнился; въ былое время „ревивалей“ стремительно разсыпались по всей странѣ, ведя самую пылкую пропаганду для „уловленія душъ“. Тогдашнюю ихъ дѣятельность сравнивали съ пожаромъ, покрывающимъ моремъ огня громадные преріи запада. Теперь проповѣдники дѣйствуютъ съ меньшей страстностію, но систематически; ихъ дѣло получило болѣе правильную организацію и въ результатѣ—значительный успѣхъ.

Между проповѣдниками „пробужденія“ Моди едва-ли не самый замѣчательный ораторъ. Онъ порабощаетъ свою аудиторію подобно тому, какъ атлетъ въ звѣрицѣ покоряетъ своей волѣ дикихъ звѣрей. Его грубое краснорѣчіе трогаетъ до глубины души его, по большей части, неприхотливыхъ слушателей. Ораторская способность его—прирожденный даръ, потому что при помощи изученія трудно сдѣлаться настоящимъ ораторомъ, ибо краснорѣчіе скорѣе физическая, чѣмъ умственная способность. Кромѣ словъ, ораторъ иногда еще болѣе дѣйствуетъ на слушателей своимъ взглядомъ, подвижностію лица, жестами, способностію мѣнять голосъ.

Безъ сомнѣнія, лучшими, въ истинномъ значеніи этого слова, ораторами будутъ тѣ, кто при этихъ внѣшнихъ достоинствахъ обладаетъ логикой, чувствомъ, глубокимъ знаніемъ исторіи и человѣческаго сердца. Но случается, что, имѣя только симпатичный голосъ и способность къ жестуляціи, ораторъ добивается значительнаго успѣха. Платонъ хотѣлъ изгнать изъ своей республики поэтовъ, ему слѣдовало изгнать также и ораторовъ.

Моди несравненно сильнѣе, чѣмъ его предшественники и товарищи, дѣйствуетъ на толпу, и онъ любитъ и мастеръ говорить только передъ многочисленнымъ собраніемъ; ему нужно, по крайней мѣрѣ, 3,000 слушателей. Но какими разумными причинами можно объяснить его поразительный успѣхъ?

Въ противорѣчіе съ математической аксіомой: „цѣлое равно суммѣ своихъ частей“, мы полагаемъ, что скопленіе человѣческой интеллигенціи не всегда тождественно съ суммой интеллигенцій, его составляющихъ. Иногда превѣшиваетъ цѣлое, иногда оно имѣетъ менѣе значенія, чѣмъ его части, та или другая. Посмотрите на наши собранія, политическія, ученныя и др., возьмите хотя политическія собранія: въ Соединенныхъ Штатахъ—сенатъ и палату представителей; въ Великобританіи—палату лордовъ и палату общинъ, во Франціи—національное собраніе, въ Германіи—рейхстагъ и пр.,—что вы тамъ встрѣтите? Если вы станете изучать ихъ, слѣдя за дебатами въ нихъ, или, лучше, ознакомившись со многими изъ ихъ членовъ, вы непремѣнно придете къ такому выводу, что въ большинствѣ либеральныхъ парламентовъ въ Европѣ и внѣ ея индивидуальная способность превосходитъ способность коллективную, что вполне оправдывается фактами ихъ законодательной дѣятельности. Посмотрите, напримѣръ, на итальянскую палату: уже нѣсколько лѣтъ она отличается своей неспособностью и пассивностью, между тѣмъ большинство ея членовъ люди умные и остроумные. Также и версальское національное собраніе, недавно покончившее свое существованіе, заключало въ своей средѣ много людей развитыхъ, обладающихъ знаніями, но вся его коллективная дѣятельность отличалась безтактностью и непростительными ошибками. Въ моменты національныхъ кризисовъ, во время революцій, бунтовъ, въ то время, когда отечество находится въ опасности, толпа пріобрѣтаетъ громадное значеніе, она подавляетъ собой отдѣльныхъ личностей, по своему развитію стоящихъ

далеко выше ея; въ моментъ своего высшаго возбужденія толпа сама не можетъ дать себѣ отчета, что выйдетъ изъ ея воодушевленія: высокое-ли проявленіе героизма и великодушнаго самопожертвованія или-же подлость и жестокость. Отдѣльная личность невольно подчиняется настроенію толпы. Мишле въ своей „Исторіи революціи“ передаетъ слѣдующій фактъ. Въ Парижѣ проживалъ добродушный авиньонскій буржуа, человекъ великодушный и гуманный. Съ ужасомъ услышалъ онъ, что народъ бросился убивать роялистовъ, заключенныхъ въ тюрьмахъ. Онъ вышелъ изъ дому съ цѣлю помѣшать этимъ убійствамъ, хотя-бы съ опасностью для собственной жизни. Но когда онъ вошелъ въ первую тюрьму, гдѣ совершалась кровавая расправа, когда онъ увидѣлъ возбужденіе толпы, услышалъ крики, шумъ, проклятія, когда его нервы раздражились отъ запаха крови, его обуяла страсть къ рѣзнѣ; онъ схватилъ ножъ и сталъ дѣлать то-же, что дѣлали другіе. „Большинство людей, убивавшихъ въ „аббатствѣ“, говоритъ Бларети,—состояло изъ жителей ближайшаго квартала; все это были мелкіе буржуа, торговцы и хозяева ремесленныхъ заведеній, народъ скропный, съ совершенно мирными наклонностями, и ихъ-то вдругъ обуяла жажда крови и они, подъ вліяніемъ настроенія, внезапно овладѣвшаго толпою, состоящею изъ ихъ-же самихъ, выказали ярость, достойную дикихъ животныхъ. И, однакожъ, большинство изъ нихъ безспорно были люди честные“...

Моди, знатокъ человѣческаго сердца, прекрасно понимаетъ, что человекъ, отдѣльно взятый, не похожъ на того-же самого человека, затеряннаго въ толпѣ, составляющаго ея часть. Въ первомъ случаѣ онъ активенъ, вооруженъ своей гордостью и хладнокровіемъ, смотритъ на себя, какъ на центръ міра; онъ въ полной силѣ располагаетъ своими способностями, онъ оказываетъ максимумъ сопротивленія вѣшнему вліянію. Составляя-же часть толпы, онъ пассивенъ, въ слабой степени располагаетъ своими способностями, и не только не противится вѣшнимъ вліяніямъ, напротивъ, отдается имъ вполне, самъ ихъ ищетъ; онъ живетъ однимъ чувствомъ. Отдѣльно взятый человекъ можетъ быть сравненъ съ мужчиной, толпа—съ женщиной. Вообще люди несравненно воспримчивѣе, когда они находятся въ сборѣ, въ большой компаніи. Но когда большая человѣческая толпа изолирована отъ прочаго міра, напирямъръ. въ церкви или въ другомъ ваконь-

вѣбудь мѣстѣ, она становится однимъ огромнымъ организмомъ, имѣющимъ одну душу, одно чувство, особенно воспримчивымъ къ принятію вѣшнихъ впечатлѣній, къ усвоенію идей, о которыхъ часто и не помышляло ни одно изъ лицъ, толпу составляющихъ, отдѣльно взятое. Толпа особенно легко усваиваетъ все таинственное, мистическое; она гораздо скорѣе воодушевляется, чѣмъ отдѣльный человѣкъ.

Не надо забывать также, что если аудиторія легко подчиняется вліянію проповѣдника, то и онъ, въ свою очередь, испытываетъ на себѣ вліяніе толпы своихъ слушателей; ударъ, имъ наносимый, поражаетъ его самого своимъ отраженіемъ. Энтузіазмъ, одушевляющій проповѣдника, сообщается толпѣ и, наоборотъ, ея энтузіазмъ сообщается ему. Адольфъ Моно, извѣстнѣйшій изъ ораторовъ протестантизма во Франціи, сказалъ одному изъ своихъ учениковъ: „Когда я говорю толпѣ своихъ слушателей, я не принадлежу себѣ. Я не Адольфъ Моно, я провозвѣстникъ слова Божія. Сидя у себя въ кабинетѣ и размышляя, я многому не вѣрю; я повергаюсь на колѣни и со слезами на глазахъ прошу Бога укрѣпить меня въ вѣрѣ. Но когда я вхожу на кафедру, я вѣрю во все, вѣрю вполне, и сомнѣнія меня болѣе не тревожатъ. Мое мятежное сознаніе исчезаетъ, я ищу его и не нахожу.“

Разсмотрѣніе техническихъ приѣмовъ, употребляемыхъ м-ромъ Моді для возбужденія нервозности въ толпѣ своихъ слушателей, завело-бы насъ слишкомъ далеко за предѣлы тѣхъ размѣровъ, какіе мы намѣревались дать нашему очерку. Достаточно вспомнить, что этотъ ловкій проповѣдникъ никогда не обходится безъ пособія Занки, пѣвца, обладающаго чрезвычайно симпатичнымъ голосомъ. Свои торжественныя мелодіи Занки поетъ на голосъ воинственныхъ маршей. Этотъ ритмъ дѣйствуетъ особенно сильно на нервную систему слушателей. Способностью разнообразить однообразіе, если можно такъ выразиться, обуславливается успѣхъ проповѣди Моді. У него тишина чередуется съ шумомъ, пѣніе съ рѣчью: въ самой рѣчи моленіе постоянно чередуется съ увѣщаніемъ. Замѣчательно, что продолжительность тишины и шума заранѣе опредѣлена; самый темпъ пѣнія рассчитанъ на точномъ пониманіи степени нервной возбудительности человѣка; вначалѣ довольно нѣжный и растянутый, темпъ постоянно ускоряется и

переходить, наконецъ, въ звуки, напоминающіе ревъ бури. Представьте себѣ пятидесяти-тысячную толпу, поющую хоромъ гимнъ, когда при пѣніи темпъ постепенно ускоряется. Одинъ американскій писатель, передавая свои впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ подобнаго многочисленнаго собранія „пробуждающихся“, говоритъ, что слышанное имъ торжественное пѣніе можно сравнить развѣ только съ звукомъ трубъ, которыя должны будутъ прозвучать въ день послѣдняго суда. Надо и то сказать, что американцы очень любятъ приводить апокалипсическія сравненія.

Для большаго воздѣйствія на свою аудиторію Моды употребляетъ и такой приѣмъ: въ моментъ сильнаго возбужденія онъ внезапно прерываетъ свою проповѣдь или пѣніе гимна и объявляетъ, что получилъ телеграмму отъ брата изъ Европы, которую тутъ-же прочитываетъ, или приглашаетъ помолиться за душу грѣшника, въ этотъ моментъ отшедшую въ иной міръ. Такіе внезапные перерывы, конечно, еще болѣе возбуждаютъ нервы слушателей. Какъ только Моды удалось довести свою аудиторію до нервнаго возбужденія, онъ становится ея властелиномъ и она безусловно вѣритъ всему, что онъ ей скажетъ. Повторяемъ, толпа несравненно воспримчивѣе, чѣмъ отдѣльный человѣкъ. Кто-то замѣтилъ, что современнаго полицейскаго не надуть-бы расказчикъ исторіи о деревянномъ конѣ, обманувшій цѣлый троянскій народъ. Совершенно вѣрно; расказчикъ говорилъ съ толпой, а обмануть толпу въ десять тысячъ человѣкъ гораздо легче, чѣмъ отдѣльнаго человѣка, даже съ весьма посредственными способностями.

Сила нервнаго возбужденія приводитъ мало просвѣщенную или невѣжественную толпу къ изумительнымъ поступкамъ или-же вызываетъ патологическое состояніе, распространяющееся эпидемически. Припомнимъ средніе вѣка. Послѣ народныхъ несчастій, чумы, голода, всегда слѣдовали періоды сильныхъ нервныхъ возбужденій массъ, періоды сильнѣйшаго религіознаго настроенія: крестовые походы, самобичеваніе, публичное покаяніе, „пляска мертвецовъ“. А чѣмъ объяснить эпидемію конвульціонизма въ Севеннахъ и на могилѣ дьякона Париса; вампиризма въ Польшѣ и Венгріи; чѣмъ объяснить успѣхи современнаго спиритизма, чѣмъ объяснить рвеніе на полевыхъ митингахъ, успѣшность пропаганды „пробужденія“, — чѣмъ, какъ не сильнымъ нервнымъ возбужденіемъ?

Какъ быстро и неотразимо передается нервное возбужденіе на толпу, можно видѣть изъ слѣдующаго извѣстнаго факта. Во время службы въ одной церкви внезапно поднялся человекъ и вскричалъ: „что нужно сдѣлать для того, чтобы спастись?“ Онъ произнесъ эти слова рѣзкимъ голосомъ; блѣдность его лица и жесты показывали, что онъ находится подъ впечатлѣніемъ сильной внутренней тревоги. „Что нужно сдѣлать, чтобы спастись?“ повторило большинство молящихся. На лицахъ вопрошавшихъ появилась смертная блѣдность, они дрожали всѣмъ тѣломъ. Бросившись на колѣни, они со слезами на глазахъ стали вслухъ молиться и не хотѣли выходить изъ церкви, пока не найдутъ мира своей душѣ. Нѣсколько дней и ночей церковь оставалась открытой, любопытные приходили смотрѣть на молящихся и многіе изъ нихъ подвергались тому-же нервному возбужденію и присоединялись къ числу молящихся. Это случилось въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ нервное возбужденіе произвело секту методистовъ; гдѣ возбужденіе Анны Ли сообщило многимъ изъ ея слушателей и послужило къ созданію секты шекеровъ; гдѣ, наконецъ, возбужденіе методистскихъ проповѣдниковъ Веслея и Витфильда вызвало пропаганду „пробужденія“, которая съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ новыхъ послѣдователей. Эта пропаганда произвела особенно сильное нервное возбужденіе въ средѣ евангелическаго населенія въ Швециі, Баденѣ и Виртембергѣ. Проѣзжая черезъ деревни, гдѣ успѣшно дѣйствовала пропаганда „пробужденія“, можно вообразить себя перенесеннымъ въ средніе вѣка, — такъ сильна тамъ религиозная возбужденность. Населеніе этихъ мѣстностей, правда, не дошло еще до самобичеванія, но практикуетъ публичное исповѣдываніе грѣховъ, причемъ происходятъ такія же сцены, какія, какъ мы уже видѣли, составляли нѣкогда главнѣйшую отличительную черту всѣхъ „полевыхъ митинговъ“ и до сихъ поръ еще имѣютъ мѣсто на полевыхъ митингахъ, собирающихся въ глухихъ мѣстностяхъ.

V.

РЕЛИГИОЗНОЕ НАСТРОЕНІЕ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ.

Кто-то замѣтилъ, что человекъ отличается отъ животнаго болѣе всего тѣмъ, что онъ исповѣдуетъ религію, а животныя ли-

шенъ этой способности. Основываясь на этомъ опредѣленіи, слѣдуетъ сказать, что янки самый совершеннѣйшій изъ людей, такъ-какъ онъ самый религіозный. Геологъ Лайель поясняетъ исторію и соціальныя условія Соединенныхъ Штатовъ эксплуатаціей громаднхъ залежей каменнаго угля и антрацита. Какъ ни правъ Лайель съ своей точки зрѣнія, но мы вынуждены сказать, что его мнѣніе нѣсколько односторонне, такъ-какъ и то, и другое еще удобнѣе объясняется религіознымъ настроеніемъ американской республики. Можно въ тысячный разъ сказать, что основателями Соединенныхъ Штатовъ были пуритане, высадившіеся на американскій берегъ 21 декабря 1620 года. Эти „отцы пилигримы“, какъ ихъ называютъ, прежде всего выстроили церковь и сдѣлали ее центромъ своей республиканской общины, вокругъ которой сгруппировались послѣдовательно другія общины, колоніи, территоріи, штаты. Потому „отцовъ пилигримовъ“ сложились въ типъ „янки“ — типъ оригинальный, характеристичный, преобладающій въ Соединенныхъ Штатахъ.

Философы-экономисты основаніемъ политики Соединенныхъ Штатовъ считаютъ торговое соперничество между колоніей (Соединенные Штаты) и метрополіей (Англія), между трудомъ свободнымъ и трудомъ рабскимъ. Конечно, въ этомъ мнѣніи, какъ и въ мнѣніи Лайеля, есть доля истины. Но если реакціонное правленіе европейской политики приписывается вліянію или преобладанію клерикальной партіи, то съ еще большей вѣроятностью можно утверждать, что американская нація до сихъ поръ еще находится подъ опекой клерикаловъ. Это очень развитое, можетъ быть, даже гениальное дитя, но еще слишкомъ юное, которому не скоро наступитъ совершеннолѣтіе.

Огромное большинство европейцевъ, пишущихъ о Соединенныхъ Штатахъ, думаетъ иначе. Церковь тамъ отдѣлена отъ государства, слѣдовательно, говорятъ они, она не можетъ пользоваться тамъ большимъ вліяніемъ и, такъ-сказать, поглощается гражданской общиной. Такая ошибка весьма естественна. Путешественникъ-европеецъ видитъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ, вездѣ, на улицахъ, въ кафе, въ собраніяхъ, занимаются внутренней политикой, вообще мірскими дѣлами, о религіи-же почти никогда и никто изъ мірянъ не говоритъ публично. Религія скромно удаляется въ церкви и часовни, гнѣздится въ тайникѣ души каж-

даго вѣрующаго. Путешественникъ, натурально, говорить о томъ, что онъ видѣлъ. Между тѣмъ нерѣдко случается, что самое важное именно то, что скрывается отъ глазъ изслѣдователя; что оно-то и есть дѣйствительность, а казовый конецъ только маскируетъ настоящее достоинство товара. Если вы, читательница или читатель, были въ Римѣ, вы, можетъ быть, любовались видомъ, представлявшимся съ балкона въ Ватиканѣ. Вы видѣли соборъ св. Петра, много другихъ церквей, Капитолій, монументы, дворцы, принадлежащія фамиліямъ, оставившимъ свой слѣдъ въ исторіи Италіи, а, слѣдовательно, и въ исторіи цѣлаго міра; далѣе вы видѣли Тибръ, а за нимъ поля и зеленые луга. Но вы не видѣли вредныхъ испареній, исходящихъ съ этихъ равнинъ и несущихъ лихорадочную заразу; не видѣли вы „маларіи“; не видѣли вы, какъ іезуитизмъ давить собою мѣстное населеніе, не видѣли, какимъ тяжелымъ гнетомъ ложатся на все, что желаетъ развиваться, интриги ультрамонтанъ. Вліяніе, незамѣтное для глаза, часто бываетъ сильнѣйшимъ, чѣмъ вліяніе, рѣзко бросающееся въ глаза.

Писаннымъ закономъ церковь дѣйствительно отдѣлена отъ государства въ Соединенныхъ Штатахъ, но это формальное отдѣленіе нисколько не мѣшаетъ здѣсь церкви пользоваться такимъ громаднымъ вліяніемъ, какимъ она не пользуется, можетъ быть, нигдѣ. Въ Соединенныхъ Штатахъ въ каждой публичной церемоніи непременно участвуетъ религіозный элементъ. Всякій политическій актъ сопровождается здѣсь молитвой. Законъ предписываетъ посты и дни праздниковъ. Президентъ имѣетъ своего пастора; каждая палата тоже, и не одного, а нѣсколькихъ, различныхъ сектъ: сегодня открывалъ засѣданіе пасторъ методистской секты, вчера — баптистъ, въ слѣдующіе дни будутъ читать молитвы пасторъ епископальной церкви или католикъ.

Піетисты, правда, недовольны такой неправильностію: они желаютъ, чтобы въ этомъ отношеніи существовалъ какой-нибудь порядокъ. Они требуютъ слѣдующей теократической прибавки къ конституціи: „всякая гражданская власть исходитъ отъ Бога и его сына Іисуса Христа“. Эту прибавку, по ихъ словамъ, они направляютъ противъ свободныхъ мыслителей, евреевъ, католиковъ

и унитаріевъ. Партія піетистовъ довольно сильна; къ ней принадлежатъ: одинъ судья высшаго суда, нѣсколько членовъ конгресса, нѣсколько крупныхъ администраторовъ, нѣсколько обществъ трезвости, цѣликомъ ассоціація „молодыхъ христіанъ“ и др. Но піетисты едва-ли добьются этой прибавки, впрочемъ, совершенно лишней, въ виду и безъ того достаточно религіознаго настроенія страны.

Хотя американскій законъ не вмѣшивается въ совѣсть гражданина и дозволяетъ ему исповѣдывать какую-угодно вѣру и даже совсѣмъ ее не исповѣдывать, однакожь, на практикѣ случается, что гражданинъ подвергается преслѣдованію за свои воззрѣнія на религію. Въ февралѣ 1875 года одинъ изъ членовъ законодательнаго собранія штата сѣверной Каролины напечаталъ брошюру крайне антирелигіознаго содержанія. По поводу ея въ законодательномъ собраніи былъ поднятъ вопросъ, можетъ-ли оно терпѣть въ своей средѣ такого безбожника. Послѣ преній, продолжавшихся три засѣданія въ ряду, 46-ю голосами противъ 31 принята слѣдующая резолюція:

„Палата, принимая во вниманіе, что м-ръ И. Торнъ, депутатъ отъ графства Варренъ, защищаетъ ученіе богохульное, противное конституціи штата сѣверной Каролины и оскорбляющее общественную нравственность, рѣшило исключить означеннаго м-ра Торна изъ своей среды“.

Предложеніе объ исключеніи внесено набожными негромъ.

Какъ этотъ, такъ и многіе другіе факты доказываютъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ церковь отдѣлена отъ государства только формально, но между ними существуетъ тѣсная связь. Официально они живутъ въ разныхъ домахъ, но въ дѣйствительности проживаютъ въ общей квартирѣ.

Европеецъ, пріѣзжающій въ Нью-Йоркъ на нѣсколько недѣль по дѣламъ или для удовольствія, посѣщая только нѣкоторыхъ соотечественниковъ, или негоціантовъ и банкировъ, всегда болѣе или менѣе космополитовъ, сходясь съ туземцами только въ отеляхъ и ресторанахъ, въ омнибусахъ, на пароходахъ и въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ, рискуетъ остаться чужимъ между чу-

жии и только очень смутно можетъ подмѣтить отличительныя черты американской жизни. Впрочемъ, если путешественникъ умѣетъ наблюдать, онъ непремѣнно замѣтитъ, что религія оказываетъ сильное вліяніе на политическую и общественную жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ. Его должны поразить слѣдующія особенности, бросающіяся въ глаза:

1) Множество церквей, часто громадныхъ и очень роскошныхъ, хотя и лишенныхъ вкуса. Въ одномъ Нью-Йоркѣ 352 церкви; сто изъ нихъ принадлежатъ пресвитеріанамъ и методистамъ. Въ прошломъ году въ Нью-Йоркѣ приступили къ постройкѣ громадной церкви, которая, по увѣренію строителей, будетъ самой красивой во всей сѣверной Америкѣ; на ея сооруженіе ассигнованъ миліонъ долларовъ. Между самыми великолѣпными зданіями въ Нью-Йоркѣ иностранецъ непремѣнно обратитъ свое вниманіе на домъ, гдѣ помѣщается магазинъ, продающій библіи, и на другой, гдѣ собираются митинги общества „молодыхъ христіанъ“.

2) Странствующіе книгопродавцы и мелкіе разношники предлагаютъ вамъ на улицахъ, на пароходахъ, на станціяхъ и въ вагонахъ проповѣди вмѣстѣ съ календарями, газетами и плохими романами. Въ понедѣльникъ почти всѣ политическія газеты помѣщаютъ большой выборъ рѣчей, произнесенныхъ въ воскресенье въ церквяхъ модными проповѣдниками и записанныхъ стенографами. Во всѣхъ комнатахъ гостиницъ, въ вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ, во всѣхъ парходныхъ каютахъ вы непремѣнно найдете на столѣ библію.

3) Даже мало наблюдательный путешественникъ поразится превращеніемъ всякой общественной жизни по воскресеньямъ. Въ эти дни путешественникъ испытываетъ смертельную скуку. Лавки, магазины, театры, мало-мальски приличныя увеселительныя заведенія—все закрыто; нельзя даже уѣхать куда-нибудь гулять въ окрестности Нью-Йорка: ни локомотивы, ни пароходы по воскресеньямъ туда не ходятъ. Поневоля иностранецъ, если у него нѣтъ особаго занятія, корреспонденціи или интереснаго чтенія, принужденъ проводить время такъ, какъ проводятъ его туземцы: отправиться въ церковь или часовню, слушать длинныя проповѣди, длинныя молитвы, принимать участіе въ длинныхъ молебствіяхъ, въ продолжительныхъ духовныхъ пѣснопѣніяхъ,—или-же, развалясь на качалкѣ съ поднятыми вверхъ ногами, молчаливо кро-

шить перочиннымъ ножемъ кусочекъ дерева, покуривая сигару или пережевывая табакъ и прихлебывая маленькими глотками вино до тѣхъ поръ, пока отяжелѣвшая голова не упадетъ на грудь, пока всѣ мысли не затеряются въ туманъ и разумокъ не перейдетъ въ область сновидѣній.

Англичане, тоже прекращающіе всякую дѣятельность въ воскресенье, по крайней мѣрѣ развлекаютъ себя продолжительными и обильными трапезами; американцы не сумѣли устроить себѣ и подобнаго облегченія. Привыкшіе обѣдать въ ресторанахъ, на пароходахъ и въ буфетахъ желѣзныхъ дорогъ, они не понимаютъ удовольствія и комфорта обѣда въ своей семьѣ. Не заботясь о вкусѣ потребляемыхъ ими блюдъ, они набиваютъ свой желудокъ различными кушаньями, плавающими въ горячемъ жирѣ, съ такою послѣдностью, какъ кочегаръ наполняетъ дровами печь локомотива; они наѣдаются дурно проваренной говядиной, недопеченнымъ хлѣбомъ, веществами трудно переваримыми, но все это обильно орошается полными стаканами спиртныхъ напитковъ. Не сумѣвъ устроить себѣ развлечения въ продолжительномъ воскресномъ обѣдѣ, американецъ томится мукой въ воскресенье; чтобы спастись отъ нея, онъ бѣжитъ въ часовню; изъ часовни переходитъ на качалку, куритъ необычайно длинныя сигары, и доволенъ, если проповѣдь очень длинна, — по крайней мѣрѣ, время будетъ чѣмъ-нибудь занято. Въ часовнѣ американецъ чувствуетъ себя веселѣе, чѣмъ дома: тамъ болѣе развлеченій, болѣе возбужденія, тамъ человекъ менѣе остается самъ съ собою, здѣсь онъ встрѣчается съ своими соперниками, конкурентами, разсматриваетъ костюмы, слушаетъ музыку, впрочемъ весьма плохую; можетъ поговорить съ знакомыми при выходѣ. Для янки такое развлеченіе достаточно; другого въ воскресенье онъ не найдетъ, а выдумать не хочетъ или не умѣетъ.

Трудно перечислить всѣ религіи и секты въ Соединенныхъ Штатахъ; ихъ множество и безпрестанно возникаютъ новыя. Американскіе ученые насчитываютъ ихъ до ста пятидесяти; такое разнообразіе, по мнѣнію многихъ, представляетъ доказательство непреодолимаго стремленія протестантства раздѣлиться до безконечности на мелкія части, распылаться, раскрошиться и окончательно затеряться въ индивидуализмъ, подобно Рейну, теряющемуся въ болотистыхъ пескахъ. Это, можетъ быть, справедливо, но слѣ-

дуетъ осторожно дѣлать выводы; ошибка въ такомъ сложномъ вопросѣ весьма естественна; легко выйти изъ границъ и превратить истину въ заблужденіе. Въ Англіи, Шотландіи, Валлисѣ и Соединенныхъ Штатахъ протестантскихъ сектъ не болѣе, чѣмъ католическихъ орденовъ и монашескихъ ассоціацій въ Италіи, Франціи и Бельгіи. Гдѣ протестантъ основываетъ секту, католикъ учреждаетъ религиозный орденъ; оба вѣроисповѣданія менѣе противоположны одно другому, чѣмъ они кажутся съ перваго взгляда. Разница между ними та, что католицизмъ стремится преимущественно къ единству, протестантство къ разнообразію; католицизмъ ставитъ выше всего догматъ пассивнаго повиновенія, протестантство рельефно выдвигаетъ независимость совѣсти. Но это только ярлыки. Достаточно всмотрѣться глубже — и нельзя не убѣдиться, что самыя своенравныя, сумасбродныя, независимыя и даже распущенные умы могутъ шириться довольно легко съ католичествомъ. Съ другой стороны, протестантство болѣе придерживается авторитетовъ и болѣе строго къ исполненію догмата, чѣмъ это обыкновенно предполагаютъ. Въ теоріи католицизмъ опирается на авторитетъ и играетъ роль грознаго деспота, но на практикѣ онъ допускаетъ существованіе многихъ „соглашеній“. Протестантство, напротивъ, проповѣдуя въ теоріи свободу разсужденія, свободу воли, свободу совѣсти, на практикѣ придерживается догматовъ, пожалуй, даже строже, чѣмъ католицизмъ. Католицизмъ и протестантство похожи другъ на друга, какъ правая рука на лѣвую, — въ каждой точкѣ они совершенно противоположны, категорически противорѣчущи, но ихъ противоположности имѣютъ одинъ и тотъ же смыслъ. Между протестантствомъ и католицизмомъ въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ постоянный антагонизмъ. За какую-же сторону стоите вы? спросать, можетъ быть, тѣ изъ читателей, которые требуютъ, чтобы авторъ непремѣнно высказывалъ, которой сторонѣ онъ болѣе симпатизируетъ. Ни той, ни другой. Мы стоимъ на чисто-объективной точкѣ зрѣнія и наша цѣль — сообщить нѣкоторыя интересныя статистическія и социальныя свѣденія.

Мы уже замѣтили, что въ Соединенныхъ Штатахъ такъ много различныхъ сектъ, что не представляется никакой возможности

составить вѣрный перечень ихъ. Существуетъ-же мнѣніе, что въ Соединенныхъ Штатахъ сколько протестантовъ, столько-же и протестантскихъ сектъ, что приблизительно вѣрно, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что каждому протестанту, если ему вздумается, не трудно учредить новую секту. И отличія многихъ сектъ другъ отъ друга такъ тонки, что почти невозможно опредѣлить, въ чемъ они заключаются. Каждая секта уничтожается сама собою, какъ только дойдетъ до крайняго проявленія своего принципа. Церковь распадается на секты, секта — на группы, группа — на отдѣльныя личности. Нужно, по крайней мѣрѣ, трое вѣрующихъ, чтобъ составить церковь, по крайней мѣрѣ, три каноника, чтобъ составить капитулъ; но чтобы составить секту, достаточно не только двухъ, но даже одного человѣка.

Отсутствіе официальной церкви въ Соединенныхъ Штатахъ послужило одной изъ главныхъ причинъ, почему въ этой республикѣ развилось такъ много разнообразныхъ сектъ. Каждый гражданинъ избираетъ ту секту, которая ему правится, а не найдетъ ее по своему вкусу—такъ что-же! онъ свободенъ создать свою, которая будетъ носить его имя и его штампель. Понятно, что первый сумасшедшій пришлецъ не будетъ имѣть успѣха: нужно нѣкоторое искусство, нѣкоторая ловкость и нѣкоторое умѣнье взяться за дѣло, главнымъ-же образомъ нужно постоянство и твердость воли. Рецептъ, по которому поступали всѣ основатели сектъ, хорошо извѣстенъ. Онъ самый простой, но можетъ измѣняться до безконечности, смотря по характеру проповѣдника. Учителямъ и проповѣдникамъ откровенія Божія нужна извѣстная смѣсь фанатизма съ дипломатическими способностями: оригинальности съ грубой простотой; сентиментальности съ логикой; женской мягкости съ мужской силой; нужно умѣть обманывать самого себя, что еще легче, чѣмъ обманывать другихъ. Конечно, это сочетаніе различныхъ способностей приводитъ къ созданію разнообразныхъ типовъ, что зависитъ отъ большей или меньшей искренности убѣжденія, большей или меньшей высоты развитія, силы характера, воли и пр. Магометъ, фанатикъ, обладавшій дипломатическими

способностями, явился въ исторіи замѣчательнымъ человекомъ и реформаторомъ. Дѣо Смитъ былъ не болѣе, какъ человекъ отчасти свихнувшійся, отчасти плутъ. Между основателями ислама и мормонства разстояніе кажется безконечнымъ, но тотъ и другой, какъ всѣ извѣстные намъ основатели религій, были то, что называется „характерны“; люди мужественные, они не останавливались передъ препятствіями, потому-то за ними и пошла толпа.

Подобно тому, какъ неограниченная свобода промышленности развила въ Соединенныхъ Штатахъ массу разнообразныхъ промысловъ, свобода исповѣдывать какую-угодно религію создала массу различныхъ религіозныхъ сектъ по вкусу каждому: есть тамъ секты грубыя и утонченныя, серьезныя и нелѣпыя, даже смѣшныя, сказали-бы мы, если-бы терпимость и уваженіе къ чужой совѣсти позволили-бы намъ употребить это неучтивое выраженіе. Итакъ, мы поправимся и скажемъ просто, что въ этомъ пестромъ собраніи сектъ есть нѣкоторыя совершенно непонятныя и необъяснимыя для человека съ обыкновеннымъ, здравымъ разсудкомъ. Но непонятное для одного, въ смыслѣ секты и догмата, кажется другому неизмѣримой глубиной. То, что безсмысленно для Петра, составляетъ таинственную прелесть для Ивана. Секты въ Соединенныхъ Штатахъ приноровлены для всѣхъ степеней развитія. Замѣчательно, что американская система рекламъ получила приживленіе и въ дѣлѣ сектаторства. Каждая секта старается привлечь въ себѣ большее число послѣдователей при пособіи наклеенныхъ на стѣнахъ домовъ объявленій и афишъ, въ которыхъ подробно обозначаются всѣ преимущества секты. Этой-же цѣли достигаютъ посредствомъ даровой разсылки книгъ и трактатовъ; посредствомъ конференцій, чтеній; посылкой проповѣдниковъ-миссіонеровъ. Въ сектаторской дѣятельности въ Соединенныхъ Штатахъ господствуетъ сильная конкуренція и соперники употребляютъ всѣ усилія, чтобы помѣшать другъ другу.

Но широкій просторъ въ выборѣ религіи дается подъ однимъ условіемъ: чтобъ каждый гражданинъ непременно выбралъ себѣ одну изъ существующихъ или создалъ свою собственную секту. Упразднивъ государственную религію, общество въ Соединенныхъ Штатахъ

требуетъ, чтобъ каждый изъ его членовъ былъ мормономъ, цвингlistомъ, лютераниномъ, баптистомъ, необаптистомъ, все равно, но принадлежалъ-бы къ какой-нибудь сектѣ. Въ Европѣ часто говорятъ: религія нужна для народа; нѣкоторые прибавляютъ: она нужна также для женщинъ и дѣтей. Въ Соединенныхъ Штатахъ всѣ согласны съ тѣмъ, что каждый долженъ имѣть свою религію. Какую? Это дѣло его вкуса. Не имѣть никакой религіи не принято въ обществѣ; это не позволяется даже злодѣямъ. Недавно въ одной газетѣ описана казнь шестерыхъ разбойниковъ въ Арканзасѣ. Ихъ повѣсили. Къ описанію личности каждаго изъ нихъ прибавлено, что онъ принадлежалъ къ той или другой сектѣ.

„Смокеръ Менкиллеръ, чистокроанный черокезь, 18-ти лѣтъ, убилъ бѣлаго. Хорошо умѣлъ писать на своемъ языкѣ, но не могъ объясняться по-англійски. Послѣ него остаются жена и ребенокъ. Говорилъ, что невиновенъ. За нѣсколько дней передъ смертью онъ обратился къ Богу и былъ принятъ въ пресвитеріанскую церковь.

„Джемсъ Муръ, красивый молодой человекъ 27-ми лѣтъ. Изъ барышниковъ лошадами сдѣлался воромъ на большихъ дорогахъ и убійцею. Его крестили въ воскресенье, по римско-католическому обряду, а въ понедѣльникъ онъ повѣшенъ.

„Даніэль Эвенсъ, молодой человекъ 20-ти лѣтъ, принадлежалъ къ одной изъ самыхъ уважаемыхъ фамилій. Въ ноябрѣ 1874 года убилъ нѣкоего Сиболта. Эвенсъ укралъ у одного зажиточнаго индѣйца, изъ племени криксовъ, 32,000 долларовъ. Онъ самъ рассказывалъ, какъ онъ воткнулъ въ бокъ своей жертвы смолистую палку и жегъ ее до тѣхъ поръ, пока несчастный не показалъ, гдѣ спрятаны деньги. Выслушавъ свой приговоръ, онъ всталъ, улыбаясь, и поблагодарилъ судъ за вниманіе. Принялъ католическое вѣроисповѣданіе.

„Уиттингтонъ съ женою и ребенкомъ. Тридцати лѣтъ отъ роду. Убилъ индѣйца изъ племени чиказоэ. Онъ раскаялся и былъ принятъ въ пресвитеріанскую церковь.

„Эдмондъ Кампбелъ, 20-ти-лѣтній негръ. 13-го февраля убилъ Лоузона, Роффа и Марію Мекенси. Онъ исповѣдалъ свои религіозныя чувства и былъ принятъ въ пресвитеріанскую церковь.

„Самуилъ Фой, черокезскій кватеронъ, 28-ми лѣтъ. хорошо

воспитанъ, имѣеть трюихъ дѣтей. Убилъ одного молодого человека за 300 долларовъ. Методистъ.“

Ясно, что актъ обращенія и принятія въ число вѣрующихъ составляетъ необходимую формальность, которой должны подвергаться присужденные къ смертной казни.

Благодаря многочисленности сектъ, существующихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, каждое ученіе, неизмѣющее часто ничего общаго съ религіей, прикрывается религіознымъ ярлыкомъ. Государство здѣсь провозглашаетъ полную свободу совѣсти и объявляетъ всѣ вѣроисповѣданія свободными, но бѣда неосторожному, который вздумалъ-бы назваться атеистомъ или просто и откровенно признать себя свободнымъ мыслителемъ. На эту откровенность общество взглянуло-бы какъ на оскорбленіе вѣрующихъ и приняло-бы ее за вызовъ. Поэтому каждый не-еврей, не-магометанинъ, не-язычникъ называетъ себя христианиномъ, съ прибавленіемъ имени секты, въ которой онъ принадлежитъ, или ученія, которому онъ слѣдуетъ. Такъ говорятъ: христианинъ - деистъ, христианинъ - мыслитель, христианинъ - социалистъ, христианинъ-коммунистъ, христианинъ-спиритъ, христианинъ-аболиціонистъ, христианинъ-мормонъ, христианинъ секты свободной любви. Слово „христианинъ“ служитъ паспортомъ, допускающимъ свободное передвиженіе и дающимъ возможность имѣть идеи, какія кому нравятся. Безъ объявленія, что онъ принадлежитъ къ такой-то религіи, гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ не имѣеть права считаться честнымъ человекомъ; прикрываясь-же религіей, можетъ возставать противъ самой честности и противъ разсудка.

● Справедливо мнѣніе, что обычаи и нравы имѣють въ странѣ большее значеніе, чѣмъ всякіе кодексы и законодательства! Привычка, этотъ живой законъ, имѣеть несравненно болѣе провизительную полицію, чѣмъ писанный законъ.

Философъ, отрицающій религію, могъ-бы гораздо легче выпутаться въ странѣ, гдѣ есть государственная религія, чѣмъ въ странѣ независимыхъ сектъ. Здѣсь подчиненіе добровольное, почему оно и сливается съ свободой; здѣсь рабство не отличается отъ тирани. Это смѣшеніе принциповъ, эта смѣсь противорѣчій происходитъ изъ фаталистическаго воззрѣнія на міръ и на жизнь. Каждый незначительный случай или неприятность янки объясняетъ себѣ, какъ предопредѣленіе; всякое несчастье, общественное или частное, онъ

непрѣменно объясняетъ недостаткомъ набожности, въ которомъ провинились пострадавшіе. Чикаго выгорѣлъ оттого, что жители этого города занимались чтеніемъ библіи не съ такой ревностью, какъ это предписывается религіозными уставами; Востонъ горитъ оттого, что его жители не соблюдаютъ воскреснаго дня съ тою строгостью, какъ прежде. Подобное объясненіе общественныхъ несчастій напоминаетъ намъ анекдотъ о простодушномъ каноникѣ, который въ забывчивости оскорбился въ пятницу. Посреди объѣда начинается гроза: и градъ, и молнія, и раскаты грома... „Маріотъ, кричитъ добрякъ, — унесите скорѣе каплуна! Боже мой! Боже мой, сколько ужасовъ изъ-за крылушка цыпленка!“

Почтенная буржуазная семья въ Соединенныхъ Штатахъ считаетъ обязанностью совершать одно или два общихъ домашнихъ моленій и не садеть за столъ безъ прочтенія установленной молитвы. Всякое дѣло — первый-ли ударъ мотыки при постройкѣ желѣзной дороги, закладка зданія и пр., начинается непрѣменно молитвой. Здѣсь, какъ и въ Европѣ, дѣла благотворительности (американцы изъ всѣхъ цивилизованныхъ націй — самый великодушный и менѣе скупой на деньги народъ), по большей части, находятся въ рукахъ духовенства; гуманность и христіанство, набожность и милосердіе — у нихъ синонимы..

Если въ первоначальныхъ школахъ не принято преподавать законъ Божій, то это дѣлается во избѣжаніе зависти различныхъ сектъ другъ къ другу; неприглашенная къ преподаванію секта стала-бы интриговать противъ приглашенной и не позволила-бы ей давать дѣтямъ догматическое образованіе, котораго сама не можетъ дать. Нейтралитетъ школы не доказываетъ еще, чтобы страна, гдѣ онъ поставленъ закономъ, была менѣе религіозна, чѣмъ другія; наоборотъ, она на-столько-строга религіозна, что не позволяетъ свѣтскимъ воспитателямъ преподавать законъ Божій.

Второразрядныя школы, гимназіи и академіи находятся болѣе или менѣе подъ вліяніемъ духовенства, чѣмъ и объясняется посредственность преподаванія въ нихъ и бѣдность результатовъ, несмотря на громадность усилій и затратъ. Общества воздержанія, покрывающія всю страну, болѣе наблюдаютъ за посѣщеніемъ церкви, чѣмъ ратуютъ противъ злоупотребленія виномъ.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что Соединенные Штаты — страна глубоко протестантская и христіанская. Статистическія

цифры, которыя мы сообщимъ ниже, вполне подтверждаютъ это мнѣніе. Но прежде, чѣмъ мы обратимся къ нимъ, скажемъ нѣсколько словъ объ учрежденіи, которое и теперь уже оказываетъ огромное вліяніе, но должно сдѣлаться еще болѣе сильнымъ и могущественнымъ въ будущемъ.

Это учрежденіе: „ассоціація молодыхъ христіанъ“ (Youngmen's Christian association). Она распространена во всѣхъ большихъ городахъ и состоитъ преимущественно изъ молодыхъ достаточныхъ буржуа. Домъ, гдѣ происходятъ ихъ собранія въ Нью-Йоркѣ, чистый дворецъ, соперничающій въ великолѣпіи съ биржей; это пяти-этажное зданіе, гдѣ, какъ въ большей части подобныхъ учрежденій, находятся: бібліотека отборныхъ сочиненій, комфортабельныя читальныя залы, огромныя залы для собраній, для концертовъ, для гимнастическихъ упражненій, ванны, игры въ кегли. Тамъ читаются лекціи языковеденія, литературы, счетоводства, краснорѣчія; тамъ происходятъ религіозныя конференціи. Каждый мѣсяць назначаются приемы, на которые допускается и прекрасный полъ.

Въ 1874 году насчитывалась тысяча отдѣловъ ассоціаціи молодыхъ христіанъ въ Соединенныхъ Штатахъ, 263 въ Великобританіи, 104 въ Германіи, 40 во Франціи, 39 въ Швейцаріи, 5 въ Австраліи. Единство между отдѣлами поддерживается постоянными разъѣздами главныхъ наставниковъ, посредствомъ общихъ собраній мѣстныхъ отдѣловъ въ известномъ округѣ; наконецъ общимъ собраніемъ, созываемымъ въ Нью-Йоркѣ. Здѣсь происходятъ пренія по разнымъ религіознымъ и не религіознымъ вопросамъ. Здѣсь члены ассоціаціи знакомятся другъ съ другомъ, группируются, составляютъ партіи; здѣсь пробуждается честолюбіе и выказываются способности. Сила этой ассоціаціи растетъ съ каждымъ годомъ, и все заставляетъ насъ думать, что она рано или поздно будетъ имѣть рѣшительное вліяніе на ходъ внутреннихъ дѣлъ въ странѣ. Въ этой ассоціаціи вырабатываются особые взгляды на обязанности и отвѣтственность гражданина, и эти довольно оригинальные взгляды такъ укрѣпляются въ умахъ юношей, что они вносятъ ихъ въ общественную жизнь. Взгляды эти настолько ретроградны, насколько это возможно въ либеральной странѣ. Эта ассоціація методистовъ въ Нью-Йоркѣ нисколько не лучше іезуитской конгрегаціи въ Парижѣ. На одномъ изъ послѣднихъ

общихъ собраній ассоціаціи эти молодые кастраты науки, эти евнухи мысли помѣстили въ реестръ запрещенныхъ книгъ, въ своемъ „Index Librorum Prohibitorum“, произведенія унитарнаго священника Теодора Паркера и философа Ральфа Вальдо Эмерсона. Эмерсонъ и Паркеръ, какъ выдающіеся по своему развитію умы, люди мыслящіе, честные и искренніе, дѣлаютъ честь всему человечеству, а не только своей странѣ. Есть отчего задуматься надъ будущностью страны, когда вспомнишь, что эта молодежь, показавшая торжественно, что она неспособна понять и оцѣнить такихъ людей, какъ Паркеръ и Эмерсонъ, скоро достигнетъ мужественнаго возраста, будетъ руководить общественнымъ мнѣніемъ страны и управлять ея дѣлами...

Обратимся къ цифрамъ. Краснорѣчіе ихъ неотразимо; ими вполне подтверждается высказанная нами мысль о религіозномъ настроеніи Соединенныхъ Штатовъ. Къ 1-му іюня 1870 года во всемъ Союзѣ считалось 63,000 христіанскихъ церквей и храмовъ другихъ исповѣданій. Не принимая въ расчетъ небольшія часовни, мы не ошибемся, если скажемъ, что къ 1-му января 1876 года христіанскихъ церквей и храмовъ другихъ исповѣданій было не менѣе 65,000. Принимая эту цифру, мы скорѣе уменьшаемъ, чѣмъ увеличиваемъ ихъ численность. Такимъ образомъ, одинъ молитвенный домъ приходится на 600 человѣкъ.

Эти церкви и храмы между различными вѣроисповѣданіями распределяются въ слѣдующей пропорціи:

33%	принадлежатъ	методистамъ
22	„	баптистамъ
11	„	пресвитеріанцамъ
10	„	конгрегационалистамъ
6	„	католикамъ
4	„	епископальной церкви
4	„	лютеранамъ
2	„	реформатамъ
8	„	квакерамъ, унитарамъ, мормонамъ, евреямъ и прочимъ.

Такимъ образомъ, треть церквей принадлежитъ господствующей

по своей численности въ Соединенныхъ Штатахъ сектъ методистовъ; двѣ пятыхъ находятся во владѣніи сектъ, мало чѣмъ отличающихся отъ методистовъ: баптистовъ, пресвитеріанцевъ, епископаловъ, конгрегационалистовъ и др.; четверть распределена между католиками, лютеранами, квакерами, унитаріями и пр.

Имущество церквей освобождено отъ всякаго налога. Въ 1870 году цѣнность его была 354,483,221 долара, т. е. около 470,000,000 рублей на наши деньги. Но какъ ни велика эта сумма, она навѣрное ниже дѣйствительной. Ее можно смѣло положить въ 600,000,000 рублей. Если принять, что это имущество приноситъ только 5% дохода, мы получимъ годовой доходъ въ 30,000,000 рублей, не считая добротныхъ приношеній ревностныхъ прихожанъ, точно опредѣлить которыхъ не легко, потому что далеко не всѣ церкви сообщаютъ о нихъ въ своихъ отчетахъ, а нѣкоторыя помѣщаютъ ихъ въ графу: на благотворительныя дѣла, не отдѣляя той части, которая идетъ специально на расходы по церковной администраціи. Во всякомъ случаѣ, сумма этихъ приношеній громадная и ее слѣдуетъ считать миліонами рублей.

Чтобы составить приблизительное понятіе о размѣрахъ этихъ приношеній, приведемъ отчетъ епископальной церкви въ штатѣ Пенсильваніи, заимствуя его изъ „Harper's Weekly“.

Въ 1-му іюля прошлаго года по спискамъ церквей штата значилось причастниковъ 20,906 человекъ. Они причащались въ 112 церквяхъ (въ томъ числѣ 11 часовень). Въ этихъ церквяхъ состояло: мѣсть оплаченныхъ 59,852, неоплаченныхъ, пустыхъ 12,436. Имущество церкви заключалось въ 47 домахъ, предназначенныхъ для воскресныхъ школъ, въ 41 кладбищѣ и 48 домахъ для священниковъ и причта.

Денежный отчетъ этихъ церквей слѣдующій:

1) Цѣнность приходскаго имущества	5,957,300 дол.
Гипотека на эту собственность	201,750 „
Долги разныхъ лицъ	96,630 „

Всего 6,255,680 дол.

2) Расходы:

Текущіе расходы, вѣлючая жалованье священникамъ	340,000	дол.
Содержаніе церквей	60,000	„
Прочіе расходы	32,620	„
	<hr/>	
Всего	432,620	дол.

3) Доходы:

Плата за мѣста	258,000	дол.
Добровольныя приношенія	59,500	„
Подписки	323,800	„
Сборъ въ церкви во время богослуженія	128,520	„
Прочіе доходы	78,600	„
	<hr/>	
Всего	848,420	дол.

Кромѣ того получено дохода съ недвижимаго имущества церквей 202,330 долларовъ, не считая дохода съ кладбищъ, который въ отчетѣ совсѣмъ не показанъ.

Изъ этого отчета оказывается, что добровольныя пожертвованія составляютъ весьма значительную сумму; если даже не считать статьи „прочіе доходы“, мы получимъ 511,820 долларовъ, т. е. половину общаго дохода, составлявшаго 1,050,720 долларовъ. Если эту сумму разложить на 20,000 причастниковъ, занимающихъ мѣста въ церкви съ своими семействами, окажется, что каждый причастникъ платитъ среднимъ числомъ по 52¹/₂ доллара на свою церковь.

Не считая часовенъ, немѣющихъ недвижимаго имущества, каждая церковь епископаловъ въ штатѣ Пенсильваніи владѣетъ недвижимымъ имуществомъ цѣнностью въ 61,937¹/₂ долларовъ.

Конечно, было-бы смѣло приложить этотъ расчетъ къ другимъ церквямъ и въ другихъ штатахъ. Пенсильванія—одинъ изъ самыхъ богатѣйшихъ штатовъ въ Союзѣ; къ епископальной церкви здѣсь принадлежатъ богачи, мѣстная аристократія. Во всякомъ случаѣ, можно утвердительно сказать, что и не получая никакого содержанія отъ правительства, церкви въ Соединенныхъ Штатахъ пользуются весьма значительнымъ, завиднымъ доходомъ. Это доказывается другими, къ сожалѣнію, болѣе краткими отчетами, напечатанными въ томъ-же „Harper's Weekly“.

Конференція методистовъ въ Нью-Йоркѣ заключила свой отчетъ 15-мъ апрѣля 1875 года. Церквей было 283, священниковъ—280, причастниковъ и причастницъ—38,724. Недвижимая собственность церквей оцѣнена въ 5,034,700 долларовъ. Слѣдовательно, на каждую церковь недвижимаго имущества приходится на 17,790 долларовъ.

Методистскій конгрессъ въ Покипси даетъ отчетъ по 1 мая 1875 года. Церквей—273; священниковъ и проповѣдниковъ—338; причастниковъ и причастницъ—38,611; недвижимая собственность—4,785,000; на каждую церковь приходится имущества на 17,527 долларовъ.

Мы не имѣемъ подъ рукою отчетовъ пресвитеріанской церкви; но у насъ есть интересный документъ: докладъ главнаго комитета этой церкви объ израсходованной имъ въ 1875 году значительной суммѣ въ 1,500,000 долларовъ. Она была израсходована на слѣдующіе предметы:

Заграничныя миссіи . . .	600,000	дол., 40 проц.
Внутреннія миссіи . . .	352,500	„ 23,5 „
Сооруженіе церквей . . .	120,000	„ 8 „
Образованіе	105,000	„ 7 „
Пособіе священникамъ . . .	90,000	„ 6 „
Содержаніе	82,500	„ 5,5 „
Освобожденіе невольниковъ .	75,000	„ 5 „
Печатаніе книгъ и брошюръ	75,000	„ 5 „

Всего 1,500,000 „ 100 проц.

Мисіонеры пресвитеріанской церкви посылались въ Индію, Китай, Японію, Австралію, Полинезію, Африку и даже въ Европу. Религіозныя книги выпущены комитетомъ въ миліонѣ экземпляровъ, а брошюры и газеты въ 2,500,000 экземпляровъ.

Пресвитеріанская церковь въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ видно, располагаетъ значительными средствами и пользуется вліяніемъ далеко за предѣлами своихъ мѣстныхъ общинъ. Любопытно было-бы собрать точныя свѣденія о подобныхъ-же бюджетахъ другихъ протестантскихъ сектъ въ Соединенныхъ Штатахъ и въ

Европѣ. Мы знаемъ, что католическое духовенство обладаетъ несколько не меньшими, если еще не большими бюджетами. Сложивъ бюджеты обоихъ вѣроисповѣданій, мы получили-бы такую внушительную сумму, передъ которой развелъ-бы руками министръ финансовъ, располагающій самымъ богатѣйшимъ бюджетомъ въ мѣрѣ.

Но получить точныя цифры такихъ бюджетовъ чрезвычайно трудно. На такое дѣло придется употребить много лѣтъ и за него можетъ взяться только молодой статистикъ.

Мы уже сказали, что считаемъ ниже дѣйствительной цифру въ 354 миліона долларовъ, обозначающую цѣнность недвижимаго имущества, принадлежащаго церквамъ всѣхъ исповѣданій въ Соединенныхъ Штатахъ. Духовенство умалаетъ цифру своего достоянія для того, чтобы вызвать щедрость со стороны правительства, ибо въ Соединенныхъ Штатахъ отдѣленіе церкви отъ государства только формальное, а не дѣйствительное. Духовенство нерѣдко обращалось къ правительству съ просьбою о помощи и его ходатайство почти всегда удовлетворялось. Дѣло шло всегда о безвозмездной уступкѣ подъ постройку церквей или на другія церковныя потребности, напр., на устройство помѣщенія для воскресной школы, кусочка земли, большею частью въ центрѣ города, а если въ деревнѣ, то непременно плодородной. Число этихъ просьбъ съ каждымъ годомъ увеличивалось, попрошайничество нѣкоторыхъ сектъ перешло всякія границы, такъ что конгрессъ напелся вынужденнымъ сдѣлать дополненіе къ конституціи, воспреещающее правительству удовлетворять подобныя просьбы; но то, что было уже дано, не отнималось въ силу новаго декрета и не облагалось никакимъ налогомъ.

Однакожь, новый законъ не привелъ къ тѣмъ послѣдствіямъ, на какія рассчитывали законодатели: общественная собственность по-прежнему дается въ даръ церквамъ. Вся разница въ томъ, что духовенство обращается уже не къ центральной власти, а къ муниципалитетамъ.

Изъ всего, что мы до сихъ поръ сказали, можно вывести заключеніе, что духовенство въ Соединенныхъ Штатахъ играетъ

значительную роль, что религіозное настроеніе въ странѣ очень велико. Внимательный наблюдатель замѣчаетъ также, что въ этой интересной для изученія странѣ способны рядомъ уживаться самая высшая цивилизація съ средне-вѣковыми воззрѣніями. Вліяніе духовенства распространяется здѣсь на все, оно виѣшшивается во все и повторяетъ почти буквально тѣ самыя ошибки, которыя дѣлало католическое духовенство; эти ошибки, какъ извѣстно, привели къ реформаціи, но реформа Лютера не образумила католическаго духовенства и оно продолжаетъ поступать по-прежнему, ничему не научаясь, ни съ чѣмъ не примиряясь. Не пришлось-бы испытать ту-же участь протестантству, такъ-какъ всегда одинаковыя причины приводятъ къ одинаковымъ послѣдствіямъ.

А государственные люди Соединенныхъ Штатовъ указываютъ на отдѣленіе церкви отъ государства, какъ на основной принципъ своей конституціи, какъ на самую вѣрную гарантію свободы и благосостоянія страны. Но такого-ли отдѣленія слѣдуетъ желать, какое практикуется у нихъ? Мы полагаемъ, что нѣсколько иного.

М. Триго.

(Окончаніе въ слѣд. книгѣ.)

НОЧНЫЕ ПИРЫ.

(Изъ Т. Лидса.)

Чу! слышенъ звукъ колесъ; мелькаетъ отраженье
Каретныхъ фонарей. Къ окну, къ окну скорѣй!
Напротивъ бель-этажъ, при яркомъ освѣщеньи,
Наполненъ группами разряженныхъ гостей.

Здѣсь полный есть просторъ интригамъ и злословью
И каждый радъ тому, что въ пляскѣ, въ духотѣ
Въ немъ пробуждаются взволнованною кровью
Хоть призраки страстей въ сердечной пустотѣ.

Ихъ въ этотъ поздній часъ, подь музыку и пѣнье,
Не можетъ подавить, какъ подавилъ меня,
Рой безъисходныхъ думъ,—а послѣ, безъ сомнѣнья,
Сойдетъ къ нимъ пьяный сонъ уже при свѣтѣ дня.

Вонъ и на улицѣ,—обтянутый холстомъ,
Подъѣздъ толпой зѣвакъ обставленъ весь кругомъ:
Они за зрѣлищемъ забыли всѣ кручины.
Всѣ огорченія, испытанныя днемъ.

У нихъ, обрванцевъ, нѣтъ денегъ на похмѣлье,
На полуночный пиръ—и вотъ они пришли,
Чтобъ разогнать подь звукъ чужого имъ веселья
Зловѣщія мечты и замыслы свои.

О, чернь столичная, тебѣ послало небо
Стремленіе къ гульбѣ и бремя нищеты,
И просишь у судьбы ты зрѣлищъ или хлѣба,
И въ душу заглянуть къ себѣ боишься ты.

Царить въ ней не покой. Полна она тяжелой
И тайной зависти къ тому, кто могъ пожить
Безпутнѣе, чѣмъ ты, и на развратъ веселый
Своимъ паденіемъ желанный грошъ добыть.

Но чей-же это смѣхъ? А, это у сосѣда
Сошлись пріятели. Про женщинъ и вино
Идетъ ихъ шумная, веселая бесѣда
И льется смѣхъ надъ тѣмъ, что вовсе не смѣшно.

Я знаю ихъ кружка безцѣльныхъ собранья,
Разнузданный языкъ, циничный разговоръ
Съ игрою за полночь, и въ этомъ состязаньи,
Ведущемъ къ шулерству, гражданственный задоръ.

Но все-жъ они теперь и тѣмъ вполне довольны,
Что не пришлось сидѣть имъ дома, въ тишинѣ,
И въ часъ бессонницы случайно и невольно
Порыться у себя въ душевной глубинѣ.

А. Константиновъ.

ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ КОНЦѢ XVIII ВѢКА.

(Ст. первая.)

I.

Въ 1849 году, когда Тэну было всего 21 годъ, ему пришлось выбирать депутатовъ... „По обычаю, господствующему во Франціи, говоритъ Тэнъ, — нужно было выбирать не столько между людьми, сколько между принципами, теоріями. Мнѣ предлагали сдѣлаться роялистомъ или республиканцемъ, демократомъ или консерваторомъ, социалистомъ или бонапартистомъ; но я не былъ ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ, я былъ ничѣмъ, и подчасъ завидовалъ людямъ, имѣвшимъ опредѣленные убѣжденія, — людямъ, которые были чѣмъ-нибудь...“ Если вѣрить словамъ Тэна, каждая партія хотѣла обратить его въ свою вѣру; его убѣждали, ему доказывали, но увъ! онъ оказался совершенно неспособнымъ стать на одну какую-нибудь точку зрѣнія, прикннуть къ одному какому-нибудь направленію. Его электическій умъ не могъ примириться ни съ какимъ *profession de foi*; онъ вездѣ видѣлъ двѣ стороны и, съ одной стороны, соглашался, съ другой — „не могъ не сознаться...“ Разумѣется, въ его головѣ долженъ былъ быть страшнѣйшій сумбуръ. Чтобы какъ-нибудь разсвѣять его, онъ рѣшился приняться за изученіе исторіи Франціи. Исторія—это въ нѣкоторомъ родѣ „мать всѣхъ скорбящихъ“. Къ ней обращаются и консерваторы, и демократы, и роялисты, и республиканцы, и социалисты, и бонапартисты; каждого изъ нихъ она и утѣшаетъ, и ободраетъ, каждому даетъ что-нибудь въ защиту его доктринъ и на

погибель его антагонистовъ. Почему-же къ ней не обратиться и людямъ, которые, подобно Тэню, не хотятъ принадлежать ни къ одной изъ существующихъ партій? Если бонапартисту, социалисту, роялисту, демократу, республиканцу она докажетъ, что форма правленія, наиболѣе соответствующая истиннымъ интересамъ Франціи, есть именно та, о которой каждый изъ нихъ мечтаетъ, то она точно также можетъ доказать и эклектику, что всѣ эти формы односторонни, что каждая изъ нихъ имѣетъ или имѣла свое *raison d'être*, что абсолютной истины нигдѣ нѣтъ, что все имѣетъ лишь относительное значеніе, что все должно выработываться мало-по-малу путемъ историческаго прогресса, и что все, что этотъ прогрессъ выработаетъ, то и хорошо, т. е. съ тѣмъ и нужно сообразоваться при рѣшеніи какъ вопросовъ, касающихся современной жизни, такъ и вопросовъ будущаго.

Исторія надѣлала втеченіи длиннаго ряда вѣковъ множество величайшихъ глупостей и возмутительнѣйшихъ нелѣпостей; эклектикъ-фаталистъ подобострастно преклоняется передъ ними, съ благоговѣніемъ заноситъ ихъ въ свою записную книжечку и охраняетъ и защищаетъ ихъ, какъ какую-то святиню. А такъ-какъ эти глупости и нелѣпости безконечны по своему разнообразію, то эклектикъ, проштудировавъ исторію, еще менѣе, чѣмъ прежде, чувствуетъ себя способнымъ прикинуть къ какой-либо изъ современныхъ партій. Онъ убѣждается, что ни одна изъ нихъ не обнимаетъ всѣхъ историческихъ факторовъ, что бонапартизмъ, напр., принимая въ расчетъ такіа-то и такіа-то историческія нелѣпости, оставляетъ безъ вниманія другія, не менѣе существенныя; роялизмъ, удовлетворяя послѣднимъ, игнорируетъ первыя; притомъ-же и бонапартисты, и роялисты упускаютъ изъ виду массу тѣхъ несомнѣнно выработанныхъ исторію факторовъ, на почвѣ которыхъ республиканцы, демократы и т. п. строятъ свои теоріи, свои системы. Точно также республиканцы и демократы насмѣютъ исторію, вычеркивая изъ своего міросозерцанія все то, передъ чѣмъ преклоняются приверженцы Лулу, сторонники Орлеановъ и вѣрнопопдаанные слуги Генриха V.

Постоянно путаясь, такимъ образомъ, въ историческихъ тенетахъ, эклектикъ поневолѣ долженъ устраниваться отъ всякаго участія въ дѣлахъ міра сего. Онъ отъ всѣхъ отворачивается и всѣ

отворачиваются отъ него. Да это и хорошо. Представьте себѣ, что-бы вышло, если-бы ему была предоставлена возможность вліять на ходъ общественной жизни! вмѣсто того, чтобы ставить ои какіе-нибудь идеалы и во имя этихъ идеаловъ двигать ее впередъ, онъ будетъ вѣчно тянуть ее назадъ, приковывая настоящее желѣзными цѣпями къ прошедшему. вмѣсто того, чтобы бороться съ рутинюю, чтобы расчищать мѣсто новымъ идеямъ, загроможденнымъ историческимъ хламомъ, онъ, уткнувъ носъ въ свою „записную книжку“, будетъ стараться только о томъ, чтобы не оставить безъ должнаго удовлетворенія ни одной исторической ошибки, ни одной нелѣпости.

Самое лучшее, что могутъ сдѣлать люди, одаренные подобнаго рода умомъ, это—никогда не мѣшаться въ политику, устранившись отъ всякой практической дѣятельности и удалиться въ безпечальныя области философіи, эстетики и абстрактной науки. Дѣйствуя въ этихъ областяхъ, они, въ худшемъ случаѣ, будутъ, по крайней мѣрѣ, безвредны, въ лучшемъ—могутъ даже принести нѣкоторую пользу. Правда, эта польза всегда будетъ имѣть относительный характеръ. Они не двинутъ науку впередъ, они не внесутъ въ нее никакихъ смѣлыхъ обобщеній, никакихъ новыхъ точекъ зрѣнія, но за то они, подобно трудолюбивымъ пчелкамъ, соберутъ медъ съ каждаго цвѣточка. Мыслитель, болѣе самостоятельный, чѣмъ они, воспользуется этимъ медомъ, онъ очиститъ его отъ соевоу, разберетъ по сортамъ и сдѣлаетъ вообще пригоднымъ для человѣческаго потребленія. Безъ трудолюбивыхъ пчелоеу ему, конечно, было-бы очень трудно работать; и онъ не разъ поблагодаритъ ихъ за ихъ трудолюбіе; но, пользуясь собраннымъ ими матеріаломъ, онъ, помимо этого матеріала, ничего не станетъ у нихъ спрашивать. Онъ знаетъ, что они отлично умѣютъ компилировать, собирать, сопоставлять, рассказывать, но что касается выводовъ, обобщеній и т. ꙗ., то это ужъ не ихъ ума дѣло. И дѣйствительно, чуть только они выходятъ изъ роли компиляторовъ, рассказчиковъ и облакаются въ философскую мантию, чуть только они начинаютъ предъавлять притязанія на оригинальныя мысли, на новыя точки зрѣнія, они становятся невыносимо скучны и невыносимо смѣшны.

Къ числу этихъ трудолюбивыхъ пчелоеу принадлежитъ, без-

спорно, и Тэнъ. Какъ сборщикъ матеріала, какъ компиляторъ, какъ рассказчикъ, онъ неопѣнимъ. Его компіляціи производятъ подчасъ иллюзію оригинальныхъ твореній; его рассказы и описанія отличаются въ большинствѣ случаевъ необыкновенною яркостью красокъ, живостью и увлекательностью. За то его философскія умствованія и обобщенія (до которыхъ онъ, на бѣду свою, большой охотникъ) изъ рукъ вонъ какъ плохи. Хотя они и претендуютъ на оригинальность и самостоятельность, но эти претензіи рѣшительно ни на чемъ не основаны. Въ сферѣ идей, какъ и въ сферѣ фактовъ, онъ не болѣе, какъ простой компиляторъ, и при томъ компиляторъ не особенно разборчивый. Его философія представляетъ какой-то калейдоскопъ самыхъ разнообразныхъ и нерѣдко совершенно противорѣчивыхъ понятій. Онъ ничѣмъ не брезгаетъ и никому не плюетъ въ колодець; напротивъ, онъ старается отъ каждаго чѣмъ-нибудь позаимствоваться, каждаго подогнать въ свою пользу. Подойвъ Кюнта, Миля, Бэна, Спенсера, шотландскихъ философовъ-психологовъ, онъ начинаетъ съ такою-же развязностью доить и французскихъ эклектиковъ кузеновскаго пошиба, и нѣмецкихъ метафизиковъ. Какъ критикъ, онъ одной ногой стоитъ на почвѣ чисто-реальной критики, рассматривающей каждое литературное произведеніе какъ продуктъ данныхъ условій соціальной среды, а другою — вязнеть въ тинѣ эстетической схоластики. Какъ психологъ, онъ старается связать выводы и наблюденія опытной психологін съ идеалистическимъ мистицизмомъ. Вообще онъ постоянно хлопочетъ о примиреніи и объединеніи непримиримыхъ и, по существу своему, совершенно противоположныхъ вещей — реализма съ идеализмомъ, позитивизма съ метафизикой. Такова самая характеристическая, самая выдающаяся черта всѣхъ его философскихъ умствованій.

Что-же касается его историческихъ воззрѣній, то они вполне естественно и, если хотите, совершенно логически вытекаютъ изъ его общаго міросозерцанія. Эклектикъ-компиляторъ въ области критики, въ области эстетики, философіи и психологін, онъ является такимъ-же эклектикомъ-компиляторомъ и въ области исторіи. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, стоя, повидѣмому, на реальной почвѣ опыта и наблюденія, онъ все-таки остается метафизикомъ. Разъясняя логическую послѣдовательность событій, онъ доходитъ

до историческаго фатализма. Каждый совершившійся фактъ получаетъ въ его глазахъ значеніе неизбежно-необходимаго, фатально-рокового. Поэтому современная Франція, со всеѣми ея безобразіями и противорѣчіями, кажется ему вполне логическимъ продуемомъ всей ея прошедшей исторіи. Онъ оправдываетъ и великую революцію съ ея мельчайшими деталями, и Робеспьера, и термидоріанцевъ, и Наполеона, и реставрацію, и Люк-Филиппа, и ламартиновскую республику, — все, что случилось, то и должно было случиться; а чего не случилось, тому и не слѣдовало быть.

Эта фаталистическая точка зрѣнія обуславливается, конечно, чрезчуръ абстрактнымъ отношеніемъ къ историческому процессу. Процессъ этотъ разсматривается имъ, какъ что-то замкнутое, совершенно отрѣзанное и уединенное отъ вліянія причинъ, болѣе или менѣе ему постороннихъ. Безъ сомнѣнія, никто не станетъ отрицать въ исторіи элементъ необходимаго; но рядомъ съ нимъ существуетъ и другой элементъ, который, въ отличіе отъ перваго, можно назвать элементомъ случайнаго. Юридическое упраздненіе феодальныхъ привилегій, напр., было, безспорно, необходимымъ, неизбежнымъ результатомъ экономическихъ факторовъ, предшествовавшихъ французской революціи. Но самый способъ этого упраздненія, обстановка, при которой оно совершилось, и т. п. — все это уже зависѣло отъ такой комбинаціи цѣлой массы разнообразныхъ обстоятельствъ (отчасти входящихъ въ область изученія исторіи, отчасти стоящихъ внѣ этой области), которую мы, по невозможности не только опредѣлить, но даже и представить себѣ все обусловившія ее причины, называемъ случайностью. Реформа политическихъ учрежденій Франціи съ логическою необходимостью вытекала изъ тѣхъ экономическихъ и политическихъ условій, въ которыя исторія поставила французское общество въ до-революціонный періодъ. Но появленіе на сценѣ тѣхъ или другихъ дѣятелей, ихъ активная или пассивная роль, все тѣ неуловимыя и разнообразныя перипетіи, которыми сопровождалось развитіе основныхъ принциповъ, — все это было чисто-случайной, такъ-сказать, закулисной обстановкой исторической сцены. Сойди извѣстный дѣятель въ могилу раньше, проиграй ту или другую побѣду, не явись онъ вовсе на сценѣ — и второстепенныя событія приняли-бы совершенно другой оборотъ... Войны республики необходимо должны были повести къ

усилению военного элемента, необходимо должны были обезпечить ему преобладающее влияние на общественныя дѣла. Но Наполеонъ I, его военный гений, его удивительное счастье и т. п.— это была случайность, и въ этой случайности не было ничего фатальнаго, роковаго, неизбежнаго.

Изъ этихъ примѣровъ (число которыхъ можетъ быть увеличено до безконечности) читатель, надѣюсь, пойметъ, что я называю элементомъ необходимаго и элементомъ случайнаго въ исторіи. Онъ пойметъ, что подъ случайнымъ я не подразумѣваю безпричиннаго. Нѣтъ, случайно въ исторіи лишь то, что зависитъ отъ условій, стоящихъ внѣ круга историческихъ (т. е. подлежащихъ изслѣдованію историка) послѣдовательностей и сосуществованій, — условій, входящихъ въ кругъ послѣдовательностей и сосуществованій физиологическихъ, физическихъ, механическихъ, химическихъ, психическихъ, антропологическихъ и т. д., и т. д. Вообще въ каждой данной области послѣдовательностей и сосуществованій случайнымъ называется такое явленіе, такая послѣдовательность или такое сосуществованіе, которое обуславливается причинами, лежащими за предѣлами этой области.

Слѣдовательно, отвергать въ исторіи случайное—значитъ отдѣлять историческій процессъ общественной жизни отъ всѣхъ другихъ, тѣсно связанныхъ съ нимъ процессовъ, и изолировать историческую послѣдовательность явленій отъ всякихъ постороннихъ имъ влияній. Естественно, что подобная абстракція необходимо должна привести къ колѣнопреклоненію передъ всякимъ совершившимся фактомъ, къ историческому фатализму, а слѣдовательно, къ полнѣйшему общественному и политическому индифферентизму. Исторія, такимъ образомъ, дала Тэню именно то, что онъ и надѣялся получить отъ нея: она оправдала его неспособность и неумѣнье применить къ одной какой-либо изъ существующихъ партій, она возвела эту неспособность и неумѣнье въ философскій принципъ, въ научную систему. Однако, та-же исторія, тѣ-же самыя факты, на которые ссылается авторъ „*Les origines de la France contemporaine*“, могутъ привести къ совершенно обратному выводу; нужно только нѣсколько иначе отнестись къ нимъ, нужно только отрѣшиться отъ метафизической доктрины историческаго фатализма. Въмѣсто того, чтобы приступать къ изученію

исторіи съ предвзятою мыслию, будто все, что случается, необходимо должно было случиться, слѣдуетъ, напротивъ, тщательно разграничить элементъ случайнаго отъ элемента необходимаго, и, изслѣдуя законы послѣдняго, никогда не терять изъ виду перваго. Поступая такимъ образомъ, мы не впадемъ въ нелѣпныя крайности ни фаталистовъ, все оправдывающихъ, все защищающихъ, все подводящихъ подъ какіе-то непреложныя, отъ людей независяціе „историческіе законы“, ни окказионалистовъ, выдающихъ въ исторіи не болѣе, какъ игру капризнаго случая, беспорядочную агломерацию событій, неимѣющихъ ни связи, ни послѣдовательности.

II.

Что-же было „необходимаго“ и что было „случайнаго“ въ томъ знаменательномъ событій, или, говоря точнѣе, въ цѣломъ рядѣ тѣхъ знаменательныхъ событій, которыми закончилось прошлое столѣтіе, для историческихъ судебъ Франціи? Безспорно, событія эти имѣли мировое значеніе; ихъ вліяніе чувствуется еще и до сихъ поръ. Что-же касается Франціи, то для нея, какъ справедливо замѣчаетъ Тэнъ, они послужили началомъ новой эры; выработанныя ими общественныя и политическія формы легли въ основу ея современныхъ учреждений. „Въ самомъ началѣ нынѣшняго вѣка, говоритъ Тэнъ, — структура Франціи уже представляетъ намъ наиболѣе общія, наиболѣе характеристическія черты ея новѣйшей исторіи; мы заранѣе можемъ предвидѣть послѣдующіе политическіе перевороты, социальныя утопіи, раздѣленіе классовъ, роль церкви, взаимныя отношенія дворянства, буржуазіи и народа, развитіе ея философіи, литературы, искусствъ, и тотъ прямой путь, по которому пойдетъ это развитіе, и тѣ отклоненія, которымъ оно будетъ подвержено.“ „Вотъ почему, продолжаетъ авторъ, — если мы (т. е. французы) хотимъ знать и понимать свое настоящее положеніе, мы постоянно должны обращать свои взоры къ тому страшному и въ то-же время плодотворному кризису, благодаря которому старый порядокъ породилъ революцію, а революція — новый порядокъ“.

Исходя изъ этой мысли, Тэнъ и принялся изучать старый порядокъ, революцію и новый порядокъ. Результаты этого многолѣтняго изученія онъ представляетъ теперь на судъ публики. Все сочиненіе будетъ состоять изъ трехъ томовъ. Вышелъ только первый томъ: „L'ancien régime“. Факты, собранные въ этомъ томѣ, и послужатъ намъ матеріаломъ для рѣшенія поставленнаго нами вопроса: объ отношеніи случайнаго и необходимаго въ исторіи французской революціи.

Факты эти, замѣтимъ между прочимъ, не представляютъ ничего существенно-оригинальнаго. Правда, самъ авторъ думаетъ иначе; онъ убѣжденъ, что его трудъ откроетъ передъ нами совершенно новыя перспективы, броситъ новый свѣтъ на событія этого времени. Въ его рукахъ, увѣряетъ онъ, находилось множество неизданныхъ и никому еще неизвѣстныхъ официальныхъ отчетовъ, частныхъ мемуаровъ, писемъ и т. п. Просматривая эти документы, говоритъ нашъ историкъ-компиляторъ, можно подумать, что исторія революціи еще не издана (см. Préface, VII.)

Можетъ быть, въ послѣдующихъ томахъ мы и дѣйствительно найдемъ нѣчто новое, неожиданное, никому неизвѣстное, но пока этого еще нѣтъ, въ чемъ читатель и самъ будетъ имѣть возможность скоро убѣдиться.

Однако, если тэновскій „L'ancien régime“ и не открываетъ Америки, то, надо отдать автору справедливость,—онъ очень хорошо знакомитъ съ Америкой уже открытою. Онъ не ограничивается сухимъ описаніемъ экономическаго и политическаго состоянія до-революціонной Франціи; онъ вводитъ насъ въ интимную жизнь тогдашняго общества, онъ старается воспроизвести эту жизнь со всѣми ея характеристическими деталями, во всѣхъ сферахъ ея проявленія. И для этого онъ пользуется массою самыхъ разнообразныхъ матеріаловъ: и литературою, и философіею, и наукою, и искусствомъ, и газетами, и частною перепискою, мемуарами, разсказами путешественниковъ, отчетами, бюджетами, реестрами официальныхъ лицъ и т. д., и т. д. При помощи всѣхъ этихъ данныхъ ему удалось набросать яркими красками картину положенія Франціи наканунѣ революціи. Если эта картина и не говоритъ намъ ничего новаго, то, во всякомъ случаѣ, она производитъ цѣ-

лостное впечатлѣніе, она оставляетъ въ умѣ ясныя и отчетливыя представленія ¹⁾.

Вглядимся-же поближе въ эту картину.

Прежде всего бросается въ глаза блестящая, веселая, праздная жизнь феодальной, жившей вполнѣ средневѣковой жизнью, аристократіи, съ ея роскошными салонами, съ ея нескончаемыми пирами, съ ея легкомысленными наслажденіями, съ ея остроумною литературою и вольнодумною философіею, со всѣми ея сумасбродствами и дѣтски-наивною безпечною. Какія яркія краски! Какія довольныя, добродушно-праздничныя фізіономіи! Какое движеніе, сколько гама и шума! Здѣсь жизнь бьетъ, повидимому, полнымъ ключемъ. Немудрено, что эта часть картины и обращаетъ на себя болѣе всего вниманіе историка-художника. Онъ отдѣлываетъ ее съ особеннымъ тщаніемъ, онъ непропорціонально увеличиваетъ ея размѣры, онъ выдвигаетъ ее на первый планъ.

Но, разумѣется, въ глазахъ серьезнаго изслѣдователя значеніе ея должно умалиться. Это для него не болѣе, какъ испрыгающаяся, шипящая пѣна, на мгновеніе выброшенная на поверхность. Какая сила ее выбросила, какое броженіе ее создало? И серьезный человѣкъ отвернется отъ этой вѣчной праздничной оргіи, отъ этихъ напудренныхъ, надушенныхъ и расфранченныхъ виантовъ, бароновъ, дюковъ, маркизовъ, маркизъ, дюшесъ, баронесъ; онъ все свое вниманіе прежде всего и болѣе всего сосредоточитъ на томъ темномъ уголкѣ картины, гдѣ жмутся люди безъ пудры и париковъ. не въ раззолоченныхъ кафтанахъ, а въ простыхъ, оборванныхъ

¹⁾ Книга Тэна отличается, вообще говоря, какъ недостатками, такъ и достоинствами, присущими большинству его произведеній. Что касается первыхъ, то на нихъ я уже указалъ: они обуславливаются несостоятельностью авторскаго міросозерцанія вообще и ими опредѣляются *душа*, направленіе книги. Что-же касается достоинствъ, то они имѣютъ, такъ - сказать, чисто - внѣшній характеръ: ими опредѣляется не ея внутреннее содержаніе, а лишь внѣшняя форма изложенія. Внѣшняя форма не оставляетъ желать ничего лучшаго. Авторъ умѣетъ рассказывать живо и увлекательно, онъ группируетъ факты въ живыя картины, въ образы. Поэтому книга, несмотря на свой ученый декорумъ, читается легко и съ большимъ интересомъ. Ее раскупаютъ на расхватъ. Не прошло и 3 мѣсяцевъ съ выхода въ свѣтъ 1-го изданія, а она выходитъ уже вторымъ.

блуждахъ и старомодныхъ потасканныхъ фракахъ. Эти люди не веселятся, ихъ лица озабочены и сумрачны; они почти не отрываются отъ работы; въ философіи они ничего не смыслятъ; изящное остроуміе великосвѣтскаго beau-monde'a имъ совершенно непонятно; мало того—они даже совсѣмъ читать не умѣютъ; всѣ ихъ мысли заняты вопросомъ о кускѣ насущнаго хлѣба; все ихъ время проходитъ въ обдѣлываніи самыхъ мизерныхъ дѣлишекъ: они сѣютъ, пашутъ, жнутъ, продаютъ, торгуютъ и... больше ничего не дѣлаютъ.

Благородное дворянство относится къ нимъ съ презрѣніемъ, и, конечно, съ своей точки зрѣнія оно право. Но пусть оно презираетъ ихъ и смѣется надъ ними; въ глубинѣ души они точно также его презираютъ и смѣются надъ нимъ. Бѣда только въ томъ, что дворянство топить свой смѣхъ и свое презрѣніе въ безумныхъ оргіяхъ, а они, эти темные и молчаливые люди, тихо и незамѣтно создаютъ новую жизнь; сами того не подозревая, они готовятъ великую катастрофу... Очевидно, они—главныя дѣйствующія фигуры въ картинѣ, въ нихъ весь ея смыслъ. Поэтому съ нихъ-то мы и должны начать.

III.

И друзья, и враги французской революціи согласны въ одномъ: они признаютъ, что она уничтожила феодализмъ, что она высвободила сельское населеніе изъ-подъ тяжкаго ига феодальной аристократіи. Эта ея заслуга считается обыкновенно самою несомнѣнною и наиболѣе важною.

Такъ-ли это?

Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, пужно прежде всего уяснить себѣ положеніе сельскаго населенія и въ особенности мѣстнаго дворянства въ періодъ, непосредственно предшествовавшій революціи.

Усиленіе центральной власти и чрезмѣрное развитіе бюрократіи задолго еще до революціи лишило дворянство всякой политической самостоятельности. Оно было совершенно устранено отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ. Вся власть, дѣйствительная, реальная власть, находилась въ рукахъ королевскихъ чи-

новниковъ, интендантовъ (въ родѣ теперешнихъ префектовъ); дворянамъ давались лишь почетныя должности (генеральныхъ интендантовъ и т. п.), — должности, съ которыми, правда, были сопряжены большіе доходы, но которыя не имѣли никакого значенія въ бюрократическомъ механизмѣ королевскаго управленія. Даже чисто-мѣстныя нужды и потребности были совершенно изъяты изъ-подъ ихъ вѣденія. Даже въ собственномъ своемъ округѣ они не пользовались ни малѣйшимъ авторитетомъ, — любой правительственный чиновникъ значилъ гораздо болѣе, чѣмъ господа феодальныя сеньеры. Ревнивая бюрократія тщательно устраняла ихъ отъ всѣхъ отраслей мѣстной администраціи. Они не имѣли права даже ходатайствовать по дѣламъ своего прихода. Въ 1772 году двадцать пять дворянъ позволили себѣ подписать коллективный протестъ противъ какаго-то административнаго распоряженія, касавшагося чисто-мѣстнаго, частнаго вопроса. За такую дерзость ихъ немедленно подвергли, безъ всякаго суда, самому тяжкому наказанію — ссылке. Самый-же протестъ былъ, разумѣется, оставленъ безъ послѣдствій.

Но дворянамъ не дозволялось не только протестовать, имъ не дозволяли даже собираться вмѣстѣ, какъ-бы ни была невинна цѣль собранія. Каждый разъ, когда кто-либо изъ нихъ хотѣлъ пригласить къ себѣ на обѣдъ или пирушку болѣе 20-ти чловѣкъ, онъ долженъ былъ испрашивать особое королевское разрѣшеніе. Когда правительство дозволило дворянамъ Франшъ-Конте сѣзжаться разъ въ годъ, для того, чтобы, по преданію отцовъ, вмѣстѣ отобѣдать и помолиться Богу, то это считалось какимъ-то безпримѣрнымъ снисхожденіемъ. Однако, даже и на этихъ благотивныхъ сѣздахъ присутствіе интенданта считалось безусловно обязательнымъ. Воспретивъ феодальному сеньеру всякое общеніе съ равными ему, говорить Тэнъ (стр. 47), — правительство постаралось уединить его отъ подчиненныхъ ему крѣпостныхъ; оно воздвигло между нимъ и ими цѣлую китайскую стѣну іерархической бюрократіи. „Дворянинъ не только былъ исключенъ изъ сельской администраціи, онъ не имѣлъ даже права контролировать ее. Распредѣленіе налоговъ и рекрутской повинности, ремонтірованіе церковей, право снывать и предсѣдательствовать въ приходскихъ собраніяхъ, наблюденіе за дорогами, устройство благотворительныхъ

заведеній и т. п., — все это пахотилось въ нераздѣльномъ завѣдываніи интенданта или назначаемыхъ имъ мѣстныхъ чиновниковъ“. Со времени Людовика XIV все должно было подчиняться правительственнымъ агентамъ; законодательство и административная практика дѣйствуютъ за одно противъ дворянства: они неуклонно стремятся снять съ него всѣ его общественныя обязанности и превратить его древнія права, его громкіе титулы въ пустую фикцію. Немудрено, что оно очень скоро не только потеряло всякую охоту заниматься общественными дѣлами, но даже начало относиться къ нимъ съ высокоумнымъ пренебреженіемъ. Дворянинъ сталъ гордиться своимъ ничего-недѣланіемъ; для его дворянской чести казалось теперь оскорбительнымъ засѣдать рядомъ съ какими-то наемниками, слѣпыми и безгласными агентами центральной власти, въ большинствѣ случаевъ совѣмъ даже нетитулованными, безъ имени и предковъ... „Пусть эти выскочки, утѣшай онъ себя, — возьтся вмѣсто меня съ „моими“ людьми, пусть они собираютъ, распредѣляютъ и устанавливаютъ налоги, творятъ судъ и расправу, завѣдуютъ общественнымъ хозяйствомъ, оберегаютъ общественное спокойствіе, — съ какой стати стану я соваться во всѣ эти дразги? Конечно, мнѣ этого и не дозволяютъ, но если-бы и дозволили, то я самъ не захотѣлъ-бы. Какое мнѣ дѣло до общественнаго управленія, до всѣхъ этихъ налоговъ, дорогъ, богадѣленъ и т. п.? Плевать мнѣ на все это!“

И дворянинъ, съ чувствомъ собственного достоинства, подставляя свою спину подъ удары, болѣе или менѣе неделикатные и грубые, всякаго чиновника, всякаго бюрократическаго распоряженія, выворачивалъ карманы передъ каждымъ сборщикомъ, пассивно повиновался всякому приказанію интенданта или его канцеляріи. Лишенному всякаго политическаго значенія, удаленному отъ дѣлъ міра сего, ему ничего болѣе не оставалось, какъ запереться въ своемъ развалившемся замкѣ и сидѣть тамъ смиренненько и тихонько, ни во что не вмѣшиваясь и никого собою не беспокоя.

Однако, въ глубинѣ души своей онъ не могъ не чувствовать себя глубоко оскорбленнымъ, онъ не могъ примириться съ своимъ вынужденнымъ политическимъ абсентеизмомъ. Хотя его политическое безправіе было логическимъ результатомъ его измѣнившагося общественнаго положенія, но это безправіе оказывало, въ свою

очередь, весьма существенное влияние на его барманъ: оно ускорило его окончательное обѣдненіе.

Буллье говоритъ въ своихъ „мемуарахъ“, что передъ началомъ французской революціи всѣ старыя дворянскія фамиліи, за исключеніемъ какихъ-нибудь 200 — 300, были совершенно разорены. Въ Руергѣ ежегодный доходъ большинства дворянъ-помѣщиковъ не превышалъ 50 и 25 ливдоровъ. Въ Лимузенѣ, по словамъ интенданта, на нѣсколько тысячъ помѣщиковъ едва-ли можно было насчитать пятнадцать, получающихъ ренту въ 20 тысячъ франковъ. Сеньеры Франшъ-Конте, ежегодно собиравшіеся (какъ мы упоминали объ этомъ выше) для общей молитвы, выслушавъ обѣдню и скромно закусивъ, возвращались домой или по образу пѣшаго хожденія, или верхомъ на ослахъ: у нихъ не было средствъ даже для того, чтобы нанять экипажъ. Въ Бретани дворяне стояли за прилавками и исполняли вообще на фермахъ самыя грязныя и черныя работы. Они жили какъ простые мужики и кормились однимъ хлѣбомъ. Китайская стѣна, отдѣлявшая ихъ когда-то отъ ихъ крѣпостныхъ, исчезла почти безслѣдно. Гордый феодалъ, одѣтый почти въ такія-же лохмотья, какъ и послѣдній изъ его слугъ, былъ въ восторгѣ, если этотъ слуга, товарищески хлопнувъ его по плечу, приглашалъ его распить съ нимъ вмѣстѣ бутылку вина въ сосѣднемъ кабацкѣ. Забывъ фамильную гордость, онъ запанибрата шутилъ съ своими подданными и строилъ куры ихъ женамъ и дочерямъ...

Однимъ словомъ, обнищавшее дворянство съ каждымъ днемъ падало все ниже и ниже. Правда, юридически оно сохраняло еще свои привилегіи: имъ принадлежало, въ предѣлахъ территоріи ихъ помѣстій, право суда и право охоты, они собирали барщину съ своихъ вассаловъ, они могли облагать ихъ всевозможными натуральными и денежными повинностями. Но эти права и привилегіи не имѣли уже никакого реальнаго значенія. Большая часть помѣстій отошла отъ нихъ и перешла въ руки купцовъ, кулаковъ, городской буржуазіи (см. мемуары Буллье); лишеныя куска насущнаго хлѣба, обремененныя долгами, они несравненно болѣе зависѣли отъ своихъ крестьянъ, чѣмъ послѣдніе отъ нихъ.

„Все, говоритъ Тэнъ (стр. 50),—содѣйствовало паденію дворянства—и законъ, и нравы, и въ особенности право первород-

ства (майоратъ). Майоратство, которое должно было оградить феодальныя права отъ раздробленія, довело дворянство до нищенства. Въ Бретани, по словамъ Шатобріана (отца), старшій сынъ бралъ себѣ двѣ трети родительскаго достоянія, а одна треть дѣлилась между его младшими братьями. Ихъ доли дробились, въ свою очередь, между ихъ дѣтьми, и скоро дѣло дошло до того, что приходилось дѣлить голубя, кролика, охотничью собаку и т. п. Леонъ Лавернь (*Économie rurale en France*, p. 26) говоритъ, что большинство помѣстій не давало болѣе 2,000—3,000 франковъ ренты. Въ 1825 году, при распредѣленіи вознагражденій за отчужденную во время революціи собственность, значительная часть помѣщиковъ получила менѣе 1,000 фр., рѣдко кто могъ предъявить права на сумму, превосходящую 50,000 фр. По этимъ цифрамъ можно видѣть, въ какомъ положеніи находились дворяне и какъ велики были ихъ помѣстья въ періодъ, предшествующій революціи. Мирабо былъ сто разъ правъ, когда говорилъ: „тронъ окружаютъ и поддерживаютъ лишь разоренные и обнищавшіе помѣщики“.

Феодализмъ палъ задолго до революціи; его давно уже подтачивалъ червь экономического прогресса; земли, разоренныя налогами, обрабатываемыя кое-какъ крѣпостными, старавшимися поскорѣе отдѣлаться отъ своей повинности, почти не давали дохода. Земледѣліе находилось въ самомъ плачевномъ состояніи. Чтобы оживить его, чтобы получать съ него хорошій доходъ, нуженъ былъ свободный капиталъ. Но у помѣщиковъ его не было. Всѣ свободныя капиталы сосредоточивались или въ королевской казнѣ, или въ кассахъ промышленниковъ, негоціантовъ, городскихъ буржуа. Только имъ и выгодно было приобрѣтать земли, тѣмъ болѣе, что стѣсненное положеніе помѣщиковъ заставляло послѣднихъ продавать свою собственность за безцѣнокъ. И, дѣйствительно, не задолго до революціи большая часть дворянскихъ помѣстій находилась, по словамъ Булльи, въ рукахъ буржуазіи.

Дворянству оставался одинъ только ресурсъ для существованія—это коронная служба. Но чтобы получить доходное мѣсто, нужно было отпрапляться въ Парижъ, одѣваться въ роскошный мундиръ придворнаго, дни и ночи дежурить въ королевскихъ пріемныхъ, по нѣскольку мѣсяцевъ, а иногда и лѣтъ, таскаться въ свѣтѣ

королевскихъ наперсниковъ и наперсницъ и тратить безумныя деньги на пиры, попойки и угощенія. Но, къ несчастью, подобныя траты были не по карману большинству разоренныхъ помѣщиковъ. Волею-неволею имъ приходилось сидѣть дома, въ своихъ захламленныхъ, „погибая въ нищетѣ и неизвѣстности“.

Парижская и въ особенности версальская жизнь была доступна лишь для немногихъ избранныхъ. Понятно, что эти немногіе, эти могиване отживающаго феодализма ни на минуту не оставались въ провинціи. Тамъ имъ нечего было дѣлать. Деньги, почести, богатая синекура, всевозможныя наслажденія, начиная отъ самыхъ грубыхъ, чувственныхъ и кончая самыми утонченными, самыми возвышенными,—все это они могли заполучить въ одномъ только Версалѣ. Версаль былъ ихъ обѣтованною землею, ихъ Меккою и Мединою; жить въ Версалѣ, находиться на глазахъ высшихъ должностныхъ особъ, быть принятымъ у короля или у его любовницъ—это была ихъ завѣтная мечта.

IV.

Да и немудрено: здѣсь былъ нестоимый рудникъ всяческихъ земныхъ благъ. Только здѣсь можно было добыть доходное абатство, выхлопотать пожизненную ренту или щедрую пенсію за „добродѣтельныхъ“ предковъ, или пристроиться къ тепленькому мѣстечку на коронной службѣ. Только здѣсь, постоянно вертеться въ кругу придворной знати, можно было рассчитывать, что авось она соблагодолитъ обратить на тебя свое вниманіе... ну, тогда и кататься, какъ сыръ въ маслѣ.

Правительство, съ своей стороны, очень хорошо понимало, какъ ему выгодно отвлечь отъ провинціи тѣхъ, кто еще не успѣлъ разориться, кто еще могъ, благодаря своему матеріальному положенію, играть тамъ какую-нибудь роль; столичная жизнь дѣлала ихъ совершенно безвредными, и чтобы привлечь ихъ къ этой жизни, заставить ихъ участвовать въ ней и стоять въ хвостѣ служебнаго штата, правительство ничего не жалѣло: оно сыпало деньгами направо и налево, оно создавало всевозможныя почетныя должности съ громадными доходами. Фиктив-

ними правами и не менѣе фиктивными обязанностями. Такъ, напр., существовали должности: 37 великихъ генераль-губернаторовъ (*grands gouverneurs généraux*); 7 малыхъ генераль-губернаторовъ (*petits gouverneurs généraux*); 66 — генераль-лейтенантовъ; 407 частныхъ губернаторовъ (*gouverneurs particuliers*), 13 управителей (губернаторовъ) королевскими домами и множество другихъ должностей, неимѣвшихъ никакого реального значенія и неигравшихъ никакой роли въ общемъ механизмѣ государственнаго управленія. Губернаторы, напр., не только не имѣли права вмешиваться въ управленіе ввѣренной имъ области, они даже не могли въ ней жить безъ особаго королевскаго разрѣшенія. Если они получали это разрѣшеніе и жили въ своей провинціи, то всѣ ихъ права и обязанности по отношенію къ пей сводились къ одному, въ извѣстные торжественные дни они могли, если хотѣли, давать официальные обѣды и устраивать празднества, соотвѣтствующія случаю. Впрочемъ, и на обѣды-то эти слѣдовало каждый разъ испрашивать согласіе администраціи.

Само собою понятно, что всѣ эти фиктивные чиновники никогда и не думали выѣзжать изъ Версаля. Ихъ фиктивная служба обезпечивала имъ прекрасную пожизненную ренту. Генераль-губернаторъ Гюенны получалъ ежегодно 120,000 фр. (что по теперешнему курсу денегъ равняется почти 250,000) Лангедока — 160,000; маленькое губернаторство въ Гаврѣ давало 35,000 и т. и.; генераль-лейтенанты и коменданты (тоже фиктивные) получали точно также до 35,000 фр.

Въ Лангедокѣ установлены были во времена гражданскихъ и религиозныхъ междоусобицъ должности помощниковъ комендантовъ; затѣмъ, когда междоусобицы прекратились, должности эти фактически сдѣлались лишними, но *de jure* онѣ остались, и лица, занимавшія ихъ, получали ежегодно по 16,000 фр. Въ томъ-же Лангедокѣ считалось двѣнадцать королевскихъ лейтенантовъ, обязанность которыхъ состояла въ томъ, чтобы брать жалованье и ничего не дѣлать, и три генераль-лейтенанта; „каждый изъ нихъ, говорить Тэнъ, — получалъ, по очереди, черезъ каждые три года 30,000 фр., въ вознагражденіе за особыя услуги, будто-бы оказанныя провинціи, — услуги, которыя, конечно, не перечислялись и кото-

рыя принадлежали къ области химеръ, такъ-какъ ни одинъ изъ нихъ даже и не жилъ въ провинціи. “

Получая содержаніе отъ казны, генераль-интенданты, коменданты, лейтенанты и т. п. нерѣдко получали еще малую толику и отъ тѣхъ городовъ и областей, которыми они фактивно управляли. Такъ, напр., графъ Перигоръ, занимавшій должность коменданта, независимо отъ казеннаго содержанія (около 35,000 фр.), получалъ отъ провинціи, въ вознагражденіе за свою фантастическую службу, 12,000, а когда къ нему пріѣхала жена, то жене (тоже въ вознагражденіе за ея службу) назначено было еще 12,000. Кроме того, на содержаніе почетнаго караула изъ мѣстныхъ средствъ отпускалось 15,000 фр. Губернаторы, получая болѣе 60,000 фр. жалованья отъ казны, стоили провинціи почти столько-же, если не больше; на одинъ ихъ почетный караулъ она тратила 30,000 фр.

Но какъ ни были многочисленны и разнообразны всѣ эти синекюры, онѣ не могли, однакожь, удовлетворить всѣхъ алчущихъ и жаждущихъ „золотой манны“. И вотъ рядомъ съ генераль-интендантами, губернаторами, комендантами, лейтенантами и т. п. создается безконечный рядъ придворныхъ должностей, значительно истощавшихъ государственную казну и безгрѣшными, и грѣшными окладами и доходами.

Секретарь Ожаръ, получавшій по штату всего 900 ливровъ въ годъ, признавался, что его мѣсто, при помощи разныхъ „безгрѣшныхъ доходовъ“, даетъ ему ежегодно до 200,000 ливровъ. Капитанъ охотниковъ въ Фонтенебло выручалъ ежегодно отъ одной продажи кроликовъ 20,000 фр. При каждомъ переѣздѣ короля изъ одной резиденціи въ другую (а эти переѣзды совершались еженедѣльно) придворныя дамы выгадывали на своемъ содержаніи 80% на 100. Говорятъ, что одинъ ихъ утренній кофе обходился въ 2,000 фр. въ годъ.

Кромѣ того, придворные при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ выклянчивали себѣ экстраординарныя пособія, въ видѣ пожизненныхъ пенсій и единовременныхъ наградъ. Въ придворной хроникѣ того времени мы сплошь и рядомъ натываемся на такого рода указанія: „для того, чтобы утѣшить герцога Рулье, немогшаго присутствовать при заключеніи вѣнскаго договора,

его племянницѣ, м-ше Кастеланъ, и его дочери, м-ше Бёвронъ, назначены пенсіи, каждой по 10,000 ливровъ въ годъ“. „Маркизъ Ледъ назначена пенсія въ 10,000 ливровъ за то, что она имѣла несчастіе не понравиться наслѣдницѣ“. „Въ ннѣшнюю недѣлю придворнымъ дамамъ назначено пенсій на 128,000 ливровъ, въ томъ числѣ въ 8,000 ливровъ герцогиня Шеврѣзъ“, мужъ которой получалъ ежегодную ренту отъ 400,000 до 500,000 ливровъ; въ 12,000 ливровъ—г-жѣ Люинъ, для того, чтобы она не была ревнива, и т. п. Принцу Конті на уплату долговъ выдано 1,500,000 фр.; для той-же цѣли г-ну Сартине—200,000 фр.; 100,000 фр. Мироменилю на обзаведеніе и т. д. и т. д.

Немудрено, что эта небольшая, по алчвал бучка, столичнаго дворянства поѣдала большую половину всѣхъ доходовъ Франціи. Но какъ ни огромны были суммы, поглощаемыя ею, онѣ все-таки были недостаточны сравнительно съ ненасытнымъ аппетитомъ этихъ паразитовъ...

Королевская казна была рѣшительно не въ состояніи удовлетворять ихъ изо дня въ день возрастающимъ требованіямъ. Бокъ-о-бокъ съ нею долженъ былъ существовать какой-нибудь другой источникъ, какава-нибудь другая золотая жила... И дѣйствительно, такая жила существовала. Духовныя должности, и особенно доходныя, были предоставлены въ исключительную монополію дворянству. Дворяне, бѣжавшіе изъ своихъ опустѣвшихъ помѣстій, гдѣ имъ нечего было дѣлать, и пріютившіеся подъ тѣнь Версаля, занимали всѣ высшія мѣста въ церковной іерархіи; ихъ облакали въ саны архіепископовъ и епископовъ, имъ давали по вѣскольку абатствъ за-разъ, ихъ биевально осыпали всевозможными духовными синекюрами. Слѣдующія цифры краснорѣчивѣе всякихъ словъ покажутъ читателю, съ какимъ успѣхомъ пользовались господа дворяне своими церковными привилегіями и какими солиднымъ источникомъ дохода онѣ для нихъ служили. 131 епископъ и архіепископъ получали въ общей сложности съ епископствъ — 5,600,000 ливровъ и съ абатствъ 1,200,000 ливровъ, — всего 6,800,000. Но это только доходы, такъ-сказать, штатные, указанные въ „Королевскомъ альманахѣ“ (на 1788 г.); столько-же, если не больше, они получали негласно, сверхъ штата, такъ что,

среднимъ числомъ, годовой доходъ каждаго епископа и архіепископа можетъ быть опредѣленъ, по словамъ Ферьера (Memoires, p. 57, t. II), въ 100,000 ливровъ. Нѣкоторые-же получали 200,000, 300,000 и даже 800,000 ливровъ. Что-же касается абатствъ, то Тэнъ насчиталъ въ „Королевскомъ альманахѣ“ 33 абатства, изъ которыхъ каждое приносило отъ 25 до 100,000 ливровъ дохода абату, и 27, дававшихъ абатисамъ отъ 20 до 100,000 ливровъ ежегодно. „Взвѣсьте, говоритъ онъ (стр. 55),— эти цифры „Альманаха“ и не забывайте, что для того, чтобы получить цифру реального дохода духовенства, ихъ слѣдуетъ удвоить, и даже болѣе, чѣмъ удвоить, а для того, чтобы перевести ихъ цѣнность на цѣнность денегъ въ наше время, ихъ слѣдуетъ учетверить, и даже болѣе, чѣмъ учетверить“...

V.

Въ то время, какъ Версаль давалъ тонъ и направленіе высшимъ сферамъ французскаго общества, дворянство, все еще гордое своими старыми феодальными правами, теперь чисто-фиктивными, неизвѣнными никакого дѣйствительнаго значенія, старалось если не быть, то *казаться* тѣмъ-же сильнымъ, блестящимъ и господствующимъ классомъ. Но за неизвѣніемъ прежняго могущества и привилегій, оно только пародировало своихъ предковъ; внѣшнимъ блескомъ оно прикрывало свое внутреннее ничтожество и, смиренно, подобострастно толпясь въ версальскихъ переднихъ и коридорахъ, ожидало только отъ короля и милостей, и своего величія. Съ другой стороны, лишенное почти всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, неизвѣвшее никакого вліянія на политическую жизнь, обреченное на пассивную и праздную роль, оно создало, по образцу высшей чиновной и родовой аристократіи, свой кодексъ домашней и публичной жизни, которая отличалась „ничего-недѣланіемъ“ и свѣтскими фанфаронадами.

Рядомъ съ версальскимъ дворомъ громоздится масса другихъ дворцовъ, устроенныхъ по его образу и подобию. Не говоря уже о дворѣ королевы, дофина, дофины, принцевъ и принцессъ королевской крови, у каждаго богатаго аристократа былъ свой особый дворецъ,

своя свита, свой штатъ, и во всѣхъ этихъ большихъ и малыхъ дворахъ, съ неизмѣннымъ постоянствомъ, разыгрывается одна и та-же комедія, тѣ-же церемоніальные „выходы“ и „приемы“, тотъ-же театральннй парадъ, та-же вѣчная, ни на минуту непрерывающаяся игра въ „ничего-недѣланіе“.

Кому не удавалось пробраться до королевскихъ покоевъ, до „большого“ двора, тотъ ужъ непремѣнно попадалъ въ одинъ изъ этихъ меньшихъ дворовъ, и такимъ образомъ „придворная“ жизнь охватывала, забирала въ свои сѣти почти все дворянство до-революціонной Франціи. Вліяніе этой жизни не ограничивалось однимъ какимъ-нибудь тѣснымъ, замкнутымъ кружкомъ,—оно распространялось на цѣлое сословіе. Опредѣлить характеръ этого вліянія не трудно.

Условія придворной жизни требовали, прежде всего, отъ чловека, чтобы онъ каждому старался понравиться, чтобы онъ каждому былъ пріятель, чтобы онъ вѣчно и передъ всѣми низко раскланивался и расшаркивался, сладко улыбался, постоянно рассыпался въ комплиментахъ и любезностяхъ,—однимъ словомъ, чтобы онъ всегда носилъ маску, чтобы онъ никогда не былъ самимъ собою. Но когда люди весь свой вѣкъ, съ раннего утра и до поздней ночи, не сходятъ съ театральннхъ подмостковъ, то, разумѣется, они должны въ-концѣ-концовъ до такой степени войти въ свою роль, что она становится для нихъ уже не „ролю“, а второю натурою. Когда они постоянно скрываютъ и подавляютъ свои истинныя, реальныя чувства и потребности въ угоду требованіямъ придворнаго этикета, въ угоду салоннымъ приличіямъ, то мало-по-малу эти чувства и потребности совсѣмъ у нихъ атрофируются.

Дѣйствительно, такъ и случилось съ французскимъ дворянствомъ: оно выродилось въ какую-то особую породу людей, исключительно приспособленныхъ къ чисто-виѣшной, салонной жизни. Постоянно дыша салонною атмосферою, ведя салонныя разговоры и выражая салонныя мысли, изоцряясь въ салонномъ обращеніи, занимаясь лишь салонными интересами, оно дошло, наконецъ, до того, что виѣ салона не могло ни говорить, ни думать, ни чувствовать; виѣ салона для него не существовало ничего, рѣшительно ничего: ни религіи, ни родины, ни семьи. Салонъ — капризный дес-

потъ: онъ не допускаетъ никакихъ глубокихъ, потрясающихъ чувствъ, никакихъ сильныхъ ощущеній; онъ требуетъ, чтобы все было умѣренно, прилично, чтобы все облекалось въ улыбающуюся, пріятную внѣшность; онъ не терпитъ скучающихъ, уединяющихся, сумрачныхъ лицъ. Въ угоду этому деспоту благородные дворяне вытравили изъ себя съ корнемъ такія привязанности, такія чувства, которыя считаются до сихъ поръ самыми естественными, такъ-сказать прирожденными чувствами человѣческой природы.

Чего, кажется, естественнѣе любви мужа къ женѣ? Но эта любовь не гармонировала съ условіями салонной жизни; салонъ, поглощая все время, не оставлялъ ни единой минуты для супружеской интимности. „На людяхъ“-же, въ обществѣ считалось крайне неприличнымъ выказывать мужу или женѣ болѣе вниманія и любезности, чѣмъ постороннимъ лицамъ. Обыкновенно, какъ мужъ, такъ и жена, если они не желали казаться смѣшными въ глазахъ общества, должны были менѣе всего заниматься другъ другомъ. Когда-же, на нѣсколько часовъ, они возвращались домой, они немедленно должны были расходиться по разнымъ половинамъ. У каждого свои отдѣльныя комнаты, даже свои отдѣльные отели, свое самостоятельное хозяйство, своя прислуга, свой маленькій дворъ, свой самостоятельный кругъ интересовъ. Мужъ никогда не вмѣшивался въ дѣла своей жены; жена платила ему тою-же взаимностью. При встрѣчахъ не только въ салонахъ, но даже глазъ на глазъ, они не иначе обращались одинъ къ другому, какъ со словами: *monsieur* и *madame*. Называть другъ друга по имени считалось уже неприличнымъ; прибавлять-же къ имени какиа-нибудь ласкательныя слова, вродѣ: *mon ami*, *ma belle* и т. п.,—это уже было преступленіе противъ всѣхъ правилъ бонтонности. „Никогда, говоритъ Безенваль,—они не были вмѣстѣ, никогда ихъ нельзя было встрѣтить въ одномъ экипажѣ, а тѣмъ болѣе въ одномъ домѣ, въ одномъ общественномъ собраніи“. Всякая искренняя привязанность считалась не только чѣмъ-то въ высшей степени страннымъ, но и чѣмъ-то въ высшей степени смѣшнымъ. Ничего не казалось глупѣе, какъ быть влюбленнымъ въ свою жену или мужа. Любви не допускалось даже въ внѣ-брачныхъ отношеніяхъ:

„Ne soyez point époux, ne soyez point amant;
„Soyez l'homme du jour et vous serez charmant. *)

„Конечно, замѣчаетъ по этому поводу одинъ изъ современниковъ, Безенваль, — нравственность отъ этого страдала, но за то общество (т. е. салонъ) значительно выигрывало: присутствіе мужей стѣсняло-бы его, безъ нихъ-же царствовала полная свобода въ обращеніи; взаимное кокетство мужчинъ и женщинъ поддерживало общую веселость и ежедневно давало поводы къ самымъ циническимъ приключеніямъ“.

Ревность, какъ чувство въ высшей степени антисоціальное, строго преслѣдовалась и осмѣивалась. Благодаря этимъ преслѣдованіямъ и осмѣянію, она мало-по-малу совершенно вывелась изъ употребленія. Стѣснять половую свободу женщинъ или мужчинъ считалось столько-же смѣшнымъ, сколько и неприличнымъ. „Жена герцога ***, рассказываетъ г-жа Оберкирель, — надѣлала какъ-то большой скандалъ; мужъ сталъ жаловаться ей матери; послѣдняя весьма хладнокровно отвѣтила ему: о, сударь, какъ вамъ не стыдно изъ-за такихъ пустяковъ поднимать столько шума? Вашъ отецъ былъ гораздо порядочнѣе васъ“.

„Одинъ мужъ говорилъ своей женѣ: „я вамъ позволяю сходить-ся со всѣми, исключая принцевъ и лакеевъ“. И онъ былъ правъ, прибавляетъ отъ себя хроникеръ: — только связи съ принцами и лакеями могутъ безчестить, такъ-какъ онѣ производятъ скандалъ“ (Sénae de Meilhan, „Considerations sur les moeurs“). Гоневуръ приводитъ въ своей книгѣ „La femme au dix-huitième siècle“ (Женщина XVIII в.) слѣдующій случай: однажды мужъ засталъ свою жену съ любовникомъ; это его нисколько не рассердило, онъ только просто замѣтилъ: какъ вы, сударыня, неосторожны: что, если-бы вмѣсто меня васъ засталъ какой-нибудь посторонній человѣкъ? Когда герцога Лозена спросили, какъ-бы онъ поступилъ, еслибы его жена, съ которой онъ не видался десять лѣтъ, извѣстила его, что она почувствовала себя беременною? — герцогъ, подумавъ немного, отвѣчалъ: „я-бы ей написалъ: „я въ восторгѣ, что небу, наконецъ, угодно было благословить нашъ союзъ; берегите свое здорье, сегодня-же вечеромъ я буду около васъ“.

*) Не будьте ни мужемъ, ни любовникомъ; будьте человекомъ минуты, и вы будете очаровательны.

„Можно было-бы привести, говоритъ Тэнъ, — двадцать подобныхъ отвѣтовъ, и я смѣю думать, что тотъ, кто незнакомъ съ ними, рѣшительно не въ состояніи приблизительно даже представить себѣ, до какой степени требованія общественной жизни могутъ подавлять и уничтожать самыя, повидимому, естественныя инстинкты человѣка“ (стр. 174.)

Ревность не допускалась не только въ супружескихъ отношеніяхъ, но и въ отношеніяхъ любовниковъ. „Когда женщина и мужчина нравятся другъ другу—они сходятся; когда они начинаютъ надѣдаться одинъ другому—они расходятся, говоритъ Кребийльонъ-сынъ (*La nuit et le moment*), —расходятся такъ-же легко, какъ сошлись. Если они снова начинаютъ чувствовать взаимное влеченіе, они опять сходятся, съ такою-же быстротою, какъ и въ первый разъ; затѣмъ опять расходятся, но никогда не ссорятся“... При этомъ вышнія приличія соблюдаются со всею строгостью; посторонній человѣкъ ни за что не откроетъ тайны этихъ легкихъ связей. Между возлюбленными не допускается ни малѣйшей фамильярности. Въ минуты самыхъ, повидимому, сильныхъ ощущеній, самыхъ нѣжныхъ изліаній люди салона выражаются отборнымъ, свѣтскимъ языкомъ, опасаясь всего болѣе, какъ-бы не сказать чего-нибудь „неприличнаго“, чего-нибудь „смѣшнаго“, „неприятнаго“ въ салонномъ кодексѣ. „Неприличіе самыхъ отношеній, говоритъ Тэнъ,—никогда не отражается въ словахъ; условный языкъ вѣжливостей маскируетъ не только порывы страсти, но даже и самыя грубыя проявленія инстинктовъ“. Чтобы наглядно показать, до какого комизма могла доходить эта салонность обращенія, приведемъ рассказъ о дуэли двухъ великосвѣтскихъ кавалеровъ: герцога Бурбонскаго и графа Артуа.

Бурбонъ былъ чѣмъ-то оскорбленъ Артуа, считавшимся по чину старше его. Оскорбителъ долженъ былъ предложить оскорбленному поединокъ. Въ назначенный день и часъ дуэлисты, сопровождаемые своими секундантами, сошлись въ условленномъ мѣстѣ. „Едва Артуа завидѣлъ приближавшагося Бурбона, какъ вышелъ изъ экипажа и, идя ему на-встрѣчу, сказалъ, смѣясь: „М. г., говорятъ, что мы должны съ вами драться“. Бурбонъ снялъ шляпу и любезно отвѣчалъ: „М. г., я здѣсь для того, чтобы выслушивать ваши приказанія!“ — „А я для того, чтобы исполнять ваши,

возразилъ Артуа;—вы будете такъ добры, дозволите мнѣ сходить къ моей каретѣ“. Онъ идетъ къ каретѣ и возвращается со шлягой. Начинается поединокъ. Когда, послѣ нѣкотораго времени, секунданты предложили окончить поединокъ, находя, что честь оскорбленнаго вполне удовлетворена, Артуа замѣтилъ: „я не имѣю права имѣть въ настоящемъ случаѣ никакого собственнаго мнѣнія: пусть герцогъ Бурбонъ выскажетъ свое желаніе; я здѣсь для того только, чтобы выслушивать его приказанія“. — „М. г., возразилъ Бурбонъ, опуская остріе шпаги и обращаясь къ Артуа,—я глупо бо признателенъ вамъ за вашу доброту ко мнѣ; повѣрьте, я никогда не забуду чести, которую вы мнѣ оказали“.

Чтобы убить въ людяхъ до такой степени всѣ человѣческія чувства, чтобы такъ искусно выдресировать ихъ въ салонныя куклы, для этого потребовалось, конечно, не мало времени и не мало усилій. Нужно было начинать дрессировку съ малолѣтства. И дѣйствительно, вся система воспитанія была исключительно приноровлена къ одной цѣли: заглушить въ ребенкѣ все, что было въ немъ искренняго, непосредственнаго, приучить его къ салонному обращенію, развить въ немъ желаніе вѣчно позировать, рисоваться, разыгрывать роли „большихъ“. Ихъ даже и одѣвали какъ взрослыхъ; мальчиковъ пудрили, а головные уборы дѣвочекъ ничѣмъ почти не отличались отъ головныхъ уборовъ ихъ матерей. Представьте себѣ этихъ маленькихъ кавалеровъ въ вышитыхъ золотомъ полубафтаньяхъ, съ шпагою на боку, съ шляпой подмышкою, въ длиннѣйшихъ жабо, расшарывающихся и рассыпающихся въ комплиментѣхъ передъ такими-же, какъ и они, миниатюрными дамами. одѣтыми по послѣдней модѣ, перетянутыми въ корсеты, даже нарумяненными; можно подумать, что это дѣтскій маскарадъ,—маскарадъ, который продолжается всю жизнь дѣтей, безъ отдыховъ и перерывовъ. Маленькіе актеры до такой степени втягиваются въ свою роль, до такой степени привыкаютъ къ своей маскѣ, что мало-по-малу эта маска окончательно срастается съ ихъ фізіономіями, эта роль становится ихъ второю натурою. Съ 7-ми, 8-милѣтняго возраста они живутъ только для свѣта: только въ салонѣ на нихъ обращаютъ вниманіе, только въ салонѣ они могутъ свободно дышать... Дома они въ совершенномъ загонѣ: отца и мать они почти никогда не видятъ, о нихъ никто не заботится, кромя

развѣ прислуги, которой, впрочемъ, и безъ нихъ много дѣла; немудрено, что имъ приходится иногда просиживать въ своихъ дѣтскихъ по цѣлымъ днямъ безъ пищи и даже безъ одежды. „Я, говоритъ, напр., герцогъ Лозенъ, — проводилъ свое дѣтство, какъ и всѣ мои сверстники: для выѣздовъ у меня было отличное платье, а дома я сидѣлъ голый, умирая съ голоду“. Что-же удивительнаго, что домашняя жизнь не имѣла для нихъ ни малѣйшей привлекательности, не оказывала на нихъ ни воспитательнаго, ни развивающаго вліянія? Они ее ненавидѣли, они только и жили мыслью, какъ-бы скорѣе вырваться изъ-подъ негостепріимнаго отеческаго крова, скорѣе войти въ „свѣтъ“.

Нечего говорить, что при подобной обстановкѣ домашней жизни въ нихъ не могло развиваться никакое симпатическое чувство, никакая привязанность. Объ ихъ умственномъ воспитаніи думали столько-же, сколько и о нравственномъ. Обученіе производилось обыкновенно подъ руководствомъ лакеевъ и горничныхъ; иногда, для пущей важности, этихъ лакеевъ и горничныхъ называли гувернерами и гувернантками; но чаще ихъ оставляли при ихъ прежнихъ титулахъ. Впрочемъ, лучшихъ преподавателей и искать было не зачѣмъ: предметы, которымъ они обучали (чтеніе, письмо, немножко арифметики, немножко географіи, немножко литературы и немножко исторіи), считались для свѣтскаго человѣка необязательными; свѣтскому человѣку не зачѣмъ было знать, напр., географію своей родины: всю свою жизнь онъ былъ прикованъ къ Версалу и его окрестностямъ; за предѣлами этого Эльдорадо для него ничего не существовало и не должно было существовать. Точно также онъ не имѣлъ никакой надобности знать исторію Франціи и еще менѣе такую непригодную для салона вещь, какъ математика. Ему дозволялось даже не умѣть правильно читать и совершенно игнорировать правила орфографіи. Все, что отъ него требовалось, — это точное знаніе всѣхъ правилъ салонной вѣжливости, умѣнье держать себя въ обществѣ, искусство ловко танцовать, играть на какомъ-нибудь инструментѣ, говорить вычурные комплименты, составлять каламбуры, мадригалы и акростихи, и не быть круглымъ невѣждою по части греческихъ боговъ, богинь, мифовъ и вообще по части салоннаго классицизма. На эти предметы и обращалось исключительное вниманіе воспитателей. Они ни-

чего не щадили, чтобы сдѣлать изъ ребенка какъ можно скорѣе салоннаго фигляра, и ихъ усилія, въ большинствѣ случаевъ, увѣнчивались полнымъ успѣхомъ. Въ 8, въ 9 лѣтъ юные кавалеры составляли такіе каламбуры и стишки, откалывали такіе комплименты, которымъ въ нашъ вѣкъ позавидоваль-бы даже вполне зрѣлый и опытный салонный герой. Для образчика вотъ нѣсколько примѣровъ.

Однажды маленькому герцогу Ангулемскому, такому маленькому, что его теперь едва-ли даже приняли-бы въ первый классъ гимназій, доложили о приходѣ Сюффрена. Ребенокъ принимаетъ торжественную позу и кладетъ передъ собою біографіи знаменитыхъ людей Плутарха. „Я только-что читалъ знаменитыхъ людей Плутарха, обращается онъ съ милостивою улыбкою къ вошедшему,— и вы не могли придти болѣе кстати!“

Дѣти г-жи Собранъ, мальчикъ 9-ти лѣтъ и дѣвочка 8-ми, разгрызвали одинъ разъ, въ присутствіи короля и королевы, вольтеровскаго „Ореста“. Одна уже пожилая дама, мать трехъ прелестныхъ дочерей, спросила мальчика, что онъ помнитъ изъ древнихъ. „Сударыня, отвѣтилъ галантный кавалеръ, поглядывая на дочекъ,— въ настоящую минуту я могу вспомнить только объ Анакреонѣ“.

Другой, тоже 9-ти-лѣтній мальчикъ, на какой-то вопросъ принца Генриха прусскаго,—вопросъ, касавшійся его рожденія, отвѣчалъ эспронтотъ слѣдующимъ салоннымъ четверостишіемъ:

Ma naissance n'a rien de neuf.
 J'ai suivi la commune règle,
 Mais c'est vous, qui sortez d'un oeuf,
 Car vous êtes un aigle *).

VI.

На домашнія дѣла, на хозяйство обращалось ровно столько-же вниманія, какъ на жену и на дѣтей.

„Хозяйство, заботы объ имуществѣ, управленіе своими имѣніями, все это, говоритъ Тэнъ,—имѣло въ ихъ глазахъ какой-то пошлый, иѣщанскій характеръ“. Жизнь теряла для нихъ всю прелесть съ той минуты, какъ приходилось разсчитывать, соразмѣрять доходы

*) Мое рожденіе не представляетъ ничего новаго, оно совершилось по общему правилу. Но вы—вы вышли изъ яйца, потому что вы—орелъ.

съ расходами, хлопотать о насущномъ кускѣ. Они хотѣли, чтобы роскошь, богатство, наслажденія и развлечения сыпались на ихъ головы сами собою, безъ всякаго съ ихъ стороны усилія; самъ собою долженъ былъ ежедневно наполняться ихъ кошелекъ блестящими лундорами; сама собою у ихъ подъѣзда должна была торчать, съ раннего утра, позолоченная карета; сами собою должны были появляться на ихъ столѣ изысканнѣйшія и утонченнѣйшія блюда. Какъ все это дѣлалось само собою—до этого имъ не было никакого дѣла. Они жили, какъ птицы небесныя, „которыя не сѣютъ, не жнутъ и не собираютъ въ житницы“. Конечно, у этихъ „птицъ небесныхъ“ были экономы, метр-д'отели, управляющіе, дворецкіе и масса лакеевъ всевозможныхъ видовъ и наименованій; на ихъ рукахъ лежало все домашнее хозяйство; они обязаны были кормить, поить, одѣвать и вообще содержать своихъ господъ. Но *quels maîtres, tels valets*: если господа жили паразитами, то естественно было, что и лакеи желали имъ подражать. Господа обирали казну и смотрѣли на государственный кошелекъ, какъ на свой собственный; такъ точно и лакеи смотрѣли на кошелекъ своихъ господъ. Нему древо, что въ концѣ XVIII вѣка, передъ революціей, самые богатые и знаменитые дома Франціи были въ конецъ разорены и опутаны долгами. Принцъ Конти, напр., сидѣлъ, какъ рассказываетъ Аржансонъ, — безъ дровъ и хлѣба, хотя онъ ежегодно получалъ до 600,000 ливровъ ренты. Всѣ, начиная съ короля, были должниками своихъ поставщиковъ—разбогатѣвшихъ буржуа. Несмотря на всѣ сокращенія и урѣзыванія королевскаго бюджета, на которыхъ настоялъ Тюрго, Людовикъ XVI въ 1778 году оставался еще должнымъ своему поставщику 3¹/₂ миліона, а своему виноторговцу около 800,000 ливровъ; частныя лица не отставали отъ двора. Въ запискахъ того времени сплошь и рядомъ попадаются такія, напр., указанія: „Г-жа Гимене должна своему башмачнику 60,000 ливровъ, обойщику—16,000, и другимъ своимъ поставщикамъ въ той-же пропорціи“. „Мужъ г-жи Монтморэнъ, у котораго больше долговъ, чѣмъ имущества, одному портному былъ долженъ 180,000 ливр. и т. д.“ „Одна изъ самыхъ выдающихся маній нашего времени, говоритъ г-жа Оберкиркъ,—это манія разоряться, — разоряться во что-бы то ни стало“. „Братья Вильмеръ настроили, напр., на ¹/₂ миліона ливровъ маленькихъ загородныхъ домиковъ,

въ которыхъ, разумѣется, никогда не жили; Шенонсо въ одну ночь проигрываетъ 700,000 ливръ. Жоржъ-Зандъ (которой Шенонсо приходился родственникомъ) рассказываетъ, что этотъ господинъ прожилъ вмѣстѣ съ Франкойлемъ отъ 7 до 8 миліоновъ ливровъ. Маршалъ Субизъ бросаетъ 200,000 ливровъ на одинъ обѣдъ для короля, удостовѣившаго провести ночь въ его загородномъ домѣ. Кардиналъ Роганъ на одинъ стихарь тратитъ 100,000 ливръ. Г-жа Матиньонъ ежегодно издерживаетъ 24,000 ливръ на одну прическу. Аристократы не знаютъ и не хотятъ знать счета деньгамъ; они такъ легко ихъ получаютъ, что имъ не зачѣмъ дорожить ими. Они сорятъ ими направо и налѣво, они бросаютъ ихъ на улицу. Однажды внукъ маршала Ришелье принесъ своему дѣдушкѣ кошелекъ, наполненный золотомъ, которое дѣдушка ему подарилъ и которое внукъ не зналъ на что издержать. Маршалъ, раздосадованный такою глупостью юноши, взялъ у него кошелекъ и, ни слова не говоря, выбросилъ его на улицу.

А вотъ фактъ еще лучше. Г-жа Б. выразила какъ-то желаніе имѣть въ кольцѣ миниатюрный портретъ своего чужа. Присутствовавшій тутъ принцъ Конти вѣжливо вызвался исполнить желаніе Б. Она согласилась, но съ тѣмъ только, чтобы кольцо было самое простое, безъ всякихъ украшеній, чтобы оно стоило не дорого. Дѣйствительно, миниатюрный портретъ былъ вставленъ въ небольшое золотое кольцо, безъ всякихъ украшеній; но портретъ закрывался вмѣсто стекла великолѣпнымъ брилліантомъ. Г-жа Б. отослала брилліантъ назадъ; тогда Конти велѣлъ истолочь его въ порошокъ и этимъ порошокомъ засыпалъ письмо, которое онъ написалъ по этому поводу упрямой любительницѣ чужей.

Если ужъ къ своимъ частнымъ дѣламъ дворянство относилось съ такою наивною безпечною, съ такимъ полнѣйшимъ индифферентизмомъ, то едва-ли стоитъ говорить, что еще съ большею безпечною, еще съ большимъ индифферентизмомъ относилось оно къ дѣламъ общественнымъ; фактически устраненное отъ всякаго въ нихъ участія, оно мало-по-малу совсѣмъ перестало даже и думать о нихъ. Заниматься политикою считалось не только крайне глупымъ, но просто смѣшнымъ и неприличнымъ. Если иногда салонный разговоръ нисходилъ до какихъ-нибудь общественныхъ событій, то единственно только для того, чтобы позабавиться на

ихъ счетъ; они служили лишь темою для болѣе или менѣе удачныхъ каламбуровъ. И какъ-бы ни была гибельна та или другая правительственная мѣра, но если она дала поводъ къ остроумному каламбуру, удачному *bon-mot*, съ нею тотчасъ-же примирялись и никто не рѣшался считать ее дурною. Послѣ извѣстнаго распоряженія Террая, сократившаго на половину государственную ренту,—распоряженія, отнявшаго у государственныхъ рантьеровъ половину состоянія, кто-то сказалъ, во время давки въ театрѣ: „ахъ, какъ жаль, что здѣсь нѣтъ нашего добраго аббата Террая: онъ-бы сейчасъ сократилъ насъ на половину“. *Bon-mot* пришелся очень по вкусу публикѣ; на другой день его повторялъ весь Парижъ, и острота неизвѣстнаго шутника заставила забыть общественное бѣдствіе (Тэнъ, р. 164.) По поводу битвы при Гохштедѣ было написано стихотвореніе, крайне плохое; оно не понравилось салону, и салонъ выразился по этому поводу такимъ образомъ: „ахъ! какъ обидно, что мы проиграли эту битву: стихотвореніе никуда не годится“ (ib).

При такомъ взглядѣ на вещи, понятно, какихъ именно талантовъ и добродѣтелей требовалъ салонъ отъ своихъ администраторовъ и министровъ. Если они были вполне галантными кавалерами, если они доставляли ему какъ можно больше развлеченій, онъ былъ отъ нихъ въ восторгѣ; въ противномъ случаѣ, онъ, не смотря ни на какія ихъ заслуги, дѣлалъ ихъ мишенью самыхъ ядовитыхъ остротъ, шутокъ и эпиграмъ. Некеръ задалъ великолѣпный ужинъ съ серьезной оперой и съ оперою буффъ. „Этотъ праздникъ, читаемъ мы въ „*Correspondance secrète*“ Мэтра, — несравненно лучше, чѣмъ всѣ его финансовыя операціи, поддержалъ его кредитъ, упрочилъ его положеніе, привлекъ на его сторону общественныя симпатіи. Объ его послѣднемъ распоряженіи по поводу 5% сбора говорили всего одинъ день, между тѣмъ о праздникѣ говорятъ и до сихъ поръ; его по восточкамъ разбираютъ въ Парижѣ и въ Версали, и со всѣхъ сторонъ слышишь: „что за превосходные люди эти Некеры (мужъ и жена); для общества (въ смыслѣ салона) они просто очаровательны!“

Въ провинціи, которая во всемъ тянется за Версалемъ и Парижемъ, политическій индифферентизмъ доходитъ еще до болѣе колоссальныхъ размѣровъ. Здѣсь общественныя дѣла не служатъ даже

темою для *bon-mots* и ими уже буквально никто не интересуется. „Невозможно себѣ представить людей, говорится въ одномъ тогдашнемъ манускриптѣ, — которые могли бы такъ равнодушно относиться къ общественнымъ дѣламъ“. Даже позже, когда уже наступилъ періодъ общественныхъ реформъ, когда ежедневно совершались событія, бившія дворянство прямо по карману, — даже и тогда ничѣмъ нельзя было расшевелить этой въ кровь и въ плоть вѣвшей апатіи. Въ Шато-Тьерри Юнгъ, посѣтившій этотъ городъ 4 іюля 1789 года, не нашелъ ни одного кафе, въ которомъ получались-бы газеты; „въ Муленѣ (это относится къ 7 августа 1789), говоритъ тотъ-же путешественникъ, — въ лучшемъ кафе, имѣющемъ, по меньшей мѣрѣ, столовъ двадцать, мнѣ легче было достать слона, чѣмъ газету“. На всемъ пути между Страсбургомъ и Безансономъ нельзя найти ни одной газеты. Въ Безансонѣ получается только „Gazette de France“, за которую, при настоящихъ обстоятельствахъ, ни одинъ здравомыслящій человекъ не дастъ больше су, да „Courrier militaire“, который получается здѣсь только черезъ 2 недѣли по выходѣ; люди, принадлежащіе, повидимому, къ образованному классу, говорятъ лишь о томъ, что случилось 2 или 3 недѣли тому назадъ, и ихъ разговоръ показываетъ, что о событіяхъ дня они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія.“ „Въ Клермонѣ, рассказываетъ Юнгъ, — мнѣ пришлось разъ пять обѣдать и ужинать за *table d'hôte*’омъ съ 20 или 30 негоціантами, купцами, офицерами и т. п.; о политикѣ почти не заходила рѣчь, и это въ такое время, когда политика должна-бы была, казалось, занимать всѣ умы; невѣжество или тупоуміе этихъ людей по-истинѣ невѣроятны. А между тѣмъ каждый день вокругъ нихъ совершаются событія, которыя разбираются и обсуждаются послѣднимъ плотникомъ, послѣднимъ слесаремъ въ Англіи“.

Причина этой апатіи очевидна: они, видите-ли, „простые провинціалы“, они должны „выжидать, что скажетъ и что подумаетъ Парижъ“, а потому „смытъ свое сужденіе имѣть“ имъ и къ лицу совѣмъ не пристало. Устраненные отъ всякой политической дѣятельности, они не только отвыкли интересоваться общественными дѣлами, — они разучились даже говорить и думать о нихъ.

П. Гр—оли

(Продолженіе будетъ.)

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НАША ЖУРНАЛЬНАЯ ПРОГРЕСИВНОСТЬ.

(Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія. Монографіи и критическія статьи А. П. Пятковскаго. Въ двухъ томахъ. Спб. 1876.)

Монографіи и критическія статьи г. Пятковскаго, о которыхъ или, лучше сказать, по поводу которыхъ мы нахѣрены говорить, представляютъ историческій очеркъ нашего умственнаго развитія, на-сколько оно могло выразиться въ поступательномъ движеніи литературы и журналистики. Въ настоящемъ своемъ изданіи онѣ состоятъ изъ статей, напечатанныхъ г. Пятковскимъ въ разное время и въ разныхъ журналахъ. Авторъ думаетъ, что, взятая вмѣстѣ, онѣ представляютъ довольно полный, нелишенный систематичности, очеркъ развитія нашей литературы и общественной жизни въ новый періодъ русской исторіи. Мы съ этимъ согласны, но въ то-же время думаемъ, что систематичность при началѣ труда г. Пятковскаго не входила непосредственно въ его планъ, иначе онъ далъ-бы не отдѣльныя статьи, а полное и цѣльное изслѣдованіе, которое, впрочемъ, едва-ли и возможно въ настоящее время; по крайней мѣрѣ, такого рода трудъ не былъ главной задачей автора. Его симпатіи преимущественно лежатъ на сторонѣ тѣхъ прогрессивныхъ моментовъ, когда русская мысль выходила торжествующей изъ борьбы и, пользуясь своей побѣдой, продолжала свое движеніе впередъ. По этому г. Пятковскій останавливаетъ свое особенное вниманіе на этихъ моментахъ, тщательно выясняя ихъ общественное значеніе и отчетливо обрисовывая вѣдннюю.

лицевую сторону фактическаго содержанія. Впрочемъ, мы не думаемъ писать критическаго разбора монографій г. Пятковскаго, въ смыслѣ критики, какъ она понимается обыкновенно у насъ. Мы попытаемся только выслѣдить, какъ печать способствовала развитію и росту нашего общественнаго мнѣнія.

Петръ Великій прорубилъ только окно въ Европу, но не успѣлъ прорубить дверей. Г. Пятковскій называетъ Петра фанатикомъ мысли, диктаторомъ, воспользовавшимся своею властью, чтобы сдвинуть Россію съ узкой колени, на которую поставило ее невѣжество, соединенное съ невозмутимымъ китайскимъ самодовольствомъ. Для достиженія своихъ цѣлей Петръ пользовался всеми средствами: гдѣ нужно было казнить — казнилъ, а гдѣ нужно было прибѣгать къ болѣе кроткимъ средствамъ — прибѣгалъ къ нимъ. Въ Европѣ, рядомъ съ государственною властью, крѣпла сила общественнаго мнѣнія, руководимаго политическою печатью, и вотъ Петръ задумалъ создать и въ Россіи печать и общественное мнѣніе. Для этого онъ частію заботился объ изданіяхъ, которыя распространяли-бы полезныя практическія свѣденія, а затѣмъ создалъ и первыя русскія „Вѣдомости“. При Петрѣ были переведены даже такія сочиненія, въ которыхъ излагались новыя взгляды на общественныя отношенія и сообщались свѣденія о политическомъ устройствѣ иноземныхъ государствъ, ихъ законахъ и современномъ состояніи. Къ такимъ переводамъ относятся: „Введеніе въ исторію европейскую“, „О должностяхъ человѣка и гражданина“, „О законахъ естества и народахъ“ и проч. Въ „Введеніи“ было обращено главное вниманіе на внутреннее состояніе государствъ, на обстоятельства, служившія причинами возвышенія и упадка ихъ. Въ одномъ мѣстѣ книги говорилось о русскихъ, что они отличаются озорностью, невоздержностью, свирѣпостью, кровожадностью, нестерпимою заносчивостью и гордостью въ мелочахъ и въ обыкновенныхъ житейскихъ отношеніяхъ. Что же касается другихъ отношеній, то въ нихъ они обнаруживаютъ необыкновенную мелкость³³ и приниженность мысли и, какъ рабы, любятъ повиноваться жестокой смиряющей власти. Какъ всѣ ихъ игры ограничиваются только драками и ранами, такъ и въ частомъ у нихъ употребленіи бичи и плети. Въ то-же время въ прибыли и лхвѣ, если ее нужно пріобрѣтать обманомъ и хитростью, ни одинъ народъ не обнаруживаетъ такой способности.

Это щекотливое мѣсто было пропущено переводчикомъ. Петръ называлъ его глупцомъ и приказалъ перевести.

Создавая общественное мнѣніе, Петръ заставлялъ говорить нечѣть только въ пользу своихъ политическихъ реформъ, и для этого держалъ даже заграничныхъ агентовъ, которые должны были писать въ пользу Россіи въ заграничныхъ изданіяхъ. Въ Россіи же ему помогалъ Феофанъ Прокоповичъ, положительно замѣнявшій Петру правительственную газету. Проповѣди Феофана печатались немедленно по ихъ произнесеніи и распространялись въ публикѣ. Прокоповичъ говорилъ простымъ языкомъ, безъ схоластическаго витійства, и о вещахъ практическихъ. Такъ, когда царь воротился изъ-за границы, Прокоповичъ произнесъ два „слова,“ въ которыхъ доказывалъ законность и государственную пользу путешествій, въ особенности для правителей царствъ. Послѣ морской побѣды князя Голицына надъ шведами Прокоповичъ произнесъ похвальное слово нашему зарождавшемуся флоту и объяснилъ значеніе для Россіи морскихъ силъ. Прокоповичъ возставалъ противъ нашего замкнутого національнаго быта, и въ доказательство того, что самъ Богъ предписываетъ необходимость „взаимнаго друголубія“ человѣковъ, говорилъ, что такъ-какъ сообщеніе земнымъ путемъ до конца земли невозможно, то промыслъ божій разлилъ повсюду воду, чтобы облегчить людямъ сообщеніе. Особенно сильнымъ являлся Прокоповичъ въ своихъ рѣчахъ, защищавшихъ петровскую власть. Въ одной такой рѣчи онъ нападаетъ на духовенство и называетъ его невѣждами, богословствующими отъ писанія, какъ летаетъ саранча, животное съ крыльями не по разиѣру тѣла, которое подыметься летать, да тотчасъ и упадетъ на землю. Прокоповичъ не останавливался на однихъ авторитетныхъ доказательствахъ и прибѣгалъ къ доказательствамъ логическимъ. Въ одной рѣчи онъ, наприимѣръ, говоритъ, что власть исходитъ изъ началъ естественнаго права, и, слѣдовательно, очевидно, что, исходя отъ естества, она исходитъ отъ самого Бога, создателя естества.

Такимъ образомъ, петровская печать, публицистика, пропаганда съ кафедры являются органомъ государственной власти и всегда проникнуты официальнымъ характеромъ. И это было послѣдовательно. Петръ неоспоримо былъ самымъ умнымъ, самымъ передовымъ человѣкомъ тогдашняго русскаго общества, и, кромѣ

авторитета власти, имѣлъ за собою и авторитетъ идеи. Поэтому понятно, что лучшіе умы того времени находились въ полной зависимости отъ видовъ Петра. Даже въ печатномъ словѣ Петръ стоялъ впереди всѣхъ по своимъ прогрессивнымъ воззрѣніямъ.

Чтобы создать общественное мнѣніе и пріучить публику къ чтенію, Петръ вмѣсто прежнихъ „курантовъ“ завелъ газеты. Куранты составлялись при Алексѣѣ Михайловичѣ въ „Посольскомъ Приказѣ“; въ нихъ помѣщались извлеченія изъ донесеній разныхъ заграничныхъ агентовъ и изъ иностранныхъ газетъ переводились наиболѣе любопытныя статьи. Эти куранты доставлялись только царю и нѣкоторымъ изъ его приближенныхъ. Петръ, такъ-сказать, демократизировалъ печать и изъ царскаго дворца вывелъ ее въ публику.

Первый номеръ „Вѣдомостей“ появился въ Москвѣ 2 января 1703 года. Сначала онѣ печатались въ Москвѣ, а съ 1711 года— въ Москвѣ и Петербургѣ. Содержаніе „Вѣдомостей“ было очень просто. Рассказывается въ нихъ, напримѣръ, сколько выдано въ Москвѣ вновь пушекъ, какого онѣ калибра, сколько мѣди на пушечномъ дворѣ; сообщается, что повелѣніемъ его величества московскія школы увеличиваются и 45 чел. слушаютъ философію; что въ математической штурманской школѣ болѣе 300 чел.; что въ Москвѣ съ ноября по декабрь родилось мужского и женскаго пола 386 чел.; что индійскій царь послалъ въ подарокъ государю слона; что на рѣвѣ Сокѣ нашли много мѣдной руды и отъ нея ожидается большая польза государству; что въ Китаѣ очень не взлюбили іезуитовъ за ихъ лукавство и нѣкоторыхъ изъ нихъ даже казнили; что крѣпость Орѣшекъ сильно осаждена московскими войсками, которыя сдѣлали болѣе 4,000 выстрѣловъ изъ пушекъ, по 20 выстрѣловъ вдругъ, и что болѣе 1,500 бомбъ кинуто въ крѣпость, но вреда ей особеннаго не сдѣлано... Въ этомъ-же родѣ бывали и другія свѣденія. Такъ-какъ весь вопросъ заключался въ томъ, чтобы пріохотить публику къ чтенію, то понятно, что нельзя-же ей было давать какія-нибудь политическія или философскія обзрѣнія, а приходилось заинтересовывать наиболѣе любопытными фактами, наприм., о томъ, что „бѣдная женка родила дочь съ четырьмя руками, съ четырьмя ногами, и когда послѣ смерти дѣвочку потрошили, то нашли у ней два сердца, два легкихъ, два пузыря, четыре поч-

ки“. Сообщая подобныя свѣденія, „Вѣдомости“, конечно, хотѣли воспитать въ грамотныхъ людяхъ интересъ къ тому, что дѣлалось внѣ ихъ домашняго муравейника. Публика была еще дитятей и ее хотѣли вести, постепенно расширяя кругъ сообщаемыхъ свѣденій. Съ 1723 г. въ „Вѣдомостяхъ“ начинаютъ помѣщаться свѣденія уже географическія. Такъ о Версали говорится, что это увеселительный домъ французскаго короля, что Гага—городъ въ Голандіи или, лучше сказать, село, самое хорошее, порядочно выстроенное и распривеселое во всей Европѣ, и проч.

Географическія свѣденія о Гагѣ и Версали, о родившемся уродѣ, о числѣ отлитыхъ пушекъ были свѣденіями для такого первоначальнаго возраста, что говорить объ общественномъ мнѣніи, конечно, не приходится. Общественное мнѣніе, какъ мнѣніе общества о собственныхъ дѣлахъ, нѣтъ сомнѣнія, существовало и тогда, и выразилось оно въ стрѣлецкихъ бунтахъ, въ неудовольствіи раскольниковъ, въ партіи Алексѣя Петровича. Но Петръ хотѣлъ не такого мнѣнія. Онъ хотѣлъ мнѣнія, похожаго на европейское, и чтобы это мнѣніе было согласно съ его личными стремленіями, чтобы оно гармонировало съ его преобразовательными планами. Другого мнѣнія онъ не зналъ и не допускалъ, и авторитетомъ этого мнѣнія онъ считалъ себя и тѣ идеи, которыя излагалъ Пуффендорфъ.

Въ сущности, если идеи Пуффендорфа, основанныя на естественномъ правѣ, и не были извѣстны намъ систематически-научно, но онѣ все-таки были извѣстны изъ другихъ источниковъ. Общественное мнѣніе нисколько не сомнѣвалось въ томъ, что нѣтъ власти, которая не исходила-бы отъ Бога. Значитъ Пуффендорфъ не общалъ общественному мнѣнію ничего новаго, а лишь въ иной формѣ и въ иномъ способѣ доказательствъ давалъ то, что знали всѣ. Что-же касается того общественнаго мнѣнія, которое могло судить само о своихъ дѣлахъ и которое-бы печать приучала судить правильно, то не было ни его, ни подобной поучающей печати. Напротивъ, и при Петрѣ, и послѣ него, когда явился редакторомъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ Миллеръ, общественное мнѣніе держалось постоянно на помочахъ и къ нему обращались не иначе, какъ тономъ авторитета и приказанія.

Чтобы популяризовать знанія, Миллеръ началъ при „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ издавать „Примѣчанія“. Въ „При-

мѣчаніяхъ“ давались объясненія того, что читателю могло быть непонятнымъ въ „Вѣдомостяхъ“. Если въ „Вѣдомостяхъ“ встрѣчалось, напр., слово кардиналъ, то въ „Примѣчаніяхъ“ объяснялось, какое это званіе, какъ посвящаютъ въ кардиналы, какой ихъ титулъ и т. д. Являлось-ли извѣстіе о кометѣ, въ примѣчаніи объяснялось, что это звѣзда и что хвостъ ея вовсе не метла, какъ разсуждаетъ простой народъ, и что она не посылается Богомъ въ наказаніе земли.

Относительно-же воспитанія общественнаго мнѣнія въ пониманіи внутреннихъ дѣлъ Миллеръ ограничивалъ свѣденія о нихъ только извѣстіями о разныхъ торжествахъ, смотрахъ и чинопроизводствахъ, да иногда замѣтками о погодѣ. Извѣстія его объ иностранныхъ дѣлахъ были нѣсколько подробнѣе, такъ что печатались даже рѣчи англійскаго короля къ своему парламенту. Но никакого обсужденія подобныхъ дѣлъ Миллеръ не дозволялъ ни себѣ, ни другимъ; напротивъ, онъ прямо высказывался, что къ нимъ нужно относиться какъ къ фактамъ, неподлежащимъ обсужденію. По поводу одной брошюры, напечатанной во Франціи, въ которой конференція въ Суассонѣ была сравнена непочтительно съ карточной игрой или съ кадрилию, въ которой участвуютъ 20 или больше лицъ, Миллеръ помѣстилъ копию съ „письма изъ Амстердама“, въ которой онъ, конечно, былъ вполне согласенъ съ мнѣніемъ корреспондента, потому что иначе-бы ее и не напечаталъ. Корреспондентъ, называя статью безобразнымъ уморасужденіемъ, боится, чтобы она не была принята и въ Петербургѣ, какъ въ Парижѣ; наконецъ, говоритъ, что о военныхъ и мирныхъ дѣлахъ могутъ разсуждать только тѣ, которые имѣютъ сношеніе съ министрами, и что такія дѣла ужъ меньше всего подлежатъ сатирѣ или насмѣшкѣ и что напрасно французскій народъ хвалится тѣмъ, что вышелъ изъ порядка и повиновенія.

Совершенно такого-же мнѣнія былъ и нашъ великій Ломоносовъ, который, при всей своей научной геніальности, не выносилъ свободнаго слова и желалъ, чтобы общество думало не такъ, какъ ему думается самому, а какъ думаютъ только нѣкоторые непогрѣшимые или имѣющіе право думать люди.

Когда въ одномъ лейпцигскомъ журналѣ явилась очень злая рецензія одной ученой работы Ломоносова, онъ отвѣтилъ на нее цѣлой диссертацией, въ которой, между прочимъ, говорилъ и объ

обязанностяхъ журналиста. Ломоносовъ признаеть, что когда наступила свобода сужденія, то науки сдѣлали быстрые успѣхи, но въ то-же время злоупотребленіе этой свободой было причиною многихъ весьма опутительныхъ золъ. Большинство пишущихъ, говоритъ Ломоносовъ,—смотритъ на свое авторство, какъ на ремесло, какъ на средство къ пропитанію, вмѣсто того, чтобы стремиться къ основательному изслѣдованію истины. Журналы, по его мнѣнію, также могли-бы помогать приращенію человѣческихъ знаній, если-бы издатели были въ состояніи точно выполнить задачу, которую на себя приняли и оставались-бы въ ея предѣлахъ. Но такъ-какъ въ журналисты идутъ люди, не всегда имѣющіе дарованіе и расположеніе къ своему дѣлу, а люди, которыхъ къ тому побуждаетъ голодъ, то они обыкновенно судятъ и рядятъ о томъ, чего не понимаютъ. На бѣду еще число журналовъ на-столько увеличилось, что если-бы кто-нибудь хотѣлъ читать ихъ всѣ, то ему не осталось-бы времени на чтеніе книгъ. Изъ того, что расплодилось много журналовъ, позволяющихъ себѣ критическія отношенія, Ломоносовъ выводитъ, что журналистика совершенно погубитъ свободу разсужденія. Вообще Ломоносовъ ставитъ журналиста въ самыя узкія рамки, не позволяетъ ему сомнѣній и произвольныхъ вопросовъ, потому что нѣтъ на свѣтѣ такого невѣжды, который-бы не могъ предложить гораздо болѣе вопросовъ, чѣмъ сколько самый свѣдущій человѣкъ въ состояніи разрѣшить. Журналистъ, по мнѣнію Ломоносова, не долженъ имѣть о себѣ слишкомъ высокаго мнѣнія, вѣрять въ свой авторитетъ и въ достоинство своихъ сужденій, потому что его дѣло само по себѣ уже непріятно для самолюбія тѣхъ, кого онъ затрогиваетъ, и, конечно, съ его стороны было-бы неблагоразумно оскорблять ихъ и вынуждать къ обнаруживанію его безсилія.

То, что Ломоносовъ высказывалъ по отношенію журналистики къ ученымъ обществамъ, Миллеръ внушалъ своимъ читателямъ по отношенію ея къ политическимъ и общественнымъ вопросамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Миллеръ становился на ту авторитетную высоту, на которой журналистъ являлся такой-же непогрѣшимой силой для читающей публики, какой непогрѣшимостью являлся ученый для журналиста. Миллеръ считалъ себя единственнымъ судьей того, что нужно давать публикѣ, и когда явились его „Еже-мѣсячныя сочиненія“, то онъ допускалъ въ нихъ только то, что

не могло задѣвать никакихъ лицъ и что имѣло исключительно практическое значеніе. Практическими-же онъ считалъ разные экономическіе рецепты и свѣденія, исключительно полезныя въ частномъ житейскомъ обиходѣ.

Съ 1756 г. стали выходить при московскомъ университетѣ „Московскія Вѣдомости“, и въ нихъ, какъ и въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, сообщались одни голые факты изъ иностранной политики и новости собственно московскія, напр., описанія университетскихъ празднествъ, объявленіе отъ университета и пр.

Такимъ образомъ, первая журналистика, явившаяся у насъ, далеко не была воспитательницею общественнаго мнѣнія, какъ это понималось въ тогдашней Европѣ; напротивъ, она служила приготовительнымъ классомъ элементарныхъ, безсвязныхъ знаній и требовала, чтобы общественное мнѣніе думало по ея газетнымъ рецептамъ. Но развѣ можно было думать по нимъ? Сообщались голые факты, да и то техническіе; о внутреннихъ вопросахъ не было никакой рѣчи, а всякое обсужденіе признавалось оскорбительнымъ посягательствомъ на чей-нибудь авторитетъ. Такая журналистика не только не могла создать общественнаго мнѣнія, но, заѣдая прежде, какое-бы оно тамъ ни было, взаимнѣе его клала полное запрещеніе на право дѣлать выводы изъ новыхъ фактовъ. Журналистика требовала безусловной вѣры въ то, что совершается въ мірѣ, но судить объ этомъ не позволяла.

Въ послѣдующее затѣмъ время журналистика только измѣнила точку опоры, цвѣтъ и темы. До сихъ поръ она была практической, такъ-сказать объективной, журналистикой внѣшнихъ явленій. Души и внутренняго моральнаго содержанія явленій она не знала и не хотѣла знать. Теперь изъ міра внѣшнихъ фактовъ журналистика опустилась въ глубь души и взяла на себя роль проповѣдницы нравовъ, роль поучающаго моралиста.

Уже Миллеръ прибѣгалъ къ сатирѣ и къ аллегоріи, чтобы возбуждать нравственные идеи; но все это онъ дѣлалъ такъ безобидно и деликатно, что его обличенія не имѣли ни опредѣленнаго внутренняго содержанія, ни направленія, а являлись лишь очень слабымъ зародышемъ сатиры. Нападая, наиримѣръ, на гордость, Миллеръ говоритъ, что она родилась отъ упрямства и презорства; ненависть и зависть были — дѣдъ и бабка съ отцовской, а безуміе и самолюбіе — съ материнской стороны. При Екатеринѣ II

появляется уже цѣлый рядъ сатирическихъ журналовъ, нападающихъ большею частію на взяточничество. Но во всѣхъ своихъ нападкахъ на современные пороки и, между прочимъ, на жестокосердіе и безчеловѣчное отношеніе помѣщиковъ къ крестьянамъ, сатира екатерининскаго времени почти не выходила изъ тѣхъ рамокъ, которыя были установлены для критической мысли „Петербургскими“ и „Московскими Вѣдомостями“. Какіхъ-нибудь смѣлыхъ новыхъ прогресивныхъ мыслей даже и новиковская сатира не высказывала. Она стояла на филантропической точкѣ зрѣнія и хлопотала не объ уничтоженіи, а только о смягченіи крѣпостного ига. Тѣмъ не менѣе даже и скромныя нападки сатиры сильно возмущали защитниковъ дворянскихъ правъ.

Но сатира, осмѣивавшая пороки, не давала мысли положительнаго содержанія и философской подкладки. За это дѣло взялась комедія и драматическая литература, во главѣ которой, по вліянію на общественную мысль, слѣдуетъ поставить фон-Визина. По общественной теоріи фон-Визина, слава премудрости заключается въ томъ, чтобы править людьми, потому что управлять истуканами вовсе не мудрено. А чтобы люди не были истуканами, нужно возвысить ихъ души. Главнымъ средствомъ для этого фон-Визинъ считалъ распространеніе въ обществѣ, по инициативѣ верховной власти, правильныхъ понятій о политическихъ правахъ и обязанностяхъ, отмѣну нѣкоторыхъ стѣснительныхъ формъ и условій государственной жизни и, наконецъ, право писателей возвысить громкій голосъ противъ злоупотребленій и предрасудковъ, вредящихъ отечеству. Фон-Визинъ не считаетъ возможнымъ, чтобы на землѣ существовали такіе законы, которые сдѣлали-бы частнаго человѣка счастливымъ. Необходимо, чтобы одна часть подданныхъ непремѣнно чѣмъ-нибудь жертвовала, и поэтому равенство состояній фон-Визинъ считаетъ вымысломъ ложныхъ философовъ. Относительно воспитанія юношества фон-Визинъ желалъ-бы, чтобы при всѣхъ наукахъ не забывалась главная цѣль всѣхъ занятій человѣческихъ—благонравіа. Наука въ развращенномъ человѣкѣ есть, по его словамъ, лютое оружіе зла. Просвѣщеніе возвышаетъ только добродѣтельную душу. Воспитаніе должно быть залогомъ государственнаго благосостоянія, и при воспитаніи сына знатнаго человѣка наставникъ долженъ развернуть передъ нимъ исторію и указать въ ней два мѣста, а именно одно, какъ великіе люди способство-

вали блугу своего отечества; другое, какъ недостойный вельможа, употребившій во зло свою силу, низвергается въ бездну презрѣнія и поношенія. Развитію ума познаніями фон-Визинъ не придаетъ большого значенія. Умъ онъ считаетъ модой на знанія и доказываетъ, что съ очень бойкимъ умомъ можно быть худымъ мужемъ, худымъ отцомъ и худымъ гражданиномъ.

Въ воззрѣніяхъ на супружество фон-Визинъ является гораздо отважнѣе, чѣмъ въ своихъ педагогическихъ и политическихъ взглядахъ. Онъ говоритъ, что женщина должна находить сама въ себѣ твердое основаніе своего счастья; что сознаніе своего собственнаго достоинства не должно покидать ее и въ супружествѣ; въ мужѣ она должна искать искреннаго и снисходительнаго друга, а не грубаго, развращеннаго тирана. Мужъ долженъ быть достоинъ ея сердца и долженъ свободно овладѣть ея волей и ея помыслами. Нужно, чтобы мужъ повиновался разсудку, а жена — мужу, и тогда они оба будутъ совершенно счастливы. Счастіе супружеской жизни зависитъ, по мнѣнію фон-Визина, не отъ знатности и богатства, а отъ сердечной склонности жениха и невѣсты.

Фон-Визинъ въ своихъ сочиненіяхъ, имѣвшихъ общественно-воспитательную цѣль, является проповѣдникомъ той частной, житейской морали, которая дѣйствовала преимущественно на семейныя чувства; онъ хотѣлъ создать добродѣтельныхъ и скромныхъ, повинующихся людей, а не умныхъ и съ критическимъ направленіемъ. У фон-Визина было основаніе бояться такихъ людей, потому что его напугало французское свободомысліе и то, что оно внесло къ намъ. Но чтобы сказать, точно-ли это свободомысліе было такъ заразительно и опасно, нужно опредѣлить, гдѣ именно и въ какомъ слѣдствіи оно дѣйствовало.

Въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ было два общества. Одно — высшее, развивавшееся и воспитывавшееся на французской литературѣ и на французскихъ философахъ, а другое — вырославшее на философахъ русскихъ. Безбожіе, которымъ такъ напугали фон-Визина петербургскіе аристократическіе хлыщи, вовсе не представляло такой опасности для Россіи, какъ это казалось фон-Визину. Въ этомъ фон-Визинъ могъ-бы легко и самъ убѣдиться изъ того, какъ дѣйствовали на него петербургскіе и московскіе кружки. Кошунство было въ модѣ только въ Петербургѣ, а Москва его не знала, и стоило только фон-Визину пріѣхать въ Москву,

чтобы сдѣлаться немедленно вѣрующимъ. Подъ вліяніемъ московскихъ теченій фон-Визинъ перевелъ „Доказательства бытія Божія и истинной христіанской вѣры“. Очевидно, что фон-Визинъ слишкомъ обобщалъ то, чего, въ сущности, обобщать было нельзя. Слѣдовательно, всѣ опасенія фон-Визина являются только кружковымъ преувеличеніемъ, и „золотая молодежь“, вольнодумствовавшая для моды, въ сущности была не больше, какъ салонной представительницей суеты, и ужъ ни въ какомъ случаѣ не представляла собою всего общества.

Собственно то, что представляло собой общество, являлось въ видѣ двухъ крайнихъ полюсовъ, также какъ и при Петрѣ Великомъ. Какъ Петръ съ своими приближенными изображалъ передовое европейское общественное мнѣніе, такъ то-же передовое общественное мнѣніе изображала Екатерина съ своимъ дворомъ.

Еще въ дѣтствѣ, когда Екатерина жила съ своей матерью въ Гамбургѣ, графъ Гилленбургъ замѣчалъ въ ней „философское расположеніе ума“. Потому ея умственная пытливость развилась въ ней окончательно подъ вліяніемъ чтенія Бейля, Монтескье, Вольтера и энциклопедистовъ. Такое-же образованіе имѣли и нѣкоторые изъ ея приближенныхъ. Были и еще кое-гдѣ единичныя личности съ новымъ европейскимъ воззрѣніемъ на вещи; но это были единицы, и среди того общества, которое давало всему практической тонъ, они представляли лишь очень слабую теоретическую силу. Екатерина, напримѣръ, въ письмѣ къ князю Вяземскому, по поводу одного сенатскаго указа, пишетъ, что положеніе помѣщичьихъ крестьянъ таково, что только одними человеколюбивыми учрежденіями можно облегчить ихъ положеніе, что если не уменьшить жестокостей, „то и противъ нашей воли сами свободу возьмутъ рано или поздно“. И Екатерина, разсуждавшая такимъ образомъ, поступаетъ въ то-же время совершенно иначе. Ей обыкновенно ставятъ въ вину двойственность. Но Екатерина находилась межъ двухъ огней и не встрѣчала поддержки въ русскомъ обществѣ. Вся обстановка, въ которой она жила, была той рабочей и лицемѣрной обстановкой, которая, можетъ быть, не оказала-бы вліянія на такую желѣзную натуру, какъ Петръ, но которой Екатерина, какъ женщина, не могла не подчиниться. Въ одномъ письмѣ къ г-жѣ Жофренъ Екатерина жалуется, что ей даже не съ кѣмъ поговорить по душѣ, такъ-какъ придворные,

при ея появленіи, столбенѣютъ, какъ при видѣ медузиной головы. Одинъ только Бецкій умѣлъ вести съ нею искреннюю и умную бесѣду о серьезныхъ вопросахъ, не унижаясь до нуля. Что-же удивительнаго, что Екатерина, возмущавшаяся подобнымъ раболѣпіемъ, наконецъ, примирилась съ нимъ? Если-бы всѣ тѣ, кто составлялъ тогда практически вліявшее общество, окружали-бы Екатерину, едва-ли можно допустить, чтобы раболѣпіе ихъ оказалось меньше; это общество, подобно Митрофанушкѣ и Простаковой, росло или не читая ничего, или-же читая такихъ публицистовъ, какъ Миллеръ и ему подобные. Что давала и что могла давать тогдашняя журналистика, гдѣ были ученые, гдѣ были публицисты и были-ли даже руководящіе поэты? Возьмите Сумарокова, Державина, возьмите общественное вліяніе Ломоносова, этихъ первыхъ свѣтилъ и столповъ общественнаго мнѣнія: что они давали и что могли дать? Сантиментальныя описанія „Живописца“ народной бѣдности и того жалкаго положенія, въ которомъ находился крестьянинъ, развѣ не были одними декламационными воплями? Да и послѣ cadaго вопля печать немедленно оговаривалась, что она вовсе не хочетъ оскорблять цѣлый „дворянскій корпусъ“, а говорить только о дурной жизни крестьянъ у нѣкоторыхъ помѣщиковъ. Сатирическая печать не шла дальше требованія гуманности, т. е. не шла дальше простого пустословія, и кромѣ него и не могла дать ничего другого. Это былъ заколдованный кругъ, въ которомъ нельзя было разобрать, оттого-ли глупо общество, что глупа печать, или оттого глупа печать, что глупо общество. Какъ на свѣтлую точку, указываютъ обыкновенно на Радищева, но смѣшно-же видѣть въ Радищевѣ представителя русской интеллигентной силы и ея сознательныхъ требованій, когда Радищевъ былъ одинъ. Говорятъ, что Радищева сослала Екатерина. Нѣтъ, его сослало то общественное мнѣніе, которое принудило въ тому Екатерину, какъ потомъ подобное-же общественное мнѣніе принудило Александра удалить отъ себя Сперанскаго. О сосланномъ Радищевѣ, говоритъ г. Пятковскій, пожалѣли только его друзья, а отношеніе къ нему общественнаго мнѣнія выразилъ вполне Державинъ въ слѣдующемъ куплетѣ:

Тѣзда твоя въ Москву со истиною сходна,
 Не кстатѣ лишь дерзка, смѣла и сумасбродна.
 Я слышу, на коней ямщикъ кричитъ: вирь, вирь!
 Знатъ, русскій Мирабо, поѣхалъ ты въ Сибирь.

И что могли сдѣлать передовые мыслители, въ родѣ Радищева, когда главные представители печати, какъ Сумароковъ, защищали крѣпостное право, а сатира и комедія не шли дальше гуманной проповѣди? И тутъ былъ опять заколдованный кругъ. Освободить крестьянъ юридически было невозможно, слѣдовательно, нельзя было создать иного порядка отношеній и единственнымъ выходомъ оказывались проповѣди о великодушїи, которыя тоже не вели ни къ чему. Вопросъ освобожденія не былъ вовсе вопросомъ гуманности или великодушїи; онъ былъ вопросомъ чисто-экономическимъ. А развѣ тогда существовали у насъ какіе-либо экономическія убѣжденія и экономическіе взгляды? Конечно, крестьянъ было жалко, но если-бы общественному мнѣнію и той самой великодушной печати, которая проповѣдывала гуманность, предложили на выборъ—освободить крестьянъ и самимъ остаться безъ куска хлѣба, развѣ у кого-нибудь достало-бы столько христіанскаго самоотверженія? И оставалось только проповѣдывать гуманность, и никто, даже сама печать, не догадывались, что гуманныя проповѣди ни къ чему не ведутъ.

Фальшь подобнаго сантиментализма дошла, наконецъ, до геркулесовыхъ столбовъ въ періодѣ александровской литературы. Царствованіе Александра I, по общему своему тону, было повтореніемъ царствованія Екатерины II. Александръ, обруженный немногими людьми подобнаго-же передового направленія, скоро долженъ былъ уступить другимъ силамъ и вліяніямъ, которыя становились передъ нимъ заборомъ. Даже личное поведеніе императора Александра, его простота въ обращеніи, его отвращеніе отъ всякаго этикета и виѣшняго блеска, подвергались толкамъ. Говорили, что русскій дворъ утратилъ свое величіе, что лишь одна вдовствующая императрица умѣетъ поддерживать дворцовыя преданія; находили даже предосудительнымъ, что государь ничѣмъ не отличается отъ своихъ подданныхъ въ одеждѣ и образѣ жизни. и были очень огорчены, когда въ одно изъ своихъ манифестовъ онъ изъяснилъ благодарность своимъ подданнымъ за услуги, оказанныя родинѣ, назвавъ ихъ сынами отечества и повторивъ нѣсколько разъ слово: „отечество“.

У этого общественнаго мнѣнія была болѣе дѣятельная и сильная печать, и ея голосъ и ея проповѣди были, конечно, сильнѣе голоса и проповѣди такихъ единицъ, какъ Радищевъ или

Пнинъ. Да и что за идеи, которыя проповѣдывалъ хотя-бы тотъ-же Пнинъ о просвѣщеніи, надѣлавшемъ столько шуму? Призваяя, говорить г. Пятковскій, тѣснѣйшую связь просвѣщенія народа съ его политическимъ состояніемъ, Пнинъ полагаетъ, что успѣхи образованности нельзя измѣрять числомъ ученыхъ и литераторовъ; по его понятію, истинное просвѣщеніе состоитъ въ равновѣсіи общественныхъ силъ, въ непреложномъ исполненіи долга, лежащаго на каждомъ членѣ государственнаго организма. Но какъ ни различны законы, управляющіе государствомъ, они должны стремиться къ одной цѣли—охраненію правъ собственности и личной безопасности гражданъ. Гдѣ нѣтъ собственности, тамъ всѣ законы существуютъ только на бумагѣ. „Собственность, говоритъ Пнинъ, — священное право, душа общезитія, источникъ законовъ. Гдѣ ты уважаена, гдѣ ты неприкосновенна, тамъ только спокоенъ и благополученъ гражданинъ. Но ты бѣжишь отъ звука цѣпей, ты чуждаешься невольниковъ. Права твои не могутъ существовать ни въ рабствѣ, ни въ безначаліи: ты обитаешь только въ царствѣ законовъ. Право собственности даетъ твердую опору законамъ; законы-же произошли отъ гражданскихъ обществъ, а общества явились вслѣдствіе неравенства силъ человѣческихъ. Этими неравенствомъ опредѣляется различіе сословій и различіе потребностей каждаго изъ сословій“. Допуская законность и неизбѣжность такого раздѣленія общества, Пнинъ предлагаетъ свой планъ образованія для четырехъ сословій: земледѣльческаго, мѣщанскаго, дворянскаго и духовнаго. Въ этомъ планѣ исчислены подробно всѣ науки, которыя могутъ быть достояніемъ извѣстнаго класса общества: земледѣльцевъ надлежитъ обучать только чтенію, письму, первымъ дѣйствіямъ арифметики, сельской механикѣ, скотоводству, обработкѣ полей и проч. Мѣщане могутъ уже взять въ толкъ грамматику, географію, введеніе во всеобщую исторію и главныя эпохи русской исторіи, геометрію и даже тригонометрію, естественную исторію, технологію, физику и практическія знанія, полезныя для промышленности. Въ купеческомъ сословіи къ этимъ предметамъ присоединяются нѣкоторыя другіе, какъ, наприимѣръ, англійскій языкъ, алгебра, простая и двойная бухгалтерія, исторія комерціи, товаровѣденіе и проч. Но вся роскошь познаній приберегается для дворянскаго класса, которому, сверхъ многихъ

названныхъ предметовъ, дозвоительно изощрять свои умственные способности изученіемъ юридическихъ наукъ.

Что-жь это за руководящая печать? а между тѣмъ Пнинъ былъ другомъ Радищева. И какія противорѣчія! То говорится, что ответственность—священное право, душа общежитія, бѣгущая отъ звука цѣпей; то устанавливается, какъ непреложный законъ, дѣленіе на сословія и мужику позволяется знать только то, что нужно ему для деревни, а барину дозволяется изощрять свои способности на юридическихъ наукахъ! Въ томъ-то и вся бѣда, что только одніе юридическія науки и были извѣстны нашимъ представителямъ печати. Оттого все, что она говорила, держалось на однихъ разсужденіяхъ да на декламационныхъ крикахъ о свободѣ, какъ юридическомъ понятіи. Но развѣ свобода—понятіе юридическое? Оно вытекаетъ вовсе не изъ гуманныхъ представленій и не изъ чувства жалости. Оттого, что наша печать не имѣла никакихъ знаній соціально-экономическихъ, ей поневолѣ приходилось уходить въ риторство да довольствоваться сантиментализмомъ и дѣйствовать на чувства, а не на убѣжденія. Могла-ли такая печать быть руководящей? Чувства, какъ облака на небѣ, идутъ въ ту сторону, куда дуетъ вѣтеръ; только тѣ чувства прочны, которыя связаны съ мыслью знаніемъ и образуютъ убѣжденіе. Карамзинъ очень красиво расписывалъ всякія нѣжныя чувства и даже цѣловался съ швейцарскими пастухами. А чего онъ хотѣлъ для Россіи? Расплодивъ мечтательный сантиментализмъ, онъ въ то-же время высказывалъ такія мысли и такіе принципы, что сантиментализму только и оставалось быть салоннымъ украшеніемъ и праздничнымъ разговоромъ. Карамзинъ скорѣе портилъ, чѣмъ исправлялъ нравы, потому что положилъ начало эротической литературѣ, безъ которой мы удобно могли-бы обойтись. Въ блестящую пору журналистики александровскаго періода, подъ вліяніемъ карамзинскихъ изданій, явился „Московскій Меркурій“, посвятившій себя „служенію женщинамъ“. Это служеніе женщинамъ „Меркурій“ понимаетъ такъ. Онъ говоритъ, что если-бы знанія сдѣлались для женщины необходимою потребностью, „сколько предметовъ открылось-бы для ихъ честолюбія! сколько пищи для желанія блистать! Мы знаемъ женщинъ — умѣренность не ихъ порокъ; чего онѣ захотятъ, къ тому стремятся всѣми силами. Овладевъ однажды полемъ литературы, онѣ пошли-бы самыми скорыми шагами, по-

влекли-бы всёхъ за собою и въ короткое время сдѣлались-бы нашими учительницами. Перенеся тронъ философіи въ свои будуары, создавъ себѣ новое удовольствіе, употребляя науку на пользу забавъ, а забавы на пользу наукъ, онѣ приобрѣли-бы для себя очень много, а соотечественникамъ оказали-бы истинное благодѣяніе. Тогда-то доподлинно воздвигли-бы имъ алтари, тогда-то слово „обожать“ получило-бы естественный свой смыслъ, и, можетъ быть, къ счастію человѣчества, возвратились-бы на землю тѣ золотые вѣка, когда одинъ взглядъ, одинъ поцѣлуй руки награждалъ десятилѣтніе подвиги героевъ... Кто не желаетъ женщинамъ просвѣщенія, тотъ врагъ ихъ, эгоистъ — любовникъ-ли онъ или мужъ, — тотъ хочетъ удержать себѣ право сказать нѣкогда женѣ своей (въ которой онъ искалъ ключницу или няньку): я тебя умнѣе! Имперія красоты не имѣетъ предѣловъ; но красота скоро вянетъ, молодость отцвѣтаетъ, и когда холодная рука времени обезобразитъ ангельскія милныя черты, что будетъ съ женщиной, привыкшей видѣть все у ногъ своихъ, если она заблаговременно не поселитъ пріятностей въ каждой морщинѣ лица своего, если не заготовитъ себѣ утѣшеній на старость? И почему-бы ей не быть столько-же ученою, сколько и мужчиной?.. Что подумать о людяхъ, которые дѣйствительно увѣрены, что женщина не иначе приобретаетъ знанія, какъ теряя всё пріятности пола своего, которые желаютъ, чтобы цѣлая и лучшая половина рода человѣческаго ничему не училась?*

Въ „Журналѣ для милыхъ“ служеніе женщинамъ доведено до того, что печатались, напримѣръ, такіа стихотворенія:

Однажды я Лизету,
Зефирами раздѣту,
Забвенну сномъ, зрѣлъ здѣсь.
На ту красу взирая,
Я таялъ, обмирая.
И... если-бы не честь...

А въ сельской повѣсти „Аннушка“ рассказывается объ амурномъ походе дочери „довольно богатаго дворянина и тринадцати-лѣтней, но уже полногрудой милушкѣ“, начитавшейся Фоблаза и другихъ книгъ, бывшихъ въ бібліотекѣ ея отца. Дѣвушка прельстилась шестнадцати-лѣтнимъ юношей Англантиномъ, „зараженнымъ моднымъ воздухомъ и испытаннымъ важнѣйшее въ свѣтѣ блаженство“. Адонисъ и несравненная Венера, рассказывается въ

повѣсти, скинули съ себя одежду, закрывающую предести отъ глазъ смертныхъ. Они купались въ струистой рѣчкѣ, ныряли, плескались; можетъ быть, что и еще происходило, „но романисты закрываютъ такія приключенія на пять минутъ тонкою дымею и молчатъ...“ И затѣмъ Аннушка говоритъ: „милый Англантинъ, какъ несправедливы люди, что находятъ различіе между двумя полами; оба они созданы на то, чтобы совершенствовать взаимно себя“. — „Такъ, это правда!“ отвѣтствовалъ онъ, далъ ей пламенный поцѣлуй и скрылся. Аннушка поклялась имѣть подобныя свиданія, благословляла свою любезную книжку и не могла ее оцѣнить... „Сѣверный Вѣстникъ“ нашелъ „Аннушку“ и другія повѣсти неблагопрістойными. „Журналъ для милыхъ“, конечно, ему возражалъ и даже доказывалъ, что всякій, кто прочитаетъ „Аннушку“, постарается избѣгать пороковъ ея. Что-же это за печать, которая, вмѣсто того, чтобы распространять въ обществѣ полезныя знанія, печатаетъ вздоръ и сообщаетъ, съ одной стороны, очень микроскопическія мысли, а съ другой — старается возбуждать еще болѣе микроскопическія чувства? Мы беремъ этотъ вопросъ не съ точки зрѣнія морали, а со стороны пользы и вреда для общества той низменной журналистики, которая даже сама не знала, чѣмъ тянуть общество вверхъ, какъ дѣйствовать на воспитаніе въ немъ лучшихъ чувствъ и идей. И если-бы „Журналъ для милыхъ“ былъ только одинъ! „Московскій Зритель“ князя Шаликова держался той-же программы и, возбуждая чувствительность, плодилъ мелкій патріотизмъ. Патріотизмъ Шаликова выражался, напримѣръ, въ описаніи торжественнаго обѣда въ московскомъ влудѣ, или для доказательства славянскаго добродушія рассказывалось о дракѣ двухъ простолюдиновъ-атлетовъ, которые, поколотивъ другъ друга, поцѣловались.

У шаликовскаго патріотизма нашлось, конечно, продолженіе. Шишковъ и Глинка довели его почти до фанатическаго преслѣдованія всего иностраннаго и особенно французскаго. Въ сущности и Глинка, и Шишковъ, и всѣ сторонники ихъ, а ихъ было не мало, стояли на той-же почвѣ чувствъ очень нѣжныхъ и неопредѣленныхъ; что-же касается понятій и идеаловъ, то ничего новаго въ этомъ отношеніи они не давали.

Н. Языковъ.

(Окончаніе будетъ.)

СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКІЕ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

ПОСЛѢ СТОЛѢТНЯГО СУЩЕСТВОВАНІЯ.

III.

Индѣйскій вопросъ, разрѣшеніе котораго, по словамъ Диксона, предстоить безотлагательно второму столѣтію американской республики, давно уже потерялъ свое нѣкогда громадное, роковое значеніе, и странно, смѣшно даже говорить въ настоящее время о борьбѣ горсти несчастныхъ дикарей съ могущественнымъ, образованнымъ народомъ. Присутствіе послѣднихъ остатковъ индѣйскихъ племенъ на территоріи Соединенныхъ Штатовъ не возбуждаетъ никакого вопроса: ни политическаго, ни социальнаго, ни экономическаго, по той простой причинѣ, что американцы почти совершенно истребили краснокожихъ туземцевъ своей страны и окончательное ихъ исчезновеніе при настоящей политикѣ вашингтонскаго правительства—только вопросъ времени. Еще сорокъ пять лѣтъ тому назадъ Токвиль, посѣтивъ сѣверную Америку, набросалъ въ своемъ дневникѣ вѣрную характеристику положенія краснокожей расы въ ея безпомощной борьбѣ за существованіе.

„Индѣйскія племена отъ столкновенія съ европейской цивилизаціей таятъ какъ снѣгъ подъ лучами солнца, писалъ онъ изъ Утики 6 іюня 1831 года.—Всѣ ихъ усилія бороться съ судьбою только ускоряютъ роковой результатъ. Каждая десятъ лѣтъ эти племена, отбрасываемыя все далѣе и далѣе въ западныя пустыни, грустно сознаютъ, что они ничего не выиграли подобнымъ отступленіемъ и бѣлая раса быстрѣе наступаетъ, чѣмъ они ре-

тируются. Возбуждаемая горькимъ чувствомъ своего безсилія или какииъ-нибудь новымъ оскорбленіемъ завоевателей своей отчизны, они съ пламенной яростью бросаются на мѣстности, нѣкогда ими обитаемыя и теперь усѣяныя европейскими поселеніями. Индѣйцы проходятъ съ огнемъ и мечемъ по всей пограничной странѣ, жгутъ дома, угоняютъ скотъ, сдираютъ кожу съ бѣлыхъ. Европейская цивилизація тогда, въ свою очередь, отступаетъ, но, подобно морскому валу, только для того, чтобъ снова набѣжать съ большей силой. Соединенные Штаты заступаются за cadaго изъ своихъ гражданъ и объявляютъ, что дикія племена нарушили международное право. Цѣлая армія выступаетъ въ походъ противъ дикарей и не только бѣлыя возвращаютъ себѣ территорію, съ которой они на время отступили, но гонятъ передъ собою краснокожихъ, уничтожаютъ ихъ бѣдные шалаши, отбиваютъ стада и распространяютъ свои владѣнія на сто миль далѣе прежней границы. Лишенные, такимъ образомъ, своей новой родины, благодаря тому, что образованной, ученой Европѣ угодно называть правомъ войны, индѣйцы идутъ далѣе на западъ и поселяются въ какой-нибудь новой пустынѣ, гдѣ вскорѣ снова раздается стукъ топора бѣлаго, а въ опустошенной ими странѣ быстро вырастаютъ веселыя селенія, превращающіяся мало-по-малу въ многолюдные города. Смѣлые піонеры, предшествуя европейской расѣ, занимаютъ оставленные дикарями лѣса, строятъ себѣ на первый случай грубыя хижины и ждуть, чтобы новый набѣгъ индѣйцевъ открылъ имъ путь въ новыя пустыни“ *).

Прошли десятки лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти строки, а положеніе индѣйцевъ въ общихъ чертахъ почти не измѣнилось, только съ каждымъ годомъ число ихъ уменьшается, а владѣнія ихъ, нѣкогда обнимавшія весь континентъ Новаго Свѣта, суживаются съ неимовѣрной быстротой. Въ первое путешествіе Диксона въ Америку, въ 1866 году, министръ Сьюардъ, говоря ему объ индѣйскихъ дѣлахъ, замѣтилъ спокойно: „Мы все идемъ впередъ; девяносто лѣтъ тому назадъ мой дѣдъ въ шестидесяти миляхъ отъ Нью-Йорка имѣлъ такія-же непріятности, отъ которыхъ вы страдали въ шестистахъ миляхъ отъ Сен-Луи“. А въ прошломъ году Диксонъ уже нашелъ въ Индѣйской Террито-

*) Oeuvres completes d'Alexis de Tocqueville, v. VIII.

ріи, между Канзасомъ, Арканзасомъ, Миссури и Техасомъ желѣзную дорогу, проведенную къ Мексиканскому заливу, и на границѣ этихъ послѣднихъ остатковъ краснокожихъ владѣній новый городъ Денисонъ съ 4,000 жителей, 4 церквями и безчисленными питейными и игорными домами. Такимъ образомъ, очевидно, что если отъ времени до времени и происходятъ кровавыя стычки между отживающей расой и бѣлыми завоевателями, то онѣ слишкомъ незначительны, чтобы могли представлять какую-нибудь опасность для могущественной американской націи. Дѣйствительно, самъ Денисонъ, ратующій за соменуіе рядовъ бѣлой расы противъ враждебныхъ ей краснокожихъ, представляетъ слѣдующую картину такъ-называемой имъ „борьбы за обладаніе страной между бѣлыми и красными людьми“:

„Кровь постоянно льется на пограничной линіи между бѣлымъ штатомъ Канзасомъ и красной территоріей чіеновъ и осоговъ. У индѣйцевъ крадутъ много лошадей и въ кражѣ ихъ обвиняютъ поселенцевъ; у поселенцевъ угоняютъ много рогатаго скота и индѣйцевъ обвиняютъ въ его угонѣ. То и другое обвиненіе часто справедливо. Поселенецъ такъ-же легко беретъ чужую лошадь или мула, какъ ловитъ въ западню антилопу или лось, а индѣецъ не видитъ никакой разницы между домашнимъ быкомъ сосѣда и дикимъ буйволомъ въ лѣсу. Бѣлые охотятся на индѣйской землѣ, а индѣйцы убиваютъ у бѣлыхъ ихъ скотъ. Въ маѣ 1874 года одинъ изъ чіенскихъ предводителей сдѣлалъ набѣгъ на Канзасъ и угналъ стадо коровъ изъ мести за то, что бѣлые похитили у него табунъ лошадей. Кавалерійскій отрядъ былъ посланъ въ погоню за дикарями; они были настигнуты; предводитель умерщвленъ и скотъ отбитъ. Не имѣя возможности бороться съ бѣлыми въ открытомъ полѣ, чіены прибѣгаютъ къ тайнымъ убійствамъ. нападаютъ на путешественниковъ, грабятъ уединенныя жилища, убиваютъ ихъ обитателей и уводятъ въ плѣнъ женъ и дѣтей. Среди воплей и стоновъ, возбуждаемыхъ этой „красной борьбой“, въ послѣднее время особенно сильное впечатлѣніе произвели на всемъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ два событія: нападеніе у Дымной горы и рѣзня въ барберскомъ округѣ. Одинъ поселенецъ, по фамиліи Джерменъ, отправился съ семействомъ въ Колорадо искать счастья. По дорогѣ, у подножія Дымной горы, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ шериданской станціи желѣзной до-

роги, на него напали чіены. Несчастнаго поселенца и его сына они скальпировали; жену и старшую, большую дочь изрубили въ куски, а четырехъ младшихъ дочерей увели съ собой. Какъ только извѣстіе объ этой трагедіи дошло до Левенварта, немедленно въ погоню за краснокожими отправился кавалерійскій отрядъ съ пушкою. Послѣ упорной, пятичасовой битвы индѣйцы обратились въ бѣгство, оставивъ въ одной изъ своихъ палатокъ двухъ дочерей Джермена, а остальныхъ двухъ взяли съ собою“. Для спасенія этихъ несчастныхъ былъ снаряженъ новый отрядъ, и весь Канзасъ, вся Америка, по словамъ Диксона, увѣрены, что онъ исполнитъ свой долгъ; „смотря на стиснутые зубы и насусленныя брови этихъ смѣльчаковъ, никто не требуетъ отъ нихъ никакой клятвы; если они только останутся въ живыхъ, молодыя дѣвушки будутъ спасены“. Вслѣдъ за этой трагедіей Диксонъ рассказываетъ о рѣзни въ барберскомъ графствѣ. Тутъ роли измѣняются: бѣлые заманиваютъ въ свои предѣлы небольшой отрядъ осоговъ подъ предлогомъ охоты на буйволловъ и, окруживъ, убиваютъ половину дикарей, угоняютъ ихъ лошадей и уничтожаютъ ихъ палатки. Когда-же правительственный чиновникъ, индѣйскій комисаръ, обратился съ вопросомъ къ губернатору, на какомъ основаніи военный отрядъ поступилъ такимъ образомъ, онъ получилъ въ отвѣтъ, что у предводителя отряда былъ приказъ отъ подлежащаго начальства считать индѣйцевъ за враговъ. По повѣркѣ оказалось, что этотъ приказъ выданъ былъ черезъ десять дней послѣ рѣзни. „Но, прибавляетъ Диксонъ, — кто заботится о числахъ и подписяхъ, когда дѣло идетъ о наказаніи такихъ дикарей, какъ чіены?“

Мы нарочно привели эти подробности, чтобъ показать, какими, въ сущности, мелкими пограничными стычками Диксонъ придаетъ значеніе великой борьбы, опасной для дальнѣйшаго развитія американской республики. Но если современныя столкновения съ краснокожими не могутъ имѣть грознаго характера для благоденствія Соединенныхъ Штатовъ, то вообще вся индѣйская политика вашингтонскаго правительства накладываетъ неизгладимое пятно на великую націю и систематическое истребленіе краснокожей расы составляетъ мрачную страницу въ блестящей исторіи перваго столѣтія Соединенныхъ Штатовъ. Изъ разсказа Диксона видно, что дикія звѣрства совершаются одинаково съ обѣихъ сторонъ и что

правительственныя лица прибѣгаютъ къ недостойнымъ изворотамъ для оправданія своихъ варварскихъ дѣйствій. Но самыя краснорѣчивымъ примѣромъ того, какими средствами правительство достигаетъ постояннаго распространенія своей территоріи на счетъ индѣйской расы, служитъ недавнее истребленіе цѣлаго племени модоковъ, поразившее изумленіемъ всю просвѣщенную Европу. Въ концѣ 1872 года немногочисленное племя модоковъ въ Сѣверной Каролинѣ и Орегонѣ произвело нѣсколько набѣговъ на жилища бѣлыхъ и разбило посланный противъ него военный отрядъ. Затѣмъ, выразивъ желаніе вступить въ мирныя переговоры, предводитель ихъ, капитанъ Джокъ, застрѣлилъ американскаго генерала Кенби; той-же участи подверглись сопровождавшія генерала лица. Тогда президентъ Грантъ предписалъ главнокомандующему арміей Шерману принять мѣры къ усмиренію модоковъ, хотя-бы цѣною *совершенного ихъ истребленія*. Американское правительство уже давно держалось подобной системы, но никогда еще не заявляло о ней съ такимъ цинизмомъ. Приказаніе о „совершенномъ истребленіи“ было исполнено съ точностію. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отчаянной борьбы отъ всего племени модоковъ осталась только незначительная горсть смѣльчаковъ съ капитаномъ Джокомъ во главѣ, которые, наконецъ, сдались въ виду невозможности продолжать борьбу. Всѣ они были повѣшены и имя модоковъ исчезло навѣки. Подобный-же страшный урокъ былъ данъ недавно Шериданомъ, также по приказанію Гранта, племени шегоновъ. „Рѣзня краснокожихъ, замѣчаетъ Диксонъ,—была такъ неожиданна и безмилосердна, что имя Шеридана не изгладится никогда изъ памяти индѣйцевъ, пока они совершенно не исчезнутъ съ лица земли“.

Однакожь, въ послѣднее время президентъ Грантъ принялъ въ отношеніи къ краснокожимъ новую политику, основанную будто-бы на нравственной силѣ, а не на физической. Индѣйцы, загнанные штыками въ опредѣленные участки, отданы подъ опеку квакерамъ и методистамъ, которые учатъ и кормятъ ихъ, но все-же за ихъ дѣйствіями слѣдятъ военные начальники и немилосердно разстрѣливаютъ при малѣйшемъ нарушеніи дисциплины. Пасторы, ревностно служа интересамъ своихъ сектъ, создали на бумагѣ идеальную индѣйскую страну съ воображаемыми церквями и школами. Но на практикѣ и эта новая система соединенной

дѣятельности служителей мира и войны приводить къ грустнымъ результатамъ. Оказалось, что пасторы болѣе заботятся о коммерческихъ спекуляціяхъ, чѣмъ о спасеніи душъ краснокожихъ, и въ концѣ прошлаго года въ „New-York Herald“ появился цѣлый рядъ статей, уличавшихъ правительство въ самой безстыдной эксплуатаціи несчастныхъ индѣйцевъ. Обвиненія эти были такъ серьезны и набрасывали такую тѣнь на министра внутреннихъ дѣлъ Делано, что онъ принужденъ былъ выдти въ отставку, и главнокомандующій американской арміей Шерманъ предложилъ, какъ единственный выходъ изъ затруднительнаго положенія, замѣнить пасторовъ офицерами *).

Отличительной чертой этой новой политики служить дѣйствительно новый принципъ отрицанія права индѣйцевъ на землю, тогда-какъ до сихъ поръ они постоянно признавались собственниками занимаемыхъ ими мѣстностей. Со времени перваго знаменитаго трактата, заключеннаго съ краснокожими Пеномъ на берегахъ Делавара въ 1682 году, и до президента Гранта, никто не оспаривалъ простого, очевиднаго факта, что краснокожіе были первоначальными владѣтелями земли. Когда бѣлымъ требовались пустыни и лѣса, на которыхъ охотились индѣйцы, то, правда, съ ними не церемонились, а просто изгоняли, но все-же, какъ-бы изъ приличія, имъ предлагали въ замѣнъ другія мѣстности. Оставивъ Георгію, черокезы перешли на берега Вердегри; вмѣсто своей старинной родины крики и чоктозы получили равнины на Арканзасѣ, сенеки—Алегоны, ансиды—Зеленый Заливъ и т. д. Однимъ словомъ, ни одно племя не было официально лишено своихъ вѣковыхъ безъ соотвѣтственнаго отвода на другоя мѣстѣ опредѣленнаго участка земли. Такимъ образомъ, отъ Пена и Огя до Стори и Чеса, юридическое право на землю индѣйцевъ сохранялось свято, если не на практикѣ, то хоть въ теоріи. Грантъ наложилъ руку и на эту послѣднюю тѣнь справедливости къ краснокожимъ. Верховный судья Вэтъ и его ученые товарищи постановили въ прошломъ году, что не индѣйцы собственники земли, а правительство Соединенныхъ Штатовъ. Естественно, что крики и черокезы не могутъ понять юридическихъ тонкостей подобныхъ судебныхъ приговоровъ и имъ доступно только безпомощное со-

*) Les Etats Unis contemporains, par Claudiot Jannet. Paris, 1876.

знаніе, что земля ихъ предковъ болѣе не принадлежать имъ и что они не имѣютъ даже права рубить деревья.

Согласно новой индѣйской политикѣ квакерскихъ идилій и конфискаціи всей индѣйской территоріи въ пользу американскаго правительства, краснокожіе раздѣлены на четыре класса: 1) Дикіе индѣйцы, невходящіе ни въ какія сношенія съ правительствомъ, кромѣ полученія отъ агентовъ одѣяль и състныхъ припасовъ; 2) индѣйцы, убѣжденные въ необходимости труда и съ большею или меньшею готовностью работающіе подъ руководствомъ правительственныхъ агентовъ; 3) индѣйцы, получившіе отъ правительства какъ-бы въ аренду участки земли съ необходимыми земледѣльческими орудіями и скотомъ, и 4) скитальцы и нищіе. Къ первому классу относятъ около 98,000 душъ, ко второму—52,000, къ третьему—100,000, а къ четвертому до 30,000. Но, по словамъ Диксона, люди практическіе, имѣющіе дѣло съ индѣйцами и знающіе ихъ хорошо, смѣются надъ этимъ произвольнымъ раздѣленіемъ и, съ своей стороны, считаютъ только два класса индѣйцевъ: дикихъ и полудикихъ. Къ первымъ принадлежатъ всѣ великія племена: уты, сіуксы, чіены и пр. Это настоящіе краснокожіе, безъ примѣси чужой крови, идолопоклонники, кочующіе, независимые и неприкрѣпленные къ извѣстной мѣстности; ихъ насчитываютъ около 200,000. Второй классъ включаетъ въ себѣ остатки нѣкогда могучихъ племенъ, полуподчиненныхъ американскому правительству и поселенныхъ въ опредѣленныхъ участкахъ среди бѣлыхъ; къ нимъ относятся миссіонерные индѣйцы въ Калифорніи, чипевы въ Мичиганѣ, винебаги въ Небраскѣ, крики и черокезы въ Индѣйской Територіи. Количество ихъ постоянно рѣдѣетъ и не превышаетъ 100,000. Последніе, полудикіе индѣйцы составляютъ главную заботу новой, квакерской политики Гранта, но Диксонъ увѣряетъ, что никто изъ офицеровъ, служившихъ въ пограничныхъ странахъ съ Индѣйской Територіей, не вѣритъ, чтобы истый, кровный индѣецъ могъ образоваться, бросить свою кочевую, охотничью жизнь и сдѣлаться изъ кровожаднаго, лѣниваго дикаря дѣятельнымъ, просвѣщеннымъ гражданиномъ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ приводитъ любопытный разговоръ съ полковникомъ Стивенсомъ, правительственнымъ инженеромъ. Ему было поручено выстроить для нѣсколькихъ индѣйскихъ старѣйшинъ каменные дома, съ

цѣлью заслужить ихъ дружбу. Когда жилища были готовы, то индѣйцы въ нихъ переселились, но черезъ полгода всё, за исключеніемъ одного, по имени Большой Антилопы, продали ихъ бѣлымъ за боченокъ водки. Возлагая твердыя надежды на Большую Антилопу и его дальнѣйшее образованіе, Стивенсъ однажды посѣтилъ его. Индѣецъ курилъ трубку въ шатрѣ, раскинутомъ подъ окнами дома.

— Зачѣмъ ты, Большая Антилопа, живешь въ шатрѣ, когда у тебя хорошій домъ? спросилъ Стивенсъ.

— Домъ годится для лошади, а не для воина, отвѣчалъ съ улыбкою индѣецъ.

Стивенсъ вошелъ въ домъ и увидѣлъ, что Большая Антилопа превратилъ столовую въ конюшню для своей лошади.

„Европейское жилище, говорилъ Стивенсъ Диксону, — недоступно понятіямъ индѣйца. Единственная степень цивилизаціи, до которой его можно довести, заключается въ томъ, что онъ будетъ покрывать свои плечи одѣяломъ вмѣсто звѣриной шкуры, станетъ шататься вокругъ дома правительственнаго агента вмѣсто охоты и посвящать все свое время куренью табака и питью водки вмѣсто того, чтобы сдирать кожу съ черепа своего врага. Я никогда не видалъ, чтобы истинный индѣецъ принялся за какую-бы то ни было работу. Онъ охотникъ и воинъ, а потому считаетъ недостойнымъ взяться за соху или лопату“.

Этотъ взглядъ раздѣляется всеми американцами западныхъ штатовъ, которые приходятъ въ частыя столкновенія съ индѣйцами, сами дѣлаясь жертвами ихъ мести или, обратно, подвергая несчастныхъ краснокожихъ самымъ звѣрскимъ преслѣдованіямъ. Они не знаютъ другой индѣйской политики, кромѣ основанной на ружьѣ и револьверѣ, кромѣ политики Гранта „совершеннаго истребленія“. „Мы можемъ уничтожить индѣйцевъ, говорятъ бѣлые обитатели Канзаса и Колорадо, — двумя путями: войной и водкой, но водка дѣйствуетъ слишкомъ медленно“. Эти характеристическія слова приводитъ другой англійскій путешественникъ, извѣстный радикальный членъ парламента сэръ Чарльсъ Дильке, и вполне справедливо прибавляетъ: „если-бы было возможно не вдругъ посадить въ клѣтку кочующаго охотника и дать ему въ руки соху, вмѣсто ножа, сдирающаго кожу, а постепенно переимѣнить его обычай и приучить къ земледѣлію, то, по всей вѣроятности, онъ

сдѣлался-бы искуснымъ земледѣльцемъ и достойнымъ гражданиномъ республики; но бѣда въ томъ, что краснокожихъ истребляютъ прежде, чѣмъ они успѣютъ чему-нибудь научиться. „Сдергите прежде кожу съ ихъ череповъ, а потомъ съ ними говорите!“ восклицаютъ колорадцы и цинически выставляютъ на улицахъ главнаго города своего штата объявленіе о выдачѣ „20 долларовъ за каждую штуку кожи, содранной съ черепа индѣйца“. При такихъ условіяхъ для краснокожихъ нѣтъ будущности, и если американцы хотятъ спасти послѣдніе остатки индѣйцевъ, то имъ надо перевести ихъ на востокъ, подалѣе отъ обитателей западныхъ штатовъ, ихъ заклятыхъ враговъ, подалѣе отъ равнинъ, на которыхъ они еще нынѣ охотятся, а въ новыхъ мѣстностяхъ имъ необходимо дозволить смѣшаться съ бѣлыми, жить одной съ ними жизнью и, если возможно, войти съ ними въ родство. Краснокожій охотникъ—слишкомъ дорогое существо для нашего вѣка, но американцы должны помнить, что они виноваты въ томъ, что не научили индѣйцевъ никакому лучшему ремеслу* *).

Диксонъ, конечно, не раздѣляетъ этого единственно справедливаго, человѣчнаго и разумнаго взгляда на индѣйскій вопросъ, который въ настоящее время можетъ имѣть только нравственное значеніе для американской республики. Индѣйцы не представляютъ для нея, по своей малочисленности и слабости, никакой угрозы, но могутъ доставить прекрасный поводъ къ блестящему прижѣвнѣю старинной пословицы, что никогда не поздно исправиться. Пусть американская республика, празднуя свое первое столѣтіе въ Филадельфій, вспомнить, что около 200 лѣтъ тому назадъ основатель этого города Пенъ, заключая первый контрактъ съ индѣйцами, обязался, что „бѣлые и красные будутъ вѣчно друзьями, что двери домовъ бѣлыхъ будутъ всегда открыты для красныхъ, что христіане заповѣдуютъ своимъ дѣтямъ хранить эти узы дружбы чистыми и блестящими, безъ пятна или ржавчины, пока воды будутъ течь въ рѣкахъ отъ источниковъ въ устью, пока солнце, луна и звѣзды будутъ свѣтить на небѣ“. Конечно, возвратитъ прошлаго нельзя, но легко найти способъ къ образованію и слитію съ бѣлыми послѣднихъ остатковъ краснокожихъ, если народъ и правительство Соединен-

*) Greater Britain, by Sir Charles W. Dilke. London, 1872.

ныхъ Штатовъ отнесутся честно, энергично и человѣчно къ этому вопросу, не смущаясь воображаемымъ и ни на чемъ неоснованнымъ иражемъ „борьбы краснаго племени за обладаніе Новымъ Свѣтомъ“, о которомъ краснорѣчиво распространяется Диксонъ.

Что-же касается способности краснокожей расы къ развитію и образованію, то самъ Диксонъ хотя теоретически ее и оспариваетъ, но посвящаетъ нѣсколько любопытныхъ страницъ своей книги описанію успѣшной попытки католическихъ миссіонеровъ просвѣтити индѣйское племя, жившее на берегахъ Калифорніи. Какъ всѣ краснокожіе, они были слабый, скромный народъ, питавшійся желудями, кореньями и рыбой, которую они ловили руками въ ручьяхъ. Самые смѣлые изъ нихъ охотились за лисицами и ловили силками дивихъ вошекъ. Только старѣйшины прикрывали свое тѣло шкурами, а большинство мужчинъ и женщинъ ходили нагіе, опоясанные грубой тканью изъ травы. Сознаніе стыда было столько-же чуждо этимъ дикарямъ, какъ тюленямъ. Живя въ лѣсахъ, они рѣдко мылись и никогда не причесывались. Мужчины красили себѣ лицо, а женщины, кромѣ того, шею и грудь. Все у нихъ было общее, но все-же лучшіе куски и тенлѣйшія шкуры отдавались вождямъ и вѣдунамъ. Женщины не имѣли тогда, какъ и теперь, никакихъ правъ, а индѣйцы брали ихъ въ жены, бросали или продавали какъ угодно. Среди этого патріархальнаго племени неожиданно явились католическіе монахи, водрузили въ землю крестъ, построили алтарь, зажгли свѣчи, хотя солнце ярко сіяло, и развернули знамя съ изображеніемъ великолѣпной бѣлой *скаа*, матери могущественнаго царя, умершаго, по ихъ словамъ, на крестѣ за спасеніе людей. Сначала индѣйцы держались въ сторонѣ, боясь, что эти чужеземцы, явившіеся неизвѣстно откуда, какъ птицы, украдутъ у нихъ женъ, скосятъ траву и перебьютъ всѣхъ антилопъ, но мало-по-малу изображеніе бѣлой женщины и особенно гармоничное пѣніе монаховъ привлекли къ себѣ дикарей; кромѣ того, добрыя патеры, ухаживая за больными и раздавая пищу голоднымъ и одежду нагихъ, вскорѣ снискали общую любовь, тѣмъ болѣе, что они были люди серьезные, нравственные, никогда не говорили лжи, ничего не брали силой и оставляли въ покоѣ женъ дикарей. Они все понимали, все знали: имъ были извѣстны вѣтры и теченія, они умѣли дѣлать сѣти для ловли рыбы, знали тайныя свойства

травъ и растеній. Мало-по-малу они научили индѣйцевъ обрабатывать землю и пользоваться для пищи всѣми произведеніями рѣкъ и лѣсовъ. Въмѣсто корней и червей краснокожіе стали питаться хорошо приготовленными зайцами, утками, лососиной. Монахи выстроили церковь, въ которой и повѣсили изображеніе кармельской Мадонны, обработали поля и засѣяли ихъ рожью, развели виноградную лозу, яблоки, груши. Одинъ за другимъ индѣйцы обращались въ христіанство и перемѣняли свой дикій образъ жизни. Они стали мыться, прикрывать свое нагое тѣло рубашками и шалами, жить въ бревенчатыхъ шалашахъ, покрытыхъ циновками; они научились дубить кожи, дѣлать вино, варить супъ, перестали красть женъ, убивать дѣтей и даже поддерживали мирныя сношенія съ своими сосѣдями. Такъ шли дѣла въ продолженіи тридцати лѣтъ; туземцы, одѣтые, накормленные и обученные первыми основами цивилизаціи, развивались медленно, но вѣрно. Миссіонеры относились мягко къ индѣйскимъ обычаямъ и довольствовались тѣмъ, что сѣяли добрыя сѣмена, оставляя жатву будущимъ поколѣніямъ. Неожиданно между испанскими поселенцами и гражданами сосѣдней мексиканской республики возникли распри, монахи были изгнаны изъ Калифорніи и повообращенные индѣйцы разсѣялись во всѣ стороны. Попытка къ просвѣщенію краснокожихъ, начатая такъ удачно, не увѣнчалась конечнымъ успѣхомъ, не по винѣ дикихъ, а, напротивъ, отъ междоусобій самихъ просвѣтителей, бѣлыхъ.

Дружескія отношенія индѣйскихъ племенъ къ мормонамъ также доказываютъ, что они не чуждаются бѣлыхъ, если съ ними обходятся человѣчно. Безъ всякаго сомнѣнія, этой дружбѣ много способствуетъ большое сходство нѣкоторыхъ принциповъ мормонства съ основными понятіями краснокожихъ, какъ, наприимѣръ, многоженство и общее владѣніе землей. Прежде, чѣмъ мормоны явились въ страну индѣйцевъ, ихъ уже называли въ шутку бѣлыми индѣйцами, такъ-какъ, по ихъ словамъ, они разрѣшили трудную для лингвистовъ и этнологовъ задачу происхожденія индѣйскихъ племенъ и, на основаніи откровенія ангеловъ, утверждали, что краснокожіе—сыны Ломана, остатки потерянныхъ колѣнъ Израиля, избранники Божіи. Предоставляя индѣйцамъ видное мѣсто въ исторіи человѣчества, мормоны предсказывали ихъ будущую великую роль и, обладая будто-бы старинными индѣйскими кни-

гами, сдѣлали исторію индѣйцевъ своей библіей. Неудивительно послѣ этого, что мормоны были приняты индѣйскими племенами, какъ друзья. Потоватоми отвели имъ немедленно земли для поселенія, сіуксы дозволили имъ перейти черезъ рѣку Плату, уты помогли имъ носить воду изъ горныхъ ручьевъ. Многіе изъ краснокожихъ, особенно уты и шошоны, крестились въ мормонскую вѣру и имѣють своихъ краснокожихъ епископовъ; другіе-же довольствуются тѣмъ, что живутъ согласно мормонскимъ правиламъ. Съ своей стороны, нѣкоторые изъ мормонскихъ миссіонеровъ взяли въ жены индѣянокъ. Вообще, охотники и „святые“ живутъ, какъ братья, и, конечно, индѣйцы мало-по-малу переняли-бы у мормоновъ ихъ любовь къ труду и духъ порядка, а слѣдовательно, сдѣлали-бы большой шагъ впередъ по пути цивилизаціи, если-бы снова не помѣшали сами бѣлые. Мормоны изъ личныхъ интересовъ постоянно разжигаютъ ненависть индѣйцевъ къ ихъ общимъ врагамъ—американцамъ. Эта эгоистичная политика Брайама Юнга приводитъ въ постояннымъ стычкамъ краснокожихъ съ американскими войсками, къ усиленію ихъ дикихъ нравовъ и все большему и большему оттѣсненію ихъ на западъ.

Но самымъ блестящимъ подтвержденіемъ возможности прогресса для краснокожей расы служить развитіе нѣкоторыхъ мелкихъ, такъ-называемыхъ полудикихъ племенъ, поселенныхъ въ Индѣйской Территоріи. Диксонъ не вѣритъ въ ихъ будущность, находитъ, что всѣ заимствованныя ими европейскія учрежденія „болѣе или менѣе сифшны“, и предсказываетъ, что черезъ пять лѣтъ у нихъ останется въ этой мѣстности столько-же земли, сколько теперь принадлежитъ имъ въ Нью-Йоркѣ; но другіе путешественники, даже американцы, рисуютъ совершенно иную, сочувственную картину современнаго положенія черокезовъ и семиноловъ. Такъ, по словамъ Эдуарда Бинга, посѣтившаго южные штаты послѣ проведенія новой желѣзной дороги къ Мексиканскому заливу и издавшаго въ прошломъ году чрезвычайно подробное, обстоятельное описаніе своего путешествія *), черокезы въ послѣдніе года сдѣ-

*) The Southern States of America, by Edouard King. London, 1875. Это любопытное сочиненіе сначала появилось въ одномъ изъ самыхъ распространенныхъ американскихъ журналовъ: „Scribner's Monthly Illustrated Magazin for the people“, по порученію редакціи котораго онъ совершилъ свое путешествіе.

дали большой шагъ впередъ по пути цивилизаціи. Они составляютъ самое могущественное племя въ Индѣйской Территоріи, хотя ихъ не болѣе 17,500 душъ, но другія племена еще малочисленнѣе и общее число всѣхъ шестнадцати племенъ, населяющихъ эту мѣстность, не превышаетъ 65,000 *). Общее ихъ положеніе немногимъ разнится отъ положенія бѣлыхъ пограничныхъ обитателей. Они способны и искусные земледѣльцы, а относительно ухода за скотомъ — стоятъ выше всѣхъ фермеровъ юго-запада. Они живутъ на большомъ отдаленіи другъ отъ друга, такъ-какъ Индѣйская Территорія занимаетъ громадное пространство въ 52,780,000 акровъ, и хотя всѣ фермы находятся въ общемъ владѣніи, но каждый отдѣльный фермеръ имѣетъ право индивидуальнаго, пожизненнаго пользованія землею. Вся территорія принадлежитъ государству, которое, по трактатамъ 1837 г., отдало ее въ полное, вѣчное владѣніе различнымъ индѣйскимъ племенамъ, обитавшимъ къ востоку отъ Миссисипи, и потому каждый фермеръ можетъ продавать только воздвигнутыя имъ зданія и сдѣланныя въ землѣ улучшенія, но не самую землю. Строго говоря, индѣйцы — не фермеры; они не производятъ ничего для продажи, а только поддерживаютъ свое собственное существованіе. Первоначально правительство выдало имъ необходимый капиталъ и они нисколько не цѣнятъ возможности наживы, а только думаютъ объ удовлетвореніи ежедневныхъ нуждъ. Правленіе у черокезовъ и другихъ

*) Вообще цифры, приводимыя различными путешественниками относительно индѣйскихъ племенъ, надо принимать съ большой осторожностью, такъ-какъ онѣ не основаны на твердыхъ статистическихъ данныхъ. По американской конституціи и закону о народныхъ переписяхъ 1850 года, индѣйцы, неплательщики налоговъ, то-есть всѣ, живущіе племенами, не входятъ въ перепись, какъ не пользующіеся избирательными правами, и въ официальныхъ статистическихъ таблицахъ народонаселенія Соединенныхъ Штатовъ, по послѣдней переписи 1870 года, упоминается только 25,730 (въ 1860 г. ихъ было 42,021 чел.) индѣйцевъ, живущихъ отдѣльно отъ своихъ племенъ во различныхъ штатахъ, платящихъ налоги и пользующихся всѣми правами американскихъ гражданъ. Но для полноты свѣдѣній о дѣйствительномъ количествѣ населенія Соединенныхъ Штатовъ, къ официальному отчету о девятой переписи 1870 г. приложена впервые таблица о количествѣ всѣхъ индѣйцевъ, составленная хотя и не официальнымъ путемъ, но, по возможности, достоверно. Такимъ образомъ, мы имѣемъ приблизительную, но все-же болѣе вѣроятную цифру всего индѣйскаго населенія: въ 1870 г. — 383,712 чел., при общемъ количествѣ американской націи въ 38,558,371. Въ Индѣйской-же Территоріи было тогда 59,367 чел. („Ninth Census of the United States“, 1870. Vol. I. — „Population and Social Statistics“, Washington, 1872, p. XVI—XVII.

главнѣйшихъ племенъ походить на управленіе американскихъ штатовъ. Они избираютъ на четыре года предводителя и его помощника. У нихъ также два законодательныхъ собранія: верхнее и нижнее, которыя разсматриваютъ различные билли и акты въ ежегодной сессіи, продолжающейся мѣсяць. Члены этихъ собраній получаютъ жалованье изъ общихъ доходовъ племени съ прежнихъ продажъ земли другимъ индѣйцамъ. Всѣ племена соединяются вѣвѣствѣ, въ общее собраніе, подѣ предсѣдательствомъ правительственнаго чиновника, для обсужденія общихъ дѣлъ. Талекви, главный городъ черокезовъ, ничѣмъ не отличается отъ большинства городовъ юго-запада и не имѣетъ въ себѣ ничего специально-индѣйскаго. Какъ въ этомъ городѣ, такъ и въ другихъ поселеніяхъ черокезовъ, существуютъ первоначальныя школы, въ которыхъ большею частью преподаютъ женщины, а ученики и ученицы, желающіе продолжать свое образованіе, посылаются въ среднія школы южныхъ городовъ и даже въ университеты. Кромѣ туземныхъ школъ, въ Индѣйской Територіи существуетъ большое количество миссіонерныхъ школъ различныхъ протестантскихъ сектъ, и, посѣтивъ одно изъ подобныхъ учрежденій въ племени кривовъ, Кингъ свидѣтельствуетъ, что эта школа на 80 индѣйскихъ дѣтей обоого пола представляется образцовой и что задатки цивилизаціи быстро стоняютъ съ лица дѣтей въраженіе дикости. То-же замѣчается и во внѣшнемъ видѣ взрослыхъ, которые носятъ большею частью европейскую одежду. Отношенія этихъ краснокожихъ къ бѣлымъ довольно мирныя, только они не дозволяютъ бѣлымъ проживать долго въ своей странѣ и ни подѣ какимъ видомъ не отдають имъ въ аренду земли, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда бѣлые женятся на индѣйкахъ, что постепенно случается все чаще и чаще. Во время войны между Сѣверомъ и Югомъ Индѣйская Територія подверглась значительнымъ опустошеніямъ со стороны обѣихъ армій, потому что большая часть индѣйцевъ, приняла сторону Юга, но нѣкоторые вожди выказали удивительную преданность Соединеннымъ Штатамъ. Въ этомъ отношеніи Опатлегола, предводитель кривовъ, совершилъ необыкновенный подвигъ. Среди зимы, преслѣдуемый южанами и другими индѣйскими племенами, этотъ столѣтній старецъ отправился со всѣмъ своимъ племенемъ въ Канзасъ, потерялъ по дорогѣ болѣе тысячи человекъ и, присоединившись, на-

конецъ, послѣ многочисленныхъ битвъ и страшныхъ лишеній, къ сѣверной арміи, тотчасъ поступилъ въ ея ряды со всѣми годными для военной службы товарищами. Разказавъ всѣ эти подробности, Кингъ прибавляетъ, что когда желѣзная дорога, проложенная черезъ Индѣйскую Территорію, откроетъ эту страну бѣлымъ, то они съ изумленіемъ увидятъ, что индѣйцы во многомъ не далеко отстали отъ бѣлыхъ, а въ нѣкоторыхъ вещахъ даже превзошли ихъ. Человѣчные принципы христіанской религіи мало-помалу проникаютъ въ простые, логичные умы индѣйцевъ, неотуманненные никакими мифологическими представленіями дикихъ племенъ. Нравственность также быстро развивается: бракъ становится національнымъ учрежденіемъ, а пьянство — этотъ страшный бичъ краснокожихъ — пресѣкается въ самомъ корнѣ энергическими мѣрами индѣйскихъ властей и американскихъ агентовъ, строго преслѣдующихъ продажу крѣпкихъ напитковъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что нѣкоторыя изъ индѣйскихъ племенъ уже переступили порогъ храма цивилизаціи, а дальнѣйшіе ихъ успѣхи не столько зависятъ отъ нихъ самихъ, сколько отъ бѣлыхъ, недовѣріе къ которымъ всегда служило главной преградой къ просвѣщенію краснокожихъ. Дѣйствительно, трудно было индѣйцамъ довѣрять цивилизаціи людей, которые систематически истребляли ихъ огнемъ, мечомъ, обманомъ или развратомъ. Еще въ тридцатыхъ годахъ знаменитый предводитель сенекъ, Красная Буртка, отвѣчалъ методистскимъ миссіонерамъ, проповѣдывавшимъ евангеліе мира и любви къ ближнимъ: „Трудно понять ваши слова краснокожимъ; пойдите и прежде учите бѣлыхъ, и если они вслѣдствіе вашей проповѣди перестанутъ отнимать у насъ скотъ и землю, то вернитесь, отцы святые, и уши краснокожихъ откроются для принятія вашего ученія“. Тотъ-же самый взглядъ просвѣчиваетъ и въ слѣдующей выпискѣ изъ газеты, издающейся въ главномъ городѣ черокезовъ, которую приводитъ Диксонъ: „Мы, какъ народъ, не готовы принять американское гражданство, говоритъ краснокожій публицистъ, смотря на индѣйскій вопросъ съ точки зрѣнія своей расы: — не потому, чтобъ мы были недостаточно умны, честны, дѣятельны или вообще не одарены тѣми серьезными качествами, которыя дѣлаютъ человѣка достойнымъ свободы; но мы не обучены тѣмъ коварствамъ, которыя разрѣшаетъ, если не одобряетъ, свобода, подразумевающая національ-

ное право однихъ обманывать, а другихъ быть обманутыми". Однако, все это не мѣшаетъ энтузіастамъ - черокезамъ и *метисамъ*, т. е. смѣшанной расѣ бѣлыхъ и краснокожихъ, въ будущности которой не сомнѣвается даже Диксонъ, мечтать о томъ времени, когда всѣ остатки индѣйскихъ племенъ сольются въ одинъ образованный народъ, а Индѣйская Территорія сдѣлается равноправнымъ штатомъ американской республики, подъ именемъ Оклагомы. „Этотъ день еще не скоро настанетъ“, глубокомысленно замѣчаетъ Диксонъ, но будемъ надѣяться, для славы великой американской націи, что это пророчество окажется несправедливымъ.

IV.

Если, какъ мы видѣли, опасность для американской республики отъ несчастныхъ остатковъ краснокожей расы существуетъ только въ воображеніи Диксона; то нельзя съ нимъ не согласиться, что вопросъ африканскій имѣетъ громадное жизненное значеніе для Соединенныхъ Штатовъ и отъ его успѣшнаго разрѣшенія во многомъ зависитъ ихъ будущность. Положеніе негровъ совершенно противоположно положенію индѣйцевъ: однихъ истребляютъ, отнимая землю и жизнь, а другимъ предоставляютъ равныя права съ бѣлыми; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они даже пользуются преимуществами по сравненію съ бѣлыми, бывшими рабовладѣльцами. Впродолженіи десяти лѣтъ послѣ междоусобной войны, освободившей негровъ, они играли первенствующую роль на югѣ, занимали государственныя должности, засѣдали въ законодательныхъ собраніяхъ, служили въ американской арміи, а потому въ высшей степени интересно въ научномъ и политическомъ отношеніяхъ подвести итоги этого неожиданнаго преобладанія низшей расы надъ высшей, невѣжественныхъ рабовъ надъ своими образованными господами. Къ сожалѣнію, книга Диксона не представляетъ достаточныхъ фактовъ для основательнаго вывода, и вообще, кромѣ отрывочныхъ газетныхъ извѣстій и краткихъ отзывовъ путешественниковъ, мы не имѣемъ почти никакихъ матеріаловъ для изслѣдованія этого важнаго вопроса. Что-же касается Диксона, то онъ, какъ всегда, относится къ нему очень легко и какъ-бы

свѣсока, видя только въ черной расѣ грозную опасность для могущества бѣлой, передъ величіемъ которой она должна, по его мнѣнію, въ силу естественныхъ и политическихъ законовъ, исчезнуть съ лица земли.

„Бѣлыне по отношенію къ чернокожимъ, рассказываетъ онъ, — находятся въ самомъ невыгодномъ положеніи въ Южной Каролинѣ. Въ Луизианѣ обѣ расы почти уравниваются въ настоящее время, хотя, быть можетъ, черезъ какія-нибудь десять лѣтъ всѣхъ наклонятся въ пользу европейскаго семайства, которое постоянно увеличивается, тогда какъ африканское убываетъ. Даже въ Миссисипи большинство чернокожихъ не велико: 7 негровъ на 6 бѣлыхъ. Ни одинъ изъ этихъ несчастныхъ штатовъ не представляетъ такого численнаго преобладанія чернокожихъ, чтобъ бѣлыне не имѣли шансовъ на выборахъ. Но въ Южной Каролинѣ, въ такъ-называемомъ „подавленномъ штатѣ“, негры и мулаты царятъ безгранично. По послѣдней переписи, на 10 африканцевъ приходится только 7 европейцевъ, а въ нѣкоторыхъ округахъ это отношеніе доходитъ до шести и семи въ одному. Подъ сѣнью равенства, поддерживаемаго союзной арміей, можетъ-ли европейскій поселенецъ считать себя обезпеченнымъ въ подобной странѣ? Но какъ ни мрачно это положеніе, каролинцы еще не увѣрены, достигли-ли они до самаго худшаго. Обширная мѣстность болотъ и саваннъ отъ мыса Фира до Миссисипи и отъ Миссисипи до бухты св. Андрея, повидимому, становится новымъ средоточіемъ африканской расы. Здѣсь негры живутъ и благоденствуютъ, такъ-какъ климатъ и произведенія вполне соотвѣтствуютъ ихъ требованіямъ. Тыева дешева, табакъ растетъ дико и сахарный тростникъ находится въ изобиліи. Здѣсь скорѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, негры могутъ утвердиться и, повидимому, они танутся сюда отовсюду. Въ другихъ мѣстностяхъ африканцы уменьшаются въ числѣ; Миссури, Кентуки, Мэрилендъ и Виргинія, гдѣ они нѣкогда жили и плодились, изгоняютъ ихъ изъ своихъ предѣловъ, не законодательнымъ путемъ, а таинственными способами, неподлежащими изслѣдованію. Происходить-ли это передвиженіе отъ случайныхъ причинъ или отъ опредѣленныхъ этнологическихъ законовъ—представляется спорнымъ вопросомъ. Кто можетъ вполне понять, чѣмъ руководствуется человѣкъ, животное, птица или рыба въ своихъ странствіяхъ? Во всякомъ случаѣ, фактъ передвиженія чернокожихъ

съ сѣвера на югъ замѣчается всеми путешественниками. Тутъ рождается вопросъ: принимаетъ-ли Алабама, Миссисипи и особенно Южная Каролина весь процентъ чернаго населенія, который теряютъ Миссури, Кентуки, Мэриландъ и Виргинія, или черная раса, кромѣ переселенія, подвергается еще и естественной убыли? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо опредѣлить: увеличивается-ли вообще африканское населеніе въ Америкѣ и пользуется-ли оно хорошей пищей и удобными жилищами. Насчетъ перваго вопроса мнѣнія различны, но, во всякомъ случаѣ, процентъ размноженія упалъ. Негры далеко не такъ быстро размножаются, какъ европейцы, и при свободѣ менѣе плодятся, чѣмъ во время рабства. Точно также не подлежитъ сомнѣнію, что негры и мулаты живутъ въ худшихъ домахъ и пользуются худшей пищей, чѣмъ въ прежнее время. Они сосутъ болѣе сахарнаго тростника и жуютъ болѣе табаку, но ѣдятъ не столь здоровую пищу и живутъ не въ столь здоровыхъ жилищахъ.

„Дѣтубійство, какъ во всехъ дикихъ племенахъ, сдѣлалось обычнымъ явленіемъ между неграми. Поставить дѣтей на ноги стоитъ много заботъ и денегъ, а потому негры чувствуютъ отвращеніе къ воспитанію дѣтей. Во время рабства негрятка должна была выпросить своего ребенка, такъ-какъ онъ былъ собственностью владѣльца, а теперь, находясь на свободѣ, она подчиняется инстинкту своей расы, которая въ Африкѣ извѣстна дѣтубійствомъ. Повидимому, это преступленіе такъ-же часто случается въ негрятянскихъ селеніяхъ южныхъ штатовъ, какъ въ китайскихъ городахъ. Такимъ образомъ, африканскій вопросъ въ Соединенныхъ Штатахъ заключается не въ томъ, будутъ-ли чернокожіе ѣздить въ однихъ вагонахъ и обѣдать въ гостинницахъ за однимъ столомъ съ бѣлыми или станутъ-ли они по-прежнему виѣсть съ бѣлыми подавать голоса, издавать законы и носить оружіе, а въ томъ—можетъ-ли негръ существовать въ свободномъ состояніи? Подъ сѣнью рабства люди не могутъ вести кочевой жизни, а пользуясь свободой, негръ можетъ идти куда хочетъ: одну недѣлю онъ живетъ въ Миссури, другую—въ Тенесси и т. д. Первый шагъ изъ дикаго состоянія къ цивилизаціи, быть можетъ, состоитъ въ ограниченіи свободы передвиженія, которое превращаетъ кочевника въ гражданина. Могутъ-ли негры безъ посторонней поддержки вести жизнь осѣдлую? Не подвергли-ли добрые и набожные люди,

освободившіе негровъ, въ своемъ невѣденіи законовъ природы этихъ дикарей медленной, но вѣрной смерти?“

„Будьте увѣрены, говорилъ Диксону южный полковникъ Бинфильдъ, изучившій африканскій вопросъ на полѣ брани, въ табачныхъ плантаціяхъ и въ общественныхъ школахъ, — мы болѣе не прибѣгнемъ къ насилію и не предадимся извѣстнымъ страстямъ. Мы сдѣлали большую ошибку, измѣнивъ своему знамени, и болѣе никогда этого не повторимъ. Всѣ наши надежды мы теперь основываемъ на законѣ природы. Негръ имѣлъ свой день могущества. Если онъ сердилъ насъ своимъ безуміемъ и нахальствомъ, то никогда не пугалъ насъ своей силой. Даже теперь, когда Колумбіей управляетъ его единомышленникъ, когда онъ имѣетъ большинство въ законодательномъ собраніи и распоряжается арміей, мы его не боимся. Африканцу никогда не совладать съ европейцемъ. Онъ не можетъ сдѣлать вамъ никакого вреда, развѣ только убьетъ васъ сзади, въ темнотѣ, или подожжетъ вашъ домъ. Борьба бѣлому съ негромъ — все равно, что мужчинѣ съ женщиной. То же самое можно прихитить и къ массамъ. Поселите десять европейцевъ и девяносто африканцевъ въ одной мѣстности, дайте каждому изъ нихъ одинаковую долю земли, сѣмянъ, земледѣльческихъ орудій и денегъ; пусть они начнутъ обрабатывать землю и жить подъ сѣнью равномѣрныхъ законовъ и правъ. Черезъ десять лѣтъ бѣлымъ будетъ принадлежать все: земля, деньги и орудія. Природа одарила бѣлыхъ умомъ, силой, изобрѣтательностью, мужествомъ и стойкостью въ большей степени, чѣмъ чернокожихъ. Несмотря на всѣ обстоятельства, бѣлые будутъ господствовать на этомъ континентѣ. Къ чему же возбуждать намъ открытую борьбу? Только врагъ бѣлой цивилизація желаетъ второй междуусобной войны. Намъ надо только ждать, и мы навѣрное одержимъ побѣду“.

„Мой другъ совершенно правъ, прибавляетъ Диксонъ. — Негръ не можетъ внести свободнаго состоянія, которое гнететъ его и мало-по-малу сотретъ съ лица земли. Всѣ жизненные силы на свѣтѣ имѣютъ только сравнительное значеніе и впродолженіи двадцати вѣковъ Европа была источникомъ всякой жизненной силы. Европа снабжаетъ другіе континенты жизнью, животной, растительной и человѣческой. Привезите изъ Европы въ Америку ель, и она убьетъ всѣ туземныя деревья. Привезите изъ Европы лошадь и корову, и онѣ уничтожатъ буйвола и лось. Низшая форма

всегда ступенчается передъ высшей. Превосходство негровъ, хотя и поддерживаемое на время союзной арміей, исчезнетъ передъ бѣлой наукой такъ-же, какъ туземные лѣса исчезаютъ передъ англійской елью и стада дикихъ звѣрей передъ англійской лошадыю*.

Всѣ эти глубокомысленныя соображенія Диксона не выдерживаютъ критики, не говоря уже объ ихъ противорѣчии съ основной его теоріей о сомнѣтіи рядовъ бѣлой расы противъ враждебной въ этомъ случаѣ черной расы. Если чернокожіе, какъ онъ утверждаетъ, не могутъ жить на свободѣ рядомъ съ бѣлыми и естественно вымирать, то чего же бѣлыми ихъ бояться? Что-же касается закона природы, на который онъ ссылается, то такого закона вовсе не существуетъ. Высшія формы не ступенчаются передъ низшими, а преобладаніе высшихъ или низшихъ формъ зависитъ отъ обстоятельствъ, внѣ ихъ внутренней организаціи, и самое выраженіе: высшая и низшая форма, имѣетъ только отношеніе къ тѣмъ условіямъ, въ которыя поставленъ организмъ. Стоитъ-ли прибавлять, что дойная корова и домашняя лошадь сами по себѣ не могутъ поборотъ дикаго буйвола и лоси, но при помощи человѣка онѣ могутъ создать такія условія въ странѣ, при которыхъ дикіе звѣри не въ состояніи долго существовать. Самый фактъ уменьшенія чернокожаго населенія въ Соединенныхъ Штатахъ ничѣмъ не подтвержденъ и, по послѣдней переписи 1870 года, оно равнялось 4,835,106 человѣкъ, т. е. въ десять лѣтъ увеличилось съ 4,427,294 на 9%. Конечно, этотъ процентъ прибыли народонаселенія менѣе, чѣмъ въ прошлое время, но, какъ справедливо замѣчаетъ Франсисъ Вольверъ, составитель официальнаго отчета о переписи 1870 г., „надо удивляться, что чернокожіе обнаружили хоть какую-нибудь прибыль населенія въ этотъ періодъ, такъ-какъ они въ большомъ количествѣ были переведены съ плантацій, гдѣ ихъ размноженіе было естественное, быстрое и вѣрное, въ города и лагеря, въ которыхъ отъ нужды, недуговъ и разврата быстро рѣдѣли ихъ толпы, на скоро собранныя, плохо содержавшіяся и впервые оставленныя безъ всякаго контроля“ *). Къ тому-же подобное уменьшеніе процента прибыли

*) Ninth Census of the United States, 1870, 1 vol.—Population and Social Statistics. Washington, 1872, pp. XVII—XVIII.

въ населеніи замѣчается и въ бѣлой расѣ въ эти десять лѣтъ, ознаменованная междуособной войной; такъ общая цифра народонаселенія Соединенныхъ Штатовъ увеличилась съ 31,399,100 на 41,609,000,—на 3,000,000 менѣе, чѣмъ можно было ожидать по проценту прироста съ 1830 года. Что-же касается отдѣльныхъ штатовъ, то убыль чернаго населенія замѣчается только въ трехъ: Миссури, Кентуки и Виргиніи; а сильная приростъ въ болѣе южныхъ штатахъ: Георгіи, Техасѣ и Флоридѣ (въ послѣдней почти на 50%), повидимому, подтверждаетъ указанное Диксономъ передвиженіе черной расы на югъ, что совершенно естественно и объясняется физическими свойствами негровъ. Еще въ первое свое путешествіе по Америкѣ Диксонъ замѣтилъ, „что чернокожій сынъ тропиковъ, которому жаръ какъ-бы вдыхаетъ жизнь, бѣжитъ съ холоднаго сѣвера, гдѣ бѣлый набираетъ свои силы, и предпочитаетъ болота и саванны юга, гдѣ между пальмами, хлопчатникомъ и сахарнымъ тростникомъ находятъ тѣ блестящія колоритомъ картины, которыя тѣшатъ его взоры, и тотъ солнечный зной, подѣ которымъ кровь его согревается“ *). Единственное доказательство, приводимое Диксономъ въ подтвержденіе вымиранія черной расы—распространеніе дѣтубійства, вовсе не аргументъ. Дѣтубійство никогда не истребляло расы и вообще никакая раса не исчезала отъ самоубійства, а всѣ умершія расы погибали насильственной смертью. Къ тому-же дѣтубійство скорѣе доказательство густоты и умноженія народонаселенія, чѣмъ его убыли, что подтверждается примѣромъ Китая, на который ссылается Диксонъ. Наконецъ, дѣтубійство можно пресѣчь рациональными мѣрами, законодательными и административными.

Относительно неспособности негровъ къ образованію Диксонъ немного распространяется, но, принявъ это за аксіому, рисуетъ слѣдующую картину идеальнаго и практическаго негра: „Въ библіотекѣ вашингтонскаго Капитолія стоитъ статуя подѣ названіемъ Стражъ Націи — это молодой негръ во всей силѣ юности. Его фигура дышетъ физической мощью, лицо сіяетъ, глаза подняты вверху, какъ-бы отыскивая свѣта. Мужественный, энергичный, трудолюбивый, жаждущій знаній и сознающій свою свободу, онъ не знаетъ еще, какъ примѣнить свои природные дары. Вотъ

*) Новая Америка. Соч. В. Г. Диксона, стр. 202. С.-Петербургъ, 1867 г.

идеальное изображеніе негра. Въ окнахъ картинной лавки въ Ричмондѣ выставленъ его портретъ, сдѣланный солнцемъ безъ всякой прикрасы. Онъ сидитъ на дворѣ, среди грязи и мусора. Ему надо вычистить дворъ, но яркое солнце его соблазняетъ. Ни одинъ негръ не любитъ труда, а всѣ лѣнны и мечтательны. Одной рукой онъ играетъ метлой, а другой поддерживаетъ голову; онъ не ищетъ никакого свѣта, а закрывъ глаза, съ удовольствіемъ ощущаетъ солнечный зной на своемъ тѣлѣ. Вотъ практическое изображеніе чернокожаго дьяволенка“. Не такъ относился тотъ-же Диксонъ въ этому вопросу девять лѣтъ тому назадъ и въ „Новой Америкѣ“ онъ прямо говорилъ, что „негръ по своему трудолюбію, общественнымъ склонностямъ и добродушію способенъ достигнуть высшей степени гражданской жизни“. Его новый взглядъ на чернокожаго гражданина Соединенныхъ Штатовъ тѣмъ страннѣе, что онъ не поддерживаетъ его почти никакими фактами, а только повторяетъ голословныя обвиненія негровъ въ лѣни, пьянствѣ, подкупности, мелкои самолюбіи и тому подобныхъ порокахъ. Его бѣлую кожу какъ-будто оскорбляетъ, что въ южныхъ штатахъ негры—судьи, шерифы, губернаторы, члены парламента, сенаторы, и онъ съ злорадствомъ замѣчаетъ, что „негръ смотритъ на всякую должность только какъ на мѣсто, гдѣ онъ можетъ ничего не дѣлать, курить, получать жалованье, говорить грубо со всякимъ, а потому ему все равно, чѣмъ ни быть, судьей или тюремщикомъ“. Съ подобнымъ-же остроуміемъ онъ передаетъ рассказъ одного пріятеля-южанина: „Васъ очень позабавили-бы многіе изъ нашихъ черныхъ политиковъ; сегодня утромъ мой цвѣтной слуга, чистя сапоги, спросилъ съ улыбкой, какъ ему сдѣлать, чтобъ попасть въ члены парламента. Онъ еле читаетъ и не пишетъ, онъ убираетъ мои комнаты, сѣдлаетъ лошадь и хочетъ составлять для меня законъ“.

Въ этихъ послѣднихъ словахъ есть нѣкоторая доля правды и, дѣйствительно, странное, смѣшное и виѣсть печальное зрѣлище представляли втеченіи послѣднихъ лѣтъ южные штаты, гдѣ невѣжественные, часто неграмотные негры управляли образованнымъ меньшинствомъ, а иногда даже и большинствомъ. Но кто въ этомъ виноватъ? По окончаніи междоусобной войны, правительство Соединенныхъ Штатовъ не могло довѣрять мятежникамъ, которые изъ-за своихъ личныхъ интересовъ вовлекли отечество въ

кровавую пятилѣтнюю войну, не могло отдать въ руки униженныхъ, плалющихъ ненавистью рабовладѣльцевъ бѣдныхъ негровъ, только-что получившихъ свободу. По справедливому выраженію сэра Чарльса Дилке, „Соединеннымъ Штатамъ предстоялъ выборъ между управленіемъ Юга неграми или военными проконсулами; первое было безопаснѣе и не грозило погубить въ-концѣ-концовъ свободу СѢвера“, а потому на эту мѣру и рѣшились. Нѣкоторые доктринеры парламентаризма предлагали, повидимому, разумную и справедливую мѣру — умственный цензъ, т. е., чтобъ негры могли пользоваться избирательными правами только подѣ условіемъ грамотности. Но это была очевидная нелѣпость, такъ-какъ этимъ путемъ, въ виду невѣжества негровъ, которымъ во время рабства запрещалось учиться читать подѣ самыми страшными наказаніями, вся политическая власть перешла-бы въ руки мятежныхъ рабовладѣльцевъ, которые легко нашли-бы способъ возстановить рабство подѣ той или другой формѣ. Если-бы негры могли воспользоваться избирательными правами только научившись читать, то, конечно, плантаторы приняли-бы мѣры, чтобъ до этого никогда не дошло *). Такимъ образомъ, необходимость заставила Соединенные Штаты вручить политическую власть на югѣ освобожденнымъ неграмъ и, въ общемъ итогѣ, результатъ этой смѣлой попытки не заставилъ раскаяться государственныхъ людей СѢвера. Если-же южанамъ и пришлось тяжело, а главное — унижительно, то они должны были пенять сами на себя. Къ тому же во всѣхъ беспорядкахъ, притѣсненіяхъ и незаконностяхъ, происшедшихъ въ южныхъ штатахъ отъ этого ненормальнаго положенія вещей, особенно въ послѣдніе два года, не столько виновата невѣжественность или политическая неспособность негровъ, сколько позорная дѣятельность низкихъ авантюристовъ, которые эксплуатировали чернокожихъ и ловили рыбу въ мутной водѣ. Главная-же отвѣтственность за трагическія событія въ Новомъ Орлеанѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ свирѣпствовали междоусобія черныхъ и бѣлыхъ, должна пасть на эгоистичную, коварную политику президента Гранта, который жертвовалъ всѣмъ для своего вторичнаго избранія и подготовки третьихъ выборовъ. Диксонъ приводитъ нѣсколько отзывовъ самихъ южанъ,

*) Greates Britain, by Sir Ch. Dilke, London, 1872.

подтверждающихъ, что главный источникъ смуть — Грантъ и его сподвижники въ родѣ кровожаднаго Шеридана, героя луизианской исторіи.

— Мы могли-бы спокойно жить съ черными избирателями, сказала Диксону одинъ вліятельный южный аристократъ: — мы ихъ знаемъ и они насъ знаютъ. У насъ не было-бы никакихъ беспорядковъ, если-бъ увели союзную армію и убрали сѣверныхъ авантюристовъ.

— Такъ вы не боитесь негритянского большинства?

— Нисколько, если этимъ большинствомъ не руководитъ военный начальникъ. Мы ненавидимъ только милитаризмъ, правительство меча, нарушающее всякую свободу.

Дѣйствительно, въ тѣхъ штатахъ, гдѣ пришли искатели приключеній и президентскія интриги не возбуждали беспорядковъ, негры, по словамъ самого Диксона, оставались спокойными и принимали мало участія въ политикѣ, а занимались земледѣліемъ, составляющимъ ихъ главное занятіе до настоящаго времени. Если же, какъ, напримѣръ, въ Южной Каролинѣ, въ ихъ рукахъ заключается парламентское большинство, то, благодаря умѣренности блага населенія, дѣла идутъ, по выраженію Диксона, очень гладко. Такимъ образомъ, при ближайшемъ взглядѣ на событія послѣднихъ лѣтъ въ южныхъ штатахъ оказывается, что главные виновники всего, что совершалось и еще совершается дурного, не чернокожіе, а бѣлые. Диксонъ, который, надо отдать ему справедливость, безпристрастно приводитъ всѣ собираемые по пути факты, передаетъ любопытный разговоръ съ однимъ образованнымъ негромъ, прекрасно очерчивающій положеніе такъ-называемаго африканскаго вопроса. Этотъ негръ, по имени Томъ Честеръ, родомъ изъ Новаго Орлеана, получилъ воспитаніе въ Лондонѣ и вмѣстѣ съ Диксономъ держалъ экзаменъ въ адвокаты, послѣ чего онъ возвратился на свою родину и тамъ занимается адвокатурой, посѣщая отъ времени до времени Европу.

— Я по рожденію южанинъ, говорилъ онъ Диксону, — и желаю жить въ мирѣ съ моими бѣлыми сосѣдями. Я не государственный дѣятель и никогда не занималъ и не искалъ никакихъ должностей. Я не стыжусь цвѣта моей кожи и признаю, что многіе изъ моихъ соотечественниковъ невѣжественны, глупы и лѣнивы. Но такими ихъ создалъ Богъ, но увѣряю васъ, что у

ихъ много и хорошихъ качествъ. Если-бъ ихъ оставили въ покоѣ, то они скоро помирились-бы съ своими прежними господами. Не чернокожіе производятъ безпорядки, а сѣверные искатели приключеній, дѣйствующіе изъ своихъ личныхъ выгодъ. Эти люди только на словахъ наши друзья. Вы меня знаете. Въ Новомъ Орлеанѣ меня уважаютъ всѣ адвокаты и судьи, никто не отказывается входить со мною въ сношенія, и я гостепріимно принять во всѣхъ знатныхъ и простыхъ домахъ, какъ здѣсь, такъ и въ Европѣ. Но побѣжай я на сѣверъ, на родину этихъ ложныхъ друзей, и мнѣ не позволятъ обѣдать за общимъ столомъ въ гостиницахъ. Повторяю, все пойдетъ хорошо на югѣ, когда насъ поставятъ въ покоѣ.

Лучшіе люди на югѣ также мало-по-малу приходятъ къ тому убѣжденію, что африканскій вопросъ можетъ и долженъ разрѣшиться только честнымъ, гуманнымъ содѣйствіемъ бѣлыхъ улучшенію умственного, нравственного и экономическаго положенія негровъ. „Люди черной расы, говоритъ одинъ изъ первыхъ аристократовъ Южной Луизианы, Дудлей, въ публичномъ собраніи, — отличаются добротой, привязанностью и желаніемъ опереться на товарищей своихъ дѣтскихъ игръ. Съ подобными натурами дѣло примиренія легко, будемъ только къ нимъ справедливы, мало того — великодушны. Мы многимъ имъ обязаны. Они работали на насъ во время войны, когда ихъ личный интересъ побуждалъ ихъ вступить съ нами въ борьбу. Они защищали наши семейства, когда мы были далеко на полѣ брани. Конечно, если кто-нибудь связывалъ нравственный долгъ, то это насъ въ отношеніи къ этимъ людямъ, которые теперь нуждаются въ нашей помощи, чтобъ обезпечить себѣ тѣ права, которыхъ они никогда не требовали, а получили вслѣдствіе войны. Заплатимъ имъ за доброту и преданность честнымъ признаніемъ ихъ новыхъ правъ — и тридцати-тысячное большинство, до сихъ поръ враждебное намъ, перейдетъ на нашу сторону. Конечно, этого нельзя сдѣлать вдругъ, но начало уже положено и отношенія между двумя расами съ каждымъ днемъ становятся все лучше и лучше“. Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ осуществленію подобной либеральной программы, по мнѣнію самыхъ компетентныхъ судей, служить правильная и справедливая организація земледѣльческаго труда негровъ. По словамъ Джемса Пайка, бывшаго американскаго посланника въ

Гаагъ и автора любопытной, но нѣсколько пристрастной къ Югу книги: „Южная Каролина подъ управленіемъ негровъ“, уже сдѣлано нѣсколько подобныхъ попытокъ. По двадцати и болѣе семействъ негровъ берутъ вмѣстѣ землю въ аренду у своихъ прежнихъ господъ и производятъ хлопчатку сообща, дѣля поровну барыши. Одна изъ колоній вела дѣла такъ успѣшно, что купила на сбереженныя деньги нѣсколько сотъ акровъ земли и продолжаетъ свое предпріятіе на правахъ собственности. „Я убѣжденъ, говоритъ Пайкъ, — что никогда на свѣтѣ не было такого прекраснаго случая организовать земледѣльческій трудъ на условіяхъ, одинаково выгодныхъ для рабочихъ и владѣльцевъ земли. Негры энергично, быстро, хорошо работаютъ, не требовательны, добродушны и вполне оцѣнили-бы систему образцовыхъ плантацій, на которыхъ они получали-бы хорошую заработную плату, при хорошей пищѣ и хорошихъ жилищахъ. Благодѣтельный результатъ подобной попытки очевиденъ: улучшивъ физическое положеніе негровъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ подготовили-бы ихъ общественное и нравственное возвышеніе, положили-бы основу мирному возрожденію черной расы“.

Такимъ образомъ, и относительно черной расы приходится повторить то-же, что мы уже сказали по поводу красной и желтой, — не сомкнуть ряды въ воинственныхъ азартѣхъ предстоитъ бѣлой расѣ, какъ совѣтуетъ Диксонъ, а, напротивъ, путемъ гуманности, образованія и справедливой организаціи труда сначала примирить, а потомъ совершенно слить съ собою всѣ другія расы, встрѣчающіяся на ея побѣдоносномъ пути къ прогрессу и цивилизаціи.

В. Т.

ПЕРВОБЫТНАЯ ЖИЗНЬ.

(Сэръ Дж. Лебокъ.—До-историческія времена или первобытная эпоха чело-
вѣчества, представленная на основаніи изученія остатковъ древности и нравовъ
и обычаевъ современныхъ дикарей. Переведено съ третьяго англійскаго изданія
подъ редакціей Д. Н. Анучина. М., 1876 г.)

Съ незапамятныхъ временъ вниманіе людей возбуждалось на-
ходимыми въ землѣ каменными предметами, имѣющими видъ
стрѣлъ, топоровъ, наконечниковъ копій. Въ древности имъ при-
писывали сверхъестественное происхожденіе. Вотъ что, напр., го-
ворить о нихъ старинная книга „Луцидаріусъ, сирѣчь просвѣ-
титель, иже глаголетъ толкованіемъ“: „сіе бываетъ отъ сраженія
облаковъ, егда вѣтры отъ моря придуть и сразятся на аерь, и
смѣсится огнь вкупѣ, и бываетъ буря сильна, еже и воздухъ
растерзати, и бываетъ стукъ, его же мы слышимъ громъ. Бы-
ваетъ-же въ то время молнія и исходятъ на землю падающа
стрѣлки громныя и топорки, и сіе бываетъ на устрашеніе де-
монамъ, зане бо демоны наблюдаютъ тогда, на кую страну Богъ
казнь напуститъ“. Подобное мнѣніе въ народѣ удержалось до
сихъ поръ; такъ-называемыя громовыя *стрѣлки* считаются про-
исходящими отъ молніи, пользуются суевѣрнымъ уваженіемъ и
даже употребляются противъ разныхъ болѣзней. Даже многіе
прежніе ученые приписывали ихъ происхожденіе молніи, которая
будто, ударивъ въ несокъ, мгновенно сплавляла его и такимъ
образомъ производила нѣчто въ родѣ копья или стрѣлы. Въ ста-
рину тотъ возбудилъ-бы смѣхъ, кто-бы вздумалъ утверждать, что
эти стрѣлы и топоры сдѣланы нашими предками, жившими въ
первобытнаго эпохи человѣческой жизни на землѣ. Очень долго
историческая наука не выходила изъ границъ традицій и не при-

давала важнаго значенія упомянутымъ и подобнымъ имъ до-историческимъ древностямъ. Ими, пожалуй, интересовались какъ курьезами, но не считали ихъ листами первобытной лѣтописи. Большинство писателей утверждало, выражаясь словами Пальгрева, что „мы должны совершенно отказаться отъ изученія нѣмого прошлаго, какъ его событій и хронологій, такъ его ученій и вѣрованій, и это не только въ приложеніи къ Европѣ, но также къ Азіи, Африкѣ и Америкѣ, какъ относительно Фивъ, такъ Паленки, какъ въ отношеніи ликійскаго берега, такъ и Салисбурійской долины. Что потеряно, то потеряно, и что исчезло, то исчезло навсегда“. Но въ послѣднее время геологія и до-историческая археологія даютъ возможность проникать въ такія отдаленныя эпохи, о которыхъ не сохранилось даже самыхъ темныхъ преданій. Правда, что при настоящемъ состояніи нашихъ знаній мы не можемъ еще отличить скелетъ дикаря отъ скелета философа, тогда какъ по костямъ и зубамъ животнаго можно составить себѣ ясное понятіе объ его привычкахъ и образѣ жизни. Но, съ другой стороны, отъ животнаго остаются только зубы да кости, тогда какъ первобытнаго человѣка мы можемъ изучать по его произведеніямъ: его жилище объясняетъ намъ образъ его жизни, его гробницы указываютъ на культъ мертвыхъ, его оружіе и укрѣпленія говорятъ о способѣ войны, по его храмамъ мы можемъ судить о его религіи, по инструментамъ—о его потребностяхъ и способѣ ихъ удовлетворенія, по его украшеніямъ—о степени его эстетическаго вкуса. На основаніи внимательнаго изученія упомянутыхъ до-историческихъ остатковъ, возникшая въ наши дни новая наука до-исторической археологіи раздѣляетъ первобытную исторію человѣчества на четыре большихъ періода: 1) періодъ отложенія или наносовъ ледяной эпохи, когда человѣкъ жилъ въ Европѣ вмѣстѣ съ мамонтомъ, пещернымъ медвѣдемъ, покрытымъ шерстью носорогомъ и другими нынѣ вымершими животными. Въ эту эпоху человѣкъ употреблялъ каменные орудія, еще не умѣя, какъ слѣдуетъ, обтесывать и шлифовать ихъ; этотъ періодъ называется *древне-каменнымъ* (палеолитическимъ). 2) Позднѣйшій періодъ отличается отъ предыдущаго оружіемъ и инструментами, прекрасно сдѣланными изъ полированнаго камня разныхъ породъ, и называется *ново-каменнымъ* (неолитическимъ). 3) Въ *бронзовомъ* періодѣ камень былъ вытѣсненъ бронзой, и, наконецъ, 4)

въ *железномъ* періодѣ, желѣзо, какъ матеріалъ для оружія и инструментовъ, вытѣснило бронзу.

Каменные орудія, находящіяся во множествѣ во всемъ свѣтѣ, приготовлялись изъ всевозможныхъ породъ, обладающихъ достаточною крѣпостью, — кремня, гранита, базальта и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ орудія дѣлались просто изъ кремня, находящагося на поверхности земли, но въ другихъ случаяхъ первобытному человѣку стоило большого труда, чтобы добыть хорошей кремень, и для этого нужно было разрабатывать кремневые приски или „грязныя ямы“, изслѣдованныя недавно Гринуэлемъ въ Англіи. Инструментами для этихъ горныхъ работъ служили въ то время оленья рога, обдѣланные такъ, что они походили на нашу кирку. Одна изъ упомянутыхъ шахтъ оказалась завалецною, и, по удаленіи мѣла, можно было подробно рассмотреть всю галерею. Разработка кремня производилась здѣсь въ трехъ различныхъ мѣстахъ, и передъ двумя изъ этихъ углубленій лежали двѣ кирки изъ оленьяго рога, направленные остриемъ къ камню. Очевидно, онѣ лежали тамъ, гдѣ ихъ бросили рабочіе, и поверхность ихъ была покрыта еще мѣловою пылью, на которой въ одномъ мѣстѣ виднѣнъ былъ даже отпечатокъ руки работника. Очевидно, что эти кирки были оставлены по окончаніи дневной работы, а ночью обвалъ завалилъ галерею. „Это была потрясающая минута, говоритъ Гринуэль, — которую я никогда не позабуду, когда передъ нашими глазами открылась неоконченная работа, производившаяся, вѣроятно, тысячи лѣтъ назадъ, и когда мы увидѣли орудія, оставленные въ дверяхъ за нѣсколько тысячелѣтій до нашего времени“. Не удивляйтесь, какъ слѣдуетъ, обтесывать и полировать камня, первобытные дикари обдѣлывали его посредствомъ давленія, какъ еще до сихъ поръ эскимосы выдѣлываютъ свои инструменты изъ роговика. „Они, говоритъ Бальгеръ, — берутъ деревянный обрубокъ, въ которомъ вырѣзано ложковидное углубленіе, кладутъ въ него предназначенный для разщепленія камень и, осторожно надавливая его вертикально, вдоль края, то съ одной стороны, то съ другой, въ родѣ того, какъ это дѣлается при оттачиваніи пилы, отбиваютъ отъ него съ обѣихъ сторонъ небольшіе кусочки, и продолжаютъ это до тѣхъ поръ, пока предметъ не получитъ желаемой копьевидной или стрѣловидной формы, съ двумя рѣзущими зубчатыми краями“.

Кромѣ стрѣлъ и наконечниковъ копій, первобытный человѣкъ приготавливалъ изъ камня молоты и грубые топоры, которые употреблялись сначала даже безъ рукоятокъ, а потомъ уже начали придавливать къ нимъ ручки. Къ топору и молоту нужно причислить еще каменный скребокъ, пилу, долото, бинжалъ, шило, метательный камень и нѣкоторые другіе инструменты, находящіяся во множествѣ во всѣхъ частяхъ свѣта и частію употребляющіяся до послѣдняго времени эскимосами, австралійцами и другими дикарями. Эти послѣдніе, современные намъ дикари, имѣютъ для историка и археолога такое-же значеніе, какое для геолога имѣютъ остатки вымершихъ животныхъ. Извѣстно, что многія животныя имѣютъ въ Азіи, Африкѣ, Америкѣ и Австраліи еще и теперь живыхъ представителей, по которымъ можно изучать ихъ ископаемыхъ предковъ; точно также орудія и образъ жизни первобытнаго человѣка можно изучать не только по археологическимъ остаткамъ, но также по орудіямъ и жизни современныхъ дикарей, стоящихъ на первобытной ступени развитія; въ этомъ случаѣ жители Вандименовой земли и южной Америки имѣютъ для археолога такое-же значеніе, какое представляетъ геологу сумчатый опосумъ или лѣннивецъ.

Немного было орудій у первобытнаго человѣка и всѣ они были крайне несовершенны, между тѣмъ съ помощью ихъ онъ долженъ былъ удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ:—рубить деревья, выдалбливать лодки, вырывать корни, нападать на враговъ, убивать звѣрей, разрѣзывать мясо, прорубать проруби зимою, колоть дрова на топливо и т. д. несовершенство орудій восполнялось у него необыкновенной мѣткостью и ловкостью, необыкновенною остротою всѣхъ физическихъ чувствъ, которыми еще и до сихъ поръ отличаются дикари. Первобытный человѣкъ могъ съ успѣхомъ сражаться даже съ такими чудовищами, какъ мастодонтъ. Въ штатѣ Миссури докторъ Кохъ нашелъ скелетъ мастодонта, при обстоятельствахъ, указывающихъ, что онъ былъ побитъ камнями съ помощью огня. „Огонь, говоритъ Кохъ, — очевидно, не былъ случайнымъ, но былъ разведенъ нарочно людьми и, по всему вѣроятію, съ цѣлью убить громаднаго звѣря, попавшаго въ болото и находившагося въ совершенно безпомощномъ положеніи. Я нашелъ также въ массѣ золы кости и камня, нѣсколько наконечниковъ стрѣлъ, одинъ каменный наконечникъ копья и нѣ-

сколько каменных топоров". Въ этой борьбѣ за существованіе съ животными и подобными себѣ людьми первобытный человѣкъ имѣлъ двѣ главныя цѣли, — собственную безопасность отъ враговъ и приобрѣтеніе пищи. Ъда служила ему, конечно, высочайшимъ наслажденіемъ, и съ характеромъ его питанія мы можемъ познакомиться до мельчайшихъ подробностей по питанію современныхъ дикарей. Пища австралійцевъ, напр., состоитъ изъ кореньевъ, плодовъ, грибовъ, моллюсковъ, лягушекъ, змѣй, дикаго меда, червей, насѣкомыхъ, птицъ, рыбъ, черепахъ, кенгуру, собакъ. Кита австралійцы не въ состояніи убить, но за то если выброшенъ на берегъ трупъ кита, то у нихъ начинается величайшій праздникъ, зажигаются фостры, дающіе вѣсть о радостномъ событіи самымъ отдаленнымъ становищамъ; туземцы намазываютъ китовымъ жиромъ самихъ себя и своихъ любимыхъ женъ и приступаютъ къ трапезѣ. Прорѣзавъ слой жира и добравшись до мяса, они вырѣзываютъ его кусками и ѣдятъ сырое или слегка поджариваютъ, воткнувъ на палку. Подходятъ новыя и новыя туземцы и буквально *продаютъ* кита, копошась внутри и около его вонючаго остова и отыскивая лакомые кусочки. По цѣлымъ днямъ они остаются возлѣ этой падали, измазанные съ головы до ногъ вонючей ворванью и наѣдаясь до-отвала гнилымъ мясомъ, пока, наконецъ, у нихъ не разстроится желудокъ, не начнется рвота и не выплеть сыпь по всему тѣлу. Или вотъ обѣдъ эскимосовъ, описанный капитаномъ Леономъ: „Кулитукъ, говоритъ онъ, — ѣлъ до тѣхъ поръ, покуда не впалъ въ совершенно безсознательное состояніе. Лицо его разгорѣлось и побагровѣло, ротъ раскрылся, сонъ постоянно одолевалъ его. Возлѣ сидѣла его жена, которая наблюдала за его котелкомъ и отъ времени до времени будила своего супруга, чтобы съ помощью указательнаго пальца засунуть ему въ ротъ по-возможности большой кусокъ полусырого мяса, отрѣзывая его ножомъ подлѣ самаго рта. Кулитукъ медленно пережевывалъ мясо, и какъ только получалось немножко свободнаго мѣста, жена снова засовывала ему сырой ворвани. При этомъ счастливый человѣкъ не шевелилъ ни однимъ членомъ, за исключеніемъ челюстей, и даже не открывалъ глазъ. Только по временамъ, когда получалось свободное мѣсто для прохожденія звука, онъ издавалъ какое-то выразительное хрюканье, которое должно было выражать его край-

нее удовольствіе. Падающія капли лакомой пищи покрывали въ избыткіи его шею и лицо, и все это производило на меня такое непріятное впечатлѣніе, что, по моему крайнему убѣжденію, обжирющійся такимъ образомъ человѣкъ болѣе приближается къ животному, чѣмъ тотъ, который доводитъ себя до безсознательнаго положенія помощію спиртныхъ напитковъ“ (стр. 397.) Валласъ слѣдующимъ образомъ описываетъ пещересовъ: „Они были покрыты тюленьими шкурами, отъ которыхъ нестерпимо пахло, и съ большимъ апетитомъ пожирали сыръежъ гнилую рыбу и китовый жиръ. Нѣкоторые изъ нашихъ матросовъ, которые ловили рыбу удочками, дали одному туземцу только-что пойманную живую рыбу. Индѣецъ жадно схватилъ ее, какъ собака кость, немедленно убилъ, прокусивъ возлѣ жабръ, и началъ ѣсть, не отбрасывая ни костей, ни внутренностей, ни чешуи, ни плавниковъ. Ихъ способъ приготовленія пищи еще отвратительнѣе. Фипрой и Байронъ говорятъ, что онъ слишкомъ отвратителенъ, чтобы его описывать“. Однимъ изъ первыхъ лакомствъ для современнаго дикаря служитъ мозгъ въ костяхъ; тѣкъ-же самымъ мозгомъ, нерѣдко даже человѣческимъ, лакомились и первобытные дикари каменнаго періода, какъ это показываетъ множество костей, несомнѣнно расколотыхъ ихъ инструментами съ очевидною цѣлью достать мозгъ.

Искусство добыванія огня уже было извѣстно въ каменный періодъ и тогдашніе люди несомнѣнно пользовались огнемъ для того, чтобы готовить пищу, помогать своимъ несовершеннымъ инструментамъ для сваливанія деревьевъ, борьбы съ животными и т. д. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что первобытный человѣкъ, подобно современному дикарю, нуждается въ огнѣ гораздо меньше, чѣмъ люди цивилизованные. Даже въ ледяныхъ хижинахъ эскимосовъ огонь употребляется не для согрѣванія жилища, а для таянія снѣга для воды. Въ такихъ ледяныхъ хижинахъ тепло для эскимосовъ хуже холода, такъ-какъ при малѣйшемъ теплѣ крыша начинаетъ таять и падающія внизъ капли причиняютъ жильцамъ большія неудобства и даже болѣзни. Поэтому эскимосы не могли-бы пользоваться огнемъ даже въ томъ случаѣ, если-бы у нихъ было много лѣсу. Они, повидимому, и не думаютъ о томъ, что огонь можетъ согрѣвать. Въ этомъ отношеніи огонь замѣняется у нихъ большимъ количествомъ животной пищи,

повышающей температуру тѣла. Тепло эскимось получаетъ отъ ворвани, которая горитъ въ его лампахъ и которою онъ, въ то же время, переполняетъ свой желудокъ (стр. 399.) Докторъ Гукеръ говоритъ, что на крайнемъ югѣ Огненной Земли ему случилось видѣть среди зимы совершенно голыхъ мужчинъ, спящихъ въ своихъ вигвамахъ, тогда какъ женщины, тоже нагія, и иногда еще съ дѣтьми на груди, стояли по поясъ въ водѣ и занимались отыскиваніемъ съѣдобныхъ моллюсковъ, тогда какъ снѣгъ падалъ хлопьями на нихъ и на ихъ несчастныхъ малютокъ. По-видимому, огонь не особенно нуженъ имъ,* такъ-какъ они и не думаютъ пользоваться имъ для нагрѣванія своихъ жилищъ и только изрѣдка позволяютъ себѣ, въ видѣ роскоши, погрѣть на огнѣ свои руки и ноги. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что если-бы они были лишены этого источника теплоты, то едва-ли-бы чаще гибли отъ изнеможенія, чѣмъ это происходитъ теперь (стр. 433.) „Обыкновенно, замѣчаетъ Лебокъ,— полагаютъ, что человѣкъ едва-ли можетъ жить безъ огня даже въ умѣренномъ климатѣ, не говоря уже о холодномъ, однакожь, факты заставляютъ усомниться въ справедливости этого мнѣнія. Эскимосы не употребляютъ огня для отопленія своихъ жилищъ и даже на варку кушанья смотрятъ, какъ на роскошь. Тѣ-же изъ нихъ, которые питаются болѣе оленьимъ, чѣмъ тюленьимъ мясомъ, и имѣютъ мало ворвани, почти вовсе не употребляютъ огня“ (стр. 399.) И было, конечно, время, когда человѣкъ жилъ безъ огня.

Каменныхъ орудій и огня было достаточно человѣку древне-каменнаго періода для борьбы съ животными, хотя въ числѣ послѣднихъ и были такія ужасныя чудовища, какъ мастодонтъ. Въ Америкѣ человѣкъ жилъ въ одно время съ нимъ, а въ Европѣ, въ продолжительную эпоху необдѣланныхъ каменныхъ орудій, оспаривали у человѣка господство надъ землей тотъ-же мастодонтъ, пещерный медвѣдь, первобытный медвѣдь, пещерная гіена, пещерный левъ, древній слонъ, покрытый шерстью носорогъ, гиппопотамъ, мускусный быкъ, дикая лошадь, сѣверный олень, первобытный быкъ. Эти звѣри появлялись въ Европѣ и исчезали изъ нея послѣдовательно, подъ вліяніемъ географическихъ и климатическихъ перемѣнъ (стр. 228—245.) Что-же касается прирученія животныхъ, то прежде всего ему подверглась собака. „Сна-

чала собака была, вѣроятно, товарищемъ человѣка по охотѣ, говоритъ Лебокъ, — хитрость одного дополнялась быстротой другой и оба дѣлились между собою результатами своихъ поисковъ. Постепенно, однакожъ, умъ получилъ преобладаніе надъ матеріей и человѣкъ сдѣлался господиномъ. Тогда собаку стали употреблять для другихъ цѣлей, менѣе соответствующихъ ея природнымъ качествамъ. Эскимось заставилъ ее возить сани; чинукъ сталъ держать ее изъ-за шерсти; островитянинъ Южнаго океана, за недостаткомъ дичи, сталъ разводить ее для пищи; индѣйцы чонось приучили ее ловить рыбу; племена, сдѣлавшіяся пастушескими, приучили и собакъ своихъ стеречь стада; наконецъ, еще Плиній сообщаетъ, что въ древности своры собакъ употреблялись на войнѣ. Даже бнѣкъ, который далеко не такъ поворотливъ, какъ собака, былъ приученъ различными племенами къ первому и къ двумъ послѣднимъ изъ перечисленныхъ видовъ службы“ (стр. 445.)

Первыя жилища первобытнаго человѣка состояли, конечно, въ ямахъ, древесныхъ пустыхъ стволахъ и подобныхъ убѣжищахъ, приготовленныхъ самою природою. О жителяхъ пещеръ упоминалъ еще Гомеръ, но его Полифемъ человѣкъ уже культурный, онъ скотоводъ, онъ уже находится на той ступени развитія, за которою слѣдуетъ переходъ къ искусственному жилищу. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нашего вѣка въ пещерахъ Англіи, Франціи и Бельгіи ученые стали находить кости мамонта и другихъ вымершихъ животныхъ вмѣстѣ съ грубыми каменными орудіями и костями человѣка. Въ Trou de la Naulette нашли нижнюю человѣческую челюсть, которая по своей небольшой вышинѣ, значительной толщинѣ, неизмѣннѣю подбородочнаго выступа и величинѣ зубныхъ ячеекъ представляетъ чрезвычайно интересный экземпляръ, приближающійся къ типу обезьяны. Въ Сициліи, въ гротѣ Макканьонѣ, найдены также слѣды человѣка, состоящіе изъ золы и грубыхъ кремневыхъ орудій, вмѣстѣ съ костями древняго слона, мамонта и гиппопотама. Въ „пещерномъ“ поселеніи въ Солютре, во Франціи, были найдены человѣческіе черепа, кости мамонта и болѣе, чѣмъ 10,000 лошадей. Въ Ментонской пещерѣ былъ найденъ цѣлый человѣческій скелетъ съ долихоцефальнымъ черепомъ, а въ Голубиномъ Гротѣ, въ Италіи, — дѣтскія кости съ ясными слѣдами ножа, показывающими, что ребенокъ былъ съѣденъ людьми. Находимыя въ пещерахъ Франціи

кости сѣвернаго оленя тоже свидѣтельствуютъ о присутствіи человѣка, такъ-какъ онѣ обыкновенно расколоты ножемъ для извлеченія изъ нихъ мозга, а нѣкоторыя изъ нихъ обдѣланы въ видѣ инструментовъ. Носорогъ былъ тоже современникомъ жителей европейскихъ пещеръ, такъ-какъ находимыя въ послѣднихъ кости его сохранили до сихъ поръ ясныя слѣды ножа. Особенно интересны для изслѣдователя первобытнаго пещернаго поселенія въ Мутье, во Франціи. „Дордона протекаетъ въ глубокихъ долинахъ, прорѣзанныхъ въ известковыхъ слояхъ, и хотя бока такихъ долинъ въ мѣловыхъ мѣстностяхъ обыкновенно бываютъ отлоги, но здѣсь, вѣроятно, вслѣдствіе плотности горной породы, они часто являются совершенно отвѣсными. Маленькіе пещеры и гроты встрѣчаются тутъ весьма часто; кромѣ того, такъ-какъ различные слои обладаютъ неодинаковою устойчивостью отъ атмосферическихъ вліаній, то стѣны скалъ являются во многихъ мѣстахъ расколотыми, треснувшими, образуютъ разсѣлины или ниши. Въ очень отдаленныя времена эти разсѣлины и ниши служили убѣжищами людямъ, которые оставили тутъ послѣ себя многочисленныя слѣды своего пребыванія. Но съ развитіемъ культуры человѣкъ уже не сталъ довольствоваться этими природными убѣжищами, а началъ самъ выдалбливать гроты, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вся поверхность скалы представляется изрытою ячеями, дверями и окнами, ведущими въ рядъ отдѣльныхъ камеръ, иногда расположенныхъ ярусами. Безъ сомнѣнія, многіе изъ этихъ гротовъ служили еще убѣжищами и укрѣпленіями въ сравнительно поздній періодъ, какъ, напр., въ смутныя времена среднихъ вѣковъ, а нѣкоторые даже и теперь еще служатъ кладовыми и для другихъ цѣлей, какъ, напр., въ Брантомѣ, гдѣ въ одномъ изъ такихъ гротовъ помѣщается часовня“ (стр. 255.) Подобныя пещерныя города есть и у насъ въ Крыму. Въ этихъ пещерахъ люди начали жить еще въ эпоху мастодонта и въ началѣ древнекаменнаго періода, орудія котораго во множествѣ находятся въ нихъ. Въ нихъ-же сохранились и ясныя доказательства того, что тогдашній человѣкъ достигъ уже довольно высокой степени умственной культуры; объ этомъ свидѣлствуютъ, напр., пластинка, очевидно, игравшая роль нынѣшней записной книжки, и прекрасно сдѣланные на кости рисунки рыбъ, горнаго козла, сѣвернаго оленя и мамонта. Изъ найденныхъ до сихъ поръ человѣче-

скихъ череповъ особенно обращаетъ на себя вниманіе черепъ изъ неандертальской пещеры. „Съ какой-бы стороны мы ни разсматривали этотъ черепъ, говоритъ Гексли, — обратимъ-ли мы вниманіе на его сжатость въ вертикальномъ направленіи, на необыкновенное развитіе надбровныхъ дугъ, на покато́сть затылка или на его длинный и прямой чешуйчатый шовъ,—вездѣ мы встрѣчаемся съ особенностями, напоминающими обезьяній типъ“. Нѣкоторые предполагали, что этотъ черепъ принадлежалъ идиоту, но эта гипотеза не имѣетъ никакихъ прочныхъ основаній, и хотя по своей формѣ черепъ значительно отличается отъ нынѣшняго человѣческаго, но заключавшійся въ немъ мозгъ, по вычисленію Гексли, имѣлъ приблизительно 75 кубич. дюймовъ, т. е. равнялся средней величинѣ мозга нынѣшнихъ полинезійцевъ и готтентотовъ (с. 271.) Въ послѣднее время подобныя-же человѣческіе черепа найдены въ пещерахъ гibraltarскихъ, эгисгеймской, брюкской и др. „Въ кромальонской пещерѣ, во Франціи, говоритъ Брока,—были найдены остовы почти 500 человѣкъ; но только три черепа, два мужскихъ и одинъ женскій, сохранились на-столько, что ихъ можно было изучить. Одинъ мужчина былъ уже старикъ; другой мужчина и женщина были взрослые. Около нихъ было дитя. Ростъ ихъ былъ очень высокъ, значительно выше нашего средняго роста. Толщина костей, тѣ неровности на ихъ поверхности, къ которымъ прикрѣплялись мускулы, необыкновенное развитіе вѣтви нижней челюсти—все это указываетъ на атлетическое тѣлосложеніе. Большія берцовыя кости не трехгранныя, какъ у насъ, но сплюснуты, какъ у гориллы. Верхняя часть локтевой кости очень толста и изогнута, а ея полулунная вырѣзка очень мала; эти признаки опять напоминаютъ локтевую кость гориллы. Но форма бедряной кости радикально отличается отъ формъ, встрѣчающихся у обезьянъ... Скелетъ этихъ троглодитовъ носитъ на себѣ знаки ихъ суровыхъ нравовъ. На одной изъ бедряныхъ костей старика, близъ нижняго ея конца, замѣтно углубленіе, похожее на то, которое иногда производитъ пуля на выходѣ. Очевидно, это послѣдствіе старинной раны. Безъ сомнѣнія, человѣческая рука, вооруженная кремневымъ орудіемъ, сдѣлала продолговатую рану въ женскомъ черепѣ. Ширина раны указываетъ на то, что и мозгъ, должно быть, былъ пораненъ. Женщина, однакожь, не сразу умерла отъ этой раны. Васкуля-

ризація кости на внутренней поверхности черепа доказываетъ, что она прожила еще дней пятнадцать. Это постыдное убійство женщины, конечно, не дѣлаетъ чести людямъ Кроманьона. Впрочемъ, изученіе ихъ промышленности убѣдило насъ уже прежде въ томъ, что это были дикари. У нихъ швы въ передней области черепа очень просты, тогда-какъ швы задней его части весьма сложны; кромѣ того, первые показываютъ стремленіе сростаться гораздо раньше послѣднихъ. Эти два признака замѣчаются вообще и у народовъ, и у отдѣльныхъ личностей, живущихъ чисто-матеріальной жизнью. Кроманьонскіе троглодиты были, слѣдовательно, дикарями, но это были дикари умные и способные къ дальнѣйшему развитію. Рядомъ съ только-что указанными особенностями черепа ихъ представляютъ и несомнѣнные признаки значительнаго развитія головного мозга. Эти черепа велики. По своимъ діаметрамъ, по кривизнѣ своей поверхности, по своей вмѣстимости они равняются теперешнимъ черепахъ средней степени развитія и даже превосходятъ ихъ. Они значительно удлинены, что выражается терминомъ *dolichoserhali*, длинноголовые, но эта долихоцефальность зависитъ не отъ малой ширины черепа, какъ у негровъ и австралійскихъ племенъ; поперечные размѣры ихъ черепа хорошо развиты; удлиненная форма головы зависитъ отъ увеличенія продольнаго діаметра. Зубной отростокъ верхней челюсти старика имѣетъ направленіе въ значительной степени косвенное, но верхняя часть черепа вертикальна и лицевой уголъ великъ. Лобъ широкъ и онъ вовсе не покатъ назадъ: онъ очерченъ прекрасною кривою; часть черепной полости, ограниченная лобною костью, указываетъ на значительное развитіе переднихъ долей мозга, а съ этими-то долями и находятся въ связи умственныя способности.“ (с. 275.)

Во времени этихъ троглодитовъ приблизительно относятся и датскіе „кухонные остатки“, состоящіе главнымъ образомъ изъ раковинъ. Открытіе въ этихъ кучахъ грубыхъ кремневыхъ орудій и костей, носящихъ явные слѣды ножа, показало, что эти остатки образовались не естественнымъ путемъ, а обязаны своимъ происхожденіемъ древнимъ поселеніямъ, жители которыхъ питались слизняками, а отчасти и дичью. Во многихъ мѣстахъ найдены сложенные изъ камней очаги съ явными слѣдами огня. Негодная для пищи раковины и кости постепенно накапливались около

шалашей и хижинъ и составляли, наконецъ, кучи отъ 3 до 10 футовъ вышины, отъ 100 до 200 ширины и въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 300 ярдовъ длины. Мѣста, на которыхъ находятся эти кухонные остатки, не были только лѣтними стоянками, и древніе рыбаки, очевидно, жили здѣсь двѣ трети года, а, можетъ быть, и круглый годъ. Это видно по костямъ дикихъ животныхъ, такъ-какъ почти всегда можно навѣрное опредѣлить время года, въ которое они были убиты. Напр., кости дикаго лебеда встрѣчаются довольно часто, а извѣстно, что эта птица прилетаетъ въ Данію только зимою, оставляя ее въ мартѣ и возвращаясь снова въ ноябрѣ. Но люди, оставившіе эти раковинныя кучи, не жили постоянно на одномъ и томъ-же мѣстѣ, но, подобно жителямъ Огненной Земли, переходили съ одного мѣста на другое. По найденнымъ въ этихъ кучахъ остаткамъ, Лебокъ рисуетъ слѣдующую картину быта этого народа: „Если мы позволимъ нашей фантазіи заглянуть въ отдаленное прошлое, то мы увидимъ на низменныхъ берегахъ Датскаго архипелага племя небольшого роста, съ нависшими бровями, круглой головою и лицомъ, представлявшимъ, можетъ быть, сходство съ лицомъ нынѣшнихъ лапландцевъ. По всей вѣроятности, для защиты отъ вѣтра и непогоды эти люди строили себѣ палатки изъ звѣриныхъ шкуръ. Полное отсутствіе металловъ въ кухонныхъ остаткахъ показываетъ, что населеніе ихъ могло имѣть оружіе только изъ дерева, камня и кости. Главная пища ихъ состояла изъ моллюсковъ, но они ловили также и рыбу и разнообразили по временамъ свой обѣдъ добычею отъ охоты. При этомъ можно предполагать, что въ случаѣ очень удачной охоты, все общество наѣдалось что-называется до отвала, подобно нѣкоторымъ дикарямъ настоящаго времени. Очевидно также, что костный мозгъ считался въ то время особеннымъ лакомствомъ, такъ-какъ всякая кость, которая хоть сколько-нибудь его содержитъ, была разбиваема для его извлеченія“ (стр. 188.) Эти дикари вели несомнѣнно такую-же жизнь, какъ современные намъ пещерсы или обитатели Огненной Земли. „Туземцы, говоритъ Дарвинъ въ своемъ „Путешествіи на кораблѣ Вигль“, — питающіеся почти исключительно моллюсками, вынуждены постоянно мѣнять свое мѣстопребываніе, но время отъ времени они возвращаются на старыя мѣста, какъ это видно по кучамъ старыхъ раковинъ, которыя часто бываютъ въ нѣ-

сколько тоннъ вѣсомъ. Вигвамъ пещересовъ объемомъ и размѣрами похожъ на стогъ сѣна. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ сучьевъ, воткнутыхъ въ землю и очень плохо прикрытыхъ съ одной стороны нѣсколькими клоками травы и тростника. Все это можно устроить меньше, чѣмъ въ часъ, да и пользуются-то подобнымъ жильемъ только нѣсколько дней. Въ другой разъ намъ пришлось идти мимо лодки съ шестью пещересами. Это были самыя низкія и жалкія созданія, которыхъ я когда-либо видѣлъ. Они были совершенно наги; въ числѣ ихъ была и одна совершенно взрослая жевщина. Шелъ сильный дождь, и по ея тѣлу струилась дождевая вода вмѣстѣ съ морскими брызгами. Эти бѣдняки были какими-то недоростками, ихъ безобразныя лица были размазаны бѣлою краскою, кожа засалена и грязна, волосы всклокочены, голоса нестройны, движенія порывисты и необузданны. При видѣ такихъ людей съ трудомъ вѣришь себѣ, что это наши ближніе и живутъ въ одномъ мірѣ съ нами. Ночью эти люди, скучившись по пяти и шести, голые и едва прикрытые отъ дождя и вѣтра этого бурливаго климата, спятъ на сырой землѣ, подобно животнымъ. Во время отлива, какъ въ лѣтнее, такъ и въ зимнее время, имъ нужно вставать и идти собирать раковины по утесамъ, женщины-же выряютъ для того, чтобы достать морскихъ жей, или сидятъ терпѣливо въ своихъ лодкахъ, вытаскивая мелкую рыбу своими волосяными удочками, снабженными приманкой. Если убить тюлень или отереть плавающій трупъ гніющаго кита, то это уже считается праздникомъ; къ этой жалкой пищѣ присоединяется еще немного безвкусныхъ ягодъ и грибовъ. При этомъ они часто страдаютъ отъ голода, слѣдствіемъ котораго является людоедство, сопровождаемое отцеубійствомъ“.

Датскіе кухонные остатки относятся, по всей вѣроятности, къ началу новокаменнаго періода, къ тому-же времени, въ которое была воздвигнута большая часть такъ-называемыхъ металитическихъ монументовъ. Повсюду на землѣ мы находимъ остатки доисторическихъ укрѣпленій, городища, валы, тумулусы или курганы, менгиры или стоячіе камни, кромлечи или круги изъ камней, долмены или каменные столбы. Изъ всѣхъ этихъ памятниковъ самыя распространенныя—тумулусы или курганы. Въ Великобританіи они встрѣчаются почти на каждой равнинѣ; еще больше въ Давіи; отъ границъ европейской Россіи до Тихаго океана

отъ степей Сибири до равнинъ Индіи земля усѣяна ими; въ Америкѣ они считаются десятками тысячъ; встрѣчаются они и въ Африкѣ, въ которой самыя египетскія пирамиды можно считать позднѣйшею формою той-же идеи. Много также менгировъ или стоячихъ камней, служившихъ или надгробными памятниками, или памятниками, воздвигнутыми въ честь какихъ-нибудь особенныхъ событій. Затѣмъ должно упомянуть о большихъ плотинахъ и длинныхъ валахъ, которые, подобно римскому валу или еликой китайской стѣнѣ, служили и пограничными линіями, и укрѣпленіями. Эти валы пересѣкаютъ, напр., Англію по всѣмъ направленіямъ; много ихъ въ Германіи, есть и у насъ въ Россіи, напр., такъ-называемый „Трояновъ валъ“ въ кievской губерніи. Большинство европейскихъ кургановъ, какъ показываютъ находимые въ нихъ предметы, принадлежатъ къ каменному вѣку. На первый взглядъ трудно предположить, чтобы народъ, незнакомый съ употребленіемъ метала, могъ соорудить эти громадныя насыпи, но въ Америкѣ еще болѣе громадныя насыпи и постройки сооружены тоже народомъ безъ помощи метала. Внутренность многихъ изъ этихъ кургановъ представляетъ полное сходство съ тогдашними жилищами. „Древніе жители Скандинавіи, напр., говоритъ Нильсонъ,—представляя себѣ загробную жизнь такую-же, какъ настоящая, старались выказать свою любовь и уваженіе къ усопшимъ тѣмъ, что хоронили съ ними всѣ тѣ вещи, которыя были особенно дороги имъ при жизни. Они хоронили иногда даже домъ вмѣстѣ съ его владѣльцемъ, такъ-что могила становилась буквально жилищемъ умершаго“. Встрѣчаемые въ Великобританіи такъ-называемыя *дома никтоузъ*, по снятіи съ нихъ насыпи, оказываются состоящими изъ ряда камеръ, сдѣланныхъ изъ большихъ плитъ и сходящихся къ центру, въ которыхъ прежде устроено было, повидимому, отверстіе для свѣта и воздуха. Эти постройки представляютъ значительное сходство съ жилищами землянками многихъ народовъ, съ тѣмъ только различіемъ, что онѣ стоятъ на поверхности земли и покрыты были сверху искусственною насыпью. Черепа, находимые въ курганахъ, принадлежавшихъ каменному періоду, показываютъ намъ, что въ ту отдаленную эпоху Европа была населена различными племенами. На континентѣ Европы и въ Англіи курганы зачаточны въ себѣ то короткіе черепа, похожіе на лонарскіе, то длинныя. Заботливость,

съ которою тогдашніе люди хоронили мертвыхъ, и обычай класть возлѣ нихъ не только оружіе, инструменты и украшенія, но и сосуды, которые, конечно, заключали въ себѣ пищу и питье, показываютъ, что тогда уже вѣрили въ загробную жизнь, представляя ее въ самыхъ грубыхъ формахъ. Относительно способа погребенія можно съ увѣренностью заключить, что въ новокаменномъ періодѣ погребали въ положеніи сидячемъ или на корточкахъ, въ бронзовомъ сожигали трупъ, а въ желѣзномъ клали его въ вытянутомъ положеніи. Изъ сожженныхъ костей, находимыхъ въ курганахъ, можно видѣть, что въ честь покойника приносились въ жертву не только лошади и собаки, но также его рабы, а, можетъ быть, и жены, какъ это дѣлалось въ Индіи до послѣдняго времени. Съ другой стороны, изъ многихъ случаевъ, когда кости ребенка были находимы съ костями женщины, можно съ увѣренностью предположить, что если женщина умирала отъ родовъ или во время кормленія ребенка, то послѣдняго зарывали вмѣстѣ съ матерью, какъ это до сихъ поръ практикуется у нѣкоторыхъ дикарей. Изъ находимыхъ въ могилахъ каменнаго періода костей животныхъ можно съ полною увѣренностью заключить только, что тогда была одомашнена одна собака; что-же касается костей овцы, козы, быка и лошади, то пока еще не опредѣлено, принадлежали-ли они къ прирученнымъ или дикимъ особямъ.

Всѣ орудія и украшенія бронзоваго вѣка гораздо многочисленнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ орудія и украшенія каменнаго вѣка. Они производились посредствомъ отливки, и одно уже это указываетъ, на сколько подвинулись впередъ въ умственномъ отношеніи тогдашніе люди. Впрочемъ, нужно замѣтить, что они не сами открыли способъ выдѣлки этого металла посредствомъ смѣси мѣди съ оловомъ; многіе предполагали, что бронзу ввели въ употребленіе финикіяне; Лебовъ-же утверждаетъ, что этруски. Въ археологическихъ собраніяхъ находится множество разнообразныхъ и превосходно отдѣланныхъ топоровъ, мечей, копій, булавокъ, запонокъ, браслетовъ, гребней и т. д. Даже сохранились нѣкоторые остатки одежды людей бронзоваго періода. Безъ сомнѣнія, большая часть тогдашнихъ одеждъ дѣлалась изъ звѣриныхъ шкуръ, но въ нѣкоторыхъ могилахъ найдены и остатки льняныхъ тканей. Въ одномъ курганѣ Ютландіи найденъ былъ трупъ вождя

бронзового періода. Мягкія части трупа, можетъ быть, подѣ влияніемъ воды, содержащей въ себѣ много желѣза, сохранились, превратясь въ темное, жирное вещество, причеиъ наименьшимъ измѣненіямъ подвергся мозгъ. Когда открыли гробъ, мозгъ лежалъ тамъ, гдѣ прежде находилась голова, и былъ покрытъ полукруглою шерстяною шапкой. Самый трупъ былъ обернутъ грубымъ шерстянымъ плащемъ полукруглой формы, съ вырѣзкой вокругъ шеи. Въ коробкѣ, стоявшей подлѣ трупа, были: шапка изъ вязаной шерстяной ткани, гребень, шерстяной плащъ и шерстяная рубашка, которая перевязывалась вокругъ талии длинною шерстяною тесьмою. Многія изъ жилищъ бронзоваго вѣка устраивались вполнѣ или на половину подѣ землею. Выкапывали яму и изъ выброшенной земли дѣлали круглый валъ; въ мѣстахъ-же, изобилующихъ большими каменными глыбами, ямъ не копали, а прямо строили кольцеобразныя каменныя стѣны. Во многихъ случаяхъ, для большей безопасности, жилища устраивались совсѣмъ подѣ землею, какъ, напр., въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Шотландіи. Къ этому-же періоду относятся и такъ-называемыя *постройки пиктоговъ*, имѣющія снаружн форму кургана, но состоящія внутри изъ большихъ камеръ, сходящихся къ одному общему центру, въ которомъ было, повидимому, отверстіе для свѣта и вентиляціи. Подобныя жилища до настоящаго времени существуютъ у кафровъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ. Что-же касается такъ-называемыхъ *ульеобразныхъ построекъ*, сдѣланныхъ изъ толстыхъ земляныхъ стѣнъ и похожихъ на ульи, то многія изъ нихъ даже старше бронзоваго вѣка. Особенно оригинальна архитектура *бурговъ* или башенъ въ Шотландіи и на Оркнейскихъ островахъ. Напр., башня на островѣ Мусса имѣетъ круглую форму и шесть сажень высоты, діаметръ ея доходитъ въ срединѣ до трехъ сажень, а толщина стѣнъ имѣетъ при основаніи четырнадцать футовъ, а наверху — восемь. Внутри башни до самаго верха идетъ лѣстница и находятся горизонтальныя галереи и маленькія камеры, всѣ открывающіяся отверстіями на внутренней сторонѣ; единственнымъ входомъ служитъ дверь, имѣющая семь футовъ вышины. Въ томъ-же родѣ были громадныя постройки въ древней Мексикѣ, въ которыхъ жили цѣлыя общины, но Лебокъ почему-то не говоритъ о нихъ.

Къ каменному и бронзовому періоду относятся и свайныя по-

стройки, открытіе которыхъ двадцать лѣтъ тому назадъ надѣлало много шума. Въ 1854 году, вслѣдствіе обмеленія швейцарскихъ озеръ, была открыта первая такая постройка на Цюрихскомъ озерѣ; затѣмъ ихъ стали открывать и на другихъ островахъ Швейцаріи, въ Шотландіи, Италиі, въ сѣверной Германіи, Австріи и т. д. Еще Геродотъ рассказывалъ о древнихъ пеоицахъ, что они живутъ въ подобныхъ-же жилищахъ; нѣкоторые изъ современныхъ дикарей точно такимъ-же образомъ строятъ свои деревни. Жилища дайаковъ, напр., построены вдоль береговъ рѣки на платформахъ вышиной отъ двадцати до тридцати футовъ. Что касается швейцарскихъ свайныхъ построекъ, то онѣ на половину принадлежатъ къ каменному, на половину къ бронзовому вѣку. Хотя способъ постройки былъ очень простъ, но вбиваніе громадныхъ свай требовало, конечно, много труда и времени. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ свай, впрочемъ, не вбивались, а укрѣплялись посредствомъ камней, которыми строители облачивали ихъ вмѣстѣ съ глиной, пескомъ и т. д. Но въ большихъ озерахъ подобныя кучи должны были размываться волнами, и поэтому здѣсь сваи вбивались. Послѣ выбора подходящаго мѣста, прежде всего нужно было достать необходимый лѣсъ. Срубить дерево каменнымъ топоромъ было, конечно, очень рудно; по всей вѣроятности, при этомъ прибѣгали къ помощи огня, какъ это дѣлаютъ и до сихъ поръ дикари. Заостренные концы свай, воткнутые въ илъ, до сихъ поръ носятъ на себѣ слѣды огня и неровныя зарубки, сдѣланныя каменными топорами. Еще большаго труда стоило притащить сваи къ озеру и вбить ихъ въ дно, особенно если принять во вниманіе ихъ число. Въ одномъ Вангенѣ ихъ было около пятидесяти тысячъ. Впрочемъ, надо имѣть въ виду, что сваи вбивались послѣдовательно, по мѣрѣ того, какъ прибывало народонаселеніе. Въ Нидервилѣ, напр., мы видимъ два ряда свай, лежащихъ одинъ надъ другимъ. Слои воды указываютъ, что жилища были сожжены и затѣмъ снова выстроены. Остатки, найденныя въ свайныхъ постройкахъ каменнаго періода, показываютъ, что уже тогда международныя торговныя сношенія были довольно развиты. Бременъ, изъ котораго дѣлались осколки и наконечники стрѣлъ, получался, по всей вѣроятности, изъ Франціи. Очень можетъ быть, что для этой цѣли предпринимались путешествія къ

французскимъ каменоломнямъ, какъ это дѣлаютъ до сихъ поръ американскіе индѣйцы, которые издалека собираются въ одну мѣстность въ преріяхъ за трубочной глиной. Въ Консизѣ было найдено нѣсколько кусковъ корала изъ Средиземнаго моря, а въ Мейлинѣ янтарь изъ Балтійскаго моря. Жители свайныхъ построекъ старались извлечь всевозможную пользу изъ добываемыхъ ими животныхъ. Мясо ихъ съѣдали, изъ шкуръ дѣлали платье, мозгъ изъ костей высасывали, а болѣе крупныя и плотныя кости, равно какъ и олени рога, служили имъ молотами или рукоятками для топоровъ. Иногда изъ костей дѣлались даже ножи, пила, скребки и долота. Были въ употребленіи и разныя деревянныя орудія. Во многихъ постройкахъ найденъ труть, который употреблялся, безъ сомнѣнія, для добыванія огня. Глиняная посуда того времени груба и аляповата. Гончарный станокъ былъ тогда еще неизвѣстенъ, а обжиганіе крайне-несовершенно и производилось на открытомъ воздухѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ поселеній найдено много лоскутковъ довольно грубой ткани, сдѣланной, по видимому, изъ льняныхъ волоконъ. Въ числѣ одомашненныхъ животныхъ породы находятся собака, свинья, лошадь, коза, овца и, по крайней мѣрѣ, двѣ разновидности рогатаго скота. Чаше другихъ встрѣчаются изъ дикихъ кости оленя, а изъ одомашненныхъ—быка и свиньи. Почти совершенное отсутствіе зайца зависить, безъ сомнѣнія, отъ первобытнаго предрасудка противъ употребленія его мяса. Древніе бритты никогда не ѣли его мяса, подобно современнымъ лопарямъ, арабамъ, готтентамъ, гренландцамъ. Даже русское народонаселеніе архангельской губерніи не ѣстъ зайца. Нужно замѣтить при этомъ, что и въ датскихъ кухонныхъ остаткахъ также не было найдено заячьихъ костей. Обыкновенная мышь, два вида домашнихъ крысъ и одомашненная кошка тоже не были найдены ни въ кухонныхъ остаткахъ Даніи, ни въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи. То-же нужно сказать и о домашней курицѣ, которая не была еще извѣстна во времена Гомера и Гезіода. Кости прирученной лошади встрѣчаются, но очень рѣдко. Главную пищу обитателей свайныхъ построекъ составляло мясо оленя, кабана и первобытнаго быка, которые водились еще во множествѣ, но представителей болѣе древней фауны—мамонта, носорога, мускуснаго быка и сѣвернаго оленя, уже не было. Земледѣліе въ то время уже было извѣстно. Во

многихъ свайныхъ постройкахъ находится пшеница, ячмень и просо. Овесъ былъ воздѣлываемъ въ продолженіи бронзоваго вѣка, но въ поселеніяхъ каменнаго его не найдено. Рожь была также неизвѣстна въ то время. Среди остатковъ этихъ построекъ найденъ даже печеный хлѣбъ или, вѣрнѣе, сухари, до такой степени плотные, что, повидимому, для приготовленія ихъ вовсе не употреблялось дрожжей. Въ другихъ случаяхъ зерна поджаривали, а затѣмъ ихъ хранили въ глиняныхъ горшкахъ или употребляли въ пищу, слегка смочивъ водой, какъ это дѣлается еще и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи и Швейцаріи. Найдены также обугленные яблоки, которыя, повидимому, сушились и заготавливались на зиму; они мелкія и похожи на тѣ, которыя теперь еще растутъ въ швейцарскихъ лѣсахъ, но въ одномъ мѣстѣ найденъ болѣе крупный сортъ, свидѣтельствующій уже о культуровкѣ. Винограда, вишенъ, грецкаго орѣха нѣтъ никакихъ слѣдовъ, но косточки дикихъ сливъ, сѣмена малины и ежевики, а также шелуха лѣсныхъ орѣховъ и буковыхъ желудей встрѣчаются въ илѣ во множествѣ. Горохъ былъ найденъ въ одномъ мѣстѣ, но бобы вошли въ употребленіе не раньше бронзоваго вѣка. Конопля не было еще. Докторъ Гееръ, изслѣдовавшій всѣ эти растительные остатки, обращаетъ особенное вниманіе на то обстоятельство, что „въ то время, какъ сѣмена дико растущихъ растений, найденныя въ свайныхъ постройкахъ, до мельчайшихъ частей схожи съ нынѣ встрѣчающимися въ Швейцаріи, культурныя растенія, наоборотъ, отличаются отъ всѣхъ нынѣ существующихъ разновидностей и почти всегда представляютъ замѣтно меньшіе сѣмена и плоды. Очевидно, что съ теченіемъ времени человѣкъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи значительное улучшеніе“ (стр. 164.)

Свайныя постройки бронзоваго вѣка распространены гораздо менѣе, чѣмъ постройки каменнаго, и отличаются отъ послѣднихъ болѣею прочностью. Поселенія бронзоваго періода часто удалены отъ берега и расположены на болѣе глубокихъ мѣстахъ, что свидѣлствуетъ объ усовершенствованіи орудій для обработки строевого лѣса, а равно и о томъ, что улучшеніе оружія и вообще средствъ нападенія потребовало и лучшихъ способовъ защиты: чѣмъ дальше постройка была отъ берега, тѣмъ она была безопаснѣе отъ враговъ. Бронзовые предметы, мечи, кинжалы,

удочки, булавки, кольца, браслеты, отдѣлянные часто весьма изящно, находятся на днѣ озеръ во множествѣ и лежатъ они нерѣдко цѣлыми кучами.

Къ концу бронзоваго вѣка свайныя постройки становятся все рѣже и рѣже, а въ желѣзномъ періодѣ онѣ встрѣчаются только на двухъ озерахъ. Постройки желѣзнаго вѣка отличаются не только появленіемъ новаго металла, но и новой формой орудій. Обыкновенно, мечи желѣзнаго періода имѣютъ большія, богато украшенныя рукоятки, ножи съ прямымъ лезвіемъ, серпы больше, глиняная посуда сдѣлана искуснѣе, появляется монета; украшенія становятся болѣе разнообразными и въ числѣ ихъ встрѣчаются въ первый разъ стеклянныя; бронза все еще была въ употребленіи, но, во-первыхъ, изъ нея не дѣлали уже оружія, а во-вторыхъ, всѣ сдѣланные изъ нея предметы выковывались, тогда какъ въ бронзовомъ періодѣ они отливались. „Такимъ образомъ, говоритъ Лебокъ,—мы прослѣдили эти постройки черезъ каменный и бронзовою вѣка до начала желѣзнаго. Мы видѣли ясное доказательство постепеннаго прогресса культуры, усовершенствованія ремеслъ, увеличенія домашнихъ животныхъ и распространенія торговли. Мы нашли страну населенною грубыми дикарями, и оставляемъ ее территоріей могущественнаго народа. Такія значительныя перемѣны не могли, конечно, произойти въ одинъ день. Прогрессъ человѣческаго ума совершается медленно, и постепенное прибавленіе къ человѣческому знанію, подобно кольцамъ древесныхъ стволовъ, позволяетъ намъ составить нѣкоторыя представленія о томъ, на-сколько удалено отъ насъ начало этого развитія“ (стр. 170.)

Какъ давно человѣкъ появился на землѣ? Точный отвѣтъ на этотъ вопросъ пока еще невозможенъ, по неимѣнію достаточныхъ данныхъ, и мы ограничимся здѣсь только указаніемъ на разработку тѣхъ фактовъ, на основаніи которыхъ рѣшится со временемъ этотъ вопросъ.

Буковые лѣса составляютъ въ настоящее время гордость Данин, и народное преданіе говоритъ, что они всегда были здѣсь. Между тѣмъ изслѣдованіе торфяниковъ и въ особенности такъ называемыхъ *торфяныхъ ямъ*, показываетъ, что народное преданіе въ этомъ случаѣ ошибается. Упомянутыя ямы заключаютъ

въ себѣ много деревьевъ, которыя росли по краямъ ихъ, а потомъ упали въ нихъ. На днѣ этихъ ямъ лежитъ обыкновенно торфъ, а надъ нимъ слой сосенъ, которыхъ въ настоящее время вовсе нѣтъ въ Даніи. Далѣе къ верху сосны исчезаютъ и замѣняются дубами и бѣлыми березами, которые теперь тоже рѣдко попадаются въ Даніи; наконецъ, самый верхній слой относится уже къ современной эпохѣ. Профессоръ Стенструпъ нашелъ между стволами упомянутыхъ сосенъ каменные орудія, а такъ-какъ глухарь, питающійся молодыми побѣгами сосны, былъ найденъ въ кухонныхъ остаткахъ, то, кажется, эти послѣдніе также относятся къ періоду сосенъ, которому, до нѣкоторой степени, соответствуетъ каменный вѣкъ, между тѣмъ какъ вѣкъ бронзовый совпадаетъ съ эпохою дуба и березы, а желѣзный—съ позднѣйшимъ періодомъ буковыхъ лѣсовъ. Вытѣсненіе одного вида деревьевъ другимъ, а этого, въ свою очередь, третьимъ, требовало, конечно, громаднаго періода времени, хотя мы не имѣемъ данныхъ для опредѣленія цифры лѣтъ этого періода.

Исслѣдователи швейцарскихъ свайныхъ построекъ вычисляютъ, что Швейцарія, по крайней мѣрѣ, за 7,000 лѣтъ до нашего времени была уже населена людьми, употреблявшими полированные каменные орудія. Но намъ до сихъ поръ еще неизвѣстно, за сколько времени до этого они поселились здѣсь.

Египетскія исслѣдованія Горнера указываетъ на болѣе отдаленную древность. Нилъ ежегодно осаждаетъ, во время періодическаго своего разлива, опредѣленное количество ила. Горнеръ исслѣдовалъ накопленіе этого ила около памятниковъ, древность которыхъ была извѣстна. Обелискъ въ Гелиополисѣ былъ построенъ за 4,150 лѣтъ до исслѣдованія; втеченіи этого времени слой около него образовался въ 11 футовъ, такъ что въ каждое столѣтіе илъ прибывалъ на 3,18 дюйма. Колоссальная статуя въ Мемфисѣ построена за 3,215 лѣтъ; въ настоящее время поверхность земли около нея выше основанія платформы на 10 футовъ 6 дюймовъ; если принять въ расчетъ, что во время сооруженія платформа была погружена на 14 дюймовъ глубже поверхности земли, то выйдетъ, что тогдашняя поверхность земли была на 9 футовъ 4 дюйма ниже теперешней, — слѣдовательно, поверхность почвы поднималась здѣсь на 3½ дюйма въ столѣтіе.

Опредѣливъ приблизительно точно количества ила, осаждающагося здѣсь въ продолженіи столѣтій, Горнеръ выкопалъ нѣсколько глубокихъ ямъ и въ одной изъ нихъ нашелъ глиняный черепокъ на глубинѣ 39 футовъ; на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ, черепокъ этотъ долженъ имѣть около 13,000 лѣтъ.

Съ помощью подобныхъ-же вычисленій Морло опредѣлялъ древность конуса Тиньеръ, на Женевскомъ озерѣ. Онъ принимаетъ 6,000 лѣтъ для нижняго черноземаго слоя и 10,000 для всего конуса. Но подъ этимъ конусомъ находится другой, образовавшійся въ то время, когда уровень моря былъ выше теперешняго. Морло относитъ этотъ конусъ къ ледниковому періоду; этотъ ледниковый конусъ, по крайней мѣрѣ, въ 12 разъ болѣе перваго, и, слѣдовательно, на основаніи тѣхъ-же данныхъ, имѣетъ около 100,000 лѣтъ.

Въ своемъ „Путешествіи въ сѣверную Америку“ Ляйель слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ древность дельты Миссисипи: „Докторъ Ридль сообщилъ мнѣ результатъ цѣлаго ряда опытовъ для опредѣленія значительнаго количества осадковъ, отлагающихся изъ водъ Миссисипи. Онъ нашелъ, что среднимъ числомъ втеченіи года количество твердыхъ отложеній по вѣсу относится къ массѣ воды какъ 1:1,245, а по объему какъ 1:3,000. Съ тѣхъ поръ произвелъ онъ дальнѣйшій рядъ опытовъ, и его таблицы показываютъ, что количество взвѣшенныхъ веществъ, отложившихся въ водѣ, правильно возрастаетъ съ повышеніемъ уровня и увеличеніемъ скорости теченія. Сравнивая по временамъ высокую воду съ наиболѣе свѣтлою водою, онъ вывелъ изъ своихъ опытовъ, что вообще среднее годовое количество взвѣшенныхъ твердыхъ веществъ немного меньше того, которое онъ принималъ сначала. По этимъ наблюденіямъ, а также по наблюденіямъ Карпентера и Форски, вычислено количество ежегодно протекающей воды и количество ила. Я принялъ 520 футовъ за вѣроятную толщину илистыхъ и песчаныхъ дельтъ. Такъ-какъ площадь дельты занимаетъ 130,000 квадратныхъ англійскихъ миль, а количество ежегодно пригоняемаго водою ила доходитъ до 3,702,758,400 кубическихъ футовъ, то на образованіе всей дельты потребовалось около 67,000 лѣтъ; если-же

аллювиальныя образованія въ вышележащей равнинѣ достигаютъ глубины 264 футовъ, то на образованіе ихъ нужно было еще около 33,000 лѣтъ.“ Въ другомъ своемъ сочиненіи, „Древность человѣка“, Ляйель исправляетъ нѣкоторыя ошибки, сдѣланныя въ этомъ исчисленіи, но полагаетъ, что упомянутый періодъ имѣлъ никакъ не менѣе 100,000 лѣтъ и что не меньшую древность представляетъ аллювій рѣки Соммы, заключающей въ себѣ признаки присутствія человѣка. По нѣкоторымъ другимъ изслѣдованіямъ древность древне-каменнаго періода опредѣляется отъ 100,000 до 240,000 лѣтъ. „Слѣда за рядомъ событій, говоритъ Ляйель,—совершившихся втеченіи ледниковаго и слѣдующихъ за нимъ періодовъ, воображеніе наше отказывается служить намъ передъ ужасающимъ пространствомъ времени, которое оказывается необходимымъ для того, чтобы объяснить себѣ намятники этого періода, всѣ относящіяся къ зрѣ существующихъ органическихъ видовъ. Для того, чтобы сократить громадное число необходимыхъ на это столѣтій, многіе полагали даже возможнымъ допустить, что въ до-историческія времена измѣненія шли вообще быстрее, благодаря тому, что причины, обуславливавшія измѣненія въ одушевленномъ и неодушевленномъ мірѣ, дѣйствовали тогда съ необыкновенной и поразительной энергіей... Для насъ, представителей современнаго поколѣнія, когда намъ приходится насчитывать тысячи столѣтій для объясненія событій такъ-называемаго новѣйшаго геологическаго періода, естественно кажется сначала страшнымъ быть на-столько расточительными въ отношеніи протекшихъ вѣковъ“. Какія громадныя цифры получаются при вычисленіи древности земли и человѣка, можно видѣть изъ того, напр., что для размнтія Уельденской долины потребовалось 150,000,000 лѣтъ. По самымъ умѣреннымъ вычисленіямъ, человѣкъ существуетъ на землѣ никакъ не менѣе 100,000 лѣтъ.

Мы передали читателю все существенное изъ книги Лебока. Книга эта, драгоценная для специалиста-археолога, мало пригодна для большинства публики, для которой гораздо интереснѣе его-же недавно переведенное сочиненіе: „Начала цивилизація“, не говоря уже о превосходной книгѣ Тайлора: „Первобытная культура“. Книга переведена довольно плохо, такъ что

мы при своихъ выпискахъ принуждены были нѣсколько исправлять переводъ, чтобы сдѣлать его болѣе понятнымъ. Особенно бросаются въ глаза многія названія и слова, которыя переводчикъ вовсе не переводилъ, а только переписывалъ русскими буквами; такъ, напр., свайныя постройки онъ называетъ *пфальбаутами*; вмѣсто *подлинность* пишетъ — *автентичность*, и т. д.

С. Ш.

УЧЕНАЯ БЛИЗОРУКОСТЬ.

(Studien über die Volksseele, von Eduard Reich, Iena, 1876.)

Ученіе о народѣ, какъ индивидуальной единицѣ, сводится пока къ итогу болѣе или менѣе смѣлыхъ гипотезъ, которыя отгрызаютъ широкое поле будущимъ изслѣдованіямъ. Мы замѣчаемъ, правда, на каждомъ шагѣ проявленія тагъ-называемаго народнаго духа, мы видимъ его воплощеніе въ типическомъ складѣ историческихъ судебъ, въ самобытныхъ созданіяхъ литературы и искусствъ, въ оригинальныхъ чертахъ національнаго характера, въ симпатіяхъ и антипатіяхъ народа, въ преобладающемъ настроеніи его души, въ своеобразныхъ привычкахъ чувствовать и мыслить. Но все это мы видимъ только какъ фактъ и какъ явленіе, находящееся подъ управленіемъ невѣдомыхъ или очень смутно понимаемыхъ нами законовъ. Были попытки разрѣшить трудную проблему народнаго духа съ точки зрѣнія эмпирической психологіи, но она вздумала разьяснять его проявленія еще болѣе темнымъ началомъ общественности, т. е. простымъ сосуществованіемъ индивидовъ и духовнымъ взаимодействіемъ между ними. Есть школа историческая, вращающаяся, со временъ греческихъ философовъ, въ области умозрѣній, догадокъ и всевозможныхъ проблемъ соціального прогресса. Наконецъ, есть школа антропологическая, простая въ своихъ методахъ, но достигшая, быть можетъ, самыхъ плодотворныхъ результатовъ. Весьма плохимъ, узкимъ и одностороннимъ представителемъ ея является извѣстный гигиенистъ, докторъ Рейхъ, въ своемъ сочиненіи „О душѣ народа“, что, однакожь, не мѣшаетъ намъ поговорить подробно объ этомъ сочиненіи. Въ немъ гораздо больше

недостатковъ, чѣмъ достоинствъ, но одна особенность его даетъ ему право на наше вниманіе—это рѣзкая опредѣленность положеній и доказательствъ, получающая громадную важность въ такомъ новомъ и трудномъ дѣлѣ, какъ ученіе о народномъ духѣ.

Народный духъ, характеръ, умъ и чувство народа, короче—совокупность всѣхъ психическихъ свойствъ его находится въ зависимости отъ многочисленныхъ и разнородныхъ условій жизни большинства индивидовъ, входящихъ въ составъ этого народа. Между этими условіями Рейхъ справедливо отводитъ первое мѣсто физической организаціи народа, и прежде всего черепу и нервной системѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы и не можемъ пока ясно представить себѣ физиологическій процессъ совершенствованія человѣческой головы съ успѣхами цивилизаціи и прогресса, то мы все-таки превосходно можемъ наблюдать, что организація вообще улучшается подъ вліяніемъ накопленія знаній и умственного развитія. Это ясно доказываютъ измѣренія череповъ различныхъ столѣтій и взятыхъ изъ различныхъ классовъ. Поль Брока измѣрялъ черепа парижскаго населенія и нашелъ, что

черепъ IX столѣтія	имѣлъ средній объемъ въ	1461,53	куб. сант.
„ XII „	принад. аристократу „	1425,98	„ „
„ XII „	„ „ плебею „	1409,31	„ „

Но эти цифры еще немногому научаютъ, что-бы ни говорилъ объ этомъ Рейхъ. Тотъ-же Поль Брокъ сообщаетъ далѣе, что черепъ аристократа XIX стол. равняется вмѣстимостью 1484,23 куб. сант., а черепъ плебея того-же вѣка равняется 1403,14 куб. сант.; значить объемъ этого черепа сѣзился почти на 6 куб. сант. сравнительно съ XII столѣтіемъ. Вотъ что странно и невѣроятно на первый взглядъ, но увы! это объясняется и подтверждается анализомъ неумолимыхъ фактовъ исторіи. Изъ измѣреній Брока выходитъ, что въ двухъ классахъ одного и того-же народа цивилизація идетъ двумя діаметрально-противоположными путями: какъ въ одномъ она постепенно подвигается впередъ, такъ въ другомъ робко отступаетъ назадъ, т. е. въ одно и то-же время и прогрессируетъ, и регрессируетъ... Нѣтъ народа безукоризненно-чистаго племенного типа, но въ составъ одного народа входитъ меньше племенъ, въ составъ другого больше. Чѣмъ сложнѣе племенной со-

ставъ народа, тѣмъ больше разнообразія въ устройствѣ черепа, а слѣдовательно отчасти и въ элементахъ народнаго духа.

Народный духъ, безъ сомнѣнiя, стоитъ также въ связи съ вѣсомъ мозга, потому что этотъ вѣсъ у различныхъ народовъ и племень различенъ. Читатели „Дѣла“ имѣли случай нѣсколько разъ слышать о взвѣшиванiи мозга, но нижеприводимыя данныя относятся къ различнымъ національностямъ и, кромѣ того, они интересны потому, что дали возможность Рейху придти къ нѣкоторымъ новымъ и довольно любопытнымъ выводамъ. Вотъ эти данныя относительно вѣса мозга, выраженного въ граммахъ:

	Мужчины.	Женщины.
У англичанъ	1425	1222
„ ирландцевъ	1406	1261
„ французовъ	1338	1206
„ испанцевъ и португальцевъ .	1369	—
„ итальянцевъ	1367	1206
„ лапландцевъ	1350	1264
„ шведовъ	1392	1253
„ фризовъ	1377	—
„ голандцевъ	1404	1189
„ нѣмцевъ	1499	1160
„ поляковъ	1366	—
„ чеховъ	1336	—
„ финновъ	1369	—
„ русскихъ	1425	—
„ турокъ	1348	—
„ румынъ	1303	—
„ цыганъ	1245	1224.

Мы должны напомнить читателямъ, что это цифры среднiя, характеризующiя объемъ мозга каждаго человѣка вообще, и притомъ цифры *относительныя*. Не разъ уже протестовали современные ученые противъ того, что вѣсомъ мозга будто-бы опредѣляются умственныя способности. Если-бъ это было такъ, то приведенныя нами цифры стояли-бы въ вопiющемъ противорѣчiи съ дѣйствительнымъ уровнемъ умственнаго развитiя современныхъ народовъ. Въ такомъ случаѣ лапландцы были-бы выше французовъ, поляки ниже фри-

зовъ и португальцевъ, а нѣмцы были-бы самымъ геніальнымъ и развитымъ народомъ. Но это вовсе не такъ. Всѣй мозга находится въ тѣсной связи съ массой всего тѣла: большая масса тѣла и болѣе высокій ростъ требуютъ и большого объема мозга. Но наши цифры говорятъ нѣчто совсѣмъ иное; онѣ характеризуютъ народный духъ въ его относительномъ достоинствѣ между мужчинами и женщинами. Если у двухъ народовъ всѣй мозга мужчинъ одинаковъ, но у одного народа женщины въ умственномъ отношеніи ближе стоятъ къ мужчинамъ, чѣмъ у другого народа, то это различіе рѣзко отразится и на характерѣ народнаго духа. Общество, въ которомъ женщина играетъ пассивную, рабскую роль, можетъ отличаться замѣчательными успѣхами въ ученой дѣятельности, но оно должно уступать въ подвижности духа, тонкомъ умѣ и энергіи мысли тому обществу, гдѣ женщина не лишена активной роли и хотя нѣсколько независимаго положенія.

Наши цифры показываютъ, что мозгъ нѣмца на 339 граммъ тяжелѣе мозга нѣмки, а мозгъ француза только на 132 грамма тяжелѣе мозга француженки. Это большая разница, и она-то, какъ справедливо думаетъ Рейхъ, владеть рѣзкій отпечатокъ на характеръ этихъ двухъ націй. „Французъ, говоритъ Рейхъ, — остроумный, изящный, подвижный, провицательный, практическій народъ, которому чужды грубая неумѣренность, тяжелыя привычки. пунктуальность и филистерство. Нѣмцы много знаютъ специальныхъ частностей, рѣдко кому-нибудь интересныхъ; это неповоротливый, мечтательный или слишкомъ матеріалистичный, неуклюжій и несообщительный народъ, съ скучными привычками, склонный къ невоздержности, пунктуальной точности и филистерству“.

Такъ характеризуетъ Рейхъ своихъ милыхъ соотечественниковъ, и это, конечно, дѣлаетъ честь его неподкупному безпристрастію. По мнѣнію его, нѣмцы обладаютъ такими непривлекательными свойствами лишь потому, что у нихъ женщина слишкомъ далеко стоитъ отъ мужчины и оказываетъ на него крайне ничтожное вліяніе какъ въ семейномъ быту, такъ и въ общественной жизни. Если-бы нѣмцы и нѣмки обладали мозгомъ болѣе равномернымъ и близко пропорціональнымъ, какъ французы и француженки, то Рейхъ надѣется, что это послужило-бы только въ пользу его соотечественниковъ.

Нельзя рассчитывать, думает Рейхъ, что отъ этого нѣмцы сдѣлаются вполне французами, потому что есть еще множество другихъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ слагается духъ народа, но, во всякомъ случаѣ, темпераментъ нѣмцевъ приобрѣлъ-бы значительную подвижность и филистерство не-было бы ихъ національной чертой. Замѣчательнымъ примѣромъ ничтожной разницы вѣса мозга у мужчинъ и женщинъ служатъ цыгане. Это единственное племя, гдѣ женщина почти равна мужчине. Абсолютный вѣсъ мозга цыганъ очень не великъ, и потому умственная производительность ихъ до крайности бѣдна. Но эта нація превосходитъ своей энергіей, быть можетъ, всѣ народы земного шара, и это качество искупаетъ всѣ умственные недостатки цыганъ, не допускаетъ ихъ до обезличенія среди всѣхъ невзгодъ и тревоженій ихъ бродячей жизни.

Рейхъ старается опредѣлить еще точнѣе вліяніе мозга на національный характеръ. Нѣмецкій ученый Карусъ давно высказалъ справедливую мысль, что объ умственныхъ способностяхъ нельзя судить правильно по одной величинѣ головы, если даже сравнивать еѣ съ массой тѣла. Большая голова служить очень сомнительнымъ признакомъ ума, если плохо развита ея передняя часть, если лобъ низокъ и узокъ, а задняя часть массивна; напротивъ, маленькая голова съ правильнымъ лбомъ и значительно развитой задней частью черепа всегда свидѣтельствуетъ о сильномъ умѣ и благородныхъ наклонностяхъ. Интересно сравнить въ этомъ отношеніи французовъ съ австрійцами, какъ двѣ націи съ одинаково небольшой головой. У французовъ все развитіе головы ушло на переднюю часть, тогда какъ у австрійцевъ эта сторона очень мизерна, а задняя, служащая вообще средоточіемъ животныхъ страстей и половыхъ инстинктовъ, доходитъ до значительнаго объема. По мнѣнію Рейха, этотъ физиологическій фактъ всецѣло отражается на исторіи и общественной жизни австрійцевъ и французовъ. Онъ увѣряетъ, что только этотъ фактъ объясняетъ намъ, почему, напр., во Франціи 1 обвиняемый приходится на 7,460 жителей, между тѣмъ какъ въ Австріи 1 обвиняемый падаетъ на 856 жителей. Въ этомъ есть, конечно, своя доля правды, но была-бы и вся правда, если-бъ Рейхъ добавилъ, что плохое развитіе головы вызывается исподоволь дур-

ными условіями общественнаго быта, что всего болѣе справедливо относительно Австріи. У насъ вообще на эти условія смотрятъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ и не придаютъ имъ реальнаго значенія. Когда намъ въ голову попадаетъ камень, то мы быстро хватаемся за нее и съ нашего языка невольно срывается фраза: „ахъ, какъ больно“; но когда намъ говорятъ о какой-то силѣ исторіи, подготовившей намъ страшный ударъ искаженіемъ нашихъ способностей или вырожденіемъ здороваго національнаго духа, мы слушаемъ все это съ убійственнымъ хладнокровіемъ и никогда не скажемъ: ахъ, какъ это больно! А что это больно и губительно, что это одно изъ самыхъ ужасныхъ явленій въ исторіи человѣчества, — всего лучше подтверждается это совершеннымъ вымираніемъ нѣкоторыхъ расъ или полнѣйшимъ нравственнымъ упадкомъ ихъ. Такого болѣзненнаго состоянія народовъ, подготовляемаго цѣлыми вѣками и множествомъ самыхъ разнообразныхъ условій, мы, конечно, не чувствуемъ, не можемъ указать на него пальцемъ, но тѣмъ не менѣе оно поражаетъ каждого изъ насъ и тяготѣетъ надъ всѣми нами. Но, кажется, и самъ Рейхъ не подозрѣваетъ болѣе глубокаго источника тѣхъ болѣзненныхъ явленій, которыя скрываются въ социальныхъ условіяхъ народной жизни. Дальше черепа онъ ничего не видитъ и не можетъ рекомендовать иного врачебнаго средства, какъ умѣренно сжимать заднюю часть головы, что „не только не вредитъ развитію умственныхъ способностей и цивилизаціи, но что при извѣстныхъ условіяхъ даже полезно“. „Врачу, испѣлся самъ“, могли-бы мы сказать Рейху въ отвѣтъ на этотъ странный рецептъ. Нѣкоторыя дикія племена давно практикуютъ это средство, и, однако, они все-таки дикія. Отчего это? Оттого, думаетъ Рейхъ, что у нихъ задняя часть головы сильно развита. Это справедливо, но надъ этимъ и не стоитъ останавливаться. Гораздо важнѣе намъ знать, отчего-же задняя часть ихъ головы разрастается на счетъ передней? На такіе вопросы Рейхъ не даетъ отвѣтовъ, и это сообщаетъ его сочиненію узкій характеръ, потому что удовлетворяетъ только научной любознательности читателя, но не даетъ никакого ключа къ пониманію столь близкой его сердцу общественности.

Хорошо, однако, и то, что докторъ Рейхъ пользуется каждымъ случаемъ, чтобы дать понять, что народный духъ — не пу-

стая философская фикція, но очень опредѣленное и осязательное явленіе, выростающее на реальной почвѣ физиологическихъ процессовъ и физической организаціи. Отъ черепа и мозга у различныхъ народовъ онъ переходитъ къ другимъ органамъ тѣла. Онъ утверждаетъ, напр., что печень у различныхъ народовъ различна. Бываютъ народы, у которыхъ печень имѣетъ громадный объемъ, у другихъ она очень мала, у третьихъ она плотна, у четвертыхъ рыхла. Различныя свойства печени производятъ различное вліяніе на психическую конституцію организма. Печень прежде всего дѣйствуетъ на составъ крови и отчасти опредѣляетъ темпераментъ. На-сколько различенъ составъ крови у людей различнаго темперамента, это можно видѣть изъ того, что на 1,000 частей крови у

	частей воды.	бѣлка.	красн. шарик.
Мужчинъ сангвиническаго темперамента . . .	768,584	65,850	136,497
Женщинъ сангвиническаго темперамента . . .	793,007	71,264	126,174
Мужчинъ лимфатическаго темперамента . . .	800,566	71,781	116,667
Женщинъ лимфатическаго темперамента . . .	803,710	68,660	117,300

Къ сожалѣнію, трудно опредѣлить, въ какой соціальной зависимости находятся психическія свойства отъ качества печени и состава крови.

Могущественное вліяніе на характеръ и духъ народа оказываетъ климатъ. Вообще климатъ распоряжается наибольшимъ количествомъ органовъ тѣла. Сухой и жаркій воздухъ ускоряетъ кровообращеніе и дѣятельность кожи, уменьшаетъ отдѣленіе мочи, ограничиваетъ количество вдыхаемаго кислорода, замедляетъ пищевареніе и понижаетъ энергію мышцъ. Воздухъ холодный и сухой дѣйствуетъ во многихъ отношеніяхъ противоположно. Воздухъ теплый и влажный вліяетъ опять иначе, точно также, какъ воздухъ холодный и сырой. Рейхъ удачно избралъ, какъ примѣръ вліянія климата на духъ народа, англичанъ и американцевъ. „Лишь только бритты, говоритъ онъ,—ступилъ на дѣвственную почву сѣверной Америки онъ подвергся тотчасъ вліянію совершенно другой атмосферы,

чѣмъ на его родинѣ. Прежде воздухъ Британіи (теплый и сырой) способствовалъ отложенію жира въ тѣлѣ и увеличенію массы органовъ, теперь-же воздухъ сталъ дѣйствовать обратно, уменьшая отложеніе жира и массивность органовъ. Всѣ жизненныя отправления бритта получили сильный толчокъ въ атмосферѣ его второго отечества, гдѣ прежде всего сталъ исчезать излишекъ тѣла, вещества вообще и жира въ особенности,—излишекъ, который служитъ главнымъ препятствіемъ для мышечной и нервной дѣятельности. Само собою понятно, что уже это одно условіе произвело глубокой переворотъ въ темпераментѣ и во всей духовной жизни“. Такое объясненіе вполне согласно съ выдающейся чертой характера сѣвероамериканцевъ: напряженной нервной дѣятельностью и неутомимымъ трудолюбіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ этомъ случаѣ климатъ не играетъ роли самостоятельнаго фактора, но только содѣйствуетъ благотворному вліянію основныхъ условій политическаго быта американцевъ. Рейхъ приписываетъ также большое значеніе въ ряду причинъ, создающихъ народный духъ, давленію воздуха. Онъ отвергаетъ давно высказанную нѣкоторыми учеными мысль, что высокое давленіе воздуха будто-бы возвышаетъ смертность. Напротивъ, новѣйшія изслѣдованія заставляютъ думать, что вредны для здоровья рѣзкія и частыя колебанія въ воздушномъ давленіи, между тѣмъ какъ высокое давленіе само по себѣ дѣйствуетъ благотворно. „Такъ-какъ высокое давленіе воздуха, говоритъ Рейхъ,—ослабляетъ воспріимчивость низшихъ чувствъ (осязаніе, обонаніе и вкусъ), ускоряетъ обмѣнъ веществъ, усиливаетъ потребность въ пищѣ и мышечную дѣятельность, возбуждаетъ функцію мозга, то народы, живущіе на островахъ или около морскаго берега (гдѣ давленіе воздуха наибольшее), вообще здоровы тѣломъ, дѣятельны и сравнительно нравственны. Это потому собственно, что возбужденіе мышленія и ослабленіе низшихъ чувствъ при одновременномъ тѣлесномъ здоровьи необходимо должно притуплять чувственные аппетиты и страсти и благопріятствовать сформированію характера и простотѣ нравовъ. При хорошихъ прочихъ условіяхъ островитяне и жители приморскихъ береговъ повсюду отличаются почти первобытной простотой и энергіей, мало склонны къ преступленіямъ и порокамъ, исполнены здоровья и жизненныхъ силъ и вообще обнаруживаютъ такое преобладающее душевное на-

строение, которое служитъ постояннымъ источникомъ самаго правильного и здороваго міровоззрѣнія“. Можетъ быть, въ этихъ словахъ кое-что и справедливо, но нельзя скрыть и того, что въ дѣйствительности большая часть островитянъ—дикари, плохо успѣвающіе въ нравственности и умственномъ развитіи. Дѣло можетъ быть, вовсе не въ островахъ, которые всегда служатъ сильнымъ препятствіемъ для умственнаго развитія вслѣдствіе недостатка сношеній и обмѣна идей съ другими народами. Теоретически можно думать, что высокое давленіе около приморскихъ береговъ должно возвышать тонъ народнаго духа, но такъ-какъ приморскій берегъ представляетъ, помимо высокаго давленія, и другія выгоды для умственной культуры, то трудно рѣшить, что принадлежитъ въ этомъ случаѣ собственно приморскому берегу, такъ-сказать, береговой линіи, и что высокому давленію. Если-же сравнить нѣкоторыя горныя страны съ низменными, какъ, напр., болѣе развитую въ умственномъ и политическомъ отношеніяхъ Шотландію съ Англіей, Швейцарію съ сѣверной Германіей, то вопросъ о вліяніи давленія воздуха на душевныя способности народа еще болѣе усложняется, и разрѣшать его въ такомъ утвердительномъ смыслѣ, какъ это дѣлаетъ Рейхъ, нѣсколько рискованно.

Если вліяніе высокаго давленія на народный духъ пока еще темно, то въ иномъ свѣтѣ представляется вопросъ о качественномъ составѣ воздуха. Вѣроятно, большинству читателей извѣстно, что жизненные отправления организма и психическая дѣятельность въ особенности опредѣляются, главнымъ образомъ, содержаніемъ въ воздухѣ кислорода. Малѣйшее прибавленіе или ничтожная убыль кислорода въ воздухѣ производятъ цѣлую революцію въ организмѣ, измѣняя преимущественно питаніе, обмѣнъ веществъ и нервную дѣятельность. Между тѣмъ въ различныхъ мѣстахъ земнаго шара содержаніе кислорода въ атмосферѣ неодинаково, и несомнѣнно, что если различіе народнаго духа зависитъ отъ какихъ-либо физическихъ и матеріальныхъ условій, такъ это прежде всего отъ кислорода. Дѣйствительно, измѣренія Реньо показали, что нѣтъ почти ни одного мѣста на земной поверхности, гдѣ содержаніе кислорода въ воздухѣ было-бы одинаково. Правда, колебанія эти въ большинствѣ случаевъ не очень значительны, хотя иногда простираются до $\frac{1}{10}$ объема, но относительно столь важнаго условія

жизни, какъ кислородъ, и эти незначительныя колебанія весьма важны. Мы приведемъ въ извлеченіи интересныя измѣренія Реньо, чтобы дать возможность судить читателямъ о колебаніяхъ въ количествѣ кислорода въ различныхъ мѣстностяхъ земного шара. Реньо нашелъ, что сто частей (не по вѣсу, но по объему)

	Содержать объ- емныхъ частей кислорода.
воздуха Парижа	минимумъ 20,913
„ Монпелье, Ліона и Нормандіи	„ 20,918
„ Берлина	„ 20,908
„ Мадрида	„ 20,916
„ Женевы и Шамуни	„ 20,909
„ на франц. бер. Сред. моря	„ 20,912
„ на Атлантическомъ океанѣ	„ 20,918
„ Парижа	максимумъ 20,999
„ Монпелье, Ліона и Нормандіи	„ 20,996
„ Берлина	„ 20,998
„ Мадрида	„ 20,982
„ Женевы и Шамуни	„ 20,993
„ на франц. бер. Сред. моря	„ 20,932
„ на Атлантическомъ океанѣ	„ 20,965
Воздуха на экваторѣ: Въ юж. Америкѣ	минимумъ —
„ въ Бенгальскомъ заливѣ	„ 20,450
„ при устьѣ Ганга	„ 20,387
„ Алжирѣ	„ 20,395
„ въ южной Америкѣ	максимумъ 20,096
„ въ Бенгальскомъ заливѣ	„ 20,460
„ при устьѣ Ганга	„ 20,395
„ Алжирѣ	„ 20,420

Содержаніе кислорода, какъ видно изъ этой табллицы, довольно различно въ атмосферѣ Европы и жаркихъ странъ, но не менѣе различна и ихъ умственная и духовная атмосфера. Мы уже замѣтили, что съ прибавленіемъ кислорода въ воздухъ какъ-будто усиливается нервная дѣятельность человѣка, какъ-будто жизненные соки наиболѣе притекаютъ къ нервамъ и мозгу. И дѣйствительно, факты показываютъ, что у европейцевъ, до извѣстной широты, на-

сколько благоприятствует температура, голова лучше развита и большого объема, чѣмъ у обитателей жаркихъ странъ. Но отъ усиленнаго нервнаго возбужденія должна возрастать вообще энергія всей жизненной дѣятельности, процессъ питанія тканей, обмѣнъ веществъ. До какой степени это справедливо, читатель можетъ заключить изъ того, что, по словамъ современнаго патолога Бенеке, нѣкто Бекеръ, вслѣдствіе радостнаго возбужденія, потерялъ въ вѣсѣ тѣла втеченіи 24 часовъ 1,159 граммовъ. Далѣе Бенеке замѣчаетъ, что умственный трудъ, равно какъ и всякое душевное возбужденіе, напр., чувство радости, усиливаетъ потребность въ пищѣ, и что ученый, мыслитель и художникъ нуждаются въ большемъ количествѣ бѣлковыхъ веществъ, чѣмъ ремесленники и лица, занимающіяся физическимъ трудомъ. Сомнительно, чтобъ это было именно такъ. Правда, что еще Лавуазье утверждалъ, что во время умственной работы человекъ вдвое скорѣе дышетъ и вдвое больше поглощаетъ кислорода, чѣмъ за физическимъ трудомъ; выходитъ, значить, что какъ-будто господамъ мыслителямъ пищи требуется вдвое больше. Однако, если наблюдать изо дня въ день за аппетитомъ людей кабинетныхъ, преданныхъ умственному труду, то получатся вовсе не тѣ результаты, какъ воображаютъ ученые. Патологъ Бенеке и гигиенистъ Рейхъ сами-же говорятъ, что отъ душевныхъ волненій сильно изнашивается тѣло, но спрашивается, у кого этихъ волненій больше, въ какомъ классѣ эти волненія достигаютъ своего максимума, гдѣ они неподдѣльно-правдивы и гдѣ они оставляютъ въ душѣ наиболѣе глубокіе слѣды? Безъ сомнѣнія, у людей, исключительно занимающихся физическимъ трудомъ; и это несравненно болѣе серьезная истина, чѣмъ цѣлые томы исследованийъ какого-нибудь Бенеке и Рейха. Если надъ какимъ-нибудь чувствительнымъ романомъ вы прольете нѣсколько капель слезъ или просмѣтесъ цѣлый часъ отъ игры театральнаго комика, покушайте поплотнѣе за обѣдомъ—и вамъ нечего бояться никакихъ убылей въ организмѣ. Но если, чего добраго, у васъ не хватаетъ этихъ прозаическихъ бѣлковъ, то не волнуйтесь и поменьше радуйтесь, потому что всякое сильное возбужденіе, при голодномъ желудкѣ, отзовется на организмъ неблагоприятно.

Впрочемъ, если встать на точку зрѣнія Рейха, то нѣтъ ни одного явленія, которое бы не отзывалось на насъ дурно. Его

нѣкогда популярная теорія вырожденія, которой онъ остается вѣренъ и въ настоящемъ сочиненіи, весь міръ одѣваетъ чернымъ крепомъ, она все отрицаетъ, кромѣ себя, во всемъ видитъ разложеніе, болѣзни и смерть.

Какъ и слѣдовало ожидать, д-ръ Рейхъ не опустилъ вліянія пищи на народный духъ, хотя, къ сожалѣнію, онъ немного новаго сказалъ, а то, что есть оригинальнаго въ его замѣчаніяхъ, такъ-же странно, какъ и прежнія выходки его буржуазной критики. Неоспоримо, что если-бъ докторъ Рейхъ былъ Генрихомъ IV, то онъ такъже пожелалъ-бы, чтобы у каждаго крестьянина была въ супѣ курица. Но онъ пожелалъ-бы, чтобы у крестьянина была непременно курица, а не что-либо другое, напр. не бычачье мясо, потому что, по его мнѣнію, недостатокъ пищи такъ-же вреденъ, какъ и слишкомъ питательная пища. Рейхъ полагаетъ, что кормить человѣка слишкомъ питательной пищей вредно даже въ интересахъ государства, потому что она разнуздываетъ животныя инстинкты, пробуждаетъ наклонность къ насильственнымъ дѣйствіямъ, своеволю и пр. Очевидно, нашъ почтенный нѣмецъ совсѣмъ замечтался и вообразилъ, что въ его любезномъ отечествѣ вмѣсто картофеля вездѣ растутъ ананасы и вмѣсто голодныхъ желудковъ вездѣ сытыя и довольныя лица...

Докторъ Рейхъ дѣлается не въ примѣръ сноснѣе, когда онъ перестаетъ мечтать и философствовать. Ему нельзя не повѣрить, когда онъ говоритъ, что недостатокъ питательной пищи вредно вліяетъ на народный духъ. Это, конечно, всемъ давно извѣстно, но д-ръ Рейхъ особенно наираетъ на то обстоятельство, что отъ недостатка питательной пищи преимущественно страдаетъ мозгъ. Если пища недостаточно питательна, то въ ней прежде всего мало фосфорнокислыхъ солей, составляющихъ существенную часть костей и вещества мозга. Отъ такой пищи кости растутъ медленно и неправильно, происходятъ искривленія позвоночнаго столба вслѣдствіе недостаточной твердости костей, что замѣчается у дѣтей, страдающихъ такъ-называемою англійскою болѣзнію. Рейхъ при этомъ справедливо указываетъ на слѣдующее весьма характерное обстоятельство. Вслѣдствіе чрезмѣрной мягкости костей черепъ представляетъ гораздо меньшее препятствіе росту (т. е. увеличенію въ объемѣ) мозга, чѣмъ при нормальныхъ усло-

віяхъ. Поэтому у народа, который плохо питается, но много учится, очень часто встрѣчаются субъекты съ большими головами, но съ болѣзненнымъ мозгомъ, съ болѣзненно - возвышенной чувствительностью, — субъекты, мысль которыхъ лишена силы и блеска свободной оригинальности, способности переходить за обыкновенныя границы, освѣжать и увлекать душу величавымъ полетомъ. Народъ, въ которомъ преобладаютъ такіе субъекты, никогда ничего не создастъ, однако, никто не превзойдетъ его въ трудолюбіи. Читатель, вѣроятно, догадается, что въ Европѣ не найдется другого такого народа, кромѣ нѣмцевъ, потому что даже д-ръ Рейхъ догадался. Какъ и прежде, г. Рейхъ и на этотъ разъ безошибочно правдивъ къ своимъ соотечественникамъ. „Если голодающій народъ, говоритъ Рейхъ, — больше напрягаетъ свой умъ, чѣмъ это сообразно съ количествомъ и качествомъ его пищи, то послѣдствіемъ этого является въ большей или меньшей степени душевная дряблость, потому что умственный трудъ не только требуетъ большей пищи для всего организма, но онъ въ особенности истребляетъ фосфорныя составныя части мозга, которыя не могутъ вполне восстанавливаться недостаточной пищей“. И затѣмъ д-ръ Рейхъ, поставивъ на одну доску англійскаго ученаго съ нѣмецкимъ геллертомъ, слѣдующимъ образомъ любитъ ихъ. „Характеръ впроголодь живущихъ философовъ Германіи и хорошо питающихся философовъ Англіи, характеръ голодающихъ и притомъ вышеколенныхъ книжной образованностью общественныхъ слоевъ Германіи и хорошо питающихся образованныхъ классовъ Англіи, — эти характеры совершенно различны, даже противоположны. Нѣмецкій философъ нерѣшителенъ, склоненъ къ колебаніямъ, безсиленъ, или это сумасбродъ, методистъ, мечтатель, размазня, вѣчный школьный учитель, слащавый идеалистъ, старая баба въ мужскомъ одѣяніи. Философъ англійскій стоекъ, рѣшителенъ, исполненъ силъ, свободный человѣкъ, глубокій мыслитель, цивилизованный разумъ котораго всегда возвышается надъ умѣренными порывами фантазіи и который при этомъ никогда не сходитъ съ твердой почвы дѣйствительности. Выдрессированный нѣмецкій буквоѣдъ, которому недостаетъ питательной пищи, жалокъ въ сравненіи съ хорошо упитаннымъ британскимъ филистеромъ, превосходящимъ его не только богат-

ствомъ опыта, знаніемъ жизни и практичностью, но и тѣмъ сдержаннымъ спокойствіемъ энергіи, которая есть условіе всякаго дѣйствительнаго успѣха. Англичанинъ изъ круга ученыхъ и образованнаго класса возстановляетъ потраченныя фосфорныя вещества вполне соответствующей пищей; поэтому онъ цѣльный человѣкъ. Нѣмецъ ученаго или образованнаго круга возмѣщаетъ потраченныя фосфорныя соединенія не вполне, не сообразной пищей; поэтому онъ половинный человѣкъ, человѣчекъ, неопредѣлившійся, нерѣшительный, существо сладковатое, горьковатое, суетливое, нервное, скучное“. Къ этой характеристикѣ нечего, кажется, прибавлять. Если она, быть можетъ, не вполне художественна, то за то очень не далека отъ истины. Изъ этой характеристики вытекаетъ, однако, необыкновенно важный въ общественномъ отношеніи выводъ, на который Рейхъ не обратилъ вниманія. Одно образованіе народа, очевидно, еще ничего не значить, одно хорошее питаніе точно также, но соединеніе образованія съ хорошимъ питаніемъ даетъ уже очень богатый результатъ. Слѣдовательно, сколько-бы мы ни прилагали стараній къ распространенію образованія, мы не только никому не оказываемъ благодѣянія, но даже творимъ нѣчто ненормальное, готова тѣхъ „человѣчковъ“, которые въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ такъ и будутъ проситься подъ перо какого-нибудь другого Рейха. Однимъ словомъ, народъ, который хорошо питается, требуетъ хорошаго образованія, а народъ, который много работаетъ умомъ, требуетъ хорошаго питанія. Одно безъ другого немислимо.

Едва-ли нужно говорить, что, перейдя къ пьянству, д-ръ Рейхъ очутился въ своей родной сферѣ. Онъ точно самъ охмелѣлъ безъисходностью этого всенароднаго и даже всеобщаго недуга и его неисчислимыми гибельными слѣдствіями. Чуть-ли не всю свою жизнь д-ръ Рейхъ пишетъ противъ пьянства и громитъ его со всѣхъ сторонъ, но увы! порочное человѣчество не внемлетъ его горячей проповѣди и его гигиенической опытности. Кажется, теперь, послѣ всего, что писалось о пьянствѣ, едва-ли въ какомъ-нибудь кабацѣ найдется пьяница, который, поднося рюмку ко рту, не подумаль-бы сперва о своей многогрѣшной печени, кишкахъ, мозгахъ и прочихъ тягостныхъ спутникахъ жизни. Впрочемъ, чего и думать, если есть полная возможность чувствовать. И, однако, все это *чувствующее* насе-

леніе, и оно-то болѣе всего, пьеть, пьеть и пьеть. Въ чемъ тутъ секретъ, гдѣ лекарство и спасеніе? До сихъ поръ еще не было и вѣтъ тѣхъ мудрыхъ Эдиповъ, которые дали-бы простой отвѣтъ на этотъ вопросъ. Мы также воздержимся отъ отвѣта, потому что онъ, право, стоитъ цѣлаго тома изслѣдованій, не включая даже туда тѣхъ безчисленныхъ патологическихъ измѣненій, которыми д-ръ Рейхъ пугаетъ пьяницъ и перечисленіе которыхъ, я думаю, всѣмъ надоѣло до тошноты. Мы полагаемъ, что пьяницы, по крайней мѣрѣ, одно достаточно убѣдительно доказали, именно—что они не изъ трусливаго десятка, чтобы ихъ можно было запугать д-ромъ Рейхомъ. Можетъ быть, иной читатель объяснитъ эту храбрость невѣжествомъ, мѣшающимъ всецѣло проникнуться гигиенической мудростью д-ра Рейха. Но этого совсѣмъ нельзя сказать. Во-первыхъ, какъ мы уже замѣтили, проникаться этой мудростью почти и не зачѣмъ, потому что тотъ, кого она больше всего и ближе всего касается, испытываетъ на себѣ, безъ всякихъ постороннихъ указаній, вредъ пьянства ежедневно, даже ежечасно, за исключеніемъ, впрочемъ, самыхъ моментовъ опьяненія—моментовъ отдохновенія отъ всѣхъ недуговъ. А во-вторыхъ, совсѣмъ нельзя сказать, чтобы невѣжественныхъ пьяницъ было больше, чѣмъ образованныхъ. Такъ Рейхъ цитируетъ изслѣдованія Роберта Байрда, который нашелъ, что въ Лондонѣ одинъ пьяница приходится на

- 7,2 пуговщиковъ.
- 11,8 привратниковъ.
- 18,2 ножевщиковъ.
- 22,0 музыкантовъ.
- 22,8 сельскихъ рабочихъ.
- 23,2 мелочныхъ лавочниковъ.
- 28,2 рыбныхъ торговцевъ.
- 42,3 парикмахеровъ.
- 63,7 мясниковъ.
- 68,0 медиковъ.
- 81,4 торговцевъ.
- 99,3 ткачей.
- 108,0 сборщиковъ податей.

Въ эту таблицу вошли далеко не всѣ професіи, но изъ нея все-таки не слѣдуетъ, чтобъ образованіе или невѣжество играло серьезную роль въ ряду условій, обуславливающихъ пьянство. Невѣжественнѣе сельскихъ рабочихъ въ Англіи нѣтъ никого, а они, однако, пьянствуютъ меньше многихъ фабричныхъ рабочихъ; точно также образованные медики превзошли въ этомъ отношеніи торговцевъ и ткачей. Не въ первый разъ статистики пытаются выяснитьъ вліяніе професіи на пьянство, но до сихъ поръ это рѣшительно не удается. Вопросъ о пьянствѣ неразрѣшимъ съ точки зрѣнія статистики, и еще менѣе разрѣшается онъ гигиеной и медициной. Есть только одна точка зрѣнія, приличная этому вопросу: общественно-психологическая, но ея примѣненіе къ сложному явленію пьянства, повторяемъ, въ высшей степени трудно и необходимо сопряжено съ самымъ кропотливымъ анализомъ общественности и психическихъ свойствъ человѣческой природы вообще. Собственно говоря, это прямо относится къ предмету сочиненія Рейха, но его только можно благодарить, что онъ не взялся съ своими слабыми силами за этотъ гигантскій трудъ.

Рейхъ въ своемъ сочиненіи никогда не является общественнымъ психологомъ, — онъ вездѣ и всегда только гигиенистъ. Краеугольный вопросъ о происхожденіи народнаго духа оставленъ имъ совершенно безъ разрѣшенія, хотя онъ подвергалъ его разсмотрѣнію. Точно также въ вопросѣ о пьянствѣ онъ не задается цѣлью раскрыть причины, изъ которыхъ сложился этотъ социальный недугъ, но за то онъ очень подробно разъясняетъ вліяніе пьянства на народный духъ. Исслѣдованія его въ этомъ отношеніи не лишены интереса, чисто-научнаго, строго-спеціальнаго. Онъ неумолимъ не только къ водкѣ, но и къ пиву и даже вину. Но, во всякомъ случаѣ, вино, по мнѣнію Рейха, оставляетъ болѣе привлекательный отпечатокъ на народномъ духѣ, чѣмъ водка и пиво. „Фантазія народовъ, пьющихъ вино, горячій темпераментъ которыхъ проявляется въ частномъ быту и политикѣ, отражается на наукѣ и опредѣляетъ форму общественной жизни. Тамъ, гдѣ населеніе пьетъ вино, совершаются больше преступленій по отношенію къ личности, чѣмъ къ собственности; добрые творятъ больше добра, злые больше зла, чѣмъ гдѣ-либо; общественная жизнь пріобрѣтаетъ больше движенія и жизни, не дохода, однако, до бѣше-

наго разгула, замѣчаемаго въ странахъ, гдѣ пьется водка... Нельзя представить себѣ большаго различія въ характерѣ, какъ между французами, итальянцами, испанцами, португальцами, греками, и, однако, всѣ эти націи имѣютъ много общаго: имъ присуща живая фантазія, горячій темпераментъ, сильная нервная возбудимость. Всѣ эти народы ежедневно пьютъ за обѣдомъ вино... Мы видимъ, что на югѣ Европы всегда чувства предшествуютъ идеямъ, на сѣверѣ-же идеи являются ранѣе чувствъ. Это обстоятельство отчасти обуславливается родомъ пищи и напитковъ, и, въ свою очередь, оно служитъ причиной того, что на югѣ церковь и государство иначе поставлены относительно другъ друга, чѣмъ на сѣверѣ. Католическая церковь, сама того не подозрѣвая, находитъ сильную поддержку въ ежедневномъ употребленіи вина своими членами; тамъ, гдѣ не употребляется вино, католицизмъ почти совсѣмъ не могъ утвердиться". Какъ-бы тамъ ни было, но, по словамъ самого Рейха, вино дѣйствуетъ сносно, чѣмъ водка, и, слѣдовательно, можно только радоваться, а не отчаиваться, подобно Рейху, что перечисленные имъ націи пьютъ вино, а не водку, не какую-нибудь мухоморную настойку, опій, коку и т. д. Въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія Рейхъ говоритъ даже, что вино замедляетъ выдѣленіе фосфорныхъ соединений изъ мозгового вещества, а потому, слѣдовательно, вино непосредственно повышаетъ дѣятельность мозга (стр. 180.) Если это наблюденіе справедливо, то оно можетъ служить нѣкоторой нитью при разрѣшеніи вопроса о пьянствѣ. Извѣстно, что когда мозгъ бѣденъ фосфорными соединениями, то онъ работаетъ мало и вяло; понятно, значитъ, что вино, задерживающее въ мозгу фосфаты, тѣмъ самымъ облегчаетъ ему работу. Съ другой стороны, извѣстно, что свободная и легкая работа мозга, сопровождающаяся обильнымъ наплывомъ идей и образовъ, представляетъ для *всякаго* человѣка высшее наслажденіе, съ которымъ нечего, пожалуй, и сравнить по силѣ. Такое наслажденіе, не часто повторяющееся въ нормальномъ состояніи, остается въ воспоминаніи у человѣка, и онъ естественно и инстинктивно стремится къ этому наслажденію, испытавъ его впервые, быть можетъ, за стаканомъ вина. Вотъ одна изъ причинъ, въ силу которыхъ человѣкъ тя-

готѣть къ спиртнымъ напиткамъ. Но это только одна изъ причинъ и одна изъ многочисленныхъ сторонъ вопроса о пьянствѣ.

Кофе и чай, по мнѣнію Рейха, играютъ роль важныхъ факторовъ въ дѣлѣ выработки народнаго характера. Рейхъ отдаетъ предпочтеніе кофе предъ чаемъ и находитъ оба напитка болѣе сносными, чѣмъ спиртные, пожалуй даже вполне гигиеничными, по крайней мѣрѣ, кофе, который возбуждаетъ бодрость духа, стремленіе къ дѣятельности, окрыляетъ фантазію и облегчаетъ мышленіе и чувствованіе. „Необыкновенная ловкость въ искусствахъ, обнаруживаемая арабами, ихъ возвышенная фантазія и тонкій умъ рѣшительно зависятъ отъ постоянного употребленія кофе“. Рейхъ утверждаетъ далѣе, что кофе препятствуетъ накопленію жира, но кофе увеличиваетъ силу воли надъ массой тѣла и тѣмъ облегчаетъ мыслямъ и чувствамъ ихъ проявленіе и ихъ выполненіе. Сравнивая народы, пьющіе кофе, съ народами, пьющими чай, Рейхъ находитъ между ними нѣкоторыя психическія различія; первые поэтичнѣе, вторые прозаичнѣе, одни любезнѣе и сообщительнѣе, другіе—неподатливы и сосредоточенны. Статистика показываетъ, будто-бы у народа, пьющаго кофе, менѣе субъектовъ, способныхъ къ самоубійству, чѣмъ у народа, пьющаго чай. Желали-бы мы видѣть эту любопытную статистику, показывающую, по увѣренію Рейха, такія диковинки! Д-ръ Рейхъ объясняетъ это очень просто. „Въ странахъ, гдѣ кофе есть ежедневный напитокъ, деньги, говоритъ Рейхъ,—менѣе обоготворяются, тамъ больше состраданія къ ближнему, любезности, услужливости, чѣмъ тамъ, гдѣ обыкновенно пьется чай. Причина этого явленія заключается въ томъ, что кофе возбуждаетъ разсудокъ и фантазію, между тѣмъ какъ чай усиливаетъ только разсудокъ, а также въ томъ, что оба напитка различно вліяютъ на обмѣнъ веществъ, кожу, слизистыя оболочки, сердце и т. д.“ Между прочимъ, кофе ускоряетъ пищевареніе, чай-же замедляетъ, и потому предрасполагаетъ къ ипохондріи, которая и разрѣшается при другихъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ самоубійствомъ. Д-ръ Рейхъ слѣдующимъ образомъ заключаетъ свою характеристику націй, употребляющихъ тотъ или другой напитокъ: „Націи, пьющія чай, въ высшей степени производительны въ умственномъ отношеніи; достаточно бросить взглядъ на литературу китайцевъ (!), англи-

чанъ, части нѣмцевъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Но чаеѣйцамъ недостаетъ той непосредственности, той сердечной теплоты, того уравновѣшенія разсудка фантазійей, которыя свойственны націямъ. пьющимъ кофе“.

Краснорѣчіе д-ра Рейха достигаетъ своего апогея, когда онъ переходитъ къ анализу куренія табака. Нѣтъ болѣе ужасной привычки, по мнѣнію Рейха, какъ табакокурение. Не говоря уже о томъ, что курильщика осаждаютъ, по словамъ Рейха, цѣлая армія болѣзней и расстройствъ, докторъ думаетъ, что это, наконецъ, безнравственно, цинично и даже неблагопріостойно. Да, неблагопріостойно, потому что курение всегда сопровождается питьемъ пива въ трактирахъ, и, слѣдовательно, постепенно отучаетъ человѣка отъ семейной жизни, подрываетъ ея основы и т. д. Такіе силогизмы не нами выдуманы; читатель найдетъ ихъ, съ различными, конечно, прикрасами, въ сочиненіи Рейха. Къ каждому случаю придается онъ, чтобы „уязвить“ курильщика, а, можетъ быть, и для того, чтобы довести его до раскаянія. Вотъ, напр., что со всѣмъ неожиданно встрѣтили мы въ сочиненіи Рейха по поводу куренія табака: „Путешественникъ, ѣдущій по желѣзной дорогѣ отъ Эйзенаха къ Лихтенфельсу, видитъ изъ оконъ вагона на лѣвой сторонѣ великолѣпную резиденцію герцога, которая приобрѣла всемірную извѣстность своимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ. Чужеземецъ, если онъ привыкъ по наружности заключать о внутреннемъ содержаніи, сходитъ со станціи и съ удовольствіемъ отправляется въ этотъ городъ. Онъ надѣется встрѣтить нормальныхъ людей, но какое разочарованіе!—онъ попадаетъ въ совершенно выродившееся общество, общество пошляковъ, незнающихъ вышатаго интереса, кромѣ питья пива, куренія табаку, оскверненія всего благороднаго сплетнями и безславіемъ, стремленіемъ протащить по уличной грязи все высокое, опорочить неслышанно дерзкимъ образомъ лучшія личности, — общество, до того опустившееся, что чужеземецъ, съ чувствомъ презрѣнія въ душѣ, отворачивается отъ этой страны“. Было-бы, въ самомъ дѣлѣ, грустно, если-бъ не было такъ смѣшно. Если д-ръ Рейхъ тратитъ столько душевнаго огня на изобличеніе такихъ пустяковъ, какъ курение табака, то какимъ языкомъ долженъ онъ говорить о дѣйствительно серьезныхъ національныхъ недугахъ и вредныхъ обще-

ственныхъ привычкахъ? Это, впрочемъ, всегдашняя привычка нѣмецкой критической односторонности: углубиться со всею страстью въ кропотливѣйшій анализъ какой-нибудь букашки и пройти мимо слона, всплескивать руками при видѣ соломенки и не моргнуть глазомъ при видѣ бревна. Такъ поступилъ и д-ръ Рейхъ съ вопросомъ о вліяніи питанія на народный духъ, съ вопросомъ о пьянствѣ да и вообще съ предметомъ своихъ изслѣдованій, о которомъ онъ не сумѣлъ сказать ровно ничего существеннаго, но раздробилъ его на мелочи и совершенно неважныя частности. Чтобы ни говорилъ д-ръ Рейхъ, но, по нашему мнѣнію, куреніе табака представляетъ собою одно изъ наименьшихъ и ничтожнѣйшихъ золъ, угрожающихъ общественному благосостоянію. Мы не имѣемъ основанія не вѣрить тѣмъ научнымъ изслѣдованіямъ, которыя предають анафемѣ табакъ и курильщиковъ, но мы имѣемъ за то полное основаніе сомнѣваться, въ такой-ли дѣйствительно степени вредно куреніе табака, какъ это проповѣдуетъ докторъ Рейхъ. По его мнѣнію, отъ куренія табака народъ и глупѣетъ, и худѣетъ, и сходитъ съ ума, самоубивается, распутствуетъ, сплетничаетъ, пошлѣетъ. Весьма интересно было-бы провѣрить это статистическими цифрами, но, къ сожалѣнію, эти цифры хотя и имѣются, но онѣ, во-первыхъ, стары, а во-вторыхъ, даютъ лишь самое общее понятіе о вліяніи куренія табака на національный характеръ. Мы беремъ эти цифры у самого-же д-ра Рейха, занимававшаго ихъ, въ свою очередь, у Луи-де-Бодикюра. По вычисленіямъ этого ученаго, въ 1854 году

	Истребл. килограм. табаку.	или	Грам. на челов.
Англія	15,000,000	или	550
Испанія и Португалія . .	8,000,000	„	500
Австрія	40,000,000	„	1,070
Франція	21,000,000	„	590
Россія	13,500,000	„	225
Германія	50,000,000	„	1,700
Турція	14,000,000	„	1,200
Нидерланды	7,000,000	„	2,150
Бельгія	7,000,000	„	1,600
Италія	12,000,000	„	600

Греція	8,500,000	„	950
Данія, Норвегія и Швеція	4,000,000	„	550
Швейцарія	3,000,000	„	1,400
Сѣв.-Амер. Соед. Штаты .	40,000,000	„	2,500

Эта таблица, которую Рейхъ приводитъ въ подкрѣпленіе своей антипатіи къ табаку, говоритъ нѣчто прямо противоположное. Изъ нея оказывается, что самое умное, трудолюбивое, энергичное и, можно даже сказать, самое нравственное населеніе Соединенныхъ Штатовъ (понимая, конечно, нравственность въ широкомъ социальномъ смыслѣ) всего болѣе курить, тогда какъ между націями, гдѣ куреніе слабо распространено, мы видимъ Россію, Испанію и Португалію, Данію, Норвегію и Швецію. Но докторъ Рейхъ и не думаетъ унывать; онъ все твердитъ свое и съ необыкновенной находчивостью выкапываетъ изъ всевозможныхъ сочиненій случайныя фразы и изрѣченія по поводу куренія табака. Если табакъ еще не очень вреденъ въ настоящее время, то зато въ будущемъ, по мнѣнію Рейха, онъ совершенно искалѣчитъ населеніе. Прежде всего разовьется... что-бы, вы думали?—страшное социальное зло разъединенія половъ, вопреки всѣмъ современнымъ усиліямъ къ ихъ сближенію. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ будущемъ бѣдствіи цитируемый Рейхомъ д-ръ Тидеманъ: „Все болѣе и болѣе распространяющееся куреніе табака оказываетъ вредное вліяніе на общественную жизнь и влечетъ за собой рѣзкое разъединеніе половъ, какое существовало въ прежнее время. Люди, предающіеся куренію, избѣгаютъ общества обыкновенно воздерживающихся отъ куренія женщинъ, и, для того, чтобы безпрепятственно наслаждаться куреніемъ, имѣютъ привычку проводить вечера въ кофейныхъ домахъ, въ пивныхъ, трактирахъ или въ такъ-называемыхъ мѣстахъ отдохновенія. Эти мѣста, переполненные удушающимъ табачнымъ дымомъ, среди котораго едва мерцаетъ свѣтъ, возбуждаютъ къ себѣ, какъ извѣстно, въ большинствѣ людей всѣхъ сословій неопределимое влеченіе. Здѣсь читаются газеты, идутъ толки о ежедневныхъ городскихъ новостяхъ и политикѣ... Неудивительно, если побинутыя мужьями жены, которыхъ ужасаетъ какъ табакъ, такъ и политика, ищутъ для себя своихъ удовольствій и развлеченій.. Между тѣмъ, дѣти оставляются на произволъ судьбы или отдаются подъ надзоръ при-

слуги, а въ этомъ-то и заключается главная причина дурного воспитанія и всѣхъ его послѣдствій, по поводу которыхъ раздается такъ много жалобъ“.

Если кофе, чай, табакъ оказываютъ, по мнѣнiю Рейха, такое сильное влiянiе на духъ народа, то для жилища, городской и сельской жизни, влiянiя свѣта, ухода за тѣломъ вообще, пожалуй, и не найдется достаточно сильныхъ выраженiй. Рейхъ отдаетъ рѣшительное предпочтенiе городской жизни предъ сельской, основываясь на новѣйшихъ изслѣдованiяхъ французскаго гигиениста Штоктона-Гуга, который объясняетъ вредныя послѣдствiя пребыванiя въ городахъ скопленiемъ людей на незначительномъ пространствѣ, нищетою, распространенiемъ сифилиса и другими извѣстными причинами. Весьма замѣчательно, что Штоктонъ считаетъ для женщинъ пребыванiе въ городахъ полезнѣе, чѣмъ сельскую жизнь. Такъ, напр., въ штатѣ Родъ-Айлендѣ (не считая города Провиденса) среднiй возрастъ женщинъ, умершихъ въ 1871 году, былъ 32,35; напротивъ, возрастъ женщинъ, умершихъ въ томъ-же году въ Провиденсѣ, самомъ большомъ городѣ этого штата, былъ 37,92. Впрочемъ, многiе изъ новѣйшихъ статистиковъ придерживаются такого-же мнѣнiя. Непонятно, почему Штоктонъ, придерживающiйся такого мнѣнiя, совѣтуетъ городскимъ семействамъ освѣжать свои воспроизводительныя силы браками съ семействами, которыя исключительно живутъ въ деревняхъ и селахъ.

Что касается жилищъ, то о важности ихъ для физическаго и душевнаго здоровья мы не разъ уже говорили въ нашемъ журналѣ. Нѣкоторую новизну для читателей „Дѣла“ представить, можетъ быть, вопросъ о влiянiи свѣта. Это влiянiе чрезвычайно важно и только въ настоящее время начинаетъ выясняться. Мы еще не знаемъ, насколько, по словамъ Рейха, зависятъ продолжительность жизни и смертность, здоровье и болѣзни, мысли, чувства и поступки отъ количества и рода свѣта. Изслѣдованiя Вальяра показали, что максимумъ и минимумъ смертности, при другихъ нормальныхъ условiяхъ, стоятъ въ связи съ степенью свѣтлости солнечныхъ лучей. Смертность достигаетъ высшей цифры во время весенняго равноденствiя и низшей—во время лѣтнаго солнцестоянiя. Что въ жилищахъ, куда не проникаетъ солнечный

свѣтъ, болѣзни и смертные случаи чаще замѣчаются, чѣмъ въ жилищахъ, освѣщаемыхъ солнцемъ,—это фактъ, доказанный статистически д-ромъ Арнольдомъ Фогтомъ. Изъ наблюдений этого доктора видно, что въ домахъ, расположенныхъ на тѣневой сторонѣ, абсолютно всѣ болѣзни чаще случаются, чѣмъ въ домахъ на солнечной сторонѣ. Докторъ Фогтъ рассказываетъ, что въ Бернѣ въ 1860 году на такъ-называемой Аарбергской улицѣ жило на солнечной сторонѣ 850 человѣкъ, а на тѣневой 258, всего 1,108 душъ. „Эти люди, говоритъ Фогтъ, — живутъ на одной и той-же почвѣ, пьютъ одну и ту-же воду, дышать однимъ и тѣмъ-же воздухомъ,—словомъ, находятся въ однихъ и тѣхъ-же климатическихъ условіяхъ. Обыкновенно всѣ они ѣздятъ въ 3-мъ классѣ и матеріальныя ихъ средства совершенно одинаковы. На солнечной сторонѣ населеніе болѣе скучено, чѣмъ на тѣневой, и между тѣмъ на этой улицѣ ежегодно умираетъ:

	На солнечной сторонѣ.	На тѣневой сторонѣ.
Отъ воспаленія венъ, гнойнаго отравленія, госпитальной гангрены и рожи.	1	6,7
Отъ брюшного тифа	1	5,4
Дѣтей вскорѣ послѣ рожденія	1	4,6
Отъ ревматизма и происходящихъ отсюда болѣзней сердца	1	4,3
Отъ болѣзней мозга (за исключеніемъ водянки).	1	4,0
Отъ желудочныхъ и кишечныхъ катаровъ	1	3,6
Отъ чахотки	1	3,5
Внезапной смертью	1	2,9
Отъ легочныхъ болѣзней (исключая чахотки	1	2,5
Отъ старческой слабости	1	1,3

Сказать, послѣ этой таблицы, что свѣтъ вліяетъ на организмъ, слишкомъ мало; его вліяніе громадно и неизмѣримо, какъ этого до сихъ поръ совершенно не подозрѣвали ни публика, ни врачи-гигиенисты. Понятно, что если свѣтъ такъ важенъ для здоровья, то онъ такъ-же важенъ и въ дѣлѣ образованія народнаго характера. Было-бы крайне интересно знать специальное отношеніе

свѣта къ психической жизни, но, къ сожалѣнію, наука еще ничего не можетъ сказать объ этомъ, и докторъ Рейхъ, какъ намъ кажется, въ этомъ случаѣ напрасно силится сказать во что-бы то ни стало свое слово. Кромѣ смѣха, онъ ничего не возбуждаетъ въ читателѣ. Судите сами: окончивъ перечень всѣхъ физическихъ золъ, происходящихъ отъ недостатковъ свѣта, д-ръ Рейхъ ни съ того, ни съ сего и совершенно неожиданно выдерживаетъ слѣдующую цитату изъ сочиненія Эдвардса: „Въ климатахъ, гдѣ хожденіе нагишомъ не вредитъ здоровью, вліяніе свѣта распространяется на всю поверхность тѣла, а это благопріятствуетъ его правильному росту“. Вотъ и все. Спрашивается, что отсюда слѣдуетъ? Мы увѣрены, что д-ръ Рейхъ, не моргнувъ глазомъ, посоветовалъ уже своимъ ближайшимъ знакомымъ послѣдовать обычаю дикарей, ибо, въ самомъ дѣлѣ, какъ-же иначе распространить вліяніе свѣта на всю поверхность тѣла? Нашъ климатъ, правда, не позволяетъ этого, но за то у насъ есть теплыя комнаты. Объ этомъ, впрочемъ, д-ръ Рейхъ ничего не говоритъ, и мы можемъ только сожалѣть, что смѣлость оставила на этотъ разъ нашего гигиениста и онъ не договорилъ начатаго до конца.

Что д-ръ Рейхъ смѣлъ, это несомнѣнно. Для него рѣшительно ничего нѣтъ недоступнаго, сомнительнаго, труднаго. Напр., кто изъ читателей догадается о возможности вопроса: какъ вліяетъ чистота кожи на общественный духъ народа? Рейхъ-же не только задалъ себѣ этотъ вопросъ, но и разрѣшилъ его въ двухъ словахъ. „Съ чистотой кожи, проповѣдуетъ этотъ мудрецъ, — возрастаетъ вообще чистота мыслей и чувствъ. Я говорю вообще, потому что были и есть великіе мыслители и друзья человѣчества, которые обтянуты грязной кожей, ходятъ нечесанные, въ невымытыхъ рубашкахъ, засаленномъ платьѣ. Однако, большая часть двуручикихъ существъ тѣмъ грязнѣе въ своихъ помыслахъ и чувствованіяхъ, тѣмъ животнѣе, чѣмъ менѣе отличается чистотой ихъ кожа и одежда... У польскихъ евреевъ и другихъ народовъ сомнительной чистоты нравственность всегда представляла вопросъ, и золотыя зерна интеллигенціи такъ глубоко лежатъ въ грязи, что ихъ можно найти лишь съ помощью особыхъ приспособленій, долго отчищая ихъ пескомъ, чтобы судить о ихъ цѣнности“. Нравственность, золотыя зерна интеллигенціи, высокія и благородныя чув-

ства,—вотъ на какую тему вдохновляетъ д-ра Рейха чистая кожа. Но онъ, очевидно, не дотеръ свою собственную кожу не только до высокихъ мыслей, но и просте до здраваго смысла и пониманія дѣйствительности. Скажите пожалуйста, многимъ-ли дала судьба приличное платье и столько рубахъ, чтобы ихъ можно было смѣнять ежедневно, многимъ-ли она дала просто кусокъ мыла, чтобы смывать съ себя трудовой потъ? О, неужели это громадное большинство безправственныхъ тѣхъ счастливецъ, которые ежедневно берутъ ванну? Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, доктору Рейху можно посоветовать не столько оттирать свою кожу, сколько просто протирать свои глаза и синіе очки.

Докторъ Рейхъ включилъ въ число факторовъ народнаго духа косметику, гимнастику, общій характеръ флоры и фауны, промышленность, душевныя болѣзни. Мы не будемъ останавливаться на первыхъ трехъ факторахъ, такъ-какъ д-ръ Рейхъ не говоритъ объ нихъ ничего новаго и даже воздерживается отъ своихъ обычныхъ странностей. Что касается вліянія промышленности на народный характеръ, то, по мнѣнію Рейха, оно весьма неблагопріятно. Докторъ пользуется, впрочемъ, давно извѣстными статистическими изслѣдованіями Леона Фаухера, которыя относятся, главнымъ образомъ, къ Англіи. Фаухеръ нашелъ, что въ тѣхъ графствахъ Англіи, гдѣ преобладаетъ земледѣліе, число обвиняемыхъ составляетъ 4,6%, между тѣмъ какъ въ близости Лондона этотъ процентъ гораздо выше. Въ графствахъ съ преобладающей промышленностью на 100 жителей среднимъ числомъ приходится 6 обвиняемыхъ; если-же брать отдѣльныя графства, гдѣ земледѣльцы составляютъ 1,1% населенія, то число обвиняемыхъ возрастаетъ до 11,5%, даже до 16% тамъ, гдѣ на 100 душъ приходится 22 фабричныхъ рабочихъ. Въ нѣкоторыхъ графствахъ число фабричныхъ рабочихъ понижается до 9 на 100 душъ, и тогда число обвиняемыхъ не превышаетъ 3 процентовъ. Въ графствахъ, гдѣ фабричная промышленность и земледѣліе развиты въ одинаковой степени, процентъ обвиняемыхъ достигаетъ 4,5. Не лишена интереса слѣдующая таблица Фаухера, показывающая, что на 10,000 въ Англіи приходилось обвиняемыхъ:

	Въ преступлені- яхъ противъ лич- ности.	Въ преступлені- яхъ противъ соб- ственности.
Во всей Англїи	1,39	15,90
Въ округахъ шелковаго производства	0,85	10,15
„ округахъ горнозаводской промыш- ленности	0,93	6,81
„ округахъ земледѣльческихъ	1,29	14,80
„ „ хлопчато-бумажн. произв.	1,50	18,52
„ „ желѣзнаго производства	1,83	20,24
„ Лондонъ и его окрестностяхъ	2,80	28,21

Эти цифры говорятъ достаточно выразительнымъ языкомъ; имъ недостаетъ только, для большей полноты, сравнительной таблицы заработной платы. Вліяніе професїи едва-ли играетъ тутъ какую-либо роль. Рейхъ, цитируя Симонса, увѣряетъ, что незначительность цифры обвиняемыхъ въ округахъ, гдѣ преобладаетъ горнозаводская промышленность, объясняется тѣмъ, что въ этихъ округахъ всего менѣе большихъ городовъ и что населеніе этихъ городовъ отличается простыми, патриархальными нравами и хорошими привычками, такъ-какъ опасность, съ которой сопряжена работа въ каменно-угольныхъ копяхъ, пробуждаетъ въ населеніи нравственное чувство и религіозный страхъ, удерживающій отъ пороковъ.

Такъ-какъ задача доктора Рейха состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить основные элементы нормальнаго народнаго духа, то заключить эти изслѣдованія анализомъ помѣшательства—значило-бы собственно начать за здравіе, а свести за упокой. Тѣмъ не менѣе этотъ анализъ былъ-бы совершенно кстаті, если-бъ доктору Рейху удалось показать, какія причины отклоняютъ общественный умъ отъ его здороваго состоянія и на-сколько эти причины постоянны. Помѣшанные, конечно, нисколько не опредѣляютъ непосредственно свойствъ и даже оттѣнковъ народнаго духа. Но если принять во вниманіе, что вліяніе причинъ, вредно дѣйствующихъ на душу, не ограничивается произведеніемъ помѣшательства, но распространяется и на все общество, держа его постоянно въ осадѣ, то изученіе этихъ причинъ получаетъ необыкновенную важность для общественной психологїи. На-сколько причины помѣшатель-

ства постоянны и глубоко коренятся во всемя строе общества, это можно видѣть изъ распредѣленія по профессіямъ всѣхъ сошедшихъ съума въ Парижѣ въ достопамятный періодъ 1870 и 1871 года.

	Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.
Правительственныхъ чиновниковъ			
или ихъ семействъ	27	2	29
Духовныхъ	4	3	7
Другихъ свободныхъ профессій	16	3	19
Солдатъ регулярнаго войска	105	—	105
Жандармовъ	5	—	5
Мобилей	54	—	54
Участвовавш. въ войнѣ солдатъ	28	—	28
Матросовъ	3	—	3
Арендаторовъ	10	19	29
Мелочныхъ торговцевъ	22	3	25
Купцовъ и подрядчиковъ	24	7	31
Ремесленниковъ	58	38	96
Домовладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ	41	22	63
Сельскихъ рабочихъ	48	12	60
Поденьщиковъ	23	44	67
Неимѣющихъ профессіи	19	52	71
Лицъ, профессія которыхъ неизвѣстна	76	108	184
	<u>563</u>	<u>313</u>	<u>876</u>

Къ сожалѣнію, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ абсолютными, а не относительными цифрами; тѣмъ не менѣ изъ нихъ до нѣкоторой степени можно заключить, что на духъ народа дѣйствуютъ не столько случайныя потрясенія, какъ-бы они ни были сильны, сколько установившіяся соціальныя отношенія. Все населеніе Парижа было поражено ужасомъ войны, осадой и междуусобіями, но все-таки помѣшательство обнаружилось въ различной степени въ каждой профессіи. Изъ обширныхъ изслѣдованій французскаго статистика Легуа вытекаетъ, что душевное разстройство въ наибольшей степени поражаетъ людей, главная забота которыхъ

сосредоточена на деньгах; затѣмъ слѣдуютъ лица такъ-называемыхъ свободныхъ профессій, которыя обыкновенно больше требуютъ и жаждутъ денегъ, чѣмъ сколько могутъ ихъ заработать; потомъ поденщики и слуги и, наконецъ, тѣ торговцы, матеріальное обезпеченіе которыхъ подвержено сильнымъ колебаніямъ, сообразно требованіямъ на ихъ продукты. Матеріальное обезпеченіе вездѣ стоитъ на первомъ планѣ; оно составляетъ самую надежную гарантію психическаго здоровья. Къ этому выводу приводитъ собственно анализъ всѣхъ тѣхъ факторовъ безъ исключенія, которые составляютъ, по Рейху, даже основу народнаго духа. Въ самомъ дѣлѣ, какіе факторы Рейхъ считаетъ важнѣйшими въ дѣлѣ выработки и развитія народнаго характера? Строеніе черепа и вѣсъ мозга, фізіологическое состояніе другихъ органовъ тѣла, вліяніе пищи, свѣта, жилищъ, чистота воздуха, чистота кожи, гимнастика, состояніе промышленности, правильное раздѣленіе труда или, другими словами, нормальная общественная организація профессій,— вотъ условія, отъ которыхъ прямо зависитъ состояніе народнаго духа и которыя въ окончательномъ результатѣ всегда сводятся къ матеріальному обезпеченію народа. По отношенію въ гимнастикѣ это едва-ли можетъ возбудить сомнѣніе, по отношенію къ пресловутой чистотѣ кожи, трезвости или пьянству, даже вреднымъ климатическимъ вліяніямъ—точно также. Слишкомъ углубившись въ частности гігіены, Рейхъ упустилъ изъ виду даже этотъ общій выводъ изъ своихъ изслѣдованій, не говоря уже о томъ, что онъ ровно ничего не сдѣлалъ для разъясненія психической сущности народнаго духа. Онъ оставилъ внѣ своихъ изслѣдованій обширный и важный отдѣлъ соціальной психологіи, въ который входятъ народные вѣрованія, инстинкты, нравы и обычаи. Если-бъ онъ утвердилъ антропологическую точку зрѣнія на соціальную психику, то его сочиненіе представляло-бы дѣйствительно громаднѣйшій интересъ. Теперь-же это сочиненіе—не больше, какъ неудачныя соціологическія попытки, предлагаемыя подъ старымъ соусомъ гігіены, которая начинается, наконецъ, порядкомъ надобѣдать, особенно въ той узкой и односторонней формѣ, въ какой она пропагандируется докторомъ Рейхомъ.

В. Л.

НОВЫЯ КНИГИ.

Сборникъ историко-статистическихъ свѣденій о Сибири и сопредѣльныхъ ей странахъ. Томъ I. Спб. 1876.

Въ провинціи до сихъ поръ существуетъ множество несчастныхъ людей, которые, не имѣя ни серьезныхъ знаній и ни малѣйшаго литературнаго таланта, страдаютъ ужасной маніей сочинительства. Есть поэты, публицисты, философы, которые пишутъ всевозможную ерунду, цѣлую жизнь хлопчутъ, чтобы какъ-нибудь напечатать ее, и, въ случаѣ неудачи, распроstrаняютъ свои творенія въ рукописи между знакомыми или читаютъ ихъ и заставляютъ слушать себя. Въ послѣднее двадцатилѣтіе, къ несказанному удовольствію этихъ ерундистовъ, въ провинціи завелись мѣстные органы, и ерундисты начали наполнять своими твореніями страницы „Губернскихъ Вѣдомостей“, „Вѣстниковъ“, „Телеграфовъ“ и т. д.

Даже о такой громадной и интересной странѣ, какъ Сибирь, до послѣдняго времени писали преимущественно подобнаго рода сочинители изъ наѣзжихъ чиновниковъ. Въ числѣ ихъ были, напр., покойный чиновникъ Титовъ, творенія котораго до сихъ поръ не находили мѣста ни въ одномъ журналѣ; бывшій минусинскій окружной начальникъ, кн. Костровъ, виро-долженіи многихъ лѣтъ нагружавшій своими статьями объ инородцахъ енисейскія и томскія „Губернскія Вѣдомости“; иркутскій чиновникъ Милютинъ и т. д. Особенно характеристична дѣятельность г. Милютина. Онъ трудился на литературномъ поприщѣ много и долго, безкорыстно и самоотверженно, но Сибирь не оцѣнила его. Издавалъ онъ, напримѣръ, газету „Амуръ“, но, несмотря на просвѣщенную поддержку мѣстнаго начальства, частныя лица на газету почти вовсе не подписывались, и г. Милютинъ кончалъ тѣмъ, что началъ ожесточенно бранить литературу и сибиряковъ, неумѣющихъ цѣнить такихъ людей, какъ онъ, и пѣть панегирики самому себѣ. Одинъ изъ этихъ панегириковъ перепечатала „Искра“ и даже переложила его въ слѣдующіе стихи (1862, № 3):

Въ Сибири холодной и суровой
 Начальству честно онъ служилъ,
И на главу вѣнецъ терновый,
*Вѣнецъ страданій возложилъ *)*.
 Пылалъ любовью къ человеку,
 Томился жаждою добра,
 Устроилъ онъ библиотечку
 И съ сухарями вечера;
 Журналовъ у редакцій даромъ,
 По крайней бѣдности, просилъ,
 Просилъ онъ трогательно, съ жаромъ,
 Но только „Странникъ“ получилъ!
 Его благія помышленья,
 Его великія дѣла
 Сибирь общественному мнѣнью
 На посмѣянье отдала.
 Тогда онъ, мрачный и угрюмый.
*Всю чашу юрести испилъ **)*
 И на главу вѣнецъ терновый,
 Вѣнецъ страданій возложилъ.
 Статейки съ подписью *мыслете*
 (Созданья перлъ!) онъ сочинилъ,
 Въ нихъ толковалъ о всемъ на свѣтѣ
 И добродѣтели училъ;
 Но край изгнанья, край суровый,
 Его трудовъ не оцѣнилъ,
 И на него вѣнецъ терновый,
 Вѣнецъ страданья возложилъ...

Испивъ чашу и украсившись вѣнцомъ, г. Милютинъ прекратилъ „Амуръ“ и началъ издавать въ Иркутскѣ-же „Сибирскій Вѣстникъ“. Но... опять чаша, опять вѣнецъ!... Г. Милютинъ замолчалъ, замолчали и другіе чиновные сибирскіе сочинители, въ родѣ кн. Кострова. Мы думали, что они уже завершили, по старости лѣтъ, свою литературную карьеру; мы даже составили имъ всѣмъ общую эпитафію:

Газеты и книжки они издавали
 И всюду въ Сибири они насаждали
 Науки, искусства и правды сады;
 Жаль только—подвиговъ ихнихъ плоды
 Имѣютъ довольно курьезный
 Особый букетецъ навозный!..

Вдругъ въ началѣ прошлаго года въ петербургскихъ газетахъ появилось объявленіе объ изданіи сборника, заглавіе котораго выписано выше. Уже по одному слогу этого объявленія можно было видѣть, что это опять *оми-же*. Напр., издатель обѣщалъ печатать „матеріалы, критически разобранные *черезъ* спеціалистовъ“, — выраженіе, очевидно, навѣянное нашими ста-

*) Подлинное выраженіе г. Милютина.

***) То же подлинное выраженіе г. Милютина.

рыми уголовными законами: „а буде не изъять отъ тѣлеснаго наказанія, то и наказанію плетми *чрезъ* палачей“. Что-же, думали мы тогда, *можетъ* быть, съ перенесеніемъ мѣста дѣятельности изъ Сибири въ Петербургъ, этимъ сочинителямъ и удастся осуществить то, чего напрасно добивались известные артисты въ крыловскомъ „Квартетѣ“. Интересуясь всѣмъ, касающимся Сибири, мы задавали тогда себѣ вопросъ: что и какъ будутъ писать эти отставные исправники, засѣдатели, комисаріатскіе чиновники и т. д.? Мы предполагали, что сборникъ будетъ состоять изъ обстоятельнаго изложенія тѣхъ мыслей и чувствъ, которыя составляютъ обычный предметъ бесѣды чиновниковъ, служившихъ въ Сибири. Всѣ они хвалятъ Сибирь и сладко облизываются, вспоминая двойные прогоны, „не въ зачетъ годовое жалованье“ и обиліе въ Сибири всѣхъ благъ земныхъ. Подается, напр., семга, какъ закуска къ водкѣ. — „Что это — семга? А въ Иркутскѣ-то омуль, Владиміръ Петровичъ, а?“ — „Да, омуль первое дѣло; вотъ, таймень тоже“. — „Ну, таймень — это въ пироги. А пельмени?“ — „И не поминайте, Николай Федоровичъ!.. Если-бы можно было, такъ-бы и улетѣлъ снова въ Сибирь!..“

„Сборникъ“, наконецъ, вышелъ, и наши предположенія вполнѣ оправдались. Въ немъ, во-первыхъ, участвуютъ всѣ тѣ-же сочинители, въ родѣ кн. Кострова; во-вторыхъ, содержаніе вполнѣ такое, какое мы предполагали. Вотъ, напр., рассказъ объ Иркутскѣ отставнаго чиновника Александра, служившаго въ Камчаткѣ 50 лѣтъ назадъ. Рассказъ начинается стихами, въ которыхъ авторъ говоритъ, что въ воспоминаніи онъ какъ-бы снова переживаетъ золотую эпоху своей жизни въ далекомъ краѣ:

„Гдѣ было такъ легко, такъ радостно служить,
Гдѣ я не зналъ ни нужды, ни скуки, ни печали,
Гдѣ волны звучныя ладью мою качали,
Какъ мамка колыбель любимаго птенца, —
Тдѣ жизнь казалась мнѣ, какъ *вѣчность*, безъ конца,
Съ одними *яствами* любви и наслажденій,
Съ одними чарами волшебныхъ сновидній“...

Жизнь, дѣйствительно, блаженная, какъ видно изъ рассказа Александрова. На 1-й страницѣ онъ говоритъ, что они съ товарищемъ, какъ только пріѣхали въ Иркутскъ и добрались до квартиры, такъ тотчасъ-же потребовали *закуску*. На 2-й страницѣ имъ предлагаютъ „свѣжей избуины“; въ началѣ 5-й стр. они пьютъ наливку *облениху* и кушаютъ „омуля, облитаго благовоннымъ кедровымъ масломъ и посыпаннаго зеленымъ лукомъ“; въ концѣ 5-й стр. они готовятъ „уху изъ живыхъ харюзовъ и холодное тоже изъ харюзовъ“; въ началѣ 5-й стр. является „подливъ изъ китайской горчицы съ кедровымъ масломъ“; въ концѣ той-же страницы они, „въ ожиданіи обѣда“, снова пьютъ облениху и ѣдятъ новаго омуля; 6-я стр. посвящена „копченымъ языкамъ, провѣсной ветчинѣ“ и т. д.; на 7-й — „роскошный обѣдъ“, снова облениха, и сонъ. Возставши отъ сна и „опоставши самоваръ“, они пошли на берегъ Ангары, „но, къ сожалѣнію, жи-

выхъ осетровъ еще не нашла“, за то заручились „животрепещущей рыбой всѣхъ породъ, сколько ихъ обитаетъ въ водахъ байкальскаго бассейна“. На 8-й стр... но на восьмой все то-же, что и на предыдущихъ, и на всѣхъ послѣдующихъ: омуль, облепиха, опять омуль, опять облепиха, объѣдъ, сонъ, омуль, облепиха, чай, омуль, облепиха; а по временамъ для разнообразія: „соболевская ядѣра“, грогъ, „голицынская очищенная“, потомъ снова — омуль, облепиха и т. д. Даже слюнки текутъ и брюхо сладостно ноеть! И что особенно пріятно, такъ это то, что съ чиновниковъ обыватели не берутъ платы за эти удовольствія: „таковъ ужь обычай“ (стр. 11)!.. Авторъ статьи „Байзатуѣ“, г. М., тоже восторгается Сибирью не меньше г. Александрова. „Мирно почивали на лаврахъ сытые начальники, говорить онъ,—ублагодотворенные вкусными плодами *общей благодарности*. Прощай, золотое время!.. Милое, старое времячко!.. Привольныя степи сибирскія!..“ (Словомъ, по части чувствъ въ „Сборникѣ“ находятъ самыя трогательныя страницы, полныя чиновничьими слезами, благоухающія омулемъ и „благоннымъ кедровымъ масломъ“...

Но „Сборникъ“ отличается обиліемъ не только возвышенныхъ чувствъ, но и свѣтлыхъ мыслей, и новыхъ свѣденій. Значительная часть его занята статистическими матеріалами, перепечатанными, между прочимъ, изъ календарей Сибирскаго, Гоппе и Суворина и „обработанными чрезъ специалистовъ“. Кн. Костровъ подробно (хотя уже въ сотый разъ, кажется) рассказываетъ о „женщинѣ у инородцевъ томской губерніи“, — тутъ все есть: и о „свадебномъ дѣлѣ у остяковъ“, и о штанахъ самоѣдки, и т. д. Жданъ-Пушкинъ перевелъ сочиненіе какого-то французскаго мисіонера о Корей и т. д. Всѣ эти матеріалы, „обработанные чрезъ специалистовъ“, въ высшей степени интересны, но еще интереснѣе введеніе и сибирская хроника за 1875 г., принадлежащая перу издателя. Съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, издатель расписываетъ свои безкорыстныя заслуги на поприщѣ „служенія истинѣ“ (стр. 7), упоминаетъ и о терновомъ вѣнцѣ, воспріятомъ имъ во время редакторской дѣятельности въ провинціи (стр. 8), изъяняется въ любви къ Сибири (стр. 9) и говоритъ, что своимъ сборникомъ онъ доставляетъ сибирскимъ литературнымъ талантамъ возможность серьезнаго развитія (стр. 4). Что-же касается хроники, то въ ней мы находимъ чрезвычайно интересныя свѣденія объ увеличеніи содержанія чиновникамъ (стр. 13—16), о новыхъ штатахъ (стр. 10—12) и т. д. Интересны также формулярные о службѣ списки такихъ знаменитыхъ писателей, какъ Титовъ, Ильинъ и т. д. Въ библиографическомъ указателѣ сочиненій о Сибири издатель похѣстлялъ только заглавія 376 географическихъ картъ, книгъ и журнальныхъ статей! И пусть-бы онъ обозначилъ только лучшія, по его мнѣнію,—это было-бы еще ничего; а то онъ записалъ только тѣ, какія ему удалось найти на скорую руку...

Рѣчи консерватора. Кн. В. Мещерскаго. Спб., 1876.

Я только-что кончилъ чтеніе новой книги Мещерскаго и спѣшу дать о ней отчетъ читателямъ „Дѣла“... Но нѣтъ, проза недостаточна для выраженія моего восторга; лиру нѣтъ, лиру!

„Молитвой нашей Богъ смягчился“:
 Мещерскій „Рѣчи“ сочинилъ,
 И Руся жребій облегчился,
 „Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ!“
 Какою каменной стѣною
 Помѣщикъ родниѣ служилъ,
 И какъ онъ съ массой крѣпостноу
 Въ любви, блаженствѣ, мирѣ жилъ;
 Какъ подъ напоромъ духа вѣка
 Исчезла къ барщинѣ любовь,
 Исчезло званье *человѣка*,
 И какъ ихъ вызвать къ жизни вновь;
 Какъ при чиновничьей расправѣ
 Дворянскій духъ себя сгубилъ,
 И какъ Мещерскому въ Варшавѣ
 Извозчикъ страшно нагрубилъ,
 И сколько горя князь извѣдалъ,
 И какъ съ Россіей онъ знакомъ,—
 Все разъяснилъ онъ, все повѣдалъ
 Своимъ *мещерскимъ* языкомъ!..

Когда четыре года тому назадъ г. Мещерскій выступилъ на литературное поприще съ своимъ „Гражданиномъ“, состоявшимъ подъ редакціей г. Градовскаго, мы привѣтствовали его, въ сладостной надеждѣ, что онъ будетъ развлекать насъ своимъ органомъ. Одно только печалило насъ: мы видѣли въ Мещерскомъ и Градовскомъ людей совершенно неправдивыхъ и думали, что „Гражданинъ“ долго не продержится, вслѣдствіе равнодушія къ нему публики; мы считали „Гражданинъ“ просто кликушей, а кликушами, какъ извѣстно, перестаютъ интересоваться даже въ Москвѣ. Мы ошибались. Г. Мещерскій сразу понялъ, что кликушествомъ много подписчиковъ не завлечешь, и вотъ онъ началъ сочинять скандальные романы изъ жизни большого свѣта — „Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ“, „Женщины большого свѣта“, „Лордъ-апостоль большого свѣта“. Въ своихъ гостинодворскихъ рекламахъ объ этихъ романахъ г. Мещерскій прямо заявляетъ, что эти романы *насквилми*, что дѣйствующія въ нихъ лица—портреты живыхъ людей, принадлежащихъ къ большому свѣту. На эту важивку онъ и ловитъ своихъ подписчиковъ. Въ новой своей книжкѣ онъ признается даже, что и литературную-то свою дѣятельность началъ тѣмъ, что „написалъ *насквилми* на либеральнаго редактора журнала“ (стр. 7.) И послѣ этого еще онъ жалуется, что „либеральная печать въ продолженіи четырехъ лѣтъ осыпала его всевозможными оскорбленіями, ругательствами, обвиненіями въ преступленіяхъ (и въ какихъ еще!) за то только, что онъ писалъ статьи въ

„Гражданинѣ“!.. Втеченіи четырехъ лѣтъ, говоритъ онъ, — я былъ для этого общества *разбойникомъ пера и мошенникомъ печати*“ (стр. 5.) Никто васъ не называлъ ни разбойникомъ, ни мошенникомъ, г. Мещерскій, — васъ считали только кликушей, и при этомъ многіе имѣли наивность думать, что ваше кликушество искренне. Что-же касается обвиненій въ преступленіяхъ, то, сколько мы помнимъ, только одинъ какой-то фельетонистъ обвинялъ васъ въ томъ, что вы такъ плохи въ граматикѣ, что употребляете иногда мужескій родъ вмѣсто женскаго, и недалеко въ арифметикѣ. Но это еще не бѣда и мы всегда отдадимъ вамъ должную справедливость и поставимъ васъ нѣсколько выше вашихъ помощниковъ и сотрудниковъ. Кто, напр., въ послѣднее время при каждомъ удобномъ случаѣ осыпаетъ г. Мещерскаго всевозможною бранью, называетъ его аферистомъ, ханжею, льстецомъ, двусмысленнымъ реакціоннымъ агитаторомъ? Все это дѣлаетъ, читатель, бывший помощникъ г. Мещерскаго и редакторъ „Гражданина“, а нынѣ фельетонистъ „Голоса“, г. Градовскій, который три года тому назадъ участвовалъ во всѣхъ кликушествахъ, во всѣхъ литературныхъ аферахъ, во всѣхъ инсинуаціяхъ г. Мещерскаго, а теперь по найму бранить его!

Князь Мещерскій, какъ видно, очень много думаетъ о себѣ, какъ о литераторѣ, и начинаетъ свою книгу такимъ-же повѣствованіемъ о своей собственной персонѣ, какія писались многими великими писателями, въ родѣ Гете, Руссо, Гоголя. Онъ очень хвалить себя и сиѣло утверждаетъ, что „Рѣчи консерватора“ „достойны вниманія читающаго общества“ (стр. 11.) Онъ рисуется себѣ такимъ патриотомъ, что утверждаетъ, будто-бы „чернила, которыми онъ пишетъ свои сочиненія, *слишкомъ разбавлены слезами*“ (стр. 8.) Онъ выставляетъ себя однимъ изъ „сосудовъ, сберегающихъ завѣтъ русской вѣры, русской народности, русской семьи и будущности своего государства“ (стр. 12.) Онъ считаетъ себя спасителемъ отечества и увѣряетъ, что терпитъ всевозможныя нападки со стороны всѣхъ враговъ отечества, какъ въ Россіи, такъ и за-границей. Когда онъ былъ въ Венгріи и Галиціи, то, по его словамъ, состоялъ *подъ надзоромъ цѣлой Венгріи и цѣлой Галиціи*, т. е. каждаго венгерца-патріота и каждаго моляка-галичанина; опасности могутъ быть разнообразны, и самая низшая ихъ степень — ругательство“ (стр. 116.) Нужно, впрочемъ, замѣтить, что такія отношенія къ г. Мещерскому враговъ Россіи вполнѣ понятны. Онъ, напр., самъ рассказываетъ, какъ въ Варшавѣ онъ заносилъ въ свою записную книжку фамиліи швейцаровъ и извозчиковъ, которые не хотѣли или не умѣли говорить съ нимъ по-русски (стр. 93.) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надъ г. Мещерскимъ просто хохотали, и это тоже понятно. Ну, какъ не хохотать надъ человѣкомъ, который задаетъ какому-то чеху такой вопросъ: „Что у васъ дѣлается въ университетѣ и гимназіи?“ — „Учатся“, отвѣчалъ чехъ. — „Только?“ — „Чего-же больше?“ удивленно спросилъ чехъ. — „Неужели только учатся? А я, признаться сказать, думалъ, что кромѣ ученья задачей вышѣшнихъ университетовъ и гимназій непременно должно

быть призваніе бороться во славу вѣка сего“. — „Бороться? Съ кѣмъ? Кому?“ — „Какъ съ кѣмъ? Само собою разумѣется, ученикамъ съ учителями, журналамъ съ газетами, родителямъ съ дѣтьми, женщинамъ съ мужчинами, — по крайней мѣрѣ, у насъ публицисты не велятъ иначе относиться къ дѣлу высшаго образованія...“ Чехъ захохоталъ (стр. 124.) Еще-бы не захохотать! Впрочемъ, мы думаемъ, что эту сцену сочинилъ г. Мещерскій — до такой степени вѣсть отъ нея небывальщиной. А сочинять онъ мастеръ; иногда такую штуку сморозить, что только руками разведешь. Такъ, напр., онъ утверждаетъ, что будто-бы „въ Голандіи никогда не бываетъ русскихъ“ (стр. 118.) Или въ другомъ мѣстѣ онъ выдаетъ за чистую монету, за самую сущую правду давно извѣстный и исковерканный имъ анекдотъ, что будто-бы австрійскіе евреи сильно хлопочутъ о томъ, чтобы всѣ тѣ псалмы, въ которыхъ народъ израильскій молитъ Іегову о возвращеніи въ родную землю, были выведены изъ употребленія на томъ основаніи, что обѣтованную землю они обрѣли въ Австріи и лучшаго ничего не желаютъ (стр. 113.)

„Рѣчи консерватора“ сильно напоминаютъ собою бесѣды и размышленія тѣхъ героевъ, которые выведены Щедринымъ въ его „Письмахъ о провинціи“, „Признакахъ времени“ и „Дневникѣ провинціала“; сходство такъ велико, что книжку г. Мещерскаго можно считать за юмористическое произведение, написанное безцеремоннымъ авторомъ въ подражаніе Щедрину. Авторъ утверждаетъ, что Россія погибаетъ отъ кабацкой водки и распущенности правовъ (стр. 8.) Что мѣсто благодѣтельныхъ помѣщиковъ заняли „самодуры-кушцы и идіоты-мѣщане“ (стр. 17), что „Россія неминуемо погибнетъ“, если не приметъ въ руководство программы Мещерскаго. На-ряду съ этими подражаніями Щедрину г. Мещерскій подражаетъ генералу Фадѣеву, перефразируя цѣлыя главы изъ его книги „Чѣмъ намъ быть?“ Главная мысль „Рѣчей консерватора“ заключается въ томъ, что освобожденіе крестьянъ и другія соединенныя съ нимъ реформы были началомъ бѣдствій для отечества. „Съ тѣхъ поръ, говоритъ г. Мещерскій, — какъ помѣщики отrekliсь отъ самихъ себя, общество пошло по всѣмъ направленіямъ увлеченія и крайностей, бережно миновавъ одно: дорогу исторически вѣрнаго пониманія жизни“ (стр. 20.) „Съ отиѣною крѣпостного права дворянство отстранило себя отъ сожительства съ народомъ, оно духомъ разобщилось съ нимъ, и тогда, съ улечученіемъ дворянства, исчезъ разумъ, управлявшій русскимъ обществомъ въ извѣстномъ мѣрѣ преданій, принциповъ, убѣжденій, чувствъ и идеаловъ. Наше общество явилось тѣмъ, чѣмъ оно до сихъ поръ пребываетъ, въ состояніи того больного умственного чловѣка, у котораго разумъ уже не заправляетъ волею“ (стр. 22.) Масса русскаго общества, по увѣренію Мещерскаго, состоитъ изъ сумасшедшихъ; „но помѣшанныхъ такъ много, что они считаютъ себя здравомыслящими, а насъ, грѣшныхъ, помраченными какимъ-то мракобѣсіемъ“ (стр. 23.) Помѣщикъ былъ отцомъ и лагодѣтелемъ крестьянина, онъ „жилъ для крестьянъ столько-же, сколько

для себя, и жилъ съ крестьянами духомъ тогда, когда онъ не жилъ между ними тѣломъ“ (стр. 31.) Бывали, конечно, и злоупотребленія, говоритъ Мещерскій, — но они были исключениями и чинились управляющими и прикащиками, а не помѣщиками; крестьяне и помѣщики жили душа въ душу, и „въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ слышалось, видѣлось и чуялось вѣяніе чего-то добродушнаго, сродственнаго“ (стр. 69 — 70.) Даже плакать хочется, такъ трогательно расписываетъ князь Мещерскій прелести прошлаго. Оно было, по его словамъ, основою мира и благоденствія, „которые намъ давалъ цѣлый міръ историческихъ преданій, уваженіе къ извѣстнымъ принципамъ, основамъ и идеаламъ. Носителями этого міра преданій, самыми образованными и вліятельными, были помѣщики. Въ ихъ семейной жизни, изъ рода въ родъ, сложился извѣстный, трудно-опредѣляемый, но всѣми чуждымъ политическій народный семейный идеалъ, подъ обаяніемъ котораго шла русская жизнь изъ вѣка въ вѣкъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе“ (стр. 34.) „Весь этотъ міръ, продолжаетъ умиляться князь Мещерскій, — былъ до-нельзя простъ“ (еще-бы не простъ: „получай въ зубы, и да возрадуется душа твоя“, — что еще можетъ быть проще этого!) Помѣщичій духъ животворилъ всѣ отношенія русской жизни. Пока существовало крѣпостное право, „мы имѣли въ церкви—Филаретовъ и Платоновъ, въ арміи—Суворовыхъ, въ государственной жизни — Румянцевыхъ и Сперанскихъ, въ наукѣ—Карамзиныхъ, въ литературѣ — Пушкинскихъ и Гоголей, въ педагогикѣ—Уваровыхъ“ (стр. 24.) Административные приемы были „энергичны, широки и размашисты, почти всегда благородны. Въ конгрегаціи государственныхъ людей царствовалъ какой-то духъ служенія идеѣ, служеніе какому-то идеалу. Учебныя заведенія давали много неучей, это правда, но эти неучи были честны и добродушны. Великосвѣтскія гостинныя Петербурга и Москвы были полны русскими людьми, говорившими обо всемъ смѣло, свободно и благородно“ (стр. 40—41.) Словомъ, при крѣпостномъ правѣ Россія благоденствовала; начало-же ея настоящихъ бѣдствій князь Мещерскій приписываетъ Петру Великому, который далъ сильное развитіе чиновничеству и положилъ основаніе литературѣ, дошедшей въ наши дни, по его словамъ, до такого бѣшенаго неистовства, до какого не доходитъ пресса ни въ одномъ благоустроенномъ государствѣ (стр. 23 и др.). Вотъ чиновники-то, изволите видѣть, воединившись съ прогрессивными литераторами, которыхъ князь называетъ *духовными бродягами* (стр. 46), и поставили Россію вверхъ дномъ, т. е., говоря по-человѣчески, дали надлежащее направленіе освобожденію крестьянъ. Послѣ освобожденія крестьянъ тѣ-же чиновники и тѣ-же *умственные бродяги* содѣйствовали проведенію земскихъ учреждений и другихъ реформъ, которыя всѣ хотѣлось-бы прихлопнуть по шапкѣ Г. Мещерскому. Онъ самъ признается, что освобожденіе крестьянъ довело его до самаго плачевнаго состоянія въ умственномъ отношеніи. „Крестьянскій вопросъ, говоритъ онъ, — являясь въ общество, сопровождался какъ-будто чѣмъ-то въ родѣ внезапнаго сильнаго круговорота въ воздухѣ: кру-

говорить этотъ сталъ перевертывать людей головами къ низу" (стр. 63); перевернулъ онъ, какъ по всему видно, и князя Мещерскаго, который утверждаетъ, что результаты освобожденія крестьянъ такъ ужасны, *„что невозможно себя представить ничего безобразнѣе такого явленія въ исторіи образованнаго народа“* (стр. 26.) Даже мосты послѣ освобожденія крестьянъ стали чиниться гораздо хуже (стр. 75): вонъ оно, видите, куда пошло!

Но что-же дѣлать? Нужно воскресить помѣщичій дворянскій духъ. Что такое дворянскій духъ? Г. Мещерскій отвѣчаетъ на это, что опредѣлить это понятіе чрезвычайно трудно, но увѣряетъ, что этотъ духъ очень хорошій. Помѣщики, говоритъ онъ,—должны спасти Россію слѣдующимъ образомъ: „Пусть прежде всего дворянинъ-помѣщикъ скажетъ себѣ: ну, теперь я начну по-старому любить свой народъ, требовать къ себѣ уваженія отъ дѣтей, учить ихъ нравственности, чести и патриотизму; это будетъ первый шагъ къ спасенію отечества. Сказавши это, онъ перестанетъ плевать на себя; это будетъ второй шагъ. Затѣмъ онъ скажетъ себѣ, что-бы тамъ ни говорили газеты и либералы, а все помѣщики много могутъ сдѣлать въ Россіи,—они могутъ поселиться въ своихъ имѣніяхъ, поселиться въ своихъ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ, учить народъ, говорить съ народомъ, а главное—любить народъ. Они могутъ *взять въ свои руки земство, они могутъ взять въ свои руки всѣ школы, они могутъ, наконецъ, поступить въ какую угодно службу*, они могутъ вотъ что—и это чуть-ли не главное—воспитывать своихъ дѣтей въ новомъ, т. е. въ старомъ духѣ. Это третій шагъ. А четвертый и главный шагъ пусть дѣлаютъ дѣти этого помѣщика. Вотъ почему, чтобы изъ бѣды выйти, только и нужно, чтобы хотя одинъ помѣщикъ высказалъ вслухъ, при женѣ и дѣтяхъ, здравыя консерваторскія мысли. Остальное сдѣлается само-собою. Какъ-нибудь его мысли дойдутъ до другого дворянина-помѣщика, хотя-бы черезъ кухарку или кормилицу, а отъ второго къ третьему. Смѣлость заразительна: смѣть и гнѣть здравыя мысли станетъ заразительною болѣзнію русскаго дворянства, и тогда Россія спасена“ (стр. 38 — 39.) Эту пропаганду черезъ кухарокъ и кормилицъ князь Мещерскій совѣтуетъ вести какъ можно осторожнѣе; онъ видимо воображаетъ себя превосходнымъ политикомъ, въ родѣ Руэра, и старается замаскировать свои крѣпостническіе замыслы. *„Не должно касаться буквы коренныхъ реформ“*, говоритъ онъ (стр. 33), т. е., другими словами, оставляя формы, нужно переимѣнить ихъ содержаніе въ крѣпостномъ смыслѣ! Но онъ рѣшительно неспособенъ маскировать своего крѣпостничества, хотя нѣсколько разъ укоряетъ Фадѣева въ такомъ неуиѣннѣ. Онъ отрицается отъ крѣпостныхъ замысловъ, но постоянно проговаривается и высказываетъ въ сущности такія-же желанія, какія постоянно выражались самыми закореѣнѣлыми крѣпостниками, какъ это можно видѣть по извѣстному сборнику Скребицкаго „Крестьянское дѣло“. Выше мы уже видѣли, что онъ желаетъ, чтобы помѣщики взяли въ свои руки все земство

всѣ школы и администрацію. Онъ укоряетъ дворянство, что оно при освобожденіи крестьянъ вело себя недостаточно серьезно и энергично (стр. 59.) Онъ говоритъ, что одно время дворянство было на истинномъ пути. „Обрисовывалась въ туманѣ картина такая: дворянство выработаетъ по губерніямъ проекты освобожденія крестьянъ; выбранные отъ губерніи призваны будутъ сводить эти проекты въ одинъ общій проектъ; этотъ общій проектъ поступитъ на законодательное утвержденіе въ видѣ двухъ частей: одной — общей для всѣхъ губерній, другой — мѣстной, для каждой губерніи отдѣльно; затѣмъ, когда проектъ будетъ утвержденъ, на дворянство-же будетъ возложено приведеніе его въ исполненіе, вмѣстѣ съ мѣстными правительственными властями, и затѣмъ вся полицейская часть будетъ предоставлена въ полное завѣдываніе дворянства. Такимъ образомъ, крестьяне получили-бы усадьбы, надѣлы и свободу, а *помѣщики сохранили-бы права вотчинной полиціи*“ (стр. 51.) „Крестьянское благосостояніе сдѣлало-бы исполнскіе шаги на пути не только матеріальнаго, но и духовнаго развитія, и кто знаетъ, можетъ быть, въ настоящее время мы-бы имѣли дѣйствительно что-то въ родѣ помѣщичьяго сословія, какъ результатъ мирнаго и на взаимномъ довѣрїи основаннаго сожитія крестьянъ съ помѣщиками“ (стр. 57.) Но увы! желанія крѣпостниковъ не исполнились, и, по увѣренію князя Мещерскаго, въ Россіи все пошло прахомъ!..

Всѣ эти проекты Мещерскихъ, Фадѣевыхъ и т. д. сильно напоминаютъ собою то мѣсто въ „Дневникѣ Провинціала“ Щедрина, въ которомъ прожектеръ говоритъ провинціалу: „Не хотите-ли, я васъ сегодня вечеромъ представлю? Сегодня въ одноѣ мѣстѣ проектъ объ уничтоженіи читать будутъ“. — „Объ уничтоженіи чего-же?“ — „Ну... чего... разумѣется, всего. И мировые суды чтобы уничтожить, и окружные суды по боку, и земство по шапкѣ. Словомъ сказать, чтобы ширь да высь, и больше ничего!“ — „Что вы, да вѣдь это цѣлая революція?“ — „А вы какъ объ насъ полагали? Мы вѣдь не нѣпцы, помаленьку не любимъ!..“

Эхъ, г. Мещерскій, г. Мещерскій, не вашихъ ртомъ мышей ловить, не вашего ума дѣло политическую интригу вести. Скоро вы перестанете быть даже и смѣшнымъ, и о васъ позабудутъ такъ-же, какъ позабыли объ Аскоченскомъ, хотя онъ все еще скребетъ перомъ своимъ. Бросили-бы вы политику и посвятили себя исключительно писанію пасквилей. Ну, отчего-бы вамъ, напр., не изобразить вашего бывшаго помощника и соучастника, г. Градовскаго, мгновенно превратившагося изъ *мещерскаго* ретрограда въ *красвскаго* либерала и позорящаго васъ такъ часто на страницахъ „Голоса“? Это было-бы даже полезно...

Книга о богатырях кievскихъ. Сводъ 24 избранныхъ былинъ древне-кievскаго эпоса. Составилъ Авенаріусъ. Спб. 1876.

Мысль г. Авенаріуса — хорошая мысль. Давно уже слѣдовало бы сдѣлать для публики сводъ нашихъ древнихъ былинъ, но дѣлать это нужно, во всякомъ случаѣ, не такъ, какъ сдѣлалъ г. Авенаріусъ. Онъ *очистилъ* былины отъ всего, что считалъ въ нихъ грубымъ и неприличнымъ! Народныя былины въ своихъ самыхъ грубыхъ мѣстахъ гораздо нравственнѣе такихъ смакующихъ произведеній, какъ „Дѣвица Жиро“ или сальныя шансонетки, сборники которыхъ вызубриваются навзусъ нашимъ юношествомъ. Добродушный, наивный цинизмъ, встрѣчающійся иногда въ былинахъ, до того первобытно грубъ, что не въ состояніи возбуждать извѣстнаго инстинкта у людей съ современными, утонченными вкусами. А между тѣмъ, очищая былины отъ этихъ мѣстъ, вы отнимаете у нихъ одну изъ самыхъ оригинальныхъ чертъ древностей и походите на тѣхъ старинныхъ педагоговъ, которые предписывали для жевскихъ учебныхъ заведеній готовить анатомическіе препараты изъ напье-маше безъ всякихъ признаковъ пола.

Сборникъ г. Авенаріуса снабженъ введеніемъ, трактующимъ о былинахъ, и объяснительными примѣчаніями къ послѣднимъ. И то, и другое, конечно, необходимо читателю для надлежащаго пониманія подобныхъ произведеній, но введеніе и примѣчанія г. Авенаріуса едва-ли сколько-нибудь помогутъ публикѣ понять значеніе былинъ. Указывая въ былинахъ намеки на дѣйствительныя историческія событія, извѣстныя намъ по лѣтописямъ, г. Авенаріусъ не обращаетъ вниманія на то, что лѣтописи многое заимствовали изъ тѣхъ-же народныхъ преданій и былинъ. Нѣкоторые изъ коментаріевъ г. Авенаріуса рѣшительно непонятны. Напр., въ примѣчаніи къ былинѣ, въ которой разсказывается, какъ Илья привелъ на пиръ къ Владимиру „голь кабацкую“, комментаторъ говоритъ: „Муромскій герой ратуетъ за равноправность сословій (!!), которая лишь девять вѣковъ спустя, въ нынѣшнее благополучное царствованіе, по собственной державной волѣ царя-освободителя, дарована русскому народу въ столь широкой мѣрѣ—въ крестьянской реформѣ, вссословныхъ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ, гласномъ судѣ съ присяжными и всеобщей воинской повинности“ (с. XV.) Илья Муромецъ и новѣйшія реформы, — такія сближенія могутъ родиться только въ головѣ чловѣка, способнаго измыслить слѣдующій коментарій: „въ окончательномъ избіеніи силы царя Калина, описываемомъ съ такимъ торжествомъ, *востъвается безсознательно и сверженіе татарскаго на, совершившееся 500 мтъ спустя*“!.. (тамъ-же).

Это возведеніе былины на степень какого-то пророчества объясняется тѣмъ, что г. Авенаріусъ рѣшительно не понимаетъ историческаго развитія бы-

лины, которая, переходя по преданію отъ поколѣнія къ поколѣнію, измѣняла свой первоначальный видъ, присоединяла къ древнимъ событіямъ новыя и побѣды надъ какими-нибудь половцами смѣшивала съ позднѣйшимъ сверженіемъ татарскаго ига. Вообще былины, въ томъ видѣ, въ какомъ мы имѣемъ ихъ, сильно измѣнились въ продолженіи столѣтій, какъ въ отдѣльных частностяхъ, такъ и въ общемъ своемъ характерѣ. Г-же Авенариусъ, не опираясь ни на какіе солидные аргументы, утверждаетъ совершенно противное. „Благодаря своему метрическому складу, говоритъ онъ, — народное сказаніе даже въ теченіи столѣтій не подвергается особенно существеннымъ измѣненіямъ и сохраняетъ свой самобытный характеръ“ (стр. VI.) Поиудайте, да сколько вліяній въ теченіи цѣлаго тысячелѣтія стѣсняло развитіе народнаго творчества! Европейскія литературы всѣ безъ исключенія развивались на почвѣ народной словесности, наша-же древне-русская письменность вовсе лишена народнаго характера, а наша литература выписана съ Запада, потому что народъ былъ такъ долго изолированъ отъ общеевропейской цивилизованной жизни, а между народною словесностью и древне-русскою письменностью произошелъ рѣшительный разрывъ и послѣдняя всегда была враждебна первой, хотя и не могла избавиться отъ нѣкотораго вліянія ея. Эта письменность, вынесенная изъ Византіи, какъ по формѣ, такъ и по содержанию, упорно сохраняла свой первоначальный характеръ. Съ XI и до XVIII в. эта письменность не переставала бороться противъ народныхъ празднествъ и обычаевъ, противъ „бѣсовскихъ игрищъ“ и пѣсенъ. Она была не въ силахъ уничтожить ихъ, но во многихъ случаяхъ совершенно измѣнила ихъ народный характеръ и лишила ихъ возможности развиваться дальше и перейти, наконецъ, въ форму новѣйшей литературы. „Калики переложіе“, напр., несомнѣнно существовали и до христіанства и пѣсни ихъ служили однимъ изъ главныхъ выраженій народнаго творчества, остатки котораго можно видѣть, напр., въ Стихѣ о Голубиной Книжѣ. Но Византія замѣнила ихъ пѣсни такъ-называемыми духовными стихами, слѣды прежней поэзіи почти исчезли подъ этихъ новымъ наслоеніемъ и творчество каликъ, заключенное въ узкія рамки традиціи, умерло. Другимъ разительнымъ приѣмромъ такой убійственной порчи служить „Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ“, передѣланное іереемъ Софроніемъ изъ народнаго „Слова о полку Игоревѣ“. Эта послѣдняя поэма и дошла-то до насъ не въ своемъ первоначальномъ видѣ, а въ прозаическомъ переложеніи какого-то книжника. Это переложеніе Софроній, въ свою очередь, совершенно передѣлалъ и передалъ такъ, что въ немъ не легко узнать слѣды древней поэмы. Былины, въ свою очередь, тоже не уцѣлѣли отъ византійскихъ вліяній. Въ нихъ вы встрѣчаете и „Крестъ Леванидовъ“, и „стихи еврейскіе по-уныльному“, т. е. стихи духовныя, и „Ерусалимъ градъ“, и „Сафать-рѣку“, и т. д. Личность Ильи сильно измѣнилась подъ этихъ вліяніемъ, благодаря которому этотъ неутомимый оберегатель земли русской—

...пріѣхаль во Кіевъ градъ,
 Ко пещерамъ тѣмъ ко кіевскимъ,
 Прилетала сила невидимая
 И взимали стараго со добра коня,
 Заносили во пещеры во кіевски;
 Тутъ-ли старый и опочивъ держаль,
 Тутъ матеръ челоувѣкъ и окаменѣль,
 И понынѣ его мощи нетлѣвныя.

Между тѣмъ изъ другой былины можно видѣть, что Илья, по первоначальнымъ былинамъ, вовсе и не думалъ отправляться на старости лѣтъ на новую и „опочивъ держать“. Еще болѣе искажена въ былинахъ упомянутымъ вліяніемъ личность Владиміра, и историческая, и легендарная. Народныя преданія, попавшія въ историческую лѣтопись и позднѣйшее Слово о полку Игоревѣ представляютъ князей, даже княгинь, энергическими, предприимчивыми, рыцарственными героями. Владиміръ-же былинъ—изгнѣженный, трусливый восточный князекъ, который въ то время, какъ его государство находится въ постоянной опасности отъ вражескихъ набѣговъ, а его богатыри не перестаютъ бороться съ врагами, только ѣсть, пьеть, „по свѣтлой гриднѣ похаживаетъ да черныя кудри поглаживаетъ“, а въ минуты опасности залѣзаетъ на печь, или чуть на ногахъ стоитъ отъ страху, или даже „окарачь ползеть“...

За византійскимъ вліяніемъ шло азіатское, вліяніе разныхъ берендѣевъ, половцевъ, печенѣговъ, чуди, наконецъ, татаръ. Г. Стасовъ въ своемъ изслѣдованіи о былинахъ преувеличилъ значеніе этихъ вліяній, но его книга должна убѣдить каждаго безпристрастнаго челоувѣка въ томъ, что азіатскій элементъ занимаетъ въ былинахъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Самое названіе былинныхъ героевъ азіатское. Г. Авенаріусъ придерживается прежняго смѣшнаго производства слова *богатырь* отъ *богъ* или *буи туръ*, дикій быкъ (стр. 3, примѣч.), между тѣмъ это слово употребляется въ томъ-же значеніи въ языкахъ монгольскомъ и татарскомъ: *богатуръ*, *батыръ*; въ киргизской степи наѣздникъ до сихъ поръ называется *батыръ*, а былины удерживаютъ даже самое удареніе слова и такой герой называется въ нихъ не богатырь, *богатырь*...

Однакожь, при всѣхъ постороннихъ вліяніяхъ и искаженіяхъ былины въ значительной степени сохранили чисто-русскій народный элементъ. На первомъ планѣ стоятъ въ нихъ герои, въ которыхъ бродитъ страшная первобытная удаля, которые съ презрѣніемъ относятся къ народной массѣ, къ „деревенщинѣ“. Когда нѣтъ враговъ, они бьются со своими и ищутъ хоть кого-нибудь, чтобы „силушкой похѣряться“. Какая, напр., грандіозная удаля въ этомъ Святогорѣ, который выхлалъ только въ поле,—и у него

Заиграла силушка по живчикамъ,
 А и грузно ему отъ этой силушки,
 Грузно, будто отъ тяжкаго бремени:
 Не съ кѣвъ силой-то богатырю похѣряться.

— Кабы мнѣ да земную тягу найти.
 Утвердилъ-бы въ небеси кольцо,
 Привязалъ-бы къ кольцу цѣпь желѣзную,
 Притянулъ-бы небо къ землѣ матушкѣ,
 Повернулъ-бы землю краемъ вверхъ
 И сѣшалъ-бы земныхъ со небесными!..

Эти силы уходятъ въ былинахъ на обереганіе русской земли отъ азіатскихъ ордъ и европейскихъ сосѣдей: богатыри—рыцари, но и они сознаютъ иногда, что есть сила выше ихъ силы,—сила мирнаго труда. Тотъ-же Сятогоръ, который хотѣлъ-бы перевернуть землю и небо, не можетъ поднять маленькой котомочки мужика Микулы Селяниновича, въ которой „вся земная тяга понагружена“. Въ другой былинѣ выводится этотъ свѣтлый образъ кормильца русской земли во всемъ блескѣ. Ѣдутъ по полю богатыри, и слышуть, „ореть въ полѣ оратай, посвистываетъ, у оратая сошка поскрипываетъ“; но они долго не могутъ доѣхать до этого богатыря-пахара,—

Третій день они Ѣдутъ до оратая,
 Третій день идетъ ко полудню—
 Только тутъ оратай наѣхали.
 Ореть въ полѣ оратай, понукиваетъ,
 На кобылушку свою погукиваетъ,
 Съ краю въ край бороздки пометываетъ,
 Въ край уѣдетъ—и другого не видать;
 Изъ земли дубья-колоды вывертываетъ,
 А великіе каменья въ борозду валить;
 Только кудри у оратая качаются,
 Скатымъ жемчугомъ по плечамъ разсыпаются.

Большинство богатырей относится, какъ мы уже замѣтили, съ презрѣніемъ къ трудящейся „деревенщинѣ“ и большая часть былинъ не занимается вовсе этой деревенщиной, какъ не занимались ею и искусственныя былины-оды XVIII в., воспѣвавшія тоже богатырей своего времени. Одинъ только Илья Муромецъ, крестьянинъ по происхожденію, не забываетъ о своей связи съ народомъ. Онъ рѣшительно не расположенъ биться „съ родомъ“ Микулы Селяниновича и въ спорѣ объ этомъ съ Алешей Поповичемъ говоритъ:

Любо всякому могучему богатырю
 По чисту полю порыскать, пополяковать,
 Силой съ супротивникомъ помѣряться,
 А съ невѣрнымъ за святую Русь
 Прозакладывать и буйну голову,
 Простоять хоть вѣкъ свой на заставушкѣ *)
 За сиротъ, за вдовъ да за бѣдныхъ людей,
 Да не честь-же, не хвала богатырю,
 Дя-ради утѣхи молодецкія
 Проливать безвинну челоуѣчью кровь,
 Обездоливать семейку богатырскую,

*) Заставами въ былинахъ называются пограничныя сторожевыя городки, пикеты.

Молоду жену да малыхъ дѣтушекъ.
 А мужикъ Микула Селяниновичъ
 И не тянется за славою богатырскою:
 Онъ проходитъ въ полѣ вѣкъ за сошвою,
 Съ края въ край распаиваетъ землю-матушку,
 Напасаеъ хлѣбушка на всю святую Русь
 И на насъ съ тобой, могучихъ богатырей;
 Всю земную тягу во поту лица
 Носить онъ, кормилецъ, на плечахъ мужицкихъ,
 А земную тягу на плечахъ носить
 Не подъ силу и сильнѣйшему богатырю!

Принадлежа къ періоду внѣшняго устроенія земли русской и ея вѣковой борьбы съ азіатскими ордами, былинные герои исчезаютъ со времени татарскаго нашествія, которое превосходно изображается былиною о томъ, „какъ перевелись богатыри на Руси“. Семь главныхъ русскихъ богатырей, увидя въ полѣ „силушку невѣрную“, бросились на нее на своихъ могучихъ коняхъ, долго рубили и топтали поганыхъ и, наконецъ, истребивъ ихъ всѣхъ до единого, стали хвастаться своимъ подвигомъ. Алеша Поповичъ вошелъ въ такой азартъ, что воскликнулъ —

„Подавай намъ силу хоть небесную,
 Мы и съ тою силой, братцы, справимся!“
 Только модвилъ слово неразумное,
 Появились двое супротивниковъ,
 Крикнули имъ грозкииъ голосомъ:
 „А давайте-ка съ нами бой держать,
 Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро!“
 Не узнали супротивниковъ богатыри,
 Разгорѣлся на слова ихъ младъ Алешенька,
 Разгоняя коня ретиваго,
 Налетѣлъ на супротивниковъ,
 Разрубаеъ пополамъ ихъ со всего плеча,—
 Стали четверо, и живы всѣ.
 Налетѣлъ на нихъ Добрынюшка Никитичъ младъ,
 Разрубаеъ пополамъ ихъ со всего плеча,—
 Стало восьмеро, и живы всѣ.
 Налетаеъ старый Илья Муромецъ,
 Разрубаеъ пополамъ ихъ со всего плеча,—
 Стало вдвое болѣе, и живы всѣ.
 Бросились на силу всѣ богатыри,
 Стали силушку колоть-рубить,
 А та сила все ростеть-ростеть,
 Да на богатырей боемъ идетъ.
 Да не столько рубятъ ихъ богатыри,
 Сколько топчуть кони добрые,—
 А та сила все ростеть-ростеть,
 На богатырей боемъ идетъ.

Истомленные битвой богатыри съ отчаяньемъ обѣжали „къ каменнымъ горамъ“ и тамъ окаменѣли.

Народъ, создавшій такіе мощные образы и картины, способенъ былъ къ великому умственному развитію, къ созданію замѣчательной народной словесности. Но татарское иго, присоединясь къ упомянутымъ уже пагубнымъ вліяніямъ, извратило его творческую мысль. Народная словесность приняла, съ одной стороны, преимущественно частное, семейное направленіе, а съ другой— обратилась къ изображенію безпредѣльнаго горя-злочастія, матери-пустыни, антихриста, яги-бабы и т. д. Съ учрежденіемъ-же въ Россіи крѣпостного права изъ народной памяти скоро исчезъ даже свѣтлый образъ Микулы Селяниновича и былія о немъ открыта только въ наши дни на дальнемъ сѣверѣ, населенномъ въ значительной степени раскольниками и незнавшимъ крѣпостного рабства. Нѣтъ сомнѣнія, что „онъ проснется, исполненный силъ“, но его творчество уже не приметъ прежняго характера, такъ-какъ мифическій элементъ сильно слабѣетъ и измѣняется даже въ народной массѣ. Новое направленіе творчества будетъ зависѣть отъ новаго міросозерпанія, которое должно развиться подъ вліяніемъ школъ и искусственной литературы. Изученіе народной жизни—ближайшая задача нашей литературы, которая сохнетъ не только во вѣтшнемъ отношеніи, но и окончательно истощается во внутреннемъ отъ пренебреженія этой задачей. Вѣдь не изучаемъ-же мы народа, издавая такія книжки, какъ сборникъ г. Авенаріуса, заставляя распѣвать въ салонахъ Вересаю и Рябинина или устроая пьяно-либеральные блины въ память Шевченко...

Очерки изъ естественныхъ наукъ. Лекціи и статьи Дж. Тиндала. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Гельмгольца. Переводъ съ нѣмецкаго Д. Бобылева, Н. Гезехуса, Н. Егорова и др. Спб. 1876.

„Какая-бы будущность ни ожидала естествознаніе въ его дальнѣйшемъ развитіи, говоритъ професоръ іенскаго университета, Геккель, обращаясь къ своимъ слушателямъ,—но нѣтъ сомнѣнія, что естествознаніе займетъ первенствующую роль въ умственномъ прогрессѣ будущихъ поколѣній. Къ его свѣтлому источнику соберутся современемъ всѣ представители знанія, всѣ практическіе дѣятели, и каждый возьметъ изъ него, что ему нужно; въ немъ будетъ искать своей мудрости государственный человѣкъ, своей опоры простой работникъ; въ немъ будетъ черпать свое трезвое вдохновеніе поэтъ, свою опытность — воспитатель, провѣрку своихъ теорій — социологъ, и каждому изъ нихъ оно будетъ въ состояніи предложить то, что они потребуютъ отъ него. Оно дастъ имъ и полезное наставленіе, и вѣрный методъ анализа, и живой стимулъ для мышленія. Если оно теперь, только-что раскрывшее первую страницу изъ великой книги природы, уже сдѣлало такъ много для человѣческой мысли, для практическихъ удобствъ жизни, для колоссальныхъ предпріятій цивилизованнаго міра, то чего-же нельзя ожидать

отъ него впоследствии? Нѣтъ сомнѣнія, что самой отсталой націей будетъ современнѣе та, которая съ равнодушіемъ или презрѣніемъ отнесется къ естествознанію, и самой передовой на интеллектуальномъ поприщѣ — та, которая будетъ обладать наибольшимъ числомъ такихъ мыслителей, какъ Дарвинъ, и наибольшей суммой естественно-научнаго матеріала... Я знаю, продолжаетъ Геккель, — что ему предстоитъ еще много преградъ, колебаній, уклононній то въ ту, то въ другую сторону — да и какой наукѣ не предстояло ихъ? — но я знаю и то, что борьба даетъ нашей мысли силу и тѣмъ кричше закаляетъ ее, чѣмъ настойчивѣе она отстаиваетъ свои права на существованіе. Мы видѣли въ исторіи много костровъ, но никогда не видѣли, чтобы въ ихъ пламени гибли вмѣстѣ съ жертвами и ихъ плодотворныя идеи". (Prol. d. Lesen, von Haesckel. стр. 7.)

Слушая это, мы съ вами, читатель, можемъ быть совершенно спокойны за самихъ себя: мы не уйдемъ далеко впередъ, не обгонимъ другихъ въ ущербъ своей старой мудрой пословицѣ: тише ѣдешь — дальше будешь; нѣтъ, намъ не грозитъ ни малѣйшая опасность въ этомъ отношеніи, когда наши доморожденные натуралисты обращаются въ спиритовъ и, вмѣсто естествознанія, занимаются верченіемъ столовъ и бесѣдой съ духами. Въ то время, какъ наши профессора принимались за ворожбу и вызываніе чертей, въ Англіи, напротивъ, открыты популярныя чтенія почти во всѣхъ ея умственныхъ центрахъ; въ прошломъ году въ ней было прочтано до 2,000 публичныхъ лекцій и издано болѣе 300 сочиненій по естественнымъ наукамъ. (См. *Athten*. № 2617.) Конечно, Англія намъ — не указъ, скажутъ спириты ипочвенники, и ужъ если на то пошло, то мы забрасаемъ всю Европу шапками; но вѣдь дѣло идетъ не о количествѣ нашихъ шапокъ, а о качествѣ нашихъ головъ, и о тѣхъ кровныхъ серебряныхъ рубляхъ, которыми мы вовсе не думаемъ пренебрегать. Да, дѣло идетъ именно о томъ, что на экономическомъ языкѣ называется нищетой и богатствомъ страны. Извѣстно, что невѣжество оплачивается дорого, оплачивается не только деньгами, но силами и здоровьемъ народа; это слишкомъ очевидная истина, которую каждый изъ насъ можетъ провѣрить ежедневно на самомъ себѣ. Оно создаетъ тотъ несконный кругъ экономической зависимости, въ которой прозябаютъ отсталыя націи, невольны дѣлаются оброчниками и неоплатными должниками народовъ болѣе развитыхъ и сильныхъ въ интеллектуальномъ отношеніи... Все это въ сущности, сводится къ тому, что въ борьбѣ за существованіе нація болѣе сильная образованіемъ подчиняетъ себѣ націю слабую и невѣжественную. Богатства послѣдней текутъ по какой-то наклонной плоскости въ резервуаръ первой. То же самое происходитъ и внутри общественнаго организма каждаго народа отдѣльно. Если мы жалуемся на истощеніе нашихъ почвъ, если мы терпимъ неурожай и вслѣдъ за ними голодъ, то опять — таки виновато наше невѣжество; мы не умѣемъ ни поддержать производительныхъ силъ земли, ни предупредить оскуднѣнія ея и разныхъ климатическихъ неблагоприятныхъ вліяній. Если смертность населенія стоитъ на высокомъ уровнѣ, если

страна подвергается частымъ эпидеміямъ, то источникъ болѣзненности надо искать въ дурной, антигигіенической обстановкѣ домашней и общественной жизни, иначе говоря — въ неуѣбныи жить. Съ невѣжествомъ неразлучны два постоянные его спутника: глубокая, ничѣмъ невозмутимая апатія къ жизни и полное отсутствіе гигиеническихъ условій, если-бы даже они были по средствамъ населенія. Ливингстонъ гдѣ-то въ своемъ описаніи Африки совершенно вѣрно замѣчаетъ: „я привыкъ отличать одно дикое племя отъ другого по степени домашней обстановки каждаго; чѣмъ ниже культура первобытнаго человѣка, тѣмъ менѣе онъ дорожитъ своимъ здоровьемъ и жизнью, тѣмъ грязнѣе держитъ своихъ дѣтей и самого себя, тѣмъ равнодушнѣе смотритъ на физическія страданія и лишенія своей семьи“. И наоборотъ, чѣмъ выше культура страны, тѣмъ выше и потребности внѣшняго и внутренняго ея комфорта. На цѣлый рядъ тѣхъ-же идей наводятъ насъ и разбираемые нами очерки Дж. Тиндаля, въ которыхъ лучшей статьей мы признаемъ: „Пыль и болѣзни“.

Кажется, что можетъ быть обыкновеннѣе пыли, которую мы глотаемъ ежеминутно въ нашихъ жилищахъ, на мостовыхъ и на дорогахъ, не обращающая ни малѣйшаго вниманія на нее? Лѣтомъ она составляетъ какъ-бы необходимую стихію нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, которые дышать гораздо больше пылью, чѣмъ чистымъ воздухомъ, и никому нѣтъ до этого никакого дѣла. Орошеніе улицъ, площадей, садовъ и парковъ—это считается такою роскошью, о которой многіе изъ насъ не имѣютъ и понятія. При вѣдѣ экипажей пыль, даже на стогнахъ такихъ богоспасаемыхъ градовъ, какъ Москва, поднимается густымъ облакомъ и засыпаетъ собою все—и возницу, и сѣдока, и мимоидущаго пѣшехода. За то когда полетѣтъ дождь, пыль превращается въ цѣлыя лужи грязи, въ которой вязнуть и люди, и лошади, въ которую выбрасывается всякая дрянь спокойно разлагается подъ самымъ носомъ именитыхъ столичныхъ гражданъ. Для умственной тупости, неуѣбющей связать одного явленія съ другимъ, все это такъ обыденно, такъ привычно, что не будь этой пыли и грязи, то человѣкъ, пожалуй, сталь-бы скучать безъ нихъ, какъ онъ, въ великій постъ, скучаетъ безъ кислой капусты и кваса. А между тѣмъ микроскопическія паблюденія такого ученаго, какъ Тиндаль, открываютъ въ пыли цѣлый міръ явленій, такъ тѣсно связанныхъ съ здоровьемъ и жизнью человѣка. Тѣ крошечныя, недоступныя зрѣнію простаго глаза, пылинки, которыя носятъся въ воздухѣ, есть ничто иное, какъ *органическія* тѣла, въ чемъ убѣдился Тиндаль посредствомъ разложенія свѣтового луча; это своего рода инфузориі, плавающія въ атмосферѣ; мы постоянно вдыхаемъ и выдыхаемъ ихъ изъ себя миліонами; нѣтъ ни одного момента, въ который наши легкія не находились-бы въ соприкосновеніи съ ними и подъ влияніемъ ихъ. Если въ средѣ ихъ, при благопріятныхъ условіяхъ для зараженія, развиваются вредныя нашему организму зародыши и, попадая въ него путемъ дыхательныхъ процессовъ, распространяются и разлагаются въ немъ, то результатомъ этого является эпидемическая болѣзнь. Разъ если она попала на благопріятную

почву, развитие ея совершается быстро, неудержимо, переносится отъ одного большаго къ другому, отъ улицы къ улицѣ, отъ города къ городу, и часто опустошаетъ обширныя мѣстности и уничтожаетъ миліоны людей. „Какъ изъ желудя, говоритъ Тиндаль, — вырастаетъ дубъ, приносящій множество такихъ-же желудей, изъ которыхъ каждый можетъ воспроизвести растение—мать, и, такимъ образомъ, отъ одного желудя можетъ разростися цѣлый лѣсъ дубовъ, такъ предполагають, что эпидемическія болѣзни буквально сѣютъ свои сѣмена, производятъ новые зародыши, которые, попавъ въ человѣческое тѣло, представляющее для нихъ подходящую пищу и температуру, размножаются въ немъ въ цѣлыя полчища. На-сколько мнѣ извѣстно, въ чистой химіи не встрѣчается ничего подобаго громадной силѣ размноженія, свойственной веществу, производящему эпидемическія болѣзни“ (стр. 14.) Но чтобъ образоваться зародышу эпидемической болѣзни, для этого, конечно, необходима благоприятная среда, питающая его развитие; этой средой и проводникомъ возникающей заразы служить преимущественно испорченный воздухъ, полный разлагающихся и гнѣющихъ мѣзмовъ, тотъ затхлый, вонючій и спертый воздухъ, который зимой наполняетъ подвалы и тѣсныя помѣщенія большихъ городовъ, а лѣтомъ переходитъ въ узкія, никогда неорошаемые и плохо вентилируемыя улицы. Въ этихъ-то зловонныхъ центрахъ, обыкновенно, зарождаются всѣ эпидемическія болѣзни, которыя, собственно, никогда и не прекращаются въ нихъ, но только маскируются разными видами и формами. Поэтому вопросъ объ очищеніи городовъ, о лучшей санитарной обстановкѣ ихъ дѣлается вопросомъ жизни и смерти въ буквальномъ значеніи слова. „Съ тѣхъ поръ, говоритъ парижскій врачъ Бертранъ,—какъ въ главныхъ городахъ Франціи стали обращать вниманіе на орошеніе улицъ, на разведеніе садовъ и парковъ въ центрахъ городского населенія, на очищеніе и упраздненіе подвальныхъ жилищъ, куда не заходя для никогда солнечный лучъ, смертность понизилась на 7%, а на основаніи еще болѣе точныхъ данныхъ, на 8%. Въ социальномъ отношеніи это—громадное сбереженіе человеческихъ силъ, передъ которымъ ничто—самыя большія денежныя затраты на санитарныя улучшенія многолюдныхъ городовъ“ (Ann. d'hygiene publ., т. XXI, стр. 316.) То-же самое подтверждаютъ лучшіе англійскіе гигиенисты. Они открыли такія мѣстности, гдѣ скарлатина и тифъ были постоянными спутниками населенія, и пока не уничтожились источники болѣзненности, никакія медицинскія пособія не могли бороться съ развитіемъ заразы. Но жителямъ Петербурга нѣтъ надобности ходить далеко за доказательствами страшныхъ эпидемическихъ опустошеній: одна петербургская весна съ ея прозвгдой атмосферой, съ ея заражающей болотной сыростью уноситъ тысячи человеческихъ жизней; и тотъ счастливъ, кто можетъ избѣжать петербургской весны и ея постоянныхъ эпидемій. Такимъ образомъ, по мнѣнію Тиндаля, воздухъ и вода служатъ главными проводниками эпидемическихъ заразы, но самое вещество заразы заключается въ органическомъ тѣлѣцѣ. „Я увѣренъ, говоритъ онъ,—

что заразительное вещество состоитъ изъ тѣлецъ, а эти послѣднія во всѣхъ отношеніяхъ подобны зародышамъ, такъ-какъ обладаютъ главнымъ и характеристическимъ ихъ свойствомъ—способностью воспроизводить видовой организмъ въ безконечномъ рядѣ поколѣній и на неограниченномъ географическомъ пространствѣ“ (стр. 59.) Этой необыкновенной интенсивностью распространенія объясняются та быстрота и тѣ громадныя пространства, которыя такъ часто охватываются эпидеміями. Мы знаемъ, съ какой силой „черная язва“, вышедшая съ береговъ индійскаго Ганга, обошла почти половину земного шара и погубила миліоны людей. Точно такъ-же была опустошительна и холера, когда она въ первый разъ посѣтила Европу.

Наблюденія, сдѣланныя Тиндалемъ и освѣтившія этотъ вопросъ во многихъ отношеніяхъ, далеко, однакожь, не исчерпываютъ своего предмета. Тиндаль только указалъ на тѣ научныя приемы, съ которыми надо приступать къ изслѣдованію затронутого имъ вопроса. И потому его преемникамъ остается еще много труда, чтобы придти къ окончательному результату въ ученіи о *зародышахъ зараженія*. Какъ и при какихъ именно условіяхъ они формируются, что содѣйствуетъ и задерживаетъ ихъ размноженіе, чѣмъ обуславливается быстрота и сила ихъ заразительнаго сообщенія,—все это пока остается тайной, надъ разгадкой которой еще долго поработаетъ наука.

Въ заключеніе мы рекомендуемъ читателю, особенно жаждущему приобщиться къ мистеріямъ спиритизма, этой духовной эпидеміи, свирѣпствующей въ послѣднее время, обратить вниманіе на замѣтку Тиндала: „Духи и наука“. Замѣтка эта бросаетъ свѣтъ на тѣ фокусы, которыми морочатъ толпу спириты и которые такъ легко разоблачаются въ глазахъ непредубѣжденнаго человѣка. Тиндаль былъ приглашенъ присутствовать на одномъ спиритическомъ сеансѣ близъ Лондона, въ качествѣ эксперта. Вслѣдъ за Тиндалемъ явился медіумъ; это была очень субтильная и, видимо, большая женщина, но очень развязная въ своихъ отвѣтахъ, даже тогда, когда ей приходилось отчаянно лгать. Выстѣ съ медіумомъ, какъ это водится при торжественныхъ сеансахъ, находился господинъ X, избранное орудіе духовъ или, говоря проще, орудіе медіумическаго кумовства. Мистерія начались разсказами о самыхъ удивительныхъ вещахъ; такъ господинъ X. говорилъ, что „когда онъ беретъ перо въ руку, то чувствуетъ вліяніе какой-то силы, исходящей отъ плеча, которая заставляетъ его писать различныя изрѣченія... А теперь, продолжалъ онъ,—эта сила увеличилась на-столько, что передаетъ мнѣ мысли другихъ людей“. Позвольте, останавливаетъ его Тиндаль: „Если вы желаете приобрести для своего дѣла такого апостола, который безъ страха распространялъ-бы по всему свѣту ваше ученіе, то скажите мнѣ, что я въ данный моментъ думаю?“ X. зардѣлся при этомъ дѣвственнымъ румянцемъ и сталъ въ туникъ. Тиндалю, конечно, оставалось только сказать: вотъ такъ-то, милый кумъ, вы угадываете мысли другихъ; но онъ этого не сказалъ, потому что „избранное орудіе духовъ“ и безъ того потерпѣло великій афронтъ. Еще пуцему афронту подвергся самъ ме-

дѣлать. — „Знаете-ли вы, спрашиваетъ его Тиндаль, — какое вліяніе баронъ Рейхенбахъ приписываетъ магниту?“ — „Да, отвѣчаетъ медиумъ, — но я дѣлаюсь больна отъ магнита“. — „Поэтому я могу полагать, что вы даже при совершенной темнотѣ можете узнать присутствіе магнита въ комнатѣ, несмотря на то, что не будете предупреждены объ этомъ?“ — *Медиумъ*. „Войдя въ комнату, я тотчасъ-же узнала-бы о его присутствіи“. — „Какъ-же это?“ — *Мед.* „Я въ ту-же минуту почувствовала-бы себя больной“. — „Какъ вы сегодня себя чувствуете?“ — *Мед.* „Особенно хорошо, лучше, чѣмъ прежде.“ — „Сгѣю васъ спросить, есть-ли у меня магнитъ въ данную минуту?“ Молодая дама какъ-бы замаялась и, покраснѣвъ, сказала: нѣтъ, я не *en rapport* съ вами“. (Стр. 147.) А между тѣмъ, она, дѣлающаяся всегда больной въ присутствіи магнита, а теперь чувствующая себя лучше, чѣмъ прежде, всего на 6 вершковъ находилась отъ магнита, лежавшаго въ карманѣ рядомъ сидѣвшаго съ ней Тиндаля. Въ такомъ-же родѣ продолжались и другіе медиумическіе опыты этого сеанса; но эти спириты, по крайней мѣрѣ, лгали и краснѣли, а есть и такіе, которые еще хуже лгутъ и никогда не краснѣютъ. Кто желаетъ убѣдиться въ этомъ, тотъ можетъ обратиться къ нашему любезному соотечественнику и духобору, г. Аксакову.

Вотъ какъ резюмируетъ Тиндаль симптомы этого новаго умопомраченія, которое, къ сожалѣнію, остается жалкимъ и болѣзненнымъ умопомраченіемъ даже и въ томъ случаѣ, когда оно бываетъ искреннимъ. „Современные приверженцы спиритизма, говоритъ Тиндаль, — дѣлятся на два класса, изъ которыхъ одинъ не допускаетъ никакихъ доказательствъ; по отношенію же къ другому доказательства бесполезны. Жертвы хотятъ вѣрить и не желаютъ быть выведенными изъ заблужденія. Наука совершенно безсильна противъ такого умственного настроенія. Кромѣ того, это состояніе сопровождается обыкновенно мелочностью и способностью измышлять гипотезы; для того, чтобы сдѣлать эти гипотезы вполне несокрушимыми, достаточно упорства сильнаго убѣжденія или-же наглой лжи“.

„Мало обращаютъ вниманія на логическую слабость естествознанія. Она искореняетъ, правда, плевелы суевѣрія, но не логикой, а тѣмъ, что дѣлаетъ постепенно человѣческой умъ неспособнымъ производить эти плевелы... Напрасно стараетесь вы увѣрить, что мы обязаны естественнымъ наукамъ тѣми познаніями о вселенной, которыми мы теперь обладаемъ, тогда-какъ спиритизмъ ничего не сдѣлалъ въ этомъ отношеніи. Наркотизированная душа не повинуется разсудку“.

„Напрасно обличаются лжецы и изгоняются въ отдѣльныхъ случаяхъ дьяволъ. Ему только нужно потихоньку измѣнить самый образъ и вернуться въ свой домъ, — онъ всегда найдетъ его „пустымъ, убраннымъ и украшеннымъ““.

Да, это вѣрно; въ одной такой головѣ, какъ г. Б—овъ, можно открыть обширный пустопорожній бель-этажъ для помѣщенія цѣлаго легіона такихъ безплотныхъ жильцовъ, какъ духи.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

ДОН-КАРЛОСЪ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ВЪ ИСПАНИИ.

Значеніе карлистской войны.—Непоследовательность испанскихъ либераловъ.— Фуэросы.—Рѣзкія противорѣчія въ програмѣ дон-Карлоса.—Коварство графа де-Монтемолина.—Либеральный претендентъ дон-Жуанъ.—Банковья операціи при пособіи орденовъ и титуловъ.—Продажа принцемъ дон-Жуаномъ своего права на испанскую корону.—Передача имъ этого-же права своему сыну дон-Карлосу.—Наружность дон-Карлоса.—Онъ объявляетъ себя испанскимъ королемъ.—Затруднительное положеніе короля Амедея.—Манифесты и возванія дон-Карлоса.—Начало гражданской войны.—„Пришелъ, увидѣлъ, убѣжалъ“.—Тактика инсургентовъ.—Клерикальный характеръ карлистской войны.—Участіе въ ней женщины.

I.

Гражданская война въ Испаніи, недавно окончившаяся бѣгствомъ дон-Карлоса въ Англію, представляетъ одинъ изъ любопытѣйшихъ эпизодовъ новѣйшей исторіи Европы. Эта война имѣетъ нѣкоторое сходство съ нѣсколько разъ возобновлявшеюся войной между Стюартами, лишенными трона Великобританіи, и оранской и ганноверской династіями, занимавшими этотъ тронъ. Только-что окончившаяся карлистская война продолжалась около четырехъ лѣтъ, стоила не мало крови и сопровождалась жестокостями. Предшественница ея, бывшая 30 лѣтъ тому назадъ, продолжалась семь лѣтъ и велась отцами теперешнихъ бойцовъ. Но не надо думать, что въ этотъ промежутокъ между двумя войнами господствовалъ миръ; нѣтъ, онъ не разъ нарушался отдѣльными возстаніями, небольшими экспедиціями, предпринимаемыми съ цѣлью поддерживать въ населеніи преданность въ „законному королю“,

какихъ себя считалъ Карлосъ и продолжали считать себя его сыновья и внуки, а также тревожить „узурпаторовъ“ и пробовать общественное мнѣніе въ пиренейскихъ провинціяхъ, гдѣ вожди карлистовъ находили поддержку и могли формировать необходимыя боевыя силы.

Гражданскія войны въ Испаніи, театромъ которыхъ всегда были провинціи, лежащія въ Пиренеяхъ или по склонамъ ихъ, т. е. въ странѣ, очень рѣдко посѣщаемой путешественниками и неизбѣжной значительныхъ торговыхъ и промышленныхъ сдѣлокъ съ иностранцами, мало обращали на себя вниманіе общественнаго мнѣнія Европы. Между тѣмъ послѣдняя гражданская война сопровождалась весьма печальными результатами; она стоила жизни тысячамъ испанцевъ, она разорила массу семействъ, много деревень и даже нѣсколько городовъ; она нанесла много ущерба и потребуетъ не мало времени, чтобы его исправить и пополюить. Во всякомъ случаѣ, любопытно ознакомиться съ событіями этой войны и опредѣлить ея значеніе.

Прежде всего война эта замѣчательна тѣмъ, что обѣ враждующія стороны состояли изъ монархистовъ. На одной сторонѣ дон-Карлосъ выставлялъ знамя „божественнаго права“ и обѣщалъ сохранить конституціонныя привилегіи пиренейскихъ провинцій; съ другой—либеральная конституціонная монархія, желающая отнять конституціонныя права у басковъ. Собственно говоря, различіе въ принципахъ между обѣими монархическими партіями было скорѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное. Но на сторонѣ либераловъ была сила, и неудивительно, что они побѣдили; можно изумляться только, что они не побѣдили раньше. Дон-Карлосъ совершилъ нелѣпость, произведя возстаніе, такъ-какъ для него самого, какъ и для всѣхъ, было очевидно, что это возстаніе не можетъ имѣть успѣха; но либералы поступили несравненно нелѣпѣе, не раздавивъ возстанія на первыхъ порахъ, а давъ время дон-Карлосу собраться съ силами, утвердиться въ занятой странѣ и одержать такіе успѣхи, что люди легковѣрные уже стали предсказывать ему побѣду и охотно давали свои деньги взаймы на поддержаніе его предпріятія, въ сущности неизбѣжнаго никакихъ шансовъ на успѣхъ.

Европейскіе журналисты обыкновенно называютъ карлистскую войну войною старшей линіи испанскаго бурбонскаго дома противъ младшей. Но это опредѣленіе далеко не точно, потому что, собственно говоря, здѣсь нѣтъ ни старшей, ни младшей линіи, а если онѣ и существуютъ, то старшей должна считаться скорѣе та линія, которую называютъ младшей. Въ ней престолъ переходилъ по прямой линіи, но только наслѣдство перешло не къ сыну, котораго вовсе не было, а къ дочери. Та-же линія, что сливетъ старшей, въ сущности есть линія боковая. Фердинандъ VІІ, умирая, завѣщалъ тронъ своей дочери Изабеллѣ, а не брату Карлосу. Имѣлъ-ли онъ на это право или нѣтъ?

— Не имѣлъ никакого права, говорятъ карлисты, — потому что салическій законъ не допускаетъ, чтобы скипетръ передавался въ руки, которымъ приличнѣе держать веретено.

— Онъ имѣлъ право, отвѣчаютъ изабеллисты, — потому что салическій законъ — основной законъ во Франціи, а не въ Испаніи; онъ имѣетъ силу для французскихъ Бурбоновъ, а не для испанскихъ. Наконецъ, если даже допустить, что первый Бурбонъ, занявшій испанскій престолъ, принесъ съ собою изъ Франціи салическій законъ и сдѣлалъ его обязательнымъ для своей фамиліи, то развѣ Фердинандъ VІІ, король божіею милостью, монархъ неограниченный, не вправѣ былъ измѣнить этотъ законъ; развѣ не отъ его воли зависѣло передать, кому ему заблагоразсудится, скипетръ, врученный ему небомъ? За передачу трона Изабеллѣ ІІ онъ отвѣтственъ только передъ Богомъ и передъ своей совѣстью... существовавшіе законы давали ему, какъ неограниченному владѣльцѣ, право назначить по себѣ наслѣдника“.

Отсюда видно, что изабеллисты основывали право королевы Изабеллы на престолъ только на томъ, что ея отецъ, какъ неограниченный король, могъ назначить своимъ наслѣдникомъ кого ему было угодно. Изабеллисты принадлежали къ либеральной партіи; они ввели въ Испаніи конституцію, и въ то-же время не находили другого доказательства правъ на престолъ своей государыни, какъ только право произвольно распорядиться наслѣдованіемъ трона, присущее неограниченному королю, т. е. такое право, которое, съ введеніемъ конституціи, исключалось изъ испанскаго законодательства.

Эту непослѣдовательность либераловъ не разъ осмѣивали въ

своихъ манифестахъ дон-Карлосъ и его наслѣдники, надменно прибавляя, что они не давали клятвы исполнять конституцію и никогда не дадутъ ее. Но такъ-ли это?

Всѣ карлистскія возмущенія подымались во имя *фуэросовъ* провинцій: Бискайн, Навары, Каталоніи, Арагоніи и Валенціи, — фуэросовъ настолько либеральныхъ, что противъ нихъ постоянно ратуютъ конституціоналисты, называя ихъ „чрезмѣрно-революціонными“. Фуэросы обезпечиваютъ личную свободу и даютъ такую широкую автономію общинамъ, какой не существуетъ ни въ швейцарскихъ кантонахъ, ни въ Соединенныхъ Штатахъ. Признавая фуэросы, дон-Карлосъ тѣмъ самымъ отказывался отъ неограниченной власти; при существованіи фуэросовъ онъ могъ пользоваться не большей властью, чѣмъ, напр., президентъ республики Соединенныхъ Штатовъ. Давая клятву защищать фуэросы, онъ самъ ограничивалъ свою власть, такъ-какъ не имѣлъ права назначать налоговъ безъ согласія кортесовъ, т. е. выборныхъ отъ тѣхъ провинцій, гдѣ дѣйствуютъ фуэросы; всѣ эти провинціи должны были пользоваться широкимъ городскимъ и общиннымъ самоуправленіемъ, судьи должны были назначаться изъ мѣстныхъ уроженцевъ; самая администрація состояла большею частію изъ выборныхъ лицъ. „Да здравствуютъ фуэросы!“ повторялъ почти въ каждомъ своемъ манифестѣ дон-Карлосъ или Карлъ VII, какъ онъ самъ себя называетъ. Особенно точно онъ выразилъ свое отношеніе къ фуэросамъ въ прокламаціи отъ 10 іюля 1872 года, писанной въ Вера.

„...Я желаю децентрализаціи, объявлялъ онъ, — о чемъ я уже говорилъ вамъ въ манифестѣ отъ 30 іюня 1869 года... Теперь, какъ и тогда, съ полнымъ довѣріемъ къ вамъ, съ гордостью короля, призваннаго управлять героической націей, объявляю торжественно вамъ, мужественные каталонцы, арагонцы и валенсійцы: полтора столѣтія тому назадъ мой знаменитый предокъ Филиппъ V нашелся вынужденнымъ вычеркнуть ваши фуэросы изъ книги льготъ, дарованныхъ разнымъ провинціямъ нашего отечества. То, что отнялъ у васъ одинъ король, я, другой король, отдаю вамъ. Ибо, если вы относились враждебно къ основателю моей династіи, вы теперь поддерживаете его законнаго наслѣдника. Я вамъ отдаю ваши фуэросы, потому что считаю своей обязанностью оказывать справедливость“.

На такое категорическое заявленіе дон-Карлосъ былъ вынужденъ крайней необходимостью. Но объяви онъ себя защитникомъ фуэросовъ, вокругъ его знамени собрались-бы только банды искателей приключеній и разныхъ сбродъ. Но какъ-только онъ явился защитникомъ старыхъ вольностей, на его зовъ откликнулось нѣсколько провинцій; за него, вѣрнѣе, за выраженное имъ желаніе ввести политическую и административную децентрализацію, поднялось населеніе пиренейскихъ провинцій. Испанская либеральная пресса обыкновенно провозглашаетъ невѣждами, фанатиками и варварами населеніе этихъ провинцій, но, въ сущности, оно, по крайней мѣрѣ въ Бискайѣ и Каталоніи, болѣе развито и болѣе предприимчиво, чѣмъ населеніе прочихъ провинцій Испаніи. Если-бы не было справедливаго повода къ неудовольствію, возстаніе это, стоившее очень дорого населенію, не могло-бы продолжаться цѣлыхъ четыре года. Громадныя жертвы, которыя добровольно несло населеніе сѣверной Испаніи для поддержанія гражданской войны, могутъ быть объяснены только привычкой къ мѣстной автономіи, которою населеніе пользовалось съ незапамятныхъ временъ, во время Страбона и еще ранѣе. Это населеніе, страстно преданное независимости, не можетъ переносить дурного мадридскаго управленія съ такой, болѣе или менѣе восточной флегмой, съ какой переносятъ его, напримѣръ, обитатели Ламанчской провинціи. Конечно, можно удивляться наивности этихъ пиренейскихъ горцевъ, вѣрившихъ, что дон-Карлосъ искренно давалъ имъ обѣщаніе защищать ихъ вольности и что онъ сдержалъ-бы свое обѣщаніе, сдѣлавшись королемъ. Они не хотѣли видѣть, что въ програмѣ дон-Карлоса заключаются несовѣстимыя противорѣчія: онъ желалъ въ одно и то-же время быть вполнѣ неограниченнымъ королемъ и защитникомъ фуэросовъ, ограничивающихъ его власть несравненно болѣе либеральной конституціи, въ то время дѣйствовавшей въ Испаніи.

И дон-Альфонсъ, и дон-Карлосъ, каждый считалъ себя законнымъ королемъ Испаніи. Дон-Карлосъ принялъ имя Карла VII, какъ сынъ и прямой наслѣдникъ дон-Жуана бурбонскаго, котораго былъ младшимъ братомъ дон-Фернанда и дон-Карлоса Мон-

темолина. Эти три брата были сыновья предводителя въ первой карлистской войнѣ, брата Фердинанда VII, знаменитаго дон-Карлоса, возставшаго противъ „узурпаціи“ Маріи-Христины и Изабеллы II. Дон-Карлосъ, поднявъ знамя гражданской войны, принялъ имя Карла VI. Такимъ образомъ, настоящій претендентъ, Карлъ VII — внукъ Карла VI и троюродный братъ Альфонса XII.

Для лучшаго разъясненія запутанныхъ отношеній и правъ мы считаемъ необходимымъ возвратиться за пятнадцать лѣтъ назадъ. Въ 1860 году сыновья Карла VI, Карлосъ Монтемолинъ, Фернандъ и Жуанъ, сочли моментъ удобнымъ для низверженія ихъ кузины. Два старшіе обнажили шпагу, а младшій, болѣе осторожный, рѣшилъ, что лучше выждать, какой оборотъ примутъ событія. Онъ былъ правъ: не успѣли его братья высадиться на испанскій берегъ, какъ были взяты въ плѣнъ и посажены въ тюрьму.

Хотя тюремное заключеніе, которому подвергла плѣнниковъ ихъ кузина, не могло считаться слишкомъ суровымъ, однакожъ имъ наскучило сидѣть взаперти и они купили себѣ свободу полнымъ отреченіемъ. Монтемолинъ отрекся отъ притязаній на испанскій тронъ за себя и своихъ братьевъ и обѣщаль вѣчную дружбу своей кузинѣ. Вотъ что онъ писалъ, между прочимъ, въ актѣ отреченія:

„Я, дон-Карлосъ, бургонскій и браганцскій, графъ де-Монтемолинъ, по собственному желанію и безъ чьего-нибудь давленія на мою волю, отрекаюсь съ этого момента навсегда отъ правъ моихъ на корону Испаніи... Даю мое честное слово, что никогда мое знамя не будетъ поднято въ Испаніи... Объявляю, что если, по несчастію, кто-нибудь въ будущемъ подниметъ во имя мое гражданскую войну въ Испаніи, я буду считать его врагомъ моей чести...“

Подписавъ отреченіе, графъ Монтемолинъ тотчасъ-же получилъ свободу и уѣхалъ изъ Испаніи. Но едва онъ оставилъ за собой Францію, гдѣ опасался жандармовъ, и перѣехалъ Рейнъ, въ Бельгій, 15 іюня 1860 года, онъ издалъ манифестъ, который разослалъ ко всѣмъ европейскимъ дворамъ. Вотъ что, между прочимъ, онъ писалъ въ этомъ манифестѣ:

„Принимая во вниманіе, что актъ, подписанный нами въ Тор-

тозѣ 23 апрѣля настоящаго 1860 года, явился послѣдствіемъ чрезвычайныхъ и исключительныхъ обстоятельствъ;

„Что, подписанный въ тюрьмѣ, онъ не включаетъ въ себя тѣхъ условій, которыя требуются для признанія его законности;

„Что онъ не одобренъ ни однимъ изъ нашихъ вѣрныхъ и лучшихъ слугъ, —

„Мы уничтожаемъ сказанный актъ“.

Послѣ своего коварнаго поступка дон-Карлосъ началъ готовиться къ новой экспедиціи въ Испанію, но вскорѣ умеръ, въ Триестѣ; чрезъ 8 дней послѣ его смерти за нимъ послѣдовалъ братъ его Фернандъ, скончавшійся скоропостижно въ Штиріи. Обѣ эти смерти произвели много толковъ въ Европѣ, явилось даже предположеніе, что тутъ скрывается какая-то таинственная трагедія, заговорили объ отравленіи, но никакихъ розысковъ сдѣлано не было.

Смерть двухъ старшихъ братьевъ выдвинула на политическую арену дон-Жуана, до сихъ поръ избѣгавшаго всякихъ манифестаций. Объявляя себя претендентомъ на испанскую корону, онъ посмѣшилъ заявить о своихъ либеральныхъ стремленіяхъ. Въ своемъ манифестѣ отъ 21 февраля 1861 года онъ пишетъ:

„Горестная утрата моихъ любезныхъ братьевъ побуждаетъ меня обратиться къ тѣмъ, которые до сихъ поръ вѣрно слѣдовали за знаменемъ моего отца.

„Вы знаете, что я нѣсколько разъ высказывалъ свое неодобреніе тому направленію, котораго держалась карлистская партія; что нѣсколько разъ я порицалъ упрямство, съ которымъ эта партія слѣдовала идеямъ, несогласующимся съ духомъ нашего вѣка. Если я не противился этому прямо, непосредственно, то я дѣлалъ это изъ уваженія къ моему покойному брату и изъ сознанія, что въ чистой монархіи только одному королю принадлежитъ право устанавливать политику, какую онъ найдетъ болѣе удобной.

„Со времени тортозскаго соглашенія я считъ своимъ долгомъ совершенно удалиться отъ политики. Но теперь долгъ обязываетъ меня ознакомить васъ съ моими идеями и намѣреніями.

„Я не вычеркну ни одной строки изъ моихъ предшествовав-

шихъ манифестовъ, я не откажусь ни отъ одного изъ мнѣній, тамъ высказанныхъ. Я понимаю, что вы колеблетесь между принципомъ легитимности, который вы связываете съ моею особою, и идеями, которымъ я слѣдую и которыя расходятся съ идеями, принятыми карлистской партіей. Но имѣйте въ виду, что ни цивилизація, ни прогрессъ, ни духъ вѣка, ни свобода нисколько не идутъ въ разрѣзъ ни съ легитимностью, ни съ моими правами, которыя я желалъ-бы освятить народнымъ признаніемъ; въ народу я сдѣлаю воззваніе въ тотъ моментъ, когда обстоятельства будутъ тому благопріятствовать...

„Къ вамъ, связавшимъ свою судьбу съ моею, потому что вы уважаете во мнѣ законнаго наслѣдника вашихъ монарховъ, взываю я, соединитесь со мною въ моемъ желаніи, чтобы меня называли королемъ по волѣ народа; соединитесь со мною, принявъ искренно мои мнѣнія, потому что это мнѣнія большинства націи, — мнѣнія, осуществленіе которыхъ обезпечить счастье и благоденствіе нашего отечества...“

Къ несчастію для него, новый претендентъ чувствовалъ недостатокъ въ главномъ нервѣ войны — въ деньгахъ. Но недаромъ онъ былъ либераломъ. Какъ истинный сынъ своей эпохи, онъ въ совершенствѣ изучилъ всѣ тайны банковыхъ операцій и спекуляцій. Онъ рѣшился извлечь изъ своихъ предполагаемыхъ правъ на испанскую корону все, что было возможно. Онъ вступилъ въ тѣсныя сношенія съ лондонскими и парижскими банкирами и добился, что въ Парижѣ „L'Office général d'Escompte“, а въ Лондонѣ „Unity Bank“ приняли на себя реализацію для него займа. Крупнымъ подписчикамъ на этотъ заемъ предлагались въ вознагражденіе испанскіе ордена и титулы.

Въ то-же время въ „Indépendance Belge“ появилось объявленіе, которое имѣло своей цѣлю завербовать для претендента адъютантовъ изъ числа людей, дающихъ деньги на предпріятіе. Вотъ это объявленіе:

„Организуя свой дворъ, принцъ, наслѣдникъ короны, желалъ-бы назначить состоящими при его особѣ нѣсколько джентльменовъ, англичанъ, французовъ и нѣмцевъ, обладающихъ независимымъ состояніемъ. Объ условіяхъ можно узнать у директора „L'Office général d'Escompte“, Севастопольскій бульваръ, д. № 37“.

Какъ видно, принцъ дон-Жуанъ былъ изобрѣтательнѣе и

дальновидиѣ своихъ старшихъ братьевъ, сунувшихся въ воду, не спросясь броду. Онъ повелъ дѣло тонко и разсудительно, какъ подобаетъ либералу, хорошо знакомому съ финансовыми операціями, понимающему слабость финансовыхъ тузовъ къ орденамъ и титуламъ.

Дальновидность принца дон-Жуана еще очевиднѣе доказывается слѣдующимъ циркуляромъ, разосланнымъ администраціей „Unity Bank“ съ цѣлю популяризовать заемъ въ финансовомъ мірѣ:

„М. Г.

„По всей вѣроятности, вамъ небезызвѣстно, что принцъ дон-Жуанъ бурбонскій, по смерти своихъ старшихъ братьевъ, сталъ наслѣдникомъ дон-Карлоса. Только въ силу этого, не принимая даже въ расчетъ политическихъ случайностей, которыя могутъ быть для него очень благопріятны, принцъ дон-Жуанъ имѣетъ право на все состояніе дон-Карлоса, цѣнность котораго простирается до 400 миліоновъ реаловъ (болѣе 25 миліоновъ рублей). Точно также онъ имѣетъ право на приданое своей матери, инфанты Франциска ассизской, оцѣненное въ 48 миліоновъ реаловъ, которое онъ долженъ получить въ Португаліи.

„Но теперь на все имущество дон-Карлоса въ Испаніи наложенъ секвестръ. Что касается его португальскаго наслѣдства, то права его на полученіе этого имущества на-столько безспорны, что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что оно будетъ выдано. Но, къ несчастію, для достиженія успѣха въ этомъ отношеніи необходимо пройти чрезъ нѣсколько длинныхъ и дорого стоящихъ хлопотъ. А извѣстно всѣмъ, что въ настоящее время принцъ испытываетъ нужду въ деньгахъ.

„Unity Bank“ хорошо понимаетъ, что ввѣренная ему принцемъ операція принадлежитъ къ числу такихъ операцій, въ которыхъ участники рядомъ съ выгодами должны принимать въ расчетъ извѣстный рискъ. Нельзя не признать, что здѣсь представляется довольно значительный рискъ, но и выгоды отъ предпріятія также значительны; принцъ, съ своей стороны, найдетъ возможнымъ вознаградить всѣ потери, могущія произойти отъ какой-нибудь чрезвычайной случайности.

„Облигаціи выпускаются цѣнностію въ 1,000 піастровъ (1,306 руб.); онѣ будутъ приносить 5% дохода; вышедшія въ тиражъ облигаціи оплачиваются немедленно наличными деньгами“.

Финансовымъ операціямъ принца дон-Жуана въ это время много мѣшала конкуренція двухъ другихъ претендентовъ, сумѣвшихъ тоже вызвать къ себѣ сочувствіе въ нѣкоторыхъ финансовыхъ учрежденіяхъ западной Европы. Мы говоримъ объ Орели де-Тоненсѣ, перигорскомъ адвокатѣ, который называлъ себя королемъ Араукавіи (провинціи въ Чили) и объ извѣстномъ потомкѣ Арпада, котораго утверждалъ, что онъ одинъ имѣетъ право на венгерскую корону св. Стефана. Впрочемъ, королю Араукавіи не особенно везло, но потомокъ Арпада, ловкій малый, сумѣлъ заинтересовать своими притязаніями кассира одного коммерческаго банка, который высосалъ изъ акціонеровъ своего банка весьма значительную сумму денегъ для поддержанія правъ претендента на престолъ Франца-Иосифа. Это дѣло въ свое время надѣлало много шума въ Европѣ.

Мы не знаемъ, какъ велика была сумма, извлеченная принцемъ дон-Жуаномъ изъ его финансовыхъ операцій, но, во всякомъ случаѣ, она была не маленькая, что доказывается опасеніями королевы Изабеллы II, что ея кузенъ затѣветъ экспедицію въ Испанію. Чтобы избѣжать новой гражданской войны, королева предложила дон-Жуану перенести споръ на финансовую почву, т. е. получить извѣстную сумму денегъ за отреченіе отъ правъ на испанскую корону. Бѣдная Изабелла, которую Люи-Филиппъ и Гизо отдали замужъ за ея печальнаго кузена Франциска ассизскаго, совсѣмъ потеряла голову. Вѣроятно, она не считала своихъ правъ на испанскій престолъ вполне безспорными, если не нашла лучшаго способа обезпечить ихъ за собою, кромѣ покупки притязаній своего соперника. Дон-Жуанъ охотно продалъ за наличныя деньги свое право на испанскій престолъ. Въ это-же самое время принцъ аугустенбургскій въ третій разъ, но уже навсегда, за деньги уступилъ датскому королю свои права на герцогства Шлезвигъ и Гольштинію.

Въ своемъ письмѣ къ королевѣ Изабеллѣ дон-Жуанъ утверждаетъ, что если онъ и подыметъ знамя претендента, то съ единственной цѣлью внушить карлистской партіи идеи либерализма и примирить ее съ конституціоналистами. Онъ жаловался также, что его сыновья, Карлосъ и Альфонсъ, получили ультра-клерикальное воспитаніе при дворѣ императора Франца-Иосифа.

Это письмо составляетъ важный документъ при разрѣшеніи во-

проса о правѣ дон-Карлоса считаться претендентомъ на испанскій престолъ.

„Вы не имѣете никакого права на испанскую корону, писалъ недавно Альфонсъ XII къ дон-Карлосу; — вы ссылаетесь на то, что это право перешло къ вамъ преемственно отъ вашего отца, но онъ самъ продалъ намъ это право. Вотъ текстъ подписаннаго имъ соглашенія:

„Государыня, когда печальныя событія заставили моихъ братьевъ войти въ соглашеніе съ вами, первой моей мыслью было признать ваше величество и этимъ признаніемъ заглушить воспоминаніе о гражданскихъ войнахъ, въ прошломъ раздѣлившихъ нашу страну. Я ожидалъ, что братья мои, Карлосъ и Фернандъ, получивъ свободу, подтвердятъ свое соглашеніе съ вами. Въ маѣ 1860 года я имѣлъ съ Карлосомъ свиданіе, которое побудило меня 2 іюня сдѣлать первый шагъ въ политической жизни, принявъ положеніе, созданное для меня братьями вслѣдствіе отреченія ихъ отъ своихъ правъ. Эта рѣшимость моя явилась послѣдствіемъ не личнаго честолюбія, но единственно пламеннаго желанія удалить знамя непримиримой партіи, застывшей въ традиціяхъ, топчущей ногами истинные принципы и руководимой противонаціональными побужденіями, что доказывается постоянно ея образомъ дѣйствій.

„Права, признаваемые этой партіей за моихъ отцомъ и моими братьями, она не признавала за мной потому, что я не раздѣлялъ ея идей. Отпирательство моихъ братьевъ показываетъ, что я мыслялъ правильно; но всѣ мои совѣты, съ которыми я обращался въ это время къ нимъ, были безплодны.

„Съ этой поры, государыня, мною руководила только одна мысль: обезпеченіе народнаго блага утвержденіемъ въ странѣ либеральныхъ принциповъ.

„Мои дѣйствія можно считать болѣе или менѣе благоразумными, смотря по тому, кто судить о нихъ; но могу увѣрить ваше величество, что мои намѣренія всегда были прямыя и патріотичныя. Во все продолженіе моей политической жизни, я никогда не думалъ тревожить спокойствіе страны. Я никогда не желалъ, чтобы мое имя могло послужить предлогомъ для пролитія крови.

„Удаленный насильственно отъ моихъ сыновей, я съ горестью

вижу, что они получили воспитаніе въ идеяхъ, противъ которыхъ возстаетъ мое сознаніе. Они теперь уже въ такомъ возрастѣ, когда трудно уничтожить въ нихъ слѣдствія первоначальнаго воспитанія. Я опасаясь, что ихъ имена послужатъ для возбужденія надеждъ партіи, которая не должна уже пользоваться правомъ легальнаго существованія въ Испаніи. Тщетно я добивался у моей жены и у австрійскаго императора, чтобы мнѣ возвратили моихъ дѣтей,—моихъ отцовскихъ правъ не хотѣли признавать. Я желаю перевоспитать моихъ дѣтей въ томъ направленіи, какое требуется для блага государства, и обращаюсь къ вашему величеству съ просьбой о вашемъ содѣйствіи возвращенію мнѣ моихъ дѣтей.

„Повторяю, благо моего отечества всегда руководило моими поступками; во имя этого блага, государыня, я отрекаюсь отъ имени своего и моихъ потомковъ отъ всѣхъ правъ, которыя можно-бы было поддерживать на основаніи толкованія смысла старинныхъ законовъ.“

„Я признаю васъ за свою королеву и клянусь быть вѣрнымъ и покорнымъ конституціи“.

Однакожь, вскорѣ оказалось, что принцъ дон-Жуанъ только пошутилъ, что онъ и не думалъ серьезно отречься отъ своихъ правъ. Во имя либерализма, патріотизма и народнаго блага, какъ онъ торжественно увѣрялъ, онъ рѣшился отвергнуть свое соглашеніе съ королевой Изабеллой II, возстановить свое право на испанскій престолъ и передать его своему сыну дон-Карлосу:

„Имѣя въ виду только благо испанцевъ, т. е. благосостояніе внутреннее и уваженіе за-границей моего милого отечества, я считаю долгомъ передать и передаю настоящимъ декретомъ мои права на испанскую корону моему любезному сыну дон-Карлосу бурбонскому.“

„Данъ въ Парижѣ 3 октября 1868 года“.

Подписано: „Жуанъ бурбонскій и браганцскій“.

Въ силу этой передачи, дон-Карлосъ тотчасъ-же заявилъ о своемъ правѣ на испанскій престолъ.

Либеральная партія въ Испаніи, съ своей стороны, тоже по-

сдѣшила заявить, что притязанія дон-Карлоса не имѣютъ никакого разумнаго смысла.

„Экс-инфантъ дон-Жуанъ бургонскій передалъ своему сыну свои права на испанскую корону. Не похожа-ли эта передача на то, если-бъ я, ради забавы, вздумалъ завѣщать моимъ друзьямъ миліоны, принадлежащіе дому Ротшильда?“

Такъ выразилась мадридская буржуазная газета, издающаяся на счетъ фракціи, предводителемъ которой считался герцогъ Монпансье, зять королевы.

Буржуазная газета сгоряча провралась, чему доказательствомъ послужили пушечные выстрѣлы, которыми армія дон-Карлоса встрѣтила войска либераловъ, посланные противъ нея. Если-бы я имѣлъ странность отказать моимъ друзьямъ ротшильдовскіе миліоны, мое завѣщаніе было-бы признано незаконнымъ; а если-бы мои друзья, въ силу моего завѣщанія, вздумали-бы ломать ротшильдовскіе кассовые сундуки, полицейскіе схватили-бы ихъ за шиворотъ, а судьи послали-бы въ ссылку. Вопросъ-же о правѣ дон-Карлоса пришлось рѣшать нѣсколько иначе.

„Ты, можетъ быть, имѣешь право первородства, говорятъ Альфонсъ XII и испанскіе либералы дон-Карлосу, — но, подобно Исаву, ты продалъ намъ его за чечевичную похлебку“.

„Право первородства продать нельзя, отвѣчаетъ дон-Карлосъ. — Королевское первородство — фактъ абсолютный, безспорный; никакое другое право не можетъ идти въ сравненіе съ нимъ. Вамъ нѣсколько разъ уже продавали испанское королевство, но это была только военная хитрость, на которую были вынуждены мои предшественники сдѣвленіемъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Можетъ быть, и еще разъ вамъ продадутъ его, если вы будете на-столько просты, что еще разъ захотите платить деньги. Но не служить-ли яснымъ доказательствомъ, что вы не имѣете своего права, если нѣсколько разъ покупали у насъ наше право? Притомъ, вы не понимаете, что существуютъ такія чистыя и нѣжныя, не матеріальныя вещи, которыя не могутъ быть обмѣнены на грубые и тяжелые золотые и серебряные слитки. Никакая сумма денегъ не можетъ дать вамъ права, имѣющаго божественное происхожденіе. Вы, изабеллисты и христиносы, унизились до такой степени, что вздумали барышничать священнымъ предметомъ. Вы вздумали торговать

королевствомъ; вы положили на одну тарелку вѣсовъ монархію, а на другую золотыя монеты—отлично! этимъ самымъ вы доказали, что ваша представительница недостойна носить корону“.

Что могли отвѣчать на такое категорическое заявленіе избеллисты и альфонсисты?

Ничего; имъ оставалось сказать только: „пустъ мечъ разсудить насъ!“

„Идетъ!“ отвѣтилъ дон-Карлосъ и обнажилъ свой мечъ.

II.

Такимъ образомъ, права дон-Жуана на испанскую корону во всей ихъ полнотѣ перешли къ его сыну, герцогу Мадридскому, родившемуся въ 1847 году и получившему при крещеніи слѣдующее имя: дон-Карлосъ-Марія-Долоресъ-Жуанъ-Батистъ-Франческо-Исидоръ-Пабло-Жозефо-Квирино-Антоніо-Михаилъ-Габріель-Рафаэль.

Молодой человекъ восторженно принялъ даръ отца; онъ твердилъ, что Провидѣніе назначило ему тронъ и что онъ непременно завладѣетъ имъ. Онъ гордится своимъ фатализмомъ и постоянно упрекаетъ своего кузена Альфонса въ недостатокъ у него теплой вѣры. Дон-Карлосъ вѣритъ въ „свою звѣзду“, подобно тому, какъ вѣритъ въ нее интересный молодой человекъ, проживающій въ Англии, въ Чизльгеретъ, котораго французскіе бонапартисты именуютъ его величествомъ Наполеономъ IV.

Герцогъ Мадридскій красивъ, силенъ, хорошо сложенъ; волосы на головѣ и бородѣ имѣетъ черные; цвѣтъ кожи креольскаго оттѣнка, блѣдно-желтоватый; носъ и губы полные, щеки нѣсколько одутловатыя. „Фигаро“ увѣряетъ, что по своей мужественной красотѣ и изяществу въ одеждѣ, дон-Карлосъ истинный король. Благодаря физической красотѣ, а также притязаніямъ на испанскій тронъ, дон-Карлосу посчастливилось въ 1867 году жениться на принцессѣ Маргаритѣ, дочери Франциска V, эрцгерцога австрійскаго, отъ котораго въ 1860 году Викторъ-Эмануилъ отнялъ его владѣнія Модену, Массу, Каррару, Эсте и Густалу, но оставилъ ему огромное частное имущество, цѣнностей слишкомъ въ 5 0 миліоновъ рублей. Пользуясь кредитомъ, который для него

облегчался богатствомъ его тестя, дон-Карлосъ становился весьма серьезнымъ претендентомъ и могъ надѣлать большихъ хлопотъ испанскому правительству.

Въ 1870 году онъ пригласилъ къ себѣ въ Веве, въ Швейцаріи, своего брата Альфонса, своихъ неаполитанскихъ кузеновъ, тоже Бурбоновъ, и нѣсколькихъ друзей, знатныхъ молодыхъ испанцевъ, горячо преданныхъ карлизму. Предъ ними дон-Карлосъ торжественно объявилъ себя королемъ испанскимъ, и его заявленіе было встрѣчено ими съ энтузіазмомъ. Поощряемый этимъ сочувствіемъ, дон-Карлосъ на другой день рано утромъ съ дюжиной своихъ собутыльниковъ сѣлъ въ вагонъ, переѣхалъ испанскую границу, вышелъ на первой станціи, выстрѣлилъ на воздухъ три раза изъ пистолета, громогласно провозгласилъ свое вступленіе на испанскій престолъ и тотчасъ-же удалился въ Швейцарію, въ свою прекрасную дачу „Бокажъ“ близъ Женевы.

Это происшествіе едва было замѣчено въ Испаніи, въ то время сильно возбужденной и чрезвычайно занятой.

Герцогъ Мадридскій сдѣлалъ вызовъ, который не замедлил вскорѣ подкрѣпить военными дѣйствіями.

Между тѣмъ испанскій престолъ занялъ итальянскій принцъ Амедей. Достигнуть испанскаго трона помогъ ему маршалъ Примъ, раздосадованный колебаніями, а главное — скряжничествомъ герцога Монпансье, въ пользу котораго онъ дѣйствовалъ. Въ тотъ самый день, когда новый король въѣзжалъ въ Мадридъ, Примъ, выѣхавшій къ нему на встрѣчу, палъ жертвой убійства, виновники котораго такъ и остались неразысканными. Амедей, съ перваго-же дня своего вступленія на престолъ чуждой націи, всталъ въ весьма затруднительное положеніе. Его никто не желалъ въ Испаніи, на него смотрѣли, какъ на „иностранца“, и явно выказывали ему недовѣріе. Амедей честно исполнялъ свои обязанности конституціоннаго короля, онъ искренно желалъ блага своему новому отечеству, но оставался одинокимъ и ясно видѣлъ, что всѣ классы испанскаго общества относились къ нему враждебно, но почему они враждовали противъ него — онъ рѣшительно не могъ объяснить себѣ. Когда онъ прогуливался по Прадо или

Буэнь Ретиро, встрѣчные почти не кланялись ему, хотя онъ самъ весьма вѣжливо приподнималъ шляпу. Его милая жена была чрезвычайно любезна со всѣми, но ея любезности принимались очень сухо, почти враждебно. Большинство партій, лучше сказать, большинство населенія, выказывало королю и королевѣ свою вражду при всякомъ удобномъ случаѣ. Менѣе всѣхъ враждовала противъ Амедея республиканская партія, отъ которой только онъ и могъ ожидать враждебныхъ демонстрацій. Но изабеллисты, альфонсисты, монпансьеристы и карлисты преслѣдовали его неутомимой враждой. Клерикалы во всеуслышаніе клялись погубить его, сына Виктора-Эмануила, лишившаго папу свѣтской власти. Двадцать тысячъ священниковъ и монаховъ постоянно клеветали на короля, приписывая ему самыя некрасивыя намѣренія, толкуя въ худую сторону всякое его распоряженіе. Амедей имѣлъ всѣ хорошія качества, какихъ только можно желать отъ конституціоннаго короля, но онъ не обладалъ достаточно-развитой силой воли, онъ не умѣлъ настоять на своемъ законномъ требованіи. Имъ мало занимались въ Европѣ до его вступленія на испанскій престолъ, такъ-же мало занимались имъ и послѣ того, какъ онъ добровольно оставилъ его.

Дон-Карлосъ изъ своей бокажской дачи зорко слѣдилъ за всѣмъ, что происходило въ Испаніи. Онъ понималъ, что систематическая оппозиція, которую испанскій народъ выказываетъ итальянскому принцу, приходится какъ-разъ ему на руку. Явившись въ Испанію въ качествѣ католическаго короля, ему не трудно будетъ свергнуть короля-еретика, сына главнѣйшаго врага папы, котораго св. отецъ вынужденъ былъ отлучить отъ церкви. Испанцы навѣрное предпочтутъ національнаго короля иностранцу, разсчитывалъ дон-Карлосъ, и разсчитывалъ довольно правильно. Испанецъ не любитъ и даже презираетъ иностранца, хотя тотъ приноситъ ему цивилизацію, газъ, капиталы, царовыя машины. Карлосъ выпустилъ манифестъ, адресуя его на имя такъ-называемой „центральной мадридской католической и монархической юнты“. Въ этомъ манифестѣ онъ заявлялъ, что „національной партіи“ наскучила „нелѣпая комедія либерализма“. Что онъ, дон-Карлосъ, повелѣваетъ депутатамъ карлистской партіи болѣе не являться на засѣданія палаты. Что карлистская партія, представляющая собой большинство испанскаго народа, должна от-

крыто противиться интригамъ либераловъ, составляющихъ авангардъ петроля и соціальной революціи. Что онъ, герцогъ Мадридскій, желалъ-бы избѣжать необходимости первымъ подать сигналъ къ борьбѣ, которой суждено многое измѣнить въ Европѣ (въ это время французскіе легитимисты подготавливали возстаніе въ Вандеѣ и въ южной Франціи), но революціонное правительство превзошло всякую мѣру въ совершеніи беззаконныхъ дѣяній. Что короткой и рѣшительной борьбой герцогъ Мадридскій надѣется спасти отечество и указать дорогу, которая приведетъ общество къ благоденствію. Что, наконецъ, герцогъ Мадридскій передъ лицомъ міра заявляетъ о доставшейся ему чести командовать авангардомъ великой католической арміи, которая дѣйствуетъ во имя Бога и будетъ защищать тронъ, собственность, семью.

Въ то-же время генераль Діацъ Рада, не разъ увѣрявшій Изабеллу II въ своей глубочайшей преданности, распространялъ по деревнямъ сѣверной горной Испаніи слѣдующую прокламацію:

„Мой любезный Рада, пишетъ мнѣ король, нашъ августѣйшій повелитель,—часъ насталъ! Повелѣваю, чтобы 21 апрѣля вся Испанія возстала единодушно, съ восклицаніемъ: „прочъ иноземца!“ Я, король, буду на почетномъ посту, однимъ изъ первыхъ. Довольно тираніи иностраннаго пришельца, который, къ стыду и униженію Испаніи, не побоялся похитить престолъ св. Фердинанда... Къ оружію, мужественные и героическіе наварцы и жители баскскихъ провинцій. Скоро мы одержимъ побѣду, которая навсегда обезпечитъ наши уважаемые фуэросы“. Да здравствуетъ религія! Да здравствуетъ Испанія! Да здравствуетъ Карль VII! Прочъ иностранца!“

А вотъ прокламація дон-Карлоса къ арміи:

„Солдаты и матросы!

„Я, вашъ государь, буду вашимъ главнокомандующимъ, вашимъ другомъ, вашимъ товарищемъ. Я желаю жить среди васъ, желаю раздѣлять ваши благородные труды... Я васъ поведу къ побѣдѣ. Соединимся-же въ восклицаніи: „прочъ иноземца!“ Услышавъ рычаніе испанскаго льва, съ ужасомъ побѣгутъ жалкіе прислужники революціи и Италіи... Солдаты! вашъ законный король зоветъ васъ къ славѣ, напоминаетъ вамъ о вашей чести, о ва-

шечь было въ величіи. Знамя, поднятое мною, есть знамя нашихъ предковъ, хоругвь нашей независимости, съ которой мы одержали множество побѣдъ“.

Вскорѣ герцогъ Мадридскій перешелъ испанскую границу и выпустилъ слѣдующій манифестъ къ испанскому народу:

„Испанцы, король обязанъ или умереть за свой народъ, или спасти его. Я приношу благодарность Богу, что онъ дозволилъ мнѣ поцѣловать священную землю моего отечества, гдѣ мои предки покоятся въ своихъ гробницахъ.“

„Привѣтствую великій испанскій народъ, переживающій теперь печальное время. Я знаю ваши горести, я слышу ваши жалобы. Со всѣхъ сторонъ вы призывали меня, и я пришелъ. Я счастливъ, потому что нахожусь среди испанцевъ, могу говорить съ ними отъ чистаго сердца; я увѣренъ, что ихъ сердце пойметъ меня и забудется мнѣ въ отвѣтъ.“

„Святая религія нашихъ отцовъ преслѣдуется; всѣхъ добрыхъ притѣсняють; анархія торжествуетъ; общественная казна отдана на расхищеніе; общественный кредитъ уничтоженъ; собственности угрожаютъ; промышленность умерла... Если дѣла будутъ идти такъ-же и далѣе, бѣдный испанскій народъ останется безъ хлѣба, а Испанія лишится чести.“

„Сдѣлаемся достойными высокаго призванія, которымъ удостоено насъ Провидѣніе: спасти испанскій народъ и послужить благимъ примѣромъ для другихъ народовъ!“

„Испанцы, ваши прежніе короли, вступая на престолъ, клялись соблюдать основные законы Испаніи. И я клянусь передъ Богомъ и беру въ свидѣтели цѣлый міръ, что я вѣрно исполню все, что я торжественно обѣщаю вамъ. Клянусь, что я употреблю всѣ усилія для обезпеченія вамъ мира, справедливости и свободы.“

„Клянусь, что я спасу испанскій народъ или умру за него!“

Таковы были пышныя обѣщанія, данныя претендентомъ дон-Карлосомъ. Теперь, когда возстаніе кончилось, интересно сравнить програму съ ея осуществленіемъ. По словамъ претендента, предстояла борьба короткая и рѣшительная. Великая католическая

армія должна была одерживать одну побѣду за другой, истребляя трусливыхъ солдатъ революціоннаго правительства. Достаточно карлистскому льву прорычать два-три раза—и съ ужасомъ побѣгутъ прислужники Италіи и армія либераловъ испарится.

И вотъ война началась. Дон-Карлосъ повелъ авангардъ католической арміи, защищающей тронъ, семью и собственность. Съ нимъ были Рада, Эліо и другіе, вѣрные ему, испытанные бойцы за карлистское дѣло. Армія переходила изъ деревни въ деревню; дон-Карлосъ и его свита хохотали, пили, пѣли, мимоходомъ раздавали поцѣлуи хорошенькимъ баскянкамъ; отрядъ ихъ увеличивался съ каждымъ днемъ. Наконецъ, у городка Орокіетн они встрѣтили полковника Моріонеса, рѣшительнаго воина, часково собравшаго нѣсколько ротъ пѣхотинцевъ. Между авангардами обѣихъ сторонъ завязалась перестрѣлка. Эліо и Рада начали строить свои войска въ боевую позицію; въ это время дон-Карлосъ, слѣдившій съ возрастающимъ безпокойствомъ за движеніями Моріонеса, повернулся къ своему штабу, блѣдный, и сказалъ прерывающимся голосомъ:

— Однакожь, дѣло будетъ жаркое... держитесь крѣпко, мои храбрецы... держитесь крѣпко... а я тѣмъ временемъ постараюсь привести вамъ подкрѣпленіе.

И, вонзивъ шпоры въ бока лошади, онъ быстро исчезъ изъ виду. „Пришелъ, увидѣлъ, убѣжалъ“, могъ-бы онъ перефразировать съ легкимъ варіантомъ знаменитую фразу Цезаря. Нѣсколько дней не знали, что съ нимъ стало; наконецъ, пришло извѣстіе, что онъ за границей Испаніи, подлѣ Біарица, въ виллѣ г-жи С., гдѣ онъ учредилъ свою главную квартиру. Съ этой поры альфонсисты всегда называютъ дон-Карлоса героемъ Орокіетн.

Послѣ бѣгства дон-Карлоса, Эліо и Рада, мастера ругаться, выругавшись хорошенько, отдали приказъ своимъ отрядамъ быстро отступить по всѣмъ направленіямъ и въ назначенный день собраться въ опредѣленномъ мѣстѣ.

Этой тактики инсургенты держались потомъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Духовенство и карлистскіе эмисары поднимали сельское населеніе въ провинціяхъ: Баскскихъ, въ Арагоніи, Каталоніи, Валенсіи, въ Старой и Новой Кастиліи; банды появлялись внезапно, совершали нѣсколько жестокостей, потомъ

исчезали, почти не оставляя по себѣ слѣда. Карлистскіе вожди избѣгали соединенія большихъ силъ, они дѣйствовали отдѣльными бандами, разсѣянными по всей странѣ. Этой тактикой они вынуждали регулярныя правительственныя войска также раздѣляться на мелкіе отряды, держали ихъ въ постоянной тревогѣ и чрезмѣрно утомляли. Если, по чистой случайности, приходилось обитиваться нѣсколькими выстрѣлами, то дѣло никогда не превышало размѣровъ обыкновенной перестрѣлки. Инсургентамъ всегда было обеспечено отступление; здѣсь они опирались на симпатію населенія, тамъ ихъ обезпечивали лѣса и горы, сильно затруднявшія непривычныя къ нимъ правительственныя регулярныя войска.

Въ первый періодъ гражданской войны, собственно говоря, не существовало никакого опредѣленнаго плана дѣйствій, не было въ полномъ смыслѣ слова главнокомандующаго; каждый отрядъ дѣйствовалъ, какъ ему заблагоразсудится; число отдѣльныхъ отрядовъ, какъ внезапно увеличивалось, такъ же внезапно и уменьшалось. Во имя карлизма дѣйствовали и шайки, составленныя изъ бродягъ, пьяницъ, запутавшихся въ долгахъ кутиль, искателей приключеній, и грабили на большихъ дорогахъ. Многія банды волонтеровъ, организовавшіяся для защиты дѣла дон-Карлоса, вовсе нежелавшія грабить, однакожь, принуждены были прибѣгать къ мародерству, не получая отъ претендента никакого содержанія. Далеко не всѣ солдаты арміи дон-Карлоса получали отъ него содержаніе отъ 50 до 75 коп. въ сутки. Этимъ содержаніемъ пользовались баски, арагонцы, каталонцы и наварцы, сражавшіеся за свои фюзросы и составлявшіе настоящую силу возстанія. Остальной-же сбродъ, поднятый преимущественно патерами, пробавлялся чѣмъ придется и, помня изрѣченіе, что „война должна питать войну“, безъ зазрѣнія совѣсти грабилъ и своихъ, и чужихъ.

Карлистская армія терпѣла большой недостатокъ въ хорошемъ оружіи. Усовершенствованныя ружья стоятъ очень дорого. Понимая, что совершенно безъ нихъ обойтись нельзя, дон-Карлосъ купилъ небольшой транспортъ ихъ; деньги для этой покупки онъ приобрѣлъ, заложивъ брилліанты своей жены. Донна Маргарита, по крайней мѣрѣ, вначалѣ возстанія, со страстью бросилась въ предпріятіе, конечнымъ послѣдствіемъ котораго было-бы торжественное признаніе ея испанской королевой. Ей пришла въ го-

лову блистательная идея: провести контрабандой через границу въ своихъ сундукахъ, наполненныхъ платьями, бѣльемъ, кружевами, стальную пушку со всѣми принадлежностями и лично подарить ее наварскимъ инсургентамъ. Къ несчастью для нея, ея слишкомъ оригинальная фантазія надѣлала много шума въ Женевѣ и, несмотря на ея протестъ, женевская полиція сдѣлала обыскъ въ ея сундукахъ и нашла горное орудіе со всѣми принадлежностями, кромѣ колесъ, которыя легко могли придѣлать сами инсургенты.

Недостатокъ матеріальнаго оружія въ карлистской арміи пополнялся съ избыткомъ оружіемъ религіознымъ, но не тѣмъ, какое провѣдуетъ христіанство, какъ-то терпѣніе, надежда, вѣра и милосердіе, — а чисто клерикально-іезуитскимъ. Карлистское возстаніе уже при самомъ началѣ приняло характеръ клерикальной войны. Она давно уже была подготовлена патерами, тайно пропагандировавшими ее въ своихъ приходсахъ. Какъ только началось возстаніе, многіе патеры, опоясанные саблями, съ пистолетами за поясомъ, предводительствуя отрядами, составленными изъ ихъ прихожанъ, почти первыми явились на сборные пункты. Многіе изъ патеровъ потомъ отличались самыми рѣшительными дѣйствіями противъ либераловъ, не давая пощады ни имъ самимъ, ни ихъ жилищамъ. Вергарская семинарія вся цѣликомъ вооружилась, составила изъ себя отрядъ и присоединилась къ арміи инсургентовъ. Конечно, не всѣ патеры опоясались мечомъ, многіе остались въ своихъ церковныхъ домахъ, но и эти были опасными и безжалостными врагами бѣднаго Амедя. Они возбуждали противъ него свою паству, благословляли на возстаніе противъ него, а когда замѣчали, что ихъ увѣщанія не дѣйствуютъ, обращались къ пособію женщинъ, увѣренные, что тѣ довершатъ ихъ дѣло. Въ сѣверныхъ испанскихъ провинціяхъ большинство женщинъ находится въ полномъ подчиненіи у своихъ духовниковъ. Побуждаемая духовниками, онѣ убѣждали своихъ мужей, братьевъ и сыновей вооружаться противъ „черныхъ“, какъ онѣ называли либераловъ, противъ „собакъ-еретиковъ“. Нѣкоторыя изъ нихъ вооружились сами и выказали себя въ бою особенно страстными, особенно жестокими. Это обстоятельство объясняетъ намъ, почему карлистскія войны всегда отличались варварствомъ и безчеловѣчіемъ. Онѣ были войнами междоусобными — первая причина; въ нихъ принимали участіе женщины — вторая.

Женщины, болѣе страстныя, чѣмъ мужчины, въ моменты гнѣва болѣе свирѣпы, болѣе дикы и менѣе способны остановиться — третья причина.

Карлистская война была по-преимуществу клерикальной войной, а во всякой клерикальной войнѣ взымають прежде всего къ фанатизму. Гдѣ-же дѣйствуетъ фанатизмъ, тамъ гуманность отсутствуетъ на послѣднѣй планѣ.

И. Триго.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

(Литературныя и общественныя замѣтки.)

Литературный вопросъ на Руси и его странная судьба.—„Лѣтній“—ли это предметъ для разсужденія? или объ немъ можно толковать и зимою? — Новая плеяда журнальных дѣателей и ихъ отношенія къ литературѣ. — Журналисты-банкиры, журналисты-промышленники и журналисты-закладчики.—Проектъ хроникера „Отечественныхъ Записокъ“ для огражденія самостоятельности литературнаго труда.—Степень практичности и удобоисполнимости этого проекта.—Наши современные литературные нравы.—Дикая выходя „Зауряднаго Читателя“.—Кружки и партіи; различіе между ними.—Наши кружковые юмункулы.—Отчужденность литературныхъ дѣателей отъ общества.—Кое-что о „литературномъ фондѣ“ и его порядкахъ.—Финансовая аристократія на скамьѣ подсудимыхъ.—Педагогическіе приемы банкира Кроненберга и адвокатская казуистика его защитника.—Стихотворное посланіе г. Спасовичу.—Надождливый льстецъ, получающій достождливое внушеніе.

Наша пресса, газетная и журнальная, не скушится на благонаправленные разсужденія: она любитъ поговорить о многомъ, чуть-ли даже не обо всемъ, что творится въ различныхъ странахъ и закоулкахъ земнаго шара, и ведетъ свою бесѣду „съ чувствомъ, съ разстановкой“, хотя и безъ особаго „толку“... Всякое мало-важное дѣяніе гр. Андраши, всякое мановеніе бровей князя фон-Бисмарка, всякое слово, излетѣвшее изъ устъ Тьера или Гамбетты, ловятся и комментируются русскою прессою съ усердіемъ, нѣсколько обременительнымъ для читателя. Обращаясь отъ фактовъ внѣшней политики къ событіямъ нашей собственной, сѣренькой и будничной жизни, мы и здѣсь увидимъ цѣлую массу дѣлъ, возведенныхъ, справедливо или нѣтъ, на степень общественнаго „вопроса“. Между вопросами женскимъ, школьнымъ, адвокатскимъ, банковымъ, желѣзнодорожнымъ и другими, имѣющими серьезный социаль-

ный интересъ и разработанными съ примѣрной настойчивостью и даже знаніемъ дѣла, мы встрѣчали нерѣдко, на одинаковой съ ними высотѣ, и такіе, напр., „рефераты“, какъ объ улучшеніи типа извозничьихъ пролетокъ въ Петербургѣ или о битвѣ бродячихъ собакъ. Не посчастливилось только, до сихъ поръ, вопросу „литературному“: объ условіяхъ и обстановкѣ умственного труда въ Россіи, объ отношеніяхъ литераторовъ къ издателямъ и редакторамъ, между собою и ко всему остальному обществу. Наскочимъ мы, мимоходомъ, на эту тему, покалякаемъ болѣе или менѣе чувствительно и отходимъ, конечно, съ тѣмъ-же, съ чѣмъ и пришли... Бесплодность всѣхъ этихъ толковъ, всѣхъ либеральныхъ причитаній и жалкихъ словъ была такъ велика, что хроникеръ „Отечественныхъ Записокъ“, приступая въ прошломъ году къ новому изслѣдованію того-же злополучнаго предмета (см. № 7 „Отеч. Зап.“ 1875 г.), счелъ нужнымъ предпослать ему маленькое введеніе такого рода: „Теперь—середина лѣта. Благосклонный читатель или по горло занятъ сельско-хозяйственными заботами, или хочетъ безмятежно наслаждаться на лонѣ матери-природы, хотя-бы то и парголовской. *Его не интересуютъ теперь ни вообще предметы, вызывающіе на размысленіе, ни даже общественные вопросы.* Все это онъ отложилъ до осени... Потому и мы на этотъ разъ *безпокоить его не будемъ, а займемся спеціально интересами русской журналистики.* На дѣла журналистики не мѣшаетъ также, время отъ времени, обращать вниманіе. По нашему мнѣнію, *наша журналистика переживаетъ теперь одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ своемъ развитіи,* и будущее ея будетъ много зависѣть отъ того, насколько она суждетъ приспособить для себя условія настоящаго“. Предисловіе, по-истинѣ, замѣчательное, въ особенности въ устахъ журналиста! Казалось-бы, что положеніе и характеръ литературной професіи, въ какомъ-бы то ни было европейскомъ государствѣ, заслуживаютъ вниманія нашей публики не меньше извознаго промысла и даже банковыхъ „краховъ“, смущающихъ финансовыя грезы биржевыхъ игроковъ; казалось-бы, что интересъ этого предмета только возрастаетъ, переходя на русскую почву, гдѣ условія умственного труда еще не организовались окончательно и могутъ измѣниться въ различномъ смыслѣ, подъ вліяніемъ всесторонняго ихъ обсуждения. Вслѣдствіе этого, можно было-бы думать, что нѣтъ ни малѣйшей надобности забѣгать передъ

читателями съ извиненіемъ въ докуеѣ, яко-бы причиняемой имъ бесѣдою о вещахъ, „невызывающихъ на размышленіе“. Неужели, дѣйствительно, судьба мыслящаго и наиболѣе интеллигентнаго класса въ Россіи, т. е., другими словами, судьба литературы и науки, которыя не съ облаковъ-же вѣдъ спадаютъ къ намъ, но создаются и совершенствуются людьми, посвятившими себя этого рода занятіямъ, — неужели она все еще составляетъ предметъ слишкомъ „спеціальный“ для нашего *средняго* образованнаго человѣка и развѣ на худой конецъ, за недостаткомъ другихъ интереснѣйшихъ сюжетовъ, можетъ привлекать къ себѣ, мимоходомъ, просвѣщенное вниманіе? Мы позволяемъ себѣ думать, что опасенія хроникера преувеличены, и что у значительной, по крайней мѣрѣ, части читателей вопросъ о современномъ положеніи и лучшемъ устройствѣ литературнаго труда не находится въ такой опалѣ, что нужно было-бы избирать для него глухой сезонъ, когда все отдыхаетъ и опочиваетъ. Если домашняя кухня, приготовляющая ежедневный обѣдъ нашъ, вызываетъ нѣкоторое о себѣ попеченіе въ видѣ осмотра провизіи и наблюденій за чистоплотностью кухарки, то какимъ образомъ можно допустить, чтобы наша литературная лабораторія, доставляющая продукты умственнаго питанія, пришла въ такое пренебреженіе у публики, что самое упоминаніе о ней стало, будто бы, позволительнымъ только съ извѣстными предосторожностями и къ тому-же въ глухое время, а отнюдь не въ бойкій зимній сезонъ? Не раздѣляя этихъ опасеній, мы не будемъ и извиняться передъ читателями за нашу рѣшимость поговорить о дѣлѣ, которое, на нашъ взглядъ, не только не можетъ быть названо спеціальнымъ, но имѣетъ, наоборотъ, всѣ свойства важнѣйшаго общественнаго вопроса настоящаго времени.

Помимо вступленія, которое обезсиливало безъ всякой нужды значеніе разбираемой нами статьи, все остальное ея содержаніе, начиная съ любопытныхъ фактическихъ данныхъ и кончая проектомъ преобразованія журнальнаго дѣла на новыхъ принципахъ, заслуживало особеннаго вниманія прессы и могло-бы послужить точкою отправленія для дальнѣйшихъ толковъ и новыхъ предположеній такого-же характера. Но наша журналистика, быть можетъ, слѣдуя безосознательно правилу — не выносить сора изъ избы, припилилась такъ, какъ-будто эти любопытные факты не до нея касаются, и величаво промолчала о томъ, что внутренно, безъ сомнѣнія, поскребло

ее по сердцу. Приемъ весьма употребительный между тѣми подсудимыми, которые, по наслышкѣ о старыхъ законахъ, все еще думаютъ, что ихъ нельзя обвинить безъ собственнаго признанія и „учиняютъ заpirationъ“ даже въ томъ случаѣ, если пойманы съ поличнымъ! Только одинъ „Русскій Вѣстникъ“, зорко слѣдящій за всякими самообличеніями петербургской прессы, своевременно ухватился за статью „Отечественныхъ Записокъ“, какъ за счастливый поводъ лягнуть противниковъ и возвеличить, при сей вѣрной okazji, свою собственную полезную дѣятельность. Понятно, что и данная, сообщенная статью, и выводы ея автора подверглись въ органѣ г. Каткова умышленному перелицеванію, съ единственною цѣлю „покивать на Петра“, и безъ того сконфуженного своей откровенной исповѣдью, пролившей un più di luce на самые сокровенные уголки издательской предпримчивости... Это обстоятельство заставляетъ насъ, по долгу безпристрастія, возстановить, прежде всего, въ надлежащемъ свѣтѣ и фактическую сторону, и теоретическія предположенія автора, искаженные, ради полемики, одною изъ журнальныхъ котерій.

Хроникеръ „Отечественныхъ Записокъ“ признаетъ современное состояніе журналистики ненормальнымъ, болѣзненнымъ, и, не приступая еще къ прописанію рецепта отъ болѣзни, производитъ ей довольно точный и внимательный діагнозисъ для опредѣленія свойствъ болѣзненнаго кризиса и степени злокачественности его симптомовъ. Діагностика составляетъ, какъ извѣстно, и въ медицинѣ самую сильную часть, гораздо сильнѣе той, которая трактуетъ не о „распознаваніи“ только, но объ „излеченіи“ болѣзней; такимъ образомъ, и у г. хроникера діагностическая часть его статьи, трактующая о причинахъ и признакахъ замѣченнаго имъ общественнаго недуга, вышла много тверже и убѣдительнѣе второй ея половины, — собственно рецептурной или врачебной.

Съ 1863 г., т. е. съ поступленія „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ въ завѣдываніе г. Корша, журналистика наша, по мнѣнію хроникера, быстро спускается съ крутизны самыхъ возвышенныхъ идеаловъ на покатую отлогость, гдѣ идеальность ея все болѣе и болѣе улетучивается, суровость принциповъ смягчается, и она „дѣлается удобною даже для обиходнаго, дружескаго употребленія“. Но и на этой отлогости журналистика удерживается недолго и, двигаясь все далѣе и далѣе по предательскому склону,

попадаетъ „прямо въ объятія г. Баймакова“. „Повидимому, говорить хроникеръ, — дальше идти не куда. Банкирская контора — представительница общественныхъ идеаловъ и стоическихъ принциповъ гражданской дѣятельности!! Куда-жь еще идти? Однакожь, оказывается, идти есть куда. По той поватости, на которой поставлена теперь журналистика, банкирская контора — вовсе не такая низменность, какою вы ее себѣ представляете. Недавно намъ попала въ руки издаваемая въ Москвѣ еженедѣльная газета „Русскій Листокъ“; въ заглавіи газеты напечатано: „газета иллюстрированная, торговли, литературы, театральной хроники и современной жизни“. *Издатель-редакторъ газеты, говорятъ, просто закладчикъ.* Если это правда, то видите, какъ все это удобно устроено: вы приходите къ редактору-издателю закладывать вещь, и этотъ несомнѣнно-интеллигентный и полезный общественный дѣятель за маленькую надбавку къ тому проценту, который вы платите за ссуду, даетъ вамъ номеръ своей газеты, гдѣ, съ точки зрѣнія *закладовъ*, преподастъ вамъ урокъ относительно литературы и торговли и настроитъ ваше религиозное чувство. Но и здѣсь еще не конецъ... Изъ словъ корреспондента „Московскихъ Вѣдомостей“ явствуетъ, что предполагается, что *журналистика, въ наше время, можетъ и въ кабакъ попасть.* Возблагодаримъ-же Бога, что она пока остается въ рукахъ банкировъ и даже закладчиковъ, а не перешла еще въ руки кабатчиковъ!“

Картина невеселая, и похоронное движеніе русской прессы отъ квартиры г. Корша, чрезъ банкирскую контору и гласную кассу ссудъ вплоть до кабачной стойки, является весьма и весьма выразительною процесіей. Можно замѣтить только, что отправная точка этого движенія едва-ли вѣрно намѣчена хроникеромъ: вступленіе г. Корша въ „Петерб. Вѣдомости“ было довольно безразлично для русской литературы, такъ-какъ г. Коршъ, бывший арендаторъ „Московскихъ Вѣдомостей“, не могъ повернуть прессы ни вправо, ни влево; „тишь и гладь“ была девизомъ его журнальной музы. Вѣрнѣе было-бы указать ближайшую станцію въ той знаменитой полемикѣ, которая велась нѣкогда „Современникомъ“ противъ „Русскаго Слова“. Эта полемика подорвала разомъ авторитетъ не только главнаго полемизатора, „Посторонняго Сатирика“, не только либеральной, но и всей прессы вообще, раскрывъ съ безпощадною наготою всю нравственную одичалость и мелкую эгоистич-

ность нашихъ журнальныхъ кружковъ. Обаяніе, еще окружавшее собою литературную дѣятельность, улетучилось послѣ этой свалки необыкновенно быстро, и исчезновеніе его нельзя объяснять одною „тупостью“ и „неразвитостью“ среды, окружающей литературу. Будемъ имѣть мужество признаться, что и сама литература тутъ не безъ грѣха. Развѣ не могъ, не имѣлъ права читатель, вида, какія летятъ печатныя „оплеушины“, задаться, примѣрно, слѣдующимъ соображеніемъ: „Эге! такъ вотъ вы какъ вы, наши путеводители въ пустынь, наши проводники въ обѣтованную землю личнаго счастья, гармонически сливающегося съ общимъ благополучіемъ! Да туда-ли, полно, ведете вы насъ? Если ужъ вы въ *публичномъ мѣстѣ*, какое несомнѣнно представляютъ ваши печатныя органы, показываете такіе милые обращенія уваженія къ личности, то воображаю, молю, какой обмѣнъ мыслей происходитъ между вами въ вашей частномъ, интимномъ быту“. Во всякомъ обществѣ пропаганда мыслей, самыхъ возвышенныхъ и честныхъ по своей сущности, должна разсчитывать не на одну лишь теоретическую ихъ справедливость, но также и на достоинство личности, служащей для нихъ выраженіемъ и опорой; это тѣмъ болѣе необходимо въ обществѣ молодежи, разрозненномъ, недовѣрчивомъ, для котораго такъ важна конкретная убѣдительность примѣра. Здѣсь, въ такой средѣ, вдобавокъ весьма склонной къ дешевому пересмѣиванью всякихъ высокихъ порывовъ, воспитанной на алтынѣ и зуботычинахъ,—личность литературнаго дѣятеля, претендующаго на общественное значеніе, должна быть личностью миссіонера, свято соблюдающаго и въ дѣлахъ, и въ словѣ свой кодексъ нравственныхъ и общественныхъ понятій. Журналистика, представляя собой популярнѣйшую форму литературы, должна здѣсь, по справедливому выраженію хроникера, „высоко держать свое знамя“ и ужъ никакъ не унижаться до степени уличной торговки, которую будочникъ унимаетъ отъ сквернословія... Между тѣмъ полемика, о которой говоримъ мы, имѣла весь характеръ такой уличной брани,—и мудро-ли, что враги литературы возликовали по этому поводу, а банбирь, закладчики и кабатчики, потерявъ уваженіе, которое питали они къ литературѣ въ силу предполагаемаго отличія ея нравовъ отъ нравовъ ихъ среды, сунулись къ ней съ выгодными для себя предложеніями?

Г. хроникеръ самъ себѣ противорѣчить, находя въ дѣятельности г. Корша и такія симпатичныя стороны, за которыя его слѣдуетъ помянуть добромъ въ русской литературѣ. „Г. Коршъ, говоритъ онъ далѣе, сравнивая бывшаго редактора „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ съ новѣйшею плеядою журнальныхъ антрепренеровъ, — былъ, что-называется, человѣкъ литературный. Его симпатіи къ литературѣ основывались не на томъ, что это выгодное ремесло, которое можетъ давать хорошій *перекуръ* и извѣстное общественное положеніе, но были внутреннія и прочныя. Оттого среди своихъ литературныхъ сотрудниковъ онъ являлся не въ качествѣ фабриканта или заводчика между рабочими, но у него была съ ними связь внутренняя, основанная на уваженіи къ литературному труду, соединенная съ участіемъ къ судьбамъ этого труда въ нашемъ отечествѣ... Эти отношенія съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе улечиваются и уступаютъ мѣсто отношеніямъ совсѣмъ другого рода. Наше литературное дѣло ставится такимъ образомъ, что *издателемъ-редакторомъ газеты теперь могутъ быть, если захочетъ, и кондитеръ Кочкуровъ, и винооторговецъ Елисеевъ, и концесіонеръ Поляковъ или Губонинъ. Какая можетъ быть внутренняя связь между ними и пишущими у нихъ литераторами? Положительно никакой. Тутъ, кромѣ отношенія лавочнаго, фабричнаго, никакого другого и быть не можетъ. Съ одной стороны хозяинъ, съ другой — молодцы; съ одной — фабрикантъ, заводчикъ или директоръ фабрики и завода, съ другой — рабочіе. Въ такой именно формѣ и начинается уже у насъ слагаться журнальное дѣло“. Какъ видно изъ этихъ словъ, *не* г. Коршъ поставилъ журналистику на ту покатую плоскость, по которой она устремляется все ниже и ниже, рискуя, наконецъ, въ самомъ дѣлѣ попасть въ „бѣлую харчевню“; напротивъ, онъ поддерживалъ еще въ ней литературное достоинство и добрыя, человѣческія отношенія къ своимъ сотрудникамъ. Для упадка прессы были, значитъ, другія причины, на одну изъ которыхъ мы указали выше, не имѣя возможности перечислить ихъ всѣ...*

Всего любопытнѣе въ статьѣ хроникера тѣ поразительные факты, которые приводитъ онъ изъ журнальнаго обихода новой издательской генерачіи. Ихъ стоитъ, право, воспроизвести съ возможно-большой подробностью. Такъ, напр., одинъ изъ этихъ издателей, узнавъ, что г. Коршъ, при окончательномъ расчетѣ съ своими

сотрудниками, выдалъ нѣкоторымъ изъ нихъ по годовому окладу жалованья, прилетѣлъ къ нему немедленно за объясненіями, какъ-будто дѣло шло объ его собственномъ карманѣ, и между этими представителями двухъ слоевъ журналистики произошла такая оживленная сцена: „Что вы съ нами, Валентинъ Федоровичъ, дѣлаете, ахъ, что вы дѣлаете?“ говорилъ онъ г. Коршу съ укоромъ. — „А что-жь я съ вами дѣлаю?“ спрашиваетъ изумленный г. Коршъ, не понимая, въ чемъ дѣло. — „Какъ, что дѣлаете! Вѣдь вы выдали вашимъ сотрудникамъ по годовому окладу содержанія, которое они получали?“ — „Да, выдалъ“, отвѣчаетъ г. Коршъ. — „Развѣ это можно?“ напираетъ на г. Корша издатель. — „Вѣдь теперь они носъ поднимутъ. Они заламятъ съ насъ богъ-знаетъ какую сумму, если-бы мы захотѣли пригласить ихъ участвовать въ нашихъ издавіяхъ!“ Другой случай не менѣе типиченъ. „Приходить къ издателю писатель, не только не изъ рядовыхъ, но даже болѣе или менѣе извѣстныхъ, съ рукописью. Прежде, чѣмъ писатель успѣлъ произнести слово о своемъ дѣтищѣ, издатель ему въ упоръ: „Мы болѣе пяти копеекъ за строчку не платимъ“. Писатель и прежде имѣлъ дѣло со многими издателями, но онъ не слыхивалъ никогда ничего подобнаго. Онъ растерянъ, смущенъ, въ замѣшательствѣ. Однакожь, отвѣчать надо, и онъ кое-какъ собирается съ духомъ, бормочетъ вполголоса: „Я не знаю... но мнѣ кажется... я такъ много работалъ...“ — „Какая, однакожь, ваша послѣдняя цѣна?“ спрашиваетъ издатель съ спокойствіемъ, которому позавидоваль-бы самъ Собакевичъ, съ такою непринужденностію трактовавшій съ Павломъ Ивановичемъ Чичиковымъ о продажѣ мертвыхъ душъ. Писатель снова ошеломленъ, снова пауза. Писатель снова собирается съ силами и кое-какъ доводитъ до свѣденія издателя, что въ такихъ-то изданіяхъ его трудъ цѣнился такъ-то. „Мы столько платить не можемъ“, обрываетъ иѣднымъ голосомъ издатель, даже не взглянувши на рукопись“. Въ этому случаю хроникеръ прибавляетъ отъ себя вполне умѣстное и справедливое замѣчаніе: „...Самая манера заявлять всякому, что напиши ты что хочешь, будь хоть самъ Гоголь, но больше пятака за строчку отъ меня не получишь, отзывается такимъ отвратительнымъ сквалыжничествомъ и такимъ откровеннымъ пренебреженіемъ къ литературному труду, къ мысли, къ идеѣ, ко всему, кромѣ перекура, что она не можетъ не возмущать писателя.

Прежніе издатели были чутки на эти вещи. Чтò-бы ихъ ни двигало внутри, но они на первый планъ ставили всегда мысль, идею, достоинство труда... Какъ хотите, а при отсутствіи истиннаго уваженія къ мысли, идеѣ, чувству, чести и т. п., и внѣшній декорумъ имѣеть свою цѣну и, во всякомъ случаѣ, лучше наглаго цинизма. Даже публично-продажная красота и та оскорбится, какъ скоро вы, безъ дальнѣйшихъ околичностей, начнете съ ней рѣчь прямо съ пятаковъ“.

Но наиболѣе характерный случай изъ отношеній „новыхъ издателей“ къ сотрудникамъ слѣдуетъ ниже, и мы расскажемъ его опять-таки словами самого хроникера:

„Антрепренеръ-издатель, назовемъ его хоть А., пригласилъ завѣдывать всѣмъ внутреннимъ отдѣломъ *съ своей газетъ* (sic!) г. В., литератора далеко не безызвѣстнаго и талантливаго. В. былъ на-столько добросовѣстенъ, что для того, чтобы лучше справляться съ дѣломъ, за которое онъ взялся, нанялъ себѣ на свой счетъ помощника. Порученный отдѣлъ совокупными усиліями В. и его помощника былъ, дѣйствительно, поставленъ и велся хорошо, *такъ-что имъ вполне былъ доволенъ и не могъ назваться и самъ издатель А.* Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ В. открылась надобность уѣхать на нѣкоторое время въ провинцію. Издатель согласился на это, но просилъ его оставить вмѣсто себя, на время отъѣзда, еще кого-нибудь, кромѣ помощника; при этомъ издатель слезно умолялъ отъѣзжающаго В. не заживаться долго въ провинціи, возвратиться какъ можно скорѣе къ газетѣ, которая безъ него остается, дескать, въ сиротствѣ. В., уступая слезнымъ мольбамъ издателя, опредѣлилъ срокъ своего возвращенія, поставилъ временно, вмѣсто себя, у газеты своего пріятеля Д., человѣка также очень способнаго. Всѣмъ этимъ былъ совершенно удовлетворенъ издатель; и, дѣйствительно, Д. вель порученный ему отдѣлъ такъ-же хорошо, какъ и самъ В. Мало того: ретиво взявшись за дѣло, Д. думалъ-было сдѣлать сюрпризъ своему пріятелю В. и за время его отсутствія поставить внутренній отдѣлъ газеты самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Онъ сообщилъ о своихъ предположеніяхъ издателю и нашелъ въ немъ полное сочувствіе. „Вы, говорилъ издатель,—пожалуйста займитесь этимъ и организуйте мнѣ, какъ можно лучше, репортерскую часть. Я не пожалѣю на это лишнихъ 500 р. въ мѣсяць“. Чтобы угодить

издателю, Д. просидѣлъ разъ цѣлую ночь за проектомъ преобразованія внутренняго отдѣла. На другой день съ торжествомъ бѣжить въ редакцію, чтобы показать проектъ издателю. Но здѣсь его холодно встрѣчаетъ конторщикъ и отъ имени издателя объявляетъ ему, чтобы онъ болѣе не беспокоился приходить въ редакцію, что внутренній отдѣлъ газеты порученъ уже новому лицу Е. „Да какъ-же! возражаетъ ошеломленный Д.—Вѣдь этотъ отдѣлъ принадлежитъ В., я только временно...“ — „Все равно, и г. В. также уволенъ“, отвѣчаетъ конторщикъ. Выслушавъ все это, г. Д., какъ обданный ушатомъ холодной воды, возвращается съ своимъ проектомъ преобразованія внутренняго отдѣла домой. Черезъ полчаса прибѣгаетъ въ редакцію его помощникъ, но и его конторщикъ выпроваживаетъ такъ-же сурово, какъ и его временного командира“.

„Черезъ нѣсколько дней послѣ происшествія, заканчиваетъ г. хроникеръ свою поучительную эпопею, — я встрѣчаюсь съ изгнаннымъ Д. и его помощникомъ. Оба они люди молодые и помираютъ со смѣху (?), рассказывая о претерпѣнномъ афронть.— „Выгналъ такъ, какъ нынѣ не выгоняютъ горничныхъ и вухарокъ. Даже физиономіи своей не показалъ, а черезъ конторщика... должно быть, совѣстно было“. — „Чортъ его поberi съ его газетой, началъ Д.,—только въ убытокъ ввелъ... Такой лисой ко мнѣ подлащивается: вы, говоритъ, ужъ пожалуйста похлопочите объ устройствѣ внутренняго отдѣла, а я, говоритъ, денегъ не пожалѣю. А я сдуру и принялся: ночи просиживаю, бѣгаю вездѣ, даже фракную пару заказалъ для успѣха дѣла“. — „Тебѣ что! началъ помощникъ:—у тебя, все-таки, кромѣ газетъ есть кой-какія средства. А вотъ я какъ попался! Приглашали на кондицію на лѣто—отказался; думаю, останусь на лѣто въ Петербургѣ и займусь диссертацией. Нарочно поближе къ публичной бібліотекѣ поселился, подороже заплатилъ за квартиру, анъ вдругъ трахъ! теперь не знаю, что и дѣлать. Деньги поиздѣржалъ въ счетъ будущихъ благъ; теперь ни здѣсь жить нечѣмъ, ни выѣхать не на что“. — „Да что, спросилъ я,—увѣдомлень-ли, по крайней мѣрѣ, В. о своей отставкѣ? Вѣдь онъ въ провинціи, въ надеждѣ на то, что у него есть прочное мѣсто, можетъ, Богъ знаетъ, что надѣлать!“ Молодые люди засмѣялись (пресмѣшливые, однако, молодые люди!). „И не говорите! началъ Д.,—его издатель, должно быть, окон-

чательно уходилъ. Обласканный издателемъ и обнадеженный его слезными мольбами о скорѣйшемъ возвращеніи, В. при отъѣздѣ изъ Петербурга мечталъ купить на родинѣ маленькій домикъ, который-бы служилъ ему съ женой вмѣсто дачи, въ надеждѣ, что при постоянномъ мѣстѣ при газетѣ онъ заплатитъ долгъ втеченіи года. Можетъ быть, онъ теперь его уже и купилъ“. — Что-же вы молчите? сказалъ я молодымъ людямъ. — Вы-бы напечатали всю эту исторію. Это было-бы, по крайней мѣрѣ, предостереженіемъ для другихъ“. — „Да оно, конечно, слѣдовало-бы, отвѣчалъ Д., — да чортъ съ нимъ, не хочется возиться“.

Эта исторія замѣчательна уже не только въ вулацкомъ смыслѣ твердо-отчеканенною и блестящею ролью „новѣйшаго журналиста“, но, въ равной мѣрѣ, и тѣмъ невозмутимо-пассивнымъ взглядомъ, съ какимъ иные „молодые люди“ литературнаго кружка взираютъ на угнетеніе себя и своихъ друзей. Трехъ писателей, трехъ *постоянныхъ* сотрудниковъ газеты, — или, какъ принято говорить нынче, „членовъ редакціи“, — промышленникъ-издатель, непонимающій ни уха, ни рыла въ литературѣ, выбрасываетъ, такъ-сказать, на тротуаръ безъ всякаго даже видимаго повода, а молодые люди, подвергнутые такой операциі, ни мало не огорчаются ею, ни мало не протестуютъ противъ нея, и, видя въ издательскомъ самодурствѣ нѣчто въ родѣ „руки судьбы“, фатально подчиняются ему съ добродушнымъ смѣхомъ извѣстнаго весельчака въ пѣснѣ Беранже:

„Да ну ихъ!“ говорить.

„Да ну ихъ! вотъ потѣха,

Ей-ей умру,

Ей-ей умру,

Ей-ей умру отъ смѣха!“

Но, времѣ этого фатальнаго равнодушія къ улучшенію собственной своей участи, въ нравахъ современныхъ журнальныхъ сотрудниковъ есть и другая черта, ведущая свою генеалогію отъ пресловутой войны „Современника“ съ „Русскимъ Словомъ“. И на эту черту хроникеръ „Отеч. Записокъ“ указываетъ и указываетъ не безъ нѣкотораго цинизма: „Существуетъ, говоритъ онъ, — примѣрно 7 — 8 редакцій разныхъ газетъ и журналовъ. Что-же вы (т. е. журнальные сотрудники) дѣлаете? Вы забираетесь въ каждую изъ такихъ редакцій группами по 8, 10 и болѣе чело-

вѣкъ, превращаете ее обыкновенно въ замкнутую конуру, враждебную всѣмъ другимъ конурамъ, и сидите въ ней и лаете на вашихъ собратьевъ, которыхъ случай пожѣстилъ въ другихъ конурахъ, а тѣ, въ свою очередь, отъ васъ отлаиваются. *Подумали вы когда-нибудь: за что вы лаетесь?* Вѣдь обыкновенно дѣло стоитъ такимъ образомъ, что половина и даже ббльшая часть тѣхъ, которые сидятъ въ другихъ конурахъ, обо всѣхъ другихъ предметахъ міра видимаго и невидимаго думаютъ точь-въ-точь такъ-же, какъ и вы, а если они попали въ конуру № 4, 5 и т. д., а вы помѣщаетесь въ конурѣ № 2, 3 и т. д., то это совершилось или по недостатку мѣста въ вашихъ конурахъ, или просто случайно. Правда, есть конуры, крайне неопытныя, которыя то-и-дѣло издаютъ неприятный, одуряющій запахъ. Но и въ такомъ случаѣ, чѣмъ-же виноваты сидящіе въ этой конурѣ ваши товарищи, которые чувствуютъ еще большее отвращеніе къ этому запаху, чѣмъ вы? „Почему-же они не уйдутъ оттуда?“ говорите вы. А куда-же они могутъ уйти? позвольте васъ спросить“ и т. д., и т. д. Это уже такого рода самооправданіе, которое бьетъ хуже всякой оплеушины. Оно снимаетъ съ литературы даже чисто-внѣшнюю ея порядочность. *Случайно* попадаетъ писатель въ конуру № 1 или 7, *случайно* онъ въ ней остается, пока не представится новаго *случайнаго* мѣстечка въ № 6, и т. д.; такъ что между конурами перестаютъ существовать даже наружныя, декоративныя перегородки. Но почему-же, послѣ этого не оправдать тою-же *случайностию* и банкира, затесавшагося, вмѣсто мѣняльной лавочки, въ журналистику, и заводчика, отливавшаго чугуныя рѣшетки и усѣвшшагося на мѣстѣ редактора? Да и чего оправдать нельзя съ этой фатально-рыночной точки зрѣнія? Далѣе, ставъ на ту точку зрѣнія, что издатель, даже и съ своей „концесіей на изданіе“, при отсутствіи правильной и широкой конкуренціи въ журнальномъ дѣлѣ, все-таки нуждается въ литературныхъ силахъ, дающихъ цвѣтъ и направленіе его изданію, — хроникеръ, заручившись нѣсколькими подходящими примѣрами, приходитъ къ радужной мысли, что эти рабочія силы могутъ „давать жизнь и смерть каждой газетѣ“, и что какихъ-нибудь десять-пятнадцать ^{такихъ} силъ, сглотившихъ въ тѣсный союзъ, могли-бы дать надлежащую постановку всему журнальному дѣлу и избавить себя и другихъ отъ узурпаціи и самовластия

новѣйшихъ антрепренеровъ. „Чтобы уничтожить это зло въ корнѣ, мечтаетъ хроникеръ, — выдающіяся литературныя силы въ журналистикѣ должны соединиться въ одну тѣсную ассоціацію или артель и принять на себя обязанность: 1) регулировать, до известной степени, матеріальныя отношенія между рабочими силами въ журналистикѣ и издателями; 2) регулировать моральную сторону журнальнаго дѣла; наконецъ, 3) для защиты слабыхъ позаботиться вообще о томъ, чтобы привести въ ясность отношенія между сотрудниками и издателями, замѣнивъ по-возможности нынѣшнюю патріархальную постановку журнальнаго дѣла—юридическою“. Для выполнения первой изъ этихъ обязанностей, артель должна строго блюсти за тѣмъ, чтобы барыши попадали въ карманъ издателя не иначе, какъ „по самому точному исчисленію“, т. е. считая % на капиталъ, % прибыли, опредѣленной артельнымъ уставомъ, и % погашенія; все-же остальное, превышающее эту мѣру, должно раздѣляться, по крайней мѣрѣ, поровну между издателями и его сотрудниками. При этомъ не слѣдуетъ, однако, по мнѣнію автора проекта, „стѣснять издателя *въ томъ или другомъ способѣ распределенія* достигающихся на долю сотрудниковъ прибылей, которое, смотря по обстоятельствамъ, въ видахъ улучшенія изданія, можетъ принимать разныя формы: издатель можетъ увеличивать цѣну полстной платы, можетъ увеличивать жалованье своимъ постояннымъ сотрудникамъ, можетъ отдавать просто на руки причитающіяся имъ прибыли для раздѣла по ихъ собственному усмотрѣнію; но можно и должно требовать, чтобы издатель не получалъ болѣе того, что ему слѣдуетъ получить по установленной нормѣ, и чтобы его счета по изданію были открыты для участвующихъ въ прибыляхъ сотрудниковъ“. Регулированіе моральной стороны дѣла должно состоять въ томъ, чтобы артель устранила ходячіе недаромъ слухи о *подкупности* нѣкоторыхъ нашихъ газетъ, защищающихъ, за известное приличное вознагражденіе, прибыльные для комерсантовъ вопросы (въ процессѣ Овсянникова обнаружилось, напр., что существуютъ особаго рода факторы, пристраивающіе, за деньги, подтасованныя статьи въ газетахъ); кромѣ того, артель могла-бы прекратить ту, по выраженію хроникера, „нечестную игру въ либерализмъ“, вслѣдствіе которой всѣ наши газеты восприняли на себя либеральное и даже радикальное обличіе съ тѣмъ, чтобы этимъ путемъ проводить въ пу-

блику отнюдь не либеральныя мысли и воззрѣнія, а иногда и чисто-личныя, неблаговидныя тенденціи. Наконецъ, третья и послѣдняя обязанность проектируемой артели заключается въ томъ, чтобы внести юридическій элементъ въ нынѣ существующія патріархальныя отношенія между издателемъ и сотрудниками и оградить послѣднихъ контрактами или письменными условіями отъ „безобразнаго вышвыриванія на улицу“.

Мы не меньше хроникера „Отечественныхъ Записокъ“ сознаемъ неудовлетворительное положеніе литературнаго труда въ Россіи, не менѣе горячо сочувствуемъ попыткамъ лучшей его организаціи и болѣемъ душою, видя, какъ добрыя усилія единичныхъ лицъ разбиваются объ инерцію, безпечность или мелкое своекорыстіе большинства рабочихъ силъ, которыя такъ свыклись съ ярмомъ, наложеннымъ на нихъ прихотью полуграмотныхъ кулаковъ, неимѣющихъ ни малѣйшаго нравственнаго права хозяйничать въ области мысли. Наше сочувствіе тѣмъ искреннѣе и безкорыстнѣе, что мы лично, въ продолженіи всей нашей многолѣтней литературной дѣятельности, никогда не прикасались къ плодамъ журнальнаго „перекура“ въ той или другой формѣ, хотя-бы имѣли на то право, одинаковое съ нашими сотоварищами по работѣ. Но, оставаясь про себя на идеальной точкѣ шестидесятыхъ годовъ, — дающей, впрочемъ, свои преимущества въ сохраненіи полной нравственной независимости, — мы совершенно понимаемъ *in potentia* другой, наилучшій порядокъ, при которомъ всѣ выгоды, какъ нравственныя, такъ и матеріальныя, соединенныя съ извѣстной профессіей, распредѣлялись-бы на долю каждаго участника *selon sa capacité et son travail*. Бѣда только въ томъ: возможны-ли, осуществимъ-ли въ *нашей* литературной сферѣ, — при современныхъ ея *нравахъ* и *условіяхъ* умственнаго труда, — тотъ далеко еще не совершенный порядокъ, который хочетъ декретировать намъ добродѣтельный авторъ проекта? Мы думаемъ, что оный положительно неосуществимъ, и, чтобы доказать это, остановимся на каждомъ соображеніи автора, не упустивъ изъ виду представленныхъ имъ-же фактовъ изъ литературнаго быта. Начать съ того, что авторъ слишкомъ мало оцѣнилъ „права и преимущества“ издателя, какъ хозяина извѣстнаго литературно-торговаго предпріятія, и слишкомъ высоко поставилъ значеніе литературной лиги, которая пожелала-бы ограничить эти издательскія права. Журналь,

съ экономической стороны, это—рынокъ, гдѣ писатель сбываетъ, за условную плату, плоды своего изученія и творчества; чѣмъ больше такихъ рынковъ, тѣмъ сильнѣе запросъ на литературный трудъ и тѣмъ выше его денежная цѣна. Зная, что его работа не пропадетъ даромъ, и имѣя широкую возможность въ выборѣ мѣста для нея, писатель съ апломбомъ отстаиваетъ свои интересы, какъ нравственные, такъ и матеріальные, не позволяеть сбывать съ себя цѣну, не подчиняется узкимъ редакціоннымъ требованіямъ, мотивированнымъ одною блажью издателя, и вообще можетъ, такъ-сказать, потягаться съ нимъ. Но положеніе писателя совершенно мѣняется, когда число журналовъ не велико, когда при каждомъ изъ этихъ журналовъ есть свои штатные и сверхштатные сотрудники, и борьба за существованіе принимаетъ самый острый характеръ:—тутъ, хочешь-нехочешь, а смиришь гордыню своихъ требованій и пойдешь на такія сдѣлки, какія отвергнулъ бы съ негодованіемъ, стоя самъ на болѣе твердой позиціи. Литературная лига или, по-просту говоря, стачка писателей, тутъ несколько не поможетъ, и ея участники, пожалуй, насидятся еще безъ хлѣба, такъ-какъ у нихъ нѣтъ для борьбы запасного капитала, на который опираются, напр., въ своихъ стачкахъ рабочіе европейскихъ ассоціацій. Разсчитывать-же на то, что нашъ публика пойдетъ за излюбленнымъ писателемъ, покинувъ журналъ, въ которомъ онъ пересталъ участвовать, — это такая наивность, что ее въ пору сказать только очень юному, начинающему работнику прессы. Спросите у г. Полетики (или Неудетики, по орфографіи „Сына Отечества“): много-ли *пришло* подписчиковъ, вслѣдъ за г. Сувориннымъ, въ „Виржевыя Вѣдомости“? Да узнайте ужъ встать у г. Краевского (или Краежскаго, по выговору Панаева): много-ли *ушло* отъ него подписчиковъ за отъѣздомъ г. Панютина въ Парижъ, въ *Maison de santé*? А между тѣмъ оба эти фельетониста—хороши они или плохи—имѣли своихъ поклонниковъ, свой кругъ читателей, и можно было думать, что съ ихъ именованъ связанъ, хотя отчасти, матеріальный успѣхъ газеты. Оказалось, однакожъ, что ни чуть не связанъ, и если есть у насъ сотрудники, отъ которыхъ зависитъ такой успѣхъ изданія, то это—два-три „знаменитыхъ“ беллетриста, за именами которыхъ дѣйствительно течетъ въ кассу журнала довольно широкая струя презрѣннаго металла. Можетъ быть, въ этой группѣ слѣдуетъ при-

числить двухъ-трехъ ученыхъ да столькихъ-же публицистовъ; но „десять-пятнадцать“ такихъ рабочихъ силъ, способныхъ будто-бы диктовать законы издателямъ, витаютъ только въ воображеніи почтеннаго хроникера. Къ тому-же беллетристы, ученые и публицисты, создающіе своими трудами репутацію и приманку изданія, не обижены судьбою даже и въ современной журналистикѣ; не они испытываютъ горечь литературнаго существованія, и имъ нечего заботиться объ улучшеніи своего положенія. Если-же они и составляютъ лигу противъ издателя, то развѣ лишь *исключительно въ свою пользу*, забывая аристократически о другихъ сотрудникахъ, живущихъ впроголодь, на тощемъ пайкѣ литературной безызвѣстности. Такую лигу составляли противъ Некрасова гг. Антоновичъ и Жуковскій, несмотря на то, что, по собственному сознанію перваго изъ протестантовъ, онъ получалъ отъ издателя *вполнѣ достаточную* заработную плату „съ точки зрѣнія обыкновенныхъ, общепринятыхъ условій литературно-экономическаго производства“ (см. „Литературное объясненіе“ г. Антоновича, стр. 35.) Но „общепринятія условія“ не удовлетворяли нашихъ протестантовъ, и они задумали измѣнить ихъ съ выгодой... единственно для себя самихъ, обозвавъ „шушерою“ и „шелухою“ всѣхъ остальныхъ своихъ товарищей по журналу и заломивъ за свой трудъ такую небывалую цѣну, что передъ нею отпрянулъ, въ невольномъ испугѣ, даже и богатый издатель. Впрочемъ, правдивый рокъ покаралъ достойнымъ образомъ гг. Антоновича и Жуковскаго за ихъ олигархическую фронду: едва успѣли они занести ножъ на курицу, несущую золотыя яйца, какъ лишились мгновенно и курицы, и яицъ. Теперь, на досугѣ и въ уединеніи, они, вѣроятно, сами пришли къ убѣжденію, до какой степени искусственно раздута была ихъ журнальная репутація и какъ мало знала ихъ та публика, во имя которой они предъявляли свои смѣлыя требованія. Лица-же, которыя благополучно заняли въ „Отечеств. Запискахъ“ то самое привилегированное положеніе, о которомъ мечтали гг. Антоновичъ и Жуковскій, должны принять этотъ урокъ не только къ свѣденію, но и къ руководству...

Итакъ, журнальнымъ еорифеямъ, получающимъ „вполнѣ достаточную заработную плату“, нѣтъ никакого резона затѣвать систематическую оппозицію, которая вдобавокъ можетъ привести ихъ къ очень тяжелому разочарованію, въ родѣ того, что издатель

отъ нихъ отречется, а проектируемая артель не признаетъ ихъ права на львиную долю въ барышахъ. А что эта львиная доля соблазняетъ нашихъ корифеевъ и въ грядущей артели, — это видно изъ самаго проекта „Отечествен. Записокъ“, такъ-какъ въ немъ положено „не *стѣснять* издателя въ *распределеніи* достающихся на долю сотрудниковъ прибылей“. Значить, забѣжавшему къ нему Трифону издатель можетъ „опредѣлить“ пачку радужныхъ асигнацій, а скромному Сидору, неумѣющему ни забѣжать во-время, ни показать товара лицомъ, можетъ вручить „достающиеся на его долю“... два двугривенныхъ. Авторъ проекта настаиваетъ только на томъ, чтобы самъ издатель не получалъ слишкомъ много, но награждать „корифеевъ“ онъ можетъ сколько угодно, на счетъ другихъ сотрудниковъ. И выйдетъ навѣрное, что скромные Сидоры, обдѣленные въ пользу Трифоновъ, почувствуютъ себя и въ новой артели въ томъ-же кабальномъ состояніи, въ какомъ находились они при старыхъ патріархальныхъ порядкахъ. Но едва-ли такая артель, носящая въ себѣ самой элементы неравенства и раздора, можетъ основаться на юридическихъ началахъ; едва-ли она даже просуществуетъ долго, ибо извѣстно, что

Въ одну телѣгу впрячь не можно
Коня и трепетную лань!

За отчисленіемъ корифеевъ, которымъ лучше не будировать противъ издателей, а тайкомъ пользоваться плодами перекура, остаются журнальныя „полезности“ и рядовые дѣятели, на которыхъ собственно и лежитъ вся тяжесть черной работы. Не на нихъ-ли можетъ рассчитывать грядущая артель? не они-ли составляютъ самый удобный для нея контингентъ? Имъ нечего надуться другъ передъ другомъ своимъ дѣйствительнымъ или мнимымъ величіемъ; они скорѣе помирятся на томъ равенствѣ правъ, безъ котораго невозможна дружная артельная работа. Въ принципѣ это вѣрно; но кто подпишется на журналъ, руководимый полезностями и рядовыми дѣятелями? Честные и ревностно-трудолюбивые бѣдняки рискуютъ не только остаться безъ прибылей, но заплатить еще своими послѣдними крохами, сбереженными на черный день. Въ томъ-то и состоитъ трудность рѣшенія литературнаго вопроса, что въ него вплетается многое множество нитей, и этотъ слутанный клубокъ невозможно рубить сплеча, какъ гордіевъ узелъ.

Здѣсь, съ одной стороны, предъявляются вамъ вѣковѣчныя права капитала, который соразмѣряетъ съ рискомъ величину процента и не пойдетъ въ рискованное дѣло, не выговоривъ себѣ большой прибыли; съ другой — капризна, измѣчивая требованія публики, предпочитающей весьма часто эффектную чепуху солидному и дѣльному труду; съ третьей — полнѣйшая несоизмѣримость между алтынномъ и внутреннимъ достоинствомъ литературнаго произведенія; съ четвертой, наконецъ, — нравы литературной среды и степень солидарности между тружениками мысли.

Послѣднее условіе, какъ имѣющее чисто-мѣстный характеръ, въ особенности важно для насъ, и мы вполне согласны съ хроникеромъ „Отеч. Записокъ“, что русскіе журналисты сами, безъ нужды, увеличиваютъ тягость своего незавиднаго положенія. „Взаимный безпричинный лай“ этихъ злосчастныхъ, закабаленныхъ въ различныхъ конурахъ, дѣйствительно, только усиливаетъ власть журнальныхъ предпринимателей, которые умѣютъ пользоваться своею властью для достиженія однѣхъ личныхъ, неблагоприятныхъ цѣлей. Но эту черту нравовъ нельзя устранить скоро, и раззадорившихся бойцовъ не проймешь никакимъ „душеспасительнымъ словомъ“. На вашъ призывъ къ миру и согласію они отвѣтятъ новою бранью, такъ-какъ въ моментъ полемиической схватки имъ кажется, что они творятъ чуть-ли не святое дѣло, величая другъ друга Фединьками, Петиньками, лукошками, Держимордами, камчадалами и пр., и пр. Есть даже такіе специалисты въ изобрѣтеніи ругательныхъ тропъ и фигуръ, въ родѣ, напр., г. Минаева и ему подобныхъ „колониально-камельино-панталонныхъ саптириковъ“ (по выраженію г. Щедрина), что они могли-бы заняться составленіемъ лексикона бранныхъ кличекъ, пущенныхъ ими въ ходъ, и этотъ лексиконъ былъ-бы, пожалуй, пообъемистѣе „Тридцати тысячъ иностранныхъ словъ“ г. Углова. Въ этой почтенной практикѣ подвизается нынѣ не одна лишь мелкая пресса, но слѣдомъ за нею пошли и наши большія газетныя Федоры. Такъ, напр., въ концѣ прошлаго года г. Заурядный Читатель открылъ въ „Виржевыхъ Вѣдомостяхъ“ (№ 328) цѣлую клоаку грязи съ специальнымъ намѣреніемъ — выпачкать въ ней всю редакцію нашего журнала. Удалось-ли это намѣреніе туповатому прислужнику г. Полетивы и не выпачкалъ-ли онъ этою грязью только себя и своего патрона — это другой вопросъ, на который мы отвѣтили тѣмъ, что

пропустили, въ свое время, безъ вниманія дикую выходку, нисколько неоскорбившую насъ лично. Но теперь, поднимая общій вопросъ о благосостояннн нашей журнальной атмосферы, мы должны припомнить и эту статейку, какъ-бы ничтожна ни была она сама по себѣ.

Для своихъ нечистоплотныхъ поползновеній, Заурядный Читатель придрался къ извѣстному процессу г. Вейнберга съ г. Благосвѣтловымъ. Но какъ-бы кто ни смотрѣлъ на взаимное личное столкновеніе, обнаружившееся въ этомъ процессѣ, несомнѣнно то, что г. Вейнбергъ былъ для редакціи „Дѣла“ *совершенно посторонній* человѣкъ, что онъ навязался самъ съ своими услугами (притомъ-же не обычнымъ путемъ, а, такъ-сказать, черезъ заднее крыльцо) и, навязавшись такимъ образомъ, сталъ *требовать* гонорара за ненапечатанную и ненабранную даже статью, — требовать „съ пристрастіемъ и угрозами“. Не имѣя ни нравственнаго, ни юридическаго права на полученіе гонорара, — тѣмъ болѣе, что статья его, уже набранная послѣ требованія, была запрещена цензурой, — г. Вейнбергъ гонораръ свой *все-таки получилъ*, что едва-ли удалось-бы ему сдѣлать въ какой-бы то ни было другой редакціи, хотя-бы, напр., у гг. Баймакова, Худекова и Поветики. Мы не говоримъ уже о злосчастныхъ изданіяхъ самого г. Вейнберга, который не имѣлъ обычая разсчитываться акуратно ни съ сотрудниками, ни даже съ подписчиками. Всѣмъ литературнымъ людямъ очень хорошо извѣстно, что ни одна редакція *не* принимаетъ на себя обязанности платить за статьи, ненапечатанныя или выброшенныя цензурою, и если изъ этого правила бывали когда-нибудь исключенія, то они дѣлались въ пользу *постоянныхъ* сотрудниковъ журнала и дѣлались въ видѣ любезности, а не послѣ угрозъ, предъявленныхъ, отъ имени авторовъ, отставными драбантами. Вотъ сущность дѣла, раздутаго нашими газетами до степени чуть-чуть не европейскаго вопроса. Стоитъ-ли прибавлять, что всѣ эти газеты прекрасно понимали двоедушіе своей полемики: вѣдь не могли-же онѣ не знать, что въ ихъ собственныхъ конторахъ полки ломаются отъ ненапечатанныхъ статей и что если признать за авторами этихъ статей право осаждать редакціи военнымъ постоемъ отставныхъ драбантовъ, которые командируются или принести гонораръ, или почевать въ прихожей у редактора, — то подобная экзекуція пріостановила-бы разомъ изданіе всѣхъ петербургскихъ газетъ и журна-

ловъ... Просимъ читателя не забывать, что въ этихъ самыхъ редакціяхъ происходитъ вышвыриваніе на улицу постоянныхъ сотрудниковъ, безъ всякаго повода, даже съ обманомъ и ехиднымъ увѣреніемъ, что ихъ содѣйствіе полезно для газеты. Почему-же Заурядный Читатель не возмущался, когда эти „веселенькіе пейзажики“ устраивались у него подъ самымъ носомъ? И куда спряталось на ту пору его гражданское негодованіе?

Придравшись къ процессу г. Вейнберга, сподвижникъ г. Полетики не знаетъ, какъ и броситься на нашъ журналъ. Началь онъ съ того, что сравнилъ „Дѣло“ съ гласною кассою ссудъ; но, замѣтивъ, что онъ „все еще возвысилъ положеніе“ нашего журнала, остановился на счастливой мысли уподобить его старому, развалившемуся дому, который плохо охраняется „дикимъ домохозяиномъ, съ палкой въ рукахъ“, и куда забираются „буйные ночлежники“, оставляющіе по себѣ, въ видѣ памяти, „кучу мусора“...

Ночлежный домъ, хозяинъ, палка,

Остатки брошенной ѣды,

Посуда битая и свалка

Среди всеобщей меледы; —

Какъ намъ читателя ни жалко,

Но пусть вкушаетъ онъ плоды

Фантазіи не въ мѣру грязной.

Не въ мѣру пошлой, безобразной

Писаки биржевой среды!..

Но и этой дряни показалось еще мало Заурядному Читателю: онъ вздумалъ перебирать по именамъ всѣхъ сотрудниковъ нашего журнала, всѣхъ „ночлежниковъ“, посѣщавшихъ этотъ страннопріимный домъ (забылъ только г. Елисѣева и себя, являвшагося въ тотъ же домъ), и принялся стыдить ихъ тѣмъ, что имъ, дескать, нужно „подобное нечистое мѣсто, въ которомъ можно было-бы расположиться какъ дома, истопить печку стульями и повѣсить въ залѣ сушиться онучи“ и пр., и пр. Все безобразіе этой выходки будетъ понятно, если мы скажемъ, что Заурядный Читатель въ числѣ лицъ, упомянутыхъ или забытыхъ имъ въ своей скалзубовской „смѣтѣ“, знаетъ и такихъ, съ которыми онъ не день, не два, а цѣлые годы работалъ въ редакціяхъ выдающихся органовъ русской прессы, стало быть, чувствовалъ себя солидарнымъ съ ними, по крайней мѣрѣ, по главнымъ вопросамъ.

своего общественнаго и нравственнаго міровоззрѣнія... буде такое имѣется у него. Какъ не воскликнуть вмѣстѣ съ нимъ, что „смѣшно приступать къ русской журналистикѣ съ вопросомъ о *солидарности сотрудниковъ* и плакаться объ отсутствіи этой солидарности“? Да, дѣйствительно смѣшно; но вѣдь вы смѣтаетесь, милый человѣкъ, надъ самимъ собою. И какое-же право имѣете вы, послѣ этого, *плакаться* на г. Темьина, который нарядилъ васъ въ дурацкій колпакъ въ томъ самомъ журналѣ, гдѣ отводится, по временамъ, мѣстечко и для вашего критическаго сомнамбулизма?! Вы сами добродушно сознаетесь, что дали къ тому поводъ, а вѣдь другихъ-то вы обругали безъ всякаго повода: такъ, моль, рука разошлась. Ну, а у „всадника безъ головы“, конечно, своя рука—владыка!

Мы, кажется, не ошибемся, если объяснимъ всю эту мелкую, дрянную, эгоистическую вражду тою заменутою жизнью, которую ведутъ обыкновенно наши журналисты, и тою отчужденностью отъ общества, которая роковымъ образомъ поддерживаетъ и питаетъ въ ихъ кружкахъ пустыня, личныя дразги. Въ огромной столицѣ они ухитрились создать для себя какою-то *литературную провинцію* со всѣми неудобствами провинціальной жизни, со всѣми ея пересудами и сплетнями. Діаметръ этой жизни такъ не широкъ, что простирается только отъ квартиры „сочинителя“ до редакціи того журнала, гдѣ онъ работаетъ. Все лежащее внѣ этой черты не существуетъ для сочинителя, и свѣденія или, лучше сказать, слухи, долетающіе до него изъ „земли филистимлянъ“, изъ „иныхъ сферъ“, куда ему воспрещено заглядывать подъ страхомъ эпитеміи, — отличаются всею невѣрностью слуховъ, переходящихъ изъ устъ въ уста. Наши литературныя *кружки* ни мало не похожи на *parties* въ европейскомъ смыслѣ, и имъ такъ-же далеко до этого, какъ далеко... русской сивухѣ до лафита. Различіе партій коренится въ различіи живыхъ интересовъ того или другаго общественнаго слоя; вожаки этихъ партій въ литературѣ и на трибунѣ связаны непрерывнымъ токомъ вліяній съ тою средою, которая вдохновляетъ ихъ къ дѣятельности; понятно, что партіи идутъ въ Европѣ за своими вождями, какъ идутъ арміи въ походѣ за своими предводителями. Что можетъ быть сходнаго между этими партіями и нашими литературными кружками, которые ни съ какимъ общественнымъ слоемъ не связаны, отрицаютъ даже въ принципѣ не-

обходимость такой связи и, заключившись самоотверженно въ свой „редакціонный столпъ“, сдѣлавшись своего рода схимниками не отъ міра сего, воображаютъ, что блюдутъ свято „чистоту“ своихъ идеаловъ. Старая теорія! Нѣтъ, господа, вы попробуйте-ка „на міру спасаться“, попробуйте въ житейскихъ соблазнахъ отстаивать ваши принципы, установите тѣсную связь между собою и обществомъ, — и тогда ждите, что за вами пойдетъ толпа людей, считающая васъ представителями своихъ кровныхъ интересовъ. А куда займитесь единымъ, общимъ для васъ интересомъ — возвысить моральный авторитетъ прессы, а не топтать его въ грязь взаимнымъ ошельмованіемъ, надоедливыми перебранками безъ всякаго признака серьезныхъ взглядовъ и симпатій... Вѣдь, говоря откровенно, въ нашей литературѣ, въ предѣлахъ нашего публичнаго слова, возможны только два направленія, имѣющія свой смыслъ и свою историческую будущность: одно — въ защиту дальнѣйшаго общественнаго развитія, на основѣ произведенныхъ уже реформъ, и другое — въ поддержку старыхъ порядковъ, надломленныхъ этими реформами. Этихъ двухъ направленій вы и держитесь, господа, не подѣшывая къ нимъ никакихъ личныхъ счетовъ, не придираясь другъ къ другу изъ-за того, что одинъ пишетъ въ „Дѣль“, а другой въ „Отечественныхъ Запискахъ“, не подражаясь, напр., въ газетныхъ рецензіяхъ хвалить безъ устали все, что появляется въ пріятельскомъ журналѣ, и относиться съ безцеремонною руганью ко всему, что увидѣло свѣтъ не изъ этого окошка... Но говоря все это, мы глубоко и горько сознаемъ, что говоримъ только для очистки совѣсти, пожалуй, для будущаго, но отнюдь не для настоящаго, безнадежно испорченнаго нашими литературными *гомункулами*, сострапанными, по извѣстному шаблону, въ алхимическихъ ретортахъ редакціонныхъ кружковъ. Подобно слѣпымъ лошадямъ на круподеркѣ, журнальные человѣчки будутъ, по-прежнему, перебирать ногами на одномъ мѣстѣ, полагая со-слѣпу, что двигаются впередъ... Замѣчательно, что въ концѣ пятидесятихъ и въ началѣ шестидесятихъ годовъ, при всеобщемъ возрожденіи русскаго общества, лучшія умственные силы пришли въ литературу со стороны, изъ разныхъ провинціальныхъ угловъ, изъ дворянскихъ усадебъ и канцелярій, изъ молодежи высшихъ учебныхъ заведеній, а вовсе не изъ ремесленнаго журнальнаго цеха, разучившагося понимать живые запросы времени...

Нашу обычную неумѣлость въ организаціи какого-бы то ни было практическаго дѣла, нашу кружковую исключительность и самолюбивую посредственность перенесли мы цѣликомъ и въ общество литературнаго фонда. Читатели знаютъ, конечно, что это общество основано, по инициативѣ покойнаго А. В. Дружинина. лѣтъ пятнадцать тому назадъ, и основано на принципѣ, единственно возможномъ въ то время, т. е. на принципѣ благотворительности. Шли года, недостаточность этого принципа обнаруживалась все болѣе и болѣе; слышались громкіе голоса, требовавшіе реорганизаціи общества на началахъ самопомощи и ссуды, основанной на довѣрїи къ умственному труду; но всѣ эти голоса до сихъ поръ вошють въ пустыню, хотя во многихъ чиновничьихъ канцеляріяхъ и частныхъ обществахъ устроились уже; тѣмъ временемъ, и ссудо-сберегательныя товарищества и эмеритуры, гораздо лучше обезпечивающія своихъ участниковъ въ случаѣ нужды. Литературный же фондъ остается, по-прежнему, богадѣльной, откуда выдаются подачки нуждающимся писателямъ... по мѣрѣ протекціи, которую пользуются они у членовъ „комитета“ этого почтеннаго общества. Что протекція играетъ тутъ немаловажную роль, что отъ нея зависитъ и размѣръ выдаваемаго пособія, и совершенный отказъ въ немъ, это можно доказать многими убѣдительными примѣрами. Не отступая далеко, въ глубь сѣдой древности, укажемъ на недавній случай. Одинъ переводчикъ, толкавшійся на своемъ вѣку по разнымъ житейскимъ дорогамъ и имѣющій весьма сомнительную литературную репутацію, получилъ изъ фонда значительное пособіе для улучшенія своего довольно цвѣтущаго здоровья на заграничныхъ водахъ; а въ то-же время другой писатель, потрудившійся въ литературѣ никакъ не менѣе перваго, но доведенный до смертельной болѣзни и нищеты, вынуждавшей его питаться въ народной кухмистерской, получилъ нѣсколько больше того, что надо-бы истратить на гробъ и саванъ... Правда, что тотъ-же писатель взялъ изъ литературнаго фонда большую ссуду на срокъ; но, по минованіи срока, вся невозвращенная имъ сумма была *взыскана* комитетомъ съ пяти злосчастныхъ поручителей (какъ слышно, не безъ посредства письменныхъ угрозъ), — и благотворителями, значить, явились эти послѣдніе, а вовсе не литературный фондъ, возмѣстившій ихъ деньгами свою прежнюю выдачу. Впрочемъ, при нынѣшней организаціи комитета, дѣло и не можетъ обходиться

безъ пристрастнаго отношенія къ личностямъ. По уставу общества, который давнымъ-давно требуетъ передѣлокъ и измѣненій, каждый годъ выходятъ изъ комитета, по жребію, нѣсколько членовъ, и самъ-же комитетъ *рекомендуетъ* при этомъ лицъ, пригодныхъ по его мнѣнію, для замѣщенія открывающихся вакансій, самъ-же изготовляетъ балотировальныя списки. Что-же выходитъ вслѣдствіе этого? А выходитъ то, что, при крайней обособленности нашихъ журнальныхъ кружковъ, лица, разъ попавшія въ составъ комитета, тянуть туда только своихъ кумовьевъ и сватьевъ, систематически отвергая литераторовъ чужого прихода. Просмотрите списки членовъ комитета за все пятнадцатилѣтіе общества, и вы увидите, что это сухая правда. Краевскій и Некрасовъ, Стасюлевичъ и Коршъ; два-три профессора университета, два-три адвоката, прикосновенныхъ къ той или другой редакціи, забравшей власть въ комитетъ; наконецъ, личности, неимѣющія ничего общаго съ литературою, но, вѣроятно, принадлежащія къ кумовьямъ и сватьямъ,—вотъ вамъ и весь персоналъ, пригодный для завѣдыванія дѣлами литературнаго общества. Кто-то изъ англійскихъ романистовъ шутилъ, что въ его отечествѣ на министерскихъ скамьяхъ сидятъ поочередно, смѣняя одинъ другого, лордъ Дудль и лордъ Нудль, и что въ этомъ передвиженіи состоитъ вся парламентская механика; но во сколько разъ больше и лучше эта шутка приимѣняется къ передвиженіямъ, происходящимъ въ комитетъ литературнаго фонда! Тамъ, дѣйствительно, сегодня лордъ Дудль, а завтра лордъ Нудль,—и никому, кромѣ ихъ, нѣтъ надежды проникнуть въ это святилище. И вотъ, на практикѣ, щедрыя пособія раздаются изъ общественныхъ суммъ то тѣмъ, то другимъ журнальнымъ кружкомъ, а люди, стоящіе внѣ этихъ кружковъ, должны Бога молить, если ихъ, въ случаѣ смертельной болѣзни, уложатъ въ клинику, по рекомендаціи члена комитета:

Вамъ скучно, сэръ? Извольте прогуляться
 Въ Карлсбадъ, Виши, Палермо или Миланъ;
 А вы больны—вамъ нужно отправляться
 Въ больничный, за мостомъ, чуланъ!

Намъ скажутъ, что есть въ уставѣ правило, по которому разрѣшается и обществу предлагать своихъ кандидатовъ въ комитетъ; что избирается ежегодно ревизіонная комисія, повѣряющая и критикующая дѣйствія комитета. Но намъ скажутъ это напрасно.

Фиктивное право, предоставленное обществу, кажется, никогда еще не ограничивало дѣйствительныя права комитета; а что касается ревизионной комисіи, то въ этой комисіи опять-таки засѣдаютъ наши старые знакомые—лордъ Дудль и лордъ Нудль. Обыкновенно ревизионная комисія сдѣлаетъ одно или два замѣчанія, преимущественно финансоваго характера (въ ней фигурируютъ непременно финансисты и контролеры!); на эти замѣчанія комитетъ отвѣтитъ съ большимъ достоинствомъ и тоже не давая маху по части исчисленія денежнаго прихода... ну, а за тѣмъ слѣдуетъ обмѣнъ взаимныхъ любезностей въ такомъ, приблизительно, родѣ:

„Вы—образцовый комитетъ!

Скажу я прямо и нельстиво!“

„А вамъ, комисія, привѣтъ

За вашъ отчетъ медоточивый!“

Если-же ревизионная комисія вздумаетъ, паче чаянія, затронуть когда-нибудь вопросы по существу исчисленія купоновъ по процентнымъ бумагамъ, то у комитета есть хорошее оружіе въ рукахъ для отпариванія всѣхъ направленныхъ на него ударовъ. Предсѣдатель комитета есть, въ то-же время, и предсѣдатель годового общаго собранія, на которомъ обсуждаются замѣчанія ревизионной комисіи; онъ руководитъ преніями общества; онъ ставитъ вопросы, — слѣдовательно, ему очень удобно направить пренія и сформулировать вопросы такъ, чтобы, по-возможности, и волки были сыты, и овцы цѣлы. Въ послѣднемъ годовомъ собраніи литературнаго фонда одинъ изъ членовъ общества мягко замѣтилъ, что въ этомъ засѣданіи слѣдовало-бы выбрать особаго предсѣдателя, который-бы стоялъ совершенно независимо и отъ комитета, и отъ комисіи; но ему такъ торжественно ткнули пальцемъ въ какой-то параграфъ устава, что онъ, бѣдный, даже нѣсколько сконфузился и замолчалъ...

Въ калейдоскопъ нашъ просится эффектная картинка изъ семейныхъ нравовъ той финансовой аристократіи, которая старается прибрать къ рукамъ и нашу молодую прессу... чтобы распорядиться въ ней на такомъ-же деспотическомъ правѣ, какъ въ своихъ собственныхъ семействахъ. Дѣйствіе происходитъ въ окруж-

номъ судѣ; на скамьѣ подсудимыхъ возсѣдаетъ банкиръ Кроненбергъ; на столѣ вещественныхъ доказательствъ возлежать пучки розогъ,—которые экспертъ, докторъ Флоринскій, называлъ шпицрутенами,—и смоченные кровью платки и рубашка 7-лѣтней дѣвочки. Обвинительный актъ гласитъ, что лѣтомъ прошлаго года г. Кроненбергъ, проживая въ Лѣсномъ на дачѣ съ своею любовницею и узаконенною дочерью Марією, такъ неистово сѣкъ бѣдную дѣвочку,—прижатую отъ женщины, которая покинула г. Кроненберга,—что къ ней почувствовали состраданіе и прислуга банкира, и даже сама новая его любовница. „Однажды вечеромъ, въ іюль мѣсяцѣ, Кроненбергъ (приводимъ подлинный текстъ обвиненія) сталъ сѣчь дѣвочку, и на этотъ разъ сѣкъ ее такъ долго и она такъ страшно кричала, что свидѣтельница, крестьянка Бибина, *иступалась* (крестьянка, выдавшая виды!) и, опасаясь, что дѣвочку засѣкутъ, *вскочила съ постели, какъ была въ рубашкѣ* (значитъ, жалость взяла!), подбѣжала къ окну Кроненберга и закричала, чтобъ ребенка перестали сѣчь, а не то она пошлетъ за полиціей; тогда сѣченіе и крики прекратились. Дня три послѣ этого все было тихо, но послѣ нѣкотораго промежутка времени Кроненбергъ *три дня подъ-рядъ (!!!) такъ истязалъ дѣвочку, что свидѣтельница рѣшилась обо всемъ заявить полиціи*“. Произведено было освидѣтельствованіе, и докторъ Лансбергъ нашелъ, что онъ „не можетъ смотрѣть на такое наказаніе, какъ на домашнюю исправительную мѣру, и что если-бъ такое наказаніе продолжалось, то оно отозвалось-бы весьма вредно на здоровьѣ ребенка“. По тѣмъ слѣдамъ, которые остались на тѣлѣ малютки, можно было заключить, по мнѣнію г. Лансберга, что ребенокъ, во время наказанія, ворочался съ одной стороны на другую и что *наказующій не обращалъ на это вниманія и близъ идя попало*“. На судебномъ слѣдствіи и перекрестномъ допросѣ всѣ эти факты подтвердились, и г. Кроненбергъ даже самъ сознался, что, наказывая дѣвочку, онъ не *помнилъ себя* отъ гнѣва, и что, кромѣ розогъ, онъ „исправлялъ“ ее полновѣсными пощечинами, отъ которыхъ у ребенка оставались шрамы и синяки на лицѣ. Ужасъ, ужасъ и ужасъ—вотъ что выносила публика и изъ обвинительнаго акта, и изъ показаній сторонъ. Отецъ, окончившій курсъ варшавской главной школѣ (стало быть, человекъ образованный) и все-таки дерущій свою дочь до полусмерти, до того, что вся

прислуга, наконецъ, возмущается и унимаетъ его жестокость заявленіемъ въ полицейскій участокъ, — какое-жъ другое впечатлѣніе можно было вынести изъ слушанія всѣхъ этихъ отвратительныхъ подробностей? Въ оправданіе свое г. Кроненбергъ придумалъ только сказать, что его дочь — всровка, ибо краля черносливъ изъ комода, и что она занималась онанизмомъ (а розги-то, именно, и возбуждаютъ въ дѣтяхъ наклонность къ этой болѣзни.)

Но если г. Кроненбергъ оказался слабъ въ своей самозащитѣ, то за то г. Спасовичъ принялся такъ усердно „объяснять“ его, что намъ стыдно стало за этого нѣкогда популярнаго профессора, читавшаго лекціи о деморализаціи тѣлеснаго наказанія, стыдно и за нашу адвокатуру, представители которой, кажется, уже ничѣмъ не могли-бы удивить насъ. Съ невыразимымъ цинизмомъ г. Спасовичъ началъ доказывать, что дранье дѣтей составляетъ одну изъ священнѣйшихъ прерогативъ отцовской власти, на которую отнюдь не должно посягать „Судебное вмѣшательство“, что наказаніе шпицрутенами „хорошо подѣйствовало на ребенка“ (!), что пощечины одобряются „весьма уважаемыми педагогами“, что кровавые слѣды на бѣльѣ происходили не отъ розогъ и пощечинъ, а отъ „бутончиковъ“, скрывающихся въ носу у Машеньки, что дѣвочка „кричать гораздо“, и что кража чернослива есть такое серьезное преступленіе, противъ котораго позволительны самыя свирѣпыя мѣры. „Я полагаю, говорилъ эксъ-профессоръ съ глубокомысліемъ гоголевскаго Кифы Мокіевича, — что отъ чернослива до сахара, отъ сахара до денегъ, отъ денегъ до банковыхъ билетовъ *путь прямой, открытая дорога*“ (!). Еще-бы! Ужъ если легко превратиться изъ противника розогъ на университетской кафедрѣ въ ихъ защитника на судейской, то какіе-же переходы и превращенія невозможны у насъ? Черносливъ и банковые билеты, — кто станетъ отрицать солидарность этихъ двухъ предметовъ! Банковые билеты (конечно, не московскаго ссуднаго банка) составляютъ, какъ извѣстно, счастье современнаго буржуа; а о черносливѣ тоже давно сказано: „если хочешь быть счастливъ, кушай, кушай черносливъ“. Какъ жаль, однако, что апраксинскій купецъ Павелъ Калистратовъ, присужденный недавно къ штрафу мировымъ судьей за истязаніе своего сына, не догадался посоветоваться съ г. Спасовичемъ. Вѣдь кровь, обогрившая все лицо у изувѣченнаго сынишки Калистратова, тоже,

надо полагать, происходила отъ бутончиковъ въ носу... Впрочемъ, прекрасные умы сходятся въ своихъ мысляхъ, и Павелъ Калистратовъ, совершенно въ pendant къ рѣчи Владимира Спасовича, провѣщаль на судѣ, что безъ побоевъ невозможно научить парня уму-разуму, и что „ежели, молъ, теперича сына да не побить, то кого-же и бить послѣ этого“. Не правда-ли, г. Спасовичъ, что это совпаденіе должно быть для васъ особенно лестно, на вашей „открытой дорогѣ...“ къ полному нравственному самооплеванію?

Вы позабыли всѣ идеи.
 Что прежде съ кафедры вѣщали,
 И съ кличкой „прелюбодѣя“
 Къ союзу страшному пристали.

Вы не стыдитесь вслухъ повѣдать,
 Что людямъ въ пользу истязанье...
 (Хотя шпигрутеповъ отвѣдать
 Едва-ли есть у васъ желанье!)

Младенцевъ лютое мученье
 Вы называете „любовью“,
 Васъ не страшитъ, какъ привидѣнье,
 Рубашка, смоченная кровью.

Вы грубо тщитесь боль и раны
 Замазывать елейнымъ слогомъ,
 И называете тирана—
 „Плохимъ лишь только педагогомъ“.

Но, вѣрите, есть и мзда на свѣтъ!
 Презрѣньемъ бросать въ васъ навѣрно
 И подрастающія дѣти,
 И юность, чистая отъ скверны!

Очевидцы рассказывали намъ, что на студенческомъ обѣдѣ 8 февраля, въ честь основанія здѣшняго университета, профессоръ гражданского права Пахманъ предложилъ тостъ за здоровье г. Спасовича; но этотъ тостъ былъ встрѣченъ святошъ и крикомъ: „почему не выпить, послѣ этого, и за здоровье Кроненберга?“ Г. Спасовичъ, говорятъ, немедленно стушевался изъ залы — и умно сдѣлалъ...

Должно быть, рука Немезиды уже простерлась надъ адвокатомъ, такъ неразборчивымъ въ средствахъ защиты!

Отличилась (или отличился?) въ этомъ процесѣ и докторъ Суслова... Противорѣчивыя и уклончивыя показанія, данныя г-жею Сусловою на судѣ, въ качествѣ эксперта, свидѣтельствовали ясно, что на свой докторскій дипломъ она стала смотрѣть, какъ на доходную оброчную статью, которая обязываетъ ее, однако, къ извѣстной угодливости передъ богатыми и вліятельными плательщиками... Подвигайтесь, г-жа Суслова, въ этомъ направленіи, и мы ручаемся, что вы дойдете до степеней высокихъ...

Впрочемъ, лъсть и угодливость всѣхъ сортовъ приводятъ иногда къ печальнымъ результатамъ, — и лица, посвятившія себя этой профессіи, должны держать въ памяти поэтическое предостереженіе Пушкина:

Лъстецы, лъстецы! умѣйте сохранять
И въ самой подлости отѣнокъ благородства.

Вотъ, напр., все тотъ-же Заурядный Читатель, который въ № 56 „Биржев. Вѣдомостей“ самъ обнаружилъ свой псевдонимъ и наименовалъ себя г. Скабичевскимъ... На что ужъ усердствовалъ онъ передъ „Отечеств. Записк.“ и ругалъ „Дѣло“, на что ужъ воскурялъ фиміамъ гг. Некрасову и Салтыкову, на что ужъ лебезилъ передъ г. Темкинымъ, произведя его, послѣ *перваго* фельетона, чуть-чуть не въ великіе мудрецы. Промолчи только г. Темкинъ, и можно было-бы предсказать навѣрное, что вслѣдъ за вторымъ его фельетономъ г. Скабичевскій, въ хвалебномъ азартѣ, затруднился-бы даже съ кѣмъ и сравнить этого писателя. Но есть граница, за которой угодливость возбуждаетъ отвращеніе и компрометируетъ людей, безропотно принимающихъ ее. (Какъ счастливы мы, что удостоились уже не похвалы, а брани „Биржев. Вѣдомостей“!) И вотъ г. Скабичевскій, вмѣсто великихъ и щедрыхъ милостей, получаетъ неожиданный репримандъ, во 2-мъ № „Отечеств. Записокъ“, отъ той самой руки, которую онъ почти-тельно обლობызалъ... Урокъ хорошій и вполне заслуженный!

Увы, ругатель безобидный,
Ни въ чемъ тебѣ удачи нѣтъ:
И отъ хвалы твоей постыдной
Бѣгутъ хвалимые въ отвѣтъ.

Бѣгутъ... и тщетныя обѣянья
Ты плешь на воздухъ... льстивыхъ словъ
Твоихъ не слушаютъ и „братья“,
И внятно шепчуть: *пустословъ!*

Н. Мизантропъ.

ХРОНИКА КНИГОПРОДАВЧЕСКИХЪ ДОБЛЕСТЕЙ.

Подъ этимъ названіемъ мы намѣрены открыть особенный отдѣлъ, специально предназначенный для прославленія болѣе выдающихся подвиговъ нашей книжной лавочки. Читатель, конечно, не найдетъ тутъ ничего громкаго, эффектнаго и побѣдоноснаго, въ родѣ завоеванія Хивы или Кокана, онъ не умилится и не заплачетъ отъ избытка патріотическихкихъ чувствъ и великихъ дѣлъ, но, во-первыхъ, мы и не претендуемъ на вниманіе потомства или на благодарность современниковъ; — нѣтъ, мы не смѣемъ и думать объ этомъ; во-вторыхъ, мы знаемъ, что наше время требуетъ другихъ подвиговъ и другихъ пѣсней; мы очень хорошо знаемъ, куда направлены всѣ его помыслы и стремленія. — *Выигралъ* или *проигралъ*? пристааетъ кліентъ къ своему адвокату при выходѣ изъ суда. — *Выигралъ* или *проигралъ*? вопрошаетъ обдерганный и запыхавшійся «заяцъ» своего кума, бѣгущаго во всѣ лопатки съ биржи. — *Выигралъ* или *проигралъ*? слышится на каждомъ шагу, отъ мала и до велика, въ тѣ вождѣлѣнные дни, когда лотерейная урна выбрасываетъ выигрышные билеты въ 200 и 75 тысячъ. И сколько эта проклятая урна разбиваетъ надежды и ожиданій; сколько огорченій и отчаянія вноситъ она въ мирное существованіе холодныхъ чердаковъ и подвальныхъ помѣщеній! «Только и жила тѣмъ шесть мѣсяцевъ, говоритъ одна вдова, заручившаяся выигрышнымъ билетомъ, — что надѣялась выиграть, и ничего не выиграла!» Повидимому, какъ это прозаично, а между тѣмъ спросите любого изъ нашихъ поэтовъ, хоть г. Плещеева, сколько драматическихкихъ бурь, сколько гражданскихъ слезъ таятся въ этомъ словѣ: «и ничего не выиграла!» Поэтому когда все сводится къ одному сакраментальному вопросу: «выигралъ или проигралъ?», обадающему всѣхъ то хо-

лодомъ, то жаромъ, тогда надо воспѣвать не громкіе и побѣдоносные подвиги, а мелкіе и чисто-карманные. Если они и не такого идеальнаго свойства, чтобы возвелчить насъ въ глазахъ потомства, то утилитарное ихъ значеніе—несомнѣнно. Выведенные на чистую воду и освѣщенные извѣстнымъ колоритомъ, они дѣлаются не безъинтересными по своей карманной изобрѣтательности, часто достигающей рѣшительной гениальности, и во всякомъ случаѣ очень поучительными. Да, мы глубоко убѣждены, что они очень поучительны, и въ этомъ ихъ главное достоинство; мы увѣрены, что явись наша скромная хроника двумя годами раньше, посвяти она свою лиру въ прошломъ году подвигамъ книгопродавца Базунова, сколько-бы кармановъ она предостерегла отъ крушенія, сколько-бы добра она сдѣлала самому Базунову и его племяннику, г. присяжному повѣренному Ходоровскому! Первому не было-бы никакой надобности на чужой счетъ путешествовать, въ зимнее время, за-границей, оставляя публику и безъ денегъ, и безъ журналовъ, а второму не пришлось-бы расщипать свою совѣсть въ совѣтѣ присяжныхъ... Въ то-же время многому множеству подписчиковъ не пришлось-бы сидѣть безъ журналовъ, а журналамъ — безъ подписчиковъ.

Но какъ большія звѣзды имѣютъ своихъ спутниковъ, такъ большіе пакостники — своихъ подражателей. Большой Базуновъ (слово *большой* надо понимать въ современномъ смыслѣ, въ смыслѣ большаго сорваннаго куща) одинъ и единственный въ своемъ родѣ, но есть много маленькихъ, которые современемъ могутъ сдѣлаться тоже большими и, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, даже великими. Имъ-то, этимъ маленькимъ Базуновымъ, мы и отводимъ мѣсто въ настоящей хроникѣ. Начнемъ прямо съ фактовъ.

Письмо № 1. М. г. Прошу васъ дать гласность слѣдующему случаю. Журналъ вашъ я выписываю постоянно семь лѣтъ и на сей 1876 годъ тоже выписалъ, но имѣлъ неосторожность обратиться въ Москву, въ редакцію «Ремесленной Газеты», въ особое при ней отдѣленіе, открытое для подписчиковъ на всѣ журналы и газеты. Деньги редакторомъ получены, доказательствомъ чего служитъ высылка «Ремесленной Газеты», а другихъ журналовъ, на которые я подписался черезъ него, а именно «Дѣла», «Отечествен. Записокъ» и «Моднаго Свѣта», я не получаю. Вѣроятно, по всей Россіи не я первый, не я послѣдній имѣлъ неосторожность выслать деньги г. Желтову, такъ безцеремонно поступившему съ чужой собственностью. Мнѣ, живущему въ Аткарскѣ, саратовской губ., въ селѣ Шарокомѣ

Уступѣ, неудобно начать дѣло съ конторой редакціи «Ремесленной Газеты», но какъ отъ ея обмана страдаютъ и упомянутыя конторы журналовъ, то не найдете-ли вы возможнымъ истребовать деньги отъ этого Желтова; если угодно, я вышлю почтовую квитанцію». 26 февр. 1876 г. Коллежскій совѣтникъ Доливо-Добровольскій.

Это письмо приподнимаетъ только краешекъ той завѣсы, за которой спекуляція играетъ свою азартную мелкую игру. Человѣкъ, выступающій на сцену общественной дѣятельности, желающій поучать другихъ, самъ, какъ видно, не знаетъ элементарныхъ правилъ порядочнаго общежитія. Онъ захватываетъ чужія деньги и не считаетъ нужнымъ даже отвѣчать на письма того, у кого онъ ихъ захватилъ, кого онъ оставилъ и безъ денегъ, и безъ журналовъ; онъ высылаетъ свой журналъ и удерживаетъ подписныя деньги на другіе, т. е. онъ издаетъ и распространяетъ свой органъ на счетъ другихъ. Онъ публикуетъ объ открытіи особаго отдѣленія для подписки на всѣ журналы и газеты, ему посылаются деньги, дѣлаются порученія, и онъ денегъ не платитъ, порученій не исполняетъ. И сидитъ-себѣ спокойно гдѣ-нибудь на Сивцовомъ Вражѣ, и отмалчивается, —точно такъ же спокойно, какъ Базуновъ прогуливается за-границей. Какъ все это просто у насъ дѣлается! Взялъ да и открылъ особое отдѣленіе для подписки на журналы и газеты, если угодно, даже особую экспедицію, такъ-какъ это слово еще звучнѣе и заманчивѣе дѣйствуетъ на провинціальное ухо. И вотъ, съ одной стороны, готова экспедиція, а съ другой — сколько угодно *имѣющихъ неосторожность* высылать деньги и попадаться на удочку этой экспедиціи. Но такъ-какъ между Москвой и Широкиимъ Уступомъ лежитъ презрѣдное разстояніе, то что-же остается дѣлать обманутому провинціалу? Требовать деньги судомъ? Но для этого нужно отправляться въ городъ для написанія формальной довѣренности, затѣмъ найти какого-нибудь адвоката, т. е. истратитъ въ десять разъ больше, чѣмъ сколько можно получить. Притомъ у такихъ мудрыхъ Соломоновъ, какіе засѣдаютъ въ нашихъ мировыхъ судахъ, какъ-разъ можно придти къ совершенно-противоположному результату; а это случается сплошь и рядомъ. Но если-бы даже и удалось получить обратно деньги, то какую-же цѣну будетъ имѣть газета или журналъ, высланные черезъ пять или шесть мѣсяцевъ? Ясно, что судебная процедура въ гражданскомъ порядкѣ тутъ непримѣнима. Поставить-же вопросъ на уголовную почву и преслѣдовать виновнаго въ захватѣ чужой собственности—что совершенно правильно—еще болѣе сложная и длинная исторія. Такимъ образомъ

волей-неволей подписчикъ принужденъ махнуть рукой и отступить отъ денегъ, что обыкновенно и дѣлается въ большинствѣ случаевъ. А вѣдь наглой спекуляція только это и нужно; она только на то и рассчитывается, чтобы безнаказанно удить рыбу въ мутной водѣ. Если дѣло сходитъ съ рукъ благополучно у одного, то за нимъ является цѣлый легионъ новыхъ охотниковъ. Одинъ откроетъ *особое отдѣленіе*, другой—экспедицію, третій журнальное бюро, четвертому, пожалуй, придетъ счастливая мысль объявить объ основаніи какого-нибудь новаго департамента народнаго просвѣщенія, и подъ всеми этими фирмами будутъ получаться деньги отъ нашей не особенно проникательной провинціальной публики; одинъ будетъ эксплуатировать ее въ пользу своего изданія, другой будетъ на ея счетъ уплачивать свои долги, третій—путешествовать за-границей, четвертый играть въ карты и т. д. Очевидно, что противъ такихъ доблестей должны-же, наконецъ, быть приняты какія-нибудь мѣры. Если судъ оказывается безсильнымъ противъ нихъ, то пусть полиція, охраняющая наши кошельки отъ карманныхъ уличныхъ ворешекъ, не закрываетъ своего недреманнаго ока и на такого рода продѣлки, тѣмъ болѣе, что онѣ стали совершаться въ довольно грандіозныхъ размѣрахъ...

Что-же касается нашего отвѣта г. Доливо-Добровольскому, то контора «Дѣла», сколько намъ извѣстно, извѣстила его уже давно, что она попытается убѣдить г. Желтова не издавать «Ремесленной Газеты» на счетъ чужихъ, вовсе ему не принадлежащихъ, денегъ, и отдать ихъ по назначенію, хотя, признаться, мы не ожидаемъ отъ нашей попытки никакого успѣха; потому что одновременно съ г. Добровольскимъ намъ пишетъ изъ Вольска сарат. губ. почти такое-же письмо В. М. Пл—новъ; слѣдовательно, г. Добровольскій совершенно вѣрно замѣчаетъ, что онъ не первый и не послѣдній... Но мы посоветовали-бы г. Добровольскому, по крайней мѣрѣ, относиться къ «Ремесл. Газетѣ» съ наибольшей критической строгостью, ибо какому-же такому ремеслу можетъ научить редакція, неумѣющая отличать своихъ денегъ отъ чужихъ?

Письмо № 2. Одесскій коммерческій банкъ пишетъ въ контору «Дѣла», *отъ 3 марта*, слѣдующій *billet-doux*: «По нашему порученію гг. Бортневскій и К^о выписали на имя банка экземпляръ вашего журнала за 1876 годъ. Не получивъ и по сіе время ни одной книжки, мы позволяемъ себѣ обратиться къ вамъ *съ заявленіемъ нашею неудовольствія*, присовокупляя, для вашего свѣденія, что гг. Борт-

невскій и К^о писали вамъ въ первый разъ 31 января и потомъ, по нашей просьбѣ, послали запросъ около 20 февраля».

Такимъ образомъ, одесскій комерческій банкъ выражаетъ свое неудовольствіе редакціи «Дѣла» за ея неакуратность, и мы вполне признаемъ законность его неудовольствія. Въ самомъ дѣлѣ, подписавшись на журналъ въ концѣ декабря у гг. Бортневскихъ и К^о и рассчитывая получить его своевременно, банкъ, однакожь, не получаетъ ни одной книжки въ то время, когда другіе давно уже получили первыя двѣ. Что-же это такое за произволъ и неурядицы? думаетъ комерческій банкъ, и обращается къ Бортневскимъ и К^о за объясненіемъ. Тѣ, разумѣется, разыщутся передъ нимъ мелкимъ бѣсомъ и увѣряютъ его, что они давно послали подписныя деньги въ контору редакціи и удивляются ея небрежности; этого мало, они два раза уже писали, требуя высылки журнала, и все-таки журналъ не высылается. «Вотъ-де какіе порядки тамъ, въ этой безсовѣстной конторѣ «Дѣла»!» А между тѣмъ выходитъ совѣтъ не то; безсовѣстно поступаетъ не контора «Дѣла», а книжный магазинъ Бортневскихъ, который и не думалъ подписываться на журналъ «Дѣло» въ то время, когда онъ клеветалъ на нашу контору. Спрашивается, къ чему-же вся эта ложь, эта отвратительная хлестаковщина, которой постыдился-бы не только книжный магазинъ, но и лоскутная лавочка? Бортневскій и К^о и не думали высылать денегъ въ контору «Дѣла» по 12 марта; ни одного письма не писали, да и не имѣли надобности писать ихъ, такъ-какъ подписка комерческаго банка находилась въ ихъ рукахъ. А между тѣмъ посмотрите, съ какой развязностію набрасывается неблаговидная тѣнь на редакцію, какъ беззащитно вретъ магазинъ, сваливая свое неряшество на другого. «Пусть-де тамъ разбираютъ, разъясняютъ, уличаютъ, а мы придержимъ ихъ деньги мѣсяца два-три лишнихъ, оплатимъ ими свои долги, а потомъ, когда посылать не нажмутъ, пожалуй, и вышлемъ». Каковъ-же долженъ быть уровень нашей комерческой совѣсти, если подобныя выходки практикуются сплошь и рядомъ не только какими-нибудь Бортневскими, но и лучшими книгопродавческими фирмами? И почему-же не пришла мысль довѣренному комерческаго банка спросить у Бортневскихъ фактическихъ доказательствъ того, что они дѣйствительно послали деньги въ контору журнала своевременно? А убѣдиться въ этомъ было такъ легко, потребовавъ отъ гг. Хлестаковыхъ почтовую квитанцію. Кстати, мы не считаемъ лишнимъ предупредить гг. Бортневскихъ, что всякій разъ, какъ они *облажно*

будут показывать на контору «Дѣла», мы съ удовольствіемъ занесемъ ихъ доблестныя имена въ нашу хронику.

Письмо № 3. Изъ Полтавы пишутъ въ контору «Дѣла», отъ 8 марта, такъ: «...Рѣшительно невозможно выписывать изъ Петербурга книгъ и журналовъ; потлешь деньги и онѣ точно въ омутъ кануть; два или три мѣсяца, а иногда и цѣлые полгода ждешь журнала, на который подписываешься ужъ вовсе не за тѣмъ, чтобы читать его задними числами; бываетъ и такъ, что пождешь, пождешь, да и плюнешь. Въ нынѣшнемъ году я выслалъ подписныя деньги на вашъ журналъ Баунову, но ни журнала, ни отвѣта отъ него на вѣсколько моихъ писемъ не получаю. Что-же это такое?» и т. д. Вашъ постоянный подписчикъ Н. М...овъ.

И въ самомъ дѣлѣ, что-же это такое? Что-же это такое, гг. Бауновы и Черкесовы? И какъ тутъ утерпѣть, чтобы не плюнуть? Что это такое — наглое надувательство или косвенное желаніе подорвать во мнѣніи провинціальной публики послѣднее довѣріе къ журналистикѣ? Что-же это такое, какъ не систематическая эксплуатація публики, раскинутая по всѣмъ угламъ Россіи, тѣмъ болѣе удобная, что преслѣдовать ее судомъ очень трудно? А между тѣмъ она увеличивается изъ году въ годъ, она обращается въ особаго рода налогъ на провинціальную публику; она практикуется среди такого общества, къ которому только-что начинаетъ прививаться потребность чтенія и у котораго вмѣсто картъ стали-было появляться на столѣ книги и журналы.

Но что-же дѣлать? спросить читатель;—укажите намъ выходъ изъ этого положенія.—На этотъ чисто-практическій вопросъ мы надѣемся отвѣтить впоследствии, а теперь общаемъ только не оставлять вниманіемъ нашей хроники ни одного факта, ни одной доблести книгопродавческой лавочки. Кромѣ того рекомендуемъ каждому изъ нашихъ подписчиковъ обращаться въ контору редакціи журнала «Дѣло» за совѣтомъ и указаніемъ, въ которомъ мы никогда не отказывали и не откажемъ.

Опечатка. Во 2-й кн. „Дѣла“, въ ст. „Книгопродавцы въ бѣгахъ“, на 292 стр. напечатано: „и ужъ, конечно, въ его интересахъ задерживать высылку журнала или газеты“. Надо читать: „и ужъ, конечно, не въ его интересахъ задерживать“ и т. д.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

продаются слѣдующія изданія редакціи журнала „Дѣло“.

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Чарльса Дарвина. Перев. съ англ. подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна тремъ выпускамъ 5 р. сер.; съ перес. 5 р. 60 к.

Комедія всемірной исторіи. Іог. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмец. Два выпуска. Цѣна обимъ выпускамъ 3 р.; съ пересылкой 3 р. 50 коп.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Карла Реклама. Перев. съ нѣмецк. Изданіе третье. Съ приложеніемъ „Дѣтской Гигиены“ д-ра М. С. Зеленскаго и вступительной ст. В. О. Португалова: „Безпрядѣльность Гигиены“. Съ рисунками. Ц. 2 руб.; съ пересылкой 2 р. 50 к.

О подчиненіи женщины. Дж. Ст. Милля. Переводъ съ англійскаго подъ редакцію и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Іог. Шерра: „Историческіе женскіе типы“. Изданіе второе. Цѣна 1 р.; съ перес. 1 р. 25 к.

Русскія историческія женщины. (Женщины до-петровской Руси). Д. Л. Мордовцева. Ц. 2 р. 75 коп.; съ перес. 3 р. 25 коп. (Осталось небольшое число экземпляровъ).

Вопросы общественной гигиены. В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и разсказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна тремъ выпускамъ 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. В. М. Флоринскаго. Цѣна 50 коп.; съ перес. 70 к.

Автобіографія Джона Стюарта Милля. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Избранныя рѣчи Джона Брайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра Жюля Сира. Перев. съ французскаго подъ редакціей А. Н. Морягеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Правила и программы для поступленія въ мужскія и женскія учебныя заведенія гражданскаго, военнаго, морскаго и духовнаго вѣдомствъ на 1875—76 учебный годъ. Изданіе восьмое. Цѣна 1 р. 25 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Внѣ общественныхъ интересовъ. Романъ П. Лютнева, изданный безъ предварительной цензуры. Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Американка. Романъ Луизы Алькотъ. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ пересылкой 1 р. 50 к.

Девяносто третій годъ. Романъ В. Гюго, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Ц. 2 р.; съ перес. 2 р. 40 к.

Сочиненія О. М. Толстаго. (Повѣсти и рассказы). Съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Два тома. Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Записки военнаго. Беллетристическіе очерки. Рассказы и картины изъ военнаго быта. Д. Гирса. Ц. 1 р. 60 к.; съ перес. 1 р. 75 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. Ж. Верна. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 коп.; съ перес. 70 к.

Бриллиантовое ожерелье. Романъ Антонн Троллопа. Перев. съ англ. Ц. 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ: Естественнo-научныя очерки, Валласа; Исповѣдь старика. Романъ Пролита Пьетро, перев. съ итальянскаго. Политическіе дѣятели, Эли Реклю.

*На съобщенныя изданія подписчикамъ журнала „ДБЮ“
устанавливается 20% съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ
пересылки).*

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

